А. С. МАКАРЕНКО

Школа жизни, труда, воспитания

Учебная книга по истории, теории и практике воспитания

Часть I

1921-1928 гг.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Нижегородский государственный педагогический университет
Исследовательская лаборатория
«Воспитательная педагогика А. С. Макаренко»

А. С. Макаренко

Школа жизни, труда, воспитания

Учебная книга по истории, теории и практике воспитания

Часть I

Деловые и личные письма, статьи 1921-1928 гг.

Нижний Новгород
2007

УДК

ББК

М

Макаренко А.С.

Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 1. Деловые и личные письма, статьи 1921 - 1928 гг./Сост. А.А.Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. - Новгород: 2007, с.

ISBN

Издание содержит авторские материалы А. С. Макаренко 1921-1928 гг., в хронологической последовательности раскрывающие его творческую деятельность в трудовой колонии им. М. Горького, развитие социально-педагогических взглядов и качеств личности педагога-писателя в этот период. Вступительная статья о базовых понятиях педагогики, обширные комментарии отражают современные макаренковедческие отечественные и зарубежные исследования.

Включает учебно-методический материал, позволяющий с учетом историко-педагогического опыта по-новому ставить и решать современные проблемы воспитания детей и молодежи. Дан именной указатель лиц, причастных к педагогической деятельности А.С. Макаренко в 1921-1928 гг.

Для специалистов в области педагогики, образования и культуры, социальной психологии и социологии, художественной литературы.

УДК

ББК

ISBN

©Нижегородский государственный педагогический университет

© Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю.

Содержание

От составителей ……
Социальная педагогика А. С. Макаренко: базовые понятия, их структура …….
О содержании издания……....
Заведующему отделом снабжения губнаробраза ……..
Письмо Б. Ф. Гороновичу ……
Анкетный лист по исследованию хозяйственно – материального положения и нужд учреждений дефективного детства Харьковской области …….
Объяснительная записка к смете на окончание ремонта II трудовой колонии в Ковалевке возле Полтавы. В главсоцвос ..
Лекция о коллективе и личности в детской колонии, с. Писаревщина (запись слушателя) …….
Список воспитанников ……..
Областному инспектору учреждений дефективного детства …….
Список персонала колонии на 15 сентября 1922г. ……..
Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения, г. Москва …….
Сведения о студенте Центрального института организаторов .народного просвещения …….
Гегель и Фейербах (запись доклада, 11 ноября 1922 г.) ……
Понятие дисциплины в общей системе воспитания ……...
О воспитании …….
Отчетная ведомость Полтавской трудовой колонии для дефективных детей им. М. Горького за ноябрь 1922 г. ……..
Опросный лист Полтавской трудовой колонии им. М. Горького …
Письмо О. Куриловской …….
Письмо М. Н. Котельникову, 30 декабря 1922 г. …….
Письмо М. Н. Котельникову, 31 января 1923 г. ……
Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за январь 1923 г. ……..

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за февраль 1923 г. ……
Колонии им. М. Горького ……..
Анкетный лист А. С. Макаренко ……
Инспектору учреждений дефективного детства Харьковской области …….
Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького ……..……..
Письмо А. П. Сугак, 24 марта 1923 г. ……
Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за март 1923 г. ……
Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за апрель 1923 г. …….....
Тов. зав. губсоцвосом ……
Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за май 1923 г. ……
Доклад о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М.Горького …….
Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за июнь 1923 г. ……..
Тов. заведующему Полтавским губернским отделом народного образования, докладная записка ……..
Областному инспектору дефдетучреждений Харьковской области
Письмо Л. Н. Никифоровой ……..
Надпись на сборнике статей А. К. Гастево …….
Областному инспектору учреждений Харьковской области ……
В упрфинснаб губоно ……..…….
Телеграмма М. Н. Котельникову …….
Требовательная ведомость на уплату жалования служащим Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за ноябрь 1923г. ……
Письмо О. П. Ракович, 29 декабря 1923 г. ……..

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за 1923 год ……
В Главсоцвос, 10 февраля 1924 г. ……..
В отдел материального снабжения НКП ……
Областному инспектору Харьковской области ……..……..
В Главсоцвос. Главному инспектору Охраны детства ……
Главному инспектору Охраны детства Главсоцвоса, 16 июня 1924г. ……
В Центральную комиссию помощи детям УССР ……
Письмо А. П. Сугак, 20 июня 1924 г. ……
В Главсоцвос, ходатайство ……..
В Губернский исполнительный комитет ……
В Главсоцвос, 15 июля 1924 г. ……
В губсоцвос. Копия Главсоцвосу ……
В Инспектору охраны детства НКП ……
В Окрисполком, 18 июля 1924 г. ……
В Главсоцвос НКП, 19 сентября 1924 г. ……
Список персонала Полтавской трудовой колонии им. М. Горького на 1 сентября 1924 г. ……
В Главсоцвос. Личное дело А. С. Макаренко ……
Главном инспектору охраны детства, 19 сентября 1924 г. ……..
Письмо О. П. Ракович, 23сентября 1924 г. ……
В Главсоцвос, кон. сентября – нач. октября 1924 г. ……
Тезисы доклада на Всеукраинском совещании по делам несовершеннолетних …….
В ЦК Всерабпроса. Доклад о состоянии колонии им. М. Горького
В Главсоцвос, 8 января 1925 г. ……
В Главсоцвос. Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних ……...
Председателю Губисполкома ……
Письмо О. П. Ракович, 13 января 1925 г. …….……
Во Всеукраинскую комиссию по делам несовершеннолетних, 18 января 1925 г. ……

Через труд и самоорганизацию - к новой жизни ……
В Главсоцвос, 19 марта 1925 г. ……..……..
О состоянии и деятельности детской трудовой колонии им. М. Горького (протокольная запись доклада) ……
В Главсоцвос, 8 апреля 1925 г. ……..
Во Всеукраинскую комиссию по делам несовершеннолетних, 12 апреля 1925 г. …….……..
Колонистам – рабфаковцам ……..……..…
Удостоверение, выданное Н. Т. Поповиченко …….
Письмо А. М. Горькому, 8 июля 1925 г. …….……..
К вопросу об организации кабинета научной педагогики ……..
Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних, 17 июня 1925 г. ……
Письмо А. М. Горькому, 4 августа 1925 г. …….
В Главсоцвос: проект «крупного воспитательного предприятия»
Всем сотрудникам Главсоцвоса, приглашение ……
Очерк работы Полтавской колонии им. Горького ……
Письмо А. М. Горькому, 8 сентября 1925 г. …….……
В окрисполком, 20 сентября 1925 г. …….…….
Председателю Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних, 21 сентября 1925 г. ……
В финансово-экономическое управление НКП …….
Председателю Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних, 22 октября 1925 г. …….……
Письмо А. М. Горькому, 24 ноября 1925 г. ……
Председателю Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних Р. Л. Берлин, телеграмма ……..
Письмо А. М. Горькому, 10 февраля 1926 г. …….
В Наркомпрос, Берлин Р. Л., телеграмма ……
Письмо В. И. Поповиченко ……
Письмо А. М. Горькому, 25 марта 1926 г. ……
Письмо А. М. Горькому, 8 мая 1926 г. ……..
Письмо А. М. Горькому, 23 мая 1926 г. ……...

Письмо А. М. Горькому, 16 июня 1926 г. ……..……
Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства» ……
Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 9 октября 1926 г. ……..……..
О расширении колонии ……..…….
Письмо А. М. Горькому, 24 ноября 1926 г. …….……..
Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 2 февраля 1927 г. ……
Письмо А. М. Горькому, 14 марта 1927 г. ……
Проект организации Трудового детского корпуса Харьковского округа ……
Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 18 марта 1927 г. ……..
Письма Г.С. Салько, 4 и 20 мая, 1 июня 1927 г. ……..
Письма Г.С. Салько, 10-14 июня 1927 г. …….
Выступление в Харьковском окрпомдете, 11 августа 1927 г. (протокольная запись)……..
Доклад на Президиуме Харьковского окрпомдета, 18 августа 1927г. ……
Письмо Г.С. Салько, 22 августа 1927 г. …….
Доклад на заседании Президиума Харьковского окрисполкома, 15 сентября 1927 г. ……..……
Председателю Мерефянского райисполкома ……
Проект Устава Управления детскими школьно-трудовыми колониями ……
Положение об отпуске средств на содержание учреждений Трудового детского корпуса (ТДК) …….
Беседа с сотрудником газеты «Харьковский пролетарий» ……
Письма Г. С. Салько, 13 и 17 ноября 1927 г. ……
В Президиум Харьковского окрисполкома ……
В Президиум окрисполкома, 30 декабря 1927 г. ……
Выступление на Президиуме Харьковского окрисполкома, 6 января 1928 г. (протокольная запись) ……
В Президиум окрисполкома, 19 января 1928 г. ……
В Президиум окрплана …….
О патронировании ……

О состоянии детских колоний Харьковского округа (интервью газете «Харьковский пролетарий») ……
В редакцию газеты «Коммунист», открытое письмо ……
Отзыв о работе А. И. Остапченко ……
В Президиум окрино ……
Председателю Комиссии по приему А. М. Горького, Н.И.Бухарину ……...
Письмо А. М. Горькому, 25 февраля 1928 г. ……
Старым горьковцам ……
Письма Г. С. Салько, 10-12 марта 1928 г. ……
Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 4 апреля 1928 г. ……
Письмо Г. С. Салько, 16 апреля 1928 г. ……
Письмо А. М. Горькому, 18 апреля 1928 г. ……
Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 18 апреля 1928 г. ……
Письма Г. С. Салько, 22 и 27, 29 апреля 1928 г. ……
Письма Г. С. Салько, 2 и 3 мая 1928 г. ……
Письма Г. С. Салько, 10-13 мая 1928 г. ……
Письма Г. С. Салько, 16 и 18, 20 мая 1928 г. ……
Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 7 июня 1928 г. ……
Письмо А. М. Горькому, 8-9 июня 1928 г. ……
Предисловие к альбому «Наши жизни – Горькому - горьковцы»…
Письмо А. М. Горькому, 27 июня 1928 г. ……
Рапорт в правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского ……
Привет пионерам! ……
Выступление на торжественном вечере в колонии им. М. Горького, 8 июня 1928 г. (запись)……
Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР ……..
Кое-что о самоуправлении ……
О некоторых проблемах теории и практики воспитания ……
О педагогической теории и практике (фрагмент)……

«

Вскоре после ухода А. С. Макаренко из колонии: фрагменты его

писем Н. Ф. Остроменцкой , А. М. Горького; из очерков А. М. Горького «По Союзу Советов» ……

Приложение

Незабываемая встреча. Вспоминания ……
Мой первый учитель ……..…….
План романа, в 3-х частях ……..……..
План романа, в 4-х частях ……..…
Типы и прототипы «Педагогической поэмы», первой ее части……..……
Записи к второй и третьей частям «Педагогической поэмы», фрагмент к третьей части ……..……
Из списков прототипов ……..……

Именной указатель лиц, причастных к педагогической деятельности А. С. Макаренко в 1921-1928 гг. …….
Учебно – методический материал …….

В интересах дела нужно разделить школьную педагогику классной работы от педагогики воспитания… Разделить эти две педагогики и определить их главные методы.

Выступление в Московском областном педагогическом институте 27 октября 1936 г.

Правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание не трудовое.

Я вообще сторонник не трудового воспитания, а производственного воспитания.

Лекции о воспитании детей, лето 1937 г.

Доклад в Харьковском педагогическом институте, 9 марта 1939 г. (по стенограмме).

У нас нет воспитательной педагогики.

Заключительное слово на совещании в Научно-практическом институте спецшкол и детдомов Наркомпроса РСФСР, Москва, 20 октября 1939 г.

Объектом исследования со стороны научной педагогики должен считаться педагогический факт (явление).

22 августа 1922 г.

Дисциплина есть прежде всего воспитание гражданина.

Ориентировочно – 1922 г.

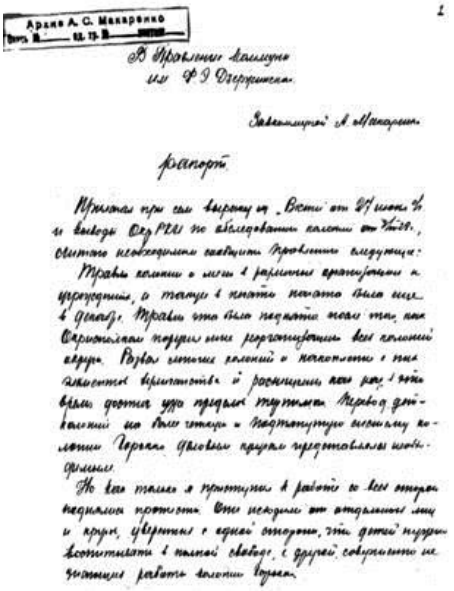
… Этот путь трудовой общины, определено прогрессирующей в разных областях ее жизни.

19 марта 1923 г

5

Организация социального воспитания строиться у нас путем комбинирования живых, реальных процессов жизни, а именно процессов хозяйствования, труда, познания и игры.

1 января 1925 г.



6

Нам удалось добиться крепкой дисциплины не связанной с гнетом. Вообще мы думаем, что нашли совершенно новые формы трудовой организации, которые могут понадобиться и взрослым.

8 июля 1925 г.

Способы организации, финансирования, учета, отчета, штатов решительным образом противоречат задачам нового воспитания… Нужно создавать новую педагогику, совсем новую.

10 февраля 1926 г.

7

Признаки детского общества: нет образца, возможны многие варианты. Все они должны как можно дальше стоять как от нынешней практики воспитания потребителей, так и от предрассудков педагогической литературы…

Возможны большие достижения при изменении внешних условий: финансовых, материальных, юридических.

Нач. окт. 1926 г.

Памяти всех, кто в 1920-1928 гг. содействовал созданию воспитательной педагогики А. С. Макаренко, посвящается это издание

От составителей

Социальная педагогика А. С. Макаренко: базовые понятия, их структура

Классическое социально-гуманитарное, литературно-художественное наследие всегда современно. Есть лишь «приливы» и «отливы» в истории его значимости для современности. Они происходят в преддверии и в ходе больших общественно-политических перемен.

Сейчас все ощутимее проявляется интерес к педагогическому наследию А. С. Макаренко (1888-1939). Обращение к нему вызывается обострением проблем воспитания детей и молодежи, их активного включения в жизнь, трудовую деятельность. Необходимо расширять подростковые и юношеские объединения, принимать действенные меры по преодолению детской беспризорности и безнадзорности, преступности несовершеннолетних, укреплять семью. Восстанавливается воспитательная функция общеобразовательной школы, развивается среднее профессиональное образование. Должна усиливаться практическая направленность высшего образования. Обновляется военная педагогика, система исправления и перевоспитания осужденных. Новые задачи встают в области социальной психологии, в социологии.

Стремительно растет роль «человеческого фактора» во всех областях государственной и общественной жизни и деятельности. Актуализируются проблемы просвещения, воспитательной функции искусства и литературы, печати, средств массовой информации. Нуждается в оздоровлении социально-правовое, морально-психологическое и физическое состояние общества.

Наследие А. С. Макаренко содержит большие возможности в решении этих проблем. Это не просто «педагогика школы», «детская», а педагогика ***социальная***. Она стремится учесть, развить и в определенной системе

представить воспитательно-образовательные факторы, действующие во всех сферах жизни общества. Жизнедеятельность молодого поколения, его воспитания и образования она связывает с общими тенденциями социально-экономического, гуманитарного развития.

Крупнейший представитель социальной педагогики – ***П. Наторп*** (1854-1924, проф. Марбургского университета с 1885 г.). Его «Социальная педагогика» в переводе на русский язык вышла в С.-Петербурге в 1911 г. и была, несомненно, известна А. С. Макаренко. Традиции научной школы П. Наторпа воплотилась в создании в Марбургском университете в 1968 г. по инициативе Л. Фрёзе и при поддержке Г. Ноля и О. Анвайлера лаборатории «Макаренко-реферат» (рук. Г. Хиллиг, З. Вайтц). Она стала центром макаренковедения в западных странах.

Нынешняя отечественная «***личностно-ориентированная***» ***школьная педагогика*** не обеспечивает полноценного социально-индивидуального развития и воспитания детей, молодежи. Она предельно сузила педагогическую деятельность, решая в основном задачу ***образования-обучения***, академической подготовки и поступления в вузы. Масса учащихся до 17-22-летнего возраста отстранена от созидательно-продуктивной, жизненной практики. Воспитание в школе осуществляется в виде «внеклассной работы», «дополнительного образования», где господствует логика ***обучения***, приобретение знаний и навыков разнообразной деятельности.

Это ***дидактическая*** педагогика, строящая «гуманистическую» систему школы при умалении роли общественных потребностей и созидательной активности личности, без необходимых условий для ее полноценного развития. Так своеобразно продолжается традиция советской «***школы учебы***», где ***приоритет обучения*** привел к ущербному развитию личности и провалу в деле воспитания.

А. С. Макаренко – яркий представитель «***воспитательной*** педагогики», ведущего направления в истории педагогической теории и практики. Оно зародилось в народной педагогики, четко обозначилось в знаменитом тезисе Ж. Ж. Руссо и И. Г. Песталоцци «***Жизнь образует***»

активно проявило себя в теории и практике «трудовой школы», «нового воспитания», «гражданского воспитания».

Это единственный классик педагогики, всецело посвятивший свое творчество ***воспитанию*** – в его качественном отличии от обучения и в органической связи с ним, на основе ***первенства воспитания***. А. С. Макаренко – разработчик социально–личностной, активно–творческой концепции педагогики. В процессе становления личности она обеспечивает единство социального и природного, всеобщего и индивидуального, прав и обязанностей, регламентации и творчества, знаний и практики. Здесь иное ***соотношение*** воспитания и обучения: воспитание базируется не на знании, а на жизненном опыте; обучение во многом определяется воспитанием.

Оппонентами А. С. Макаренко были и остаются сторонники теории и практики «свободного проявления» природных сил личности, ее самодовлеющего ***развития***, чему должно содействовать лишь создание некоторых педагогических условий. Это индивидуалистическая «***педагогика развития***», фактически исключающая воспитательную установку на социально–педагогические цели и ценности. Здесь считается достаточным такое развитие личности, которое происходит на основе ***обучения*** и в процессе ***социализации,*** ограниченной простым ***приспособлением*** человека к окружающей среде.

А. С. Макаренко – сторонник педагогики как «***активной, целеустремленной***» науки «***созидающей личность***», направленной прежде всего на воспитание ее нравственно–волевых качеств, «развитие ее сил», «творческого актива». Он уже в 1922 г. утверждал: объектом исследования в педагогики является не ребенок, а «педагогический факт (явление)», т.е. закономерности работы по приобретению воспитанником качеств личности и индивидуальности.

А. С. Макаренко внес огромный вклад в переход педагогической деятельности с уровня «трансляции» знаний, интеллектуально-словесной выучки и профессионально–технологической подготовки (что характерно для обучения) на уровень качеств личности, реально действующих в практике ее повседневного поведения (что составляет специфику воспитания).

Закон Российской Федерации «Об образовании» 1992 г. по существу ***устранил воспитание*** из системы образования, завершая тем самым свойственную советской педагогической науке и практике тенденцию его умаления и отождествления с обучением. Место воспитания в педагогической лексике стало занимать понятие социализации, заимствованное в 90-х гг. минувшего века из западной педагогической теории и практики. «Деидеологизация» школы и педагогической мысли привела к утрате духовно-нравственных основ воспитания и обучения.

Бурно нарастающие негативные явления в среде учащейся молодежи побудили к «реабилитации» воспитания в конце 90-х гг.

Запущенность ***теории воспитания***, недооценка его ***специфического содержания***, особых целей, средств и показателей результативности – по-прежнему являются главными причинами серьезных недостатков не только воспитания, но и всего образования в целом. Продолжает действовать советская педагогическая догма: различение процессов воспитания и обучения несовместимо с задачей «***слияния обучения и воспитания в единый поток***»; ее вполне можно решать путем «***воспитывающего обучения***».

Педагогика, игнорирующая «***собственно воспитание***», - это педагогика консервативного и «застойного» общества, теряющего перспективы своего развития. Это педагогика социального пессимизма и неверия в человека.

А. С. Макаренко ярко представляет ***воспитание*** как процесс, устремленной в будущее. Воспитание в его творчестве определяется социально-гуманитарными целями преобразования мира и человека к лучшему, что неразрывно связано с фундаментальными принципами ***природосообразной педагогики***. Его ***оптимистическая педагогика***, «обгоняющая общество в его человеческом творчестве», становится «ответственной педагогикой», разумно соединяющей сегодняшний и завтрашний день человека и общества.

Она построена на глубоком понимании того, что дети, молодежь остро ***нуждаются*** в воспитании, и общество, родители, государство должно эту потребность в полной мере удовлетворять. Это «имманентный момент

всякого воспитания», внутренне присущий ему, как говорил Г. Гегель. В совершенном обществе каждый ребенок имеет ***право*** на полноценное воспитание и обучение. И если этого права он лишен в семье, оно должно быть реализовано в государственном, общественном учреждении.

Общепризнана необычайная ***эффективность*** макаренковской концепции педагогики. Эту педагогически целесообразную результативность сторонники «***саморазвития***» личности и ***приспособленческой социализации*** (педологического направления в педагогике) воспринимают как порок, нечто недопустимое. Идеалом по существу считается недоразвитость личности. Вольную или невольную установку на это можно характеризовать и как торможение развития личности, проявление насилия.

А. С. Макаренко кардинально изменяет взгляд на ***связь процессов воспитания и развития*** личности: воспитание (и обучение) не следует за развитием, а опережает его путем создания объективной потребности в этом развитии и условий, при которых эта потребность удовлетворяется.

Антипод творческой педагогики А. С. Макаренко – педагогика умозрительно-декларированная, отдающая свою прикладную часть педагогам-практикам. Свою беспомощность она оправдывает апелляцией к педагогической деятельности как к искусству: необходимо учитывать конкретные условия, возрастные и индивидуальные особенности и т.д. Область научной педагогики фактически ограничивается некоторыми педагогическими и этическими принципами, которые должны приниматься на веру, не будучи серьезно проверенными и разработанными на практике, в экспериментально-опытной работе.

Это педагогика, «основанная на дедукции», как говорит А. С. Макаренко, на гипотетических, абстрактных, общих положениях. «***Этический фетишизм***», т.е. абсолютная уверенность в несомненном положительном результате педагогической направленности на священные понятия: личность, свобода, коллектив, труд, любовь, доброта и т.д. Проблема оценки педагогической теории по его результативности в массовой практике здесь принципиально недопустима.

Характерным является малоуспешное применение эпизодических «уединенных» педагогических средств, сведение системы воспитания к

минимуму – персональным взаимоотношением в системе «учитель-ученик» (как в обучении, что А. С. Макаренко называет «парной педагогикой»), а также к системе учебного класса и «малой группы».

А. С. Макаренко определяет педагогику как ***опытно-экспериментальную*** науку, методологически построенную на «индуктивной логике», т.е. на закономерном восхождении от разрозненных абстрактных положений к конкретной целостности, развивающейся педагогической системе. Только в этой системе, совершенствующейся в своих основах и конкретных элементах, при тщательном анализе и корректировке процесса ее развития, - могут проявляться педагогические закономерности.

Результативной системой может быть лишь система ***педагогического учреждения в целом***, единая община его воспитанников и сотрудников – «воспитательный коллектив». Объективной основой этой системы является ***труд, производственно-хозяйственная деятельность***, продуктивная – мощный материальный фактор, первостепенный в жизнедеятельности человека, определяющий его самостоятельность, свободу и достоинство, социальную и духовно-нравственную сущность. В макаренковском опыте производительный труд педагогически организуется применительно к возрасту в основном 13-17 лет.

Совмещение учебной работы (потребительской по своему характеру) с созидательной деятельностью качественно изменяет «***поле***» ***развития*** личности и индивидуальности, значительно расширяет возможности удовлетворения многообразных потребностей учащихся. При всеобщности такого подхода вполне обеспечивается равенство в образовании.

Опираясь на принципы ***массовости и равенства*** в образовании, А. С. Макаренко утверждает в нем ***«технологический подход»***. Вырабатывается общий «механизм» воспитания, предусматривающий «ювелирную» индивидуальную работу «педагога-мастера». Нужен такой общий и единый метод воспитания, который позволяет каждой личности развиваться «по линии своих наклонностей». Преимущества академически образованной «элиты» весьма ограничены.

Макаренковское определение педагогики как опытно-экспериментальной науки – следствие глубокой уверенности в

необходимость и возможность приближения этой научной области к точности естественно-научного знания, способного создавать новую практику.

В ***практико-ориентировочной*** педагогике А. С. Макаренко 4 «этажа» педагогической науки: методологический, теоретический, организационно-методический, технологический – не обособлены, а представлены системно, в их взаимопроникновении. Теоретико-методологические проблемы он доводит до уровня практических решений; практические вопросы поднимает до осознания их теоретических основ.

Исследуя воспитание, образование как особое социальное явление и специфическую деятельность, педагогика А. С. Макаренко опередила возникновение ***праксиологии*** – области социологических исследований, которая изучает методику рассмотрения человеческой деятельности с точки зрения ее эффективности. ***Результативность***, педагогическая целесообразность (закономерная взаимозависимость целей, средств и результатов) – ***центральная проблема*** в макаренковской концепции педагогики (то, что традиционная педагогика по существу игнорирует).

Необычайная эффективность педагогической теории и практики А. С. Макаренко принципиально изменяет ***соотношение процессов воспитания*** и ***социализации*** личности. Его основанная на хозяйственно-трудовой деятельности педагогика активно-творчески «внедряется» в социально-экономическую и культурную жизнь общества. Значительное повышение при этом роли детства и юности в общественной жизни изменяет характер связи молодого и старшего поколений, активизирует ***проблему взаимодействия и закономерной смены поколений*** в истории общества.

В дидактической педагогике, где и при воспитании господствует обучение, такого явления не возникает. Обучение, основанное на усвоении, «присвоении» исторически выработанных знаний и навыков, направляется по пути воспитания ***человека-потребителя*** (дидактический метод творческого «открытия открытого» эту ситуацию видоизменяет, но не отменяет). Это становится общественно опасным в условиях всеобщего образования.

Попытка уйти от проблемы созидания, продуктивной деятельности, производительного труда в образовании под предлогом: ***«учение - тоже труд»*** - строится на ложном основании, т.к. игнорируется специфика трудовой деятельности, в ее принципиальном отличии от учения.

Воспитанная в духе потребительства молодежь несамостоятельна, пассивно следует за старшим поколением, не может оказывать на него плодотворного влияния. Ослабляется одна из ***движущих сил общественного развития*** – активная взаимосвязь старшего и молодого поколений. Человеческая история базируется на закономерностях не только экономических, но и гуманитарных, где огромную роль играет связь поколений.

Поэтому говорят: ***история - это история поколений***. Воспитанием закрепляется то, что создается в экономике, политике и культуре. Воспитание отражает тенденции их дальнейшего развития, становится важным фактором исторического прогресса.

При усилении социальной функции воспитательно-образовательных учреждений на основе трудовой деятельности коренным образом изменяется ***положение детства и юности, молодежи*** в обществе. В представлении А. С. Макаренко дети - не «подопечная мелочь». Это часть общества, способная к активному участию в его жизни и творческом развитии вместе со старшим поколением, но в своеобразном «***параллельном действии***», не допускающем отождествления детского труда и труда взрослых. Тогда и беспризорный выводится «в первые ряды общества».

Молодое поколение превращается в фактор, значительно умножающий производительные и социально-культурные, духовные силы общества. Учащиеся воспитываются в атмосфере созидания и успеха, личного достоинства и интереса, творческой дисциплины служения общему делу. Иного пути достижения этих целей нет, как бы ни велики были иллюзии могущества других средств: знаний, «моральной проповеди», беспредметной «мотивации», благородных примеров и т.д.

В макаренковском наследии преодолеваются две педагогические крайности: ***патернализм***, «отеческое покровительство» на грани авторитаризма – и «***свободное проявление***» автономной личности, в весьма

ограниченных условиях ее становления и развития, проникнутое индивидуализмом. Освобождение от этих крайностей – главный вектор движения к гуманизму в воспитании.

Проблема ***взаимодействия поколений*** лежит в основе макаренковской пьесы «Мажор» (она отражает жизнь трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского). Этому посвящен киносценарий «Командировка» (в социальном плане решается проблема «трудных» подростков). Характерно само название романа: «Пути поколения» (остался незавершенным; другое название – «Ньютоновы кольца»).

Старшее поколение широко представлено в «Педагогической поэме». В списке ее «типов и прототипов» значится: воспитанников – 86, сотрудников колонии – 31, лиц из окружающей среды – 17, работников общественности – 9, деятелей наробраза и педагогики – 27. Взрослых, так или иначе вовлеченных в организацию воспитательного процесса в колонии – 84, т.е. почти столько же, сколько воспитанников. «Книга для родителей» в действительности является книгой **о** родителях, о решающей роли образа жизни взрослых в воспитании (первоначально называлась «Отцы и дети»).

Многие произведения А. С. Макаренко выходят за рамки «детской проблематики»: комедия «Ньютоновы кольца», незавершенная пьеса «Забота о человеке», повесть «Честь» (проблема осознания трудящимися своей социальной значимости и достоинства в практике общественной жизни и борьбы). Был начат роман «Человек», осмысливался автобиографический роман «о сильной личности» (о судьбе интеллигенции в революции), планировалась повесть «О любви».

В этих произведениях он выявляет, рассматривает ***элементы социальной педагогики,*** действующие в повседневной жизни ***старшего поколения,*** в общественно-экономической и культурной жизни страны. С большим воодушевлением и проницательностью, критически он говорит об этом в многочисленных публицистических статьях, выступлениях на педагогические темы.

Воспитательную функцию ***художественной литературы*** А. С. Макаренко объясняет в рецензиях на многие произведения, в статьях о детской литературе, ее особенностях.

Реализуя методологический принцип «***параллельности***» А. С. Макаренко не допускает механического перенесения в систему воспитания принципов и способов социальной организации и управления, свойственных современному обществу. Особенно это касается сферы ***хозяйственно – трудовой*** деятельности педагогического учреждения, где вопросы финансирования, экономической эффективности, юридической практики, организационной структуры, штатов, оплаты труда, деятельности сотрудников и т.д. должны решаться как вопросы педагогики, подчиняясь прежде всего целям воспитания и обучения.

Включение этих вопросов в ***область педагогики и воспитания*** – наиболее значительное направление педагогического новаторства А. С. Макаренко. В работе по этому направлению он встречал огромные трудности. Будучи во многом непреодолимыми, они стали главным препятствием в дальнейшем развитие его идей и опыта, особенно в создании «***чисто педагогической системы хозяйства***».

Его опыт развивался как ***социально-педагогическая лаборатория***, в которой закрепление культурных достижений общества и стабилизация достигнутого органически сочетаются с поиском и оформлением новой организации труда и общественной жизни, человеческих взаимоотношений. Воспитание направляется на решение исторической задачи: ***преодоление отчуждения человека*** от средств производства и результатов труда.

Всестороннее развитие личности в системе А. С. Макаренко базируется на воспитании ***человека-созидателя***, способного распоряжаться собственностью, жить и действовать в условиях хозяйствования, экономических отношений, сохраняя и развивая духовно-нравственную сущность труда при его механизации и автоматизации, технологической организации производства. В этом опыте успешно применяются ***элементы самоокупаемости*** воспитательно-образовательного учреждения.

Макаренковская колония, коммуна оказывала культурное влияние на окружающую среду, давала примеры хозяйствования, работы с молодежью. Предприятие коммуны им. Ф. Э. Дзержинского стало первенцем точного машиностроения в стране и оптического производства. Коммуна внесла важный вклад в подготовку квалифицированных кадров для разных областей

производства и культуры, содействовала укреплению авторитета нашей системы образования за рубежом.

В общей трактовке творчество А. С. Макаренко – это ***социально-культурное явление***, как это свойственно другим классикам педагогики: Я. А. Каменский, Ж. Ж. Руссо, Р. Оуэн, Г. Спенсер, П. Наторы, Дж. Дьюи, Г. Коршенштейнер, Н. К. Крупская, П. Фрейри. Его практика несет черты социально-педагогического опыта, убедительно демонстрируя плодотворную связь воспитания и жизни, школы и производства. В этом опыте виден огромный потенциал педагогики и воспитания в ***гуманистическом*** развитии общества и человека.

Все это позволило А. С. Макаренко значительно расширить ***предмет педагогики и сферу воспитания***, серьезно повысить их общественный статус. По существу он концептуально оформил другой, новый тип педагогики, существенно изменил ее методологию, преобразовал содержание и структуру ее базовых понятий.

Он показал, что на смену «***школы учебы***» идет новый тип педагогического учреждения – ***школа жизни, труда, воспитания.*** Уходит в прошлое педагогика ***дидактическая***, утверждается ***воспитательная, жизненно-ориентированная*** педагогика.

А. С. Макаренко продолжил и творчески развил заложенную А. Г. Ободовским, К. Д. Ушинским, Н.И. Пироговым, П. Д. Юркевичем, Н.В. Шелгуновым, Н.Г. Чернышевским, В.В. Зеньковским, Н.К. Крупской, С.Т. Шацким отечественную традицию разделения «собственно педагогики» как ***науки о воспитании*** и дидактики – ***теории обучения***.

Главное ***основание успеха*** педагогического творчества А. С. Макаренко и уникальный факт в истории педагогики и образования – органическая взаимосвязь его деятельности как педагогика-практика, мыслителя и писателя, художника слова. Его масштабное системное, качественно своеобразное мышление – результат гениального сочетания ***трех способов постижения мира***: рационально-научного, эмпирического и ассоциативно-образного (свойственного искусству).

Такая ***методология*** столь необычна, что до сих пор по существу не осознается даже макаренковедами. В художественно-педагогических

произведениях А. С. Макаренко они видят фактически лишь средство популяризации им своих идей и опыта, не придавая должного значения художественно-эстетической составляющей его педагогического творчества. Она отчасти раскрывается литературоведами, но это не учитывается педагогами-исследователями. Литературоведы так же обособляются в своей «вотчине», как и специалисты по эстетики, искусству, культуре.

Даже «чисто педагогические» труды А. С. Макаренко далеко не соответствуют стандартам монографического «строго научного» или упрощенно-популярного повествования. Это органический сплав глубокой, ясной мысли и оригинального опытно-практического материала, яркой дискуссионной направленности и проникновенного образно-художественного восприятия жизни, деятельности человека, детей и молодежи.

Очевидно, таким образом дается образец ***специфики работы в педагогике и воспитании***. Здесь сочетаются точные требования научности и творческий элемент в педагогическом мышлении и действии. Абсолютно недопустим догматический подход к педагогическому знанию и опыту. Огромное значение имеет наблюдательность, воображение и вдохновение, творчество жизни «по законам красоты». А. С. Макаренко – деятельная личность, человек обширных и разносторонних знаний, пытливого ума, поэтической восприимчивости, сильной воли, большой культуры.

Выдающийся факт – его ***педагогическая практика***: в целом это ***28 лет работы***. В 1905-1920 гг. он работал обычным учителем (в 1917-1919 гг. заведующим, инспектором) начальной школы повышенного типа, с профессиональной направленностью (железнодорожного училища, 5-7 лет обучения), воспитателем («надзирателем» в училищном интернате), в советской трудовой школе. (3-летний перерыв в работе: 1914-1917 гг. – учеба в Полтавском учительском институте.)

Начатый осенью 1920 г. под влиянием идей украинского ***социального воспитания*** (соцвоса) целенаправленный макаренковский ***опыт*** целостной системы воспитательно-образовательного учреждения длился ***15 лет***, до лета 1935 г. Этот опыт получил продолжение в деятельности А. С. Макаренко

помощником начальника отдела трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД УССР до начала 1937 г.

Уникальны ***успехи*** его педагогической деятельности. В колонии горьковцев и коммуны дзержинцев он сделал более 10 организованных выпусков; срок пребывания в них составлял обычно 3-5 лет; выпущено «более тысячи человек» (т. 7, с. 179; о 2-3 тысячах человек он горит с учетом работы о дореволюционной школе).

Очевидцы засвидетельствовали общественное признание его педагогической практики в многочисленных корреспонденциях, публиковавшихся в 20-30-х гг. в украинской, центральной советской и зарубежной педагогической и общественно-политической печати.

Долговременные и устойчивые результаты воспитательной системы А. С. Макаренко отразились в успешных, многих замечательных ***жизненных судьбах*** его воспитанников. Об этом повествуется в сотнях публикаций, статей, нескольких отдельных изданиях. Такого рода масштабных доказательств ранее не было в педагогической истории, их нет и сейчас. Примечательно массовое участие выпускников колонии горьковцев и коммуны дзержинцев в дискуссиях вокруг макаренковского наследия, что также является беспрецедентным фактом.

То, что А. С. Макаренко делал важные для общей педагогики выводы на основе опыта работы не в обычной, «нормальной» школе, а в учреждении для ***беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей***, в условиях ***итернатного учреждения,*** - только еще раз подтверждает закономерность: «прорывы» педагогики в новое качество совершаются именно с выходом за пределы обычной практики, обнажая ее ограниченность, необходимость коренных изменений.

Фундаментальный принцип работы А. С. Макаренко с ***«трудными» детьми*** – создание нормальных и «сверхнормальных» условий их жизнедеятельности. Как и «нормальным» детям, им нужно дать поприще продуктивной и жизненно важной, общей работы, выходящей за рамки учебы. В течение некоторого времени (2-5 месяцев) применяются специальные педагогические усилия для приведения «трудного» к состоянию

«нормы». Практика ***перевоспитания*** в отношении несовершеннолетних ***недопустима***, как и обращение к системе милиции, внутренних дел.

С самого начала колония им. М. Горького действовала как «***открытое учреждение***», без заборов и сторожей. Ее коллектив – «***свободное объединение*** людей, здесь никого не заставляли жить насильно» (т.7, с.96); применялись морально-психологические средства «удержания личности в коллективе». Убежавший мог быть принят обратно в обычном порядке, по личному заявлению, на общем собрании. Действовал обоюдный принцип: воспитанник находится в коллективе ***добровольно***; коллектив ***добровольно*** его содержит.

Макаренковское наследие получило ***мировое признание***, активно и плодотворно разрабатывается усилиями педагогов-ученых и практиков, деятелей культуры многих стран, на разных континентах. Об этом обстоятельно повествуется в книге А. А. Фролова «А. С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг., критический анализ)» - Н. Новгород 2006. В ее первой главе дается общая характеристика его деятельности как ***социального педагога-реформатора***, раскрывается структура его наследия.

Полемика об идеях и педагогической практике А. С. Макаренко развернулась с большой остротой при его жизни в 1926-1928 гг. Критические выступления затем были в 1930-1933 гг. Непрерывная дискуссия, затрагивающая его художественно-педагогическое творчество, велась до конца его жизни после издания «Педагогической поэмы», «Книги для родителей», повестей «Честь» и «Флаги на башнях», а также в связи с его статьями о детской литературе. Посмертная теоретическая разработка и практическое применение его наследия, дискуссии вокруг него отражены в указанной выше книге.

В процессе дальнейшего исследования «***феномена Макаренко***», его истории, основ и «деятелей», в ходе закономерного изменения социальной действительности – будут открываться его новые аспекты и потенциалы. Это наследие остается живым, действенным ***фактором развития*** современной социально-педагогической мысли и практики. Они все более будут концентрироваться на основной функции воспитания и обучения –

укреплении преемственности поколений, без чего общество не может успешно функционировать и развиваться.

Педагогика А. С. Макаренко - ***наука о творческом взаимодействии поколений***. Она войдет в систему главных факторов, от которых зависит «человеческое измерение» социально-экономического развития, «качества жизни» человека.

О содержании издания

Этот сборник, содержащий авторские материалы А. С. Макаренко 1921-1928 гг., составлен как учебная книга для изучающих историю, теорию и практику «собственно воспитания» (в его отличии от обучения и в связи с ним). Издание задумано в нескольких частях, хронологически представляющих макаренковское наследие, за исключением художественно-педагогических произведений (они даются в развернутых аннотациях).

Новое издание предназначено для нового, современного специалиста-педагога. Обращение к последнему изданию макаренковских произведений (1983-1986) и сборнику (1988, 1990) сейчас малоэффективно: в них отсутствуют открытые в последние годы авторские материалы А. С. Макаренко; устарели комментарии к его работам. Необходимо ввести в научно-практический оборот результаты проведенных в последние десятилетия отечественных и зарубежных макаренковедческих исследований.

Учебные пособия для изучающих макаренковское наследие, вышли: для литературоведов – в 1961 г. (Л., авт. Н. А. Морозова); для педагогов – в 1976 г. (Горький, авт. А. А. Фролов).

Публикуемая Часть 1 содержит в основном малоизвестные или неизвестные ранее работы А. С. Макаренко, относящиеся к первым годам его педагогического опыта. Эти тексты примечательны тем, что показывают исходные, основополагающие элементы его педагогической системы.

Представленные ***деловые письма*** позволяют воспринять педагогическую практику трудовой колонии им. М. Горького в ее конкретности, «деталях» работы, с опорой на ее материальную базу и организацию. Раскрывается хозяйственно-трудовая и школьная деятельность

колонии, быт, состав воспитанников, система управления, работа педагогов и технического персонала, разнообразная деятельность воспитанников.

Широко открывается важная область педагогической деятельности А. С. Макаренко – ее связь с различными государственными и общественными организациями. На обширность деловой переписки указывает ее исходящая нумерация. По № 290 на письме от 21 марта 1921 г. видно, что к этому времени рассылалось в среднем по 3 деловых письма в день. Это характерно и для последующего времени: 15 сентября 1922 г. - № 679; 11 октября 1923 г. - № 337; 19 сентября 1924 г. - № 611; 22 октября 1925 г. – 621 и т.д. Публикуется «минимум–миниморум» материалов, выявленные к настоящему времени исследователями тексты.

Данные тексты ценны не только тем, что они освещают реальную педагогическую практику. В них обосновываются, формулируются теоретико-педагогические положения, притом в органической связи с практикой. До сего времени этот вид авторских материалов А. С. Макаренко не считался ценным в научном отношении, отражая общую ограниченную направленность традиционной педагогики на область теории. Преодоление этой тенденции началось в издании макаренковских педагогических сочинений в 8 томах, главным образом в т.1 (М., 1983).

Публикуемые ***личные письма*** А. С. Макаренко существенно дополняют картину его деятельности не только «личностным фактором», но также принципиальными высказываниями о своем творчестве, общем положении в педагогике и школе, о важных формах, средствах его педагогической практики. В этом отношении особую ценность представляют письма А. М. Горькому. Из писем Г. С. Салько данного периода включены наиболее значимые для характеристики взглядов, опыта и личности А. С. Макаренко.

Из публикуемых его ***статей*** ранее известен в основном лишь «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького»; он впервые печатается в отечественном издании с восстановлением сделанных ранее купюр. Другие статьи до этого публиковались в малотиражных изданиях.

Впервые в полном объеме печатаются известные к настающему времени материалы, относящиеся к деятельности А. С. Макаренко по

объединению детских учреждений интернатного типа Харьковского округа в период с августа 1927 г. по февраль 1928 г. – около 10 тыс. детей, подростков (одновременно с заведованием колоний им. М. Горького и коммуной им. Ф. Э. Дзержинского).

С достаточной полнотой, на документальной основе освещаются обстоятельства ухода (увольнения) А. С. Макаренко из колонии им. М. Горького. Убедительным становится факт всесторонней поддержки его деятельности государственными и общественными организациями.

В учебно-исследовательском отношении предлагаемое издание ценно тем, что макаренковские ***теоретические положения*** здесь представляются в неразрывной ***связи с практикой***, предполагают или объясняют ее. Другая важная особенность – хронологическое изложение материала, что позволяет видеть ***процесс*** становления и развития педагогической системы. В-третьих: эта система предстает в активном взаимодействии с ***социальной средой***, общим социально-экономическим развитием страны.

В результате педагогическая деятельность выступает как социально значимое явление. Существенно обогащается ее содержание, расширяются ее функции, пространство действия. Преодолевается традиционное механическое разграничение воспитания «в узком смысле», как «***целенаправленной деятельности***», - и «в широком смысли», как «***социального явления***», выходящего за пределы педагогической работы.

Весь материал издания в целом можно характеризовать как своеобразное и необходимое ***приложение к*** «***Педагогической поэме***». Она также повествует о «колонийском» периоде деятельности А. С. Макаренко, хотя работу над этим произведением он завершал в 1933-1935 гг., уже имея богатый новый опыт коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

«Педагогическая поэма» - это «художественный манифест новой педагогики», так она воспринимается во всем мире. Это нечто неизмеримо гораздо большее, чем самая солидная научно-педагогическая монография. Это замечательное продолжение исторической традиции социально-педагогического романа-трактата, «романа о воспитании», заложенной «Эмилем, или О воспитании» Ж. Ж. Руссо.

Поэтому приобщение к предлагаемой учебной книге должно ***начинаться с чтения «Педагогической поэмы»***. В ней широко и конкретно-образного раскрывается мир макаренковской педагогики, высокое предназначение и поэтический смысл воспитания, его духовная сущность и коллизии, необычайные трудности. Поразительное впечатление, которое она производит, объясняется глубокой связью педагогики и воспитания с жизнью, ее драматическим развитием, возникающими чертами лучшего будущего, новыми свойствами личности.

Однако для практики воспитания и его научной разработки этой общей картины, принципиальных идей и поэтического воодушевления недостаточно (хотя А. С. Макаренко мастерски сделал немало, чтобы в художественную ткань этого произведения ввести элементы «книги по педагогике»). Необходимо видеть и «***педагогическую прозу***», повседневную «черновую работу», многообразные административно-управленческие и организаторские действия. Эта неотъемлемая сторона макаренковского педагогического творчества составляет главное содержание данной книги.

Изучение и исследование идей, теоретико-методических положений А. С. Макаренко в единстве с конкретной практикой их реализации, в теоретико-практическом взаимодействии и постоянном развитии – главный путь к ***освобождению его наследия от разного рода недопонимания***, ошибочных толкований, превратных представлений, догматических стереотипов, конъюнктурных соображений – всего того, что в корне искажает его работу в педагогике, вызывая негативное отношение к нему. Только на этом пути будет преодолеваться застарелый порок – ***«цитатнический подход»***, ограниченная и произвольная трактовка макаренковских идей и решений.

Комментарии даются не в конце книги, как это обычно делается, а сразу за каждым текстом А. С. Макаренко. Это объясняется спецификой издания как учебной книги. Комментарии содержат не только необходимые пояснения ко всему публикуемому материалу и отдельным выражениям, словам, фактам. В ходе комментирования разъясняется значение и смысл некоторых макаренковских положений, сообщается о их уточнении и разработке в дальнейшем, в других произведениях.

Комментарии необходимо использовать как часть ***учебно-методического материала*** книги. Его частью является и данная статья «От составителей».

Комментарии начинаются с указания на источник, по которому сделана публикация. О предыдущих публикациях не сообщается. Из них для перепечатки взята та, которая воспроизводит текст наиболее полно и точно. Некоторые материалы публикуются впервые, на это указывает ссылка на архивный источник.

В комментариях не говорится о проведенной работе над текстами публикуемых материалов, их сверки с полноценными источниками, уточнении дат. Устранены сделанные ранее купюры, в текст внесены дополнения, уточнения и исправления. Введенные в текст составителями при редактировании отдельные слова даны в квадратных скобках. Сокращения некоторых мест отмечены отточиями. Перевод текстов с украинского языка не оговаривается.

В наименовании публикуемых материалов дата поставлена в том случае, если это наименование имеют несколько текстов.

Рубрика «***Дополнения***» введена в комментарии в связи с необходимостью сообщать о некоторых событиях, фактах, которые не отразились в публикуемых авторских материалах А. С. Макаренко, но имеют важное значение для характеристики его творческой деятельности в этот период.

Приложение, данное в книге, состоит из 3-х частей. Первые – две статьи А. С. Макаренко 1936-1938 гг. о роли А. М. Горького в его творчестве и в деятельности колонии им. М. Горького. Вторая часть – план автобиографического романа (предварительный и последующий, развернутый), задуманного А. С. Макаренко в конце 1928 г. как бы «в параллели» с «Педагогической поэмой». В романе предполагалось раскрыть социально-гуманитарный фон драматической судьбы представителя интеллигенции в революции, его возрождение к новой жизни в работе детской трудовой колонии, в возвышенной любви к замечательной женщине.

Третья часть – характеристика персонажей, типов и прототипов «Педагогической поэмы»; записи к второй и третьей ее частям, фрагмент

третьей части; фрагмент списка персонажей – материалы конца 20-х – начала 30-х гг. В журнальном варианте первая часть этого произведения напечатана в начале 1934 г., вторая – в середине 1935 г., третья – в конце 1935 г. (фактически в начале 1936 г.).

Издание снабжено ***Именным указателем*** лиц, причастных к педагогической деятельности А. С. Макаренко 1920-1928 гг. (частично и далее – в начале 30-х гг.).

Учебно-методический материал содержит: общие рекомендации; список тем для докладов, рефератов, курсовых и дипломных, диссертационных работ, публикаций, которые могут быть подготовлены на основе данной книги; методические рекомендации, список основной литературы.

Над изданием работали сотрудники Нижегородского педагогического университета: научный консультант исследовательской лаборатории «Воспитательная педагогика А. С. Макаренко» А. А. Фролов, доктор пед. наук проф.; науч. сотрудник Е. Ю. Илалтдинова, кандидат пед. наук, доцент.

Подписи к фотографиям

На форзаце в начале книги:

1. Колонисты на работе в лесу. На первой повозке Антон Браткевич, на заднем плане второй справа С. Калабанин. Конец 1921 г.
2. А. С. Макаренко. 1925 г.
3. Главное дежурство по колонии: сидит воспитатель-учитель Т. Д. Татаринов, стоят (слева направо) колонисты В. Шелапутин (сигналист), О. Харламова (член санитарной комиссии, ДЧСК), П. Перцовский (дежурный командир, ДК).
4. Встреча А. М. Горького в колонии. Слева от него А. С. Макаренко. 9 июля 1928 г., кадр кинохроники.

На форзаце в конце книги

1. Значок колониста-горьковца.
2. Сигналисты колонии. 1927 г.
3. Заседание совета командиров колонии, с педагогами. 1927 г.
4. Праздник первого снопа. 1925-1927 гг.

На с. :

1. А. М. Мизерницкий. 1920 г.
2. И. А. Соколянский. 1928 г.
3. Г. С. Салько (в молодости)
4. В. А. Арнаутов. 1927 г.

На с. :

5. Письмо А. М. Горькому, 8 июля 1925 г., автограф.
6. Рапорт А. С. Макаренко. Конец июня 1928 г., автограф.
7. Колонисты-рабфаковцы (слева направо): А. Зотов, П. Архангельский, Г. Андриевский, Н. Шершев. 1925 г.

Портреты №№ 1, 2, 4 публикуются по кн.: Хиллиг Г. Поблекшие лица, забытые люди … 28 портретов «друзей» и «врагов» А.С.Макаренко. – Бремен, 1999.

Заведующему отделом снабжения губнаробраза

21 марта 1921 г. №290

В дополнение к моему рапорту от 25 февраля № 181 покорнейше прошу о скорейшем разрешении вопроса о возвращении вывезенных из колонии[1] вещей. Со своей стороны полагаю, что разрешение вопроса путем создания специальной комиссии не может привести к цели.

Библиотека, инструменты и земледельческие орудия необходимы колонии сейчас, работа комиссии обязательно затянется на несколько месяцев, если комиссии вообще удастся собраться. На каждом шагу комиссия будет встречаться с затруднениями, возникающими вследствие того, что вещи разбросаны по всей волости[2], большею частью у частных лиц.

Единственным выходом я считаю выдачу мне мандата на право немедленного получения принадлежащих колонии предметов с необходимой оговоркой о помощи со стороны волостной милиции и комнезаможей[3].

Заведующий колонии *А. Макаренко*

Зав. хозяйством *Сердюк*[4]

А. С. Макаренко. Пед. соч. в 8 тт. (далее Пед. соч.), т. 8, с. 129. С резолюцией 25 марта: «В губисполком, Гос. упр. снабжением просит выдать мандат т. Макаренко на отобрание у селян расхищенного инструмента». № 290 - регистрационный номер на штампе Полтавского губнаробраза, с автографом А. С. Макаренко «колония малолетних»; печать отдела снабжения губнаробраза и подпись.

В связи с макаренковским запросом Президиум Полтавского губисполкома 6 апреля обратился в Комнезам с. Ковалевка с предложением «оказать необходимое содействие» зав. колонией «в розыске и изъятии у местного населения различных вещей и предметов, а также сельскохозяйственных орудий для обработки 50 десятин земли, отведенных колонии».

Как сообщала полтавская газета «Известия» 18 июня 1920 г., губернская Комиссия защиты детей предложила Орготделу «немедленно передать в ведение отдела социального воспитания помещение колонии для малолетних преступников» (бывшей). Отдел социального воспитания должен составить «план хозяйства в этом помещении дефективных детей».

1 Будущая колония им. М. Горького, первоначально как «основной детский дом для морально дефективных детей № 7», открыта приказом Полтавского губнаробраза 25 августа 1920 г. Зав. губнаробразом – А. М. Мизерницкий (был в этой должности 8 месяцев; с 1924 г. – гл. редактор ж. «Радянська освита», Харьков; в 1925 г. и далее – предс. правления

Всеукраинского профсоюза работников просвещения; выступил в защиту идей и опыта А. С. Макаренко в 1927-1928 гг.).

А. С. Макаренко переведен с заведования трудовой школы № 10 г. Полтавы на заведование этим учреждением 30 сентября 1920 г. Первые 6 воспитанников приняты 4 декабря. 15 апреля 1921 г. А. С. Макаренко получил мандат, удостоверяющий, что он «является членом Совета рабочих и красноармейских депутатов г. Полтавы, делегированным от Союза «Наркульт», значится в секции просвещения».

Приведенная выше помета-автограф А. С. Макаренко говорит о том, что он уже тогда называл свое учреждение не детским домом, а «колонией малолетних», игнорируя выражение «дефективность» и «правонарушители». Это один из показателей его изначальной установки на применение в своем опыте педагогических целей и средств, характерных для «нормального детства». В дальнейшем выработался корректив к этому: специфическая работа с новичками первые 2-5 месяцев их пребывания в колонии, затем обращение с ними как с «нормальными» детьми.

2 Волость – низшая административная единица в дореволюционной России и в СССР до районирования 1929-1930 гг.

3 Комнезаможи – комитеты бедноты (комбеды), действовали в стране в 1921-1929 гг.

4 В «Педагогической поэме» Калина Иванович Сердюк. См. «Типы и прототипы...» в данной книге, в Приложении.

Письмо Б. Ф. Гороновичу

7 июня 1921

Борис!

...Я мало представлений имею о твоей настоящей жизни и, так сказать, деятельности, но почти уверен, что ты недоволен - ведь в Крюкове и людей никаких не осталось, и дела никакого не может быть интересного. Я тебе ничего особенного не предлагаю и горы золотые не выставляю напоказ, но будешь более или менее сыт, получишь приличное по теперешним временам жалованье, самое главное, попадешь в большое творческое дело и в хорошую компанию.

Я сейчас заведую колонией малолетних преступников. Ты не пугайся: преступники эти довольно сносные ребята. Колония наша сейчас производит большой ремонт имения б. Трепке - там будет трудовая колония для нормальных детей, поместить в ней я думаю не меньше 150 «штук». Место замечательно красивое, с речкой, садами и парком, с прекрасными, хотя и

разрушенными, домами. Ремонт большой и окончится не раньше августа - сентября. Колония будет объединена с нашей одним управлением и одним педагогическим советом.

В этой колонии я тебе и предлагаю место. А пока она отремонтируется, будешь работать у нас - у малолетних. К сожалению, не могу тебе предложить отдельную комнату и кормиться придется с [общего] котла, но потом, конечно, все устроится.

Я тебе советую соглашаться и приезжать. Тебе рисковать нечем, зато, ей богу, здесь много поэзии и в работе, и в жизни: одно удовольствие проехаться утром в Полтаву чего стоит!

Я думаю, ты сумеешь вырваться из Крюкова. Если вырвешься, захвати с собой белье и постель и кати. Буду очень благодарен тебе, если захватишь с собой мою маму[1] и поможешь ей перевезти свои хаптурки[2].

В случае каких-нибудь затруднений напиши мне по адресу: Полтава, Котляревская, 6, Татьяне Михайловне Гайдамакиной, для меня.

Твой *Антон.*

Пет. соч., т. 8, с. 8. Б. Ф. Горонович – в 1918-19 гг. учитель Крюковского железнодорожного высшего начального училища, где А. С. Макаренко ранее был инспектором (директором).

1 Мать А. С. Макаренко, Татьяна Михайловна, переехала из Крюкова в горьковскую колонию в 1924 г., умерла 11 сентября 1931 г. в Харькове (Куряже).

2 Хаптурки: в просторечии – домашние вещи, пожитки.

Анкетный лист по исследованию хозяйственно-материального положения и нужд учреждений дефективного[1] детства Харьковской области[2]

Трудовая колония им. М. Горького в Полтаве.

Полтава, Губнаробраз, заведующему колоний им. М. Горького. Или: Полтава, до востребования.

Антон Семенович Макаренко

Штат: педагогического – 12, инструкторского – 8, технического – 12.

Наименование учреждения по плану Наркомпроса [УССР]: Основной детский дом № 7.

Штаты по плану Наркомпроса: педагогического – 8, технического – 12.

Помещения. Колония размещается в 2-х имениях, одно от другого на расстоянии 2-х верст[3]. Называются они «1-я колония» и «2-я колония». Собственно говоря, только первая колония вполне оборудована. Вторая колония представляет помещичье имение б. Трепке, которое было совершенно разрушено крестьянами и уже второй год медленно восстанавливается колонией при небольшой помощи Полтавского Губнаробраза, а в настоящем году и Наркомпроса [УССР]. Предлагаются точные планы всех жилых зданий.

(Далее дается описание зданий в I и II колоний с общим итогом: «Всего в 10 зданиях 1-й колонии 67 помещений – 2465 кв. аршин[4]. Из них: под квартирами 409 кв. арш. – 18%, под спальнями 307 кв. арш. – 13%, под службами – 288 кв. арш. – 12%, под мастерскими – 351 кв. арш. – 15%, под сараями и кладовыми – 290 кв. арш, под сенями и пр. – 228 кв. арш. – 6%.

Во II колонии. (Данные относительно размещения предположительные)… Всего в домах и зданиях А-Д 5014 кв. арш. Из них: под квартирами 1023 кв. арш. – 20%, под спальнями 787 кв. арш. – 13%, под мастерскими и классами 567 кв. арш. – 11%, под службами – 761 кв. арш. – 19%, под сараями 1224 кв. арш. – 24%, под сенями и пр. – 444 кв. арш. – 8%, под верандой – 152 кв. арш. – 5%». Отмечены без описания в чертежах: «хата под соломой», 5 комнат; «хата под черепицей», 9 комнат; «бетонная конюшня», «дом» - 6 комнат; два сарая.

Далее – необходимость в ремонте: в I колонии – по 2-м домам, во II колонии – данные о произведенном ремонте 4-х домов и потребность в ремонте других построек, с обозначением конкретных потребностей в стекле, изготовлении «дверных полотен», «оконных просветов», в «настилке полов», штукатурных работах, ремонте крыш, парового отопления. «Кроме того необходимо устройство уборных и водоснабжения, совершенно отсутствующих».)

«***Усадьба***. В 1-й колонии имеется 12 десятин[5] поля – песок, 5 десятин огорода, 85 десятин молодого соснового леса, принадлежащего раньше колонии; в настоящее время в ведении лесоуправления. Земля мало удобна. Усадьба не огорожена.

При 2-й колонии считаются поля – 40 десятин, усадьбы – 15, луга – 3 десятины и парка с молодняком – 3 десятины. Всего – 61 десятина.

Схематические планы прилагаются. Жилые здания заштрихованы».

Обстановка. Вообще говоря, колония не получила ни одного предмета обстановки и имеет только то, что сделано в собственной столярной мастерской. Вследствие этого колония очень бедна мебелью, а то, что она имеет, очень примитивно и далеко от изящества. В частности, колония имеет 80 кроватей-дачек, десятка два столов и дюжину парт. Две-три дюжины стульев и лавок.

Дальнейшее увеличение обстановки, крайне необходимое, задерживается отсутствием материалов и средств, а также усиленной работой мастерской по хозяйству и ремонту. Мастерские обеспечены лучше. В столярной имеется 10 верстаков. В кузнечной – два горна и 2 наковальни.

Инвентарь. 1. Учебных пособий нет, за исключением старых картин, кое-каких коллекций.

2. Мастерские обеспечены инструментом очень слабо, в частности: Кузница. Есть сверлильная машина, но очень мало нарезного инструмента. Боевого инструмента достаточно, но большая нужда в слесарных и жестяницких инструментах. Столярная. Есть всего 2 набора вполне исправных, остальные старые. Сапожная. Инструмент есть, но большая бедность на колодки. Корзиноплетная. Есть, что нужно.

3. Аптека. Имеется достаточно.

4. Кухонный инвентарь. Почти удовлетворительный.

5. Постельный. Имеется 2 смены на 80 воспитанников.

6. Бельевой. Имеется 3 смены.

7. Одежда. Костюмов имеется по 2 рабочих и 1 праздничному. Требуется немедленное увеличение, т.к. одежда уже приходит в ветхость. Верхняя одежда есть, но уже совершенно изношенная.

8. Обувь. Одеты в ботинки 70%. Остальные босы. Имеющаяся обувь очень плохого качества и не годится для рабочих условий колонии.

Хозяйственное оборудование. Самая яркая нужда колонии – живой инвентарь. Имеются 3 лошади и 3 вола, плохого качества те и другие. Для обработки 52 десятин поля и 10 десятин огорода при условии постоянных

поездок в город и между колониями – указанное число слишком недостаточно.

Колония имеет: 2 коровы, 3 свиньи, 19 гусей, 15 уток, 8 овец, 1 телка.

Сельскохозяйственными машинами колония сравнительно обеспечена. Имеется 3 плуга, сеялка, жатка, бороны. Необходимо приобрести конную молотилку.

Из перевозных средств: 1 беговые дорожки, 4 воза, 5 саней, 2 бочки для воды.

Примечания и добавления.

Колония начала развивать свое хозяйство, почти ничего не имея. Поэтому огромная доля сил и энергии ушла на добывание самого необходимого. Колония никогда не имела в своем распоряжении какого-нибудь капитала. К настоящему времени эта нужда в основном капитале ощущается очень остро. Недостаток лошадей и волов не позволяет обрабатывать и унавозить землю, это очень отражается на урожае.

То же отсутствие единовременно вложенного капитала привело к тому, что все заботы направлены были на то, чтобы зарабатывать на приобретение машин и скота, а нужды не менее важные, как мебель и обувь, не удовлетворялись. Отсутствие капитала вообще определило очень медленный рост богатства, между тем как детское население все время росло и достигает 80 детей.

Заметная помощь со стороны Губоно высказывалась только в одежде.

Совершенно отдельно стоит вопрос о капитальном ремонте II колонии. Ремонт разрушенного помещичьего гнезда колония приняла на себя по собственному почину, но была очень слабо поддержана средствами. Поэтому ремонт принял затяжной характер.

Между тем даже теперь, если дать колонии небольшие средства, но дать сразу, чтобы она могла окончить ремонт и пополнить живой инвентарь, - всего 40-50 миллиардов[6], колония сразу встала бы на ноги и могла бы быстро увеличить число детей до 150, покрыла бы в значительной степени расходы по их содержанию, и очень быстро совершенствуясь в смысле внутренней организации.

Зав. колонией *А. Макаренко*.

(При этом даются: «схематические планы» I и II второй колоний, с изображением их расположения на местности; чертежи 8 зданий в I колонии и 5 зданий II колонии, с обозначением назначения и устройства зданий, отдельных комнат, дверей и окон, печей; выполнено в масштабе квадратных аршин).

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах (1920-1926 гг.) /Сост. О. П. Ермак, Л. В. Крамощенко, И. Ф. Кривонос, Н. М. Тарасевич. В 2-х частях, выпусках. Часть 1. – Полтава, 2002, с. 107-128. Датируется: не ранее июля 1922 г.

До этого, в начале июня 1922 г. колонию посетили инструктор Гласоцвоса НКП УССР З. Т. Козлова и «областной инспектор» А. М. Алмазов. В докладе А. М. Алмазова «члену Коллегии НКП, главному инспектору тов. Соколянскому» 12 июня 1922 г. отмечено:

«... Тов. Макаренко, человек дельный, много трудов потратил на колонию... Есть один педагог – бывш. министр финансов ДВД (Дальневосточная республика, в период гражданской войны; имеется в виду, вероятно, В. И. Ермоленко)... Через год... Колония сумеет перейти на самоокупаемость. Отчетность, хотя и старого образца, но поставлена правильно и точно. Колония теперь уже производит отрадное впечатление... Скверное продовольственное положение и отсутствие белья и обмундирования. На почве истощения возможны заболевания... Оказать всеми средства максимальную помощь... Таких колоний на Украине, безусловно, мало» (Опускула макаренкиана – Макаренковедческие работы, № 14/ Сост. Г. Хиллиг. – Марбург, Германия, 1994, с. 2-4).

1 В начале 20-х гг. в официальной педагогики действовала теория «моральной дефективности». В 1923 г. она стала подвергаться критике; появилось понятие «педагогическая запущенность». В начале 1923 г. А. С. Макаренко отмечал: его 2-летний опыт «проблему нравственной дефективности вынуждает рассматривать с некоторым сомнением» (см. ниже его «Опыт образовательной работы...», 1-й абзац). В публикуемой далее деловой переписке последнее макаренковское обращение к руководству системы «дефдетучреждений» относится к лету 1923 г.

2 Областью тогда называлась территория, объединяющая учебные заведения (типа дореволюционного учебного округа). Основной адмистративно - территориальной единицей до 1932 г. была губерния (затем область). Округ и район – административные единицы губернии. Харьковская учебная область включала Харьковскую, Полтавскую и Донецкую губернии. В период гражданской войны Полтавская губерния переведена из Киевского учебного округа в Харьковский. При советской власти столицей Украины стал Харьков. В 1934 г. столица перенесена в Киев.

3 Верста – русская мера длины, равна 1,06 км.

4 Аршин – русская мера длины, ровна 0,71 метра.

5 Десятина – русская мера земельной площади, равна 2400 кв. сажений, 1,09 гектара.

6 Сумма, данная в условиях инфляции.

Объяснительная записка к смете на окончание ремонта II трудовой колонии в Ковалевке возле Полтавы. В Главсоцвос

10 июля 1922 г. №530

2-я колония в Ковалевке – это бывшее имение помещика Трепке, Основательно разрушенное крестьянами во время революции. (Оно находится 2-х верстах от Полтавской трудовой колонии им. М. Горького.) Оно было «открыто» колонией зимой 1921 года и предложено Полтавскому губнаробразу в качестве самого лучшего места для организации образцовой большой трудовой колонии.

Полтавский губнаробраз пошел навстречу инициативе колонии, но больших средств отпустить не мог, поэтому колония начала ремонт собственными силами. Она успела поставить переборки, печи, сделать окна и двери.

К сожалению, колонии не удалось получить лесные материалы и стекло, хотя ордера на эти предметы были получены: лесные материалы были присвоены Управлением снабжения Наркомпроса (Украины – ред.), а стекло Полтавским губснабом. Наступившая зима захватила колонию без одежды, обуви и дров. По всем этим причинам ремонт пришлось приостановить.

В бытность в Полтаве наркома просвещения т. Гринько[1] я в присутствии коллегии губнаробраза докладывал о состоянии ремонта. Тогда т. Гринько сказал, что колония будет иметь всеукраинское значение и средства на ремонт будут даны.

Так как губнаробраз, очевидно, мало был заинтересован в окончании ремонта колонии, то обещание т. Гринько до последнего времени не имело реальных результатов. Только в июне, после посещения колонии инструкторами Главсоцвоса т. Алматовым и Козловой возникает возможность надеяться на финансирование ремонта со стороны органов Наркомпроса.

В настоящее время колония возобновила ремонтные работы на собственный риск, пользуясь незначительным местным кредитом, благодаря видам на урожай, но средства колонии слишком незначительны.

В прилагаемой смете имеется в виду окончание ремонта двух домов. Третий двухэтажный дом, предназначенный для классов и мастерских, требует слишком много лесных материалов, и поэтому вопрос о его ремонте нужно пока отложить. Ремонт четвертого полутораэтажного дома окончен, и в нем в настоящее время живут воспитанники.

Если Главсоцвос[2] отпустит просимую по смете сумму 506.630 рублей денежными знаками выпуска 1922 г., колония своими средствами произведет оборудование колонии на 100 человек, отремонтирует здания амбаров, конюшен, сараев и двух жилых хат, построит уборные и колодцы, что в общей сложности будет ей стоить не менее 300.000 рублей дензнаками 1922 г.

К весне 1923 года Наркомпрос будет иметь украинскую колонию им. М. Горького, созданную наполовину силами самих воспитанников.

Считаю совершенно необходимым, чтобы соответствующие кредиты были переведены непосредственно на имя колонии.

Завед. колонией

А. Макаренко

Секретарь строительной комиссии воспитатель

В. Поповиченко

Предст. воспитанников

Супрун

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I. – Полтава, 2002, с. 132-133. Смета на окончание ремонта с обозначением стоимости материалов и работ (по соотоянию цен на 1 июля, «в дензнаках обр. 1922 г.») – 456.530 руб. и «расходов по надзору и администрации» - 50.000 руб. – см. там же, с. 129-132.

Оба документа зав. Полтавским губнаробразом направил в Главсоцвос Наркомпроса УССР 11 августа (далее в текстах и Комментарии обозначение «Наркомпроса УССР» опускается). До этого, 1 августа Полтавский губнаробраз сообщал в Полтавский губисполком: «Согласно доклада инструктора Главсоцвоса тов. Козловой Главсоцвос отпускает на ремонт зданий колонии имени Максима Горького от 2-х до 3-х миллиардов рублей, при условии, если Губисполкомом со своей стороны будет отпущено столько же из местных средств». Тогда же член Президиума Полтавского

губисполкома уведомил Наркомпрос о «согласии выделить при первой же возможности для вышеназванной цели 2 миллиарда рублей».

8 июля 1925 г. А. С. Макаренко сообщал А. М. Горькому: «Истратили мы на ремонт 14.000 рублей и 20.000 детских рабочих часов» (стоимость дается в значении после денежной реформы, она завершилась в 1924 г.)

1 Гринько К. Ф. (1890-1938) – нарком просвещения УССР в 1919-1922 гг. Примерно в середине 1922 г. А. С. Макаренко писал: «... Как раз мы являемся теми людьми, которых Гринько называл «подвижниками соцвоса» (см. ниже текст «О некоторых проблемах теории и практики воспитания»). В «Педагогической поэме» глава «Подвижники соцвоса» – т. 3, с. 55-59.

Соцвос, социальное воспитание – педагогическая концепция, возникшая на рубеже XIX-XX вв. Отрицала привилегированную «школу учебы» с ее словесно-академической направленностью. Утверждала демократические принципы равенства и всеобщности образования. Способствовала развитию общественного воспитания, трудовой и коллективистской направленности образования, всестороннему развитию индивидуальности. Разрабатывала идею «школы жизни», традицию приоритета воспитания в становлении личности.

Содержание социального воспитания концентрировано изложено в работах А. В. Луначарского, В. В. Зеньковского (1918 г.), А. И. Ульяновой-Елизаровой (1920 г.), Н. К. Крупской (1924, 1930 гг.). См.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. В 2-х частях, выпусках. Часть 2 /Сост. А. А. Фролов, Ю. Х. Трушина, Г. Н. Козлова. – Н. Новгород, 2003, с. 216-230, 245-251. В 20-х гг. XX в. термин «социальное воспитание» был широко распространен, будучи по существу идентичным понятию «коммунистическое воспитание», которое стало главенствующим в 30-х гг.

«Декларация Народного Комиссариата просвещения УССР о социальном воспитании детей» (датируется 1 июля 1920 г.) провозглашала развитие установок «Положения о единой трудовой школе РСФСР» (1918 г.) в направлении общественного воспитания. См. там же, с. 211-215, 231-238.

А. С. Макаренко, воодушевленный идеями «Декларации», оставил заведование трудовой школой № 10 г. Полтавы, перешел к работе в воспитательно-образовательном учреждении интернатного типа с трудовой направленностью, в системе «охраны детства».

2 Главсоцвос, Главное управление социального воспитания и политехнического образования, - одно из подразделений Наркомпроса УССР. В его ведение входили не только детдома и охрана прав детей, но и школы, дошкольные учреждения, повышение квалификации работников соцвоса (учреждено в 1921 г., реорганизовано в 1932 г.). Другие подразделения НКП: Главполитпросвет, Главпрофобр, Главнаука, ведомства по культуре и печати. По своим функциям Главсоцвос идентичен

Министерству посвящения (образования) в его последующем и современном виде.

Лекций о коллективе и личности в детской колонии, с. Писаревщина (запись слушателя)

Мы живём в эпоху больших исторических событий, когда все то, что создано буржуазным обществом и что называется культурой, ломается и рассыпается, превращается в пыль.

Мы отобрали у помещиков землю, у капиталистов фабрики. Мы их прогнали из Советской России, а с ними и их понятия морали, чести и т.д.

У нас будет своя мораль, мы создадим свои ценности, создадим новых людей. Нам трудно, мы ошибаемся, но на ошибках учимся.

Все эти Мейманы[1], Шаррельманы[2], Толстые[3] не дают нам необходимых знаний, как воспитать нового человека из нашего А, Б, и др.

Тов. Нехороший говорит, что наша задача научить, как быть в толпе не толпой. Я считаю, что такую задачу выполнит с успехом балетмейстер, а нам - воспитателям - нужно воспитывать людей в широком смысле этого слова.

Воспитывать человека - это означает руководить практикой жизни человека.

Человек и коллектив - это центральные вопросы пролетарской революционной педагогики.

Буржуазная педагогика определяет процесс воспитания как воздействие воспитателя на воспитуемого.

Воспитатель, говорит Толстой, формирует [у детей] свои понятия, свои убеждения, свое мировоззрение. И почти всегда воспитатель недоволен своим «произведением», потому что воспитуемый усвоил другие понятия, приобрел другие качества. Кто же эти качества, нежелаемые воспитателю, воспитал?

Ответ один - жизнь.

Буржуазная педагогика зашла в тупик.

Как ни старалась буржуазия воспитать послушные массы, а вышли бунтари, революционеры.

Советский человек, человек революции, тем более не может быть воспитан непосредственным воздействием одного человека, хотя бы и очень умного.

Коллектив и личность - проблема советской педагогики.

Природа коллектива.

Коллектив - это группа людей, большая или малая, но не простая сумма слагаемых I+I+I+I+I+I=6, а людей, объединенных производственно-хозяйственными взаимоотношениями.

Формы коллектива бывают различные: семья, школа, фабрика, артель, все наши организации и объединения. Все они тесно связаны, и все они воздействуют на индивидуума.

Взаимоотношения между коллективами и в коллективах и есть факторы, воздействующие на человека, более сильные, чем воздействие одного воспитателя, хотя бы и обладающего высокими личными качествами.

Моральный и умственный рост человека возможен только в коллективе - в жизненной среде. Это положение упускается из вида буржуазными педагогами (Кей[4], Толстой, Шаррельман и др.).

Организовать воспитание - значит организовать воспитывающую среду, т.е. организовать окружение - коллектив, организовать и руководить жизненной практикой индивидуума.

Коллектив может самоорганизовываться, найти в своей среде организаторов. Тогда воспитывающий может легко остаться в стороне, и все его воздействие будет определяться миллионными долями.

Вопрос: Отношение индивидуума к коллективу и в чем заключается прогресс?

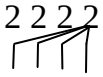
Ответ: Трудовая основа коллектива, его жизненная практика обуславливают рост коллектива.

Накапливается опыт коллектива - количество. Возникают новые формы производства, общественного быта, высшая ступень сознания, новая этика - качество. Это и есть то, что называется прогрессом.

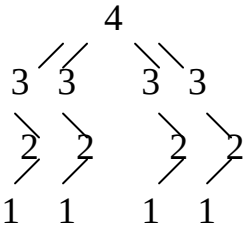
Не может быть такого положения, чтобы коллектив прогрессировал, а индивид стоял на месте или наоборот. Между индивидуумом и коллективом прямое взаимодействие.

На общей основе жизненной практики коллектива выделяются индивидуумы, лучше усвоившие эту практику.

Их культурный уровень выше уровня масс. Затем массы поднимаются к его уровню.



Используя опыт масс, снова вырастают личности и в свою очередь воздействуют на массу и т.д.



Этим положением и определяется отношение индивидуума к коллективу.

Безусловно, эта схема - примитив: пути развития общественных сил объяснить не так легко.

Значение личности в истории сегодня еще проблема. Этим вопросом занимается советская наука.

Вопрос: Может ли воспитатель противоставить свои силы коллективу, если коллектив представлен колонией им. В. И. Ленина или распределителем № 2.

Ответ: Воспитатель не должен противопоставлять себя коллективу, а [он должен] находится внутри коллектива и руководить движением коллектива, сливая свои силы с силами коллектива.

Распределитель не есть в полном смысле слова коллектив. В нем бывает иногда и большое количество детей, но у них нет трудовой основы так же, как у пассажиров, ожидающих поезд. Но и пассажиры могут организоваться в коллектив. Например: опоздал поезд, нет продажи билетов и т.п. У них возникает деятельность. Они требуют, просят, посылают делегацию и т.п. Такой коллектив будет временным. Роль воспитателей в таком коллективе играет выделившийся актив.

Колония есть постоянно действующий коллектив со штатом должностных лиц. Они-то и должны стоять в центре коллектива, направлять его жизнь соответственно духу времени.

Вопрос: Товарищ Вударин рекомендовал женить колонистов на колонисткам. Отвечает ли этот финал воспитательной деятельности духу времени?

Ответ: Женитьба всегда была, всегда будет, а поэтому не противоречит и революционной морали. Воспитаннику 18-20 лет. Кто может помешать ему жениться? Иное дело, что будет делать семейный воспитанник? Для того мы и воспитатели, чтобы найти ему дело, научить.

Вопрос: Объясните значение внушения и его роль в деле воспитания.

Ответ: Если речь идет о гипнозе, то я не гипнотизер. Если вы имеете в виду простое слово, то слово, не подкрепленное жизненным опытом, остается для воспитанника пустым словом, и роль его как воспитательного фактора невелика.

Вопрос: Можно ли считать положения педагогики об индивидуальном воспитании абсолютно непригодными?

Ответ: Нет, о пригодности или непригодности всех положений я не скажу. Есть кое-что и пригодное.

Но воспитывать индивидуума можно только в революционном коллективе, который должен стать критерием оценки поведения индивидуума.

Научный архив АПН СССР, фонд 31, оп. 1, арх. № 331. Несовершенная публикация: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко. Кн. 5, Львов, 1963. Фрагментарная публикация: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко. Учеб. пос., подг. А. А. Фроловым, Горький, 1976, с. 27-28. Датируется 9 августа 1922 г. (возможно, 1923 г.).

О публичных ярких выступлениях А. С. Макаренко в это время на педагогические темы вспоминает хорошо знавший его в 1917-начале 20-х гг. И. Н. Гуков: «Поражало знание Антоном Семеновичем педагогической литературы. Длинные цитаты из русских и иностранных авторов он приводил наизусть. И приводил для того, чтобы опровергнуть их советской практикой. Это «отрицание святых» в педагогике, преклонение перед опытом и экспериментом влекли к нему учительскую молодежь» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 536, лл. 106-107).

В этих выступлениях, несомненно, отражалось содержание работы А. С. Макаренко «Кризис современной педагогики». Это «большой сочинение», за которое он в Полтавском учительским институте (окончил его в июле 1917 г.) «получил золотую медаль» (т. 1, с.10). «Удостоен золотой медали» - говорится в Аттестате, полученным им при выпуске из института; в Характеристике педагогического совета о нем говорится: «по педагогике и гуманитарным наукам очень много читал и представлял прекрасные сочинения» (т. 8, с. 118-119). Текст «Кризиса современной педагогики» считается безвозвратно утраченным в период гражданской войны.

Запись данной лекции, как и любая запись такого рода, не является точным воспроизведением сказанного.

1 Мейман Э. (1862-1915) – нем. педагог и психолог, основатель «экспериментальной педагогики».

2 Шаррельман Г. (1871-1940) – нем. педагог, один из теоретиков реформаторского движения в педагогике, сторонник превращения школы в «трудовое сообщество детей».

3 Говорится о Л. Н. Толстом.

4 Кей Э. (1849-1926) – швед. общест. деятельница, педагог, сторонница «свободного воспитания», связи школы с жизнью.

***Дополнение.* Детская секция Политпросвета Полтавского губкома 24 августа 1922 г. постановила: «Просить губисполком приурочить вручение знамени колонии малолетних правонарушителей ко дню 3 сентября» (Международному дню рабочей молодежи).**

Список воспитанников

1. Шено Кирилл, муж., рожд. 9 июня 1907 г., в колонии с 4 февр. 1922 г. Украинец. Пребывал в нескольких приютах. Оказался неуживчивым. Драки и озорство. Родственники: Никого. Нормальный. Одаренность удовлетворительная.

2. Бойко Павел, муж., 9 июля 1904 г., с 25 апр. 1921 г. Украинец. Драки и грубость в интернатах. Никого. Нормальный.

3. Чевелий Дмитрий, муж., 4 сент. 1908 г., с 16 апр. 1921 г. Украинец. Кража картофеля на огороде. Никого. Нормальный.

4. Галатенко Евграф, муж., … 1907 г., с 13 сент. 1921 г. Украинец. Обрезывал телефонную трубку /хотел сделать нагайку/. Никого. Нормальный. Очень слабая.

5. Крупко Павел, муж., … 1905 г., с 25 апр. 1921 г. Украинец. За драки и грубость в интернатах. Никого. Морально-дефект.

6.Таранец Федор, муж., 13 авг. 1904 г., с 17 мая 1922 г. Украинец. Переведем из реформаториума (кража платьев с вешалки). Есть отец. Морально-дефект.

7. Каменинский Петр, муж., 23 июня 1903 г., с 9 июля 1922 г. Украинец. Воровство на вокзале. Никого.Не ясен.

8. Гольдман Абрам, муж., … 1907 г., с 17мая 1922 г. Еврей. Переведем из реформаториума (драки и шалости в приюте). Никого. Нормальный. Слабая.

9. Лепенен Иван, муж., …июль 1904 г., с 17 авг. 1922 г., Великоросс. Беспризорность. Никого. Нормальный.

10. Ермаков Георгия, муж., …1906 г., с 20 авг. 1922 г. Великоросс. Беспризорность. Никого. Нормальный.

11. Супрун Григорий, муж., 7 апр. 1904 г., с 9 апр. 1921 г. Украинец. Участие в шайке воров. Никого.

12. Браткевич Антон, муж., … 1907 г., с 14 мая 1921 г. Украинец. Воровство из дома и неподчинение отцу. Отец и мать в Полтаве. Морально-дефект.

13. Зотов Алексей, муж., 17 марта 1905 г., с 1 апр. 1922 г. Великоросс. Подозрение в шпионстве. Собст. говоря, беспризорность. Мать в Иваново-Вознес. губ. Нормальный.

14. Крестовоздвиженский Виктор, муж., 1 янв. 1908 г., с 15 апр. 1922 г. Украинец. Кража вещей из квартиры соседей. Отец и мать в Полтаве. Нормальный.

15. Зенин Кузьма, муж., 22 окт. 1904 г., с 16 мая 1922 г. Великоросс. Политический бандитизм. Отец и мать в Уральской области. Нормальный.

16. Грак Федор, муж., 6 июня 1904 г., с 3 июня 1922 г. Украинец. Кража из кладовой обывателя. Мать вторым браком. Нормальный. Слабая.

17. Повисенко Петр, муж., 29 июня 1906 г., с 16 апр. 1921 г. Украинец. Беспризорность. Никого. Нормальный.

18. Новиков Георгий, муж., 24 авг. 1903 г., с 6 мая 1922 г. Великоросс. Подозрение в шпионстве. Собс. говоря беспризорность. Отец и мать есть, но в разных местах. Нормальный.

19. Калабалин Семен, муж., …1902 г., с 9 марта 1921 г. Украинец. Уголовный бандитизм. Вооруженный грабеж. Отец и мать. Нормальный. Хорошая.

20. Колос Иван, муж., 9 янв. 1903 г., с 18 дек. 1920 г. Украинец. Политический бандитизм. Отец и мать. Нормальный.

21. Филатов Николай, муж., 30 марта 1908 г., с 6 марта 1922 г. Великоросс. Подозрение в шпионаже. Мать в Туле. Нормальный.

22. Бублик Григорий, муж., 25 янв. 1906 г., с 17 мая 1922 г. Украинец. Переведен из реформаториума (драки и шалость). Никого. Нормальный.

23. Крестовоздвиженский Леонтий, муж., 12 авг. 1906 г., с 20 апр. 1921 г. Украинец. Кражи в домах и на рынке. Отец и мать в Полтаве. Морально-дефект.

24. Сухоиван Павел, муж., …июня 1909 г., с 25 янв. 1922 г. Украинец. Беспризорность. Отец в Екатер. губ. Нормальный.

25. Гольберг Александр, муж., …ноябрь 1906 г., с 9 июля 1922 г. Еврей. Кража в ночлежке. Никого. Нормальный.

26. Прихотько Георгий, муж., 1 апр. 1905 г., с 9 июля 1922 г. Украинец. Политический бандитизм. Никого. Нормальный.

27. Самарский Филипп, муж.…1904 г., с 17 авг. 1922 г. Украинец. Кража из кладовой детского дома. Никого. Нормальный. Слабая.

28. Горгуль Денис, муж., 22 февр. 1904 г., с 17 нояб. 1921 г. Украинец. Беспризорность. Никого. Нормальный.

29. Усатюк Сергей, муж., …1908 г., с 28 марта 1921 г. Украинец, Кража конфет из д/дома. Никого. Нормальный.

30. Остапенко Николай, муж., 4 июня 1904 г., с 17 мая 1921 г. Украинец. Кража на улице. Отец в Харьковской губ. Нормальный. Слабая.

31. Сидоренко Владимир, муж., 15 июля 1906 г., с 17 окт. 1921 г. Украинец. Беспризорность. Никого. Нормальный.

32. Плетенский Антон, муж., 7 дек. 1907 г., с 4 февр. 1922 г. Великоросс. Подозрение в шпионаже. Мать в Воронеж. губ. Нормальный.

33. Орисенко Александр, муж., 9 ноября. 1907 г., с 6 марта 1922 г. Украинец. Кража в детском доме. Никого. Нормальный.

34. Мешков Иван, муж., 14 сент. 1905 г., с 17 мая 1922 г., Белорус. Кража одеял в детском доме (был в рефораториуме). Никого. Нормальный.

35. Артемов Сидор, муж., 6 июля 1910 г., с 4 февр. 1922 г., Великоросс. Шалости в д/доме. Никого. Нормальный. Слабая.

36. Плешов Пантелей, муж., 6 июля 1905 г., с 1 авг. 1921 г. Украинец. Кражи у хозяина. Никого. Морально-дефект. Очень слабая.

37. Пряников Георгий, муж., …1906 г., с 4 февр. 1922 г. Великоросс. Подозрение в шпионстве. Никого. Морально-дефект. Слабая.

38. Галюша Харитон, муж., …июнь 1908 г., с 26 марта 1921 г. Украинец. Кража в детском доме. Мать в Ковалевке. Нормальный. Слабая.

39. Ленианский Лев, муж., … 1908 г., с 17 мая 1922 г. Еврей Кража в детском доме. Никого. Морально-дефект .Слабая.

40. Гончаров Алексей, муж., 29 марта 1905 г., с 4 февр. 1922 г. Великоросс. Подозрение в шпионстве. Никого. Нормальный.

41. Шнапер Евгений, муж., 11 янв. 1908 г., с 6 мая 1922 г. Великоросс. Кража в детском доме. Никого. Нормальный. Слабая.

42. Шершнев Николай, муж., 12 фев. 1907 г., с 14 марта 1921 г. Великоросс. Кража в доме. Отец в Мелитополе. Нормальный.

43. Мытникова Мария, жен.8 марта 1904 г., с 24 марта 1922 г. Украинка. Кража на вокзале. Никого. Нормальный.

44. Квитковская Екатерина, жен., 24 ноября 1905 г., с 8 мая 1922 г. Украинка, Кража у хозяина. Никого. Нормальный.

45. Терещенко Раиса, жен., 26 июня 1905 г., с 4 дек. 1920 г. Украинка. Кража на рынке. Никого. Нормальный.

46. Кравцова Ефросинья, жен., …1907 г., с 6 мая 1922 г. Украинка. Кража на вокзале. Отец и мать в Воронеж. губ. Нормальный.

47. Катеринюк Екатерина, жен., 24 ноября 1906 г., с 9 янв. 1922 г. Украинка. Кража в детском доме. Никого. Морально-дефект. Слабая.

48. Лебедева Харитина, жен., 1 июня 1904 г., с 29 июня 1922 г. Украинка. Кража в детском доме. Никого. Нормальный. Слабая.

49. Величко Елена, жен., 21 мая 1907 г., с 26 авг. 1922 г. Украинка. Убийство в припадке после тифа. Никого. Нормальный.

50. Лисаченко Наташа, жен., 26 авг. 1905 г., с 26 авг. 1922 г. Украинка. Кража кур. Отец в Полтаве. Нормальный.

51. Халоимова Нустина, муж., 13 сент. 1905 г., с 26 авг. 1922 г. Украинка. Кража платья. Отец в Полт. губ. Нормальный.

52. Посошков Василий, муж., 1 янв. 1906 г., с 4 февр. 1922 г. Великоросс. Беспризорность. Никого. Нормальный. Слабая.

53.Ребик Арсений, муж., … 1907 г., с 25 марта 1921 г. Украинец. Беспризорность. Никого. Нормальный.

54. Гонтарь Тимофей, муж., … 1905 г., с 6 марта 1922 г. Украинец. Кража в дет. доме. Никого. Нормальный.

55. Шелухин Матвей, муж., 16 нояб. 1905 г., с 4 нояб. 1921 г. Великоросс. Беспризорность. Никого. Нормальный. Одаренность хорош.

56. Зенченко Иван, муж., 12 апр. 1904 г., с 24 нояб. 1921 г., Украинец, Уголовный бандитизм. Никого. Нормальный.

57. Позняков Георгий, муж., 2 апр. 1903 г., с 4 февр. 1922 г. Великоросс. Подозрение в шпионаже. Никого. Нормальный.

58. Ткаченко Василий, муж., … 1907 г., с 1 авг. 1921 г. Украинец. Шалости в д/доме. Никого. Нормальный.

59. Дерновой Павел, муж., … 1905 г., с 14 июля 1922 г. Украинец. Кража в приемнике. Никого. Нормальный.

60. Краснокутский Николай, муж., 20 июня 1903 г., с 13 июня 1922 г. , Украинец. Воровство в поезде. Никого. Нормальный.

61. Краснокутский Антон, муж., … 1910 г., с 15 июля 1922 г. Украинец. Беспризорность. Никого. Нормальный.

62. Поляков Андрей, муж., 26 авг. 1905 г., с 4 февр. 1922 г. Великоросс. Уголовный бандитизм. Мать в Калуж. губ. Нормальный.

63. Чеботарев Иван, муж., … 1904 г., с 9 июля 1922 г. Великоросс. Беспризорность. Никого. Нормальный.

64. Рейхардт Иван, муж., 24 июня 1904 г., с 29 июня 1922 г. Немец. Беспризорность. Мать в Екатер. губ. Нормальный. Слабая.

65. Соловьев Антон, муж., … 1909 г., с 26 окт. 1921 г. Великоросс. Беспризорность. Никого. Нормальный.

66. Богопольский Антон, муж., … 1906 г., с 25 марта 1921 г. Украинец. Беспризорность. Нормальный.

67. Ткаченко Ал., муж., 1906 г., с 1 авг. 1921 г. Украинец. Кража в д/доме. Никого. Нормальный.

68. Синицын Григорий, муж., …янв. 1905 г., с 17 авг. 1922 г. Украинец. Кража в д/доме. Никого. Морально. дефект.

69. Курянчик, муж. Морально. деф. Слабая.

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах … Часть I, Полтава, 2002, с. 138-146. Официальная стандартная таблица, содержит графы: фамилия и имя, пол, время рождения, время определения в колонию, национальность, причина определения в колонию, есть ли родственники (попечители), род дефективности, особые привычки, одаренность. Публикуется в общем текстовом материале. Датируется концом августа - началом сентября 1922 г.

Тех из этого списка воспитанников, кто стал прототипами персонажей «Педагогической поэмы», см. в этой книге в Приложении (Типы и прототипы «Педагогической поэмы», первой ее части): Чевелей-Жевелей, Галатенко, Таранец, Супрун-Бурун, Браткевич-Братченко, Калабалин-Карабанов, Колос-Голос, Приходько, Шершнев-Вершнев, Шелухин-Белухин, Соловьев и др.

Областному инспектору учреждений дефективного детства

15 сент. 1922 г. №678

По вопросу о штатах колонии им. М. Горького представляю следующее:

В положении о сети учреждений дефективного детства колония им. М. Горького определена как основной детский дом № 7 с составом 45 детей, 4 педагогического и 8 технического персонала.

Такой штат не соответствует ни фактическому положению вещей, ни условиям работы колонии. Это несоответствие выражается в трех видах:

1. По характеру преобладающего детского населения, хозяйственных и бытовых условий вверенное мне учреждение должно быть отнесено к типу колонии, а не основного дома. Колония имеет 66 десятин занятой под культурами земли, около 3 десятин луга, 1½ десятин парка с фруктовым садом, 82 десятины леса. Кроме того она обладает 5-ю мастерскими. Для обслуживания всех этих строений необходим специальный персонал.

2. Детское население колонии выражается цифрой 80, а не 45. Тенденция к увеличению числа детей видна из следующей таблицы:

1 января	1922	года	было	- 44
1 марта	"	"	"	- 45
1мая	"	"	"	- 49
1 июля	"	"	"	- 62
1 сентября	"	"	"	- 80

3. Колония расположена в двух имениях, и поэтому некоторые должности /инструктора мастерских, огородничества, конюхи, кладовщики, кухарка, хлебопекарка/ требуются в удвоенном числе.

Принимая во внимание изложенное, считаю, при существующих к настоящему дню условиях минимально необходимым следующий штат:

	1 колония	2 колония	Всего	Примечание
1.Завед. колонией	-	-	1	
2. Воспитатели, заместители заведующего и учителя	1	1	2	Совершенно необходимо на время отсутствия завед. колонией
3. Воспитатели-учителя	5	2	7	
4. Запасный воспитатель	-	-	1	Необходим ввиду надобности отпуская для каждого воспитателя
5. Фельдшер	-	-	1	
6. Инструктор общего хозяйства	-	-	1	Он же и заведующий хозяйством
7. Инструктор огородников	1	1	2	
8. Инструктор мастерских	4	1	5	

9. Инструктор-экономка	-	-	1	На ее ответственности молочный скот, птица, свиньи, кролики и заготовки
10. Мастера	3	-	3	Кузнец, молотобоец и столяр-колесник
11. Кухарки	1	1	2	
12. Хлебопекарки	1	1	2	
13. Прачки	-	-	2	
14. Кастелянша	-	-	1	
15. Конюхи	1	1	2	
16. Делопроизводитель	-	-	1	
17. Агент в Полтаве	-	-	1	
18. Сторожей	1	1	2	
19. Кладовщики	1	1	2	В настоящее время воспитанники
Итого			39	

Примечание I. В настоящее время некоторые их этих должностей не замещены отдельным лицом, а именно: фельдшерские обязанности несет воспитательница, кладовщики - воспитанники, должности 2 инструкторов мастерских, экономки, одного мастера вакантны, всего не замещено 7 должностей. Замещено 32.

Примечание II. Приведенные штаты в случае благополучного окончания ремонта новых зданий II колонии и связанной с ним реорганизации колонии необходимо будет увеличить новыми воспитателями и инструкторами, параллельно росту детского состава, который к 1 января 1923 года предположено довести до 100.

Заведующий колонии *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I. Полтава, 2002, с. 148-150.

Список персонала колонии на 15 сентября 1922 г.

15 сентября 1922 г. № 679

I Воспитатели-учителя

1. Макаренко, Антон Семенович, заведующий колонией, 34 лет, окончил Полтавский учительский институт. Общий стаж 17 лет, по дефективности — 2 года.

2. Ермоленко, Владимир Иванович, воспитатель-учитель, заместитель завед. колонией по 1 кол., 54 года, окончил учительскую семинарию. Общий стаж - 7 лет, по дефективности - 1 год.

3. Григорович, Елизавета Федоровна, 42 лет, воспитательница-учительница и фельдшер, окончила фельдшерскую школу и полукурсовку медфакультета, Киевский педагогический фребелевский институт и Полтавский ИНО. Общий стаж - 13 лет, по дефективности - 2 года.

4. Никифорова, Лидия Николаевна, 24 лет, воспитательница-учительница, ок. епархиальное училище и Полтавский ИНО. Общий стаж – 5 лет, по дефективности - 2 года.

5. Поповиченко, Василий Иванович, воспитатель-учитель, 36 лет, окончил учительскую семинарию. Общий стаж - 16 лет, по дефективности - 1 год 9 мес.

6. Поповиченко, Надежда Тимофеевна, 32 лет, окончила ж. гимназию и слушала в Унив. Шанявского. Общий стаж - 11 лет, по дефективности - 1 год 9 мес.

7. Архангельская, Зинаида Петровна, 40 лет, окончила женскую гимназию. Общий стаж - 18 лет, по дефективности - 8 месяцев.

8. Раливончик, Александр Мартынович, 33 лет, окончил учит. семинарию. Замзав. по П колонии. Общий стаж - 10 лет, по дефективности - 2 месяца.

9. Ильяшевич, Николай Степанович, 48 лет, окончил учит. семинарию, воспитатель II кол. Общий стаж - 26 лет, по дефект. - 10 месяцев.

10. Ильяшевич, Евдокия Антоновна, 33 лет, воспитательница II колонии, окончила ж. гимназию, общий стаж - 8 лет, по дефективности – 10 месяцев.

11. Сагредо Любовь Петровна, 37 лет, запасная воспитательница, окончила ж. гимназию. Общий стаж - 12 лет, по дефективности - 1 месяц.

II. Инструктора и ремесленный персонал

12. Ерисов, Гордей Никифорович, 31 год. Инструктор общего хозяйства. Ок. Васильевскую ремесленную школу. Общий стаж - 3 года, по деф. – 2 года.

13. Николаенко, Михаил Павлович, 28 лет. Инструктор-огородник, домашнее образование. В колонии 1 г. 6 мес.

14. Тапуць, Бронеслав Мартинович, 32 лет. Инструктор-огородник II колонии. Дом. образование. В колонии 1½ года.

15. Богданович, Семен Лукич, 35 лет. Инструктор кузнечной мастерской. Дом. образование. В колонии 4 месяца.

16. Кононенко, Захарий Яковлевич. Инструктор сапожн. мастерской, 29 лет. Дом. образование. В колонии 6 мес.

17. Головнин, Михаил Григорьевич. Инструктор прикладного искусства, 34 лет, окончил Строгановское московское училище. В колонии 1 мес.

18. Лукашов, Сергей - кузнец.

19. Мацюцкий Сергей - молотобоец.

III. Технический персонал

20 Ермоленко Стефания – кастелянша.

21. Стебловская, Ефросиния - кухарка I колонии.

22. Яковлева Агриппина - кухарка II колонии.

23. Касьянова Клавдия - хлебопекарка I колонии.

24. Чемова Анна - хлебопекарка II колонии.

25. Глупова Христина - прачка.

26. Глупова Марфа – прачка.

27. Грищенко Силантий — конюх I колонии.

28. Хлебченко Иван — конюх II колонии.

29. Шиндрин Петр — сторож I колонии.

30. Орлов Денис — сторож II колонии.

31. Сербиков Александр — делопроизводитель.

32. Куриловская Ольга — агент в Полтаве.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах … Часть I. Полтава, 2002, с. 150-154. Адресовано Областному инспектору учреждений дефективного детства.

Тех из списка персонала, кто стал прототипами «Педагогической поэмы», см. в данной книге в Приложении (Типы и прототипы…): Григорович Е. Ф. – Елизавета Федоровна; Никифорова Л. Н. – Лидия Петровна, Лидочка; Поповиченко В. И. – Осипов И. И.; Поповиченко Н. Т. – Осипова Н. М., Ерисов Г. Н. – Елисов; Николаенко; Грищенко С. – Отченаш С. и др.

Типы и прототипы персонажей руководящих работников – там же (Записи к второй и третьей частям «Педагогической поэмы»): Веселова - Гуляева А. В., Берлин Р. Л. – Джуринская Л. С., Бакич Е.А. – Бокова М. К., Козлова З. Т. – Теляченко (Козлова); в т. 3, с. 484 – Теляченко Зоя, в «Пед. поэме» Зоя, товарищ Зоя; Яковлев В. – Чайчин С. В. и др. Из переснала колонии-коммуны: Чаплян Н. Д. – Буцай З. И., Клямер Т. С. – Коган С. Б., Сербиков А.Л. – Болгаров и др.

Список персонала на январь 1924 г. дан далее в сб. документов и материалов колонии, с. 11-12 (38 чел.). На 1 марта 1924 г.: «воспитанников 95, мальчиков 85, девочек 10, педагогического персонала 13, технического 14, уч.-ремесленного 8, метработников 1. Учебный групп - 8» (там же, с. 15).

Заявление в Центральный институт организаторов народного просвещения

Прошу зачислить меня студентом на основное отделение института.

Я родился в 1888 г., сын железнодорожного рабочего. После окончания двухгодичных педагогических курсов в 1905 г. был народным учителем. В 1914 г. поступил в Полтавский учительский институт, который и окончил в 1917 г. с золотой медалью. В 1917 — 1919 гг. был заведующим большой железнодорожной школой при Крюковских вагонных мастерских (до 1000 учащихся). Приход деникинцев и разрушение ими школы и ее отдельных трудовых организаций заставили меня в августе 1919 г. переехать в Полтаву. В 1920 г. Полтавским губнаробразом мне было поручено дело организации и управления колонией для малолетних (несовершеннолетних) правонарушителей.

Два года, проведенные мною в колонии в обществе 5 воспитателей с 80 воспитанниками, среди большого соснового леса, дали мне возможность при самой тяжелой обстановке создать одно из интереснейших учреждений.

В настоящее время колония процветает, но мне бы хотелось огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом. Занятый ежедневно по 16 часов, вдали от научных центров, я не имею возможности сделать это, оставаясь в колонии. Как видно из прилагаемых документов, мне делают очень лестные предложения, но только педагогическая научная работа в Москве представляется мне заслуживающей того, чтобы оставить колонию.

К сожалению, я не хочу подвергать себя риску коллоквиума. Я не знаю, в чем он будет состоять, но напряженная работа последних лет, естественно, не давала мне возможности регулярно восстанавливать в памяти то, что забывается в различных отраслях знания, тем более что на мою долю выпало очень мало непосредственной классной работы в школе по некоторым предметам. Поэтому очень возможно, что на многие вопросы приемной комиссии, касающиеся формальных сторон знания, я не отвечу. Возвратиться же из Москвы ни с чем будет чересчур тяжело: я имею в виду не только самолюбие, но и нужную мне на будущее, хотя бы в той же колонии, энергию. Кроме того, я не обладаю средствами для такой поездки. Поэтому я прошу комиссию принять меня без устного коллоквиума. Для того же, чтобы комиссия имела представление о моей подготовке, посылаю краткое изложение «Вместо коллоквиума».

В качестве удостоверений о моих админ. и организ. способностях, как требуется (Известия ВЦИКа, № 186), прилагаю

1. Удостоверение Полтавского губнаробраза от 24/ VIII[1].

2. Приглашение завдоротделом Южной дороги т. Греся 24/VI[2].

3. Приглашение масткома и цеховых старост Крюковских вагонных мастерских 4 /VII[3].

4. Вырезку из полтавской газеты «Голос труда» от 15/VII[4]

Как родившийся в 1888 г., учетной карточки не представляю. Документы об образовании находятся в Харькове и будут доставлены в случае поступления.

Антон Макаренко

В случае принятия меня в институт, прошу сообщить: **Полтава, до востребования. Антону Семеновичу Макаренко**. По тому же адресу, в случае отказа, прошу выслать документы. Марки на ответ прилагаю.

Вместо коллоквиума

В области предметных дисциплин систематические знания получил я в Учительском институте.

Математикой никогда особенно не интересовался, поэтому арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия и физика мне знакомы только в пределах курса дореволюционного Учительского института. К настоящему дню из тригонометрии помню только общие основания, забыл многие теоремы алгебры и законы физики, с логарифмированием сейчас, пожалуй, не справлюсь.

Природоведение. Разумеется, совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений. Анатомические знания слабы. Забыл многие частности из геологии. Астрономию знаю хорошо и занимаюсь практически в Полтавском музее. Впрочем, знания по астрономии и космографии у меня продукт увлечений юношества.

Солидные знания имею в общей *биологии*. Несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими [проявлениями] дарвинизма, читал Мечникова и кое-что другое.

Химию практически не знаю, забыл многие реакции, но общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны. Читал Менделеева, Морозова, Рамзая. Интересуюсь радиоактивностью.

Географию знаю прекрасно, в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики, знаком с ее историей и зародышами будущих форм. Все это, разумеется, не из учебников. Очень интересуюсь Австралией и Новой Зеландией.

История - мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьева. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне

известна. Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях. Прекрасно знаком с эпохой Великой французской революции. Гомеровскую Грецию знаю после штудирования Илиады и Одиссеи.

По *социологии* кроме социологических этюдов указанных исторических писателей знаком со специальными трудами Спенсера, М. Ковалевского и Денграфа, а также с Ф-де Куланжем и де Роберти. Из социологии лучше всего известны исследования о происхождении религии, о феодализме.

В области *политической экономии и истории социализма* штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина.

По политическим убеждениям – беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм.

Логику знаю очень хорошо по Челпанову, Минто и Троицкому.

Читал все, что имеется на русском языке, по *психологии*. В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и эксперимента, но глубоко убежден в том, что науку психологию нужно создавать сначала.

Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого[5]. Читал многие его сочинения, но «Очерки теории права» не удалось прочесть.

Индивидуальную психологию считаю не существующей - в этом больше всего убедила меня судьба нашего Лазурского[6]. Независимо от вышеизложенного, люблю психологию, считаю, что ей принадлежит будущее.

С *философией* знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума» [Канта], Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона. Из

русских очень добросовестно изучил Соловьева. О Гегеле знаю по изложениям.

Люблю изящную *литературу*. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал. Н. Толстого. В области литературных образов много приходилось думать, и поэтому мне удалось самостоятельно установить их оценку и произвести сопоставление. В Полтаве пришлось довольно удачно поработать над составлением вопросника к отдельным произведениям литературы. Я думаю, что обладаю способностями (небольшими) литературного критика.

О своей специальной области - *педагогике* много читал и много думал. В Учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал 6 месяцев.

Основными проблемами педагогической науки считаю:

1. Создание научного метода педагогического исследования. В настоящее время считается азбукой, что объектом педагогического исследования является ребенок. Мне это кажется неверным. Объектом исследования со стороны научной педагогики должен считаться педагогический факт (явление)[7].

2. Усиление внимания к детскому коллективу как к органическому целому[8], для этого необходима перестройка всей психологии школьного работника.

3. Полное отрешение от мысли, что для хорошей школы нужны прежде всего хорошие методы в стенах класса[9]. Для хорошей школы прежде всего нужна научно организованная система всех влияний.

4. Психология должна сделаться не основанием педагогики, а продолжением ее в процессе реализации педагогического закона[10].

5. Русская трудовая школа[11] должна совершенно заново перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства сделает ее социалистической.

А. С. Макаренко

Пед. соч., т. 1, с. 8-11. Печатается с восстановлением купюры на с. 10, по источнику: ЦГА РСФСР, ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266, л. 9-11, с об. По смежному документу датируется 24 августа 1922 г. Как отмечено в документе, поступление А. С. Макаренко в этот институт было мотивировано стремлением свой «опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом».

Направлен в этот институт Полтавским губернским отделом народного просвещения; студентом института состоял с 14 октября по 27 ноября 1922 г., ему зачтен доклад по историческому материализму «Гегель и Фейербах». В заявлении с просьбой прервать обучение А. С. Макаренко писал: «Вследствие полученных мною сообщений от воспитанников и воспитателей Полтавской трудовой колонии для морально дефективных [детей]... считаю необходимым немедленно возвратиться в колонию, чтобы вовремя остановить процесс ее распадения. О моем возвращении телеграфировал мне и губсоцвос» (там же, л. 13). Другой причиной могла быть его неудовлетворенность учебой в институте.

1 В Удостоверении говорится: «... Губнаробраз рекомендует тов. Макаренко как очень энергичного, способного и знающего работника-организатора. За два года управления колонией при очень трудном составе детей тов. Макаренко создал одно из лучших учреждений Полтавской губернии» (т. 8, с. 122).

2 Это предложение «взять на себя руководство делом социального воспитания на Южной дороге» (там же, с. 121).

3 Приглашение на заведование железнодорожной трудовой школой при Крюковских вагонных мастерских (там же). Мастком – комитет мастеровых.

4 Это напечатанная в данной газете статья «Колония им. М. Горького» об успехах ее деятельности (текст - ниже).

5 Петражицкий Л. И. (1867-1931) – рус. социолог, теоретик права, социальный психолог. Речь идет, вероятно, о его книге «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» (СПб, 1908). О нем и его материалы см.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитании. Часть 2. – Н.Новгород, 2003, с. 167-173.

6 Лазурский А.Ф. (1874-1917) – рус. психолог. Рассматривал психологию фактически в противопоставлении «эндопсихики» (нервно-психической организации) и «экзопсихики» (психики в ее отношении к среде). Преодоление жесткого разделения этих двух главных сфер психики - основополагающий принцип педагогического творчества А.С. Макаренко.

7 О «научном методе» педагогики см. ниже, в комментарии к ст. «Опыт образовательной работы...» (объяснение понятия «параллельности»).

А. С. Макаренко категорически отрицает педологическое направление в педагогике, которое фактически ограничивается изучением ребенка, его природно-наследственных свойств и условий окружающей его среды. Принцип педагогического гуманизма в педологии предстает как пассивное следование за природой ребенка, лишь как содействие его «свободному проявлению», «саморазвитию».

Макаренковский педагогический гуманизм в полной мере реализует потребность растущего человека в целенаправленном воспитании. Это педагогика, «созидающая личность», развивающая ее «созидательный творческий актив», целеустремленная, «практически целесообразная» и «ответственная» (т. 3, с. 390; т. 4, с. 51, 126 и др.). Объектом исследования в данном случае является не ребенок сам по себе, а процесс его становления как личности, «педагогический факт (явление)», т.е. успешное педагогическое действие, соответствующее закономерностям педагогического процесса.

8. Речь идет о необходимости создания такого «органического единства», в котором сохраняется специфика разнообразных элементов, действует главный, системообразующий фактор, существует определенное положение в среде (как этого требует современная теория систем). Различие – «необходимый момент всякого единства» (Философский словарь. – М., 1975, с. 344).

9. Так А. С. Макаренко по существу изначально выступает против сведе[7]ния воспитания к обучению, за педагогически целесообразное расширение сферы жизненных влияний в воспитании. Эта его позиция воплотилась в идее «организации школы как хозяйства».

10. Такое понимание взаимосвязи психологии и педагогики является фундаментальным в воззрениях и опыте А. С. Макаренко.

11. Имеются в виду «Положение о единой трудовой школе РСФСР» и «Основные принципы единой трудовой школы».

Сведения о студенте Центрального института организаторов народного просвещения

Макаренко Антон Семенович

Рожд. 1888 г., 1 марта

Холост.

Образование: Полтавский учительский институт

Прежняя работа:

1905-1911 – учитель Крюковского ж-д училища

1911-1914 – учитель Долинского ж-д училища

1914-1917 – учился в учительском институте

1917-1919 – инспектор Крюовского ж-д I и II ступени училищ

1919-1920 – зав. секции детских колоний Полтавского губоно

1920-1922 – зав. колонией малолетних правонарушителей в Полтаве

Беспартийный

Командирован Полтавским губоно

Прежнее воинское звание или чин: б. работник II разряда, служил в 147 пех. Воронежской дружине

С какой должности снят: зав. Полтавской трудовой колонии им. М. Горького для морально-дефективных

Место жительства: г. Полтава, колония малолетних.

А. Макаренко

А. С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт/Сост. А. А. Фролов. – Н. Новгород, 1992, с. 47-48.

Гегель и Фейербах (протокольная запись доклада, 11 ноября 1922 г.)

Гегель и Фейербах объединяются потому, что имеют отношение к философскому марксизму XIX и XX веков. Как предтеча марксизма Фейербах был определен Энгельсом в 1888 году, и окончательно за ним это [место] оставил Плеханов. О Фейербахе как философе по отношению к марксизму первоначально не говорили, в то время, как Гегель забыт не был.

Гегель родился в 1770 г. В 1801 г. в Иене он читал лекции по истории философии. Характер его учения и особые качества гения привлекали к нему разнообразные классы общества.

Фейербах родился в 1804 г. Первоначально он избрал богословие. Читал лекции и писал против религии, за что ему пришлось поселиться в деревне, жил там в 1836—1872 гг.

Гегель является представителем идеализма и завершителем его, он объявляет себя последователем Платона и утверждает, что Платон не был идеалистом. Мир Гегеля - мир абсолютного духа, или идеи, или разума. Абсолютная идея возникает в работе чистой мысли.

Главное суждение Гегеля относится к определению отношения субъекта к объекту. Постигающий и мыслящий субъект - это субъект, освободившийся от субъективности, - объективизированный. Здесь мы наблюдаем примирение своего сознания с объективным миром.

В процессе познания Гегель различает три стадии: 1) отвлеченную, или рассудочную; 2) отрицательно-разумную, или диалектическую; 3) спекулятивную, или положительно-разумную. Под рассудком Гегель понимает низшую форму познания, а под разумом - высшую. Рассудок только подготавливает почву для познания, определяет противоречия, а затем заканчивает познание.

Этот метод познания Гегель применяет при анализе абсолютной идеи.

Бытие по Гегелю - самые простые отражения мира в нашей мысли. Бытие начинает выясняться тогда, когда оно становится объектом мысли. Диалектический момент констатирует движение. Разум разрешает, что остается от диалектического момента. Непосредственное существование - то же бытие, но только с определенным качеством.

Понятие в процессе диалектики становится независимым. Идея есть истина.

Все явления жизни связываются между собой общей целью, находящейся в абсолютной идее. Философия Гегеля почти что не занимается вопросом о боге. Гегель признавал пантеистический абсолютный дух.

Нравственность меняется в зависимости от переживаемых условий. Гегель на стороне героев, они несут противоречие существующим понятиям, от столкновения происходит новое.

Гегель не предвидел развития природы. До диалектики Гегель убедителен.

В начале XIX в. Гегель своей философией увлекал все общество. Возражения против философии Гегеля можно разделить на три группы. Первое возражение - Михайловского, выражается в иронии, осмеянии и как таковое не выдерживает критики. Второе возражение - Гефдинга: диалектический момент приводит к диалектическому методу, то есть к тому, из чего мы исходим. Третье возражение - Виндельбанда: диалектический метод в общем механистичен.

Своими учителями Гегель считал Гераклита, Платона и Канта.

Гегель умер в 1831 г.

Макаренко сегодня..., с. 48-50. Там же протокольная запись заседаний учебной группы 21 октября, 16 и 21 ноября: подготовка доклада и его обсуждение (с. 48, 50).

Понятие дисциплины в общей системе воспитания

1. Важность вопроса о дисциплине:

а) как наиболее близкого к практике;

б) как наименее обособленного, локализованного.

2. Совпадение в некоторых местах с понятием воспитания.

3. Разделение: воспитание физической природы, воспитание духовной - психической природы, воспитание социальной природы.

4. Последний отдел покрывается вполне тем отделом воспитания, который мы называем дисциплиной.

5. Дисциплина как признак организованного общества. Величина дисциплины прямо пропорциональна организованности.

6. Поэтому дисциплина есть прежде всего воспитание гражданина.

7. Важность дисциплины для воспитания психической и физической стороны личности.

8. Что же такое дисциплина?

9. Прежде всего, это результат процесса: «Точное ощущение своего положения в среде». Или «Наиболее нормальное отношение личности и общества». «Разумное подчинение общепризнанному порядку». Вообще же: «Дисциплина - это действие сдерживающих начал в действии личности[1]. В этом понимании нет разногласий.

10. Во-вторых, это процесс. Дисциплина - это совокупность средств, при помощи которых мы стремимся к дисциплинированию личности в обществе.

11. Во втором случае мы имеем чисто педагогическую проблему и только ею могли бы интересоваться.

12. Но такому ясному пониманию вопроса препятствует:

а) неправильное понимание дисциплинированности как исключительно негативного явления. Между тем ясно, что если мы имеем усиленную работу, то [дисциплина] - это сдерживание лени.

13. Допускается: возможно, что личность будет правильно действовать исключительно в силу положительных побуждений. Это абсурд. Положительные (похвальные) импульсы воспитываются не только дисциплинированием, но их положительность не выходит за пределы побуждения. Как только начинается действие, требуется его порядок и завершение, постоянство, хладнокровие и стойкость. Без этого условия остаются только добрые намерения.

Но дисциплина важна и для воспитания импульсов, поскольку они слагаются в результате опыта и поскольку опыт организуется в дисциплине.

б) Дисциплина часто противополагается свободе. Это дико. Свобода не воля. Воля - это уединенная возможность всякого действия. Воля - понятие, противоположное неволе, плену, связанности. Свобода - это социальный институт, это не уединенная позиция в небесах, а часть блага общего. Если я имею свободу, то имеет ее и мой сосед. Иначе говоря, она не результат моего уединения, а именно результат общественного договора.

Свободу нужно противополагать произволу. Дисциплина в обществе, направленная к ограничению произвола, ставит меня в точное отношение ко всем элементам общества и тем самым позволяет мне точно учитывать обстановку и точно выбирать действие. Воля - это ваш бег в пустом пространстве. Свобода - это ваше спокойное движение по Тверской или Невскому, когда вы уверены, что трамвай идет по рельсам, автомобили и рысаки держат правую сторону, а семиэтажные дома выстроены под наблюдением строительных законов и не обрушатся на вашу голову.

Прав Норман Мак Мен: «Свободный ребенок улицы связан больше, нежели дисциплинированный мальчик[2]».

14. Наконец нужно отметить значение коллективной, массовой дисциплины. Работа, управление собой, своим отдыхом.

Пед. соч., т. 1, с. 11-12. Текст без заголовка и даты. Примерно 1922 г. Заголовок – по предыдущим публикациям. Вероятно, это конспективное изложение одного из выступлений А. С. Макаренко на педагогические темы.

Проблема дисциплины, поднятая на уровень важнейших в педагогической теории и практике, - одна из центральных в творчестве А. С. Макаренко. Этот объект принципиальных разногласий с его воззрениями при его жизни и в последующие десятилетия, включая современность. Таким образом ярко проявляется его принадлежность к социально-педагогическому направлению, в противоположность педолого-педагогическому (см. т. 4, с. 15). Дисциплинирование – основной элемент «воспитания социальной природы» человека, духовно-психической и физической сторон личности, средство «воспитания гражданина».

1 В дальнейшем А. С. Макаренко характеризует дисциплину в единстве ее «сдерживающих начал» и значения в творческо-созидательной деятельности (в сочетании с «инициативной и творческой волей» - т. 4, с. 80; главное не «дисциплина торможения», а «дисциплина движения вперед, стремления к чему-то, преодоления трудностей, в том числе и таких, которые заключены в самих людях» – т. 4, с. 348 и др.).

2 Мак-Мен Норман – автор книги «Путь к свободе в школе». Пер. с англ. 2-е изд., 1919.

О воспитании

[Воспитание] должно направляться одной системой законов, подобных естественным законам[1]. И если в руках человека приложение этих законов принимает формы разнообразных комбинаций, то единство принципиального подхода от этого не проигрывает, как не проигрывает единство биологических законов оттого, что способы передвижения птицы и каракатицы различны.

Воспитание хороших детей и воспитание правонарушителей не может направляться обособленными группами принципов[2]. Принципы воспитания, если они отражают правильно равновесие законов влияния и социальных требований, задач эпохи, могут быть только частью единого педагогического кодекса. И, разумеется, поэтому не может быть удовлетворительно решен [вопрос] о дисциплине в колонии, если он не решен вообще.

При этом мне представляется необходимым совершенно оставить арену весьма добродетельных и похвальных упражнений в балансировании прекрасными идеями, якобы освещающими кому-то дорогу. Меня всегда удивляло ни на чем не основанное чванство иных педагогов...

Скажите, пожалуйста, разве это не знакомая всем картина, когда человек в брюках навыпуск и манжетах лезет под руку работающему в

огороде мальчику со своими разглагольствованиями о каких-нибудь тычинках и пестиках?

И разве не блестят слезы умиления у этого самого человека в манжетах?

А если мальчик любит пафос работы, разве у него нет желания треснуть этого умиленного нахала лопатой по голове, чтобы не мешал? И скажите по совести, разве не приходило вам в голову, что только подлизы стараются показать умиленному человеку, как страшно они заинтересованы тычинками и пестиками?[3]

Прекрасные прогрессивные педагогические идеи сплошь и рядом прикрывали полную научную пустоту, кое-как замещаемую совершенно домашними и совершенно дикими средствами. И в последнем итоге тон давался вовсе не школой, а семьей, улицей, переменой между уроками, вообще теми минутами, когда нет возле нас педагога.

Хаотическая машина социального целого миллионами тяжей втягивала в себя наше юношество, и вместе с ним трепался на каком-нибудь конце украшенный идеями педагог, далеко отбрасываемый на поворотах. И если все-таки что-то получалось из наших детей, то только потому, что вообще из ребенка что-то должно получиться, и потому, что вообще в жизни больше хорошего, чем плохого.

Пример: возьмите самую новейшую и очень интересную книжку московской работницы Н. И. Поповой «Школа жизни»[4]. Человек довольно скромно и честно рассказывает об организации работы в классе. Видно, что в школе Поповой много отдано мысли и сил, что-то большое сделано, что-то кажется близким. И вдруг на последней странице: «Далеко не разрешены еще и требуют упорной работы вопросы воспитательные».

Пед. соч., т. 1, с. 12-13. Фрагмент текста, без заголовка и даты. Примерно 1922 г. Заголовок по предыдущим публикациям.

1 Убеждение А. С. Макаренко в том, что в воспитании существуют объективные законы, «подобные естественным законам» (которые являются предметом естественно-научного знания), – основа его взгляда на педагогику, ее задачи и методы. Во всем его творчестве доминирует стремление приблизить педагогику к точности естественно-научного знания, обеспечивая педагогическую эффективность педагогической

теории, возможность ее массового применения и технологической разработанности.

2 Позднее, в апреле 1937 г. А. С. Макаренко с полемической заостренностью говорил: «... Существует не проблема воспитания правонарушителей, а проблема воспитания вообще. В практике наших колоний очень много найдено таких методов, таких организационных принципов, ... которые применяются нашей общей педагогикой» (т. 7, с. 31).

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ3 А. С. Макаренко критикует попытки такой «увязки» обучения и воспитания с производительным трудом, при которой труд лишается его педагогической самоценности, механически «сливается» с обучением, устраняя процесс «собственного воспитания» (в его качественном отличии от обучения).

4 Попова Н. И. (1877-1960), рус. педагог. В 1919-1927 гг. зав. «школой жизни», с пребыванием учащихся в ней в течение всего дня. В 1922 г. в Москве вышла ее книга «Школа жизни. Итоги трехлетней работы опытной школы». См. очерк «Надежда Ивановна Попова» в кн.: Богуславский М. В. Подвижники и реформаторы российского образования. – М., 2005, с. 101-105.

Отчетная ведомость Полтавской трудовой колонии для дефективных детей им. М. Горького за ноябрь 1922 г.

...Б. Группа правонарушителей. Год основания 3-й.

Полтавская трудовая колония для дефективных детей им. М. Горького

I. ***Состав детей***

Числилось к 1 ноября 1922 г. - 72. В течение месяца выбыло - нет. Поступило вновь - 7.

На 1 декабря 1922 г. состоит - 79, мальчиков - 70, девочек - 9,

Возраст: до 7 лет - 1, от 7 до 14 лет - 24, свыше 14 лет - 55.

Семейное положение: имеющие обоих родителей - 7, полусироты - 12, круглые сироты – 60.

По поступкам, послужившим основанием для помещения в учреждение: воровство - 38, бродяжничество - 34, убийство - 2, бандитизм - 5...

II. ***Состав персонала***

Всего - 33, педагогический - 11, медицинский - 1, учебно-ремесленный - 6, технический - 15.

Педагогический персонал

Пол: мужчин - 5, женщин - 6.

Возраст: до 20 лет - нет, от 20 до 30 лет - 2, от 30 до 40 лет - 6, свыше 40 лет - 3.

Семейное положение: холост - 4, женат - 7.

Стаж: общий педагогический - 11, специальный педагогический: до 3 лет - 11, от 6 до 5 лет - нет, от 5 до 10 лет - нет, свыше 10 лет - нет.

Ценз[1]: общий педагогический — 10, специальный педагогический - 1, общий: низшее -, среднее - 9. высшее - 2.

Количество помещений...

Размеры в квадратных саженях и десятинах:

	I колония	II колония
Жилые помещения	166 [2]/з кв- с[ажени]	104 кв. с[ажени]
Двор	2 дес[ятины]	13 дес[ятин]
Сад и парк	-	6
Огород	3	2
Поливные угодья	12 .	40

Педагогическая работа[2]

Школьные занятия, образовательные беседы. Школьные занятия ведутся по программе трудовой школы пятью группами: в первых четырех - на украинском языке, в последней - на русском. В украинских группах преподается русский язык, в 5-й [русской] - украинский. Образовательные беседы и чтения ведутся отдельно по вечерам.

Игры, фребелевские[3] *занятия*. В праздничные и воскресные дни, свободные от работ, происходят днем игры на открытом воздухе, по вечерам - в дортуарах[4].

Самообслуживание. Все работы в колониях - обыденные и по хозяйству ведутся абсолютно без наемного труда.

Работы в саду, огороде и в поле. Окончена заготовка продуктов на зиму, вспахано 15 десятин под пар, вывезена часть навоза.

Ручной труд и работа в мастерских. Правильная постановка в кузнечной мастерской, обслуживающей нужды колонии и исполняющей частные заказы. В сапожной изготовляется обувь для воспитанников,

принимаются и частные заказы. В столярной временно отсутствует инструктор, работают одни воспитанники, обслуживают нужды колонии. В корзиночной окончена чистка прута и началось плетение корзин.

Эстетическое воспитание. Кроме рисования и пения, входящих в круг школьных занятий, обращено усиленное внимание на сценическое искусство. Ставятся шарады и спектакля, в последнее время и платные.

Физическое воспитание. Военная гимнастика и военный строй.

Экскурсии - нет.

Праздники. Торжественно отпразднована 5-я годовщина Октябрьской революции. В колонии парад, торжественный обед, спектакли и доклады. В городе в военном строе участие в манифестациях.

Воспитание соц[иальных] привычек. Товарищеский суд, участие в хозяйственном совете.

Предполагаемая работа на будущий месяц. Постоянная постановка платных спектаклей в помещении соседней школы «Хрулево». Вывозка на поля и огороды навоза и, главным образом, заготовка топлива в соседнем лесу. Окончание ремонта в части здания II колонии и переселение туда 26 воспитанников.

Зав. колонией *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 13-14. Эту и последующую Месячные ведомости А. С. Макаренко заполнял по стандартной, официально установленной схеме.

1 Имеется в виду образовательный ценз, образование.

2 Далее первое предложение в абзацах – стандартное наименование отдельной графы отчетной ведомости.

3 Фребель Ф. В. (1782-1852) – нем. педагог, теоретик дошкольного воспитания, последователь И. Г. Песталоцци. Разработал идею «развивающее–воспитывающего образования в целях всестороннего единства жизни».

4 Дортуарами назывались общие спальни в учреждениях интернатного типа.

Опросный лист Полтавской трудовой колонии им. М. Горького

1. Наименование учреждения. Полтавская трудовая колония им. М. Горького.

2. Адрес. Полтава, до востребования, заведующему колонии им. М. - Горького.

3. На сколько детей дом устроен. При полном оборудовании колония рассчитана на 120 детей.

4. На какие средства содержится. НКП[1] .

5. Общее количество детей в настоящее время:

Мальчиков - 61

Девочек - 9

Всего - 70

6. Распределение дня (по солнцу):

Утреннее вставание ……7 часов

Завтрак ……7½ часа

Начало занятий в классах ……..8 часов

Конец занятий ……...11 »

Обед ……12 »

Начало работы в мастерских ……1 »

Конец работы в мастерских ……....4 »

Ужин ……..5 »

Спать ……..9 »

Примечание. Приведенное расписание - зимнее. Летом встают раньше и иногда рабочий день оканчивается только к вечеру. Для игр обыкновенно отводится время после ужина.

7. Школа. Постоянных школьных групп нет. Еженедельно в совете воспитателей обсуждается проект комплексных тем на неделю вперед и назначаются группы воспитанников и воспитателей для разработки этих тем. Содержание комплексной темы заключает в себе обыкновенно разработку вопроса, поднятого воспитанниками на одной из анкетных бесед, и сопровождается работами по математическому, языковому и графическому изображениям.

8. Питание детей. Пища дается 3 раза в день: в 7/2, 12 и 6 часов. В настоящее время отпускается на каждого колониста по 2 фунта[2] хлеба и ф. крупы, 8 золотников[3] масла, 4 золотника соли, $1^1/_2$ золотника сахару, иногда выдается мясо. Из собственного хозяйства колония имеет вдоволь капусты,

бураков, картофеля, молока (за исключением времени перед отелом коров), к летним работам колония запасает свиное сало, к зиме - птицу: гусей, уток, к праздникам - иногда барана.

9. Одежда детей. До сих пор всегда испытывали нужду в одежде. Нормально колонии нужно иметь по 2 рабочих и 1 праздничному костюму. Иногда такой нормы удается достигнуть, но плохое качество одежды, а также то обстоятельство, что выпускаемым колония дает лучшую одежду, а получает воспитанников исключительно босых и раздетых, всегда выбивает нас из нормы. Особенно рвется и портится одежда на работах в лесу (колония до сих пор сама себе заготовляет дрова в общем около 20 000 пудов[4] в год), а также на полке и во время жатвы. Колонисты поэтому всегда имеют вид оборванный, за исключением праздничных дней. Белья сравнительно достаточно - 3 смены, меняется белье раз в неделю.

10. С обувью дело обстоит гораздо хуже: ботинки даются из очень плохого материала, в условиях работы колонии они изнашиваются иногда в несколько дней. Только работа собственной сапожной мастерской помогает кое-как справляться с нуждой, но все же около 20% детей босы.

11. Купание детей совершается еженедельно в бане колонии.

12. Врачебный осмотр. Один из воспитателей колонии имеет звание фельдшера. [Своего] врача нет, два раза в месяц приезжает врач из волости.

В случае тяжелых заболеваний дети лечатся в колонии, при эпидемии отправляются в городские больницы.

13. Воспитательные меры. Общая система воспитательной работы колонии построена на началах строгой организованности внутриколонийских отношений и работы. Внешние формы организации исходят из необходимости точного требования и точного исполнения, точного и открытого учета и отчета и не допускающей исключений дисциплины. Нарушение дисциплины и законов колонии подлежит ведению суда товарищей, имеющего возможность налагать наказания, заключающиеся обыкновенно в наложении тех или других ограничений, естественным образом вытекающих из характера проступка.

Вся история колонии есть история борьбы за существование. Колония богатеет очень медленно, так как (может быть, и к лучшему)...[5] вследствие

этого прививание внешних культурных привычек, особенно таких, как чистка зубов, задерживается. Колония еще не в состоянии обеспечить колонистам чистую смену одежды после работы.

Колония живет настолько тесной общиной, что в организации специальных общественных форм надобности не встречается. Колонисты организованы в отряды, представляющие основную базу для работы и самоуправления.

14. Персонал. В настоящее время имеется:

Воспитателей ……11

Инструкторов мастерских ……5

Инструкторов общего хозяйства ……..1

Инструкторов с[ельского] х[озяйства] ….2

Фельдшер ……1

Технического персонала ……16

Органическое строение персонала (штатов) не совсем правильное, это происходит исключительно от того, что колония располагается в двух имениях, отстоящих одно от другого на 2 версты. Вследствие этого приходится иметь два [состава] воспитателей, между тем, если бы дети были в одном месте, можно было бы ограничиться 8. Точно так же указанное обстоятельство вызывает увеличение инструкторского и технического персонала. Выходом из этого убыточного положения является единственно окончание ремонта II колонии, что позволит увеличить число воспитанников почти вдвое, не увеличивая сколько-нибудь заметно состав персонала.

Большое значение имеет также отсутствие просторных помещений для мастерских, являющееся причиной увеличения числа инструкторов.

Во всяком случае, принимая во внимание, что вопрос о переводе колонии в более приспособленное имение даже не поднимался, полагаю, что на 120 детей при существующих условиях нужно иметь:

Воспитателей ……14
Инструкторов ……10
Фельдшеров ……1
Технического персонала ……19
Всего ……..44

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 14-16. Документ не датирован. По содержанию может быть отнесен к концу 1922 г.

1 Сообщается, что колония начала финансироваться не из местного бюджета, а из республиканского, государственного, по ведомству Наркомпроса УССР.

2 Фунт – русская мера веса, равна 409,5 г.

3 Золотник – русская мера веса, равна около 4,26 г.

4 Пуд – русская мера веса, равна 16,38 кг.

5. В этом месте часть предложения отсутствует (машинопись).

Письмо О. Куриловской

26 декабря 1922,

колония им. Горького

О. Куриловская!

Получил позавчера, получил через великолепного вельможу Пружинина[1] твое письмо. Очень, очень приятно, что ты уже не сидишь на шее у мужа, а честным путем зарабатываешь деньги. Как тебе нравятся железнодорожники? Ребята у них обыкновенно хорошие, хотя и хулиганы обязательно. А учителя теперь, говорят, хуже стали.

Сведения от тебя поступили небывало насмешливые. Подумай: на жалованье нам переводят 9 миллиардов, в то время когда нам нужно всего около четырех, а на операционные - ни копейки. И вот мы клацаем зубами абсолютно платонически на пять с лишним миллиардов, но нам их не дают даже понюхать, потому что, видите ли, «заработная плата». Эту проклятую заработную плату Губосвита[2] обязательно растратит на разъезды, инструкторов и инспекторов. Ведь ты знаешь, что в Освите сейчас одни инспектора. Ну... и сидим мы сейчас в таком положении, что и керосину не на что купить.

Начали занятия по новейшему методу, изобретенному известным педагогом Макаренко, но у нас нет ни бумаги, ни карандашей, ни красок, ни паршивой спиртовки, — одним словом, ни черта. У Гордея вол, бороны не сходят с языка, а я принужден в лучшем случае отмалчиваться, а в худшем ругаться. Если еще нас снимут с государственного снабжения, отравлюсь, так и передай Михаилу Николаевичу Котельникову[3], если по доброте сердца своего ты с ним встретишься. Оказывается, и на декабрь нам зарплаты

переводят опять 9 миллиардов и опять их растерзают губосвитовские хищники.

Ты, голубе, не жди подталкиваний своего доброго сердца. Мы тебе обязательно пришлем сала наших собственных кабанов, если хочешь, пришлем муки, кислой капусты, соленых баклажан и всяких других благодатей, а приедешь к нам в гости, будем кормить даром. Нет, серьезно, Куриловская, ей богу, мы тебе не дадим погибнуть.

Ну, хорошо, мои крылья? К сожалению, я принужден ими пользоваться больше для всяких кляузных путешествий в Полтаву. Какие-то шаромыжники из Губземотдела, Госконтроля и еще откуда-то наехали еще без меня «в Трепку» и продали крестьянам без всякого нашего ведома четыре постройки на слом, нас же обвинили в акте ни больше ни меньше, как в «преступном расхищении госимущества». Мрачными красками описаны разрушенные дома, и даже найдена свежеотломанная доска в двухэтажном доме! Я был в Полтаве, когда туда прискакал верхом Браткевич с известием, что селяне уже разбирают ту хату, которую мы недавно отремонтировали для Шиловской. Пока я в Полтаве летал по губисполкомам и милициям, крестьяне успели развалить хату; Гордий и мой пом[ощник] зав[едующего] кол[онией] перепугались и ничего не предприняли. Волнение в колонии было такое, что Бойко не выдержал, спер из канцелярии обреза□н и отправился вечером во II колонию и там целую ночь тыкал обрезаном в нос мужикам, оставшимся для охраны разваленной постройки, за что своевременно и был мною «выпорот».

Дядьки никак не хотели признавать добытые мною к вечеру бумажки с запрещением разборки построек, и я на следующее утро принужден был перейти в наступление со всей моей армией. Мужиков было всего человек 20, у нас же, понятно, дикое воодушевление, так что после мгновенного мордобития дядьки отступили по всей линии и на другой день подали в Полтаву на нас страшную жалобу. Я, с своей стороны, подал прокурору кляузу на мужиков и на шаромыжников из Госконтроля и из Губземотдела[4]. Сейчас перемирие, но самого вооруженного типа. Стоит паре дядьков появиться на территории II колонии, как уже к нам летит тревожный гонец. Мне это так надоело, что я скоро начну пороть гонцов.

Наши занимаются по новому методу[5]. Куриловская, нет тебя, не с кем похохотать. Что у нас делается? Учителя целый день таскаются по долам и лесам, роются в шкафах и допытываются у добрых людей, пристают к Сербикову, а я им каждую субботу преподношу десяток ехиднейших конспектов. Скоро они будут проклинать меня, тем более что реформа проведена под видом облегчения труда воспитателей.

Если мне станет плохо, удеру в Харьков к Гресю... Но в общем я доволен, получается что-то интересное.

Хлопцы по-прежнему. Мало им все-таки пищи, голодные как собаки и поэтому всегда не прочь стянуть кусок. На их месте я обязательно тоже тащил бы, и меня временами даже огорчает их умственное недоразвитие: мало все-таки тащат. Сейчас я пишу под шум репетиции - Зозуля и Лидочка готовят ужасную драму, я пока что понял, что в ней какой-то изверг отравляет одну жену, а другой при всей публике проваливает топором голову. Вероятно, в последних двух актах с этим мерзавцем будет поступлено не менее сценично. Впрочем, Зозуля говорит: «Чудова пьеса». Ну и пусть. Хлопцы и девчата, узнав, что я пишу тебе письмо, пришли в раж и пищат, чтобы передал тебе поклон. Особенно наседает Горгуль. Так вот: передаю.

Коммуна? Как тебе сказать? Живу я в маленькой комнате во II дортуаре, где раньше жили девочки, но стол дают Е[лизавета] Ф[едоровна] с Лидочкой. Все-таки я их сейчас стесняю меньше. Комната же моя мне страшно нравится.

Кажется, все тебе описал. Нужно еще оставить место для поклонов. Елизавета Федоровна и Лидочка твое письмо держат приколотым к стене, чтобы не забыть поскорее ответить. Ну, одним словом, все кланяются, кланяются, кланяются и глаголят: «Ах, прелесть эта Куриловская!!»

Я влюбился знаешь в кого? В твоего преемника Ивана Петровича Раковича[6]. Он у нас был в колонии и очаровал меня. В агентах он, конечно, слаб, но будет прекрасный воспитатель. Думаю перетащить его во II колонию. Он у нас уже играл в снежки, и ему хлопцы подбили глаз, играл, пел, гримировал, и Лидочка говорит, что Макаренко уже узнал, что можно выжать из этого человека.

Куриловская, серденько, пройди ж к Котельникову, расскажи ему про наши беды и чем можно - помоги.

Поцелуй руку глубокоуважаемой Евдокии Сергеевне, передай привет Михаилу Филипповичу.

А. Макаренко.

Пед. соч., т. 8, с. 8-10.

1 Пружинин – работник Полтавского окрфинотдела.

2 Губосвита – губнаробраз.

3 Котельников М. Н. – с августа 1922 г. инструктор учреждений для дефективных детей Харьковской, Полтавской и Донецкой губерний; вскоре – «областной инспектор» этих учреждений данной губерний.

Посетив колонию им. Горького, он 15 сентября 1922 г. записал в ее Книге посетителей: «С чувством особого удовлетворения должен засвидетельствовать творческую работу (не экс-оффицио) коллектива. Видно, что вся жизни колонии проникнута бодрой трудовой атмосферой, спаявшей в дружную семью персонал и воспитуемых» (цит. Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко. Учеб. пособие. Подг. А. А. Фроловым. – Горький, 1976, с. 18-19).

Тогда он способствовал переводу этого учреждения из состояния «Основного детского дома для морально-дефективных детей № 7» в «Трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей» (мальчиков). Он ходатайствовал о передаче паровой мельницы в ведение колонии, предоставлении ей кредита на ремонт зданий и о ее утверждении как опытно-показательного учреждения НКП УССР, что позволило колонии вскоре перейти на республиканский бюджет.

4 Документация по этому поводу, на 15 листах: ходатайство колонии перед Губоно, акты Полтавской учетно-ликвидационной комиссии, ходатайство Губоно, распоряжение начальника Полтавского губернского управления государственными усадьбами и землями. (30 дек. 1922 г., «в – срочно... Копия: Полтавской уездмилиции») о необходимости «принять немедленные меры к полному прекращению разбора построек Ковалевским комнезамом в им. б. Трепке, находящемся в использовании колонии малолетних им. М. Горького» - см. Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I, с. 158-159.

5 Говорится об учебной работе по комплексным программ ГУСа 1922-23 гг., объединяющим три области знаний и деятельности: природа и человек, труд, общество.

6 О И. П. Раковиче см. в данной книге, в Приложении: Записи использованные в «Пед. поэме».

Письмо М. Н. Котельникову, 30 декабря 1922 г.

30 декабря 1922,

Полтава,

колония им. Горького

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

У меня маленькое дело - только одна колония, и в ней... 80 хлопцев, но я и мои коллеги так много вложили сил [в это дело], и при таких невероятных условиях, что само собой подразумевается наше право кричать, когда со всех сторон нам грозит гибель и когда у нас уже не хватает сил отбиваться. Вы у нас были всего 2 дня и многого не могли видеть. Мы от Вас не прятали темных сторон и не старались показать товар лицом, но Вы один за 2 часа увидали то, чем я больше всего дорожу, - живое движение и живые скрепы в нашей колонии[1]. Вы это и сами, наверное, чувствуете и не подумайте нечаянно, что я просто начал писать письмо с комплиментов. Может быть, Вы не знакомы со всем ужасом нашего провинциального головотяпства, особенно усилившегося с появлением нэпа, поэтому не можете представить, как мы способны дорожить такими гостями, как Вы.

Два года без всякого просвета мы по кирпичику, по травинке строили нашу колонию, каждый день мы продвигались вперед, и больше всего нам приходилось бороться главным образом с губнаробразом. Когда я буду стариком, я только с ужасом буду вспоминать это кошмарное учреждение. Через каждые 2 месяца в нем меняются заведующие, инспектора, инструктора, и каждый является с новыми формами варварства и невежества, часто в вопиющих размерах. Я уже не говорю о том, что ни один из них и не подумал обратить внимание на основной гвоздь нашей жизни - организационную работу, ни один из них не заметил каторжного труда воспитателей. Напротив, усилия губнаробраза всегда были направлены к тому, чтобы условия работы воспитателей сделать более тяжелыми. Так, например, исключительно по отношению к колонии применяется какой-то самодельный закон, по которому в зависимости от стажа уменьшается не только номер разряда, но и число ставок.

Впрочем, это нас еще не так сильно беспокоит. Гораздо важнее хозяйственная сторона дела, потому что поступательное движение нашего

хозяйства является у нас главной формой воспитательного и образовательного процесса. В этом вопросе, если подойти к нему суммарно, мы только и можем видеть наше будущее. Что же получится? Мы имеем 80 десятин земли, но мы даже и заикаться не смеем о каком бы то ни было капитале, основном капитале, без которого невозможно никакое хозяйство. Каким может быть хозяйство на 80 десятинах, если нам не на что купить керосина для освещения десятка помещений, а в губнаробразе нам говорят: «Собак ловите да жир топите». Да мы, собственно говоря, очень не далеки от такой формы самоокупаемости. Нам не дали ни одного пуда дров и прямо советуют красть их в лесу, а когда в том же лесу наши босые хлопцы нарубили 30 полусаженей и оставалось только заплатить за них какие-то гроши, нам отказали даже в этих грошах, и полусажени переходят в руки спекулянтов. А свой урожай мы самым благородным образом истратили на машины, да на расширение поля (в 2,5 раза), да на ремонт.

Этот самый ремонт, который Вы видели, несмотря на то что мы несем его только на своих плечах, приносит нам только одни огорчения, и я обязательно попаду на скамью подсудимых за ликвидацию какого-нибудь обломка стены. А тем временем так называемые хозяйственные органы даже без нашего ведома продают отремонтированные наши постройки на слом тем же самым крестьянам, которые в свое время эти постройки разрушали. Это самые яркие примеры той какофонии, которая у нас творится.

Все наши надежды были на Вас. Я только и воспрянул духом, когда Вы объявили нам о непосредственной связи с Наркомпросом. Я думал, что 1 - 2 года харьковской помощи позволят нам создать учреждение, которому не стыдно будет смотреть в глаза людям, а за себя мы не боялись, потому что, по совести скажем, редко удается подобрать такой состав, как у нас.

Сейчас мы принялись за организацию учебных занятий по совершенно новому методу, и у нас дела пошли хорошо, прямо крылья выросли, но... стало известным, что мы перешли на местные средства. Для меня это синоним гибели; нет смысла отдавать себя только для того, чтобы в заброшенной в лесу колонии несколько десятков оборвышей влачили жалкое существование, а иначе и быть не может. В губнаробразе не способны видеть дальше своего носа и еще не скоро будут способны. В лучшем случае там

кое-что смыслят в «хатней педагогике», но социальное воспитание даже в своей голой логике им недоступно, тем более недоступно понимание практического выражения. А колония за городом даже для демонстрации путешественникам неудобна.

Вы простите, Михаил Николаевич, за это сумбурное письмо. Оно не имеет никаких практических целей. Я прекрасно понимаю, что ничего поправить нельзя. Но, поверьте, мне было некому высказать свою горечь. Возможно, что и высказывать я не имею права, много сейчас гибнет намерений, но я смею думать, что нигде не размахнулись так широко и с такими буйными запасами энергии и с такими ничтожными средствами, как мы в своей колонии.

Донкихотство? Может быть, и донкихотство, а может быть, и крушение серьезного и важного опыта. Не мне судить.

Вся эта трагедия не мешает мне принести Вам искреннюю благодарность за искреннее и серьезное отношение к нашей работе. Еще раз уверяю Вас, что это единственный случай в двухлетней истории колонии. Скоро мы, вероятно, начнем разбегаться. Побарахтаемся еще немного единственно для сохранения чести, и конец.

В самой колонии пока все благополучно. Если бы на каждого хлопца прибавили пищу, чтобы он не ощущал бешеного аппетита, цель была бы достигнута вполне, но кому об этом скажешь? И кому это нужно, такая-то цель?

Желаю Вам от души всего хорошего, простите, что пишу так длинно, надеюсь, что этому письму Вы не придадите никакого официального значения.

Уважающий Вас *А. Макаренко.*

Пед. соч., т. 8, с. 11-12.

1 В докладе «Харьковского областного инспектора М. Н. Котельникова» «главинспектору учреждений для дефективного детства» 22 сент. 1922 г. говорится: «Лучшим из учреждений для дефективных детей в Полтаве является «колония для морально дефективных детей имени М. Горького», как именуется это учреждение на месте... Видна напряженная, неустанная работа как административного, так и педагогического персонала, а равно и воспитуемых... Дети не производят впечатление

замученных работой. Напротив – они выглядят бодрыми, свежими, довольными.

Режим колонии основывается на трудовом укладе и самоуправлении… Обучение военному строю очень нравится детям и благотворно действует на поддержание дисциплины… Педагоги – люди в большинстве интеллигентные, преданные делу, действительно участники в жизни и работах детей… Макаренко… - очень энергичный, живой человек, умелый педагог и хозяин. Ведется очень обстоятельно и толково дневник, по особому плану, выработанному завдомом…

Единственное нежелательное явление – присутствие в среде мальчиков-подростков и юношей 9 девочек свыше 14 лет. Правда, по уверениям педагогов, не было никаких «инцидентов»… При отсутствии изолированных спален для девочек…». (Опускала макаренкиана, № 14, с. 6-8).

Письмо М. Н. Котельникову, 31 января 1923 г.

31 января 1923

Полтава

колония им. Горького

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

«Страшное» спасибо Вам за целых 3 пакета, в особенности за Ваши письма. Если Вам тяжело работать в Харькове, то от души искренно желаю Вам найти такую огромную нравственную поддержку, какую мы имеем в Вас. Спасибо за привет хлопцам. Я не помню, где-то у Достоевского сказано приблизительно так: «Вы, проходя случайно, ласково поглядели на ребенка: вы сделали важное дело». Так вот и Ваш привет - такое же важное дело. Я его объявил в приказе по колонии и по ошибке написал «главный инспектор». Они пришли ко мне с поправкой: «Не главный, а областной». Но наибольшее спасибо за то, что не оставили нас на съедение местному бюджету. Я теперь по-прежнему полон сил и надежды, и хочется работать *n*+ 1 час в сутки.

В колонии все благополучно. Воспитатели и ребята увлекаются учебными занятиями. Первые уже немного пищат: трудно, говорят, не хватает времени и белье постирать (Не правда ли, тоже организационная проблема?), но физиономии у них веселые. Хлопцы же, по обыкновению, ни от какой работы не устают. Сегодня у нас разрабатывали тему «Письмо и книга». Написали Вам ходатайство способом картинного письма. Сейчас они,

узнав, что я пишу Вам, стоят над душой и пристают, чтобы я ничего не писал Вам о содержании ходатайства, пусть, говорят, без объяснений идет. Я их убеждаю, что Михаил Николаевич не дикарь и не привык к чтению картинных писем, но мои аргументы мало помогают. Вы это ходатайство получите одновременно с этим письмом, но, разумеется, не придавайте ему серьезного значения: посмотрите как на сыновнюю шутку, ничего такого ужасного нет.

Ежемесячные отчеты я посылаю Вам через Губсоцвос. Может быть, Ваше напоминание касается того большого отчета, который я послал еще в октябре и который, вероятно, затерялся? Я в самые ближайшие дни посылаю Вам дубликат.

Хочу с Вами поделиться одним большим сомнением. Был я у Вас на педагогическом заседании и поражался множеству страшных терминов, употребленных одним из говоривших врачей к вопросу о программе характеристики. Все-таки дело идет о том, чтобы нашего воспитанника разложить на множество составных частей, все эти части назвать и занумеровать, построить их в определенную систему и ... не знать, что делать дальше. Все новейшие труды точно так же идут по этому направлению. Но я до сих пор не смог заставить себя поддаться их обаянию. Иногда я падаю духом и глубоко презираю себя за подобную научную невосприимчивость, иногда же, напротив, протестую всеми фибрами души[1].

Мне кажется, мы еще очень далеки от права раскладывать человека и тем более делать отсюда какие бы то ни было практические выводы. Напротив, мы должны стремится к овладению синтезом, целым, неразложимым человеком и научиться так организовать воспитание, чтобы наши достижения характеризовались совершенствованием системы данной личности в целом.

Это вовсе не значит, что работа над теорией анализа личности должна быть отвергнута. Пусть [эта работа] составляет предмет любой науки, но педагогам пока что нужно главное внимание направить на создание синтетической педагогики. Если это и ересь, то ересь для меня оправданная всем моим колонистским опытом.

К сожалению, я эти свои сомнения, постепенно приближающиеся к форме положительной уверенности, не в состоянии изложить более подробно за недостатком времени, но должен признаться, что в организации колонии я уже сознательно поставил их во главу угла. Все это не спасает меня от мурашек, которые начинают бегать по телу, как только я принимаюсь за страницы какой-нибудь ученой классификации. Я бы предложил свою - классификацию социального опыта и мотивации поступка[2], но эти самые мурашки держат меня на привязи: я все боюсь, что я чересчур неуч.

В течение февраля месяца я напишу и отправлю Вам педагогический отчет, в котором, разумеется, из официального гонора буду выражаться в категорическом смысле.

Вы меня не ругайте особенно. Категоричностью я только прикрою большие сомнения. Может быть, Вам в моем отчете кое-что из моих категорических сомнений пригодится.

Большое спасибо Вам за участие в нашем горе.

История эта настолько сложна и настолько подла, что из Харькова искать виновных невозможно ... Здесь я сначала пробовал просить и протестовать, но это все обратилось в волокиту, а между тем крестьяне одну постройку начали разбирать. Тогда я решился на отчаянное средство: с двумя отрядами хлопцев я вступил в кулачный бой с крестьянами. Битва не сопровождалась потерями, ограничились синяками и шишками, но победа осталась на нашей стороне, а самое главное, мы произвели шум: дело дошло до губисполкома. Сейчас, кажется, пахнет скамьей подсудимых, но не для нас. Впрочем, ручаться не следует. Если в Полтаве ничего не сделают, обратимся к Вам за помощью, а пока мы в состоянии отбиваться сами, Вас затруднять кляузами нельзя.

Так или иначе, мы оживаем исключительно благодаря Вам. Смотрим вперед весело. Настроение в колонии восхитительное, почти трогательное. Смущает нас только лето. Капитала у нас по-прежнему нет. Клячи дохлые, дети босые.

К сожалению, не урегулировано распределение кредитов. За декабрь для колонии переведено 12 миллиардов на жалованье и 1/2 миллиарда на прочие расходы. Между тем на жалованье нам нужно было только 6

[миллиардов]. Разумеется, остаток пошел на жалованье в другие учреждения, так как нельзя переводить из § в § ... Я хлопочу все-таки, чтобы мне дали из местных средств на покупку лошадей и сапог, но надежды мало. Я не знаю, как быть.

По январским ставкам нам нужно на жалованье миллиардов 12, а нам перевели, наверное, больше, а на прочие расходы мало. Как бы все-таки хорошо было бы иметь собственные кредиты. Уверен, что мы доживем до этого. А то теперь половина энергии тратится на кредитную борьбу и получение по ассигновкам. Все это страшно неэкономно.

Будьте здоровы. Мы все были бы страшно рады, если бы Вы к нам собрались. На недельку, другую. Передаю Вам привет всей колонии от мала до велика.

Уважающий Вас *А. Макаренко.*

1 Это первое известное исследователям творчества А. С. Макаренко его критическое выступление против педологического направления в педагогике. Отмечается 2 аспекта: обследование детей осуществляется лишь по различным психическим свойствам и вне педагогического процесса (без учета возможностей развития этих свойств); недооценка проблем целей, целесообразности педагогического процесса (установка в основном на создание условий для самопроизвольного развития личности, без «насильственного» влияния педагогических целей).

2 О классификации по «социальному опыту и мотивации поступка» см. в этой книге далее в «Тезисах доклада «Организация воспитания трудного детства».

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии имени М. Горького за январь 1923 года

Штатное количество мест детей – 120.

Числилось детей к 1/I – 71. Выбыло – 1. Поступило вновь – 1. На 1/II – состоит – 71. Мальчиков – 62. Девочек – 9. Всего до 7 лет – 1. От 7 до 14 - 20. Свыше 14 лет – 51.

Имеющих обоих родителей – 6. Полусироты – 9. Круглые сироты – 56. Дети состоятельных родителей – 1. Воровство – 33. Бродяжничество – 31. Убийство – 2. Бандитизм – 5. Характер психо-нервной конституции: устойчивые – 20, раздражительные – 3, инертные – 10, патологические – 4.

(Комбинаторская дефективность, Вид односторонней одаренности, По соматическим болезням – не заполнено – А. Ф.).

Персонал. Всего – 34. Педагогический – 11. Медицинский – 1. Учебно-ремесленный – 7. Технический – 15. Женщин – 5. Мужчин – 6. Возраст до 20 лет – 1, от 20 до 30 – 2, от 30 до 40 – 6, свыше 40 – 3. Холостых - 6, женатых – 5. Стаж: общий педагогический – 11. Спец. педагогический: до 3 лет – 11, от 3 до 5 – 1, от 5 до 10 – 1, свыше 10 – 1. Ценз общий педагогический – 11, спец. педагогический – 1. Ценз общий: низшее – 1, среднее – 8, высшее – 3.

Школьные занятия, образовательные беседы: Усилена образовательная работа по комплексному методу. Разработаны темы: Приход и расход колонии, Урожай колонии 1922 г., Воздух, Пища растений, Письмо и книга, Лес зимой.

Игры, фребелевские занятия: комнатные игры, шахматы, шарады, игры на свежем воздухе, карусель.

Самообслуживание: полное.

Работа в саду, огороде и поле – нет.

Ручной труд и работа в мастерских. Мастерские: сапожная, столярная, кузнечная, корзиноплетная, рогожеплетная.

Эстетическое воспитание. Спектакли: «Суета» - Карпенко-Карый, «Царь Максимилиан», народные пьесы.

Физическое воспитание: военная гимнастика.

Экскурсии: в лес.

Праздники – нет.

Воспитание соц. привычек (не заполнено - А. Ф.).

Методико-педагогические заседания – еженедельно.

Предполагаемая работа на будущий месяц: образовательная работа по темам сельского хозяйства, первобытной культуре, политграмоте, этнографии и астрономии (на основе анкеты среди воспитанников).

Заведующий учреждением

А. Макаренко

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I. – Полтава, 2002, с. 161-163. Эта отчетная ведомость, как и публикуемая ниже, направлялись в Главсоцвос НКП УССР,

Инспектору учреждений для дефективных детей, через Полтавский губнаробраз.

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии имени М. Горького за февраль 1923 года.

Штатное количество мест детей – 120. Числилось детей к 1/II -71. Выбыло – 1. Поступило вновь – 3. На 1/III состоит – 73. Мальчиков – 64. Девочек – 9. Возраст до 7 лет – 1, от 7 до 14 – 20, свыше 14 – 53.

Имеют обоих родителей – 6, полусироты – 9. Круглые сироты – 58. Дети состоятельных родителей – 1. Воровство – 35, бродяжничество – 31, убийство – 2, бандитизм – 5. (Далее как в ведомости за январь - А. Ф.).

Персонал. Всего – 34. Педагогический – 11, медицинский – 1, учебно-ремесленный – 8, технический – 14, женщин – 5, мужчин – 6. До 20 лет – 1, от 20 до 30 лет – 2, от 30 до 40 - 6, свыше 40 – 3. Холостых – 6, женатых – 5. Стаж общий педагогический – 11, спец. педагогический: до 3 лет – 11, от 3 до 5 - , от 5 до 10 - , свыше 10 - . Ценз. общий педагогический – 11, спец. педагогический – 1. Ценз. общий: низшее – 1, среднее – 8, высшее – 3.

Надворные постройки - 5, жилые дома - 8, комнаты – 41, негодные комнаты - 21, спальни – 6, классы - , столовые - 2, комнаты персонала - 17, изолятор (мед.) - 1, мастерские – 6, кухни – 2, прачечная - 1, сараи - 3, кладовые – 2, погреба - 3, клозеты - 4, ванны – 2, бани – 1. Водоснабжение – колодец. В квадр. саж. и десят.: жилых помещений в I и II колониях – 166 кв. с. и 104 кв. с.; двора – 2 д., 13 д., сада – 3, огорода – 5, полевых угодий – 52.

Школьные занятия, образовательные беседы. Образовательная работа совершалась по тому же методу, что и в предыдущем месяце. Разработаны темы: Воздух, Пища растений, Пища животных, Навоз, Север и Юг. Бедная библиотека, отсутствие хороших пособий задерживают развитие учебной работы.

Игры, фребелевские занятия: только комнатные. Самообслуживание - обычное.

Работа в саду, огороде и в поле: продолжается вывозка навоза в поле и к парникам. Ремонтируются парниковые рамы. Производится очистка зерна к яровому севу.

Ручной труд и работа в мастерских: как в предыдущем месяце. Присылка из Харькова 1800 рублей позволила открыть во 2-й колонии две новые мастерские – сапожную и набойную. Кроме того, во 2-ю колонию переведена корзиночная мастерская.

Эстетическое воспитание. 3 февраля в колонии поставлен «Ревизор» Гоголя, в присутствии завгубоно.

Физическое воспитание - как в январе.

(Далее 4 графы не заполнены – А.Ф.).

Предполагаемая работа на будущий месяц: разработка образовательных тем: Первобытный человек, Первые изобретения, Тропические страны, Князь серебряный, Паровоз. Рынок планеты и звезды, Русская революция, История Христа, Сезонные работы по полеводству и огородничеству.

Заведующий учреждением *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония... Часть I, с. 164-166.

Колония им. М. Горького

Трудовая колония для малолетних правонарушителей расположена в 8 верстах от города, по большой Харьковской дороге, в сосновом лесу. Она уединена от населенных мест - недалеко от нее расположено только два-три хутора. В колонии в настоящее время 80 воспитанников.

В 1921 г. колония получила разрушенное крестьянами имение Трепке в двух верстах от главной усадьбы и производит капительный ремонт нескольких зданий. Отсутствие средств определило затяжной характер этого ремонта, потребовавшего вообще очень значительного напряжения сил колонии. Тем не менее, из сезона в сезон постепенно восстанавливается когда-то культурное имение и вокруг него организуется хозяйство на 40 десятинах. Возле главной усадьбы колония также имеет 12 десятин, но земля здесь песчаная и используется главным образом под огороды. Основная же работа в так называемой I колонии ведется в мастерских - кузнечной, столярной, сапожной и корзиноплетной.

Вообще нужно сказать, что полное отсутствие основного капитала и безразличное, а иногда даже недружелюбное отношение к колонии

земельных органов делают работу колонии в области хозяйственного процесса невероятно трудной. Колония подвигается вперед исключительно за счет огромного расходования энергии колонистов и воспитателей.

Чтобы справиться с требованиями развивающегося хозяйства, не поддерживаемого с самого начала вложенным капиталом (положение абсурдное с экономической точки зрения), колонисты принуждены отказывать себе во многом, и часто наша община прямо задыхается от нужды. Так, летом колонисты не могли даже увеличить дневную пайку хлеба, хотя приходилось работать в поле «от солнца до солнца». Только к августу нам помог крупой рабочком. Зимой колонисты сами заготовляют дрова в лесу, часто без одежды и обуви, почти для десятка зданий. Это чрезмерное самообслуживание, принявшее формы напряженной борьбы за существование, разумеется, очень часто приводит к границам отчаяния, а самое главное, вынуждает сокращать более полезную работу в мастерских.

Но в этой напряженной борьбе, нужно признать, есть и свои хорошие стороны. Воспитательное значение этой коллективной работы огромно. Может быть, только благодаря ей колонии удалось создать крепкую и дружную семью и найти интересные и оригинальные формы внутренней организации. Внутренние скрепы в колонии настолько значительны, что механическое их нарушение почти невозможно. Вот почему уход одного из воспитателей или воспитанников ощущается всеми, как урон, очень заметно.

Благодаря этому перевоспитание детей, главная особенность которых заключается в отсутствии здорового социального опыта, совершается более или менее нормально. К настоящему дню мы уже позволили себе роскошь не иметь наемных кладовщиков. Почти все имущество колонии находится на руках у воспитанников, а также и ключи от кладовых и амбаров. Колонисты же составляют большинство хозяйственного совета[1].

Учебные занятия ведутся по системе комплексных тем, разрабатываемых отдельными группами воспитателей и колонистов.

Колония, без сомнения, подвигается вперед, но это связывается с чересчур напряженным трудом воспитателей, и опасность переутомления их всегда ясно чувствуется.

Главная нужда наша в рабочем скоте. Мы имеем только 3 лошади, из которых одной 30 лет, а другая больна растяжением сухожилий. Для 52 десятин в двух имениях, при почти ежедневных поездках в город, это нуль.

Пед. соч., т. 1, с. 16-17. Это первая прижизненная публикация А. С. Макаренко, в газ. «Голос труда», Полтава, 4 февраля 1923 г.

1 «Хозяйственный совет», из воспитанников, первоначально предназначенный для распределения производственно-хозяйственных работ, с лета 1923 г. превратился в «совет командиров», «высший хозяйственный орган колонии» (см. далее: Отчетная ведомость за 1923 г., п. 3). Впоследствии этот орган, состоящий по-прежнему из командиров производственных отрядов, стал «центральным органом самоуправления, проводящим всю текущую работу в коллективе детского учреждения» (Пед. соч., т. 1, с. 267, 277).

Дополнение. **Зав. Полтавским губнаробразом Долганов в докладе на Всеукраинском совещании заведующих губсоцвосами отметил: «...Контингент правонарушителей: 13-15 лет, но до 30% и старшего возраста. Большинство правонарушений - кражи, но есть и другие». Колония для правонарушителей в Полтаве – «это светлое пятно, так как работа с детьми там ведется лучше, чем в нормальных дет.домах». (Опускула маренкиана, № 25, с. 82).**

Анкетный лист А. С. Макаренко

Полтавская трудовая колония имени М. Горького Адрес: Полтава, до востребования (почтовый адрес).

Заведующий колонией Макаренко Антон Семенович. Рожд. 1 марта 1888 года, г. Белополье, Сумского уезда, Харьковской губернии. Национальность – русский. Холост. Детей – нет. Дефективных – нет. Полтавский учительский институт окончил в 1917 г.

Практический стаж. 1905-1911: Крюковское ж-д училище. 1911-1914: Долинское ж-д училище. 1914-1917: Полтавский учительский институт. 1917-1919: инспектор соединенных Крюковских железнодорожных, высшего начального и начального училищ. 1919-1920: учитель 2-го начального училища в Полтаве. 1920… заведующий Полтавской трудовой колонии имени М. Горького.

Практический специальный стаж, по дефективности - заведовал Полтавской трудовой колонией имени М. Горького с 20 сентября 1920 г.

Может преподавать дополнительно – рисование, гимнастику.

А. Макаренко

Полтавская трудовая колония в документах и материалах… Часть I, с. 167-168. Датируется: от февраля до марта 1923 г. Анкетные листы Поповиченко Н. Т., Поповиченко В. И., Никифоровой Л. Н., Радивончика А. М., Головнина М. Г., Григорович Е. Ф., Сагредо Л. П. см. там же, с. 168-178.

Инспектору учреждений дефективного детства Харьковской области

19 марта 1923 г.

Считаю необходимым представить Вам нижеследующий отчет о состоянии колонии к началу сельскохозяйственного сезона и краткий обзор жизни колонии за истекший год. Независимо от этого в самое непродолжительное время мною будет представлен педагогический отчет за 1922 г.

К началу посевной кампании прошлого года колония не имела в своем распоряжении абсолютно никаких ресурсов, ни денежных, ни материальных, и поэтому нуждалась в поддержке со стороны органов наробраза даже в таком деле, как обеспечение колонии посевным материалом. Колонийские лошади почти издыхали без корма. Вообще состояние колонии со стороны перспектив было довольно неопределенное. Бедная почва и теснота казарменных помещений в первом, основном имении колонии заставляли держаться прежних планов о переносе базы и главного пункта колонии в более просторную, богатую и красивую обстановку бывшего имения Трепке. Правда, неудача строительного сезона 1921 г., когда колония, начав капитальный ремонт целого ряда домов разрушенного помещичьего гнезда, не получила ниоткуда обещанной поддержки, неудача, явным образом подчеркнутая прежним хаосом руин, - несколько охлаждала наш строительный пыл.

Это неуверенное, настроение поддерживалось и затянувшейся волокитой с получение земли и жалким состоянием колонийского скота и машин. Мы очень благодарны т. Козловой, которая первая помогла нам своим вниманием и благодаря которой мы получили от Наркомпроса [УССР] 2 миллиарда рублей на продолжение ремонта. Обычная волокита с

получением денег, как всегда, обесценила их: они были получены колонией только осенью, но тем не менее благодаря этим деньгам колония далеко продвинула ремонт, и уже в октябре мы поселили во второй колонии почти третью часть воспитанников. Все-таки у нас не хватило денег, чтобы окончить ремонт даже главного дома: он оставался незастекленным.

Несмотря на отсутствие основного капитала и слабость инвентаря, колония все-таки приступила к полевому хозяйству и сравнительно успешно окончила сельскохозяйственный сезон.

Правда, мы сами гораздо больше ожидали от урожая. Еще больше ожидали в губнаробразе. Там прямо говорили о возможности нашего перехода на самоокупаемость. Мы теперь ясно видим, что это были химеры: нельзя говорить о самоокупаемости с 30 десятин для нашего учреждения, имеющего 120 иждивенцев.

Урожай 1922 г. обеспечил нас:

а) семенами на 1923 г. (больше чем в 2 раза мы увеличили запашку);

б) фуражом, зерновым и объемным. Мы даже могли бы свободно увеличить количество живого инвентаря, если бы у нас были средства;

в) урожай позволил нам обменять плохих, запущенных коров на молочных и выкормить 5 свиней (к сожалению, эпидемия краснухи унесла двоих), так что к [моменту] полевых работ наши дети уже смогли получить усиленное довольствие;

г) урожай помог нам приобрести жатвенную машину и кое-что из инструментов;

д) мы заплатили за размежевание и другие работы по отводу земли;

е) наконец, мы обеспечили себя картофелем, капустой и свеклой на круглый год и имели еще 100 пудов ржи на всякий случай.

Мы ожидали большего только потому, что предполагали высокие цены на хлеб. Кроме того, земля, бывшая лет 5 в пользовании крестьян, оказалась очень засоренной и истощенной неправильным плодосменом, и мы получили урожай ниже ожидаемого.

Истекший хозяйственный год в колониях характеризуется вообще образованием основного капитала. К сожалению, это образование совершалось почти исключительно за счет труда воспитанников и не было

поддержано вложением капитала со стороны высших хозяйственных органов. Накопление же капитала в процессе трудового сбережения естественным образом было связано с сознательным отказом от многих видов прямого потребления. Вследствие этого, например, не удалось детей одеть так, как это требовалось по характеру их работы, не удалось обеспечить колонию мебелью и сколько-нибудь украсить жизнь колонистов со стороны обстановки.

Указанные достижения не ставились как очередная задача, так как очень много оставалось зияющих отверстий в основном капитале колонии.

Живой инвентарь и к настоящему дню далеко не полон. На две лошади, переданные нам весной 1921 г. т. Ганенко, одновременно занимавшим должности завгубоно и председателя РКИ, до сего дня претендует Госконтроль и грозит их отобрать в самый разгар посевной кампании. Колония находится в таком затруднительном положении, что ей остается только одно: не отдавать лошадей, рискуя всякими неприятностями, но зато с надеждой выиграть несколько рабочих дней.

Колония имеет только двух лошадей, из которых одной 30 лет, и трех волов, которые в работе, разумеется, идут только за пару. Таким образом, мы ежеминутно находимся под угрозой остаться на 60 десятинах [земли] при одной паре лошадей и при одной паре волов, при постоянных поездках в город.

Только в последние дни, не дождавшись ассигнования из Харькова на посевную кампанию, колония приобрела одну лошадь, но зато за февраль уплатила служащим только 65% жалованья.

Недохватка основного капитала особенно ощущается в мастерских, в которых очень мало инструментов.

Пользуясь небольшими кредитами на учебную часть, колония в последнее время оборудовала вторую сапожную мастерскую (во второй колонии) и там же литейную мастерскую, но обе они, как и основные колонийские мастерские, очень бедны инструментами (за исключением сапожной мастерской первой колонии).

Недостаток инструментов и оборудования можно было бы постепенно восстановить частными заказами, но, как показал опыт, частные заказы не оправдывают ожиданий по следующим причинам:

а) из-за отсутствия близких к колонии сел, откуда могли бы поступать заказы с материалом заказчика;

б) из-за отсутствия оборотного капитала для работы на продажу в городе;

в) из-за плохо организованной системы оплаты труда инструкторов и мастеров.

В то же время, когда в городе средний молодой слесарь зарабатывает в месяц более миллиарда рублей, квалифицированный инструктор колонии получает всего 200—300 миллионов рублей, и колония принуждена отдавать мастеру право увеличивать свой заработок частными заказами. Вообще говоря, хозяйственное положение колонки характеризуется отсутствием капитала и неприспособленностью финансово-материальной системы.

Материальная база необходима и для образовательной работы в колонии. Здесь нужно еще указать на отсутствие библиотеки, тем более ощутимое, что в колонии с успехом проводится опыт занятий [с воспитанниками] по отдельным учебным темам без учебников. В особенности нам необходимы книги по географии (этнографии сравнительной, путешествия), по исторической беллетристике, элементарной механике и технологии, сельскому хозяйству, истории технической культуры и изобретений и, наконец, справочные книги.

Организация перевоспитания малолетних правонарушителей с самого начала, по моему мнению, была поставлена в колонии на правильный путь, доказательством чего являются очевидные воспитательные достижения: это путь трудовой общины, определенно прогрессирующей в разных областях ее жизни[1].

Однако нужно признать, что решающим моментом в процессе организации [колонии] все-таки была организация [ее] материальной части. Работа воспитателей, при всем своем направляющем значении, все-таки всегда приспособлялась к системе материальных отношений и вследствие

этого теряла или приобретала, смотря по тому, насколько система, так сказать, экономических настроений была удобна или не удобна.

В настоящее время особенно ощущается эта зависимость. Можно сказать, что напряжение чисто воспитательной работы в ее абсолютном значении достигло некоторого максимума.

Дальнейшее развитие нашей общины зависит теперь главным образом от назревшей переорганизации финансово-материальной обстановки. Поэтому если говорить о возможности дальнейшего движения колонии вперед, то приходится обусловливать его почти исключительно следующими обстоятельствами:

1. Обеспечение колонии основным капиталом в форме снабжения ее живым инвентарем (1 вол и 3 лошади) и инструментами для мастерских.

2. Обеспечение [колонии] оборотным капиталом для организации работы на свободный рынок.

3. Организация более удобной системы финансирования колонии, так как получение денег, переводимых из Харькова по ассигновкам губоно, отнимает не меньше 50% времени и энергии зав[едующего] колонией.

4. Организация более удобной системы зарплаты инструкторов и мастеров в общем направлении к сдельному расчету с прибавкой на успешность обучения воспитанников.

Все эти мероприятия позволят уничтожить значительную потерю полезной работы воспитательского коллектива, замечаемую в настоящее время.

Независимо от этого открытым остается вопрос об окончании ремонта второй колонии в Ковалевке. Хотя расходы по ремонту должны относиться на местный бюджет, но в губоно склонны толковать это требование закона только по отношению к текущему ремонту. Капитальное же восстановление имения б[ывшего] бр[атьев] Трепке, по мнению губоно, является, скорее, организацией нового учреждения и поэтому должно относиться на средства Наркомпроса.

Я не могу судить, насколько губоно близок к истине в таком толковании. Во всяком случае, в наступающем сезоне ремонт второй

колонии должен быть закончен, иначе имение будет отнято у колонии и весь двухлетний труд детей и персонала пропадет даром.

Считая это обстоятельство весьма важным, я представил смету в губоно (с чертежом) на окончание ремонта трех домов и конюшни, всего на сумму 7560 товарных рублей или сумму 227 000 миллионов (227 миллиардов) рублей.

В случае отказа губоно в предоставлении кредитов я перешлю сметы в Инспекцию для учреждений дефективного детства Харьковской области. Представляя настоящее, прошу инспекцию оказать внимание основным нуждам колонии как в материальном, так и в организационном смысле.

Заведующий Полтавской трудовой колонией
им. М. Горького
А. Макаренко

Пед. соч., т. 8, с. 244-246.

1 Так к весне 1923 г. А. С. Макаренко сформулировал подтвержденное его опытом фундаментальное направление педагогической работы – «путь трудовой общины, определено прогрессирующей в разных областях ее жизни». «Общинники», «колонисты» - это не только воспитанники, но и персонал, руководство колонии.

В дальнейшем – «воспитательный коллектив», одна из разновидностей трудового коллектива (в ряду: коллектив производственного цеха, предприятия, организации, воинский коллектив, коллектив осужденных и т.д.).

Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького

I

Воспитательский коллектив колонии им. М. Горького самой силой обстоятельств и условий работы колонии был приведен к необходимости коренного реформирования образовательной работы с воспитанниками. Колония собирает почти со всей губернии самый трудный и самый запущенный детский элемент, запущенный одинаково как в воспитательном отношении, так и в области знания.

Было бы, впрочем, большой ошибкой думать, что эта запущенность синонимична нравственной или умственной дефективности. Двухлетний

опыт работы в колонии саму проблему нравственной дефективности вынуждает рассматривать с некоторым сомнением. Пока что мы можем утверждать только о существовании в жизни большинства детей-колонистов в высшей степени нездорового, в высшей степени «дефективного» социально-нравственного опыта. Но поскольку этот опыт, с одной стороны, объясняет социально нездоровую мотивацию поступка, постольку он же обыкновенно связывается с особенно тонкой чувствительностью именно в области отношений нравственного характера. Внешним выражением этой чувствительности является иногда очень своеобразная, но по-своему сильная система логических построений, которая для непривычного человека всегда представляется просто наглостью.

Таким же разнообразием и своеобразием строения отличается и развитие всякого нового колониста. В большинстве случаев прибывающие в колонию дети неграмотны или полуграмотны, почти не умеют считать, даже те, которые занимались спекуляцией, принципиально не признают учения и поэтому знают меньше самого неудачного школьника, если под знанием разуметь только то, что обыкновенно достигается в школе. Но при более близком знакомстве с ними они поражают огромной эрудицией, ибо видели *пол-России*, ездили и в поездах и на пароходах, воевали во всех армиях и на всех фронтах, работали или служили то на фабрике, то в типографии, то в кондитерской, то просто «у одного человека», что, впрочем, большей частью не мешает им быть в глубоком убеждении, что «работа дураков любит» и что «на наш век дураков хватит».

Предложить этому осевшему в колонии детскому народу систематическую программу классной работы, при каком угодно привношении клубного начала, было бы напрасным трудом. Средняя продолжительность пребывания в колонии полтора-два года; за это время колония обязана дать воспитаннику не только грамотность, она должна все богатство его практического опыта, весь огромный запас сил, уже закаленных в жизненной борьбе, претворить в систему ясных представлений о мире и о возможностях в мире. Только в таком случае образовательная колонийская работа не будет отставать от дисциплинирующих требований колонийской организации.

Эти чисто дидактические требования, однако, не являются решающими в определении форм образовательного процесса. Все-таки основной задачей колонии является преодоление нездорового социально-нравственного опыта прошлого. Это достигается самым незамысловатым путем - путем организации прогрессирующей общины, с точным и открытым требованием, предъявленным к личности, с точной и открытой ответственностью. Несмотря, однако, на всю простоту этого принципа, успешность его проведения зависит от очень многих обстоятельств.

Жизнь колонии уже в течение двух лет представляет непрекращающуюся напряженную борьбу за лучшее существование. По нашему мнению, такой должна быть жизнь всякого детского учреждения. Только в такой борьбе закаляется рабочая дисциплина и выковывается гордость трудящегося.

Но параллельно[1] с этой борьбой всегда должна происходить другая - борьба с неполным сознанием, с неточным представлением о своем собственном труде. Без этого самое начало борьбы может обратиться в желудочное урчание, в погоню только за ближайшим удовлетворением.

Параллелизм работы и знания как требование определяет содержание образовательной работы; внешним образом этот параллелизм может быть выражен только в соотношениях труда и интереса детей. То, что не выражено в детском интересе, очевидно, не будет параллельно его жизни, его труду. В каких бы сладких формах мы ни предложили его ребенку, эта сладость будет только в представлении учителя, в его удовлетворенности по случаю «удачно» проведенного урока.

Идя навстречу детскому интересу и считаясь с логикой его жизни до колонии и в колонии, мы оказываемся как раз на путях новейшей педагогики.

Это последнее обстоятельство позволило колонии со спокойной совестью отбросить решительно все, что еще тащилось за нами от старой школы. Мы отказались от постоянной программы, от так называемых учебных планов, разделения на предметы, расписания, учебников, задачников. Отказались мы и от самого главного несчастья нашей школы - от измерения труда учителя часами и минутами.

Но мы не отказались от дисциплины, от строгого порядка в работе, от уважения к книге, а самое главное - мы не отказались от постоянного напряженного внимания к тому, что мы делаем, и к тому, что нас ожидает впереди.

II

У нас нет триместров[2]. Вот начало марта. Мы еще деятельно работаем за столами, но ранняя весна уже отрывает от них то ту, то другую группу: надо спешить с очисткой зерна, надо подвозить навоз и землю к парникам. Мы уже знаем, что в один прекрасный день инструктор потребует всех кузнецов к плугам, к сеялкам, к боронам, а на другой день огородник заявит, что если у него в этот день на парниках не будет десятка хлопцев, то он отказывается от службы и вообще не отвечает за свои поступки.

Такая аргументация действует охлаждающим образом на самых убежденных сторонников продолжения занятий «до понедельника». Кое-кто из книжников поворчит, но через час уже и он шагает босиком, чтобы не портить ботинки, по холодным глыбам поднимаемого поля. Окончится первая весенняя горячка, и мы, хотя по частям, опять сидим за столами или что-нибудь измеряем на свежем воздухе.

Содержание образовательной работы определяется детским интересом[3]. В условиях жизни тесной колонийской семьи, собственно говоря, можно было бы и не прибегать к искусственным способам проявления этого интереса. Воспитатели и колонисты всегда вместе, больше того, нам редко случается видеть постороннего человека. Поэтому интерес всегда на виду и, если угодно, на «учете». В дежурном журнале ежедневно отмечаются «злоба дня» и темы интересных разговоров. Но у нас есть и натуры замкнутые, неохотно открывающие область своего интереса, есть и такие, что целый день балагурят о пустяках, а внутри скрывают ненасытную жажду знания. Поэтому время от времени мы предлагаем всем воспитанникам анкету, заключающую в себе только один вопрос: «О чем я хочу узнать в ближайшее время?»

Колонисты очень охотно и не стесняясь отвечают на вопрос анкеты:

«Я хочу узнать, как живет слон».

«Про политику РСФСР».

«Как нужно вести правильную жизнь».

«Про сельское хозяйство».

Совет воспитателей, разумеется, не слепо следует за вопросами анкеты, придавая все-таки первенствующее значение явно для всех присутствующим «злобам дня».

Данные анкеты и дежурных отчетов обсуждаются в совете воспитателей еженедельно, и, в зависимости от преобладания того или другого интереса, назначаются к разработке темы образовательных работ. На следующем заседании совета представленные конспекты разработок по темам рассматриваются, утверждаются наиболее удачные и назначаются группы воспитателей и воспитанников для проведения их в жизнь.

Каждая тема представляет раскрытие содержания более или менее ограниченного вопроса. При этом мы не гоняемся за строгой принадлежностью этого вопроса к той или другой области знания. Так, тема «Письмо и книга» включила и условные сигналы дикарей, и египетские иероглифы, и жизнь Гуттенберга и Федорова, и работу типографии, и стоимость печатания газеты.

Независимо от этого каждая тема в процессе разработки делится на две части: пассивную (по логическому подходу) и активную. В первой части раскрывается содержание вопроса при помощи докладов, бесед, экскурсий, чтения. Вторая часть преследует задачи выражения тех мыслей и чувств, которые возникли в процессе работы, и педагогической целью ставит воспитание навыков выражения в трех его главных формах: числовой, словесной и художественной (вообще графической).

Для иллюстрации приводим конспект темы «Навоз», разрабатываемой в настоящее время - 7-го марта, одновременно с большой работой по вывозке навоза в поле и к парникам.

НАВОЗ.

1. Доклад воспитанника: Почему навоз является удобрением.

Что содержится в навозе и в растении?

Чем еще можно удобрить поле?

Полное и неполное удобрение.

Прямое и непрямое удобрение. Состав навоза.

Значение твердых извержений и мочи.

Значение подстилки.

Качество навоза в зависимости от корма.

Сухой и мокрый навоз.

(Пособие: Костычев. Об удобрении земли навозом. Стр. 9-22).

2. Доклад воспитанника: Употребление навоза.

Собирание навоза.

Хранение.

Вывозка и расбрасывание.

Запашка.

(Пособие: Матисен. Беседы по полеводству. Стр. 42—47). Примечание: Разработка этих докладов должна быть сделана в форме положительных утверждений - в тоне рекомендуемых пособий.

3. Критическая часть. Доклады и беседы по спорным и неясным вопросам. Отдельные вопросы лучше поручить отдельным воспитанникам. Если воспитатель найдет нужным, то по некоторым вопросам можно допустить беседы воспитателя.

а) Для всех ли почв одинаково необходимо удобрение? Доклад о выводах Полтавской опытной станции по опытам с минеральным удобрением. (Пособие: Труды, вып. 35, стр. 32-34).

б) Какое количество навоза наиболее выгодно вывезти в поле? (Пособие: Труды. Стр. 34-36).

в) Значение почвенной воды при навозном удобрении. Краткое объяснение таблицы на стр 9 брошюры Зайкова и Смирнова - Навозное удобрение.

4. Практическая часть. Доклад заведующего хозяйством колонии: Ближайший план по навозному удобрению в колонии. На какие поля будет вывозиться навоз? Почему? Какое количество десятин будет унавожено? На какие поля следовало бы вывести навоз, если бы позволяло количество скота? Практическая работа по вывозке.

5. Математическое изображение.

Задача 1. Сколько десятин можно унавозить от колонийского скота, если полагать по 1200 пудов на десятину и считать период зимнего

собирания навоза в 180 дней. (Данные см. Костычев, стр. 41-43. О количестве потребляемого скотом корма предварительно собрать сведения у старшего конюха-воспитанника Браткевича).

Задача II. Сколько нужно держать овец, чтобы заменить по количеству доставляемого навоза 4-х колонийских лошадей» при условии, что поле черноземное.

Задача III. Та же задача при условии песчаного грунта.) (Данные см. Зайков и Смирнов стр. 4-8).

Сущность различия условий последних задач заключается в том, что при черноземе нужен фосфор, а на песке азот.

6. Графическое изображение.

а) Диаграмма: Прибавка урожая при внесении 1200 и 2400 пудов на различных почвах.

б) Кривая: Изменение количества образовавшейся азотной кислоты при различной влажности без навоза и при внесении навоза.

в) Диаграмма: Содержание азота, калия и фосфора в навозе различных животных.

7. Словесное изображение.

Как нужно сохранять навоз,

Как поступают с навозом в поле.

Как мы вывозим и храним навоз.

Как люди научились удобрять землю. (С предварительным чтением брошюры Пришвина).

Какое удобрение лучше и почему.

Непрямое удобрение.

III

Каждая группа (обыкновенно 1-2 воспитателя и 10-20 воспитанников) получает два-три дня на подготовку докладов. К сожалению, огромная нагрузка труда воспитателей не позволяет часто пользоваться участием второго воспитателя, кроме ведущего тему; вообще же, как показал опыт, участие ассистента делает разработку вопроса в его предварительной стадии гораздо более успешной и занимательной. Правда, никогда не бывает

недостатка в добровольных ассистентах, так как из-за отсутствия помещений предварительная докладная работа совершается на квартирах у воспитателей.

Стадия предварительной работы, лишенная условной стеснительности классной парадности, наиболее интересна. Штудирование книг, брошюр, собирание сведений у хозяйственной части и у делопроизводителя, иногда у соседей, захватывают широкие колонийские круги, еще до разработки возбуждают интерес, споры, хозяйственную часть доводят иногда до белого каления.

Приведенная тема «Навоз» разрабатывается в настоящее время соединенной группой в 16 колонистов под руководством одной воспитательницы. Недавняя работа по темам «Воздух» и «Пища растений» позволяет воспитанникам свободно разбираться в таких вещах, как азот или фосфор. Поэтому вся тема займет не более четырех дней. Руководительница несколько изменила порядок конспекта, и мы можем привести сочинение воспитанника Л. (несколько скептическое):

«Мы сперва навоз складываем в кучи. Навоз у нас лежит в кучах до марта месяца. Теперь мы начали возить в поле. Навоз у нас лежал в кучах на открытом месте, из него вся жижа ушла в землю. Навоз не даст нам никакой пользы, и от него урожая не будет».

Другие сочинения не столь кратки и скептичны, но завхозу на его докладе досталось порядком от ударов только что испеченных теоретиков удобрения. Несколько сконфужен и старший конюх; он добросовестно ходил с метлой и лопатой возле лошадей, а оказалось, что навоз нужно как можно дольше держать под скотом.

Проведенная разработка докладывается руководителем в совете воспитателей, когда представляются и рассматриваются все работы. Отчетная работа имеет очень большое значение, так как только она позволяет следить за развитием математических и языковых навыков.

IV

Воспитательный коллектив колонии им. Горького не решается подвести итоги опыта, так как проводит его только четвертый месяц. Логически и научно он для нас совершенно оправдан. Мы не сомневаемся в огромном выигрыше в смысле сечения[4] знания и в области создания

практических навыков исследования и изображения, не сомневаемся также и в колоссально развивающем значении подобной работы.

Но не подлежит сомнению и другое: при подобных занятиях мы почти не имеем возможности коснуться отвлеченных величин. Мы принуждены обходиться без теории грамматики, алгебры, дробей и т. д. Главная работа совета в настоящее время заключается в поисках путей к разрешению этих неудобств, и мы уверены, что такие пути будут нами найдены, В этом нас убеждает история знания. Человечество не изучало алгебру по Киселеву, тем не менее пришло к познанию ее законов. Таким же естественным путем и у наших воспитанников должен возникнуть, так сказать, алгебраический интерес[5].

Гораздо большее неудобство заключается в чрезмерных требованиях, которые приведенный метод предъявляет к нашему воспитателю. С одной стороны, приходится проделывать огромную работу подготовки, почти учиться заново, с другой - необходимо ежеминутно подвергать себя критике не только товарищей, но и воспитанников, которые в качестве докладчиков имеют тоже книги в руках. В последнем счете и то и другое - прекрасные институты, но первое время они вызывают огромную трату нервной энергии, запасы которой в условиях оторванной от света колонии всегда на исходе.

Недостаток книг, и приборов, и материалов для лабораторных занятий само собой подразумевается.

Но пока что мы духом не падаем.

Для интересующихся предлагаю конспекты наших тем, проработанных в конце зимы.

Тема 1.

Топливо: (1 день)

1. Беседа.

Для чего нужно топливо. Почему летом не топят. Как измеряется тепло. Температуры: нормальная, комнатная, средняя в июле, средняя в январе, таяния, кипения, плавления, человеческого тела здорового и больного, мертвого, пламени. (см.: Цингер. Начальная физика, с. 238, 246).

2. Из опытных наблюдений уместны только простые измерения t°. Хорошо измерить t° воздуха утром, днем и вечером хотя бы в течение нескольких дней.

3. Чем люди отапливаются. Дрова. Расход дров в колонии: на одну печь - дневной, годовой. Кубическая сажень. Наша «кубка», полусаженка. Сколько пудов в куб. саж[ени].

4. Покупка дров колонией. Цена полусаженки. Торги. Стоимость отопления.

а) Сочинение «Как мы работаем в лесу».

б) Устный доклад о каменном угле (см.: Новая народная школа II, с. 178).

в) Устный доклад «Как животные спасаются от холода» (см.: Новая народная школа, с. 189).

г) Стихотворение «Мороз-воевода».

д) Сочинение «Как у нас топят печи».

е) Загірня. Загадки № 1 и 10.

6. Зарисовки: термометр, везут дрова, работа в лесу и др.

Запасы топлива в мире. Исчезновение лесов. Значение правильного лесного хозяйства. Угольные копи в Донбассе.

Тема 2.

Лес зимой (2 дня)

1. Что происходит с деревом к зиме (доклад воспитанника). Различие между хвойным и лиственным лесом.

Как определить лиственные породы зимой (см.: Полетаева, с. 150-151).

Для ответа на эту тему необходимо [организовать] экскурсию в лиственный лес главным образом для наблюдения, с последующей зарисовкой почек на деревьях.

2. Беседа о состоянии леса зимой.

а) Спит ли дерево или умерло?

б) Запасы пищи внутри растения.

в) Крахмал. О картофельных клубнях. Хорошо произвести добывание крахмала и опыт с окрашиванием йодной настойкой.

г) Где растение собирает крахмал и для чего он нужен.

Пособия: Вагнер. Рассказы о том, как устроены и как живут растения, с. 18-20 и 56-58.

Лучшее - Кайгородов. Дерево, с. 31 — 33.

Богданов. Беседы о жизни растений, с. 57—63.

3. Жизнь в лесу зимой.

а) Какие птицы и звери.

б) Как прячутся от холода.

в) Чем кормятся.

г) Следы в лесу.

4. Работы в лесу.

5. Воспоминания: когда деревья сбрасывают листья. Когда распускают новые. Сколько дней в году дерево проводит без листьев.

При подсчете обратить внимание на число в месяцах. Сколько недель без листьев и с листьями. (Сколько в году недель.) Сколько месяцев (в дробных выражениях).

Диаграммные изображения сравнительной длительности летнего и зимнего периодов в виде различной высоты дерева с листьями и без него.

6. Сочинение на свободную тему в границах затронутых вопросов.

7. Зарисовки: лес зимой, сорока, работа в лесу.

8. Заучивание: «Лес» Кольцова (Вахтеров, с. 139), «Дідок у лісі» Глібова, с. 63, «Білочка», с. 77, «Снігур та синичка», с. 93.

Загірня. Загадки № 18.

Тема 3.

Заяц и лисица (2 дня)

1. Доклад воспитанника о зайце (Пименова, с. 155).

2. Беседа.

а) Отличие внешнего вида зайца и лисицы.

б) Как устраивают жилище заяц, лисица.

в) Как ухаживают за молодыми.

г) Чем питаются, как едят, как добывают пищу, устройство зубов.

д) Грызуны и хищники. Чем отличается кролик от зайца,

е) Как спасаются и защищаются.

3. Доклад охотника.

а) Как устраивается охота.

б) Время охоты.

в) Использование шкурок и мяса.

г) Цена за шкурку зайца и лисицы.

Этот доклад делается или приглашенным охотником, или воспитанником по собственным впечатлениям, необходимо усиленными сведениями, предварительно добытыми у охотника.

4. Математические занятия.

Сколько приблизительно зайцев живет в нашем лесу (по наблюдениям). Сколько дает заяц детенышей в год. Сколько было бы зайцев через пять (десять) лет, если бы не погибали. (Вывод: хорошо изобразить столбчатой диаграммой или в виде маленькой группы и большой толпы зайцев.)

6. Сколько зайцев нужно убить охотнику в течение сезона, чтобы существовать с семьей в течение года. Собрание данных о стоимости шкурок и убитых зайцев, а также о среднем годовом бюджете семьи (в миллионах), предварительное. Средний бюджет семьи можно установить по жалованью колонийских служащих.

6. Свободное сочинение на любую тему, о зайце и лисице, к примеру: «Как мы поймали лисят», «Как мы выпустили лисят», «Как лиса крадет кур», «Заяц на охоте», «Охота на лисицу» и т. д.

7. Заучивание басен.

Глібов, с. 43, 93, 107, 7, 9.

Вахтеров. Кн. II, с. 63, «Ворона и лисица».

Покровский, с. 159, «Лисица и виноград», «Лев и лисица».

8. Рассказы и сказки (см.: Покровский, с. 123).

9. Зарисовки: заяц, лисица, охота, следы зайца и следы лисицы.

Тема 4.

Стекло (1 день)

1. Беседа на тему «Для чего нужно стекло» (окно, лампа, посуда, зеркало, очки, химическая посуда, фотография, ручки, градусник и пр.).

2. Свойство стекла: прозрачность, твердость, хрупкость. Понятие о мягкости и отсутствии хрупкости, как противоположных свойствах (свинец).

Отсутствие и в стекле и в свинце упругости. Где больше упругости? Какое тело наиболее упруго, наиболее хрупко, наиболее твердо?

Различие сортов стекла:

а) по крепости;

б) по прочности.

Достоинства ламповых стекол.

Отчего стекло лопается.

3. Как люди жили и живут без стекла.

а) Шалаши.

б) Курные избы.

в) Слюда, лед, бумага.

г) Дикт[6].

д) Как раньше охранялись магазины и как теперь?

4. Изготовление стекла (доклад воспитанника). «Книга для взрослых» Алчевской, с. 379.

5. Рисование на темы (вопросы § 1 и 3).

6. Сочинения на темы: «Для чего нужно стекло», «Из чего состоит стекло», «Как стеклятся окна», «Как люди жили без стекла».

7. Математические задачи.

Сколько будет стоить застеклить вторые рамы I и II дортуара.

Для этого предварительно нужно поручить одному из воспитанников узнать, какими листами и по какой цене продается стекло. Решая задачу, нужно иметь в виду, что главной ее целью будет выяснение вопроса о квадр[атных] метрах. При решении задачи придется измерить шибку[7] окна и учитывать ненужные отрезки. Стоимость работы и замазки во внимание не принимается.

б) Сколько колония истратила стекол ламповых с 1 сентября, сколько дней приходится на одно стекло, сколько рублей приходится на один день. Точно так же добывание данных поручается одному из учеников.

Пед. соч., т. 1, с. 18-24. Первая публикация А. С. Макаренко в педагогическом журнале: Новыми стежками (Новыми тропами), органа Полтавского губнарообраза, 1923, № 2 (6-7). Авторство обозначено: «А. М.». Дата написания, судя по тексту, 7 марта 1923 г.

Печатается с восстановлением 2-х фрагментов текста, по теме «Навоз». Они опущены редакцией 1 тома, что показательно: таково отношение представителей официальной педагогики 70-80-х гг. к теме производительного труда.

В этой статье, посвященной образовательной практике, А. С. Макаренко выходит за рамки учебной работы. Он рассматривает ее в контексте общепедагогической, воспитательной деятельности (§ I), уделяя особое внимание проблеме «социально-нравственного опыта воспитанников», его связи с их общим развитием и развитием сознания. Отмечается коренной недостаток комплексной системы обучения – «невозможно коснуться отвлеченных величин», недостаток теоретического знания.

Отзыв об этой макаренковской статье вошел в обзор педагогических публикаций, данный в центральной печати, - в ж. Народное просвещение, М., 1923, № 6.

1 Употребляемое А. С. Макаренко здесь, вероятно, впервые понятие «параллельности» явлений и процессов в педагогической теории и практики он все более широко использует в последующих работах. На основе этого понятия утверждается качественно новый, диалектический метод педагогического мышления и действия, разрабатывается новая методология педагогики. Свою педагогическую концепцию он в 1935-1936 гг. назвал «педагогикой параллельного действия», объяснил ее глубинную сущность (т. 1, с. 323-324).

Механическое «однолинейное» восприятие его педагогических взглядов и опыта – основа возникновения споров о них, ограниченного их понимания и отрицания.

Опираясь на образ параллельных линий и плоскостей в математике, А. С. Макаренко характеризовал и строил сферу воспитания, имея в виду двойственность, противоречивость педагогических явлений и процессов, свойственную им бинарность. В русле «параллельности» необходимо исключать возникновение противоположных аспектов в педагогических явлениях (сознание и поведение, коллектив и личность, целенаправленное воспитание и свободное развитие личности и т.д.). Параллельные линии соответствуют друг другу, равноудалены, не пересекаются и не сливаются, сохраняют относительную самостоятельность. Противоречия – источник развития, они должны быть «задействованы» в организации целеустремленного педагогического процесса.

2 Триместр – треть учебного года.

3 Таким было одно из главных требований официально предлагаемой комплексной системы обучения.

4 Здесь и в последующих работах термин «сечение» А. С. Макаренко использует в смысле «строение», «структура» (рассечение единого, выделение взаимосвязанных элементов и ведущего элемента).

5 Вскоре А. С. Макаренко для устранения недостатков, свойственных комплексной системе обучения, стал применять обучение группы колонистов (в летнее время), желающих поступать на рабфаки. Впервые колонисты посланы на рабфаки в 1923 г., в г. Киев – данные кн. Маро (М. И. Левитиной).

Для поступления на рабфак требовалось: образование в объеме начальной школы (I ступени 9-летки) и направление, «командировка», которая выдавалась в порядке распределения, по заявкам различных организаций, преимущественно среди рабочих и крестьян. 3-4 года обучения на рабфаке давали возможность получения высшего образования, обычно по профилю рабфака, со сдачей вступительных экзаменов.

Комплексная система обучения применялась в колонии им. М. Горького вплоть до 1928 г., когда А. С. Макаренко вынужден был оставить колонию. В массовой школе применялась до 1931 г.

6. Дикт – фанера, для прочности склееная в 3 слоя.

7. Шибка – оконное стекло.

Письмо А. П. Сугак, 24 марта1923 г.

24 марта 1923

колония им. М. Горького

Дорогая Антонина Павловна!

Спешу написать Вам под свежим впечатлением только что полученного письма Вашего от 13 марта. Вы совершенно правы, не буду брехать: подробности в письме - было очередное «колпаченье», как Вы неделикатно выражаетесь. Уверяю Вас, не нарочно!

Вы помните, как я работал в Крюкове? Вы, может быть, даже имеете представление о моем труде прошлым летом. Так вот: гораздо тяжелее и гораздо труднее. Сейчас я дошел уже до того, что сплю через ночь вот уже около полутора месяцев и даже отвык спать. Этим обстоятельством объясните и неприличный способ сообщения - на машинке. Просто гоняюсь за скоростью. Я даже для себя неожиданно приучился делать 3-4 дела сразу.

Приглашение от масткома получил несколько дней назад, а 21-го приезжал ко мне Кононенко и также предъявил какой-то мандат на право изъятия меня из колонии[1]. От Кононенко же я узнал о болезни Виктора. Это

очень прекрасно, что он выбрался из каких-то паршивых почек, а то я уже серьезно собрался грустить, что наше поколение начинает дохнуть.

Мастком, разумеется, меня трогает, несмотря на некоторую неуклюжесть своих желаний и представлений. Так же трогает и Кононенко, и уж, само собой, трогаете Вы, любезная Антонина Павловна. Ваше письмо - это песнь торжествующей любви, а вовсе не письмо: торжествующей именно потому, что вот, дескать, Макаренко погибает исключительно потому, что заехал в какую-то колонию, бросил счастливый Крюков и т. д. и т. д.

Такой же приблизительно тон и у масткома, и у Кононенко. Последний, впрочем, побывав в колонии, несколько сбавил спеси. Ты, пожалуйста, не подумай, что я ругаюсь. Ничего подобного и даже наоборот.

Меня очень трогает такая настойчиво высокая оценка моей особы, которую проявляют крюковчане. Я очень и очень рад и тому, что для меня представляется возможность возвратиться в Крюков и помочь маме. Наконец, и в самом деле, до каких же мне пор сидеть в колонии и пропадать, как вы все там думаете. Нужно жить и прочее.

Но вся беда в том, что вопрос не решается для меня одним желанием. Я теперь человек крепкий, такой крепкий, каким Вы меня никак не представляете. Таким меня сделала колония. Вы как раз, сударыня, патетически восклицаете: «Что вам дала колония?» Столько дала, Антонина Павловна, что Вам и не приснится никогда. Я сделался другим человеком, я приобрел прямую линию, железную волю, настойчивость, смелость и, наконец, уверенность в себе[2]. Теперь я уже не способен собирать совет и спрашивать, допустим, Пугача, что мне делать, так как я прекрасно знаю, что я должен делать, и, как думает об этом Пугач, мне просто не интересно.

Трехлетний колонийский опыт - это вся моя будущая работа. Что бы я ни сделал потом, начало все-таки нужно будет искать в колонии. И даже не только в том смысле, что я здесь чему-то научился, что-то пережил, но еще и потому, что здесь я сам над собой произвел огромный и важный опыт. Но, пожалуй, бросим об этом: Вы можете сказать, что все это пустяки, все это в прошлом, что теперь все-таки колония мне ни черта не дает и поэтому нужно все-таки ехать в Крюков.

Ваше основное представление, что здесь кто-то пропадает, - большая ошибка. Я считаю, что в колонии мы живем разумнее и веселее, чем очень многие в городе, а особенно в таком, как Крюков. Наконец, мы живем гораздо свободнее и независимее. Но даже и не в этом дело. Самое главное - мы можем здесь так работать, что работа доставляет нам удовлетворение.

И не думайте, что моя энергия здесь пропадает даром. Ничего подобного. Здесь мы производим опыт, который будет иметь большое значение не только для колонии малолетних преступников[3]. На нашу организацию уже обратили внимание. Во всяком случае, наша колония сделана главной на Украине, на 120 детей, мы непосредственно зависим от Наркомпроса. Образовательная работа колонии уже обсуждается в печати[4], и мне дано право приглашать сколько угодно учителей для практики с тем, чтобы потом рассылать их по губернии. Я уже получил право приглашать учителей по своему усмотрению, даже без педагогического образования. Я уверен, что еще через год наша работа получит еще большее значение и только потому, что здесь что-то напряженно творится. А Вы так говорите о колонии, как будто здесь действительно какое-то прозябание.

Вы говорите, что не нужно расточать сокровища на колонию, а нужно расточать на Крюков. Голубчик, Крюков не лучше колонии, и, пожалуй, расточать и на него никаких сокровищ тоже не нужно. Все дело не в Крюкове и не в колонии, а в самом деле, в организации нового просветительного опыта. Между прочим, в Германии как раз впереди всех идут так называемые лесные школы[5] тоже заброшенные и тоже лишенные внешних признаков просвещенного общества.

Давайте только и будем говорить в этой плоскости. Если Крюков даст мне лучшие условия для такой работы, я немедленно в Крюков перейду. Вопрос решается, как видите, просто. Я, со своей стороны, ручаюсь, что в таком случае через 2 - 3 года в Крюков будут ездить учиться. Так я ответил и масткому, и ответил, пожалуй, в чересчур резкой форме. Я потребовал, чтобы мне было предоставлено право смещения и приглашения учителей, право свободного метода и программы, право дисциплины и, наконец, на первое время не менее 45 миллиардов хозяйственных кредитов и возвращение оркестра[6]. Ваш мастком, конечно, придет в ужас, и мне это

понятно. Но я знаю и другое, что это все пустяки. Вы прекрасно знаете, что и без всяких гарантий я сумел бы заставить плясать под мою дудку не только мастком, но и Харьков.

Я просто не хочу тратить энергию на работу замазывания, заклеивания и какой-то поправки, на это в колонии я достаточно истратил сил. Я хочу начать работу «на чистом поле», не слушать шипения разных Найд и Карапишей. Я глубоко уверен, что мастком на мои условия не пойдет, так как я требую гарантий со стороны дорожного отдела[7] в письменной форме. А дорожный отдел никогда не согласится на свободу метода и программ и в особенности на невмешательство в течение 3 лет разных инструкторов и инспекторов. Не согласится и на то, чтобы в школе не было никаких привилегированных групп, а это, как известно, в России невозможно со времени Рюрика с братьями. Я на месте дорожного отдела тоже не согласился бы.

Вот, я Вам все объяснил. А теперь можно и помечтать. Да, хорошо бы было переехать в Крюков. Я там бы мог заработать «с места в карьер», и мне даже такие картины рисуются, что похоже почти на сказку, если бы не ваша крюковская жалкая, ободранная обстановка. Но то, что мне кажется таким прекрасным, очень мало кому понравилось бы в Крюкове. Полетели бы с места в карьер очень многие из школы. Даже те, которые мнят себя настоящими педагогами. Представьте себе, в прошлом году я был настроен гораздо более примирительно, теперь я просто не представляю, как можно работать с Найдой и Мальцевой. Теперь это выше моего понимания.

Что касается метода, то убейте меня, а [я] уже не могу заниматься задаванием и спрашиванием урока, зачетами и клубными занятиями, не могу хладнокровно видеть задачника и вообще учебника. Это меня больше всего смущает: в колонии я что хочу, то и делаю. Моим воспитанникам не нужно держать никаких дурацких экзаменов ни в техникум, ни на какие курсы; там еще до сих пор ведь спрашивают, а школы по ним равняются. Извольте приспособиться к этому направляющему институту. Ваш ученик может быть и образован, и развит, и воспитан, но какой-нибудь человечек в футляре настойчиво пристанет к нему с вопросом: почему сие важно в-третьих?

Значит, беря на себя школу, нужно брать и борьбу с человечками футлярными.

Все-таки я продолжаю мечтать: самое трудное, что меня смущает, - это как уехать из колонии. Когда я уезжал в Москву, была сплошная истерика, несмотря на то что все были уверены, что я еду на самое короткое время. А в Москве меня бомбардировали письмами с требованием немедленного возвращения и посылали ко мне жалобы на разных провинившихся. А теперь для всех это будет такое кровное оскорбление, что меня побьют камнями и будут провожать кирпичами. Ехать в Крюков служить - значит сознательно разрушить колонию и разогнать всех воспитанников в разные стороны, в прежнюю пустыню бродяжничества, воровства и грабежа. Ну как, помогите, Антонина Павловна, решить этот вопрос, у Вас ведь дамское любвеобильное сердце. Уже сейчас колонисты со страхом смотрят на каждое письмо, получаемое мною с почты, потому что прекрасно поняли все коварство миссии Кононенко, которого они доверчиво приняли как гостя.

Все-таки, хотя я и уверен, что и мастком, и учкультран[8], или как там его, только выругаются в ответ на мои условия, Вы напишите мне об их настроениях - интересно.

С мамой вопрос гораздо хуже. Как ей не нравится колония, все-таки, вероятно, придется ей переехать ко мне. Я, конечно, постараюсь устроить ее жизнь гораздо уютнее, чем в Крюкове, но, разумеется, не могу создать для нее крюковского общества.

Не кивайте так презрительно на посевную кампанию. Это настоящая поэзия, которой Вы в Вашем Крюкове и не нюхаете. Какой воздух, какая работа, какие работники, песни, лошади! У нас есть сейчас агроном, свои семена, свои машины, свой план, и нас все слушаются в Полтаве. Мы до того рассобачились, что завели суд, с кем бы Вы думали? С самим Госконтролем! И думаем выиграть. Все это так весело, что Вы себе и представить не можете.

Нажимайте на Ваш мастком, и в Крюкове через год будете ходить за плугом и за собственными школьными лошадьми. Только мы там заведем не поле, а огород и хорошее животноводство. Мастерские же откроем прямо в классах, раз лучшего места нет. Нажимайте, Антонина Павловна, но приготовьтесь к тому, что у Вас будут все новые коллеги и Вам самой

придется очень многому поучиться, и очень долго. Вас не смущает старость? Выпишем Маргер. А все-таки Крюков не колония. Если бы не жалко было маминой старости, я никогда бы колонии не бросил для Крюкова.

У нас в общем все прилично. Поповиченки работают сносно, но каждый год, извините за выражение, рожают. Просто безобразие: в прошлом году мадам не работала 5 месяцев и в этом году собирается, при этом имеет такое выражение лица, как будто именно я должен в особенности преклоняться перед их героическим подвигом: подумайте, каждый год рожать!

Никогда не написал бы такого длинного письма, если бы не машинка. Так что вы должны тем более меня простить за американизацию переписки.

Кланяйтесь маме и передайте, что все будет зависеть от того, насколько руководители просвещения окажутся не идиотами и не побоятся передать одну школу в руки свободной инициативы. Но когда у нас в России уважалась инициатива? А пока не будет простора инициативы, никогда не будет новой школы. Это истина. Если Крюков мне не удастся, а это можно предсказать наверняка, мама должна переехать ко мне. Сначала ей покажется здесь не по себе, но, когда привыкнет, сама будет рада, что переехала. Мы с нею займем совершенно отдельную квартиру, достанем прислугу и будем жить припеваючи.

На пасху я почти наверняка буду в Крюкове, приблизительно на 4-5-й день. Помешать могут только очень экстренные дела.

Кланяйтесь Виктору и ребятам и скажите, что я и в самом деле рад, что на земном шаре еще живет такой человек: Виктор Сугак.

Будьте здоровы. Пишите. Интересно все-таки, как окончится моя кандидатура, хотя это еще не скоро выяснится.

Ваш *Антон Макаренко*.

Пед. соч., т. 8, с. 15-18.

1 Речь идет о продолжающемся настойчивом приглашении А. С. Макаренко на заведование железнодорожной трудовой школой в Крюкове. Мастком – комитет мастеровых (в Крюковских железнодорожных мастерских, при которых действовала школа).

2 Данное высказывание – яркий пример изменений, которые происходят и с педагогами в единой «трудовой общине», в тесной связи

поколений. Это принципиально важно в макаренковской системе взглядов и опыта – кардинальная трансформация роли и функций педагога, взрослых в системе воспитания. Как сказано ниже, А. С. Макаренко и «над собой произвел огромный и важный опыт».

3 Это позволяет считать, что по существу с самого начала творческий опыт А. С. Макаренко направлялся на разработку общепедагогических проблем. См. об этом ранее, в «О воспитании».

4 Возможно, к этому времени уже вышла его статья «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького».

5 А. С. Макаренко составил 2 проекта «лесной школы»: в октябре 1928 г. и в августе 1936 г. (т. 8, с. 40-41 и т. 4, с. 24-25).

6 Здесь и ниже, до конца письма - штрихи к первому проекту А. С. Макаренко организации обычной общеобразовательной школы в соответствии с его воззрением и опытом.

7 Железнодорожные общеобразовательные школы подчинялись ведомству железных дорог (как и до Октября 1917, и в дальнейшем). Таким образом они получали лучшие условия для своей деятельности.

8 Учебно-культурный отдел на транспорте, железнодорожном.

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии имени М. Горького за март 1923 года

Штатное количество мест детей – 120. Числилось детей к 1/III – 73. Выбыло – 3. Поступило вновь – 7. На 1/IV состоит – 77. Мальчиков – 68. Девочек – 9. До 7 лет – 1. От 7 до 14 -18. Свыше 14 – 59.

Имеют обоих родителей – 6. Полусироты – 10. Круглые сироты – 61. Дети состоятельных родителей – 1. Воровство – 58, бродяжничество – 11, убийство – 1. Бандитизм – 5. Устойчивые – 59, раздражительные – 12, Инертные – 4, патологические – 2. (Далее 3 графы не заполнены. - А. Ф.)

Персонал. Всего 35. Педагогический – 11, медицинский – 1, учебно-ремесленный – 10, технический – 13. Женщин – 5, мужчин – 6. До 20 лет – 1, от 20 до 30 – 2, от 30 до 40 – 6, свыше 40 лет – 3. Холостых – 6, женатых – 5. Стаж общий педагогический - 11, спец. педагогический -. Общий: низшее – 1, среднее – 8, высшее – 3.

Надворные постройки (в основном как в ведомости за февраль – А.Ф.).

Школьные занятия, образовательные беседы. В младших группах занятия по общей программе. В средних и старших проведены отдельные

комплексные темы: Пища животных, Навоз, Тропические страны, Швеция. К концу месяца неожиданно ранняя весна вынудила оставить занятия и все силы направить на посевную кампанию.

Игры, фребелевские занятия. Обычно комнатные и на свежем воздухе, но большая работа по парникам и вспашке определили большое уменьшение игры, т.к. рабочий день увеличен до 7 часов.

Работы в саду, огороде и поле. В саду подрезка и побелка [стволов], вскапывание, пересадка смородины, очистка. В огороде и в поле: работа в парниках, вспашка, боронование и посев. Вывозка навоза.

Ручной труд, работа в мастерских: обычное.

Эстетическое воспитание: обычное, в связи с [комплексными] темами.

Физическое воспитание: военная гимнастика по программе всевобуча[1].

Экскурсии не было.

Праздники: не было.

Воспитание соц. привычек (не заполнено – А. Ф.).

Медико-педагогические заседания (то же).

Предполагаемая работа на следующий месяц: большая с/х работа, вероятно, принудит в апреле отказаться от работы и в мастерских, и в классах. Недостаток рабочего скота вынуждает работать в очереди.

Заведующий учреждением *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония в документах и материалах... Часть I, с. 181-183.

1 Программа всеобщего военного обучения (в объеме 96 часов) введена в действие на Украине в октябре 1922 г. В РСФСР начала применяться в 1918 г.

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии имени М. Горького за апрель 1923 года

Штатное количество мест – 120.

Числилось детей на 1/IV-77. Выбыло – 6, поступило вновь – 2. На 1/V состоит – 73. Мальч. – 65, дев. – 8. До 7 лет – 1, от 7 до 14 – 16, свыше 14 – 57.

Имеют обоих родителей- 5, полусироты – 8, круглые сироты – 60. Дети состоятельных родителей – 1. Воровство – 52, бродяжничество – 12, убийство – 4, бандитизм – 5. Устойчивые – 55, раздражительные – 12, инертные – 12, патологические – 2. (Далее 3 графы не заполнены - А. Ф.)

Персонал (то же, что и в ведомости за март; изменение: ценз спец. педагогический – 1. – А. Ф.).

Надворные постройки (в основном как в ведомости за февраль – А.Ф.).

Школьные занятия, образовательные беседы. Школьных занятий не было вследствие интенсивных работ в поле и на огороде.

Игры, фребелевские занятия. Напряженная работа по хозяйству не оставляет энергии для игр на открытом воздухе. К тому же стремление к развлечению удовлетворяется рыбной ловлей, начавшимся купанием в реке и катанием на лодке. Комнатные игры, главным образом шахматы по-прежнему процветают. Вечеринки с танцами тоже еще не вполне оставлены.

Самообслуживание: обычно полное.

Работы в саду, огороде и поле. Закончен посев яровых, кроме гречихи и проса. Приступили к работе на паровых полях – начата вспашка. Закончен посев на занятом паре (люпин). Закончена посадка картофеля, кормовых и баштана. Идет высадка ранней рассады. Проводится и заканчивается работа в парниках. Работы в саду почти закончены. Осталось вспахивание небольших участков. Закончены работы на клубничном поле. Произведена посадка молодых деревьев (клена, тополя и акации по дорожкам колонии). Сделаны большие клумбы в обоих колониях. Приближается к концу весенняя работа с молодняком. Приплод коров, овец, свиней и птицы. Проведена работа по организации кроличьего садка.

Ручной труд и работы в мастерских. В мастерских воспитанники почти не работали (не более трех-четырех воспитанников в день).

Эстетическое воспитание (не заполнено - А. Ф.).

Физическое воспитание: военная гимнастика по программе всевобуча.

Экскурсий не было.

Праздники – 1-е мая.

Воспитание соц. привычек (не заполнено - А. Ф.).

Медико-педагогические заседания: два заседания педагогического совета.

Предполагаемая работа на будущий месяц. Близкое окончание посевной кампании позволяет проектировать небольшую работу образовательного типа. Предполагаем разработать две-три темы:

1. В связи с проверкой посевной площади работы по съемке планов и высчитыванию площадей, преимущественно с употреблением метрических мер.

2. О сельском хозяйстве как экономическом факторе и законах СССР по землепользованию.

3. Соединенные Штаты (тема, поднятая воспитанниками).

Мастерские переживают кризис в связи с чрезвычайно низкой оплатой труда мастеров. Приходится разрешить мастерским проводить частную работу. К тому же отсутствие материалов вообще вынуждает даже в области ремесленного обучения прибегать к частным заказчикам.

Заведующий учреждением *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I, с. 185-187.

Тов. зав. губсоцвосом

мая 1923 г. №187

В течение трех месяцев (февраль, март, апрель) служащие колонии не получают жалованья. Получено за февраль – 68%, за март – 64%, за апрель – 40%. Сначала нужно было ожидать, что Главсоцвос вышлет дополнительно на уплату задолженности, но получение последних кредитов из Харькова показало, что эти ожидания не основательны.

Между тем величина жалованья, полученного фактически, ни коим образом не может удовлетворить служащих, в особенности таких работников сравнительно повышенной квалификации, как старые воспитатели колонии и инструкторы мастерских. И те и другие в течение последнего года получают приглашения от различных учреждений, и некоторые мне уже заявили о своем намерении оставить службу в колонии.

Если воспитатели и инструкторы колонии начнут разбегаться, это будет вполне естественным: за март и февраль воспитатели колонии получили жалованья меньше, чем учителя сельских школ, не говоря уже о городе. В среднем воспитатель получил 400 руб., а инструктор – 300 руб.

Между тем не может быть и речи даже о сравнении работы воспитателя колонии и учителя любой школы или воспитателя детского дома. Независимо от числа недельных часов нагрузка работы определяется в колонии тесной общинной жизнью колонистов, когда и свободное время воспитателем отдается все равно детям.

Общие игры, прогулки, подготовка к празднику и спектаклям, вечеринки, заседания [товарищеского] суда, совещаний и комиссий и все виды бесед естественным образом привлекают к участию весь наличный состав воспитателей. Характер самой обстановки жизни колонии почти не оставляет возможности [для] личной жизни, потому что отсутствие какого бы то ни было другого общества приводит к тому, что ни о чем другом, кроме колонии, воспитателю и думать не приходится. Как бы это ни было полезно и интересно, но после двух лет такой напряженной траты духовной и физической энергии только на колонию заметны и остро чувствуются признаки огромной нравственной усталости, подчеркнутой и без того большой трудностью в преодолении характера наших воспитанников.

Нужно при этом обратить внимание и на то обстоятельство, что в колонии никогда не бывает каникул и праздников для воспитателя. Напротив, когда каникулы в городе - в колонии самое страдное время, наполненное напряженной физической работой под солнцем и под дождем, а праздник для воспитателя колонии наиболее труден по работе педагогической[1].

В заключение должен указать на совершенно опустошительное для воспитательского бюджета - расходы на платье: у нас не чистая работа в классе, а в течение круглого года связанная с порчей костюма работа в лесу, поле, огороде.

Все эти обстоятельства даже при полной оплате труда делают службу в колонии, собственно говоря, всегда непривлекательной, и только для такого состава, создавшего колонию, материальная невыгодность и тяжесть работы

искупаются нравственным удовлетворением. Тем более по отношению к ним невозможно допустить оплату труда более низкую, чем в нормальной школе.

Будучи серьезно обеспокоен сохранением нынешнего воспитательского состава колонии, уход которого будет совершенно незаменимой потерей, я обращаюсь в губсоцвос с просьбой изыскать способы для уплаты задолженности колонии в самое ближайшее время…

Зав. колонией *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I, с. 188-190. В связи с этим макаренковским запросом зав. Полтавским губсоцвосом 4 июня 1923 г. обратился в украинский Главсоцвос, подтверждая недополучение колонией им. М. Горького («состоящей на госснабжении») через губнаробраз за февраль, за март и апрель 1923 г. 33920 руб. Для погашение задолженности предложено составить дополнительную смету, обеспечивая «100% содержания персонала в колонии».

1 Здесь, как и во многих других последующих высказываниях, А. С. Макаренко выступает резким противником работы воспитателя «на износ». Он считает педагогически пагубной идею «жертвенности» воспитателя, родителя. Обеспечение здоровой, полнокровной и успешной жизнедеятельности педагога – одна из важнейших задач в поиске им эффективной воспитательно-образовательной системы.

Т. Д. Татаринов (воспитатель-учитель колонии им. М. Горького с лета 1925 г., в «Педагогической поэме И. Д. Киргизов): «... Я и мои товарищи по работе ... чувствовали именно легкость в работе, хотя и были заняты 10-12 часов в сутки... Школа, клуб со всеми видами работы и т.д. – все это представляло одну сложнейшую машину, слаженный агрегат, который работал точно, без перерывов и перебоев... Все прислушивались к его тону... Каждый проявлял инициативу, творчество, чтобы лучше шла наша воспитательная работа (Отдел рукописей Росс. гос. биб-ки, ф. 447 – Г. Е. Жураковский – карт. 13, ед. хр. 3, л. 21).

***Дополнение.* В мае 1923 г. областной инспектор дефдетучреждений (подпись неразборчива) сообщил заведующим Полтавской трудовой колонии и двумя детдомами Полтавской губернии (слепых и глухонемых): «На обратном пути из Киева в конце мая у вас будет главинспектор дефдетучрежденйи Иван Афанасьевич Соколянский» (ГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 64).**

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии имени М. Горького за май 1923 г.

Штатное количество мест – 120.

Численность детей на 1/V – 72.

Выбыло – 4, поступило вновь – 16. На 1/VI состоит – 84. Мальч. – 76, дев. – 8. До 7 лет – 1, от 7 до 14 – 21, свыше 14 лет – 63.

Имеют обоих родителей – 7, полусироты – 11, круглые сироты – 66. Дети состоятельных родителей – 1. Воровство – 38, бродяжничество – 38, убийство – 3, бандитизм – 5. Устойчивые – 56, раздражительные – 13, инертные – 12, патологические – 3. (Далее 3 графы не заполнены – А. Ф.).

Персонал (то же, что в ведомости за март – А. Ф.).

Надворные постройки (в основном как в ведомости за февраль – А. Ф.)

(Далее – суммарно по всем графам «педагогической работы» - А. Ф.):

Педагогическая работа продолжалась в формах и выражениях, указанных в предшествующих месячных отчетах. Школьных занятий не было из-за интенсивных работ по сельскому хозяйству. К концу месяца наметилась и началась напряженная борьба с вредителями поля, сада и огорода.

В окрестностях Полтавы погибли почти все посевы яровой пшеницы и урожаи садов, особенно яблонь, значительные опустошения произведены и на огородах. Благодаря особенно напряженной работе воспитанников и общему их воодушевлению, удалось отстоять яровые и сад. Погибло только несколько деревьев. Зато значительно пострадала одна десятина кормовой свеклы.

Определилось, что колония несколько ошиблась в количестве огородов. Приглашение специалиста-агронома естественным образом увеличила интенсификацию хозяйства и, следовательно, напряженность труда воспитанников. Поэтому значительный огород оказывается довольно тяжелой задачей, в особенности ввиду сравнительно обильных дождей. Поэтому боевой работой сделалась полка, отнимающая у воспитанников и персонала много сил. Воспитательных потерь в собственном смысле от этого не видно, напротив, воспитанники готовы увеличить напряжение труда, но

педагогический совет предполагает возможность излишка в расходовании физической энергии.

Несколько помогло значительное увеличение числа новых воспитанников, но как общинники новые всегда уступают старым колонистам.

Работа в мастерских в течение мая была значительно ограничена, работали только более или менее квалифицированные мастера-воспитанники.

Месяц начался большим первомайским торжеством, во время которого колония, кажется, всего первый раз с открытия в полном составе была в городе. В конце месяца в самой колонии был поставлен один спектакль.

В области игр кое-что прибавилось: поставлены гигантские шаги и качели, преобладает несколько новых игр во II колонии, в которой преимущественно живут старые колонисты.

Июнь, вероятно, будет наполнен борьбой с вредителями, полкой и приготовлением к жатве. Колония уже начала готовиться и к традиционному празднику «Первого снопа», в связи с которым главным образом располагается работа клубного типа.

Сообщается общее количество посевов (в десятинах):

рожь-14, пшеница озимая – 1, пшеница яровая – 11, ячмень 2½, овес - 2½, вика на сено – 1, вика на семена - ½, просо - 1¼, гречиха - 2½, люпин на семена - ¾, пар – 13¾, тыква кормовая – 1, свекла кормовая – 1, картофель - 2¾, баштан – 4, кукуруза - ½.

Свекла столовая – 800 кв. сажен, морковь столовая - 800 кв. сажен, морковь кормовая - ¾ десятины, капуста - 1½ дес., помидоры – 1 дес., табак - ½ дес.

Остальной огород: огурцы, горох, фасоль, лук, подсолнечник, перец и др. – 1 десятина, клубника – 300 кв. сажен.

Всего зерновых – 37 десятин, огородных - 14½ дес., пара - 13¾дес., сада – 3 дес., луга - 3½. Итого – 71 ¼ дес.

Подпись заведующего учреждением *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах… Часть I, с. 190-192.

Доклад о состоянии Полтавской трудовой колонии им. Горького

30 июня 1923 г.

Колония существует два с половиной года, все время под руководством одного воспитательского коллектива: во всяком случае, 5 лиц этого коллектива присутствуют в нем с самого начала. Напряженная работа в течение двух с половиной лет к настоящему дню значительно утомила воспитателей, и в смысле организационном у меня нет сейчас более острой заботы, чем забота о ликвидации этой утомленности и связанных с нею вредных последствий.

Я в особенности считаю этот вопрос самым важным потому, что только к концу второго года вполне определились значительные воспитательные достижения работы колонии и только старый состав способен как следует учесть это обстоятельство и воспользоваться им для дальнейшей работы.

К сожалению, ничтожная оплата труда воспитателей, не окупающая даже расходов на платье, изнашивающееся в условиях физического труда с воспитанниками зимой и летом, и возможность для воспитателей воспользоваться многими приглашениями для перемены службы усиливают опасность ухода воспитателей. Мои представления по этому вопросу в губоно ни разу не только не достигли оказания существенной помощи, но вообще даже не встретили никакого отношения, кроме обычной волокиты. Я точным образом предполагаю, что, если в течение ближайшего месяца ничего не будет сделано в этом направлении, воспитательский коллектив колонии оставит работу и разбежится. Это будет вполне понятно: нельзя работников достаточно квалифицированных нагрузить наиболее тяжелой воспитательной работой, связанной с огромным напряжением, нервным и физическим, отрезавши их на два года с половиной от культурного, общества и всех решительно благ, всякого общества вообще, кроме общества воспитанников, лишив на это время каникул и отдыха, в том числе и праздничного, и в то же время выплачивать им только 40% содержания по ставкам робоса[1].

Выдерживать это положение можно только в силу преданности делу, но и эта преданность имеет свои границы, во всяком случае, мы не можем

строить свои организационные планы только на том, что найдутся самоотверженные люди, которым можно будет и не платить.

За вычетом этого обстоятельства, мешающего правильной работе и, самое главное, нарушающего стройность и надежность перспектив на будущее, в воспитательном отношении к настоящему времени можно признать полный успех в выполнении прямой задачи колонии[2]. Успех этот настолько явный, что я могу, не стесняясь, говорить о нем, не ожидая суждений со стороны.

Я при этом допускаю, что в колонии, особенно в связи с постоянным притоком новых воспитанников и регулярным уходом старых, всегда возможны отдельные печальные случаи. Эти печальные случаи я считаю вытекающими непосредственно из самой задачи колонии, так как нельзя же полагать, что самый факт помещения воспитанника в колонию может сразу привести его в нормальное нравственное состояние, на первых порах его пребывания обязательно должна проявиться инерция прошлого.

Впрочем, нужно сказать, что даже такая инерция становится все реже и реже проявляемой, настолько значительно определяющее влияние сложившейся трудовой общины.

Чисто воспитательные достижения к настоящему времени характеризуются кратко в следующих отношениях:

1. Воспитанники и воспитатели колонии к настоящему дню представляют тесную рабочую семью, проникнутую взаимным уважением и преданностью друг другу, почти без всяких исключений. Только десятка полтора недавно прибывших воспитанников держатся еще выжидательно, но через месяц-другой и они станут настоящими колонистами.

2. В области общинного труда воспитанники колонии являются убежденными хозяевами и прекрасными работниками, сознательно могущими переживать гордое сознание трудящегося и презирать дармоеда.

3. Все больше и больше хозяйство колонии и хранение материальных ценностей переходит в руки воспитанников. Во всяком случае, для воспитательского коллектива уже прошло время, когда нужно было всегда ощущать заботу о замках и запорах. Большинство ключей в настоящее время на руках у воспитанников.

4. В то же время удалось не обратить воспитанников в маленьких стариков. Они всегда веселы и активны, всегда способны шутить и смеяться. Это обстоятельство я считаю особенно важным, так как организация трудовой общины всегда в самой себе должна нести опасность нарушения прекрасного детского радостного фона.

5. Совместное воспитание в колонии девочек и мальчиков до сих пор не имело дурных последствий[3]. Никаких более или менее заметных случаев обострения в области половых отношений не было. Напротив, нужно констатировать несколько печальное пренебрежение мальчиков к девочкам, хотя и не ко всем. Этот вопрос составляет в настоящее время очередную задачу колонии.

6. Наиболее тяжелые формы нравственной запущенности колонии удалось обратить в постепенный и верный процесс образования нормального нравственного опыта.

В области хозяйства положение колонии гораздо хуже: основной причиной этого является то, что колонии не пришлось ни разу попасть на особенную заботу губоно, как некоторым другим учреждениям. Напротив, реально-трудовой характер колонии позволил в губоно чуть не с первых дней существования колонии говорить о переходе на самоокупаемость и, во всяком случае, снабжать ее только в самых необходимых случаях.

Между тем трудовой доход колонии, при качестве детского труда и при условии отсутствия инвентаря и вообще капитала, разумеется, не мог ничего принести, кроме постепенного образования первоначального капитала в виде необходимых предметов инвентаря. Лучшим для иллюстрации является тот факт, что со времени основания колонии ею не было получено ни одной кровати, ни одного предмета мебели или обстановки. В течение двух лет никак не мог убедить снабжение губоно, что колонистам нужно иметь по два рабочих и по одному праздничному костюму, только при этом условии возможно наиболее экономное изнашивание платья в условиях постоянного труда. На это всегда один ответ: у нас все получают по два костюма и вы должны получать столько же. Указание на то, что каждый колонист имеет в месяц 25-26 рабочих дней (например, в кузнице), не оказывается ни для кого особенно убедительным.

Вследствие этого обстоятельства нарастание колонийского богатства идет очень медленно и внешняя обстановка жизни колониста остается примитивной. С одной стороны, это хорошо, так как почти все сделано руками колонистов, с другой стороны - все-таки постоянные лишения и плохой костюм не могут быть признаны естественными условиями для воспитания.

Главные нужды колонии таковы:

1. Нет инструментов.

2. Нет материалов.

3. Нет соответствующих костюмов и обуви.

4. Нет ничего украшающего жизнь внешним образом.

5. Нет мебели.

В области образовательного процесса колония в прошлом году проводила опыт занятий по отдельным темам, давшим во многих отношениях благоприятные результаты, но судить о его достижениях мы вообще считаем преждевременным и на будущую зиму приготовляемся к проведению его в более серьезных размерах. К сожалению, у нас нет книг и принадлежностей.

Пед. соч., т. 1, с. 25-27.

1 Робос: сокр., укр. – профсоюз работников освиты, просвещение.

2 Педагогический успех макаренковской колонии, следовательно, обозначился после 2,5 лет работы (с декабря 1922 г.).

3 Совместное воспитание мальчиков и девочек в колонии началось с приемом первых воспитанников. Осуществлялось в порядке опыта; мальчики и девочки в колониях для несовершеннолетних воспитывались раздельно.

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии имени М. Горького за июнь 1923 г.

Штатное количество мест – 120.

Численность на 1/VI – 84. Выбыло -, поступило вновь – 1. На 1/VII состоит – 85. Мальч. – 77, дев. – 8. До 7 лет – 1, от 7 до 14 лет – 13, свыше 14 – 72.

Имеющие обоих родителей – 10, полусироты – 34, круглые сироты – 14. Дети состоятельных родителей – 1. Воровство – 37, бродяжничество – 30,

убийство – 2, бандитизм – 6. Устойчивые – 66, раздражительные – 5. Инертные – 14, патологические – 1. (Далее 3 графы не заполнены – А. Ф.).

Персонал – (то же, что в ведомости за март, но учебно-ремесленного – 8, технического – 14. – А. Ф.).

Надворные постройки (в основном как в ведомости за февраль, мастерских - 4).

Школьные занятия, образовательные беседы. Регулярных занятий не было. Образовательные беседы в свободные часы и во время с-хоз работ.

Игры, фребелевские занятия: подвижные на свежем воздухе.

Самообслуживание: обычное – полное.

Работы в саду, огороде и поле. Полка – главным образом. В конце месяца началась жатва.

Ручной труд, работа в мастерских. Очень незначительна.

Эстетическое воспитание. Поставлена «Женитьба» Гоголя.

Физическое воспитание. Военный строй и гимнастика по программе всевобуча.

Заведующий учреждением *А. Макаренко*.

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I, с. 194-196.

Далее в соответствии с поступившим 11 октября 1923 г. указанием отчетные ведомости детдома для дефективных детей и колония им. М. Горького должны были представлять за ¼ года: 1 янв., 1 апреля и т.д.

Тов. заведующему отделом Полтавским губернским отделом народного образования, докладная записка

26 июля 1923 г. *№ 286.*

В конце 1920г. Полтавская колония им. М. Горького для несовершеннолетних правонарушителей по собственному почину предложила Полтавскому Губнаробразу разрушенное в первые годы революции имение братьев Трепке у деревни Ковалевки в 10 верстах от Полтавы и в 2 верстах от основной колонии им. Горького.

Несмотря на то, что капитальный ремонт имения, заключавшего в себе несколько совершенно разрушенных домов и служб, очевидно, обещал быть очень дорогим, необходимость воспользоваться пустовавшим имением была

настолько очевидна, что Губнаробраз и Губисполком пошли навстречу предложению колонии и в начале 1921 г, были отпущены небольшие средства для начала ремонта.

Нужда в присоединении Ковалевского имения к колонии определилась следующими обстоятельствами: старая колония для правонарушителей рассчитана была всего на 30 воспитанников и то при очень низких педагогических требованиях в дореволюционных колониях. Собственно говоря, в этой колонии ничего не было, кроме квартир для служащих и двух спален казарменного типа. Развернуть в подобных условиях трудовую колонию соцвосовского типа, разумеется, не было никакой возможности, даже рассчитывая, что детское население колонии не будет превышать 30 воспитанников.

Можно было примириться с внешними условиями колонии только временно, тем более, что общее число детей должно было значительно превысить 30. Отсутствие классных комнат, комнат для занятий вообще, комнат для развлечений и клуба, отсутствие просторных и светлых помещений для мастерских, наконец, отсутствие даже медицинского изолятора, очень бедная песчаная почва, все это явным образом противоречило самым минимальным требованиям, какие можно предъявить к детскому учреждению постоянного типа.

В ковалевском имении, несмотря на то, что оно находилось в развалинах, много было интересного именно в организационно-педагогическом смысле. Через самое имение протекает река, оно расположено на высоком берегу р. Коломака, обладает хорошим фруктовым садом около двух десятин, вокруг имения можно было получить достаточный кусок земли с хорошей почвой и с луговым участком, имение сравнительно уединено от ближайшей деревни и, наконец, находится недалеко от основной колонии. Имевшиеся в имении полуразрушенные дома и службы обещали по окончании ремонта обратиться в уютно расположенные и просторные помещения для 120 воспитанников, при этом так, что оставались классы и мастерские. Вообще трудно было бы найти имение более подходящее для устройства детской колонии.

Все эти положительные качества имения в Ковалевке не исключали, конечно, того обстоятельства, что, собственно говоря, никакого выбора колонии не представлялось, так как никаких других имений вблизи не было, а ограничиться только одной основной колонией значило бы отказаться от правильной воспитательной работы.

Ремонт, начатый в начале 1921 г., к сожалению, очень скоро перестал составлять заботу Губнаробраза и Губисполкома. Первые выдачи денег на ремонт, произведенные в 1921 г. были, собственно говоря, и единственными. Колония успела сделать очень немного и уже оказалась без финансовой поддержки. Сезон 1921 г. был закончен только благодаря тому, что колония распорядилась значительными запасами старого кирпича в разрушенных конюшнях и сараях, продавая его ближайшим соседям и этим выручая деньги для продолжения ремонта. Все-таки этих средств было совершенно недостаточно, и к осени 1921 г. колонии не удалось закончить ни одного жилого дома из трех [домов], намеченных к капитальному ремонту.

Уже к этому времени стало совершенно ясно, что одновременный ремонт совершенно разрушенных трех больших домов колонии не под силу, а ожидать значительной помощи откуда-нибудь нельзя, так как в Губнаробразе денег нет и так как Губнаробраз в это время был занят организацией детского Дворца.

С весны 1922 г. колония несколько раз пыталась привлечь внимание Губнаробраза к делу ремонта, но совершенно безуспешно. Потеряв всякую надежду на прямую помощь, колония стала добиваться получения аренды на мельницу, принадлежащую также Трепке и находящуюся в усадьбе колонии. Аренда этой мельницы позволила бы колонии самой заработать средства на ремонт. К сожалению, в вопросе об аренде колония, возлагавшая надежду на обещанную поддержку со стороны очень влиятельного в Полтаве завгубнаробразом т. Ганенко, потерпела полную неудачу, так как именно тов. Ганенко поддержал не колонию, а другого кандидата на аренду.

Только к осени 1922 г. благодаря поддержке в Харьковском Наркомпросе со стороны одного из инструкторов Наркомпроса т. Козловой, посетившей колонию летом, нам удалось получить непосредственно из Наркомпроса 2 миллиарда рублей. Получение денег этих обратилось по

многим причинам, и в частности вследствие сопротивления Губоно, в длинную волокиту. Колония получила их только в конце октября, в то время, когда деньги значительно подешевели.

Все-таки благодаря им и небольшому урожаю (всего с 18 десятин) колонии удалось подвинуть ремонт вперед и половину одного из домов привести в жилой вид. В этой половине в настоящее время и живет 30 воспитанников.

Этот небольшой успех позволил колонии увеличить общее население колонии на 30 детей, работа которых значительно прибавила энергии общему движению колонии вперед. К лету 1923 г. вторая колония начала уже принимать формы организованного учреждения, а не только развалин, как было раньше.

Сезон 1923 г. начался как, и прежние, без всяких надежд. И к началу этого сезона колония не оказалась на особенной заботе Губнаробраза, какая особенная забота только одна могла бы определить возможность продолжения капитального ремонта. Колония тем более не вправе была рассчитывать на такую особенную заботу, потому что на такой особенной заботе Губоно уже находятся некоторые детские учреждения, более молодые и более нуждающиеся в поддержке.

Тем не менее с апреля по настоящий день Управление снабжения Губоно имеет у себя дело о выдаче колонии денег на ремонт. Правда, этой суммы недостаточно даже для производства текущего ремонта построек первой колонии, но мы надеемся, что если деньги, наконец, будут получены (в последний месяц их нельзя получить по вине Губфинотдела, не имеющего денежных знаков), то все-таки некоторая часть может быть обращена на приведение в жилой вид нескольких комнат во II колонии.

Кратко изложенная мною история ремонта, к сожалению, не может отразить всю огромную затрату энергии и сил, которая уже произведена персоналом и детьми колонии. Капитальный ремонт большого имения, приведенного в состояние развалин, был возможен только в меру энтузиазма, который у нас еще был в первые годы революции и который в значительной мере истрачен главным образом в борьбе с препятствиями, идущими со стороны, с которой эти препятствия меньше всего ожидались. Мы не можем

не констатировать полного безучастия к делу ремонта и, следовательно, расширения и обогащения колонии со стороны решительно всех.

С некоторых точек зрения об этом не приходится жалеть, так как напряженная работа восстановления была всегда огромным воспитательным приобретением в наших руках. Но не подлежит сомнению и то, что истрачивая все силы и запас средств на это восстановление, колония принуждена была отказывать себе в самом необходимом и поэтому и в настоящее время живет в очень примитивной обстановке.

Изготовив для ремонтируемых домов около 50 штук одних оконных просветов, колония уже не в состоянии была изготовить для своих воспитанников приличных кроватей, столов и скамей. Это обстоятельство позволяет мне сказать, что то, что сделано колонией и ее воспитанниками в деле восстановления разрушенного хозяйства и спасения его от дальнейшего разграбления нисколько не окупается какими-либо благами для самих колонистов. Напротив, как раз эта напряженная двухлетняя работа по ремонту послужила причиной нашей сравнительной бедности.

Надеяться, что и в дальнейшем ремонт колонии в Ковалевке может продолжаться без всякой поддержки со стороны центральных и губернских органов, в настоящее время уже невозможно. В то же время нельзя и бросить начатое дело, так как в таком случае и то, что сделано, пропадет. И так в течение одной зимы вновь сделанные рамы и двери, новые печи простояли на непогодах в незастекленном доме.

Было бы в высшей степени обидно и несправедливо, если бы непосильная работа колонистов в течение двух лет так и осталась без помощи и внимания со стороны органов просвещения и обречена на разрушение и гибель. Теперь, в конце третьего года нашей борьбы за ремонт я позволяю себе сказать, что органы Наробраза обязаны прийти, наконец, с своей помощью и тем дать возможность уже затраченной нами работе оказаться полезной.

Но и за границей такой моральной обязательности помощи органы Наробраза должны обратить внимание на те возможности, которые имеются для перспектив вообще образовательного дела и дела воспитания. Колония имена М. Горького своим трехлетним опытом доказала свое право на

существование. Следовательно, ничто не мешает предоставить ей более культурные условия существования: ей необходимы классы, светлые спальни, хорошие мастерские.

Ни в одном из детских учреждений Полтавы дети не живут так примитивно, как в колонии, но зато, нигде они так много и с таким энтузиазмом и не работают. Это обстоятельство вполне заслуживает того, чтобы кое-что было сделано и для колонии. А мы просим только одного: помочь нам окончить ремонт. Значительную его часть мы все-таки оставляем на нашей заботе и труде.

Я глубоко убежден, что после того, как Вы ознакомились со II колонией, Вы не откажете нам в Вашем внимании и поддержке. В настоящее время это совершенно необходимое условие, чтобы наше дело не погибло. Дальнейшее одиночество колонии грозит полным развалом нашей энергии и надежд. Нельзя допустить, чтобы все, что сделано в 1921 и 1922 гг., погибло зимой 1924 г.

Если в ближайшее время нам будет отказано в такой поддержке и помощи, останется один путь: приступить к ликвидации II колонии, чтобы она своим бесконечным ремонтом не отнимала силы у персонала и воспитанников, но в этом случае придется сократить население колонии вдвое.

Еще раз прошу Вашего содействия и глубоко убежден, что если Вы его захотите нам дать, мы к осени сделаем то, что при других условиях надо делать годами.

Смета на окончание ремонта имеется и в Губоно, и в Наркомпросе. Общая стоимость всего ремонта высчитана в 7.500 товарных рублей, не считая двухэтажного дома лит. В, ремонт которого еще и не начинался, - в 3.333 товарных рубля. Последняя сумма является совершенно необходимым.

Заведующий колонией *А.Макаренко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I, с. 197-201. 29 августа 1923 г. зам. наркома просвещения (подпись не разборчива), предс. Главсоцвоса НКП Л. Р. Менжинская, Харьковский обл. инспектор дефдетучреждений М. Н. Котельников обратились в Наркомпрод УССР с просьбой о сдаче мельницы в аренду колонии им. М. Горького.

Областному инспектору дефдетучреждений Харьковской области

Педагогический совет Полтавской трудовой колонии для правонарушителей просит Вас ходатайствовать в Главсоцвосе об ассигновании колонии 70 000 рублей на приобретение духового оркестра[1].

Педагогический совет при этом имеет в виду очень многие воспитательные достижения, связанные с наличностью оркестра в детском учреждении. Значительное повышение и более жизнерадостная окраска общего тона жизни колонии могут быть достигнуты при многих других средствах в очень значительной степени при помощи собственного оркестра. Значительному же числу воспитанников будет сообщено знание игры на духовых инструментах просто как средство заработка в будущем.

При недостаточности и тесноте мастерских колонии, которые не в состоянии обслужить 120 воспитанников, оркестр будет большим учебным подспорьем.

Чисто воспитательные достижения в области музыкального развития точно так же не подлежат сомнению.

Педагогический совет при этом выражает желание, чтобы оркестр был подарком Наркомпроса ко дню трехлетия колонии 20 сентября.

Пред[седатель] педсовета *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 27-28.

1 А. С. Макаренко использовал духовный оркестр в педагогической практике Крюковского высшего железнодорожного училища, где он был инспектором (директором). В колонии им. М. Горького духовный оркестр появился в 1927 г. До этого использовались трубы-корнеты и барабаны. Лето 1924 г.: 4 трубы-корнета и 8 барабанов.

Музыкально-эмоциональной оформление уклада жизни педагогического учреждения – совершенно необходимый элемент макаренковской воспитательной теории и практики. Применялись трубные сигналы по распорядку дня, торжественное музыкальное сопровождение выноска знамени колонии, музыка на марше, танцы, концерты.

Письмо Л. Н. Никифоровой

15 августа 1923 г.

Лидия Николаевна!

Я принужден после долгого размышления обратиться к Вам с этим письмом, так как не хочу подвергать Вас и себя всем случайностям беседы, которая никогда у нас не может удастся по многим причинам.

Главный момент, вокруг которого приходится все время вертеться моей работе и моим нервам, - это организация Вами или при ближайшем Вашем участии некоторой, простите за выражение, «конспиративной квартиры». Не подумайте, бога ради, что я здесь имею в виду в самом деле Вашу личную квартиру. Это только описательное выражение. Факт заключается в том, что лица из среды воспитателей, наименее полезные как работники, больше того, просто явные лодыри, люди, вредные для нашего дела, сгруппировались сейчас вместе с Вами.

По совести говоря, я не могу иначе отнестись к поведению Головнина[1], как только с отвращением. Я могу перенести вид какого угодно сопротивления, но не переношу, когда это сопротивление идет со стороны полной никчемщины, чего-то такого, что не может быть представлено как сила даже в самой малой степени. Головкина я полтора года только терпел, снисходя к его нужде. Он не имел в себе достаточно гордости, чтобы заметить это и работать. Человек этот настолько органически ленив и бесполезен, что даже не дает себе труда заболеть самолюбием. К тому же у него есть благородный выход объявить, что он натура художественная, что колонистская работа не по его великой душе, что он вообще приспособлен к чему-то совершенно превыспреннему и только в такой превыспренней области он будет работать. Это не мешало ему, впрочем, получать жалованье и занимать место, на котором мог бы сидеть более полезный и менее превыспренний работник. Поверьте, что на всяком месте Головнин будет таков, потому что он прежде всего лентяй.

Его отношение к работе было всегда безобразным, но в последнее время оно стало еще и нечестным. Такая же художественная натура Снарский[2]. Я очень не хочу вмешиваться в жизнь художественных натур. Пусть себе живут как хотят, услаждают слух стихами и прозой кого хотят, но

там, где совершается самоотверженная, опасная и горячая работа, - им не место. В последнее время они по утрам уже дышат перегаром, они наполнили колонию смрадом... пикантных разговоров, но работа их жалкая, смешная и даже у хлопцев ничего, кроме презрения, не вызывает. И какая удивительная игра природы: именно они - эти паразиты, люди, не способные отдаваться делу, не способные пережить заботу, серьезную ответственную заботу о детях, которых они не способны любить, которые для них далеки, именно они за моими плечами усиленно разговаривают... О чем же?

О том, что воспитание в колонии поставлено неправильно, дальше больше, что «нужно найти выход из создавшегося тупика». Ничего наглее и тупее нельзя себе представить[3].

В то время, когда наш опыт, основанный на потрясающей трате нервов и мозга, конечно, не их, наконец, делается предметом внимания всей страны[4], когда наша работа вступает на путь серьезного научного обоснования, поскольку она заслужила это[5], - группа лентяев вдруг ничего другого не находит, кроме тупика, т. е. чего-то такого катастрофического, безвыходного. А между тем я не могу найти выражения, чтобы сказать, сколько вреда принесено моей работе такими, как Головнин и Снарский.

...Вы - с ними. Я признаю, что три года я был слеп, когда наперекор стихиям считал Вас полезным и преданным работником. Вы никогда им не были. В лучшем случае Вы позировали, думали только о себе и только о себе разговаривали. Только о себе, и больше ни о чем. А сейчас Вы и в работе, и идейно с ними. Вы не стесняетесь злобно и настойчиво при совершенно посторонних людях и без посторонних людей кричать, что воспитание «поставлено не так, как нужно». Вы настойчиво и презрительно заявляете, что бросите колонию, что пойдете к Довгалеву. Вы всем своим существом презираете колонию и на каждом шагу это говорите. В то же время Вы без конца судачите, судачите, судачите и так увлеклись этим делом, что даже спешите поскорее окончить дежурство. В последнее время Вы только служите, кое-как, «абы день до вечера», как, очевидно, и полагается всем художественным натурам. А работа Ваша?

Я ее теперь вспоминаю на протяжении трех лет, всю Вашу работу. Вспоминаю и ничего доброго не скажу, потому что о добром нужно судить

по результатам. Вы никогда не хотели чему-нибудь учиться, и Вы всегда были ленивы. На вечерних дежурствах Вы просто спали на какой-нибудь кровати, на дежурствах главных кричали, ссорились и вносили обязательно какую-то своеобразную форму вульгарности[6]. Простите, что я так откровенно все это пишу. Серьезность положения вынуждает меня к этому. Я принужден, наконец, открыто признать, что в образовательной работе Вы показали себя неожиданно страшно слабой.

Из деликатности я не хотел Вам это говорить, да и нужды не было, потому что всякий разговор Вы обязательно сводите на личности и вообще вы органически не способны отделить личные отношения от деловых. Даже на заседаниях совета Вы всегда позволяли себе делать некрасивые личные выпады по чисто деловым вопросам. В последнее время Вы поражаете меня целым букетом какой-то лжи и хитрости, намеков и клеветы на других. В то же время Вы всякую мою «придирчивость» к Вам объясняете тоже какими-то хитросплетенными личными причинами. И даже мое отношение к другим работникам Вы встречаете смешком какого-то не вполне чистого подозрения.

Всю эту атмосферу личных фокусов Вы на каждом шагу вносите в дело и даже по отношению к воспитанникам. Ваши последние столкновения с ними имеют совершенно личный характер. Шершнев взял Вашу ложку, Стебловский заподозрил Вас в намерении рвать яблоки. Вы не понимаете, что все эти случаи свидетельствуют о неуважении воспитанников к Вам...

В последний год Вы принесли много вреда колонии муссированием ненужных разговоров, ненужных столкновений, поддерживанием какого-то вздорного, совершенно бабского колорита в отношениях.

Если к этому всему присоединяются, так сказать, еще и идейные расхождения между нами и Вами, то ясно, что лучше брать быка за рога. Кому-нибудь нужно уступить. К сожалению, Вы не объявили Вашего положительного идеала в воспитании. Если судить по работе Вашей и, допустим, Головнина, то совершенно для меня ясно, что этот идеал далек от моего. Нам помириться нельзя. Вы уступить тоже не способны.

Я считаю, что по Вашим силам было бы только одно: принять мою систему, искренне и настойчиво учиться, помогать всеми Вашими молодыми силами идти вперед. Вы этого никогда не могли сделать. Пока Вы жили

здесь, Вы делали вид, что колония для Вас что-то представляет. Как только Вам надоело переносить тяжесть, для Вас непосильную, Вы перебрались во вторую колонию и там «расплясались в русский пост», создали неприличную и смешную оппозицию не [общему] мнению, даже не мне, а всему делу, всякой работе, сгруппировали вокруг себя «дачников» и неудачников, наполнили колонию чадом вашего кружкового, злобного и пустого времяпровождения.

Все это можно допустить где угодно, но в колонии этого никогда не будет. Здесь не только служат, здесь нужно жить так, чтобы Ваша жизнь не делалась анекдотом.

То, что это сделали Вы, старая колонистка, я ни объяснить, ни простить не могу. Я это старался сделать. К сожалению, Вы далеко зашли в Вашем бравировании. Я поэтому самым серьезным образом обращаюсь к Вам с просьбой оставить колонию. Ваша идейная убежденность в том, как нужно работать, Ваши постоянные угрозы с презрительным выражением губ воспользоваться приглашением Довганова позволяют мне надеяться, что и для Вас Ваш уход будет наиболее приятным выходом. Во всяком случае это будет последовательно и, если хотите, честно. Я удивляюсь, как Вы сами раньше до этого не додумались. Было бы все-таки проще и естественнее вовремя бросить колонию, чем на каждом шагу выражать презрение ко мне, к Ивану[7] (то, что мы скверные люди, вопрос, к делу не относящийся), к колонии, к нашей работе, к нашей системе и кончить организацией враждебного кружка лодырей.

Я бы это еще мог перенести в 1921 году, но сейчас, когда я убиваю последние силы на колонию и когда зима стоит передо мной с большими и интересными планами, требующими самоотверженной, четкой, открытой и дисциплинированной работы, - я не способен уделить [внимание] возне с Вашим бравированием. Поэтому еще раз прошу считать мое послание о Вашем уходе окончательно выраженным.

Буду очень Вам благодарен, если Вы откажетесь от всяких оправданий, переписки и переговоров и сделаете честно то, что давно должны сделать. Мне было трудно принять это решение, и последним моим колебанием было намерение перевести Вас в первую колонию.

Желаю Вам всего хорошего. Будьте всегда уверены, что невозможность для нас вместе работать нисколько не исключает моего уважения к Вам и признания за Вами многих достоинств, вполне определяющих мое отношение к Вам как к человеку.

А. С. Макаренко.

P. S. Еще раз прошу Вас не пытаться что-либо изменить в моем решении.

Разумеется, Вы можете оставить колонию без всякой потери. Это меня совершенно не беспокоит. В городе Вас пригласят как хорошего работника. Я же со своей стороны не помешаю Вам не спеша произвести выбор новой работы.

А. М.

Пед. соч., т. 8, с. 19-22.

1 Головнин М. Г.: в сент. 1922 г. – «инструктор прикладного искусства».

2 Снарский: В «Типах и прототипах...» см.: «Чарский (Снарский)», а также в «Записях второй и третьей частях «Педагогической поэмы»... - «Снарский».

Художественное изображение истории Снарский-Никифорова см. по фрагменту «Педагогической поэмы», опубликованному в «Учительской газете», 4 мая 1976 г., под названием «Дачник». См. также: «Педагогическая поэма», сост. С. С. Невская. – М., 2003, с. 375-377, где говорится, что Чарский был «командирован» в колонию. Вероятно, направлен московским Центральным институтом организаторов народного просвещения; в делах этого института кон. 1922 г. упоминается Снарский.

3 Конфликт с Снарским – первое, вероятно, столкновение А. С. Макаренко в практики его работы с убежденным сторонником педологического направления в педагогике.

4 Имеется в виду, наверное, отзыв о статье «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького», данный в московском журнале «Народное просвещение».

5 Сказанное позволяет читать, что осмысление и научно-теоретическую, организационно-методическую и технологическую разработку своего педагогического опыта А. С. Макаренко начал весной-летом 1923 г.

6 Работа воспитателей-учителей колонии осуществлялась в четырех формах: главное дежурство по колонии, рабочее (участие в труде колонистов), вечернее (во время культурно-массовых занятий колонистов и отдыха) и работа в учебных группах. Работа планировалась с учетом общей

оплачиваемой недельной нагрузки воспитателей. Закрепление воспитателей за группой воспитанников не практиковалось. Классные руководители появились в советской школе в 1934 г.

7 Говорится о воспитателе-учителе И. П. Раковиче, старшем воспитателе II колонии, пом. зав. II колонии.

***Дополнение.* 20 августа колония празднично отметила 3-летие своей деятельности.**

Телеграмма М. Н. Котельникову

27 августа 1923 г.

Мельница Трепке сдается в аренду. Прошу ходатайствовать перед наркомом о долгосрочной аренде колонией Горького. Макаренко.

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть II, с. 204. 29 августа зам. наркома просвещения УССР Машкин, предглавсоцвоса Л. Р. Менжинская, Харьковский обл. инспектор детучреждений М. Н. Котельников обратились в Наркомпрод УССР, Полтавское губернское совещание (копия в Полтавский губоно) с ходатайством о передаче мельницы колонии им. Горького.

***Дополнение.* В сентябре 1923 г. колонию им. М. Горького посетил И. А. Соколянский; возможно, 20 сентября 1923 г., в празднование 3-летия колонии. Тогда ей вручено почетное знамя Наркомпроса УССР. До этого, в августе Наркомпрос обратился в Полтавский губнаробраз с просьбой дать отзыв о колонии, «считая уместным отметить ее 3-летие и успехи в педагогической работе». Как и другие праздники, 3-летие отмечалось с приглашением представителей партийных и советских учреждений, воинской части, гостей из Полтавы и Харькова, воспитанников близлежащих детдомов и колоний, детей из города и окрестных сел, соседей-крестьян.**

Соколянский И. А. (1889-1960) – педагог-дефектолог, специалист по педагогической компенсации врожденной слепоглухоты. В 1923-1924 гг. – член Призидиума Гос. научно-методологического комитета НКП УССР, зав. опытной станцией Главсоцвоса в Харькове, один из первых директоров НИИ педагогики УССР (открыт в 1926 г.). Лауреат Гос. премии 1980 г., совм. с Мещеряковым. А.С.Макаренко намеревался изобразить его в «Педагогической поэме» как М. М. Воробьева (т. 3, с. 484; см. также в данной книге Приложение, Типы и прототипы).

Став опытно-показательным учреждением Наркомпроса УССР, колония им. М. Горького с октября 1923 г. (с нового бюджетного года) перешла целиком с местного финансирования на государственно-республиканское. В таком финансовом положении находилось на Украине лишь еще одна колония, Дергачевская. Решением Управления соцвоса НКП

5 ноября 1925 г. обеим этим колониям «придано Всеукраинское значение», с комплектованием «по усмотрению ВКОН» (Всеукр. комиссии охраны прав несовершеннолетних).

На 16 января 1926 г.: Полтавская комиссия по делам несовершеннолетних направляет в колонию им. М. Горького «несовершеннолетних старшего возраста (14-16 лет), социально запущенных в значительной мере». (Дается по Опускуле макаренкиане, № 25, с. 142-150). Затем, в связи с ее переездом в мае 1926 г. в Куряж (под Харьковом) колония им. М. Горького в октябре 1926 г. вновь переведена на местный бюджет (бюджет Харьковской окринспектуры наробраза).

Областному инспектору учреждений Харьковской области

По проекту штатов для Полтавской трудовой колонии, выработанному в Главсоцвосе, полагаются должности:

Заведующий	1
Помощник заведующего	1
Воспитатели	12
Помощники воспитателей	3
Запасные воспитатели	4
Учителя ремесел	6
Медработник	1
Завхоз	1
Техперсонал	9

Всего 38 лиц, оплата труда которых выражается в 239 тарифных единицах.

Организация Полтавской трудовой колонии, существующей уже более трех лет, эволюционируя в порядке опыта и слагаясь из постепенных опытных приближении к наиболее экономной и полезной системе[1] к настоящему дню настолько далеко разнится от организации по приведенной выше сетке должностей, что почти не представляется возможным удовлетворительно согласовать эти две формы без существенных изменений в той или другой. Кроме того, индивидуальные условия работы Полтавской колонии, а именно состояние ее в двух имениях, приводит к необходимости некоторых положений, не предусмотренных в проекте штатов.

Основные пункты несогласованности, в общем, таковы:

1. Общее руководство работой колонии, как в области хозяйственной, так и педагогической, сосредоточено в руках заведующего колонией, что вполне согласно с принципиальными положениями организации соцвоса. Это обстоятельство, с одной стороны, требует от заведующего значительного напряжения сил, с другой - делает излишней специальную должность помощника заведующего. В то же время учреждение такой должности означало бы усиление административных функций, освобожденных от педагогических форм работы[2]. Независимо от этого, особенности устройства Полтавской колонии приводят к необходимости иметь в колонии трех заместителей заведующего, исполняющих обычную воспитательную работу. Эти три заместителя следующие:

1) заместитель по I колонии, принимающий заведование во время отсутствия завкола;

2) заместитель по II колонии, являющийся старшим из воспитателей этой колонии;

3) воспитатель, руководящий с/х работой колонии.

То обстоятельство, что означенные три лица при своих индивидуальных обязанностях остаются в то же время воспитателями, делает работу всего коллектива более цельной и единой.

2. По проекту штатов Главсоцвоса общее число воспитательского персонала, считая и заведующего, предположено в 21 лицо. Такое большое число воспитателей не вызывается необходимостью. Обеспечить при таком числе хорошее качество воспитательского персонала совершенно невозможно, наконец, увеличение числа воспитателей уменьшит приближение каждого из них к обществу воспитанников, создаст толпу воспитателей. Колония в настоящее время кроме завкола имеет всего 12 воспитателей, считая и запасных.

Экономию, образующуюся от уменьшения числа воспитателей, необходимо обратить на:

а) увеличение специального инструкторского персонала;

б) увеличение окладов инструкторского персонала;

в) увеличение числа технического персонала, вызываемого состоянием колонии в двух имениях.

г) добавку к жалованью пяти воспитателям, имеющим двухлетний стаж по колонии;

д) увеличение оклада делопроизводителю, ведущему учет по двум колониям;

е) оплату дополнительного труда воспитателей по секретарству в пед. совете (обязанности по учету воспитанников, по учету педагогической работы, по отчетам воспитательному и образовательному), по руководству библиотекой и по руководству музеем (пособиями, театром);

ж) оплату труда старшего инструктора (вместо завхоза), объединяющего всю хозяйственную работу по двум колониям .

В итоге колония просит утвердить следующее распределение 239 тарифных единиц:

Заведующий - 1, ставок - 2	по 14-му разряду	-12, 4 тар. ед.
Ему же за руководство педчастью	½ ставки по 14-му разряду	3,1 « »
5 старших воспитателей	по 1¾ ставки по 13-му	48 « »
7 младших воспитателей	1½ ставки по 13-му	58,1 « »
Старший инструктор	1½ ставки по 11-му	6,9 « »
8 инструкторов	1¼ ставки по 11-му	48,4 « »
Делопроизводитель	1¼ ставки по 11-му	5,8 « »
Медработник	1½ ставки по 13-му	8,3 « »
5 лиц техперсонала	по 1 ставке по 8-му	15,5 « »
8 лиц техперсонала	по 1 ставке по 6-му	20 « »
1 лицо техперсонала	по 1 ставке по 1-му	1 « »
3 заместителя завкола	по ½ ставки по 14-му	9,3 « »
Дополнительное вознаграждение трем руководителям педагогического учреждения	по ¼ ставки по 13-му	4,2 « »
	Всего	239 тар. ед

Согласно означенному распределению, представляются требовательные ведомости на ноябрь, декабрь и январь месяцы. К 1 января

все должности по колонии заполнены, за исключением должности фельдшера. Колония не имеет отдельного фельдшера, а обязанности его несет один из воспитателей, которому поэтому испрашивается $^1/_2$ ставки по 13-му разряду.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 28-29. По тексту и при сопоставлении с другими документами датируется сентябрем – октябрем 1923 г.

1 «Наиболее экономная и полезная» система штата педагогического учреждения, обязанностей его сотрудников и оплаты их труда – проблема, которую А. С. Макаренко вводит в педагогику. Это то, что обеспечивает «цельность» работы всего коллектива учреждения.

2 Выделяется ряд направлений в развитии системы управления: в работе заведующего объединяются хозяйственное и педагогическое руководство; совмещаются административные и педагогические функции других работников; вводятся доплаты за стаж работы в учреждении и выполнение дополнительных работ.

В Упрфинснаб губоно

11 окт. 1923 № 337

Согласно уведомлению Главсоцвоса от 2 октября с.г. за № 2673с, на зарплату по колонии имени М. Горького отпущено 103.41 червоных рубля и 103.350 рублей дензнаками вып. 1923 года.

В счет этих сумм колония получала по чеку Губоно на Госбанк 240 червоных рублей и по ассигновке № 1375 от 28 октября 168.149 рублей вып. 23 года, что составляет по курсу дня уплаты / 3750/ - 448 червоных рублей. Таким образом колонией получено всего за сентябрь 728 червоных рублей.

По требовательной ведомости, своевременно представленной, колонии полагается получить зарплаты 348.314 рублей /вып. 23 года/.

За вычетом полученных колонией 728 червоных рублей колонии причитается к получению из переведенных 1103 и 41 сотая червоных рублей— 375,41 червоных рублей. Общая сумма переведенных для колонии червонцев в переводе за знаки выпуска 23 года по курсу 15 сентября /2900/ составляет 319.989 рублей. Следовательно, из переведенных 103.350 из Главсоцвоса колонии причитается дополучить 28.325 рублей.

На основании изложенного прошу выписать для колонии в окончательный расчет по заработной плате за сентябрь 375,41 червоных рублей и 28,325 рублей выпуска 23 года. Остающиеся кредиты по §1, ст. 3 в сумме 75.025 рублей прошу оставить в неприкосновенности до разрешения вопроса о перечислении их на §5, ст. 1, о чем одновременно: сим возбуждается мною в Главсоцвосе соответствующее ходатайство.

Завколонией имени М. Горького *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I, с. 206-207. Копия направлена 12 окт. 1923 г. Областному инспектору Харьковской области М. Н. Котельникову. Им 20 ноября 1923 г. в колонию им. М. Горького направлена дополнительно смета ассигнований на зарплату, питание и одежду на сентябрь и октябрь месяцы (частично в дензнаках и золотых рублях).

Надпись на сборнике статей А. К. Гастева

Дорогим Василию Ивановичу и Надежде Тимофеевне в знак торжества и удовлетворения нашим трехлетним опытом, предвосхитившим мысли этой книги.

А. Макаренко

6/XI-23 г.

А. С. Макаренко. Теория и практика коммунистического воспитания. Сб. малоизвестных и неопубликованных архивных авторским материалов А. С. Макаренко/Сост. А. А. Фролов – Киев, 1985, с. 187. Надпись сделана на книге А. К. Гастева «Воспитание культуры», изд. в Харькове в 1923 г. (сб. статей, опубликованных в газ. «Правда» и «Экономическая жизнь»). А. С. Макаренко подарил эту книгу В. И. и Н. Т. Поповиченко.

А. К. Гастев (1882-1941) – один из основоположников научной организации труда (НОТ) в РСФСР, поэт пролеткультовского направления, социальный педагог, организатор и руководитель Центрального института труда ВЦСПС (ЦИТ, 1920-1938). О нем и его материалах см.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 2. – Н. Новгород, 2003, с. 254-264.

А. С. Макаренко, следовательно, опережал А. К. Гастева или работал одновременно с ним по направлениям: «социальный инженеризм», взгляд на педагогику как на практико-ориентированную науку, масштабное производственно-технологическое мышление и действие в педагогике, становление «инженеров педагогики». О А. К. Гастеве см. также ниже в письме А. М. Горькому 24 ноября 1925 г.

Требовательная ведомость
на уплату жалованья служащим Полтавской трудовой колонии им. М. Горького
за ноябрь 1923 года.

№№ поря	Фамилия	Должность	Разр.	Став.	Тариф, единиц	Сумма
1.	Макаренко	Завколониями	14.	2	12,4.	
2.	Ему-же	Завпедчастью	14	½	3,1	
3.	Поповиченко В.	Воспитатель	13	1¾	9,6	
4.	Ему-же	Помзакол 1-й	14.	½	3,1	
5.	Ермоленко В.	Воспитатель	13.	1¾	9,6	
6.	Ему-же.	Исп. об. агронома	14.	½	3,1.	
7.	Григорович	Воспитательница	13.	1¾	9,6.	
8.	Ей-же.	Сек. пед. совета	13	¼	1,4	
9.	Поповиченко Н.	Воспитательница	13	1¾	9,6.	
10.	Ей-же.	Библиотекарша	13	¼	1,4.	
11.	Архангельская	Воспитательница	13	1¾	9,6	
12.	Сагредо	« »	13	1½	8,3.	
13.	Ей-же.	Нач. учеб.	13.	¼	1,4.	
14.	Ракович И.	Воспитатель	13	1½	8,3.	
15.	Ему-же	Помзавкол 2	14.	½	3,1	
16.	Весич	Воспитатель	13	1½	8,3	
17.	Илляшевич	« »	13	1½	8,3	
18.	Грейер	« »	13	1½	8,3	
19.	Чаплян	« »	13	1½	8,3.	
20.	Ермоленко С.	Старш.	11	1½	6,9	
21.	Богданович	Инструктор	11	1¼	5,8.	
22.	Кононенко	« »	11	1¼	5,8	
23.	Николаенко	« »	11	1¼	5,8.	
24.	Дыкань	« »	11	1¼	5,8	
25.	Тапуц	« »	11	1¼	5,8.	
26.	Козырь	« »	11	1¼	5,8.	
27.	Сербиков	Делопроизводите	11.	1¼	5,8.	
28.	Григорович	Фелдшерица	13	+½	2,8	
29.	Хмара	Кастелянша	8.	1	3,1.	
30.	Мацюцкий	Мастер	8.	1	3,1	
31.	Лукашев	« »	8	1	3,1	
32.	Грищенко	« »	8.	1	3,1.	
33.	Глупова Х.	« »	8.	1	3,1	
34.	Юричковская	Хлебопекарка	6.	1	2,5	
35.	Чемова	« »	6	1	2,5	
36.	Стебловская	Кухарка	6	1	2,5.	
37.	Яковлева	« »	6	1	2,5	
38.	Глупова М.	Прачка	6.	1	2,5	
39.	Андрущенко	« »	6.	1	2,5	

40.	Квятковский	Сторож	6	1	2,5
41.	Орлов	« »	6	1	2,5
42.	Ракович О.	Инструктор	11.	1¼	5,8

Итого тариф. единиц 218,4.

Зам. завкола. *Ермоленко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I, с. 211-212. Там же, с. 212-214: Требовательная ведомость за декабрь 1923 г., с некоторыми изменениями и дополнениями, всего 225,2 тарифных единиц. Там же, Часть II, с. 11-12: Требовательная ведомость за январь 1924 г., 233,5 тарифных единиц.

***Дополнение.* 22 ноября 1923 г. в Полтавский губсоцвос направлен документ (в связи с обращением А. С. Макаренко 10 октября, № 375, в Полтавскую губкомиссию по делам несовершеннолетних): «... Признавая доводы зав. колонией совершенно правильными, предлагаю губсоцвосу впередь направлять детей в колонию лишь в том случае, если в колонии есть требуемое обмундирование... Последнее должно быть прислано с вновь направленным в колонию несовершеннолетним. Предглавсоцвоса Менжинская. С подп. верно: облинспектор дефектучреждений Котельников» (Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть I, с. 210).**

Письмо О. П. Ракович, 29 декабря 1923 г.

29 декабря 1923 г.

Мое неласковое солнышко!

Я уже во второй колонии. Сижу и серьезно мечтаю: вот именно здесь я понял, до чего я одинок, понял также и то, что по свойствам своей натуры и не могу быть не одиноким.

Ну хорошо. Спрашивается: как можно быть одиноким, когда есть Солнышко? Правда, трудно? Нет, еще легче, Солнышко.

Я чувствую сейчас в себе огромные силы, но и уже хорошо знаю, что эти силы слишком глубоко во мне скрыты. Вы не можете их увидеть. Это силы мысли и философского синтеза. Если Вы их увидите, Вы отравитесь ими навсегда. Вам не нужно их показывать. А то, что Вам нужно и что Вам поэтому нравится, того у меня нет: ни беззаботного смеха, ни остроумия без претензий, ни ясной силы жизни: живи, пока живется.

Ну хорошо...

И только когда мне Семен подал Вашу крошечную секретку[1], я сразу освободился от всех забот и печек.

Какое прекрасное умение с простой улыбкой срывать каемку Вашей секретки, а в то же время где-то глубоко, в самом центре мозга прятать трепещущее ожидание чего-то особенного, блестящего, не такого, как все. И в это же время с холодной уверенностью делового человека знать наверняка, что все дело в талонах. Только два талона. На свет и на воду.

Упрек милый: «Хотя Вы и сказали, что не забудете...»

Я, собственно говоря, не забыл. Вы не получили талонов по другим причинам. Но вовсе не нужно оправдываться. Пусть.

«Будьте добры, пришлите» и т. д. Хорошо, хорошо.

«Всего хорошего!»

Сразу светло на душе. Вот взмахнуть крыльями и летать.

И сразу прежнее, мое уставшее до чертиков отчаяние. «Блаженство ты и безнадежность».

Что спрятано в этих двух словах: «Всего хорошего!»

Все, что Вам угодно, Антон Семенович, и все, что Вам неугодно. Пожалуйста:

1. Большая, стыдливая, радостная любовь.

2. Веселое, играющее молодое уважение к хорошему дяде.

3. Задорное, смеющееся здоровье молодости, которой некогда думать, что там поймут и почувствуют.

4. Искрящаяся, вредная юношеская насмешка. «Вам это нравится – мне это ничего не стоит. Пожалуйста, корчитесь».

5. Просто ничего. Так вот ничего, как на пустой тарелке.

И то, и то, все можно допустить, любой из пяти номеров. Так же трудно найти истину в этих двух словах, как найти значение в Вашей улыбке. Корчитесь дальше, А. С. К сожалению, Ваши потуги скрыть эти судороги, придать всему приличный вид делают Вас ужасно смешным.

И не к чему.

Ну хорошо. Сегодня Вы идете в оперетку. А я пойду в первую колонию. Нужно же куда-нибудь идти. С какой-нибудь целью. Не просто же

ходить или бегать по двору второй колонии. Впрочем, вероятно, и то и другое одинаково разумно.

В первую колонию уже потому больше смысла идти, что, может быть, Вы пришлете специально для меня секретку, в которой будет написано: «Всего хорошего». В этом нет ничего невозможного. У Вас много секреток и много всего хорошего.

Ах, не хочется с Вами расставаться.

Ваш А. М.

P. S. С Пархомовичем[2] помирились.

Ваш А.

Пед. соч., т. 8, с. 22-23. В «Типах и прототипах...» Субботина Н. В. Тогда агент по снабжению колонии им. М. Горького в Полтаве.

1 Секретка – письмо, запечатанное особым образом.

2 Пархомович – владелец частной костюмерной, где колония брала на прокат костюмы для спектаклей.

Отчетная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за 1923 г

Состав детей

Штатное количество мест - 120. Числилось к 1/1 1923 г. - 70. В течение 1923 г. выбыло – 42. Поступило вновь -70. Состоит на 1/11924 г. - 98. Мальчиков – 89. Девочек - 9.

Имеющих обоих родителей – 13. Полусироты - 27. Круглые сироты - 58. Воровство - 51, бродяжничество - 39, убийство - 2, бандитизм[1] - 6.

Устойчивые - 86, раздражительные - 4, инертные - 6, патологические-2.

Состав персонала

Всего - 35. Педагогический - 12, медицинский - 1,учебно-ремесленный - 7, технический - 15.

Женщины - 6, мужчины - 6.От 20 до 30 лет – 4, от 30 до 40 - 6, свыше 40 - 2. Холостые-9,женатые - 9.

Стаж: общий педагогический до 3 лет - 8, от 3 до 5 лет - 4.*Ценз:* общий педагогический - 9, средний - 12…[2]

Отчет о состоянии учреждения в 1923 г.

1. *Личный состав воспитанников*. Истекший год колония начала при составе 62 мальчика и 8 девочек, распределенных между колониями так: в I колонии - 51, во II - 19. Предполагалось, что к лету будут капитальные ассигнования на ремонт II колонии, и поэтому проектировалось к осени увеличить число воспитанников II колонии до 70, считая для I колонии предельной нормой 50. Ожидания не оправдались: на ремонт были получены ничтожные суммы, и с большим трудом удалось довести число воспитанников II колонии до 30 к январю 1924 г. Но постоянное требование губкомиссии принять новых воспитанников принудило нарушить норму [и довести численность воспитанников] I колонии до 70 (68 к 1 января 1924 г.). Это создало к осени такую тесноту, что колония не имеет возможности дать каждому воспитаннику кровать, ее негде ставить.

Всего в течение года в колонию прибыло 70 новых воспитанников (68 мальчиков и 2 девочки). Уволено из колонии в течение года 26 (25 мальчиков и 1 девочка). Из этого числа: отправлено на рабфаки - 5, отдано родителям - 12, поступили на командные курсы - 3, нашли самостоятельный заработок - 5, выдана замуж - 1. Убежало из колонии в течение года 15 воспитанников, почти исключительно только что прибывших. Тяжелым был случай побега кладовщика II колонии Гончарова, старого колониста. Его побег окончательно заставил отказаться от использования т. Радивончика[3] в качестве зав. II колонией (февраль). Умер в течение года 1 (от малярии).

Изменение качественного состава воспитанников явно сказалось к осени. В конце лета ушли почти все «старики» набора 20-го и 21-го гг. Массовые присылки (70) почти исключительно состояли из детей, близких к тупоумию, почти сплошь неграмотных и запущенных. В последнем счете все это повело к некоторому огрублению общего тона колонийской общины. Это огрубление удалось ликвидировать при особенном напряжении только к последним дням. В течение осени колония вообще пережила тяжелый кризис, когда, казалось, педагогическому совету не удастся образовать новое ядро. К концу года эта опасность миновала, однако не для II колонии, в которой общее настроение до сих пор оставляет желать лучшего[4].

2. *Личный состав воспитателей*. Основное ядро старых колонистов из 6 человек за истекший год уменьшилось только на 1 после ухода Л. Н.

Никифоровой. Из новых назначений казалось одним из ценных приобретений приглашение И. П. Раковича на должность заведующего II колонией. Его огромная энергия и кипучая натура при условии замечательного честного, искреннего отношения к колонии, однако, не дали того, что обещали, отчасти по причине личных событий, отчасти из-за слабости персонала II колонии. Из числа этого персонала только Весич[5] достаточно удовлетворителен, остальные слабы, и от работы т. Архангельской и Илляшевич, вероятно, придется отказаться.

Зато в I колонии все три новых лица оказались очень удачны как в отдельности, так и в общей гармонии. Особенно нужно отметить А. П. Сагредо, работника не из первых, но прекрасного по тону и точности. Двое совсем молодых людей, т. Чаплян и Грейер работают весело, скромно и доверчиво, так, как и нужно молодым.

3. *Воспитательный процесс.*

Общее развитие воспитательной системы колонии совершалось по прежнему плану: от авторитарно-требовательного тона к рабочему самоуправлению[6]. В течение 1923 г. многие части хозяйства и административной заботы перешли в руки воспитанников. В августе педагогический совет нашел возможным и самое заведование хозяйством передать воспитаннику. С середины лета начал функционировать совет командиров в качестве высшего хозяйственного органа. Большое значение приобрели заседания товарищеского суда окончательно получившего форму кафедры по теории поступков[7]. Нечто совершенно необходимое в колониях, типа нашей.

В других областях жизни колонии продолжалось дальнейшее развитие прежних схем, детализирование и квалификация деталей. Утончилось и стало более удобным сечение общины[8]. Улучшен тон и взаимоотношения. К концу года заметно стало быстрее движение вперед, задержанное качественным понижением детского состава.

Вообще истекший год нужно признать наиболее благополучным. Наказания почти забыты в колонии, даже выговоры и замечания стали редкостью[9]. За год почти не было случая воровства в колонии и абсолютно ничего не было взято у соседей, Тон веселый, жизнерадостный, простой.

Отношения прекрасные. Рабочее настроение с заметной долей пафоса. К сожалению, во II колонии нет ядра, и там до сих пор все случайно. Но фактически ускорить чем-либо развитие воспитанников II колонии трудно.

4. *Хозяйственная обстановка*.

Все хозяйственные работы были исполнены своевременно, но засуха и, вероятно, ошибки агронома привели к катастрофически малому урожаю яровых, что поставило колонию в очень затруднительное положение в вопросе о корме скота. Колония продолжает настойчиво подвигаться к правильному шестиполью и к культурному животноводству.

Главная нужда колонии - отсутствие капитала. Не с чем развернуться. Даже обменять инвентарь почти нет возможности.

Ремонт II колонии становится вопросом чести. Со всех сторон на развалины посматривают наши конкуренты.

Необходимо во что бы то ни стало получить в аренду мельницу.

Необходимо принять меры к оборудованию колонии. Она никогда не была оборудована…

Зав. колонией *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 29-31. Текст на бланке стандартной отчетной ведомости. Датировано 6 февраля 1924 г.

1 Графа обозначена А. С. Макаренко.

2 Опускаются данные о количестве помещений в I и II колониях, о жилой площади, площади двора, сада, огорода, полевых угодий.

3 Радивончик А. М. – прототип Радимчика в «Пед. поэме».

4 Здесь А. С. Макаренко впервые обозначает проблему преемственности поколений в воспитательном коллективе, говорит о его «ядре», значении выпуска воспитанников, о возникновении кризисных явлений в педагогическом процессе.

5 Весич В. А. – воспитатель-учитель колонии с лета 1923 г. Прототип П. И. Журбина в «Пед. поэме». Был одним из помощников (заместителем) А. С. Макаренко. В типах и прототипах… см.: «Журбин Павел Иванович (Иван Иванович)», «бывший штабс-капитан». См. также в записях, использованных в «Пед. поэме».

6 В дополнениях к первому определению основного направления развития колонии («путь трудовой общины…» - март 1923 г.) здесь, в начале февраля 1924 г. отмечается вторая тенденция: «от авторитарно-требовательного тона к рабочему самоуправлению». Проявление этой тенденции: передача «многих частей хозяйства и административной

работы в руки воспитанников», регулярное функционирование «совета командиров как высшего хозяйственного органа».

СК собирается по субботам для распределения работ на следующую неделю, комплектование вре[7]менных (на неделю) сводных отрядов. Они составляются по заявкам хозяйственной части. СК намечает командиров, они затем самостоятельно определяют состав отряда. Это оформляется приказом по колонии; он вступает в силу после подписания секретарем СК и А. С. Макаренко. Приказ зачитывается на общем собрании, когда все встают.

В «Педагогической поэме», Пед. соч., т. 3, см. § «Командирская педагогика».

7 Товарищеский суд применялся в исключительных случаях. Действовал в составе: судьи - избранные на общем собрании по данному делу воспитанники; обвинитель – зав. колонии; защитник – кто-то из воспитателей; свидетелем мог быть каждый из воспитанников. Суд проходил при знамени колонии, с знаменосцем и двумя ассистентами; начало и конец заседания обозначались трубными сигналами. Приговор оглашался на другой день. Главное назначение суда: это «кафедра по теории поступков», т.е. обсуждение и оценка содеянного в отношении права и морали.

Описание одного из заседаний суда см.: Остроменцская Н. Ф. Навстречу жизни, М., 1928, № 12, с. 51-52.

Там же с. 52-56: описание заседания совета командиров и общего собрания («главный орган самоуправления»).

8 Говорится о совершенствовании структуры коллектива и управления им на основе постоянных первичных коллективов-отрядов. Они создавались на базе учебно-производственных мастерских (где можно было получить рабочую квалификацию) и длительных хозяйственно-бытовых работ. Командиры лишь со временем стали выбираться на общем собрании колонии; распределялись по отрядам как представители общеколонийских интересов.

В состав совета командиров входили также: А. С. Макаренко (предс.), секретарь СК, секретарь педсовета, пом. зав. колонией, старший инструктор, дежурный воспитатель. Об общей «отрядной системе» см. т. 3, с. 140-142.

9 Такое положение свидетельствует о том, что первоначальный «авторитарно-требовательный тон» не отличался особой жесткостью.

Дополнение. **Зимой 1924 г. колонию обследовала М. И. Маро-Левитина. В ее книге «Работа с беспризорными. Практика новой работы в СССР» (Харьков, Труд, 1924) она поставила колонию им. М. Горького на первое место среди обследованных ею сельскохозяйственных колоний (и других учреждений для беспризорных) в России и на Украине. Отмечены**

«четкость и цельность педагогической работы», творческая атмосфера в педагогическом коллективе, «взаимослияние» коллективов педагогического и воспитанников.

«Колония в данное время полная коммуна в производстве и потреблении». Колонисты пользуются у крестьян репутацией абсолютно честных ребят. В учебной работе «дети проявляют огромную любознательность, богатство опыта и инициативу... Из развлечений в колонии процветает футбол, городки, снежки, лыжи, танцы, пение, постановка шарад и инсценировок» (с. 61-76).

В Главсоцвос

10 февраля 1924 г. № 42

С начала существования колонии им. Горького, т.е. с осени 1920 года, вопрос о ее развитии всегда стоял в связи с окончанием капитального ремонта так называемой второй колонии бывшего имения бр. Трепке. Только в этом имении есть достаточные условия для организации действительно интересного учреждения. Первая же колония, как по недостатку помещения, по казарменному характеру построек, так и по бедности почвы, могла считаться только временной базой для развития колонии.

К сожалению, капитальный ремонт второй колонии в течение трех с половиной лет со стороны управляющих организаций Наркомпроса был поддержан только морально: сколько-нибудь заметных кредитов на ремонт отпущено не было. Колония почти исключительно собственными силами производила тяжелый ремонт и, хотя добилась того, что смогла развернуть во второй колонии хозяйство и поселить 30 воспитанников, но вместе с тем поставила себя в почти несносные условия работы в будущем, а именно:

1. Колония принуждена жить в двух имениях, разрывая себя в высшей степени невыгодно, как в воспитательном, так и в хозяйственном отношениях. Отрицательные последствия этого разрыва весьма многочисленны и на каждом шагу отражаются на работе колонии привнесением разнообразных трений, потерь и лишнего труда. Вообще вторая колония принуждена отставать в работе, так как коллектив ее, не будучи самостоятелен, в то же время оторван от заведующего колонией.

2. Вторая колония все время живет среди руин. Постепенно разрушающиеся остатки зданий не представляют возможности придать

второй колонии необходимую степень уюта и собранности и вообще как условие воспитания - неприятны. С другой стороны, эти самые руины являются предметом постоянных домогательств различных организаций, пускающих в ход часто очень сильные средства. Колонии приходится вести постоянную борьбу, т.к. постройки в руках других владельцев скорее могли бы быть ремонтированы и, следовательно, право колонии на эти постройки легко опорочивается. Борьба поэтому принимает иногда формы почти физического столкновения.

3. Расходуя почти все свои средства на ремонт, колония все-таки неспособна производить его, как следует. Поэтому волей-неволей она удовлетворяется кое-каким приобретением, имеет только летние рамы, некрашеные полы, двери и окна, плохую штукатурку и плохие печи. В то же время она отказывает себе в увеличении оборудования, она очень бедна мебелью - в первой колонии на каждой кровати спят по два воспитанника.

В итоге, таким образом, получается, что, подняв на свои плечи ремонт разрушенного помещичьего имения, колония не только не улучшила своего положения, но ухудшила и привела себя к необходимости жить всегда в примитивной обстановке, а труд воспитателей обратила в постоянную борьбу с вредными трениями. Единственное достижение - увеличение числа детей до 100 всем вышеуказанным обесценивается.

Если и в 1924 году ремонт второй колонии не будет закончен, необходимо будет окончательно поставить крест над развитием колонии.

Считаясь с серьезностью положения, позволяю себе еще раз обратиться в Главсоцвос с ходатайством об ассигновании единовременно достаточно крупной суммы для окончания ремонта. Согласно сметам, неоднократно представленным в Наркомпрос, для окончания ремонта требуется 7.500 товарных рублей. Принимая во внимание, что колонией кое-что сделано осенью 1923 года, представляется возможным уменьшить эту сумму до 6000 товарных рублей.

В общем, я считал бы необходимым единовременное ассигнование 10.000 золотых рублей для окончания капитального ремонта всех зданий второй колонии.

При этом считаю необходимым представить следующие соображения:

В том случае, если просимая сумма ассигнована будет, колония уже через 2 месяца после начала ремонта способна будет собраться во второй колонии, оставив совершенно первую. Вследствие этого можно будет значительно сократить штаты, всего на 210 зол. рублей в месяц. Считая сокращение других расходов в 90 рублей в месяц, можно рассчитывать на общую экономию в год в 3600 золотых рублей, что позволит окупить ремонт в течение трех лет, увеличив в то же время число воспитанников.

Если при этом колонии удастся получить в аренду мельницу, стоимость ремонта будет покрыта гораздо раньше.

При сем прилагаю копию моей докладной записки заведующему Полтавским Губоно, от 26 мая 1923 года, излагающей историю ремонта второй колонии.

Заведующий Полтавской трудовой
колонией им. М. Горького *Макаренко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть II, Полтава 2002., с. 12-14.

Поддерживая план расширения колонии, Полтавский горисполком 9 апреля 1924 г. обратился к наркому просвещения УССР. В. П. Затонскому с просьбой выделить на это средства. 28 мая 1924 г. зам. наркома просвещения УССР Я. П. Ряппо сообщил Полтавскому губисполкому (с копией колонии им. М. Горького): для расширения колонии им. М. Горького до 175 воспитанников выделяется на ремонт дома 1.284 р. 45 к. Ремонт зданий А и В вносится в смету будущего бюджетного года.

В отдел материального снабжения Н К П

Вследствие предложения № 4463 от 3 марта представляю сведения о некомплекте обмундирования по Полтавской трудовой колонии им. М. Горького.

Вместе с тем должен решительно не согласиться с полезностью централизованного порядка в деле обмундирования на основании следующих соображений:

1. Заготовка обмундирования в центре вырывает у колонии возможность регулировать нужду в обмундировании, пользуясь в каждый данный момент действительным ее состоянием. Централизованная заготовка была бы полезной только в том случае, если бы она могла сразу создать

запасы обмундирования всех видов. Пока же этого не будет, централизованная заготовка, как уже показал опыт, всегда будет сопровождаться излишком одних предметов и недостатком других. Цифровые данные очень быстро теряют свою реальность по многим причинам.

2. При централизованной заготовке колония лишается возможности улучшить обмундирование за счет своих хозяйственных доходов. Так, например, в 1923 г. колония почти ничего не получила на одежду, однако и в этом году она, воспользовавшись урожаем и шкурами, убитых животных, пошила колонистам 40 пар сапог (ботфорты), которые необходимы как прозодежда. При централизованной заготовке колония не имела бы этой возможности: она могла бы нечто добавить в количестве, но не в качестве. Вообще же заготовка в центре меньше всего способна считаться с условиями работы данного детского учреждения. Она будет изготовлять одежду для нормального детского дома, но вовсе не для колонии, которой необходима [одежда] более добротная. Нужны полушубки, ботфорты, фартуки и пр. Четырехлетний опыт колонии в этой области никто не заменит в центре.

3. Заготовка в центре, наконец, просто невыгодна: колония имеет свою сапожную мастерскую и сама силами воспитанников шьет себе одежду. Заготовка в центре не только удорожит одежду, но и лишит мастерские колонии работы, необходимой в учебном отношении.

4. Наибольшие же потери при централизованной заготовке будут как раз не в хозяйственной области, а в воспитательной. Вообще этот вопрос не выходит за пределы педагогической заботы и не может быть решен без педагогического исследования. С одной стороны, напряженная работа и забота детского коллектива в деле планирования, покупки, изготовления, носки, с другой - получение готовых вещей из Харькова. Нет никакого сомнения, что второй способ параллелен менее всего линии соцвоса.

На основании изложенного ходатайствую о том, чтобы централизованная заготовка не применялась к трудовой колонии им. М. Горького.

Зав. колонией *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 31-32. Датируется 15 марта 1924 г. А. С. Макаренко поднимает вопрос об усилении роли хозяйственной самостоятельности, элементов самообеспечения в педагогическом процессе. Полное централизованное снабжение одеждой и обувью рассматривается как фактор, наносящий ущерб воспитанию.

Областному инспектору Харьковской области

30 марта 1924 г. №119

К последнему времени колония им. М. Горького находит совершенно уместным и полезным в воспитательном отношении значительно сократить штат технического персонала колонии, передовая некоторые хозяйственные функции воспитанникам. Уже к 1 апреля все кладовые колонии, в том числе и бельевая, находятся в руках воспитанников. В ближайшее время предполагается передать воспитанникам должность помзавхоза, старшего конюха и кухарок.

Вследствие такого сокращения штатов предвидится сокращение выдач казны на зарплату.

В то же время всегда было необходимо выдавать старшим воспитанникам, уже подготовленным к выпуску из колонии, небольшие карманные деньги. Они позволяют воспитанникам сделать некоторые сбережения перед выходом на самостоятельную работу, а самое главное – приучат их иметь при себе деньги, хотя бы и небольшие. До сего времени часто наблюдалось вредное влияние непривычки воспитанников к собственному бюджету, что определяло в значительной степени неудачу их первых самостоятельных шагов.

Мне кажется, что экономию, образующуюся от сокращения штатов колонии, вполне уместно было бы обратить на выдачу карманных денег тем воспитанникам, которые уже находятся на переходе к выпуску из колонии.

Если со стороны Главсоцвоса не встречается принципиальных возражений против карманных денег, прошу не отказать в распоряжении и указании форм и порядка таковой выдачи с точки зрения использования открываемых колонии кредитов.

Зав колонией им. М. Горького в Полтаве *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 32-33.

Выдача старшим воспитанникам карманных денег, при сокращении технического персонала, - это не только важное средство связи воспитания с жизнью (приучение воспитанников к «собственному бюджету»), но и наглядный пример более разумного использования бюджетных средств, результат успешной хозяйственной деятельности учреждения, необходимое вознаграждение за активное участие в его развитии. Поднята фундаментальная проблема сочетания моральных и материальных стимулов труда в воспитании.

Дополнение. **Главный комитет социального воспитания НКП УССР 28 марта 1924 г. выдал для Киевского губсоцвоса удостоверение: «Предъявитель сего, тов. Макаренко А. С., направляется Главсоцвосом НКП в распоряжение губсоцвоса. Зампредглавсоцвоса Мизерницкий. Секретарь Коллегии Главсоцвоса Руссес».**

В Главсоцвос
Главному инспектору охраны детства

Копия: Полавскому Губсоцвосу

4 мая 1924 г. №225

Вновь поддерживая своё ходатайство от 30 марта за № 119 и в ответ на предложение Главсоцвоса от 19 апреля с. г. за № 8639, представляю следующее:

В институте карманных денег я не вижу противоречий ни общим принципам соцвоса, ни указанным в № 8639 положениям Кодекса 157. Коллективное воспитание является самым главным принципом и для меня, и для педагогического состава колонии им. М. Горького. Реализуя этот принцип, колония им. М. Горького главное его выражение видит не только в том, что все воспитанники колонии составляют коллектив, совершающий единое движение, но главным образом в такой организации системы влияний, при которой каждый воспитанник подвергается этим влияниям не непосредственно, как индивидуум, а почти исключительно через коллектив при посредстве его учреждений, связей, труда и общего тона[1].

Организация коллектива воспитанников в своих частностях и ревизуется приложением указанных выше принципов, но я не могу согласиться с тем, чтобы при помощи предварительного сравнения принципа и средств можно было установить пригодность или непригодность последнего. Мне кажется, что всякое средство может быть полезно или вредно исключительно в

зависимости от того, каким образом оно применяется и в каком отношении стоит к другим средствам учреждений. Судить о ценности метода и средства поэтому можно только в опыте. Этот же опыт позволяет и предварительно предчувствовать его полезность, но, разумеется, такое предчувствие возможно только на месте в процессе реальной работы[2].

Я рассчитываю, что и в Губсоцвосе, и в Главсоцвосе может оказаться доверие ко мне и моим сотрудникам не только в образе предвидения правильности нашего чутья, но и в виде уверенности, что, если опыт с карманными деньгами окажется неудачным, мы и сами это не постыдимся признать.

Подвергать же каждую деталь предварительному рассмотрению в губернии и в центре - значит направить организации по пути, если можно так выразиться, слишком дедуктивному.

За четыре года существования колония им. М. Горького нашла много деталей и вариантов соцвоса, но многие положения пришлось и отбросить, как в опыте оказавшиеся неудачными.

Отказаться от подобного метода организационных поисков - значит отказаться вообще от исканий. Производить их в порядке центрального рассмотрения и санкции - значит лишить их необходимого размаха и смелости. Мне кажется, и Губ-соцвос, и Главсоцвос всегда имеют возможности допустить законность такой логики для своих опытных учреждений.

Переходя специально к вопросу о карманных деньгах, я не буду утверждать, что их введение обязательно окажется полезным. В настоящий момент я могу произвести только приблизительный анализ их возможной полезности. Я предвижу, что эффект карманных денег будет очень сложным. Пока я имею основания ожидать его в следующих областях[3].

В то время, когда жалованье воспитателей было совершенно ничтожным и почти ничего не прибавлялось к их бюджету, положения воспитателей и воспитанника были экономически равными.

Воспитатели, так же как и воспитанники, кормились с котла и так же получали одежду и прочее. С того времени, как зарплата стала увеличиваться, было положено начало экономическому неравенству. Это

неравенство переживается просто принципиально, а не количественно. Воспитатели, такие же члены коммуны, как и воспитанники, располагают дополнительным правом свободного использования денег. Воспитательский коллектив, стремясь уменьшить указанное неравенство, отказался от получения натурального довольствия, но и это произвело обратное действие, ибо ещё больше была подчёркнута принципиальная разница в способах удовлетворения потребностей. Воспитательский состав делается, так сказать, определённо «денежной аристократией».

Так как сущность разделения лежит не в количестве благ, а в форме распределения, то и борьба с разделением должна идти в том же направлении. Небольшие деньги в руках воспитанника, которыми он может располагать свободно, принципиально уравнивают его с воспитателями. Внешним показателем будет то, что мне не будет стыдно уплачивать, а воспитателям получать жалованье.

2. Воспитанники колонии давно уже считают своим долгом ежедневный труд в своей коммуне, труд, приносящий ценность. Хотя колонийское хозяйство ещё далеко не способно себя окупать, тем не менее воспитанники привыкли считать, что они не дармоеды, что их потребности удовлетворяются в порядке распределения коммунальных доходов. Педагогический совет и введение карманных денег рассчитывает организовать по этой линии. В глазах воспитанников эти деньги будут представляться частью коммунальных доходов, но не в натуральной, а в денежной форме,

3. Как уже указывалось в № 119, представляется необходимым воспитывать в колонистах привычку к индивидуальному бюджету. До тех пор, пока мы выпускаем воспитанника в общество, основанное на индивидуальном бюджете, мы не имеем право не давать воспитаннику соответствующих навыков. В то же время право личности на выбор в удовлетворении ближайших потребностей не оспаривается ни одним положением социализма и не противоречит общим принципам советской системы воспитания. Так или иначе переход воспитанника из колонии, где все его потребности удовлетворяются по коммунальному плану в условиях,

где ни одна потребность таким способом не удовлетворяется, представляет значительную опасность.

4. Педагогический совет колонии рассчитывает, что введение карманных денег повысит у колонистов мнение о себе и о своей общине и позволит проявиться некоторым вкусам и чертам характера.

5. По отношению к некоторым воспитанникам введение карманных денег уничтожает неловкость, которая всегда имеет место, если воспитанник, имея на руках часто очень большие деньги колонии, в то же время лично никогда не имеет случая обладать правом денежного расхода для себя.

6. Введение карманных денег подчеркнёт деловую дифференциацию колонистов, работу и значение опытных старых членов коммуны и движение вперёд молодых.

Заведующий колонией им. М. Горького *А. Макаренко*

Народное образование, М., 2003, №10 (публикация в статье Г. Хиллига, с. 153-154). Это макаренковское ходатайство 11 июня 1924 г. рассмотрено на заседании Инспекторской коллегии НКП («докладчик Салько»). Постановили: вопрос передать в Научпедком НКП.

1 А. С. Макаренко подчеркивает основание своей воспитательной теории и практики (в отличие от распространенной): влияние на воспитанника осуществляется в коллективе не «непосредственно», а всем укладом жизни учреждения; он должен быть всесторонне педагогически целесообразным, основываясь на хозяйственно трудовой деятельности.

2 Объясняется взгляд А. С. Макаренко на педагогику как опытно-экспериментальную и практико-ориентированную науку – в противоположность умозрительно–декларативной педагогике. В основе первого представления лежит индуктивный метод («индукция цельного опыта»); в основе второго – «дедуктивные положения», абстрактно-теоретические, взятые без должной проверке на опыте, насаждаемые «сверху». Поднимается вопрос о логике педагогической целесообразности, связи принципов воспитания и его средств.

Это зародившееся в данное время свое понимание методологии педагогики А. С. Макаренко в конце 1932-начале 1933 гг. систематически изложил в «Педагогической логике» (т. 1, с. 177-182). В январе 1938 г. он определил три ошибки в логике педагогической целесообразности: «дедуктивное предсказание», «этический фетишизм», «уединенное средство» (т. 4, с. 126-128).

3 Высказанные А. С. Макаренко ниже педагогические аргументы в пользу карманных денег касаются важнейшего в воспитательном процессе: укрепление материально-хозяйственной основы единого коллектива

педагогов и воспитанников; воспитание в процессе не только производства, но и распределения доходов; дифференциация в коллективе, индивидуализация по вкладу в общее дело как стимул развития личности и коллектива; взаимодействие поколений в воспитании.

Главному инспектору охраны детства Главсоцвоса, 16 июня 1924 г.

Постепенно увеличивая детский состав, колония им. М. Горького в настоящее время имеет 103 воспитанника. В течение ближайших трех месяцев колония должна получить еще около 100. Нужно, однако, сказать, что все последние присылки состоят исключительно из детей моложе 15 лет. Это обстоятельство и не соответствует положению о колониях, и в корне нарушает организационно-производственный план самой колонии, рассчитанный на детей старше 15 лет. Колония ничего, в принципе, не имеет против присылки младшего возраста[1], но было бы весьма желательным, чтобы определенно был узаконен возраст колонистов и чтобы органы, присылающие детей, также делали бы это по плану, известному колонии.

Точно так же есть необходимость в более точной локализации детского состава колонии по качеству. К сожалению, колонии совершенно неизвестны основания, по которым дети направляются в колонию, так как при воспитанниках не поступают ни дела, ни характеристики[2]. Вообще же можно сказать, что поступающие в колонию дети не могут быть точно квалифицированы как правонарушители. Скорее это умственно отсталые. Колония считала бы необходимым иметь более определенный состав именно правонарушителей.

Считаю совершенно необходимым представить эти вопросы, назревшие давно, на разрешение Ваше.

Зав. колонией им. М. Горького *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 33.

1 Это соображение позволяет обратить особое внимание не только на то, что педагогический опыт А. С. Макаренко – это работа в основном с подростками от 13-14 лет, но и на то, что в данных условиях не исключается возможность воспитания детей младшего возраста.

2 Желание знать «дела и характеристики» поступающих в колонию подростков, кажется, противоречит одной из центральных макаренковских установок: «полное и совершенно искреннее игнорирование прошлого

воспитания и их правонарушений» (см. ниже «Тезисы содоклада...», § 7 и др. материалы). На самом деле это одно из проявлений «параллельного педагогического действия»: знание прошлого сочетается с его как бы незнанием (нежеланием знать) в обращении с воспитанниками. В художественно педагогических произведениях А. С. Макаренко хорошо отражено знание прошлого воспитанников.

В указанной его центральной установке воплощается еще одно фундаментальное гуманитарное положение: человек - не продукт его биографии, а результат отношения к будущему. В сущности личности, в процессе ее становления и развития установка на будущее превалирует над значением прошлого. На этом базируется могущественная «система перспективных линий» А. С. Макаренко.

В Центральную комиссию помощи детям УССР

Копия Полтавскому окрисполкому

18 июня 1924 г. № 418

В самом центре усадьбы колонии находится паровая мельница, состоящая из двух частей: малой, крестьянского помола, и большой - торговой. Мельница, как и все имение, принадлежала раньше помещикам Трепке.

В 1920 году все имение было отдано для устройства колонии. В нем было около десятка домов, но ни в одном из них нельзя было жить, так как ни в одном не было ни одной рамы, ни одной двери, печи, не было полов, потолков, вообще ничего, кроме крыши. В течение четырех лет колония несла на себе огромную тяжесть восстановления имения. Органы Наркомпроса и ЦКПД вложили в это дело около 20.000 рублей, колония отдала на ремонт весь свой урожай, но самое главное, колония истратила на дело восстановления несколько тысяч рабочих детских дней.

В продолжении этих же четырех лет в центре колонии работала мельница, которую колония не получила потому, что мельница была исправна. Колония ежегодно обращалась с ходатайством о передаче ей мельницы и ежегодно получала отказ. Мельница из года в год переходила из рук в руки, большею частью кооперативным организациям, которые с большим или меньшим убытком заканчивали свои арендные сроки и отказывались от аренды.

В течение всех этих четырех лет работала только крестьянская мельница. Большая же стояла без дела и к последнему дню в ней уже требуется ремонт, стоящий 8.000 рублей.

Колония в этом году обратилась в Окрисполком с просьбой о передаче ей мельницы. Хотя других претендентов на аренду мельницы не было, Окрисполком поставил ей очень тяжелые условия, а именно:

Колония должна была взять в аренду не только крестьянскую, но и товарную мельницу, она должна была заплатить в 6 лет 22.000 рублей арендной платы, в течение года произвести капитальный ремонт помещений, силовых установок, специальных частей стоящей до сих пор товарной мельницы, колония должна была через 15 дней по заключении договора застраховать обе мельницы, т.е. истратить около 5.000 рублей единовременно.

Вообще Окрисполком отнесся к колонии строго формально, не делая различия между детской колонией и солидным промышленным предприятием или даже частным лицам. Это в особенности оказалось тяжелым для колонии в самый момент заключения договора. От колонии потребовалось:

1) внести вперед арендной платы - 600 рублей;

2) уплатить нотариальные пошлины - 230 рублей;

3) уплатить вперед на организационные расходы ОКРИК -- 220 рублей.

Таким образом, при самом заключении договора колония должна была выложить из кармана 1050 рублей, а через две недели уплатить несколько тысяч страховки.

Совершенно ясно для каждого человека, что не только трудовой колонии эти расходы могли оказаться не по плечу. Откуда могли взяться у трудовой колонии такие капиталы? Если бы даже они были, их бы немедленно нужно было истратить на одежду воспитанников.

Тем не менее, идя навстречу давнишнему стремлению воспитанников к мельнице, учитывая невыносимое соседство второго хозяина в центре колонии, наконец, самое главное, надеясь выйти на широкий путь производственного воспитания[1], колония по единогласному решению всех

колонистов, согласилась на все условия Окрисполкома, явно отказываясь этим от всякой надежды на прибыль.

Колония с невероятным напряжением, отказав себе в самом необходимом, собрала 830 рублей и внесла 600 рублей в кассу Окрисполкома, а 230 рублей оставила для нотариальных расходов.

Но колония возбудила ходатайство об отсрочке на некоторое время взноса 220 рублей организационных и о страховке колонией товарной мельницы только с того момента, когда она начнет работать.

В Окрисполкоме и в этом, и в другом было отказано.

После этого колония принуждена была сдаться и заявила о своем отказе от аренды.

Мы глубоко убеждены, что в дальнейшей истории мельницы возможны только три случая.

1. Или мельница никому не будет сдана.

2. Или она будет сдана какой-либо организации на более легких условиях.

3. Или она будет сдана частному лицу, обладающему солидным капиталом.

Во всех трех случаях колонии будет нанесена совершенно незаслуженная и понятная обида. Многим представителям Губ оно, НКПроса и ЦКПД известна обстановка жизни и работы колонии имени Горького, известны и жертвы, понесенные на восстановление имения. Наше нравственное право на владение мельницей, стоящей в нашем дворе, вне сомнения.

Но мы имеем еще и хозяйственное право. Только в наших руках, связанная с нашим хозяйством, мельница будет восстановлена. В то же время она поможет колонии окончательно укрепиться в качестве культурного деятеля в округе. Всякое иное решение вопроса о мельнице будет убыточным и для арендаторов, и для государства. Мы при этом глубоко убеждены, что если не теперь, то позже мельница будет отдана колонии как естественному хозяину. Мы думаем, что нет надобности откладывать это неизбежное. Тем более нужно избежать внедрения в нашу коммуну частного предпринимателя, так как это может кончиться катастрофой.

Все изложенное выше позволяет нам обратиться в ЦКПД с просьбой ходатайствовать перед ВУЦИКом о передаче мельницы б. Трепке в Ковалевке Полтавского округа в постоянное распоряжение колонии, не в порядке аренды, а в порядке долгосрочного владения.

Если мельница в течение ближайших дней будет отдана в аренду какой-либо организации или лицу, мы просим о расторжении арендного договора.

Колония обращается в Центральный орган защиты детства с горячей надеждой, что при его помощи колонии, наконец, удастся осуществить свои давнишние педагогические, организационные и хозяйственные планы. Мы глубоко убеждены, что через 2-3 года, имея в руках мельницу, колония сделается одним из интереснейших культурных учреждений Украины. В своей общине мы чувствуем для этого силы, но нам нужен еще материальный фундамент и производственные условия.

Заведующий колонией имени М.Горького *Макаренко*

Секретарь Совета командиров отрядов воспитанников *Шершнев*

Секретарь Педагогического совета *Сагредо*.

РГАЛИ, р. 332, оп. 1, ед. хр. 52. 29 августа 1924 г. Коллегия Главсоцвоса НКП (предс. И. А. Соколянский) поддержала ходатайство А. С. Макаренко о передачи мельницы колонии (на новых условиях), обратилась в Коллегию НКП с просьбой поддержать это ходатайство перед ВУЦИКом.

1 Стремление в это время «выйти на широкий путь производственного воспитания» (не просто «трудового» и «хозяйственно-трудового») – значительная веха в педагогическом творчестве А. С. Макаренко.

Письмо А. П. Сугак, 20 июня 1924 г.

Антонине Павловне Сугак

20 июня 1924 г.

Ввиду происходящего расширения колонии им. М. Горького и увеличения штата воспитателей-учителей позволяю себе в третий раз обратиться к Вам с приглашением принять участие в работе колонии. Я по-прежнему глубоко убежден, что в колонии Ваш опыт как учительницы и Ваши способности и такт воспитателя найдут себе лучшее применение, чем в школе, поскольку трудовая колония должна почитаться более передовым

типом детского учреждения и более соответствующим принципам соцвоса. Я убежден также и в том, что в колонии Вы найдете больший простор для столь ценной у Вас инициативы.

Зав, колонией *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 33. Комплектование педагогического коллектива по принципу приглашения известных по работе людей – важный аспект макаренковской организации педагогического процесса.

В Главсоцвос, ходатайство

25 июня 1924 г. № 349

Две недели назад совершенно ограблен воспитатель колонии зав. отделением в Ковалевке И. П. Ракович.

У него унесены все вещи носильные его и жены, так что ему не в чем выйти на работу. Общая стоимость украденного 1000 рублей. Принимая во внимание, что кража совершена бывшими воспитанниками колонии, рецедивистами, присланными в колонию из реформаториума и убежавшими из колонии, а также и то обстоятельство, что в момент кражи т. Ракович вместе во всеми воспитанниками своего отделения был на спектакле в I-ом отделении, я считал бы справедливым полагать, что несчастье с Раковичем произошло вследствие характерных особенностей детского состава.

Поэтому позволю себе ходатайствовать перед Главсоцвосом об оказании помощи т. Раковичу хотя бы в размере 200 рублей.

Прилагается справка Губрозыска.

Завколонией *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония в документах и материалах... Часть II, с. 17.

В губернский исполнительный комитет

11 июля 1924 № 382

Колония имени М. Горького получила в аренду от Окрисполкома паровую мельницу. Колония обязалась уплатить в течение 6 лет 22.000 арендной платы. Но она не в состоянии справиться с единовременными расходами при самом начале дела (предварительные взносы, мешки, уголь), достигающими 3.000 рублей.

Колония ходатайствует о разрешении ей пользоваться кредитом в одном из банков в размере 1.500 рублей. Колония имеет 70 десятин земли и около 30 английских свиней, могущих служить обеспечением.

Завколонией *А. Макаренко*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, Передача паровой мельницы в аренду колонии им. М. Горького с 1 июля 1924 г. по 30 июня 1926 г. произведена в соответствии с постановлениями Полтавского губисполкома 20 июня, Полтавского окружного исполкома 20 июня и 30 июля 1924 г., малого Президиума Полтавского губисполкома – на условиях, предложенных кооперативом «Красная заря» (т.е. на основаниях, равнозначных обычному производственному предприятию, но на срок более 1 года). По условиям приема-сдаточной комиссии колония взяла на себя ремонт и оборудование мельницы.

В Главсоцвос, 15 июля 1924 г.

15 июля 1924 г. №392

В прошлом году колония командировала на рабфак 6 воспитанников. Это оказало очень серьезное влияние на остальных воспитанников, и тяга к рабфаку стала одним из наилучших явлений в жизни колонии. Педсовет должен был использовать эту тягу, тем более что вообще уход из колонии для воспитанников очень труден из-за отсутствия патронирования.

К осени 1924 г. на рабфак готовились 9 воспитанников. За год ими проделана большая работа. Когда в колонии был тов. Ряппо[1], он в своем выступлении перед воспитанниками отметил, что именно они должны пополнять рабфаки, и обещал свою поддержку.

Но Полтавский губпрофобр не может предоставить колонистам ни одного места на рабфаках.

Колония обращается в Главсоцвос с просьбой ходатайствовать о командировании на рабфак 9 воспитанников колонии.

Лучше всего было бы командировать в Киевский политехнический институт, где уже имеются наши рабфаковцы.

Зав. колонией *А Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 34. На заседании коллегии инспекторов Главсоцвоса 17 июля 1924 г. просьба А. С. Макаренко удовлетворена (подпись на документе - Быковец); выписка из протокола заседания послана в

Главпрофобр 25 авг. и 23 авг. 1924 г. Телеграмма М. Н. Быковцу: «Просим телеграфировать как рабфаковцы Полтавы требование = Макаренко».

25 авг. предс. Главсоцвоса И. А. Соколянский и главный инспектор охраны детства М. Н. Быковец обращаются в Главпрофобр с напоминанием, что Я. П. Ряппо (зам. наркома просвещения) обещал выпускникам колонии места на рабфаки (потом делегация в составе: А. С. Макаренко и колонисты Д. Чевелий, М. Шелухин и Н. Лапотецкий – были у него на приеме); колонии необходимо 7 мест.

После связи с Я. П. Ряппо (был в отпуске) М. Н. Быковец телеграфировал в колонию о предоставлении ей 7 мест в харьковских рабфаках, при вузах: народного образования, медицинском и геодезическом. На рабфаки поступили М. Шелухин, Н. Лапотецкий, П. Агнивцев, А. Зотов, С. Калабалин, П. Архангельский, П. Мухин, Татьяна Литвин.

1 Ряппо Я. П. (1880-1958) – деятель просвещения, в 1921-1928 гг. заместитель наркома просвещения УССР, руководил научно-исследовательской работой в области педагогики на Украине.

В Губсоцвос. Копия Главсоцвосу

15 июля 1924 г. № 400

15 июля общее число воспитанников колонии достигло 110.

Нет никаких оснований ожидать дополнительных кредитов на одежду и еду. Не хватает много кроватей.

Поэтому прием новых воспитанников в колонию прекращается.

Завкол. *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 18, с. 2. Пометки на документе: «Тов. Качанову. 17/VII Соколянский»; «К сведению Охраны детства. 21/VII А. Качанов».

В инспектуру охраны детства НКП

20 июля 1924 г.

Ознакомившись с проектом «Устава детской трудовой сельскохозяйственной колонии», считаю необходимым сказать следующее:

1. Вообще говоря, Устав не содержит ничего такого, чего б не было во «Временном уставе детских учреждений» или в государственных законах, исключая некоторые указания о возрасте ребенка и времени пребывания ребенка в колонии.

Оригинальными параграфами являются только следующие: 2, 6, 9, 13, 16, 18. Таким образом, проект Устава представляет собой, собственно говоря,

систематизированные выписки из различных законоположений, некоторые выписки, которые сами по себе могут быть полезными для практического пользования.

Иначе и не могло быть, так как Временный устав детских учреждений чрезмерно детализирует план организации детских учреждений соцвоса, к ним относится и колония. Я считаю, что такая детализация общего устава является даже отрицательной, так как она ограничивает простор инициативы и оригинального развития того или иного детского учреждения. Исключительно поэтому во многих учреждениях нашей республики не видно никакого творчества. Я считаю, что в этом деле нам нужно прямо признаться в своем бюрократизме, полученном в наследие от прошлого и нисколько ему не уступающем.

Такая статья Временного устава, как, например, 18-я, требует, чтобы вся продажа и обмен имущества детских учреждений производились только с разрешения соответствующего органа Наркомпроса. Наличие такой статьи может привести только к одному из двух последствий: или статья совсем не будет выполняться, или она утопит все хозяйство детской колонии в бесцельной и тяжелой канцелярщине.

Вообще излишняя детализация и регламентация жизни детских учреждений, с одной стороны, очень плотно стесняет ее, до полной остановки в развитии, с другой стороны, убивает ее живые и организующие силы бесконечной перепиской и отчетностью.

Со своей стороны позволяю себе высказать такие мысли:

1. В общем для республики Уставе необходимо обратить главное внимание на обозначение юридических форм и отношений данного типа детского учреждения. Как раз до сих пор было так, что в своей экономической жизни детское учреждение не имело никаких прав и всецело зависело от снабжения. Все это вело к тому, что наше воспитание никогда не было социалистическим, ибо быть социалистическим - это значит прежде всего быть построенным на активном экономичном коллективном труде и творчестве.

В Уставе нужно четко отметить:

а) что всякая колония имеет право производства, обмена, строительства и договора. Что касается последнего, то он в каждом случае утверждается ясно обозначенным органом НКП (а не «соответствующим» органом). Производство же, обмен, строительство, купля-продажа должны измеряться только единственным критерием - успехом. Даже распределение кредитов по параграфам и статьям должно производиться самим детским учреждением. В этом случае руководящая работа НКП может иметь единую форму - приезд инспектора на место, его непосредственное вмешательство в экономическую жизнь детского учреждения, его совет, помощь, наблюдение.

Общий Устав должен дать учреждению юридическую базу для экономической активной воспитывающей жизни. Политические и педагогические указания не должны быть в Уставе совсем, для этого есть журналы, газеты, книги, и, в конце концов не к лицу принципам соц. воспитания размещаться по параграфам.

Организация жизни и труда каждого детского учреждения должна быть предоставлена ему самому. Ряд детских внутренних организаций, взаимоотношений, экономических и юридических форм - вообще вся конституция[1] учреждения должны создаваться им самим. Поэтому устав каждого учреждения должен быть оригинальным зеркалом, которое отражает все живые пути движения данного учреждения. Само собой, он должен утверждаться инспектурой, но это утверждение будет не бюрократическим, а исключительно педагогическим явлением, которое открывает богатые возможности и для педагогического руководства, и для наблюдения. А сама переписка между инспектурой и учреждениями должна вестись в форме не приказов и рапортов, а дружеской переписки[2]. Это совсем не помешает инспектуре осуществлять свои контрольные и административные функции.

По моему мнению, только такая система Устава сделает наше воспитание реально социалистическим и полностью свободным от ненужного бюрократизма. Она оживит работу и оперативных, и центральных органов. Причем первые выиграют в процессе творчества, а вторые сделаются педагогическими.

Прошу извинить, если мои соображения покажутся парадоксальными.

Завколонией *Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 34-35. А. С. Макаренко объясняет педагогический аспект в управлении воспитательно-образовательным учреждением, настаивает на усилении самостоятельности учреждения, расширении его прав в хозяйственно-экономической деятельности. Главное: Устав должен точно обозначить «юридические формы и отношения данного типа детского учреждения», привести их в соответствие с его педагогическими задачами.

1 «Конституция» как свод принципов, норм и правил, выработанных в многолетней практике педагогического учреждения, определяющих «уклад его жизни», - появилась в колонии им. М. Горького во 2-й половине 20-х гг.; ее текст не сохранился. «Конституцию страны ДЭФ», трудовой колонии им. Ф. Э. Дзержинского см.: т. 1, с. 149-151. Выдвинутые А. С. Макаренко ранее требования к такому рода документу здесь ему реализовать полностью не удалось (в области «экономической жизни», «юридических форм и отношений»).

2 Примеры свободной переписке см. в этом издании, начиная с писем М. Н. Котельникову 30 декабря 1922 г.

В оркисполком, 18 июля 1924 г.

Вследствие непомерно тяжелых дополнительных условий по аренде мельницы б. Трепке, выразившихся в значительности расходов при заключении договора, а также в условиях страхования товарной мельницы, не могущей быть эксплуатируемой, колония имени М. Горького настоящим отказывается от аренды. Одновременно с этим колония ходатайствует перед ВУЦИКом[1] о закреплении мельницы за колонией в срочное владение, как находящейся в ее усадьбе...

Завколонией А. Макаренко

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть II, с. 19. В ноябре 1924 г. А. С. Макаренко направил в Главную инспектору Охраны детства на утверждение «проект арендных условий на мельницу», составленный Полтавским оркисполкомом и колонией им. М. Горького. В начале ноября 1924 г. Главсоцвос передал этот материал юристконсульту НКП.

1 Всеукраинский центральный исполнительный комитет.

В Главсоцвос НКП, 19 сентября 1924 г.

19 сентября 1924 г. № 610

При этом высылается список персонала колонии на I сентября с. г.

В педагогическом персонале указаны две вакансии. По старому опыту, согласованному с губуправлением Рабпроса, воспитатели колонии представляются на утверждение только после двухмесячной стажировки, поэтому данные вакансии пока что должны считаться на стажировке. Пройдя стажировку, Балинская и Шило будут представлены на утверждение: первая - 6 октября, второй - 15 ноября.

Завкол. А. Макаренко

А. С. Макаренко. Теория и практика коммунистического воспитания. – Киев, 1985, с. 125. Двухмесячная стажировка воспитателей-учителей – одно из средств, в порядке опыта применяемых А. С. Макаренко в организации трудового воспитательного коллектива педагогического учреждения.

Список персонала Полтавской трудовой колонии им. М. Горького на 1 сентября 1924 г.

1. Макаренко Антон Семенович. Заведующий колонией. 36 лет. Образование: в 1904 г. окончил городскую 4-х классную по Положению 1872 г. школу, в 1905 г. окончил одногодичные педагогические курсы, в 1914 - 1917 г. - Полтавский учительский институт. Общий стаж - 19 лет. Стаж по колонии - 4 года. Выполняет работу: заведует колонией, как педагогической, так и хозяйственной частью. Отдельных заведующих этими частями нет. В то же время выполняет всю канцелярскую работу, кроме материально-учетной. В дежурстве участия не принимает, в образовательном процессе принимает участие только организационно и в отдельных лекциях. В товарищеском суде - обвиняет.

2. Поповиченко Василий Иванович. Воспитатель, помощник заведующего I колонии. 39 лет. Образование: общеобразовательные курсы с педагогическим отделением. Общий стаж - 20 лет. Стаж по колонии - 3 года 8 мес. Выполняет работу: общевоспитательные обязанности по дежурствам: *главному,* при котором осуществляется руководство работой колонии от зари до ночи; *рабочему,* которое характеризуется участием в физическом труде, и *вечернему* - во время отдыха.

Всего на неделю приходится: главного [дежурства] - 26 часов, рабочего - 10 часов, вечернего - 4 часа. Всего 40 часов.

Образовательной работы, как у всех воспитателей, с 1 октября по 15 апреля по 4 - 5 часов в день; всего в неделю, за исключением дежурных часов, 18 часов. Всего регистрированной работы 58 часов.

Нерегистрированная работа у т. Поповиченко по воспитательной должности: участие в суде, в общих собраниях, в ремонтной комиссии, характеристики.

По должности пом[ощника] завколонией - замещает заведующего колонии, когда тот вне колонии или во II колонии, а сверх того самостоятельно ведет надзор и контроль по продуктивной и материальной части. Эта работа, как показал опыт, требует много времени.

3. Григорович Елизавета Федоровна. Воспитатель, секретарь педсовета. 44 года. Образование: окончила епархиальную школу, фельдшерскую 4-летнюю школу, 2 курса медфакультета; Киевский фребелевский педагогический институт. Общий стаж — 13 лет. Стаж по колонии - 4 года. Выполняет работу: обязанности воспитательные и образовательные - см. № 2.

Как секретарь педсовета ведет протоколы, руководит учетом воспитанников и их характеристик. Ведет учет образовательной и плановой работы по составлению программ.

Принимает участие в товарищеском суде, в собраниях, в организации выставок, праздников.

4. Поповиченко Надежда Тимофеевна. Воспитатель. 29 лет. Образование: женская гимназия. Общий стаж - 9 лет. Стаж по колонии - 3 года 8 мес. Выполняет работу: см. № 2. Руководит библиотекой.

5. Архангельская Зинаида Петровна. Воспитатель. 40 лет. Образование: женская гимназия. Общий стаж - 20 лет. Стаж по колонии - 2 года 8 мес. Работа: см. № 2.

6. Сагредо Любовь Петровна. Воспитатель. 39 лет. Образование: женская гимназия. Стаж общий - 15 лет. Стаж по колонии - 2 года 1 мес. Работа: см. № 2. Кроме того, руководит всеми делами, которые объединяются вокруг музея, клуба и т. д.

7. Весич Владимир Алекс. Воспитатель. 36 лет. Образование среднее. Общий стаж - 12 лет. Стаж по колонии - 1 год 2 мес. Работа: см. № 2.

8. Ракович Иван Петрович. Воспитатель. Старший воспитатель II колонии. 29 лет. Образование: мужская гимназия. Общий стаж - 2 года. Стаж по колонии - 2 года. Работа: см. № 2. Как старший воспитатель II колонии несет все обязанности по руководству согласно указаний завколонией и педсовета.

9. Чаплян Николай Дмитриевич. Воспитатель. 24 года. Образование: Пензенская художественная школа. Общий стаж - 1 год. Стаж по колонии - 1 год. Работа: см. № 2. Как художник в образовательной работе руководит во всех группах работой детей по искусству.

10. Грейер Лидия Владимировна. Воспитатель. 23 года. Образование: женская гимназия. Общий стаж - 9 мес. Стаж по колонии - 9 мес. Работа: см. № 2.

11. Фере Николай Эдуардович[1]. Воспитатель. 27 лет. Образование: Полтавская гимназия и Киевский политехнический институт (окончил). Общий стаж — 7 мес. Стаж по колонии 7 мес. Дежурств не имеет. Как агроном по образованию, руководит всей сельскохозяйственной работой колонии. Зимой в образовательном процессе ведет всю учебную работу по теории сельского хозяйства во всех группах.

12. Вакансия — воспитатель.

13. Вакансия — воспитатель.

Инструкторский персонал

1. Богданович Семен Лукич[2]. Инструктор кузницы. 38 лет. Образование начальное. Общий стаж - 2 года 3 мес. Стаж по колонии - 2 года 3 мес.

Руководит учебно-промысловой работой кузнечной мастерской.

2. Николаенко Михаил Павлович[3]. 29 лет. Старший инструктор. Образование начальное. Общий стаж - 3 года 6 мес. Стаж по колонии - 3 года 6 мес. Объединяет работу всех мастерских и все области хозяйства, какие находятся в распоряжении мальчиков. Вместе с ними представляет колонию в хозяйственных делах.

3. Тапуць Бронислав Март. Инструктор садоводства и огородничества. 45 лет. Образование начальное. Общий стаж - 3 года 6 мес. Стаж по колонии - 3 года 6 мес. Руководит делами и работой в саду и огороде. В то же время является помощником агронома и завхоза во II колонии.

4. Кононенко Захар Янович. Инструктор швейной мастерской. 35 лет. Образование начальное. Общий стаж - 2 года 3 мес. Стаж по колонии - 2 года 3 мес. Руководит учебной и промысловой работой швейной мастерской.

5. Дикань Иван Митрофанович. Инструктор столярной мастерской. 28 лет. Образование начальное. Общий стаж - 1 год 8 мес. Стаж по колонии - 1 год 8 мес. То же по столярной мастерской.

6. Козырь Антип Антипович[4]. Инструктор колесной мастерской. 48 лет. Неграмотный.

Общий стаж - 8 мес. Стаж по колонии - 8 мес. То же по колесной мастерской.

7. Задорожный Емельян Григорьевич. Инструктор корзиночной мастерской. 43 года. Образование начальное. Общий стаж - 4 мес. Стаж по колонии - 4 мес. То же по корзиночной мастерской.

8. Ракович Ольга Петровна. Агент-инструктор. 20 лет. Образование: женская гимназия. Общий стаж - 1 год 7 мес. Стаж по колонии - 1 год 7 мес. Представляет колонию в Полтаве во всех учреждениях. Руководит всей работой мальчиков, командируемых в город..

Технический персонал

1. Весич Ивга Олеговна. Делопроизводитель. 28 лет. Образование: женская гимназия. Общий стаж 3 года. По колонии – 5 мес. Ведет финансовый и материальный учет по I колонии.

2. Сербиков Александр Львович. Делопроизводитель. 43 года. Образование: Полтавская техническая школа. Общий стаж 22 года. По колонии – 3 года 7 мес. Ведет материальный учет по II колонии.

3. Бузынная Александра Яковлевна. Кастелянша. 28 лет. Образование начальное. Общий стаж 9 лет. По колонии 4 мес. Заведует одежной кладовой. Руководит работой воспитанников по шитью.

4. Малюцкий Сергей Тимофеевич. Кузнец. 28 лет. Образование начальное. Общий стаж 5 лет. По колонии – 3 года 1 мес. Обыкновенно работа в кузнеце.

5. Глупова Ефросинья Федоровна. Экономка. 25 лет. Неграмотная. Общий стаж 2 года 4 мес. По колонии 2 года 3 мес. В ее руководстве молочное, птичье и свиное хозяйство II колонии.

6. Грищенко Силантий Михайлович. Конюх. 37 лет. Образование начальное. Общий стаж 3 года. По колонии – 3 года. Работа конюха.

7. Коба Прохор Маркович. Печник. 29 лет. Неграмотный. Общий стаж 2 года 1 мес. Проводит все печные и штукатурные работы.

8. Стебловская Ефросинья Федоровна. 42 года. Неграмотная. Общий стаж 3 года 3 мес. По колонии - 3 года 3 мес.

9. Яковлева Арина Лифантовна. 44 года. Неграмотная. Общий стаж 5 мес. По колонии – 5 мес. Кухарка II колонии.

10. Чемова Ганна Моисеевна. 41 год. Неграмотная. Общий стаж 2 года 1 мес. Хлебопекарка.

11. Андрющенко Варвара Дмитриевна. 22 года. Образование домашнее. Общий стаж 8 мес. По колонии 8 мес. Прачка.

12. Андрющенко Мария Дмитриевна. 19 лет. Образование домашнее. Общий стаж 5 мес. По колонии – 5 мес. Прачка.

13. Квятковский Адам Францович. 30 лет. Образование начальное. Общий стаж 1 год 11 мес. По колонии 1 год 11 мес. Сторож I колонии.

14. Орлов Константин Иванович. 51 год. Образование начальное. Общий стаж 2 года 1 мес. По колонии – 2 года 1 мес. Сторож II колонии.

Медицинский персонал

1. Балуева Елизавета Михайловна. 43 года. Образование: женская гимназия, фельдшерская школа. Общий стаж 21 год. Стаж по колонии – 2 мес. Фельдшерица.

Педагогический персонал: муж. – 7, жен. – 6, всего – 13.

Инструкторский	7	1	8
Технический	6	8	14
Медицинский	-	1	1

Всего мужчин – 20, женщин – 16, итого – 36[5].

Зав. колон. *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 36-37. Новаторство А. С. Макаренко в организации труда воспитателей-учителей и инструкторского персонала: она «почасная» с учетом общих часов работы, с распределением их по участкам жизнедеятельности коллектива учреждения. Отмечается и «незарегистрированная работа».

1 Фере Н. Э. (агроном Э. Н. Шере в «Педагогической поэме») работал в колонии с февраля 1924 г. по январь 1926 г.

2 Богдонович С. Л. – прототип Богданенко С. П. в «Педагогической поэме» (инструктор - кузнец).

3 Николаенко М. П. – прототип П. П. Николаенко в «Педагогической поэме».

4 Козырь А. А. – в «Педагогической поэме» Козырь-колесник.

5 Многочисленность персонала колонии вызвана ее тогдашним расположением в двух местах – Трибах и Ковалевке (I и II колонии).

В Главсоцвос. Личное дело А. С. Макаренко

16 сентября 1924 г. №609

На основании распоряжения Полтавского губсоцвоса от 12 сентября за № 6670 посылаются заполненные анкеты на заведующего колонией им. М. Горького и его заместителя.

Личное дело работника детского учреждения соцвоса.

1. Антон Семенович Макаренко, заведующий колонии им. Горького.

2. Рождение 1888 г., 1 марта.

3. Украинец. Социальное положение6 отец – рабочий-железнодорожник (маляр).

4. Неженат.

5. На содержании – мать, 64 лет.

6. Служил в старой армии, «нижний чин», 1916-1917 г. В Красной Армии не служил. На учете в Губвоенкомате, категория 1/25.

7. Членом какой-либо партии не был. Теперь не член партии.

8. Член профсоюза работников просвещения, с 1920 г., членская карточка № 882.

9. Образование общее: городское по Положению 1872 г. городское училище. Специальное, педагогическое: учительский институт – окончил в 1917 г.

10. Основная профессия – учитель. Служебный стаж на 1 января 1924 г. – 19 лет. В данном учреждении 3 года.

11. Владение языками и возможность вести обучение – русский и украинский.

12. Наказания и исправление судом - нет.

А. Макаренко

Опускула маренкиана, № 18, с. 23-25.

Главному инспектору охраны детства, 19 сентября 1924 г.

19 сентября 1924 № 611

Прошу не отказывать выслать колонии утвержденные штаты колонии им. Горького, если таковые имеются.

В то же время прошу дать указания относительно порядка тарификации колонийских служащих, а также нормы зарплаты и нагрузки, которые возникают из коллективного договора между Наркомпросом и Южбюро Рабпроса, ибо в Губуправлении Рабпроса определенных указаний не имеется.

Со своей стороны позволю себе высказать, что наиболее удобно делать тарификацию через НКП, т. к. представители Губоно в СНК не имеют возможности руководствоваться финансовыми и другими обстоятельствами в НКП.

Завкол *А. Макаренко*

Дополнение. **Врид Полтавского губпрокурора Д. В. Лондон в «Акте осмотра трудколонии для несовершеннолетних правонарушителей им. Горького» 23 сентября 1924 г. отметил: «... Заведует двумя отделениями колонии гр. Макаренко, довольно дельный работник... Всего выпущено из колонии с конца 1920 г. – 173 человека, из них в рабфаки направлено за последние 2 года – 20 чел., в 14-ю пехотную школу – 10, в 25-ю дивизионную школу – 4, направлено к родителям – 50. Все уходящие охотно переписываются с администрацией, воспитателями и колонистами...**

Воспитателями по плану ведется дневник по надзору за воспитанниками, характеристики пишутся только 1 раз в году... Воспитанники живут довольно дружно, дисциплина сознательная. Взаимоотношения между персоналам и воспитанниками хорошие... Воспитанники получают должное развитие, становятся действительными колонистами, осознавшими «труд» и призирающими дармоедство».

Недостатки: нехватка ремонтных материалов, постельных принадлежностей, белья, одежды (есть лишь по одной смене); некоторые «несуразные» решения товарищеского суда, лишение пищи, «на что обращено внимание завколонией». (Опускула макаренкиана, № 14. – Марбург, 1994, с. 10-11).

Опускула макаренкиана, № 18, с. 58-60.

Письмо О. П. Ракович, 23 сентября 1924 г.

...Сейчас я или пришел в себя, или окончательно обалдел.

...Я не могу отказаться от Вас. Пожалуйста, не пугайтесь. Я самым идеальным образом уважаю Вашу свободу. Как бы Вы ни поступили, Вы всегда будете прекрасны и всегда правы. Я искренне буду преклоняться перед любым Вашим решением. Я готов быть Вашим шафером и держать венец над Вашей головкой.

Я представляю себе: как трудно Вам понять, что у меня в душе. Я, без всякого сомнения какой-то урод. Это совершенно серьезно. Почему я сейчас не только не ощущаю своего унижения, но напротив? Я выше всех, недосягаемо выше. Вы можете позавидовать моей гордости.

Когда утром я встретился с Вами, для самого неожиданно захватила меня волна радости. Радости от того, что у нас разрыв, от того, что Вы спокойны, от того, что я в одиночестве могу любить и нет до этого никому никакого дела, от того, что я могу отделить от себя мои страдания и рассматривать их как нечто постороннее, как в микроскоп. Раньше я мог это делать только с зубной болью.

Вы мне вручили пакет с моими письмами...

Все дело, видите ли, в чем: никто не имеет права отнять Вас у меня. Даже Вы. Абсолютно никакого права. Вы - это прежде всего образ в моей душе, а потом уже Вы. А любить Вас, поклоняться Вам, всегда видеть Вас перед собою - моя воля. Я так хочу, и я так решил...

Но кто запретит мне преклоняться к Вашим ногам, к ногам Вашей чистоты и прелести, кто запретит мне убрать мое длительное самоубийство, наполненное презрением и любовью к людям, - цветами. Никто. Вы понимаете? Никто...

Ну что Вы мне можете сделать? Отнять у меня Солнышко Вы все равно не способны. А добровольно я его не отдам - потому что... Впрочем, пожалуй, это мое личное дело - почему...

Знаете что? Не можете ли Вы так устроить, чтобы на меня не сердиться? Мне, собственно говоря, это важно потому, что я ужасно люблю, как Вы улыбаетесь.

Я даю клятву только писать Вам обо всем этом. Почему? Потому что я уверен, что вот сейчас, в 2 часа ночи, Вы меня как-нибудь хорошо вспоминаете. А при встрече Вы на меня всегда злитесь. А сейчас Вы, может быть, даже плачете. Вы тем и хороши, что Вас никакой черт не разберет. Не может быть, чтобы Вы не плакали по случаю нашего разрыва. Это ж все-таки не пустяк.

Пед. соч., т. 8,с. 23-24.

В Главсоцвос, кон. сент. – нач. окт. 1924 г.

На № 2103

Штат колонии кажется увеличенным, если руководствоваться общими нормами закона. Но этот штат ничуть не самочинный. Правда, до настоящего времени колония не имела штата, утвержденного как следует. Все же, составляя персонал колонии, я руководствовался теми проектами, которые в разное время составлялись в инспектуре деф[ективного] дет[ства]. При этом я точно знаю, что проекты в некоторой степени были приняты в Наркомпросе как основа для начисления зарплаты.

Нужно заметить, что по этим проектам штат колонии предусматривается значительно больший, чем мы имеем на деле. Например, педагогического персонала по указанным проектам предусматривалось до 20. Даже и последний проект штата колонии, кажется, утвержденный в СНК, имеет приблизительно такое же количество персонала (20).

Каким образом именно эти проекты расходятся с нормами декрета 7 июня 1924 г., я точно не знаю, но слышал от тов. Котельникова, что в учреждениях для правонарушителей норма нагрузки на одного педагога меньше, чем в учреждениях нормального детства.

Что касается фактического положения в колонии им. М.Горького, то я представляю такие мотивы его реальности:

1. Педагогический персонал при существующих условиях, когда колония расположена в двух усадьбах, очень мал. В состав 13 человек педперсонала входят заведующий, агроном и два запасных воспитателя, так как по закону каждый воспитатель имеет двухмесячный отпуск. Таким образом, непосредственно на воспитательной работе остается 9 человек. Эти

9 человек, кроме главных рабочих и других дежурств, ведут 8 учебных групп (в двух колониях), т.е. выполняют только по учебной части работу значительно бо□льшую, чем в семилетней школе. Только отсутствие квартир не давало возможности раньше увеличить штаты воспитателей, ибо формальных препятствий со стороны Наркомобраза не было. Вообще нужно отметить, что нагрузка воспитателей, особенно зимой, очень велика и увеличивать ее далее невозможно.

2. Что касается инструкторского персонала, то я признаю, что он у нас немного раздут, но это возникает из-за того же несчастного факта, что колония размещается в двух имениях и приходится держать каких-то двойных служащих. Все-таки необходимо отметить, что сравнивать колонию им. Горького с другими учреждениями нельзя, так как в ней значительно больше детей. Кроме того, в число инструкторов входит старший инструктор (вместо завхоза), агент-инструктор в г. Полтаве, который совершенно необходим, как показал опыт. Стремление удовлетворить обе колонии мастерскими заставило увеличить их количество до пяти.

3. В колоний действительно имеются две прачки, но меньше их иметь и нельзя, ибо навалить на воспитанников работу прачек было бы педагогически негативным. В условиях же постоянного труда детей одежда и загрязняется и портится быстрее, чем в детском доме.

4. Кастелянша является и инструктором по швейному делу, и заведующей одежной кладовой. Поручить и ту, и другую работу воспитанникам, как показал опыт, нельзя.

5. Наличие двух сторожей, двух кухарок, двух делопроизводителей объясняется все тем же: двумя усадьбами колонии.

Штат колонии может быть сокращен только в том случае, если колония разместится в одной усадьбе. Необходимость сконцентрировать колонию в одном месте возникла уже давно, так как постоянно наблюдается педагогическая отсталость II колонии. Кроме того, много сил тратится на связь между колониями.

Сейчас II колония отремонтирована и может вместить всех: служащих и до 150 воспитанников. Первая же колония вмещает до 70 воспитанников. Поскольку нет никаких оснований ожидать увеличения числа детей свыше

150, я прошу разрешения Главсоцвоса оставить старую колонию и объединить все учреждение в одном имении б. Трепке. Это позволит сократить штат по таким должностям: воспитатель – 1, инструкторов – 2 (Тапуц и Козырь), сторожей – 1, экономка – 1, кухарка – 1, делопроизводитель – 1, кузнец – 1. Всего – 8.

После этого в колонии останется, педагогического персонала – 12, инструкторского - 6, технического - 8, медицинского – 1, всего - 27 человек.

В связи с тем, что реорганизацию необходимо провести до морозов, я прошу не задерживать ответа.

В случае согласия Главсоцвоса с предложенным планом прошу дать и указания: оставить ли 1 колонию за Наркомпросом или вернуть ее в распоряжение Окрисполкома.

Позволю себе высказать следующую мысль. I колония мало пригодна для хозяйства (песок, сосна), но очень подходит для санатория или дачи. Например, тут можно было бы устроить дом отдыха для работников просвещения, и колония могла бы взять на себя все дело организации такого учреждения. Если эта мысль по делу, я могу представить подробный проект.

Завколонией *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 18, с. 67-69, 188-189. Пометы: 8/X – 24 г.; т. Быковцу.

25 октября 1924 г. исп. обязанности Главного инспектора охраны детства М. Н. Быковец в докладной записке в Коллегию НКП, поддерживая доводы и предложения А. С. Макаренко, отметил необходимость согласовать данный вопрос с Центральной комиссией помощи детям (на ее деньги, 10 тыс. руб., отремонтированы здания II колонии, возник план ее расширения до 200 воспитанников). «... Мной дано распоряжение заведующему колонией сконцентрировать всех детей во 2-м имении, ... а в 1-м имении иметь только охранный отряд и использовать необходимые хозяйственные строения».

Тезисы содоклада на Всеукраинском совещании комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей

1. Посылка несовершеннолетнего в трудовую колонию должна сделаться главной мерой комиссий[1], поскольку вообще ставится вопрос о перевоспитании, а не только изоляции. Возвращение несовершеннолетнего в

семью есть мера педагогически нейтральная, патронат[2] же может иметь значение только в том случае, если мотив правонарушения только нужда. Артели для подростков имеют много недостатков, если члены артели не прошли предварительного опыта трудового коллектива.

2. От идеальной организации трудовой колонии мы еще далеки. Однако для улучшения постановки колонии требуется не так много. Самое главное, что необходимо сейчас, - отказ от ремесленно-соцвосовского характера хозяйства. Колонии должны быть развернуты в солидные хозяйства с таким расчетом, чтобы колония могла организовать по своей периферии[3] сельскохозяйственные коммуны из выпускников или включать их в хозяйство в качестве рабочего или административного персонала.

3. При указанных условиях прежде всего будут достигаться именно воспитательные цели, а не цели хозяйственные. В частности, здесь идет речь о еще очень мало исследованной области влияния сложной и широкой коллективной организации на члена коллектива. Но что это влияние положительно, уже можно утверждать.

4. Режим трудовой колонии должен находить свои формы исключительно в логике хозяйствования. Все, что вытекает из этой логики (строгая дисциплина, гласный и точный отчет, фактическое, а не юридическое самоуправление, равенство прав и обязанностей, экономность и точность выражения, ясная, строго приспособленная к делу рабочая организация), обязательны для трудовой колонии. Все, что противоречит ей, должно быть отброшено, хотя бы оно и рекомендовалось в педагогической теории.

5. В направлении к созданию специальных условий детского коллектива необходимо обязательно привнести в этот коллектив начало игры (приблизительно по типу внешних форм скаутизма), интересные и яркие формы коллективных движений, жизнерадостный и бодрый общий тон, гордость своей колонией.

6. Учебные занятия должны быть организованы в следующих целях: а) для полной ликвидации всех видов неграмотности уже запущенных подростков: б) для общего широкого развития тех, кто еще способен учиться

и дальше; в) для специальной подготовки наиболее способных к поступлению в техникумы и рабфаки.

7. Все перечисленные условия принесут пользу исключительно в том случае, если главное внимание НКП будет обращено на организацию такта. В частности, нужно: а) полное и совершенно искреннее игнорирование прошлого воспитанников и их правонарушений; б) полный отрыв от всех судебных и карательных органов, в том числе и от комиссий по делам о несовершеннолетних; в) полный отказ от принудительного держания в колонии и формальной борьбы с побегами; г) обязательный прием в определенном размере детей, не совершивших правонарушение, по их просьбе и по постановлению общего собрания колонии; д) полный отказ от термина «правонарушители» или «несовершеннолетние» в официальных сношениях с НКП и его органами; е) в особенности важен тщательный подбор воспитателей, который должен производиться исключительно руководителем колонии.

Пед. соч., т. 1, с. 37-38.

На этом совещании Макаренко выступил 10 октября 1924 г. по вопросу о «методах борьбы с правонарушениями несовершеннолетних», как содокладчик к докладу И. А. Соколянского. В отчете о совещании сказано: «Особый интерес вызвал доклад представителя Полтавской колонии им. Горького, достигшей в своей работе достаточно больших результатов» (Путь просвещения, Харьков, 1924 г., № 10, с. 254-255).

Многие выдвинутые А. С. Макаренко в этом сообщении положения, относящиеся к работе с несовершеннолетними правонарушителями, он в дальнейшем характеризовал как общепедагогические, см. §§ 4, 5,6, 7 г: уклад жизни педагогического учреждения, основанный на «логике хозяйствования»; «привнесение» в этот уклад «начала игры», дифференциация учебной работы, забота о жизненном устройстве выпускников; «подбор воспитателей» руководителем учреждения.

Позднее И. А. Соколянский вспомнил: «Я беру на себя ответственность и смелость утверждать (в этом суть успеха А. С. Макаренко), что когда он пришел в свою колонию, он потом не изменился, до самых последних своих дней... Разумеется, некоторые черты менялись, но у меня сложилось впечатление, что он пришел на эту работу уже сформированным – в смысле оценок решающих факторов в организации и перестройке детской жизни...» (цит.: Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко. Подг. А. А. Фролов. – Горький, 1976, с. 11).

1 Имеются в виду комиссии по делам несовершеннолетних, комонесы.

2 Патронат – передача в семью детей сирот, с представлением государственного денежного пособия, под контролем государства.

3 Проект «крупного воспитательного предприятия» А. С. Макаренко составил и направил в Главсоцвос в августе 1925 г. (см. тексты ниже).

4 Скаутизм – возникшее в конце XIX в., ставшее международным общественное детское и юношеское движение. В России возникло в 1911-1914 гг. Широко использует практическую активность, символику, атрибуты, организующие и дисциплинирующие факторы, игру, индивидуальное соревнование.

***Дополнение.* В октябре, к 7 ноября 1924 г. горьковская колония закончила капитальный ремонт бывш. имение Трепке у с. Ковалевка и полностью перевела свою базу из Триб на новое место. Восстановительные работы, продолжавшиеся три с половиной года при активном участии колонистов и наемных квалифицированных рабочих, материально и финансово поддержанные различными организациями, - стали важнейшим фактором воспитания.**

14 октября 1924 г. зав. Полтавским окружным финотделом Пружинин сообщил Президиуму окрисполкома: «Колония им. Горького взяла по соглашению с Окрзу на 9 лет имение бывш. Трепке, 78 дес. 1200 саж. с 12 строениями в усадьбе и за все должна уплатить только 117 педов пшеницы за год, т.е. по 1 пуду 20 фунтов за десятину – почти что самый низкий размер арендной платы по округу... Окрфинотдел считает, что колония им. Горького, как и другие учреждения округа, должна выполнять свои обязанности согласно условий с Окрзу и потом просим дать разрешение на взыскание в окрбюджет всей задолженности, 53 р. 10 к. (РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 123).

13 ноября 1924 г. на заседании Коллегии инспекторов Главсоцвоса, при обсуждении вопроса о подготовке съезда работников Охраны детства решено считать целесообразным командировать на этот съезд А. С. Макаренко и М. Н. Котельникова, в дополнение к командированию И. А. Соколянского, Р. Л. Берлин, и М. Н. Быковца (Опускула макаренкиана, № 25, с. 125).

В ЦК Всерабпроса. Доклад о состоянии колонии им. М. Горького

1 января 1925 г. № 7

По поводу ходатайства вашего во Всерабпрос о шефстве над колонией им. М. Горького имеем честь представить доклад о состоянии колонии.

1. История колонии

Колония открыта а сентябре 1920 года Полтавским губнаробразом в имений бывшей колонии малолетних преступников в 8 верстах от Полтавы. С 1917 г. здесь был пустырь, имение понемногу расхищалось живущими вблизи крестьянами и теми, кто в нем временно размещались (Собес, пленные поляки и другие). Поэтому колонии пришлось с первых же дней приступить к ремонту, на который небольшие средства отпускались губнаробразом.

Имение бывших малолетних преступников имело при себе 12 десятин пахотной земли, но это был исключительно песок, очень мало пригодный для земледелия. Поэтому уже с ноября 1920 года колония начала искать имение, более подходящее для задач колонии. Такое имение нашлось в 3 верстах, это усадьба помещиков Трепке, которое колония и получила с 40 десятинами земли. Но это имение удалось легко получить только потому, что оно было совсем разрушено. Из пяти жилых домов не было ни одного, который имел бы окна, двери, полы и печи.

В 1920 году колонисты надеялись за год сделать ремонт этих домов и нескольких служб, еще более разрушенных. Правда, Полтавский губисполком предоставил колонии некоторые средства, но их было достаточно только для ремонта одного небольшого дома, в котором колония и поселила свой первый отряд - 6 ребят, дав ему задание охранять имение от дальнейшего разрушения.

С той поры и до ноября 1924 года, в течение четырех строительных сезонов колония проводила капитальный ремонт, тратя на это всю прибыль своего хозяйства и все вообще излишки, которые могли быть из государственных источников. Колония и поныне оборудована примитивно, ибо все сбережения и все заработанное колонией поглотил ремонт. И колония не скоро бы его закончила, если бы не помог ЦКПД[1], который в этом году выдал колонии 6000 рублей.

В 1924 г. ремонт почти был окончен, и колония 7 ноября оставила имение бывших малолетних преступников и расположилась на новом месте, всего за 4 года капитально отстроив 5 жилых домов и несколько служб.

Как уже было отмечено, ремонт отрицательно сказался на быте колонии. Вот хотя бы в этом году: к 6000 рублей, которые мы получили от

ЦКПД, нам из своих хозяйственных средств пришлось добавить на ремонт около 3000 рублей. Не будь ремонта, колония могла бы эти значительные деньги истратить на одежду и оборудование.

Если процесс ремонта характеризует одну сторону нашей истории, то нехватка оборудования и примитивный быт (материальный) характеризуют другую сторону. За четыре года колония довела детский состав до 120 воспитанников, но никогда и ни от кого она не получала средств на оборудование, а поэтому вся ее мебель и обстановка очень бедные.

В 1924 году колония, после трехлетних ходатайств, получила паровую мельницу, которая находится в колонийской усадьбе и раньше арендовалась разными учреждениями. Несмотря на самое энергичное ходатайство, даже перед ВЦИК, мельницу удалось получить не в собственность, а только в аренду и на очень тяжелых условиях, всего на два года. Нужно отметить, что и сама усадьба бывш. Трепке передана колонии не в собственность, а тоже в аренду, на 9 лет, несмотря даже на то, что имение почти заново отстроено колонией. Пока что колония игнорирует арендный договор и не платит по нему, но чем это закончится, сказать трудно.

Параллельно материальному развитию колонии происходило и ее педагогическое развитие. Более или менее успешно ей удалось закончить поиск организационных форм своей деятельности к весне 1922 года. Ревизия Наркомпроса этой же весной признала нашу организацию достаточно правильной, и колония была взята на госбюджет. В таком положении она находится и теперь.

В деле педагогическо-организационного развития колония не переживала никаких пертурбаций, скачков, перестроек. Главные принципы, которые были заложены с самого начала в ее организацию, остались главными и по сей день. Этого удалось достичь потому, что активная группа воспитателей, а также заведующий колонией работают в ней с самого начала, то есть с 1920 года.

2. Педагогическое положение

Формальная цель педагогической работы колонии - исправление социально и этически запущенных детей-правонарушителей. Но с самого начала педагогический коллектив отказался рассматривать цель своей работы

как специфическую, отнесся к воспитанникам как к обыкновенным детям, не выходя за рамки социального воспитания.

Но основные принципы социального воспитания никогда не были настолько детализированы в практических формах нашими руководящими органами, чтобы нам не оставалось широкое поле для инициативы. В порядке толкования и развития основных принципов соцвоса мы пришли к следующим выводам.

Организация социального воспитания строится у нас путем комбинирования живых, реальных процессов жизни, а именно процессов хозяйствования, труда, познания[2] и игры[3] Экономное и полезное употребление этих процессов возможно лишь при одновременном влиянии дисциплины и самоуправлениям[4]. Вообще проблему дисциплины и самоуправления, как показывает опыт советского соцвоса, очень трудно решить практически.

В теоретических писаниях эта проблема решается легко: дисциплина трактуется как производное от самоуправления и самоорганизации, но на опыте это нигде не доказано. Педагогический коллектив колонии установил такую точку зрения, согласно которой дисциплина и самоуправление должны быть равнозначными компонентами общественной жизни. Та сила, которая делает проблему дисциплины ясной и достаточно острой, лежит в процессе хозяйствования.

Логика хозяйства - это есть логика здравого гражданского долга личности в пределах коммуны. При таком подходе самоуправление делается суммой функций труда, хозяйствования, ответственности и контроля, а отнюдь не функцией болтовни и резолюций.

Указанная система практикуется колонией уже пятый год. Дополненная учебой и игрой, эта система, на наш взгляд, себя оправдала. Доказательства тому мы видим в фактах морального исправления очень тяжелых социальных комплексов. Теперь для коллектива колонии моральные негативы представляют задачу более легкую, чем негативы интеллектуальные. Оправдание нашей системы мы находим и в самих фактах колонийской жизни. Несмотря на множество тяжелых обстоятельств и на то, что в колонии всегда имелось 25—32 новых воспитанников, часто

рецидивистов, колонийская коммуна представляет собой крепко спаянную, очень дисциплинированную рабочую общину, но в то же время с постоянным веселым и оживленным настроением. Хотя колонийская дисциплина очень требовательна, нам почти не приходится применять наказаний.

Очень тяжелой проблемой остается до сих пор дело выхода колонистов из колонии. Для способных ребят нам удалось найти выход к рабфаку. Тот факт, что мы имеем в Киеве и в Харькове десяток своих студентов, дает половине воспитанников надежду самим попасть туда. Наши рабфаковцы приезжают в колонию на каникулы и считают себя по-прежнему колонистами. Харьковские рабфаковцы, например, составляют «7-й отряд» колонистов, живут вместе и поддерживают колонийскую дисциплину, хоть и учатся все на разных рабфаках.

Этот «7-й отряд» является идеалом, о котором мечтает много наших воспитанников. Но, само собой разумеется, что нам не удается послать всех желающих на рабфаки. Это нам тем более трудно, что некоторые рабфаки, как, например, в Киеве, косо смотрят на наших ребят, все вспоминая их прежние «преступления» и оскорбляя этим и рабфаковцев, и всю колонию.

Хуже обстоит дело с теми ребятами, которые по разным причинам не имеют надежды попасть в вуз. Нынешняя безработица закрывает им путь к производству. Если и удастся какого-то юношу пристроить на работу, его все равно раньше или позже сократят, и он снова вернется в колонию.

Некоторым выходом является для нас женитьба наших парней на крестьянских девушках. Таких случаев было несколько. Крестьянские семьи, не имеющие сыновей, принимают наших воспитанников в зятья, «в примаки»[5]. Это дает некоторый выход юношам, неспособным к учебе, которые любят сельскохозяйственный труд. Но этот выход очень труден с педагогической стороны: приходится сквозь пальцы смотреть на все отрицательные условия крестьянского «женихания», «улицу», переживать последствия различных «ревностей», а часто и целые драмы, вообще приходится отходить от коммунарского тона и делать уступки мелкобуржуазной стихии.

Надеемся, что как только Советское государство поставит на ноги производство, то и нашим ребятам облегчится выход в жизнь, а пока что нам приходится содержать в колонии совсем взрослых и тем уменьшать пропускную способность колонии.

Заканчивая обзор педагогической работы колонии, нельзя не отметить, что колония с самого начала имеет у себя не только юношей, но и девушек. Теперь их - 9.

3. Хозяйственное положение

Имея всего 40 десятин земли, которую колония получила в 1921 году, она организовала на этом поле культурное хозяйство с шестипольным севооборотом. Землю колония получила очень засоренную, поэтому пока все участки не пройдут через пар, нельзя говорить о совсем достигнутой цели. На тех полях, где сорняков уже нет, нам удалось собрать до 200 пудов пшеницы с десятины.

Но земли все-таки очень мало. При 120 воспитанниках и 12 воспитателях нужно иметь не менее 132 десятины земли[6]. Никакой надежды получить еще земли нет из-за того, что вся земля вокруг занята крестьянами. К тому же Полтавский окрисполком всегда относился к колонии не сочувствующе, и это доказано не раз, особенно в делах аренды имения Трепке и мельницы.

Не имея надежд на расширение полевого хозяйства, колония обратила внимание на животноводство. К сожалению, и в этом деле всегда не хватало капитала, он целиком уходит только на ремонт домов. Поэтому и развитие животноводства было очень затруднено. Пришлось начинать буквально с одного поросенка, одного теленка и пары гусей, выпрошенных то там, то сям. С большим напряжением и вновь отказывая себе в самом малом комфорте, нам пришлось продвигать вперед свое животноводство. Дело осложнялось еще тем, что не хотелось ограничиваться простым увеличением поголовья, хотелось иметь, вывести еще и породу.

Сейчас в колонии 63 свиньи английской породы, три коровы, десятка три гусей, полсотни кроликов, десятка два овец. Ограниченное количество земли и луга и в деле животноводства положило свои границы: покупать корм теперь невыгодно. Удалось увеличить живой и мертвый инвентарь:

имеем 8 коней, 2 жатки, 2 сеялки, конную молотилку, бункеры, веялки, плуги - все, что нам нужно.

Паровая мельница, которую мы получили в аренду от окрисполкома, наверное, не даст сколько-нибудь значительной прибыли из-за очень тяжелых условий аренды и эксплуатации. Возможно, нам придется довольствоваться только тем, что наши ребята приобретают на мельнице квалификацию.

Подытоживая обстоятельства нашего хозяйства, должны отметить, что главным его недостатком является отсутствие какого бы то ни было капитала. В колонии наращивание капитала проводится исключительно за счет труда воспитанников. К тому же колония, как существующая на госбюджете, лишена права кредитования.

Если рассматривать колонию как сельскохозяйственный коллектив, то нужно удивляться тем невозможным условиям, в которые поставлена жизнь этого коллектива. Возьмем любой сельскохозяйственный коллектив взрослых: он получает сразу и землю, и инвентарь, пользуется землей, пользуется разнообразной поддержкой государства.

Наша колония рассматривается только как педагогическое учреждение. Следовательно, хозяйство является для нас первым и главнейшим условием социально-экономического воспитания, поэтому оно должно быть организованно достаточно крепко. Наше же хозяйство должно было потратить 4 года только на организацию самого примитивного капитала, который сейчас помещается в нашем живом и мертвом инвентаре.

Дополнительно при хозяйстве в колонии имеется четыре мастерских, которые не могут быть промышленными по многим причинам. Их продукция вся поглощается хозяйством, понемногу заполняя все недостатки оборудования.

4. Быт

Хронический недостаток оборудования, который возник из-за того, что на оборудование колонии средства никогда не давались, и из-за того, что хозяйственная прибыль использовалась на ремонт, наверное, еще не скоро будет ликвидирован. На протяжении четырех лет колония увеличила свое население до 120 ребят. Каждое добавление не только не поддерживалось

расширением оборудования, но и вело к его уменьшению, ибо использование, например, одежды, всегда увеличивается с того момента, когда уже нет времени ее ремонтировать. Имея сейчас ассигнования НКП на одежду из расчета на 120 ребят, мы не имеем ничего для тех десятков воспитанников, которых мы выпускаем из колонии, и для тех студентов-рабфаковцев, которых мы должны поддерживать.

Притом НКП не учитывает того, что в трудовой колонии одежда изнашивается значительно быстрее чем в детском доме.

Эти и другие причины никак не могут быть скоро и окончательно устранены. Поэтому нам придется, вероятно, еще долго мириться с тем, что колонисты оборваны, спят по 2, а то и по 3 человека на кровати[7], что вся наша мебель состоит из простых столов и лавок. Почти полное отсутствие внешнего комфорта очень вредит нашей работе. Особенно новые воспитанники остро реагируют на нашу бедность, она им кажется лучшим доказательством то того, что красть выгоднее, чем трудиться.

Только старые колонисты хорошо знают, что реальные результаты их труда - это несколько почти заново отстроенных зданий.

5. Ближайшие проблемы колонии

1. Главное, что нужно колонии как педагогическо-хозяйственной коммуне, - это тип организации, более соответствующий всем ее задачам. Кредитование колонии Наркомпросом, которое проводится так же, как и для всех госучреждений просвещения, совсем не пригодно для учреждения типа коммуны.

Даже зарплата воспитателям у нас должна определяться хозяйственным способом, не как служащим, а как членам хозяйственного коллектива, в зависимости от всех его приобретений. Тем более, коммуне должно быть дано право более свободно распоряжаться кредитами, которые сейчас ограничены по параграфам. Наряду с этим необходимо, чтобы колония знала свою смету на весь год вперед, а не как теперь: в одном месяце не знает, что она будет иметь в другом.

2. Очень важная потребность колонии - увеличение земельного участка до 150 десятин, ибо нынешний участок в 40 десятин не соответствует запасу

рабочей силы в колонии. Вместе с тем крайне необходимо помочь колонии одновременным вложением капитала.

3. Следующая важная потребность - это закрепление в собственность колонии всего ее недвижимого имущества, в том числе и паровой мельницы, чтобы окончательно покончить с очень тяжелыми арендными условиями.

4. С педагогической стороны нужно как можно скорее обеспечить колонистов прямым выпуском из колонии в жизнь, в той или иной форме патронирования. Особенно же нужно обратить внимание на ежегодное бронирование определенного числа мест на рабфаках.

5. Ближайшими же днями нам нужно употребить все меры к тому, чтобы покончить с недостатком оборудования - белья, одежды, кроватей, мебели и др.

6. Перспективы

Когда обозначенные выше потребности хоть частично будут удовлетворены, колония будет иметь возможность быстро продвинуться вперед. Собственно, мы считаем, что в пределах нашего небольшого задания проблема исправления правонарушителей решена. Для ее окончательного решения мы нуждаемся только в увеличении материальных средств и приспособлении юридических норм к условиям жизни производственной коммуны.

Если наши условия улучшатся, мы представляем себе в будущем серьезную, дисциплинированную производственную семью колонистов, крепкую в хозяйстве, просвещенную в знаниях, которая вокруг себя учредит трудовые коммуны бывших колонистов, связанных с ней культурно и экономически.

Зав. колонией *А. Макаренко*

А. С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт / сост. А. А. Фролов. – Н. Новгород, 1992, с. 24-31. На документе пометы: 33/№ 85, 10/I-25 г.; На засед. президиума 13/I-25 г. подпись. В письме 16 января секретарь Всеукраинского центрального правления рабпроса Пекарский сообщил А. С. Макаренко: «... Президиум ВУЦП Робос на своем заседании 14/I-25 года постановил взять шефство над порученной Вам трудовой колонии им. М. Горького».

В этом докладе А. С. Макаренко четко показал первостепенное значение «социально-экономического воспитания» в своем опыте;

хозяйство рассматривается как «первое и главнейшее условие воспитания»; отмечен факт «параллельности» процессов «организационно-педагогического» и «хозяйственного». Коллектив колонии определяется как «сельскохозяйственный коллектив», «хозяйственный коллектив», «педагогическо-хозяйственная коммуна» (игнорируются понятия «трудовое воспитание», «трудовой коллектив»). Ставится вопрос о радикальном изменении общепринятых «юридических норм» хозяйствования в деле воспитания.

Идеи этого доклада развиты в «Очерке работы Полтавской колонии им. Горького» (см. тексты ниже).

1. Центральная комиссия помощи детям УССР.

2. Подразумевается, вероятно, обучение в школе.

3. В дальнейшем А. С. Макаренко применяет термин «военизация-игра».

4. А. С. Макаренко делает имеющее огромное теоретическое значение вывод: создание объективных условий для воспитания (условий труда, хозяйствования) недостаточно. Их действия тесно связанны с субъективными факторами. Как говорится ниже, «равнозначными компонентами общественной жизни» должны стать дисциплина и самоуправление.

Это относительно самостоятельные, самоценные педагогические явления, хотя они и коренятся в условия труда и хозяйствования. Необходима «система дисциплины», она не может механически возникать под влиянием условий труда и самоуправления. Диалектическое соединение объективных потребностей, условий самоуправления и требований дисциплины обеспечивает такую эффективность хозяйственно-трудовых и педагогических действий, при которой «муштра», формализм, искусственность и принудительность становятся невозможными.

Обстоятельства здесь в такой же мере «творят людей», в какой люди «творят обстоятельства». Снимается противоречие: человек как объект и субъект воспитания. Подчинение необходимости при ее осознании и направлении в интересах человека обеспечивает ему подлинную свободу, исключающую произвол.

Позднее, в третьей части «Педагогической поэмы» (1935 г.) А. С. Макаренко отстаивал мысль о том, что дисциплина «вырастает из социального опыта, из практического товарищеского коллективного действия» (т. 3, с. 390). В начале 1938 г. он сформулировал тезис: «Дисциплина сопровождается сознанием, но не вытекает из сознания (знания – А. Ф.), вытекает из опыта» (т. 4,с. 121).

5. Это важный вывод А. С. Макаренко: расчет иметь 1, 12 дес. земли на одного воспитанника-подростка (примерно 1 га), при отсутствии машинного парка, широком применении ручного труда.

6. Примак – здесь, принятый в семью жены, что считалось для него унизительным.

7. А. С. Макаренко здесь «сгущает краски» чтобы, видимо, усилить необходимость помощи.

8. Такое положение воспитателя естественно вытекает из его работы в системе жизненного, «социально-экономического воспитания».

В Главсоцвос, 8 января 1925 г.

8 января 1925 г. № 29.

Ввиду то, что в деле питания с осени колония могла доставать продукты дешевле средних цен, остается не истраченными на питание денег 1000 рублей. В то же время есть очень большая потребность в одежде, которая давно не удовлетворяет.

Поэтому прошу разрешение Г. С. В. перевести выданные в сумме 1000 рублей с §15 ст. 5 на §15, ст. 6.

Завколонией *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 18, с. 112. Пометы на документе. В финуправление. Тов. Качанову. См. 1286 12/I-25; Главсоцвос считает необходимым удовлетворить просьбу колонии. О результатах прошу сообщить. 15/I-25. Кириченко; В материальный отдел на заключение. 18/II- подпись; Тов. Качанов, разрешить. 18/II- подпись; Разрешено. В дело.

В Главсоцвос. Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних

8 января 1925 г. № 30

Колония им. М. Горького просит прислать колонии последний договор НКП с Рабпросом, без этого договора невозможно сделать тарификацию.

Завкол. *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 18, с. 114. Пометы: Договориться. Берлин; Нового кол. договора еще нет. Составляется. 15/I-25. А. Качанов. Об этом Р. Л. Берлин 19 января 1925 г. сообщила А. С. Макаренко. Коллективный договор «будет послан Вам своевременно».

Председателю Губисполкома

12 января 1925 г. №36

Колония им. Горького обращается к Вам с просьбой помочь колонии в деле передачи ей в собственность имение б.Трепке, в котором сейчас помещается колония и которым колония владеет на условиях аренды.

Колония обращалась с этим прошением через окрисполком, но дело не пошло далее окркоммунотдела.

Арендное условие, по какому колонии передано имение, является, очевидно, большим недоразумением. Сколько ни действует на Украине детских учреждений, трудно найти такой случай, чтобы имущество и земля передавались детям за плату. Колонии имение передано сначала без каких-либо условий на основе распоряжения губисполкома, по ордеру у исполкома в 1920 году, но в 1922 году Управление государственным имуществом принудило колонию заключить арендный договор. Колония не могла спорить с Управлением, потому что последнее уже приступило к продаже домов колонии и один дом даже был продан на слом.

Интересно, что арендный договор был навязан колонии, несмотря на то, что она не получила ни одного целого дома, а все без исключения в руинах, без окон, дверей и печек. Колония потратила очень много сил, денег, для того, чтобы отстроить имение. Целых 4 года длился ремонт, и только в ноябре 1924 года ремонт почти был закончен, и колония перебралась в это имение.

Колонисты надеются, что и эта проделанная строительная работа, и общие принципы советского права достаточно аргументируют необходимость передать имение колонии в собственность.

К этому же ведут и хозяйственные задачи. Например, колония получила очень запущенную землю. При шестиполье ее удастся очистить от сорняков только через 6 лет. Аренда рассчитана на 9 лет, значит колонии придётся только три года пользоваться чистой почвой. Также много расходов колония вложила в животноводство.

Когда закончатся 9 лет аренды, колония вынуждена будет или оставить имение или пойти на самые тяжелые арендные условия, только бы оставить за собой хозяйство.

Когда составлялся арендный договор, из всей территории колонии были выделены земля и здания паровой мельницы, которая находится во дворе колонии. Мельница была отдана в аренду разным кооперативным учреждениям. Колония три года добивалась, чтобы мельница была передана ей. Само собой, колония рассчитывала, что эксплуатация мельницы поможет хозяйству колонии. Главным образом колония хотела избавиться от очень неудобного положения, когда в самом центре колонии помещается другой хозяин. Положение это тем более являлось тяжелым, что наши воспитанники-правонарушители требуют в значительной мере особых условий организации. Наконец, колония надеялась, что на мельнице наши мальчики получат квалификацию, какая им пригодится в жизни.

Мельницу колония получила только в 1924 году, на очень тяжелых условиях. Они характеризуются, например, тем, что за 4 месяца эксплуатации мельницы колония не заработала ни копейки, и даже труд воспитателей и хлопцев оказался неоплаченным.

Все вышеуказанные хозяйственные обстоятельства не позволяют колонии развиваться. Главным образом это все происходит от того, что колония находится на госбюджете и местные органы не имеют особых оснований сочувствовать колонии. Поэтому, наконец, и пришлось колонии, проделав грандиозную строительную работу, какой, мы уверены, нет равной в истории учреждений соцвоспитания, все-таки не владеть имением, а мельницу получить на условиях, которые частный капитал бы не выдержал.

То, что колония содержится на госбюджете, должно было бы, наоборот, побудить местные органы к оказанию помощи колонии. Во всей Украине только на одной Полтавщине колония правонарушителей не отягчает местный бюджет. Это достигнуто только благодаря продуктивной работе колонии, и как раз поэтому можно надеяться, что 1200 рублей арендной платы за мельницу и 200 рублей за имение можно с колонии не брать. Вместе это составляет 1400 рублей, в то время как колония имеет по годовой смете до 40000.

Мы надеемся, что Губисполком согласится с нашими аргументами и передаст колонии все имение с мельницей в собственность. Только в этом случае хозяйство колонии будет поставлено в естественные условия.

Заведующий колонией *А.Макаренко*

Представитель воспитанников

Опускула макаренкиана, № 18, с. 122-124. Пометы: 14/I-1925; На заключение окрисполкома. Подпись; На заключение Полтавского окрисполкома, после чего поставить на Мал. президиум, с вызовом т. Огия. Подпись. 13/I-25.

Секретарь Полтавского губисполкома Кополевич 14/I 1925 г. писал в Полтавский окрисполком «При этом посылается отношение трудколонии им. Горького № 36 для дачи вывода по существу». 16 января предс. Полтавского ОИК Прохоренко обратился в окрземуправление: «...Президиум ОИК предлагает по существу этого дать выводы для доклада Президиума...». Постановление Малого Президиума Полтавского ОИК 26 янв.: «На основании вывода окрземотдела в просьбе колонии им. М. Горького отказать», предс. Огий.

5 февраля зам. председателя Полтавского губисполкома Крупко сообщил в колонию им. М. Горького, что «угодия государственного фонда ни в коем случае не могут быть переданы в собственность кому бы то ни было. Арендная плата с колонии установлена минимальная, и никаких других обязанностей на нее не возлагалось». (Дается по кн.: Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть III, с. 68).

Письмо О. П. Ракович, 13 января 1925 г.

Лили! Кристалл души моей!

Свободный почему-то вечер. Хочется в тишине думать о чем-нибудь красивом, о чем-нибудь настоящем. Людишки надоели.

Думаю.

На свете есть только настоящие вещи: красота и сила. Все остальное - шарлатанство. Я думаю о красоте. Красота бывает разная. Бывает красота носа или ноги. Это, конечно, хорошо. А то еще бывает красота доверчивого осторожного взгляда краешком глаза. Улыбающегося глаза. А то еще бывает красота покрасневшей от смущения радости.

Красота бывает разная!

Вот и я думал о красоте.

Бывает еще и красота глупого письма без ответа. Вы думаете это не красота? Вы ничего не понимаете, сударыня, вообще ничего не понимаете.

Это такая «сильная» красота, что подходить к ней ближе могут не все и не часто.

Спасибо, что выслушали мою болтовню в тихий вечер. Почему-то так захотелось поговорить именно с Вами. Большею частью я разговариваю с лампой, горящей на столе. Это тоже занятие... спокойное. Вероятно потому, что я привык к покою. У меня, знаете, масса всяких привычек.

Ваш *А. Макаренко*.

Пед. соч., т. 8, с. 24.

1. Тезис «Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, - это сила и красота» - в сочетании с мыслью о том, что «человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного», - А. С. Макаренко положил в основу своей «системы перспективных линий», основополагающей теории успешного и плодотворного развития личности в процессе ее социальной значимой и личностно мотивированной коллективной деятельности. Впервые эта теория им изложена в третьей части «Педагогической поэмы» (Пед. соч., т. 3, с. 396-398, 471-472). Затем она раскрыта в отдельном параграфе «Методики организации воспитательного процесса» (1936 г., в Пед. соч. т. 1, с. 311-316).

Во Всеукраинскую комиссию по делам несовершеннолетних, 18 января 1925 г.

Прошу разрешить мне отпуск с 1 февраля по 1 марта сего года. Колонию прошу разрешения передать моему помощнику Ивану Раковичу.

Со дня основания колонии (с 1920 г.) я отпуска не имел, поэтому очень устал. Отдохнуть, оставаясь на отпуске в колонии, невозможно. Если есть какая-нибудь, возможность прошу выдать мне пособие, чтобы я смог выехать из колонии куда-нибудь.

Заведующий колонии им. М. Горького А. Макаренко

Полтава, 18 января 1925 г.

Опускула макаренкиана, № 18, с. 128. Пометы: вх. 23/I-25 г. Отделу: Комиссии; Поговорить с тов. Качановым. Берлин. Ответ в.и.о. Главсоцвоса В. А. Арнаутова и предс. Всеукр. комиссии по делам несовершеннолетних Р. Л. Берлин 27 янв. 1925 г.: «Главсоцвос не возражает против предоставления Вам отпуска с 1/II по 1/III с.г.» В отношении пособия «Главсоцвос предлагает Вам взять с этой целью деньги из хозяйственных средств колонии в размере Вашей месячной зарплаты».

Через труд и самоорганизацию - к новой жизни

[Начало 1925 г., февраль,
не позже марта]

I

Видели ли вы когда-нибудь ребенка-преступника? По-видимому, видели, да и не одного. Жизнь больших городов, жестокая борьба за существование, убожество рабочих окраин и наряду с этой бедностью шуршащая жизнь городских улиц со своими искушениями - все это изуродовало не одну детскую душу.

Но пробовали ли вы всмотреться в души этих молодых преступников, подойти к ним поближе, просто, по-человечески; думали ли вы о том, как можно в современной, еще довольно трудной жизни, без больших средств и помощи со стороны, привлечь их к труду, к полезной работе, не навязывая ее им, а доказывая, что она вытекает из самой неизбежности живой, творческой жизни в советском обществе?

И если не пробовали, то послушайте, что сделал коллектив педагогов, заинтересованный этим делом, в условиях нашей, бедной ресурсами, но богатой возможностями и большим энтузиазмом, советской действительности.

II

Может, рассказать вам с начала - от времени, когда в воздухе еще носились громы и молнии гражданской войны, когда голод костлявой рукой душил за горло молодую республику - с конца 1920 и начала 1921 г., когда колония и была основана? Но стоит ли говорить о том ужасном времени, которое пришлось пережить педагогам-энтузиастам и воспитанникам, только что вырванным из объятий воровского мира для новой, трудовой жизни?

Достаточно сказать, что в таких неимоверно трудных условиях коллектив колонии сумел из полуразрушенного, запущенного и постоянно разворовываемого имения бывшего помещика Трепке (11 верст от Полтавы) создать очаг труда и знаний, заложить в нем фундамент для дальнейшего развития молодых воспитанников колонии в условиях, помогающих превратить их в сознательных тружеников Советской Республики.

III

Вы не были в колонии, но если б вы посетили ее, то увидели бы, как приветливо встретили б вас колонисты!

Молодые, здоровые мальчики, все - как один. Лица загорелые, сильные руки, мускулистые ноги, в белых сорочках, с закатанными по колени штанинами - летом и в такой же простой, примитивной одежде - зимой.

Веселый, здоровый смех, шутки и совершенно свободное самочувствие. Еще где-то спряталась инстинктивная робкая настороженность к тому, нет ли в наших словах, в поведении чего-то от того мира, который совершенно условно поделен на два лагеря - воров и честных. Здесь нет этого деления. Здесь - здоровье и молодость, труд и желание культурного саморазвития, здоровая коллективная жизнь, самоорганизация и солнечные надежды на будущее.

На этом фундаменте и построена вся система воспитания - весь комплекс жизни детской колонии. Нет специфического подхода к детям, как к бывшим преступникам, здесь не пытаются влиять на них, постоянно указывая на их недостатки, плохие склонности; здесь просто стремятся, чтобы трудовой дисциплиной, с одной стороны, и самоорганизацией, с другой, создать из них этически и социально здоровых людей.

Труд и самообслуживание в коллективе, потребность улучшать этот труд на основе приобретаемых знаний, потребность дать выход здоровой юношеской энергии в такой же здоровой игре - вот логика этой системы и фундамент для самоорганизации целого коллектива.

И не удивительно, что эта логика творит чудеса.

IV

Разве не чудо - пять, прежде совсем разрушенных строений вместе с пристройками без каких-либо средств отремонтировал, оборудовал и восстановил (правда, еще убого) сам коллектив! Разве не чудо - сорок десятин великолепно обработанной земли (200 пудов пшеницы с десятины) там, где когда-то, во времена гражданской войны и революционного вихря, произрастал только чертополох...

Восемь лошадей, две жатки, две сеялки, конная молотилка, веялки и много другого - это вам, братцы, не шутка! И совсем не шутят 63 свиньи аглицкой породы, 3 дебелые коровы, столько же десятков гусей, два десятка

овец, полсотни кролей и т. п., которые все время хрюкают, мычат, блеют и другими звуками наполняют и без того бойкую и звонкую жизнь колонии.

...Хозяйство колонии еще увеличивается. Изо всех сил гонят его колонисты вперед и выше. В 1924 г. колония после трехлетней «революционной» борьбы с окрисполкомом и другими организациями получила, наконец, паровую мельницу, находящуюся в самой усадьбе колонии. Кроме того, есть еще 4 мастерские, продукцией которых обеспечивается хозяйство колонии.

V

Однако есть чудеса и получше - чудеса в области знаний и нравственного оздоровления.

Достаточно сказать, что, несмотря на то, что в колонии постоянно имеется 25 - 30 новых воспитанников, часть преступников-рецидивистов, колонийская коммуна представляет из себя прочно сбитое по-товарищески и дисциплинированное рабочее сообщество, беспрерывно повышающее свой культурный уровень и в то же время всегда веселое, с бойким настроением.

Но тесно становится многим в этом рабочем сообществе: многим хочется изведать культуры больших городов и многие из колонистов уходят из детской колонии, чтобы дальше учиться на рабфаках и в высших школах по большим городам. В настоящее время колония имеет больше десятка студентов в Киеве и Харькове, сама же о них и заботится, да и они не порывают связи с ней, ощущая себя и на стороне членами ее, подчиняясь ее дисциплине и поддерживая ее. Так, харьковские рабфаковцы-колонисты составляют так называемый седьмой отряд колонистов, и быть в нем - самое большое желание большинства из воспитанников колонии, их надежда и мечта.

И надо только посмотреть, с какой любовью встречает колония такого рабфаковца, когда ему посчастливится хоть на короткое время прибыть к своим! Надо посмотреть, с какой заинтересованностью и братской нежностью читает рабфаковец письмо, получаемое иногда из далекой колонии...

«...И еще сообщаем тебе, что любимая твоя Машка (большая свинья) недавно опоросилась и принесла десяток поросят».

И радостно становится молодому рабфаковцу: растет и развивается хозяйство колонии.

VI

Вот такие достижения у колонии. Однако много чего еще и не хватает: много еще недостатков и преград, которые необходимо перескочить, преодолеть.

40 десятин принадлежащей колонии земли ей недостаточно, хотя сельское хозяйство, хлебопашество и ведется улучшенными способами. 120 воспитанников и 12 воспитателей требуют хотя бы по одной десятине на человека, но достать земли в округе трудно потому, что вся земля - у крестьян. То же самое и со скотоводством: ограниченность земли под лугами не позволяет его развивать.

Тяжелы и условия аренды земли, а также и условия аренды паровой мельницы, не позволяющие создать, пусть небольшой, оборотный капитал для колонии.

Основные поступления колонии - это труд колонистов, беспрерывный, старательный труд, только и поддерживающий бойкую жизнь…[1]

Именно потому и ощущается примитивность быта воспитанников. Не хватает самого необходимого: одежды, белья и т. п. Вся обстановка - из простых столов и стульев; отсутствует самый элементарный комфорт и необходимый уют, несомненно, влияющие на воспитанников.

Нуждается в решении и дальнейшая судьба колонистов, выход их в самостоятельную жизнь. Только некоторым, немногим удается попасть на рабфак, а потом и в высшую школу. Но таких счастливцев немного. Кроме того, не все имеют склонности к дальнейшему образованию. Остается производство и сельское хозяйство.

В области того и другого воспитанники приобретают практическую квалификацию в самой колонии - на мельнице и в мастерских, и, самое главное, в сельском хозяйстве. Однако этой категории воспитанников вступать в самостоятельную жизнь очень трудно: медленно развивается производство в стране и безработица преграждает многим из них путь на заводы. Некоторый выход для них - сельская работа и женитьба на сельских девушках; однако это имеет и свои отрицательные черты, поскольку

воспитанники попадают в условия малокультурной крестьянской жизни, далекой от коллективной жизни коммуны.

Надо наделить колонию большим количеством земли, позволяющей воспитанникам организовать свои трудовые коммуны, объединенные единой хозяйственной и культурной связью с колонией.

VII

Идет весна. Солнце уже пригревает наполненную соками землю. Земля ждет юношество. И оно придет к ней, чтобы трудом еще раз обновить ее - старую, но не стареющую.

В эти дни колонию совсем не узнать. Ее жизнь кипит и бурлит молодым весенним ручьем. Она готовится к новым чудесам, к новому творчеству.

И жаждут колонисты этого творчества, отвергая все старое и созидая новую жизнь.

Пед. соч., т. 8, с. 129-132. Публикация в республиканском журнале «Работник просвещения», Харьков, 1925 г., с подписью «Макар.». По содержанию и сопоставлению с другими материалами датируется началом 1925 г. (февраль, не позже марта). Редакция этого журнала делала А. С. Макаренко запрос на статью о его колонии (Опускула макаренкиана, № 25/ Сост. Г. Хиллиг – Марбург, 2003, с. 22).

Авторство А. С. Макаренко данной статьи может быть признано с серьезной оговоркой: редакция изменила ее название и содержание до неузнаваемости, подделываясь под тогдашний общепринятый педагогический и журналистский стиль. Муссируются понятия «самоорганизации», «саморазвития» (А. С. Макаренко их избегал), мелькают штампы: изуродованные детские души, костлявая рука голода, солнечные надежды на будущее» и т.д.

Макаренковские выражения видны лишь в в некоторых местах текста. Можно предположить, что статья написана кем-то из педагогов-журналистов по макаренковскому материалу «В ЦК Всерабпроса...» (данному здесь ранее).

1 Далее говорится, что колония не получает государственных кредитов для ведения хозяйства как соцвосовское учреждение, находящееся на госбюджете.

В Главсоцвос, 19 марта 1925 г.

19 марта 1925 г. № 252

На №7283 от 13/III (получено в колонии 19/III) сообщаю:

Протопопов[1] и Ермолов могут быть приняты в колонию.

В будущем очень прошу Главсоцвос в тех случаях, когда он находит нужным прислать какого-нибудь хлопца в нашу колонию, делать это без предварительной переписки. Колония всегда может иметь несколько лишних воспитанников. В том случае, если загруженность колонии станет слишком большой, я осведомлю об этом Главсоцвос.

Заведующий колонии *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 25/ Сост. и авт. Г. Хиллиг, - Марбург, 2003, с. 129. А. С. Макаренко отвечает на запрос, сделанный председателем Главсоцвоса И. А. Соколянским, где он поясняет: «один – сын проф. Протопопова, а другой брат парт. Ермолова – сирота. Оба нуждаются в режиме трудовой жизни».

1 Протопопов В. П. – украинский рефлексолог и педолог, ученик Бехтерева В. М. (1857-1927, видного представителя науки о структуре и функциях мозга, клиники невропатологии и психиатрии; осн. труд – «Общие основы рефлексологии человека»). Осенью 1923 г. на базе врачебно-педагогического кабинета Главсоцвоса НКП УССР организовал рефлексологическую лабораторию. Основные положения рефлексологии изложил в ж. «Путь просвещения», Харьков, 1924 г., № 1.

О состоянии и деятельности трудовой детской колонии им. М. Горького (протокольная запись доклада)

В настоящий момент с хозяйственной стороны колония оборудована, но не в полной мере. Материальная сторона колонии в общем удовлетворительная, регулярно получаем средства из Наркомпроса, в достаточной мере. Финансовая отчетность колонии - перед губотделом, административные влияния - со стороны местной власти.

Состав детей колонии включает правонарушителей и распределяется так: 50% - за нарушение частной собственности, 40% - были в бандах, 10% - воровство и др. Всего в колонии находится воспитанников 120 человек.

Воспитательной стороной является труд, дисциплина и образование. Вся хозяйственная работа передана в руки воспитанников. Для того чтобы вовлечь воспитанников в коммунальную жизнь, нужно было направить все

силы на воспитателей, через них влиять на воспитанников. При нашей воспитательной линии пришли к самодисциплине.

Цель колонии в хозяйственном отношении заключается в том, чтобы хозяйство было образцовым. Земли имеется 61 десятина, куда входит пашня, сенокос и др. Землепользование ведется через шестиполье. Из живого инвентаря имеется 8 лошадей, 26 голов овец,... коровы и 3 головы молодняка, Есть 63 головы свиней английской породы.

Наша цель - развить свиноводство в такой мере, чтобы иметь свой продукт, а также вести развод и для крестьянства. В отношении птицеводства наши воспитанники еще не в достаточной мере поняли его значение.

Нашим недостатком является малоземелье колонии, благодаря чему нам пришлось заниматься в мастерских, они есть в колонии. Кроме того, у нас имеется в аренде паровая мельница, мы должны выпускать квалифицированных работников «Пищевкус». Мельница не дает ни прибыли, ни убыли. Это удивляет потому, что мы не платим ни квалифицированным, ни другим рабочим, поскольку они свои.

Культурно-просветительная работа колонии проходит в виде лекций и бесплатных спектаклей для крестьянства. Также имеется связь с селянством ковалевского сельсовета.

Выпускаются воспитанники по домам и в учебные заведения. На фабриках у нас 8 человек, с ними мы поддерживаем связь.

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть II, с. 69-70. Протокольная запись доклада А. С. Макаренко на заседании Президиума Руновщинского райисполкома Полтавской губернии. Этот доклад планировался на 12 февраля, но не был заслушан «в связи с отъездом зав. колонией Макаренко в Москву» (был в отпуске).

В постановлении сказано: «... Президиум РИКа констатирует, что население не очень хорошо относится к колонии. В дальнейшем нужно повысить авторитет среди населения, улучшить связь с крестьянством. Больше участвовать в культурно-общественной работе села путем постановки докладов сельскохозяйственного и общественного значения. Поставить образцово свое хозяйство, чтобы крестьянская масса брала пример культурного хозяйства». Предс. Президиума Баберя, секретарь Шут.

В Главсоцвос, 8 апреля 1925 г.

8 апреля 1925 г. №288

Колония им. М. Горького просит разрешения Главсоцвос на введение по штатам колонии должности агента по поручениям в Харькове с отнесением этой должности к специальным расходам колонии.

Необходимость такой должности возникает из следующего: официальное положение колонии требует живой связи с НКП. Переписка, как показал опыт, не удовлетворяет все потребности касательно связи, бумаги ходят слишком долго и часто теряются. Кроме того увеличивается канцелярская работа заведующего, которая и без того очень вредит педагогической работе.

Хозяйство колонии также требует более-менее частых поездок заведующего в Харьков для тех или иных покупок, требуется также связь с группой колонистов-рабфаковцев в Харькове.

Особенно же требуется живая связь с шефом колонии ЦП Рабпроса.

Если будет установлена должность агента по снабжению, заметно уменьшатся расходы на командировки и поездки, и кроме того, колония намного экономнее будет делать разные закупки.

Особенно важны те организационные выгоды, которые возникают с должностью агента и которые должны очень положительно отразиться как на педагогическом, так и на хозяйственном положении колонии.

Заведколонией *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 25, с. 92. 24 апреля 1925 г. зав. Главсоцвосом Кириченко уведомил А. С. Макаренко: «... Создание по штатам колонии должности агента для поручений в Харькове нецелесообразно».

Во всеукраинскую комиссию по делам несовершеннолетних, 12 апреля 1925 г.

12 апреля 1925 г. № 304 На № 9 389

Колония им. М. Горького просит забронировать для ее воспитанников 14 мест в учреждениях профобразования. Желательно, чтобы эти места были на харьковский рабфаках, где уже имеется 7 наших воспитанников.

Завколонией им. М. Горького *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 18, с. 142. Пометы на документе: 15/IV-25г. Отделу... Комиссия.

Колонистам-рабфаковцам

30 мая 1925

Харьков,

Подольский пер., 2

ДПС, комната 4—5

Павлу Архангельскому

Хлопцы!

Спасибо за письмо, написанное Павлушей. Если у вас все хорошо, то хорошо. У нас средне, но жить можно. Вас ожидаем не позднее 20-го. Нужно, чтобы вы поспешили на «Первый сноп». В этом году, наверное, будем жать раньше.

Кроме того, вот такое дело: 25 сентября мы празднуем 5-летие колонии, к нему уже готовимся. Думаем издать книжку, которая будет называться: «Приключения горьковцев на Коломаке за пять лет».

На первой странице будет выставлен девиз: «Долой педагогику!» Будут в сборнике и серьезные статьи, как: «История колонии», или «Наша дисциплина», но больше будет более-менее вольных заметок: «Рабфаковцы», «Малыш», «Как Матвей ездил в рабфак», «Арбузы» и т. п.

На вас всех мы очень надеемся как на авторов. Выбирайте себе темы более-менее интересные и пишите скорее. Писать можно, о чем хотите. Нужно только, чтобы было остроумно, интересно и чтобы из вашей зарисовки можно было узнать жизнь колонии.

6-го или 7-го я буду в Харькове и потребую от каждого из вас рукопись. Кто не даст, пожалеет.

Найдите где-нибудь Оксану[1] и потребуйте от нее такой же работы, иначе, как покажется в колонии, я «з неі бубну той...».

Вот вам задача.

Что у нас нового? Все обычно. Урожай ждем средний, подвели нас весенние морозы. Скоро приступаем к сенокосу.

Ставим «Отасу» и «Старый мир», на пятое готовим «Лес» [А. Н.] Островского. Появилась у нас новая артистка, да такая, что Семен влюбится, как только поезд приблизится к Кочубеевке.

Если увидите Быковца, спросите, почему не едет.

Ну, бывайте.

Ваш *А. Макаренко.*
Полтава, Трибы,
колония им. М. Горького

Пед. соч., т. 8, с. 25.

1 Имеется в виду, видимо О. Д. Иваненко, тогда студентка Харьковского института народного образования, до этот побывавшая в колонии (в «Пед. поэме» Варская К. Р.). Дочь учительницы, работавшей ранее с А. С. Макаренко.

Удостоверение, выданное Н. Т. Поповиченко

5 июня 1925 г.

Предъявительница сего Поповиченко Надежда Тимофеевна была приглашена воспитательницей в Полтавскую трудовую колонию им. М. Горького для несовершеннолетних правонарушителей 1 января 1921 года, с какого времени и работает в колонии до настоящего времени.

Как воспитательница Н. Т. Поповиченко обладает редким тактом, позволяющим ей почти без усилий разрешать самые серьезные конфликты, нисколько не понижая при этом общей дисциплины. В то же время, благодаря своей работоспособности и внимательности, Н. Т. Поповиченко всегда была активным участником хозяйственного и педагогического развития колонии, а ее любовь к делу и детям, постоянный ласковый тон помогли колонии создать дружную и веселую семью воспитанников.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

А. С. Макаренко. Теория и практика коммунистического воспитания. /Сост. А. А. Фролов. – Киев, 1985, с. 125. Эта характеристика может рассматриваться эталонной в отношении функций и качеств личности воспитателя-учителя в педагогической системе А. С. Макаренко. Воспитатель – «активный участник хозяйственного и педагогического развития колонии». (Эти 2 направления различаются как «параллельные»).

Письмо А. М. Горькому, 8 июля 1925 г.

Полтава
колония им. М.Горького.
8 июля 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Трудно поверить, но я второй год не могу получить Ваш точный адрес. Писал в редакции всех журналов, в которых Вы участвуете, но ответа не получал. Наши воспитатели писали кое-кому из людей, побывавших у Вас в гостях, но тоже ответом нас никто не порадовал. В общем, мы знали, что Вы в Сорренто, но ведь нужно знать и что-то большее. Наконец в «Огоньке» мы нашли статью о Вас и в ней Вашу литературную фамилию, написанную по-итальянски[1]. Так и посылаем. В статье «Огонька» написано, что в Сорренто все знают Ваш адрес.

Кто мы такие? В Полтаве 25 августа 1920 г. была открыта колония для несовершеннолетних правонарушителей. Я состою заведующим этой колонией с самого ее основания, мне тогда же удалось собрать крепкий коллектив воспитателей, который работает в колонии вот уже 5 лет, почти без изменений в составе. Благодаря этому и некоторым другим обстоятельствам наша колония все время жила здоровой жизнью и, по отзывам в педагогической литературе, считается лучшей в России[2]. Это позволяет нам со спокойной совестью носить Ваше имя. Мы просили о присвоении колонии Вашего имени в 1921 г.[3], и теперь гордимся, что носим его с честью.

Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят, и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях - это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него. Без такой веры мы не могли бы 5 лет работать без отдыха в колонии. Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии

здоровый, веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает.

Когда меня спрашивают, какое главное доказательство успешности нашей работы, я указываю: наши мальчики, присланные к нам принудительно, по постановлению судебных органов, носящие позорное клеймо правонарушителя, через несколько месяцев уже гордятся тем, что они колонисты, да еще горьковцы. Я бы сказал, - пожалуй, чересчур гордятся, задирают носы, важничают и на всех остальных людей смотрят несколько свысока. Всякий воспитанник, пробывший в колонии 1 год, также и каждый служащий получают от педагогического совета почетное звание колониста[4].

Разрешите более подробно описать нашу колонию. Сейчас мы помещаемся в 10 верстах от Полтавы в имении б. помещиков Трепке. Получили мы это имение еще в 1920 г. в совершенно разрушенном виде и до ноября 1924 г. ремонтировали его, а сами ютились в старой колонии малолетних преступников, верстах в трех. Истратили мы на ремонт 14 000 рублей и около 20 000 детских рабочих часов.

Колония стоит на реке Коломаке. При ней 40 десятин пахотной земли, 3 десятины луга, парк и сад.

В настоящее время в колонии живут 130 хлопцев и 10 девочек (возраст от 14 до 18 лет). Воспитателей 8.

К нашему счастью, нас никто никогда не баловал особенным вниманием. Поэтому мы пережили много тяжелых дней. Две зимы хлопцы не имели теплой одежды и обуви, но работы не прекращали. Только с 1923 г., когда мы стали опытно-показательной колонией Наркомпроса УССР, нам стало легче, и мы даже начали обрастать всяким добром. Сейчас мы уже арендуем паровую мельницу, имеем 7 лошадей, 4 коровы, 7 штук молодняка, 30 овец и 80 свиней английской породы. Имеем свой театр, в котором еженедельно ставим пьесы для селян – бесплатно. Театр собирает до 500 человек зрителей.

Живем мы, в общем, хорошо. Правда, у нас всегда бывает до 30% новеньких, еще не привыкших к дисциплине и труду, которые всегда привносят в нашу общину беспорядочный дух городской улицы, рынка, вокзалов и притонов. Под влиянием дружной семьи более старых колонистов

этот дух очень быстро исчезает, и только в редких случаях нам приходится приходить в отчаяние.

Колония организована как открытое учреждение. Кому в ней не нравится, может свободно уходить[5]. В то же время мы завоевали право общим собранием принимать в колонию тех детей, кто к нам непосредственно обращается с улицы[6].

Все хозяйство колонии находится в руках колонистов. Они владеют всеми кладовыми, амбарами, вообще всеми ключами. Разделены колонисты на 16 отрядов, во главе каждого отряда командир. Совет командиров - высший хозяйственный орган колонии.

Нам удалось добиться крепкой дисциплины, не связанной с гнетом[7]. Вообще мы думаем, что нашли совершенно новые формы трудовой организации, которые могут понадобиться и взрослым[8].

В течение года мы выпускаем в жизнь до 40 юношей. Часть из них идет на производство, часть - в армию, наиболее способные - в рабфаки. Рабфаковцы - это наша гордость. По ним равняются, за ними тянуться все живые силы. К сожалению, в колонии много детей умственно малосильных.

Наш день - это строгий до минуты трудовой комплекс. Но почему-то он у нас всегда проходит со смехом и шутками. Особенно оживляемся мы в дни великих праздников. Между ними мы имеем наши собственные праздники. «День первого снопа», когда мы первый раз выезжаем в поле с жнейками, и день «Первого хлеба», когда выпекается первый хлеб из собственного зерна[9]. На эти праздники к нам приезжает много гостей из села, Полтавы и Харькова.

Зато 26 марта, в день Вашего рождения[10] мы не приглашаем никого. Нам всем это страшно нравится. Колония вся украшается флагами и зеленью (сосны у нас свои). В столовой белоснежные скатерти, все в праздничных костюмах, но ни одного чужого человека. Ровно в 12 часов к Вашему портрету торжественно выносится знамя и вся колония, до единого человека, усаживается за столы. Всегда в этот день у нас печется именинный пирог. Произносятся короткие, но горячие и душевные речи. В этот день мы ежегодно повторяем:

- Пусть каждый колонист докажет, что он достоин носить имя Горького.

Обед заканчивается множеством сладостей - это единственный день, когда мы позволяем себе некоторую роскошь.

Знамя у Вашего портрета стоит до вечера, и возле него меняется почетный караул из воспитанников и воспитателей. На меня, как заведующего, возложена особая честь нести караул последнему.

Вот и все. Но как раз простота и немногословие делают этот праздник особенно прекрасным. Наши хлопцы, если припоминают что-нибудь, то обыкновенно говорят: «Это было до именин» или «после именин».

Вечером в театре мы все эти 4 года ставим «На дне». Говорят, что хорошо выходит. Пьесу мы знаем почти на память[11].

И, наконец, в этот день мы с особенной страстью мечтаем, что Вы к нам когда-нибудь приедете. Часто газеты нас обманывают - пишут, что Вы скоро приедете в Москву. Мы иногда вслух рисуем себе картину: что было бы, если бы Вы приехали к нам на целый месяц.

Мы надеемся, что Вы откликнетесь на это письмо. Если мы от Вас получим ответ и более точный адрес, мы пришлем Вам снимки фотографические из жизни нашей колонии и будем присылать Вам время от времени отчеты о нашей работе. Надежду видеть Вас мы не решаемся претворить в просьбу приехать, так как знаем, что Вам не позволяет приехать здоровье.

А. Макаренко

Полтава
колония им. М. Горького, ящ. № 43
А. С. Макаренко

Пед. соч., т. 1, с. 217-219. Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким продолжалась 10 лет; последнее письмо А. М. Горького – 8 окт. 1935 г. (скончался 18 июня 1936 г.). Благодаря его поддержки и настойчивости появилась «Педагогическая поэма», издана по частям в выходящем под его общей редакцией литературном альманахе, с посвящением автора: «С преданностью и любовью нашему шефу, другу и учителю Максиму Горькому». А. С. Макаренко называл это произведение самой дорогой своей книгой, «поэмой всей моей жизни».

Крылатые слова «Человек-это звучит гордо!» стали жизненным девизом А. С. Макаренко и его воспитанников, их вдохновляющим лозунгом. А. М. Горький понял, высоко оценил, «значение социального опыта, проделанного колонией» (т. 1, с. 259). «Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на наш взгляд» (т. 1, с. 255).

Одновременно (с конца августа 1925 г.) шла переписка колонистов с А. М. Горьким, по группам-отрядам. Частично опубликована Н. А. Сундуковым (Известия Академия пед. наук РСФСР, вып. 38, 1952; Советская педагогика, 1954, № 1). См. также: Опускула макаренкиана, № 5, с. 72-80; Опускула макаренкиана, № 11, с. 132, 142; Пед. соч., т. 8, с. 247. А. М. Горький посылал в колонию в одном пакете 2 письма: А. С. Макаренко и колонистам.

После кончины А. М. Горького А. С. Макаренко все полученные от него письма передал Архиву А. М. Горького Института мировой литературы (ДПГ – 20-6, 12, 54,74 и др.). Там же – письма колонистов А. М. Горькому. Письма А. М. Горького А. М. Макаренко – т. 1, с. 219-266. Письма А. М. Горького колонистам утрачены, вместе со всей документацией колонии и ее атрибутами (в период Великой отечественной войны).

Об А. М. Горьком см. Приложение в данном издании: Незабываемая встреча, Мой первый учитель.

1 Огонек, 1925, № 26.

2 А. С. Макаренко, вероятно, ссылается на отзыв о колонии в книге Маро (М. И. Левитиной) «Работа с беспризорными. Практика новой работы в СССР» (Харьков, 1924 г.), где о колонии им. М. Горького говорится, что из всех обследованных автором сельскохозяйственных колоний на Украине, в Крыму и других местах она занимает первое место «по четкости и цельности педагогической работы».

3 Колония стала носить имя М. Горького с 28 марта 1921 г. (вначале неофициально).

4 Это еще одно из средств объединения воспитанников и педагогов, всех сотрудников педагогического учреждения в единый трудовой «воспитательный коллектив». Сотрудник, не получивший в установленный срок звание колониста, должен был оставить это учреждение. Таких фактов, однако, не отмечено.

5 Для свободного ознакомления с жизнью колонии новичкам отводилось несколько дней. Применялись также некоторые морально-психологические средства «удержание личности в коллективе». При самостоятельном возвращении убежавших их могли принять в коллектив в установленном порядке: письменное заявление с просьбой о приеме, решение об этом на общем собрании. Действовал принцип взаимности: воспитанник находится в колонии добровольно; коллектив добровольно его

принимает. «Наша колония представляла собой добровольное объединение людей – здесь ни кого не заставляли жить насильно» (т. 7, с. 96). Основа этого – согласие с принятыми здесь принципами и нормами жизнедеятельности.

Заборов, охраны (от побегов) не было. Решетки в зданиях в Трибах, где первоначально размещалась колония (а до этого дореволюционная колония), А. С. Макаренко снял в первые дни его работы. Это соответствовало одному из первых декретов советской власти, правогласившему принцип: «от тюрем к воспитательным учреждения» (применение не «кары», а воспитания и перевоспитания); отменялись «детские тюрьмы»; вместо «детских судов» введены «комиссии по делам несовершеннолетних («комонесы»)».

Пощечина А. Задорову на первых страницах «Педагогической поэмы» (т. 3, с. 15-18) – преимущественно художественный прием, одного из средств обострения сюжета произведения. На это указывает размышление А. С. Макаренко по поводу другого остросюжетного эпизода – «бойкот А. Ужикова» (т. 3, с. 427-433): «Необходима фабульная придирка, например, бойкот Фейгольсона» (см. в данной книге – Записи, использованные в «Педагогической поэме»). «Ужиков Аркадий (Фейгельсон)» - см. в данной книге «Типы и прототипы».

Образ А. Задорова собирательный, содержит черты колонистов А. Зотова (в колонии с 1 апреля 1922 г.), П. Архангельского (сын воспитательницы З. П. Архангельской, впоследствии инженер-гидростроитель; А. С. Макаренко об этом прототипе: т. 3, с. 446).

6 В порядке опыта реализуется принцип «смешанного» контингента несовершеннолетних правонарушителей и «обычных» детей. Это мера, сближающая «правонарушительскую педагогику» с проблемами и решением общей педагогики.

7 Об этом см. ниже «Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького», § «Дисциплина», особенно – схему взаимосвязанных полномочий в общем управлении коллективом колонии.

8 Говорится о тогдашних сельскохозяйственных объединениях типа «коммун», где начала осваиваться коллективная организация труда. А. С. Макаренко с самого начала связывал свой педагогический опыт с закономерными социально-экономическими преобразованиями, с «педагогикой взрослых». Он усиливал роль воспитания в «педагогизации» социальной среды, стремился к активному внедрению воспитания в процесс социализации различных возрастных групп, осуществляемый всем ходом социально-экономической культурной жизни страны.

9 На праздники приглашались крестьяне, общественность, шефы, официальные лица. См. Пед. соч., т. 3, § «Первый сноп», с. 408-413.

10 Дата неточная: день рождения А. М. Горького 28 марта.

11 В спектаклях участвовали не только воспитанники, но и сотрудники колонии, сам А. С. Макаренко, а также проживающие поблизости люди, молодежь. См.: «Педагогическая поэма», т. 3, § «Театр».

К вопросу об организации кабинета научной педагогики

13 июля 1925 г. Основным принципом исследования я принимаю единство коллектива, его техническую нераздельность.

Нужно найти способы наблюдать коллектив в целом, как в процессе его действия, так и в картине влияния на личность, так сказать, с узко педагогической точки зрения. В особенности важно фиксировать и измерить связь между действием и влиянием.

Очень важно фиксировать и измерить тенденции к длительным изменениям, причем нужно измерять так, чтобы видно было влияние коллектива.

Вопрос: нужно расшифровать и измерить повышение и понижение общего тона, настроения колонии. Это часто можно сделать, руководствуясь буквально наблюдением звуковых явлений в колонии с точки зрения их высоты, мажорности или минорности.

Как деталь. Возможно ли установить сумму и напряженность дневных движений? Не только движений индивидуальных, но и толповых, а также движения покоя и отдыха, усталого, ленивого, сосредоточенного. Здесь нужно приближаться к цифрам, к координатам.

Как деталь. Статистика дневных противопоставлений и приближений между членами коллектива, ссор, драк, личных споров, объятий, компаний явно дружеского типа или нейтрального типа.

Исследование детали: приказание и распоряжение. Подсчет дневных актов (наблюдаемых) этого рада. Цифровое исследование числа слов, числа повышенных тонов, приемов внушения и увлечения, многословия и лаконичности.

Сравнить это с числом механических приказаний и импульсов (сигналов, привычных рефлексов распоряжения и подчинения).

Исследование вопроса о роли воспитателя как члена коллектива. Нужны цифровые данные. Нужен план исследования.

Исследование вопроса о коллективном центре. Страшно важный вопрос. Обещает дать очень многое. Нужен специальный план. (Наблюдение - прихода в канцелярию[1]).

Классификация и характеристика прихода (в канцелярию. – А. Ф.), многословия, деловитости или развлечения, рефлекторного тяготения. Настроение самого центра и его отражение на статистике.

Наблюдение психологических путей от центра по массе к краям коллектива. Вторые центры и их передаточная роль.

Изучение вопроса о картине ответственности личности в коллективе: наблюдение и статистика, облегченное переживание последующей ответственности, более тяжелые переживания последующей ответственности, переживание предшествующей ответственности, переживание безответственности. Рефлекторная и нарочитая ответственность. Общий тон исключений из обязанности быть ответственным. Удельное значение и количество закрепленных форм долга.

Система, увязка и значение коллективных органов и полномочий[2] Индивидуальные полномочия. Удельный вес организующей личной воли и ее отношение к системе уполномочий. Статистика актов уполномочия. Анализ правомочности распоряжений уполномоченных органов.

Анализ элементов частной и коллективной собственности.

Воспитанники и воспитатели как коммунары.

Исследование вопроса о противоположении воспитателя и воспитанника в едином коллективе. Статистика динамических и статических элементов противоположения в течение временного периода. Регистрация эффектов влияния как последствий противоположения на личности отдельных воспитанников и на общем тоне. Классификация противоположений. Положительные и отрицательные противоположения, полезные и вредные, простые и сложные. Выработка специальной классификации.

Исследование элементов мертвого влияния (влияние организационных форм). Ввиду сложности этого вопроса необходимо начать с наблюдения над локализованной (уединенной) формой. Необходимы доказательства, что влияние относится именно к этой форме.

Полный перечень мертвых влияний. Разделение их на целесообразные и случайные[3].

Исследование (статистическое) суммы индивидуальных устремлений в будущее. Характеристика их с точки зрения напряженности, реальности и действительности. Характеристика их отношения к коллективному устремлению колонии.

Анализ коллективного устремления колонии. Импульсы устремления. Как относится коллективное устремление к сумме индивидуальных.

Статистическое исследование прямых влияний дисциплинарного влияния на эмоциональный уровень. Случаи дисциплинарного давления по отношению к отдельной личности в связи с настроением реагирования.

Дисциплинарное давление на коллектив (живое и мертвое) и связанные с ним понижения и повышения общего тона. План наблюдения и регистрации.

Исследование вопроса о коллективной единице[4] и сечении коллектива. Наименьший коллектив и исследование его содержания. Нормальное число компонентов в наименьшем коллективе. Гармонирование вопросов сечения коллектива и единства коллектива.

Регистрация первоначальных простых явлений такта (понимая такт как наиболее полезное и экономное движение). План исследования классификационного типа по отношению к такту.

Регистрация явлений обусловленного поведения. Точный учет наличных условий, ведущих к данной форме поведения. Точная формула логики обусловливания[5].

Регистрация «взрывов» в коллективе[6]. Исследование причин взрывов. Теория взрывов как педагогического института. Наблюдение расходящихся (радиальных) влияний взрывов. Реагирование общего тона на взрывы. Нарушения в крепости связей в данном коллективе под влиянием взрывов.

Регистрация явлений индивидуалистической логики в коллективе и картины явлений в коллективе в ответ на эту логику.

Регистрация актов внешних прикосновений[7]. План статистического изображения. Нужно найти единицу измерения (в количестве участвующих людей, во времени). Вероятно, за единицу можно принять 2 компонента

живых в минуту. Это можно как-нибудь назвать, например, соцминута. В данном вопросе уже есть математическое затруднение.

Сравним: 1-й случай: наш коллектив, разбившись на единицы, имеет попарно в течение часа соприкосновение с ковалевцами[8], разбитыми также в одиночку. В этом случае мы будем иметь 120х60 единиц соприкосновения. Если же наш коллектив в целом (120 ч.) имеет соприкосновение с таким же коллективом ковалевцев, то в одну минуту будет 120 соприкосновений (примерно), а в час 120х60. Результаты цифровые будут одинаковы, а на деле, разумеется, в первом случае соприкосновений будет больше.

Остается открытым вопрос о качестве коллектива и об окраске соприкосновений.

К вопросу о наблюдении общего тона по звуковым отражениям. Допустим, это удобно сделать, прислушиваясь к звуковым тонам, но как их классифицировать?

Вчерне предлагался такой проект.

Веселый (смех).

Спокойный.

Нулевой (тишина).

Пониженный.

Подавленный (плач, ссора).

Но вот я слышу разговор. Один весело кого-то дразнит, другой плачет. Как отметить эту минуту? Отмечать два тона? Или найти средний?

Я предлагаю, прежде всего, равенство тишины и нейтрального тона, обозначая их нулем.

Положительной единицей я предлагаю обозначать всякий тон выражения явного удовлетворения, дружелюбия, симпатии, хорошего расположения духа. Баллом 2 я предлагаю обозначить всякий тон явного веселья, смеха, веселой музыки и веселого шума, относительно которого можно сказать, что в данную минуту переживается именно это веселое настроение. Таким же баллом я предлагаю обозначать радостный, приподнятый тон вдохновения и призыва.

Отрицательной единицей я предлагаю обозначать явно пониженный тон скуки, нытья, тоски, грусти, вины, а в 2 - тон страдания, слез, плача, повышенного спора, ссоры, драки, ругани.

В том случае, если одновременно слышится два тона, их нужно отмечать оба, а потом выводить среднее. Наблюдение хорошо производить нескольким лицам и выводить среднее. Наблюдение хорошо отмечать по четвертям минуты, а потом выводить среднее из минуты. Вот образчик записи:

14 июля 1925 г. Начато в 9 час. 51 мин.

52-я 1,0 2,0 0,0 0,0 } 0, 37

53-я 0,0 0,0 1,0 1,0 } 0,50

54-я 1,0 2,0 1,0 0,0 } 1,0

55-я 0,0 0,0 0,0 0,0 } 0

56-я 0,0 0,0 0,0 0,0 } 0

57-я 0,0 0,0 0,0 0,0 } 0

58-я 0,0 0,0 0,0 0,0 } 0

59-я 0,0 0,0 0,0 0,0 } 0

60-я 0,0 0,0 0,0 0,0 } 0

61-я 1,0 0,0 0,0 0,0 } 0,25

14 июля 1925 г. От половины третьего до трех часов дня было произведено наблюдение шумов. Место наблюдения - кабинет завколонией. Наблюдали Макаренко, Иваненко и Коган. Время перед самым концом

работы - очень тихое. Погода: жарко, ветер, шумят деревья. Особенных помех не было.

Коэффициенты:		
	Макаренко	0,108
	Коган	0,100
	Иваненко	0,067
	Среднее	0,092

Постановили произвести наблюдения от 6.30 до 7.00, перед ужином.

14 июля 1925 г. 3 ч. 15 мин. дня - 3 ч. 24 мин. дня. 10 минут.

Индивидуальное наблюдение из кабинета. За 36 минут до конца работы. Наблюдал А. Макаренко. Среднее: 0,212.

Вечером от 6.40 до 7.00 произведено новое наблюдение звуковых шумов. Найдено:

Коган	0,510
Иваненко	0,675
Макаренко	0,825
Среднее	0,675

Наблюдение производилось перед ужином, после дождя, после очень спокойного дня. Почти все колонисты были возле клуба или в клубе. Смеха и других ярких явлений было мало, но все время стоял довольно бодрый шум, слышались крики детей с гигантов[9], пение, изредка свистки. Слушать было довольно трудно.

Нужно считать очень удачными результаты.

Индивидуальные уклонения[10] днем составляли для Макаренко 17 %, для Коган - 8 %, для Иваненко - 27 %. В среднем 17 %.

Вечером: для Макаренко - 22 %, для Коган - 24 %, для Иваненко - 0 %. В среднем 15 %. Следовательно, общий средний процент уклонений составляет 16 %. При трех лицах это дает вероятность ошибки 5 – 6%. Для точной науки это много, но для начала это хорошо. Нужно продолжить наблюдение дальше.

18 июля 1925 г. Производилось наблюдение движения от половины первого до двух.

Суббота. Время предобеденное, обед ожидается хороший - вареники. Жарко.

Среднее: Оксана - 0,725, Коган - 0,750, Макаренко - 0,688. Среднее - 0,721.

Отклонение: Макаренко - 4,05%, Оксана - 0,5%, Коган - 4 %. Общ. сред. - 3 %.

18 июля 1925 г. Производилось наблюдение движения от 1 ч. 48 мин. до 2 ч. 18 мин. Движения наблюдались так: наблюдательный пункт - скамейка возле каштана. Регистрировались все движения, пересекающие линию от наблюдателя на угол дома. Длина пересекаемой линии 50 шагов. После регистрации выведено среднее.

Движения учитывались такие: шаг замедленный, шаг бодрый, бег. Число замедленных движений помножалось на 1, бодрых - на 2 и бега - на 3. Общая сумма полученных таким образом чисел делилась на число минут наблюдения.

Получились коэффициенты: Оксана - 7,4, Коган - 7,50, Макаренко - 7,23. Среднее - 7,28. Отклонения: Коган - 3 %, Оксана - 3,5%, Макаренко - 1%. Среднее отклонение 2%.

Наблюдение движения имеет значение для сравнительных работ по выражению настроения в нашей колонии.

Для того, чтобы производить сравнительную работу между двумя колониями, необходимо договориться относительно равенства условий. В особенности важное значение имеет линия пересечения. Сначала я думал, что можно разделить полученные результаты на число аршин наблюдаемой линии, чтобы получить коэффициент на аршин, но это было бы большой ошибкой. В какой-нибудь колонии выходная дорога, по которой совершается общее движение, может быть узка, и поэтому на один аршин придется много.

Для точного сравнительного учета необходимо окружить выход из клуба линиями, взаимно пересекающимися только в пункте наблюдения. При этом необходимо, чтобы из клуба был только один выход.

Важно и равенство других условий, например, это видно по условиям сегодняшнего наблюдения: после обеда, хороший летний день. Завтра мы приглашаем гостей. Сегодня у нас спектакль, гостят рабфаковцы, есть чужие люди в колонии.

Для сравнительных между колониями наблюдений, может быть, нужна еще несколько иная интерпретация результатов.

Вот пример. По данным моей записи, коэффициент движений через условную линию - 7,23.

Он получен так: вялых движений 43, бодрых 54, бега 22 = (22х3) + (54х2)+43=217:30 (минут) =7,23.

Этот же результат, очевидно, изображается и способом отношения бега и бодрого движения к общему числу движений. По этому способу получается:

	Мак	Ив.	Ког.	Сред.
Бег составлял	18,11%	10,26%	10,72%	13,03%
Бодрый шаг	44,26%	54,70%	65,18%	54,71%
Замедл. шаг	37,63%	35,04%	24,10%	32,26%

Любое из средних данных этой таблицы позволяет произвести сравнение более облегченным образом (Почти независимо от линии наблюдения).

18 июля 1925 г. Производилось одновременное наблюдение шумов и движений в 6.30 вечера.

Наблюдение шума дало: Ив. 0,700
Ког. 0,737 Среднее 0,733
Мак. 0,762.

Наблюдение движений производилось рабфаковцами. Результаты: 6,1.

В другой системе так: бег 22 %
бодр. 51 %
зам. 27%.

Вечер субботний. Прекрасная погода.

20 июля 1925 г. Шумы наблюдались вечером. Погода хорошая.

Окс. 0,600
Ког. 0,625 Сред. 0,562
Мак. 0,462

Понедельник. Вечер хороший.

22 июля 1925 г. Шумы наблюдались вечером. Регистрация пятисекундная оказалась неудобной: внимание не успевает фиксировать характер шума. Результаты считаю сомнительными:

Оксана	1,118	
Коган	0,875	Сред. 0,876
Мак.	0,633	

Правда, вечер был веселым. В колонии замечается некоторый подъем. На днях открыли комсомол[12]. Прекрасные дни. Как раз производилась гимнастика. Оксана и Рива утверждают, что 0,876 правильно отражают общий тон. Я думаю, для среды это слишком.

23 июля 1925 г. от 6.30 до 6.40 наблюдение шума. Четверг. Днем был дождь. День не жаркий. Ветер, шумят листья.

Коган	0,425	
Иван.	0,537	Среднее 0,504
Макар.	0,550	

Вечер пятницы, 24 июля. Наблюдение шумов.

С утра день был «хворальный»[12] Боечко съел 4 порции сала для завтрака, трое хлопцев попались в краже яблок, и с них были сняты штаны[13]**.** Погода ветреная. Настроение оказалось пониженным:

Коган	0,312	
Оксана	0,400	Среднее 0,375
Макаренко	0,412	

В дальнейшем нужно ввести некоторую обусловленность наблюдения. Необходимо перед наблюдением записывать обстоятельства дня, по определенным рубрикам, а именно:

Дата.

День недели: пон., вт., среда, чет., пят., суб., воскр.

Погода (плохая, средняя, хорошая).

Какой обед (плохой, обычный, хороший).

Какой ужин (плохой, обычный, хороший).

Отношение количества работы к норме (сверх нормы, норма, ниже нормы).

Характеристика работы по тяжести (легкая, обычная, тяжелая).

Перечисление неприятных случаев и известий (много, обычно, мало).

Перечисление приятных случаев и известий (много, обычно, мало).

Перечисление безразличных (но) потрясающих событий (много, обычно, мало).

Можно было бы установить балльную оценку этих условий, но, вероятно, лучше будет это сделать в зависимости от изменений шума.

А. С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт; с. 32-34. Судя по заглавию материала, А. С. Макаренко занимала идея создания кабинета научной педагогики. В 1922 г. он отмечал: «В колонии сам организовал кабинет психологических наблюдений и эксперимента» (см. в данном издании ранее – «Заявление в Центральный институт организаторов...»). А. С. Макаренко принял участие в выполнении научно-исследовательского задания, осуществляемого в ходе педпрактики в его колонии студентками Харьковского института народного образования О. Д. Иваненко и Р. Коган (в «Педагогической поэме» Р. С. Лансберг).

Исследование инициировано, несомненно, представителями «рефлексологической педагогики», которую на Украине разрабатывал проф. В. П. Протопопов. (В 1925-1927 гг. в украинских педагогических вузах вместо психологии стала преподаваться рефлексология; в начале 30-х гг. ее вытеснила педология). Его работы основаны на рефлексологической трактовке В М. Бехтеровым человеческой психики, на применении «Объективного метода изучения психики», когда психические процессы рассматриваются лишь как сопутствующие актам поведения, как «совокупность двигательных актов» (близко к бихевиоризму, по схеме «стимул-реакция»). В проведенном с А. С. Макаренко исследовании регистрируются эмоционально-поведенческие реакции, выражающиеся в звуках голоса и двигательных действиях.

На это исследование, возможно, оказал влияние А. С. Залужный, руководитель Харьковского кабинета социальной педагогики, последователь рефлексологического направления в педагогики. В начале 1925 г. И. А. Соколянский, также сторонник этого направления в Полтаве на базе кабинета социальной педагогики (рук. Г. Г. Ващенко) организовал изучение детских коллективов «по схеме Залужного». В статье А. С. Залужного в сборнике «Детский коллектив и ребенок» (под его ред., совм. с С. О. Лозинским, 1926 г.) дано определение: «Коллектив – это есть взаимодействующая группа лиц, совокупно реагирующая на тот или иной общий отдельный раздражитель или же на целую их систему».

В рецензии на эту книгу ее положительно расценил украинский педагог-дефектолог проф. А. В. Владимирский (Путь просвещения, Харьков,

1926, № 6-7, с. 277-278). Он, по свидетельству И. А. Соколянского, бывал в горьковской колонии и говорил: «Несомненно, мы имеем дело с совершенно новым по типу педагогом»; его достижения – «изобретение в педагогике бесконечно малых величин», решающих дело. (См. ниже в макаренковском «Очерке работы Полтавской колонии им. М. Горького»: «... Нужно всякую хозяйственную деталь, всякий частных хозяйственный процесс ощущать как явление педагогическое. Это требует огромного внимания и осторожности» - т. 1, с. 46).

В работе, относящейся ко 2-й половине 20-х гг. (может быть датирована: не позднее 1928 г.; см. ниже текст «О педагогической теории и практике, фрагмент», т. 1, с. 152) А. С. Макаренко иронически высказался о «нашей возне с этой бедной молоденькой рефлексологией». Со всей категоричностью против рефлексологического определения коллектива А. С. Залужным он выступил в материалах книги, над которой работал в кон. 1932 – нач. 1933 гг. (т. 1,с. 172-174).

Концепция «рефлексологической педагогики» отвергнута в ходе дискуссии по методологическим проблемам педагогики 1927-1930 гг. На Украине она прошла в 1930-1931 гг.; работы И. А. Соколянского, В. П. Протопопова, А. С. Залужного были повергнуты резкой критике. С 1927 г. ведущее положение в педагогике стало занимать педологическое направление (до 1936 г.), в двух его видах: «биогенез» (Е. А. Аркин, И. А. Арямов, П. П. Блонский) и «социогенез» (А. Б. Залкинд, С. С. Моложавый, А. С. Залужный).

Публикуемый материал состоит из 2-х частей. Первая – это далеко не соответствующее «рефлексологической педагогике» обозначение круга проблем, относящихся к педагогически целесообразной структуре коллектива воспитательного учреждения, к управлению этим коллективом и его развитию по различным направлениям. Главная проблема: связь между «действием коллектива» и «влиянием на личность», прежде всего в сфере «общего тона, настроения колонии», ее морально-психологического состояния.

Здесь видна готовность А. С. Макаренко к применению математического, статистического метода исследования, а также «естественного эксперимента» (разработанного А. Ф. Лазурским). Он верил в такое развитие педагогики, при котором она может приближаться к точности естественно-научного знания, призывал «учиться у великих систематиков естествознания прежде всего их эрудиции, во-вторых, их уважению к реальным явлениям» (т. 1, с. 174). См. рубрику «Количественные характеристики...» в Сводном предметно-тематическом указателе к его Пед. соч., т. 8, с. 281.

Вторая часть материала – фиксация эксперимента, его данные и их суммирование.

1 Канцелярия – в дальнейшем «кабинет», место работы А. С. Макаренко и центрального органа самоуправления; «педагогический центр» управления. О его значении и функционировании см. т. 2, с. 55-59 и т. 1, с. 295-296.

2 Разработка этой проблемы – в данном ниже «Очерке работы Полтавской колонии им. М. Горького», § «Дисциплина».

3 Проблема «влияний», их классификация здесь, как и в других макаренковских работах, лишь намечена, специальной теоретической разработки впоследствии не получила. См. обращение к этой проблеме в ниже публикуемом тексте «В Главсоцвос: проект «крупного воспитательного предприятия», а так же т. 1, с. 192; «технология чистого и практического чувства» - т. 8, с. 104.

Из конспекта «Очерков марксисткой психологии» Л. Джемсона (рус. изд. 1925 г.) видно, что А. С. Макаренко интересовали и такие побудители поведения: «экономическое влияние», влечение и эмоции, ум и бессознательное, привычки, убеждения и принуждение, внушение и др. (А. С. Макаренко сегодня... - Н. Новгород, 1992, с.45).

4 Главную «единицу» коллектива, основное звено в его структуре и системе управления А. С. Макаренко позднее назвал «первичным коллективом». Это наименьшее по численности объединение детей, которое является уже неделимым. Формируется и действует, обеспечивая основополагающий вид деятельности; в теории и практике А. С. Макаренко – производственно-хозяйственной деятельности.

5 Это вопрос, относящийся к макаренковской «педагогической логике», методологии педагогики. Она предусматривает: обусловленность поведения, его мотивация должна выступать в «параллельности» сущности и явления в воспитании (как единство логики хозяйствования «в глазах воспитанника» и логики воспитания в восприятии педагога). Это исключает искусственность и насильственность в воспитании, позволяет ребенку свободно развиваться, «более просто и радостно переживать свое детство» (см. ниже «Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького», §§: Хозяйство, Воспитатель, Воспитанник).

6 Проблему соотношения эволюции и «взрыва» в воспитании и перевоспитании А. С. Макаренко включал в «Педагогическую поэму». Публикуется обычно как ее фрагмент, см. т. 3, с. 457-459.

7 Макаренковскую попытку характеристики коллектива коммуны дзержинцев на основе «взаимодействий» коммунаров (кон. 1932 – нач. 1933 гг.) см. в т. 1, с. 172.

8 Говорится о жителях, молодежи соседнего с колонией села Ковалевка.

9 Гиганты, гигантские шаги – сооружения типа аттракциона на спортивной площадке колонии.

10 Уклонение (отклонение) – разность между наблюдаемым и средним значением. Итоговые процентное выражение получено с учетом зафиксированного одним наблюдателем и среднего из данных, полученных тремя наблюдателем.

11 Говорится о создании в колонии впервые комсомольской ячейки (в «Педагогической поэме» это событие смещено на более ранний срок). Вскоре создается пионерская организация. 10 июля 1925 г. секретарь ячейки ЛКСМУ Коваль Л. Т. (в «Педагогической поэме» Коваль Т. Н., см. «Типы и прототипы», т. 3, с. 481) обратился в ЦК профсоюза Робос с просьбой прислать «комсомольскую литературу», книги для молодежи – для культурной работы, вместе с комсомольской ячейкой с. Ковалевка. Л. Т. Коваль работал в колонии с лета 1925 г. до осени 1926 г.

12 От слова «хворь», болезнь: день, неблагоприятный для здоровья (по выражению матери А. С. Макаренко, Татьяны Михайловны, жившей тогда в колонии).

13 Эта мера, предусматривающая удержание воспитанника в помещении, ограничение выхода на территорию колонии.

Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних, 17 июля 1925 г.

17 июля 1925 г. № 478

Губинспектура Полтавского губнаробраза запросила у колонии срочного сообщения, желает ли колония получить несколько командировок на рабфаки за счет предназначенных для Полтавщины 4-х командировок. В то же время Губинспектура просит известить, сколько командировок колония получит непосредственно от Наркомпроса.

Колония очень просит не отказать в ответе, как обстоит дело с командировками воспитанников колонии на рабфак.

Заведующий колонией *А. Макаренко.*

Опускула макаренкиана, № 18, с. 149-50.

Письмо А.М. Горькому, 4 августа 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

[4 августа 1925 г.]

Вчера мы получили Ваше письмо. Я не хочу даже искать слов, чтобы изобразить нашу радость и нашу гордость, - все равно ни одного слова не найду, и ничего не выйдет. Сегодня с утра задождило - бросили молотьбу и все пишут Вам письма. Кому-то вчера на собрании после чтения Вашего

письма пришла в голову мысль: общее письмо никуда не годится, пускай каждый напишет Вам записку. Насилу убедил хлопцев, что Вам будет очень трудно читать столько писем. Тогда решили писать по отрядам - сейчас вся колония представляет нечто вроде «Запорожцев» Репина, умноженных на 15 - число наших отрядов: такие же голые загоревшие спины и такие же оживленные лица, нет только запорожского смеха. Писать письмо Максиму Горькому не такая легкая штука, особенно если писари не очень грамотные. Дождь перестал, и наш агроном, у которого тоже усы еще не успели вырасти, волнуется молча; все же ему стыдно признаться, что молотьба выше всех писем.

Все же я серьезно боюсь, что и письма хлопцев, и мое собственное составят для Вас слишком тяжелое бремя, а ничего не поделаешь - слишком большой зуд рассказать Вам все и как-нибудь описать Ваше великое для нас значение. Вы вот написали: «Мне очень хотелось бы быть полезным колонии». А мне эту строку Вашу даже неудобно читать как-то. Если Вы станете для нас полезным в каком-либо материальном отношении, то это будет профанацией всего нашего чувства к Вам. Я очень хорошо знаю, что это общее наше настроение. Разрешите мне несколько подробнее на этом остановиться.

Наш педагогический коллектив до сих пор одинок в вопросе о значении деликатности по отношению к нашим воспитанникам. С самого начала мы поставили себе твердым правилом не интересоваться прошлым наших ребят. С точки зрения так называемой педагогики это абсурд: нужно якобы обязательно разобрать по косточкам все похождения мальчика, выудить и назвать все его «преступные» наклонности, добраться до отца с матерью, короче говоря, вывернуть наизнанку всю ту яму, в которой копошился и погибал ребенок. А собравши все эти замечательные сведения, по всем правилам науки строить нового человека.

Все это ведь глупости: никаких правил науки просто нет, а длительная вивисекция над живым человеком обратит его в безобразный труп. Мы стали на иную точку зрения. Сперва нам нужно было употреблять некоторые усилия, чтобы игнорировать преступления юноши, но потом мы так к этому привыкли, что в настоящее время самым искренним образом не интересуемся

прошлым. Мне удалось добиться того, что нам даже дел и характеристик не присылают: прислали к нам хлопца, что он там натворил, украл или ограбил, просто никому не интересно. Это привело к поразительному эффекту. Давно уже у нас вывелись разговоры между хлопцами об их уголовных подвигах, всякий новый колонист со стороны всех встречает только один интерес: какой ты товарищ, хозяин, работник? Пафос устремления к будущему совершенно покрыл все отражения ушедших бед.

Но вне колонии мы не в состоянии бороться с общей бестактностью. Представьте себе: у нас праздник, мы встречаем гостей, мы радостны, оживленны, мы украшаем гостей колосьями и цветами, показываем свою работу, хозяйство, демонстрируем свое улыбающееся здоровье и гордо задираем носы, когда выносят наше «наркомпросовское» знамя. Гости приветствуют нас речами. Такими:

«Вот видите. Вы совершали преступления и не знали труда. А теперь вы исправляетесь и обещаете...»

А был и такой случай:

- Бандиты на вас не нападают?
- Нет. Не нападают.
- Хе-хе! Бандиты своих не трогают?

Я не умею описать ту трагическую картину, которая после таких речей и разговоров наступает. Видим ее только мы, воспитатели. Суровая сдержанность, крепкое задумчивое молчание надолго. Никто из колонистов не будет делиться с другим своим оскорблением, но до вечера Вы не услышите смеха, а обычно у нас половина слов произносится с улыбкой.

Мы с большим трудом сбросили с себя официальное название «Колония для несовершеннолетних правонарушителей». Но сбросили для себя только. Иногда хорошие люди пишут о нас статьи в газетах и журналах, статьи хвалебные, но их приходится прятать от хлопцев, потому что-начинаются они так (по-украински.): «Вчора в колонії малолітніх злочинців…»

Даже не правонарушителей, а «злочинців». Убийц и мошенников, когда они сидят в тюрьме, называют «заключенными», т. е. определяют их

внешнее положение, а детей почему-то «правонарушителями», т. е. пытаются определить их сущность.

Мы поэтому особенно крепко привязываемся к обыкновенным людям, которые к нам относятся, как к обыкновенным людям, которые просто разговаривают с нами, не опасаясь за свой карман. И с особенной злостью мы находим утерянные кошельки и забытые портфели и галантно вручаем владельцам. А два случая было таких, когда разговор оканчивается мордобитием и поучением: Мы не преступники, идиот ты несчастный, а колония Максима Горького.

Я сам не понимаю хорошо, почему в представлении наших хлопцев Ваше шефское имя является самым убедительным и неотразимым аргументом против смешивания нас с «преступниками», но это так. Отрывок из недавней речи:

- ...вы ничего не понимаете, товарищ. Если вы ехали в колонию малолетних преступников, то, значит, не туда попали. Здесь колония Максима Горького.

Ваше имя и Ваша личность для всех нас лучшее доказательство, что мы тоже люди. В день Вашего рождения у нас серьезно ставится девиз «Каждый колонист должен доказать, что он достоин носить имя Горького». А теперь, когда мы почувствовали Вас не только как символ, а как живую личность, когда мы все держали в руках лист, который держали и Вы, и когда мы услышали Ваши слова, обращенные к нам, о свободной и счастливой жизни, нам сам черт не брат. Ваше шефство для нас большое счастье, и много, очень много сделано нашими воспитателями только благодаря Вам.

Сейчас у нас серьезно ставится вопрос о переводе колонии в новое имение с 1000 десятин и об увеличении ее населения до 1000 детей. Мы ставим единственное условие, чтобы колония осталась горьковской.

Простите, что так много написал.

Отчета печатного у нас нет. Вместо него посылаю Вам книжку Маро[2]. В ней на с. 61 - 77 описание колонии, правда, немного устаревшее.

В конце августа празднуем 5-летний юбилей и готовим юбилейный сборник. Тогда Вам пришлем. На днях вышлю Вам большие снимки, а пока посылаю несколько последних любительских.

Теперь мы будем писать Вам часто. За подарок (книги) благодарим Вас крепко, но Вам не нужно думать ни о какой материальной помощи, Вы для нас дороги и страшно «полезны» только тем, что живете на свете. Хлопцы просили у Вас портрет. У нас действительно нет хорошего портрета и достать негде - есть только маленькие. Большой я сам нарисовал углем по репинскому портрету. Сейчас снимаем копию с портрета в «Огоньке». Но у Вас ведь тоже большого портрета нет.

Если Вы будете в России, Вы когда-нибудь подарите нам знамя. Может быть, Вы не согласитесь со мной, что это будет страшно хорошо. И «полезно». Простите за шутку.

Хлопцы заваливают мой стол своими письмами. И спрашивают: «А это ничего, что мы так написали?» После этого можно еще пять лет поработать в колонии.

А. Макаренко

Пед. соч., т. 1, с. 320-322. Без даты. Датируется по содержанию и датам в письмах колонистов.

1 Подготовку этого: см. ниже текст «В Главсоцвос: проект «крупного воспитательного предприятия».

2 Говорится об упоминаемой ранее книге Маро (М. И. Левтитиной).

В Главсоцвос: проект «крупного воспитательного предприятия»

Заведующего Полтавской трудовой колонией им. М. Горького А. Макаренко.

Докладная записка

В опыте колонии им. М. Горького выработаны более или менее серьезные методические данные для постановки более широкого и глубокого опыта по перевоспитанию правонарушителей, сохраняющиеся пока что в накопленной сумме живых сил педагогического коллектива, заканчивающего пятый год работы почти без изменения в своем составе и поддерживаемого достаточно дисциплинированным и воодушевленным основным составом колонистов.

Длительный и трудный процесс ремонта [зданий колонии] и [хозяйственного] «обрастания» всего на 40 десятинах, не поддержанный

помощью почти ниоткуда, давал выход энергии колонистов. В настоящее время этот процесс почти закончен. Хозяйственные рамки становятся слишком тесными для 120 воспитанников, обладающих опытом и умением работать. Расширить их на месте нет никакой возможности.

В то же время мой личный опыт и выводы из многих размышлений над условиями и задачами советского воспитания[1] подсказывают мне путь, который является проектом не только для колонии им. М. Горького. Мне представляется, что реализация этого проекта поможет разрешению кризиса, наблюдающегося в деле борьбы с беспризорными и правонарушениями. Мне стороной известно, что для расширения этой борьбы в настоящее время имеются большие материальные возможности в Наркомпросе, ЦКПД[2] и в местных бюджетах.

Перевоспитание правонарушителей разбито у нас но многочисленном учреждениям. Если прибавим к ним еще более многочисленные учреждения для беспризорных детей, то получается довольно цельная, но печальная картина. При нашей бедности на педагогические силы и при общей неприспособленности нашей интеллигенции к серьезной работе мы непременно должны были прийти к тому (и пришли), что средняя воспитательная работа колоний не имеет ни стиля, ни системы. Карликовые хозяйства колоний, украшенные тремя-четырьмя ремесленными мастерскими, представляют прямо ужасный фон определенно мелкобуржуазного оттенка, на котором даже талантливый коллектив никакого пролетарского рисунка не добьется.

Финансирование этих многочисленных колоний государственными и местными бюджетами является делом страшно неэкономным. Например, для 10 колоний по 100 детей каждая нужно не меньше 100 лиц воспитательского персонала, между тем как для одной колонии в 1000 детей за глаза довольно 25 - 30 воспитателей[3]. Экономия здесь будет не только в деньгах: гораздо легче найти 25 хороших воспитателей, чем 100. Такая же экономия должна получиться и в содержании административного и технического персонала, в содержании зданий, в отоплении, в оборудовании и т. д.

Если мы примем во внимание, что в большинстве наших колоний персонал и руководители меняются очень часто, что ведение хозяйства часто

заключается просто в расходовании ассигнованных сумм, а иногда принимает вид неумелого прожектерства, то станет ясно, что наши просвещенческие центры имеют ежегодно огромный непроизводительный перерасход [средств], не получая взамен никаких особенных эффектов в работе учреждений. Более экономный расход средств и личных сил должен быть поставлен нашей целью[4].

Необходимость реорганизации подсказывается и общим направлением государственной и экономической жизни советских республик.

Мелкие воспитательные предприятия должны постепенно отживать и заменяться мощными очагами воспитания, капиталистически организованными[5] и основанными на экономном и точном расходовании личных и материальных сил в условиях крупного производства и сложного коммунального быта. Мелкоремесленный или мелкоселянский тип детского хозяйства, представляющий примитивную коммуну, - совершенно не то, что требуется новому пролетарскому обществу, быстрыми шагами идущему к электрификации и американскому типу производства.

Идея крупного воспитательного предприятия в нашем обществе не нова[6]. У нас имеются почины в этой области, но они не продуманы до конца и совершенно не выдержаны как почины педагогические. Крупные колонии с большим хозяйством у нас организованы так, что в них превалирует хозяйство, а не педагогика. Сплошь и рядом при этом само направление хозяйственной работы производится из города в меру хозяйственных талантов и хозяйственного зуда отдельных лиц и без всякого отношения к вопросам воспитания детского коллектива. Хозяйство в таких случаях рассматривается как источник средств для содержания воспитанников, и только.

Для того чтобы сохранить чистоту педагогического подхода, нужно крупное хозяйство рассматривать исключительно как условие воспитания, а хозяйственный успех - как воспитывающий импульс. В таком случае финансовое благополучие воспитательного учреждения должно пониматься не как наименьшая стоимость содержания одного воспитанника, а как наименьшая стоимость «продукта», то есть содержания воспитанника,

получившего вполне удовлетворительное воспитание к моменту выпуска из колонии.

Превалирование педагогических целей в организации крупного воспитательного предприятия должно отразиться в точных формах соответствия между «орудиями производства» и «материалом», понимая под орудиями производства как живые [человеческие], так и материальные [хозяйственно-бытовые] факторы, а под «материалом» - собственно детский состав. Характеристические качества продуктов собственно хозяйства, например зерна от урожая или фабрикатов, должны рассматриваться в качестве «орудий» [нашего воспитательного] «производства».

В большинстве случаев, разумеется, качественная оценка хозяйственных достижений не будет противоречить оценкам педагогических достижений, но принципиально это противоречие всегда необходимо иметь в виду. Ряд хозяйственно-полезных условий может выражаться как a+b+m+n+u, в то время, когда ряд педагогических полезных условий может принять вид a+b+g+d+n.

Ясно, что в воспитании за основание должен быть принят второй ряд. Иначе говоря, мы должны отбросить хозяйственно-полезное условие m+u и вместо него использовать хозяйственно-безразличное или даже вредное d+g[7]. При этом нельзя говорить об убыточности предприятия, как нельзя говорить об убыточности канатной фабрики на том основании, что на ее территории мало собирается картофеля.

Организация чисто педагогической системы хозяйства, создание воспитательного учреждения в условиях хозяйства требуют огромной энергии и творческих сил. Все детали организации должны быть рассмотрены с точки зрения превалирования педагогических целей.

При этом больше всего нужно бояться предварительного суждения о средствах. Стройные системы средств, оправданные в глазах их авторов кажущимся соответствием по отношению к целям на деле часто оказываются стоящими в положении противоречия не только с какими-либо целями, но даже просто со здравым смыслом. Необходимо делать установки только на месте в зависимости от данных условий.

Все вышеизложенное, по моему мнению, является необходимой предварительной оговоркой, которая должна предшествовать серьезному педагогическому начинанию.

Имея впереди всегда эту оговорку и руководствуясь исключительно желанием принести мои силы и опыт, а также силы и опыт, сконцентрированные в коллективе им. Горького, на пользу более широкому и правильному опыту, я предлагаю Главсоцвосу следующий проект:

1. Все перевоспитание правонарушителей для Украины или, по крайней мере, для Харьковской области сосредоточивается в одной трудовой колонии, расположенной вблизи Харькова.

2. Организация этой колонии должна принять формы крупного сельского и промышленного хозяйства. Как идеал или предел нужно поставить колонию с несколькими тысячами детей на нескольких тысячах десятин. В ближайшие же годы она должна иметь до одной тысячи десятин при одной тысяче детей. Со временем она должна заключать в себе несколько производств фабричного типа, а еще лучше комбинат этих производств с таким расчетом, чтобы работа на них давала возможность развиваться разнообразным силам и способностям воспитанников.

3. Нет никакой необходимости сразу и капитально устремляться к указанным конечным целям. Молодой коллектив должен развиваться постепенно, но основательней. Первые годы должно посвятить организации сельского хозяйства как фундамента для будущего. Его доходы со временем поступят на расширение работы. Весьма трудным и ответственным представляется вопрос о характере промышленности трудовой колонии, и решен он может быть только после основательного анализа всех данных.

4. Колония не должна преследовать цели ремесленной или иной специальной выучки. Ее цель должна быть точно ограничена[10], как и всякая серьезная деловая цель, - это «санитарно-социальная» работа, перевоспитание правонарушителей. Ремесленная или иная выучка может быть дополнением. Все меры должны быть направлены к тому, чтобы колония имела возможность весь свой готовый «продукт» отдавать обществу, чтобы немедленно принимать от него новый «материал».

Забота о выпускниках может принадлежать колонии, но только как отдельно поставленная задача, не изменяющая характера основной задачи. Учреждения патронирования, профшколы, фабзавучи и рабфаки должны принимать от колонии дальнейшую работу по специальной подготовке воспитанников. С этими воспитанниками колония может находиться в связи и помогать им, но методы прямой работы с ними уже будут находиться в руках указанных учреждений.

5. Колония должна принять формы производственной коммуны, с полным самоуправлением и с наибольшим формальным равенством положений воспитателей и воспитанников[11]. В то же время коммуна эта должна отличаться железной дисциплиной и подтянутостью. Исполнительные и руководящие органы колонии должны обладать правом принуждения[12]. Вся система самоуправления должна быть построена по типу не демократического народоправства[13] (как это очень часто предлагается в нашей литературе), а по типу демократического централизма[14], как можно с более широким развитием метода уполномочий и поручений и с наименьшим употреблением действий и решений «толпового» типа.

6. Заведующий колонией должен рассматриваться как полномочный представитель коммуны во всех случаях его действий, не расходящихся с имеющимися директивами органов самоуправления.

7. Сверх того, ему должно быть предоставлено право приглашения персонала, а также увольнения сотрудников до истечения шестимесячного стажа без объяснения причин.

8. Педагогический совет должен иметь характер научпедкома[15]. В области установления конституционных и методических форм он должен почитаться высшим наблюдающим органом. Ему также должно принадлежать право оценки и выпуска воспитанников, а также оценки работы воспитателей.

9. Общее направление воспитания должно руководствоваться ближайшими реальными целями, достижение которых прямо необходимо для нашей страны. Эти цели будут: дисциплинированность, работоспособность, честность, политическая сознательность. Нужно принять геройские меры, чтобы удовлетвориться этим минимумом. Всякая

романтика, обычная у нас, должна быть отброшена, ибо без достижения указанного минимума всякие разговоры о чем-либо ином смешны и, напротив, достижение этого минимума открывает широкие просторы по всем направлениям.

10. Общая система воспитывающих влияний должна быть организована так, чтобы влияние живых деятелей (воспитателей) не передавалось непосредственно детям, а направлялось исключительно на создание «мертвых» источников влияния, организуя таким образом целостную стихию влияющего коллектива.

11. Одним из важнейших институтов «механического» влияния[16] должен сделаться быт воспитательского персонала, к которому должны быть предъявлены соответствующие требования и условия при самом определении на службу. Этот быт должен характеризоваться более глубоким сближением жизни воспитателей с общей жизнью коммуны, сокращением частно хозяйственных явлений в среде персонала и по возможности сокращением числа семейных образований узко домашнего типа.

12. Для сообщения воспитательной работе более здоровых нравственных условий должны быть приняты следующие меры: а) присылка в колонию не только правонарушителей, но и беспризорных; б) право общего собрания колонистов или органа, его заменяющего, принимать по своему усмотрению непосредственно обращающихся к нему беспризорных детей; в) право того же собрания увольнять из колонии колонистов, явно не желающих подчиняться порядку колонии; г) абсолютно деликатное обращение с термином «правонарушители», неупотребление его в названии колонии и в официальной переписке.

13. Сразу или со временем должна быть изменена система финансирования колонии. Нынешняя система сметных ассигнований по параграфам и статьям годилась для старых детских общежитии и приютов и решительно противоречит нынешней системе коллективно-хозяйственного воспитания. Все суммы, ассигнуемые центром, должны полностью находиться в распоряжении органов самоуправления.

14. В связи с этим должна быть уничтожена система твердых штатов[17].

Если Главсоцвос найдет возможным приступить к организации предлагаемого мною опыта, я прошу доверить его мне и коллективу воспитателей и воспитанников колонии им. М. Горького. Подыскивание соответствующего имения и процесс сведения нескольких колоний в одну представляют технические трудности, разрешение которых не должно никого останавливать. Когда организуется фабрика, никого не останавливает вопрос ее территории.

В своем проекте я не касался деталей. Внутренний план организации коммуны и хозяйства не нужно рассматривать сейчас во всех подробностях. Я даже не надеюсь на готовые формы, имеющиеся в колонии им. Горького, а предпочитаю рассчитывать на воодушевление и опыт моих товарищей. Я глубоко уверен что предлагаемая мною колония способна будет сделаться одним из интересных явлений в Советском Союзе. Важно очень, чтобы с самого начала со стороны центральных органов дело было поставлено с достаточным размахом и простором для инициативы.

А. Макаренко

Пед. соч., т. 1, с. 40-44. Данный проект – основанная на несомненном к этому времени успехе макаренковского педагогического опыта попытка развить его и апробировать в более широком масштабе, усиливая его социально-педагогическую значимость. Возникла идея организации педагогического учреждения на базе «крупного сельского и промышленного хозяйства», использующего машинную технику и передовые методы коллективного труда. Этот замысел привел А. С. Макаренко к выдвижению на первый план проблемы «параллельности» производственно-хозяйственной и педагогической деятельности, к разработки концепции «чисто педагогической системы хозяйства» и понятия: «воспитательное предприятие» (затем – «воспитательного коллектива»).

И хотя проект рассчитан на работу с несовершеннолетними правонарушителями, он, как и весь целенаправленный опыт А. С. Макаренко, ориентирован на решение общепедагогических проблем. Одновременно это и обращение к вопросам «педагогизации» общественного производства, к процессу социализации и воспитания трудящихся в определенной системе общественно-производственных отношений. (Данный аспект впоследствии по достоинству оценил экономист академик Л. И. Абалкин: «Педагогика А. С. Макаренко не «школьная», а социальная, она становится особенно нужной сейчас, когда экономический анализ без

оценки социально-культурных явлений будет несовершенным и неполноценным» - Звезда, 1989, № 2, с. 172.

Экономист Г. Х. Попов: гениальность А. С. Макаренко (и корень необычайного успеха его педагогической практики – А. Ф.) заключается в том, что он «первым понял: вся система нравственного (духовного – А. Ф.) воздействия должна базироваться на каком-то мощном материальном факторе, который был бы решающим в жизни человека. И он безошибочно выбрал труд... Развертывание детского труда должно быть тесно увязано с изменением всей сферы труда в обществе» - Советская Россия, 12 марта 1988 г.).

К замыслу укрупненного педагогического учреждения А. С. Макаренко обращался неоднократно: 1927 г. – организация Трудового детского корпуса Харьковского округа, около 10 тыс. детей (см. ниже по текстам); 1932 г. – объединение коммуны им. Ф. Э. Дзержинского с колонией им. М. Горького в виде «федерации», «комбината» (см. Соч. в 7 тт., т. VII, с. 479-480); 1933 г. – предложенный ГПУ УССР план объединения коммуны им Ф. Э. Дзержинского, Прилукской и Полтавской трудовых коммун; 1934-1935 гг. – Организация Украинского трудового детского корпуса, 12 тыс. детей (см. т. 1, с. 204-210, 258).

Макаренковский проект 1925 г. как план организации «Центральной колонии для правонарушителей» был обсужден 23 сентября 1925 г. на заседании Управления соцвоса НКП УССР (докладчик А. С. Макаренко; в заседании участвовали Кириченко, Слодуб, Берлин, Ганджий, Качанов, Котельников, Залужный, Мостовой и др.).

Решили: Поручить Научпедкому ознакомится с педагогической стороной проекта Макаренко и внести коррективы; Поручить Инспектуре решить вопросы, связанные с материальной стороной проекта; Поручить коллективу колонии им. М. Горького разработать конкретный план претворения проекта в жизнь. (Опускула макаренкиана, № 5, - Марбург, 1985, с. 11). Общая работа в этом направлении привела к плану персвода колонии на Запорожье, а в конечном итоге – к ее объединению с колонией в Куряже (под Харьковым), к «завоеванию Куряжа». Далее – создание Трудового детского корпуса Харьковского округа (см. тексты ниже).

Основанная на опыте колонии горьковцев, затем коммуны дзержинцев макаренковская идея более широких социально-педагогических преобразований оказались неосуществимой.

1 Данное высказывание – еще одно подтверждение того, что А. С. Макаренко на базе своей трудовой колонии целеустремленно ставил и решал общие проблемы воспитания, вопросы его целей и задач, условий.

2 Центральная комиссия помощи детям при ВУЦИКе, Деткомиссия, Помдет – межведомственный орган по борьбе с детской беспризорностью и преступностью. Председатель комиссии – Г. И. Петровский, председатель

Президиума Верховного Совета УССР в 1919 – 1938 гг. Образована в декабре 1922 г. по образцу комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссии) при ВЦИКе РСФСР, первый председатель – Ф. Э. Дзержинский.

3 Расчет: 1 воспитатель на 39-40 воспитанников. Сэкономленные средства (по штатному расписанию) А. С. Макаренко использовал на повышение зарплаты воспитателей.

4 Хозяйственно-экономное расходование финансовых средств и «личных сил» работников педагогического учреждения – вопрос, органически включенный А. С. Макаренко в теорию и практику воспитания.

5 Имеется в виду, как сказано ниже, «американский тип производства», повышение производительности труда на основе его промышленной организации и концентрации производства.

6 А. С. Макаренко подразумевает, вероятно, опыт «детских городков», среди которых широко известными были Первый одесский детгородок им III Интернационала (от 2,5 до 3,5 тысяч воспитанников, в 1921 г. объединил 24 детдома) и Ахтырский детгородок (принял воспитанников 17 харьковских детдомов). В Харьковской губернии действовало 9 детгородков.

В середине 20-х гг. в украинском соцвосе появились сторонники укрупнения детских интернатных учреждений, укрепления их хозяйственной базы, расширения сети детгородков. Возникла идея создания крупных детских городков, до 10 тысяч детей; об этом говорилось в статье Г. И. Бройдо (газ. «Правда», 1926, № 32).

7 Дается уникальный пример конкретного решения проблемы «параллельности» двух «рядов» условий: хозяйственно-полезных и педагогически полезных, - с приоритетом второго ряда и устранением противоречия хозяйственных и педагогических достижений (см. в тексте выше и ниже).

Примеры невнимания к педагогическому аспекту производственной деятельности: С. И. Халабуда – «представитель утилитарно-хозяйственной педагогики»; А. М. Бранд – «о педагогике как средстве не думает, полагаясь больше на само дело в его производственном и хозяйственном выражении» (см. в данной книге «Типы и прототипы»).

8 Затрагивается проблема «логики педагогической целесообразности» («педагогической логики»), т.е. соответствия в педагогической деятельности ее целей, средств и результатов.

9 Коллективу в своем развитии должна быть предоставлена возможность самому «творить формы своей жизни и быта», дано право «свободного развития детского общества и общества педагогов» (т. 1, с. 69).

10 Сочетание «точно ограниченной» педагогической цели (реально достижимой и контролируемой практически, см. ниже определение ее «минимума») с более широкими и перспективными целями – характерная особенность работы А. С. Макаренко в педагогике. И еще один пример «параллельности» двух «линий» в воспитании, в сфере его целей.

Сказанное ниже: «ремесленная или иная (выше – «специальная») выучка» может быть лишь дополнением» - указывает на первенство воспитания, в его связи с трудовым, профессиональным обучением. Такое обучение – главное в системе: «профшколы, фабзаучи и рабфаки» (см. ниже).

11 «Формальное равенство положений воспитателей и воспитанников» в его внешнем выражении и ведущая роль педагога по существу дела – главное в «параллельном действии». Его объяснение в плане сознательного раздвоения «официальной формулировки» и «сущности» см.: т. 4, с. 165-166. Мы с личностью как бы «не имеем дела», она не объект воспитания; есть лишь определенная жизненная необходимость – такова глубоко гуманистическая «особо сложная инструментовка прикосновения к личности».

12 Макаренковскую трактовку «принуждения», ее отнесенность по существу лишь к вопросу о применении наказания в области воспитания см.: т. 4, с. 76.

13 «Народоправство» - термин, свойственный российской партии социалистов-революционеров (эсеров; дается по «Опускуле макаренкиане», 3 5, с. 123).

14 «Демократический централизм» - организационный принцип деятельности ВКП(б), сочетающий демократизм с дисциплиной.

15 Имеются в виду функции Научно-педагогического комитета НКП УССР.

16 «Механическое влияние» - неосознаваемое, незаметное, «машинальное». «Мертвое» влияние (в отличие от «живого», влияния «живых деятелей») – влияние педагогически организованной среды, жизненных обстоятельств. Ж. Ж. Руссо: «Воспитание мы получаем от природы, или от людей, или от вещей» (Хрестоматия по истории педагогики, т. 1/ Сост. И. Ф. Свадковский. – М., 1936, с. 334). И. Г. Песталоцци: «великий основной принцип всякого естественного развития, принцип: «Жизнь образует» (там же, с. 556).

17 А. С. Макаренко основательно обогатил педагогику введением в нее проблем финансирования, финансово-хозяйственной деятельности воспитательно-образовательного учреждения, его штата и общего управления им.

Всем сотрудникам Главсоцвоса, приглашение

24 августа 1925 г.

Колония им. М. Горького в воскресенье 30 августа празднует пятилетие своего существования и ожидает, что Вы окажете любезность и прибудете на праздник к II час.дня.

Заведующий колонией *А.Макаренко*.

Секретарь совета командиров (подпись неразборчива).

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 118. Такое же приглашение послано сотрудникам ЦК профсоюза работников просвещения УССР. 7 авг. 1925 г. председатель его правления А. М. Мизерницкий сообщил колонии им. М. Горького, что президиум этого профсоюза постановил «отпустить своей подшефной колонии 500 руб. для приобретения инструментов духовного оркестра... Одновременно сообщаем, что в середине августа Вашу колонию посетит экскурсия западно-европейских учителей». 24 августа 1925 г. А. М. Мизерницкий получил «мандат» для представления Президиума ЦК Робос на 5-летнем юбилее колонии им. М. Горького (дается по изд.: Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть II, с. 71-72). Приглашения посланы и в другие организации.

О специальном решении Полтавского окрисполкома в связи с предстоящим юбилеем колонии сообщила газета «Большевик Полтавщины», 2 сентября 1925 г. Эта газета 23 августа дала материал: «Полтава готовится к встречи заграничных учителей» (делегация из 38 чел., прибудет 25 или 26 августа, посетит учреждения наробраза, колонию им. М. Горького, детгородки и др.). Приезд не состоялся из-за перегруженности программы пребывания делегации в Харькове, недостатка времени. Делегацию сопровождал А. М. Мизерницкий.

***Дополнение.* В день юбилея горьковской колонии А. С. Макаренко преподнесен Приветственный адрес:**

«Празднуя сегодня пятилетний юбилей колонии, вся ваша семья приветствует Вас, дорогой Антон Семенович, как основателя ее и руководителя, положившего все свои силы и труды в основу великого дела воспитания юношества.

Вы своей неослабевающей энергией вдохновляли идущих рука об руку с Вами по трудовому пути, освещенному ярким лучом Вашего ума и доброго сердца. Оно было родным и чутким для нас всех, заброшенных на большой жизненной дороге. Своей теплотой, сердечностью и лаской Вы сумели сблизить и сроднить нас, всех обездоленных и далеких, в одну большую колонийскую семью, а своим неустанным трудом и любовью к нему приучили и нас быть полезными обществу и государству.

Труд Ваш, Антон Семенович, был слишком тяжел, и много преград было на пути Вашей работы. Зато теперь, в день нашего юбилея, подводя итоги развития нашей мощи, духовной и материальной, мы все от всей души шлем Вам горячее искреннее спасибо. Побольше Вам простора, и наша уверенность в будущем претворится в действительность».

Далее следует 167 подписей воспитателей-учителей, сотрудников и воспитанников. Вначале подписи Е. Ф. Григорович, В. И. и Н. Т. Поповиченко, Е. Ф. Стебловская, Н. Э. Фере, Л. Т. Коваль, А. П. Сагредо, О. П. Ракович, М. Николаенко и др.

Затем подписи воспитанников: С. А. Калабалин, И. Г. Колос, П. П. Архангельский, Г. И. Супрун, Н. П. Лапотецкий, Н. Ф. Шершнев, Агнивцев, Стебловский, Суховин, Волков, Петров, Галатенко, Дуденко, Ледак, Белковский и др.

Адрес – серая коленкоровая папка с золотым тиснением цветочного орнамента, внизу в правом углу металлическая пластина с гравировкой: «Антону Семеновичу Макаренко. Колония им. М. Горького». Текст и подписи на двух вкладных листах, прикрепленных к папке белым шнуром. Над текстом – пейзаж и цветы, акварель. (Экспонат Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко в г. Кременчуге).

Очерк работы Полтавской колонии им. Горького

30 августа Полтавская Трудовая колония им. М. Горького отпраздновала пятилетие своей работы. В самом юбилее этом нет ничего, разумеется, особенно значащего: в конце восьмого года советской власти любому учреждению не мудрено иметь за плечами пять лет. Особенное значение в нашем юбилее имеет то обстоятельство, что мы праздновали не только пятилетие учреждения, но и пятилетие работы основного кадра коллектива. С основания колонии в 1920 г. этот основной кадр в составе заведующего и трех воспитателей только дополнялся новыми работниками, которые в свою очередь остаются в колонии до настоящего времени. Таким образом, мы имеем сейчас коллектив воспитателей в количестве 12-ти человек, из которых четверо с пятилетним стажем по колонии, один с четырехлетним, трое - с трехлетним, двое - с двухлетним, только двое - с одногодичным. Следовательно, средний стаж одного члена педколлектива 3,25 года[1], цифра огромная для стационарного учреждения с правонарушителями.

Это весьма счастливое обстоятельство определило цельность развития педагогической линии колонии. Обычно у нас это очень редко бывает: переменные группки педагогов обычно не успевают продумывать и доводить до конца ясную систему организации. Наш соцвос предоставляет достаточно простора для местного творчества, в результате которого каждое детское учреждение должно найти свой тон, систему и стиль, отражающие особенность местных условий и специальных целей[2]. К сожалению, текучесть педколлективов, а в особенности их негармонированный состав, случайности соединения отдельных членов почти не оставляют возможности для создания цельной системы в каждом учреждении.

Колония Горького оказалась исключением. Плоха или хороша наша система, судить не нам, но зато мы имеем возможность в течение пяти лет, во-первых, тщательно проверить и пересмотреть детали; во-вторых, приобрести почти механические навыки, позволяющие нам совершать довольно большую работу без особого вреда для наших нервов.

В настоящем очерке я не имею возможности подробно описать работу колонии. Я могу только бегло коснуться отдельных проблем перевоспитания[3], поскольку в нашей практике заключались попытки того или иного их разрешения.

1. Краткая история

Колония открыта в 1920 году Полтавским Губнаробразом. Для нее отведено было старое имение колонии малолетних преступников, состоявшее из пяти каменных флигелей, расположенных на 12 десятинах сыпучего песка и требовавших ремонта. В январе 1921 года в распоряжение колонии было передано разрушенное имение бр. Трепке. Небольшие средства, отпущенные для ремонта Полтавским губисполкомом, позволили уже к концу лета 1921 года поселить в имении б. Трепке 6 воспитанников. В течение 5 лет колония производит капитальный ремонт этого имения и закончила его только благодаря помощи ЦКПД. По мере выполнения ремонта колония постепенно перебрасывала из старого имения в новое своих воспитанников и, наконец, оставила старое имение в ноябре 1924 года. Общий рост числа воспитанников был такой: 1921 г. - 30, 1922 г. - 50, 1923 г. - 70, 1924 - 100, 1925- 130[4].

С 1922 г. колония состоит на госбюджете, как опытное учреждение Наркомпроса УССР.

II. Хозяйство

По мысли педколлектива хозяйство должно было сделаться основным фоном педагогической работы колонии. Именно поэтому колония добивалась получить имение Трепке, так как при нем есть 40 десятин пахотной земли, луг и небольшой сад. В течение пяти лет колония развивала свое хозяйство, в последние годы взяв курс на животноводство. К юбилею мы имели 8 лошадей, 5 коров, 7 штук молодняка, 30 овец, 80 свиней английской породы.

В 1924 году колония получила в аренду на два года паровую мельницу б. Трепке, находящуюся в самой усадьбе колонии, и уже второй год вертит ее без особой прибыли, благодаря отсутствию оборотного капитала, тяжелым условиям аренды и др. причинам, заключающимся в самом факте краткосрочной аренды.

Если сравнить хозяйство колонии им. Горького с хозяйствами др. колоний, напр., Ржавецкой или Будищанской, оно будет представляться почти жалким. Сколько-нибудь сносного чернозема у нас только 27 десятин, на котором разгуляться негде. В то же время мы можем похвастаться тем, что наше хозяйство развивается без всякой опеки: за пять лет колония ни разу не была предметом чьего-либо исключительного внимания.

Может быть, это обстоятельство было одним из самых полезных в воспитательном отношении. Мы имели возможность не зарыться в хозяйстве, не сделались его рабами. Проблема хозяйства в детском рождении - весьма важная проблема, которую нельзя пока что считать решенной. Во всяком случае, хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор. Его успешность, конечно, необходима, но не больше всякого другого явления, полезного в воспитательном отношении. Проще говоря, в хозяйстве должны превалировать педагогические задачи, а не узко хозяйственные.

Определить хозяйство как педагогическое условие легко только в короткой формуле. На деле нужно всякую хозяйственную деталь, всякий частный хозяйственный процесс ощущать как явление педагогическое. Это требует огромного внимания и осторожности. Превалирование

воспитательных задач может иметь место только с точки зрения педагога-организатора. Воспитанник, да, пожалуй, и рядовой воспитатель должны всерьез переживать хозяйственную работу, не отвлекаясь никакими посторонними соображениями. Сумма этих переживании и составляет этот основной фон, на котором пишется чисто педагогический рисунок. Воспитание и перевоспитание, если оно должно направляться параллельно общему движению нашего общества, не может принять иных форм, кроме формы коллективного хозяйствования, формы полной коммуны. Трудовой процесс, с нашей точки зрения, является процессом педагогически нейтральным[5], и трудовая педагогика есть нечто чуждое нашему обществу[6]. Только труд в условии коллективного хозяйства для нас ценен, но ценен только потому, что в нем в каждый момент присутствует экономическая забота, а не только трудовое усилие.

Хозяйственная (экономическая) забота, с нашей точки зрения является элементарным объектом воспитания. Я не имею места и времени, чтобы в этом очерке развить эту мысль, она требует, конечно, солидных аргументов. Но и для общего взгляда ясно: только переживание хозяйственной заботы может дать мощные толчки, с одной стороны, для воспитания нужных нам качеств коллектива, с другой - для логического оправдания норм поведения личности в коллективе. А как раз качество коллектива и нормы поведения личности в коллективе являются местом, где располагаются наши цели.

Вышеприведенные краткие формулы не составлялись педколлективом им. Горького предварительно: они выведены из пятилетнего опыта, из многих случаев наблюдения воспитательного эффекта. Как на самый яркий пример, укажу на различие между столярной и сапожной мастерскими. Столярная мастерская у нас так и не успела сделаться строго ремесленной потому, что всегда была завалена требованиями хозяйства; сапожная же давно замкнулась в узком трудовом кругу. И вот все воспитанники столярной мастерской всегда являются участниками руководящей колонийской верхушки, в то время как сапожники почти не поддаются влиянию колонии.

Это один из многих примеров, при помощи которых мы могли бы доказать правильность нашей точки зрения.

Сделав хозяйственную работу отправной точкой в процессе воспитания, мы, в полном согласии с теорией исторического материализма, все формы нашей жизни и организации вывели из хозяйства и хозяйствования. Главные формы, о которых я успею упомянуть: это хозяйственные требования к воспитателю и воспитаннику, организация хозяйственно-активных отрядов, точная дисциплина, труд, осложненный хозяйственной целью, игнорирование узкоиндивидуальных черт колонистов, хозяйственная позиция по отношению к окружающему миру.

III. Воспитатель

Очень часто педагоги, посещающие колонию, задают мне убийственный вопрос: «Почему ваши воспитатели несут так много хозяйственных обязанностей, ведь у них не остается времени для воспитательной работы?» На вопрос этот мне отвечать очень трудно, потому что нужно начинать «с Адама», но вопрос правильно характеризует работу нашего воспитателя.

Главная задача нашего воспитателя - отнюдь не воспитывать. Просто противно здравому смыслу рассчитывать, что десяток интеллигентных людей, случайно собранных в колонии им. М. Горького, может воспитывать 130 правонарушителей. Воспитатели – люди обыкновенные. Если они переженятся и народят детей, то я ручаюсь, что 50% их потомства будут плохо воспитаны, не говоря уже о том, что в их воспитании не будет требуемого стиля. Честные работники-воспитатели это и сами прекрасно понимают.

Воспитывает не воспитатель, а среда. Последняя в колонии, благодаря усилиям направляющего педколлектива, организуется наиболее выгодным образом вокруг центрального пункта - процесса хозяйствования, но эти усилия отнюдь не имеют сами по себе воспитывающего характера. Воспитатель должен участвовать в хозяйстве наравне с воспитанником и только в меру его знания, работоспособности и ответственности он может иметь некоторое преобладание в деле организации хозяйственных элементов. Никаких иных функций у него быть не должно. Надзор, нравоучение, нравственный пример, волевое давление могут иметь место постольку, поскольку они оправдываются понятной для всякого хозяйственной логикой.

Разумеется, над хозяйством естественно надстраиваются многие явления жизни, в среде которых воспитатель может иметь некоторое особенное значение, но и оно никоим образом не может характеризоваться, как влияние человека на человека, как воспитание[7].

Говоря коротко, воспитатель - только живой деятель, цель которого – служить регулятором внешних по отношению к нему и к воспитаннику хозяйственных и бытовых явлений.

IV. Воспитанник

В такой же точно мере мы старались выдержать чистоту логического подхода к воспитаннику[8]. Принимая его в нашу коммуну, мы прежде всего предъявляем к нему общинно-хозяйственные требования. Педагогическая поза даже в самой малой степени не должна, по нашему мнению, быть заметна колонисту. Всякое педагогическое устремление должно быть хорошо спрятано в кабинете организатора. В живом быту коммуны воспитанник не должен чувствовать себя объектом воспитания, он должен ощущать только прикосновения точной логики нашего общего хозяйства и требования здравого смысла, которые предъявляются к нему со сторона различных сторон нашего быта. Разумеется, сама воспитывающая роль учреждения не может быть совершенно скрыта. Иногда в интимных вечерних разговорах колонисты говорят: «В колонии хлопцы страшно изменяются, а отчего, кто его знает. Я вот пришел перед первым снопом[9], а когда отаву снимали, уже был совсем другой. Кто его знает от чего?»

Часто и воспитатели, особенно из молодых, ищут объяснения той быстрой перемене. Найти точное объяснение этому можно только после тщательного анализа всего уклада колонии, но я уверен, что в результате этого анализа мы получим элементы влияния, выраженные не педагогическими терминами.

Свобода от педагогической нарочитости позволяет всему коллективу развиваться в одной плоскости вместо обычной системы параллельного развития[10], с одной стороны, детского коллектива, с другой - коллектива педагогов. Это двойное развитие обычно приводило в лучшем случае к обособлению коллективов, а иногда и к расхождению их. В то же время эта свобода, как показал нам опыт, определяет свободу в самочувствия

воспитанника, позволяет ему более просто и радостно переживать свое детство. Это обстоятельство особенно важно, ибо им обуславливаются часто совершенно неожиданные и интересные эффекты в области тона, дисциплины, работы.

В начале нашей работы мы сознательно и принципиально решили не интересоваться прошлым воспитанника в его присутствии, не расспрашивали его о приключениях и подвигах, но все же считалось необходимым изучать «дело», приведшее воспитанника в колонию, составлять предварительную его характеристику. В дальнейшем мы убедились, что «дело» только сбивает нас с толку, устанавливает ненужную и предвзятую позу по отношению к новичку. В настоящее время мы совершенно искренно и без всяких усилий игнорируем «вчерашний день», не интересуемся «делами» и в итоге просто ничего не знаем о прошлом воспитанника. Если спросить любого из воспитателей, за что прислан такой-то или такой-то, он просто удивленно открывает глаза, - настолько крепко мы привыкли не интересоваться этим вопросом.

Результаты этого метода огромны и прямо неожиданны для нас самих. Несмотря на то, что колония почти еженедельно выпускает «стариков» и принимает новых, в ней совершенно отсутствуют разговоры о прошлом. Не сказавши ни одного слова, молчаливо и просто, воспитатели и воспитанники как бы согласились, что прошлого нет и оно не стоит воспоминаний. К новичку никто не обратится с вопросом «За что» или «Почему», а только поинтересуются: «Из какого города?», «Мать, отец живы?» Зато с чисто деловым интересом постараются проникнуть в тайны физиономии и мускулатуры, прощупать товарища и работника. Если новичок хвастливо начнет рассказывать о своих подвигах, его сурово остановят на третьем слове: «Брось чепуху молоть, здесь это никому не нужно!». Но новичок обычно и не начнет рассказывать.

Общий хозяйственный рабочий тон, быстрый бег колонийской машины, общая занятость и общая гордость своей трудовой жизнью не позволят ему даже рта раскрыть. Фигурально выражаясь, ему предложат, без лишних речей, вскочить на какую-нибудь подножку и принять участие в общем движении. Большинство новичков с радостью хватаются за первую

попавшуюся рукоятку и через месяц уже чувствуют себя колонистами. Некоторые же не находят в себе силы забыть городские рынки и кинематографы и на другой день по прибытии в колонию убегают.

Колония не только никому не препятствует уходить, а, напротив, сама объявляет: «Кто не хочет работать и быть колонистом, - проваливай из колонии». Это необходимо, как естественный результат хозяйственной организации колонии, но это необходимо и для уменьшения числа побегов. Бегут из тюрьмы, колония же - открытая детская коммуна, без заборов и сторожей. Напротив, колония всегда осаждается просьбами желающих вступить в нее, и это еще больше удаляет колонию от тюрьмы.

V. Организация

Воспитатели и воспитанники (сейчас у нас серьезно ставится вопрос об уничтожении этих терминов и замене их другими; отчасти они уже заменяются званиями колониста и старшего колониста), составляя одну коммуну, цель которой - достижение большей или меньшей культурной высоты. Всю свою жизнь, всю сумму стремлений и усилий мы должны выражать в формах культурной работы в условиях своего хозяйства.

Труд, дисциплина, быт, образовательная работа, будущее воспитанников и воспитателя, - все это должно располагаться по линии экономического прогресса коммуны, с учетом центрального основного фактора - экономического прогресса всей страны. При нынешней условиях выдержать эту формулу в точности, разумеется, невозможно. Общие условия составления штатов, нормы зарплаты и финансирования, различные формы работы персонала, регламентированные союзом, неясное юридическое положение колонии как хозяйства - все это затрудняет развитие колонии в определенном направлении, вынуждает искать обходные пути. Этими причинами обусловливается необходимость сложной организации и чрезвычайно затрудняется хозяйственно-административная работа.

Но и без этих причин организационная проблема в вопросе о коллективном воспитании всегда будет оставаться самой важной проблемой. Педагогическая литература до последнего дня почти не уделяла внимания вопросу об организации воспитательного коллектива и поэтому всем детским учреждениям приходится самостоятельно искать организационные формы.

Нужно признаться, мы не можем похвастаться особенным успехом в деле организационных форм детского учреждения. В последние годы наша беспомощность сказалась в проповеди идеи «самоорганизации». Детский коллектив в этой проповеди представляется совершенно обособленным от воспитателя и в то же время способным найти в порядке инстинктивно-хаотического творчества организационные формы своей жизни. Это, конечно, ошибка.

Детский коллектив, представленный самому себе, еще может в особо счастливом случае найти нечто, чтобы не погибнуть, но ведь нам нужно что-то большее. Нам нужны новые формы жизни детского общества, способные дать положительные искомые величины в области воспитания. Только большие педагогической мысли, только пристальный и строгий анализ, только изобретение и проверка могут привести нас к этим новым формам.

До сих пор только в пионерском движении пришли к более или менее оригинальным и живым формам организации, хотя в значительной степени они и заимствованы из бой-скаутизма.

Колония им. М. Горького в течение пяти лет напряженно искала нужные ей организационные формы жизни. В этих поисках мы не только полагались на изобретение, мы искали и среди существующих типов детских организаций. Кое-что мы позаимствовали и из бой-скаутизма, хотя для нас было совершенно ясно, что бой-скаутизм, игра по самой своей сути бедна содержанием. В скаутизме чересчур много фантазирования, чистой игры, много также прямых обращений к личности, воззваний и словесных формул. Самое же худшее - бой-скаутизм совершенно оторван от хозяйственной жизни, от всякой экономики. Многие недостатки скаутизма повторены и в нашем пионерском движении (напр., правила поведения, клятва, обилие словесных выражений), хотя пионерское движение уже стремится заменить скаутскую мораль личной благотворительности - коллективным устремлением к хозяйственно-полезной деятельности.

Но заимствования из чужой практики все же не имели большого значения в жизни колонии. Мало в ней было места и для изобретений (если под изобретением понимать наперед поставленный готовый план). Дело было так:

В конце 1921 года колония не имела ни топлива, ни обуви, чтобы заготовить топливо в лесу. Требовалось огромное напряжение, чтобы справится с холодом. С этой целью из числа всех воспитанников (всего их было в то время 30) было выделено 10 мальчиков, им была передана вся имеющаяся в колонии обувь и было поручено в течение недели заготовить 1000 пудов дров. Старшим из этих мальчиков был назначен Калабалин. Дело у этой группы пошло блестяще. Не помню, каким образом, но в колонии привилось для этой группы название «отряда Калабалина». Возможно, что в этом термине сказалось бандитское прошлое некоторых наших воспитанников. «Отряд» - термин чисто партизанский, одинаково употреблявшийся как нашими, так и белыми.

Когда отряд Калабалина закончил заготовку дров, захотелось использовать его спайку, дисциплину и обувь для другой работы – для набивки ледника. Так отряд Калабалина и остался уже постоянным явлением на зиму 21 года. К весне мы не расформировали отряд, а наоборот - остальные 20 воспитанников разбили на 2 отряда. Таким образом получилось 3 отряда. Старшие отрядов сначала пытались называться атаманами (очевидно, происхождение и этого термина), но я настоял, чтобы они назывались командирами. Так образовалась у нас система отрядов. В течение 4-х лет она очень развилась и усложнялась и в настоящее время составляет основное явление среди организационных форм колонии.

Отрядов в колонии 15. Каждый из них состоит из командира, помкомандира и 8-12 рядовых членов отряда. Отряд представляет основную и главную единицу коллектива колонии. У него своя спальня, свой стол в столовой, свое платье. Только в очень редких случаях колония обращается к тому или другому воспитаннику. Если, например, нужен курьер в город, хотя бы и для ответственного поручения, то дается такое требование: «№ отряду дать курьера в город для серьезного поручения». Конечно, отряд выберет такого мальчика, которому можно довериться. Если в колонию приезжает гость, он зачисляется на довольствие в тот или иной отряд. Служащие колонии тоже довольствуются по отрядам, которые они выбирают по своему вкусу. Я, например, обедал раньше с 3-м отрядом, а потом меня перетянули в сторожевой отряд.

Все командиры отрядов составляют совет командиров, который в настоящее время захватывает все большую и большую власть, почти совершенно оттеснив педагогический совет. Функции последнего свелись к распределению работы между воспитателями и к утверждению постановлений совета командиров, которые, впрочем, трудно было бы не утвердить. Поэтому для «контакта» в совет командиров были введены два помощника завкола, секретарь педсовета и старший инструктор.

Совет командиров собирается каждую субботу в половине третьего дня. Но обычно он собирается чаще, как только возникает какой-нибудь важный вопрос. Трубачи играют сигнал «сбор командиров», и через две минуты заседание уже открывается. Председательствует в нем всегда заведующий колонией.

Главные функции совета командиров: распределение работ между отрядами, назначение командиров отрядов, назначение других должностных лиц (кладовщика, огородника, коменданта, завхоза и др.), разрешение отпусков, распределение одежды, организационные вопросы.

Распределение работ совершается на неделю вперед, по требованию завов отдельными частями. Обычно работа поручается целому отряду, но очень часто приходится из остатков отрядов составлять сводные отряды только для работы с временным командиром. Система сводных отрядов позволяет нам пропускать через командные функции значительное число колонистов. Командир постоянного или сводного отряда работает наравне со всеми членами отряда, но сверх того на нем лежит забота об орудиях, семенах, порядке во время работы и ответственность за нее. К вечеру каждого дня командир готовит рапорт о дневной работе отряда, который докладывается общему собранию, а если его почему-либо не бывает, то заведующему колонией.

Общее управление работой колонии в течении дня принадлежит дежурным по колонии, одному воспитателю и одному воспитаннику. Пара эта постоянная и подбирается по взаимной симпатии. На дежурных лежит весь порядок дня, наблюдение за работой всех отрядов, мастерских, конюшни, свинарни и проч., а сверх того - учет дневного прихода колонии - денежного, материального и продуктового, а также и расхода[11]. Как правило,

у нас постановлено, что ни один документ не действителен без подписи одного из дежурных.

Другие воспитатели либо принимают участие в работе одного из отрядов, либо в вечерние часы участвуют в клубной работе. Все они подчиняются дежурным по колонии.

Такова в главных чертах организационная система колонии. По своей подвижности она позволяет легко приспособиться к любому требованию хозяйства в течении двух-трех минут, в то же время, при помощи сводных отрядов, она позволяет наибольшему числу воспитанников проходить через хозяйственно-командные должности. Сводные же отряды дают возможность постоянным отрядам не замыкаться в своих границах. Благодаря совету командиров и дежурству по колонии, как исполнительному органу, мы имеем возможность связывать все отряды в единый коллектив.

VI. Дисциплина

Трудно определить понятие дисциплины в условиях коллективного воспитания. И тем более трудно организовать дисциплину так, чтобы не было ненужных трений в работе. В нашем обществе к вопросу о дисциплине весьма двойственное отношение. С одной стороны, дисциплина есть один из девизов нашего общества: дисциплинированный человек представляется всем манной небесной. С другой стороны, эта же самая дисциплина, по мнению очень многих, должна быть результатом какого-то вдохновения пафоса и доброй воли. В особенности эта добровольная дисциплина, долженствующая все покорить, пленяет представителей нашего соцвоса. В нашей педагогической литературе и в наших торжественных речах еще до сих пор можно услышать страшно увлекательные слова о самодисциплине.

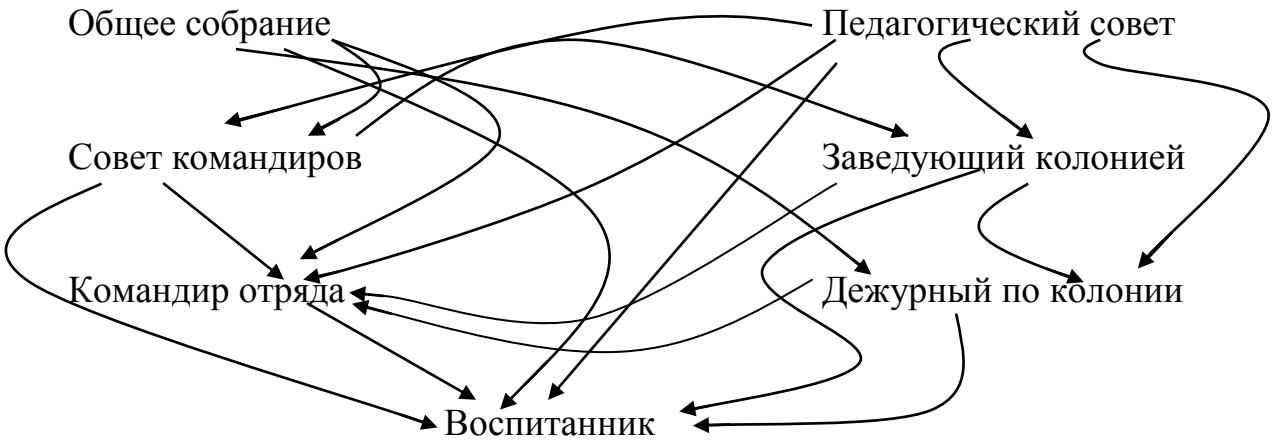
Практические работники наши, впрочем, уже не столь наивны. Жажда строгого порядка, точного распоряжения и быстрого действия, без уговаривания и речей, - это жажда всеобщая. Но проблема дисциплины в воспитательном учреждении обычно принимает непозволительно упрощенные формы. Вопрос ставится так: должно быть приказание и исполнение - это и будет дисциплина. Приказать вообще не трудно, но как добиться исполнения и что делать, если исполнения не будет? Нужно найти

ту силу, которая делает исполнение необходимым и которая определяет невыгодные последствия нарушения дисциплины.

Обычно эту определяющую силу приказания ищут там, где ее нет: либо в общественном мнении, во всеобщей воле, либо в воле одного лица. Всеобщая воля не так легко проявляется. Если собрать 120 детей на одно общее собрание, они могут принять любое решение, смотря по тому, кто будет влиять на детей. Наши педагоги очень часто производят этот фокус: после горячей убедительной речи воспитателя дети принимают то или иное решение. Присутствует ли здесь всеобщая воля? Конечно, нет. Всеобщая воля есть нечто среднее из разумных стремлений всех членов коллектива, воля же толпы есть только среднее из настроений данного момента. Никакое общество, государство, партия не может опираться на волю толпы; всякая здоровая дисциплина строится исключительно по системе полномочий, передаваемых более широкими органами более узким. Очевидно, так должна быть построена и дисциплина детского учреждения.

В колонии им. М. Горького мы пытаемся провести этот принцип. Прежде всего мы затратили много энергии на создание конституции колонии, т.е. ряда твердо установленных положений, которые обязательны для всех воспитанников и воспитателей, для всех учреждений колонии. Во-вторых, мы затратили не меньшую энергию на установление таких форм дисциплины, которые меньше всего допускали бы произвол одного лица; в-третьих, наконец, мы старались достигнуть точного соответствия между приказанием и исполнением.

Все эти три цели достигаются системой полномочий, передаваемой по такой схеме:



Всякое полномочие имеет две хорошие стороны: оно может быть легко ограничено и оно дает уполномоченному лицу право действия[12]. К примеру: отпуска дает заведующий колонией, но право получать отпуск устанавливает совет командиров, а фактическая возможность отпуска устанавливается дежурным по колонии. Поэтому у нас правило: пока отпуск не подписан секретарем совета командиров и дежурным по колонии, заведующий подписать отпуск не может. В данном случае полномочие заведующего ограничено. Но в то же время всякий воспитанник, ушедший из колонии без моего отпуска, может быть мною же наказан, хотя право отпуска было ему вообще предоставлено.

Я здесь не имею возможности описать, всю нашу систему полномочий более или менее подробно[13]. К последнему времени заведующий фактически являлся только исполнителем решений совета командиров и общего собрания, но в деле самого исполнения ему одному предоставляется право принуждения и наказания.

Нужно было бы детальнее поговорить о наказании. В колонии нам удалось найти кое-что новое в проблеме наказания. Обыкновенно наказание страдает тем, что, разрешая один конфликт, оно в себе самом содержит новый конфликт, в свою очередь требующий разрешения. Нужно было найти такие формы наказания, которые содержали бы в себе окончательное разрешение конфликта. К сожалению, мы не довели еще до конца своего опыта и поэтому воздерживаемся от выводов, но я должен сказать, что есть все основания полагать, что результаты опыта будут хорошие. По крайней мере в колонии с успехом применяется наша система уже в течение 2-х лет.

В заключение о дисциплине нужно сказать, что она, как и все в колонии, направляется логикой хозяйствования. Поэтому, например, всякое распоряжение воспитателя, если он не дежурный по колонии, не должно исполняться: каждый воспитатель подчиняется командиру отряда, в котором он работает, но всякие распоряжения дежурного по колонии и командира отряда должны быть исполнены беспрекословно и немедленно. Воспитатели, как и воспитанники, одинаково подчиняются дисциплине.

Заключение

Я коснулся главных сторон работы колонии в самых кратких чертах. К этому можно еще много прибавить. Трудовые и образовательные процессы, внутренние и внешние затруднения в жизни колонии - все это может составить темы для большей работы. Я не считал нужным касаться их в этом очерке, так как принципиально здесь колония не занимает особой позиции.

Успешна ли работа колонии?

Об окончательных результатах говорить сейчас трудно. Мы еще не наблюдали наших выпускников в жизни в достаточном числе случаев. Но те немногие десятки юношей, которые вышли в жизнь из колонии, пока что не огорчают нас. В самой же колонии мы имеем все основания особенно духом не падать: все же наши правонарушители, присланные в колонию принудительно, очень часто действительно трудные дети, живут в колонии весело и дружно, гордятся тем, что они прекрасно работают и активно и сознательно стремятся к лучшему будущему.

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах… Часть II, с. 75-88. Статья включена в издание: «5 лет работы с детьми-правонарушителями. Сборник статей работников Полтавских учреждений для правонарушителей. Под. ред. проф. Ващенко. Издание Полтавской комиссии по делам несовершеннолетних. 1925 г.».

Рукопись, размноженная на стеклографе, 100 экз. Датируется по содержанию: после 30 августа 1925 г. Предисловие в сборнике датируется 15 сентября.

В предисловии Г. Г. Ващенко, «профессор по педагогическим дисциплинам» Полтавского института народного образования (преподавал рефлексологию, педологию, НОТ в педагогике, дидактику трудовой школы) пишет о колонии им. М. Горького: «… Воспитателей и администрации почти не видно… Дети работают в хозяйстве, и сама работа показывает, какие организационные формы являются наиболее подходящими для работы… Введен тщательный учет труда как детей, так и воспитателей. Можно не соглашаться с некоторыми деталями колонии, но основная идея… воспитания несовершеннолетних правонарушителей: целесообразная организация их коллективной жизни – безусловно верна».

В сборнике еще 9 статей: Ольшанского Б. (предс. комиссии по делам несовершеннолетних), Полежаева Р. и др. В духе педологии просто регистрирующие психологию несовершеннолетних правонарушителей и условия, порождающие правонарушения, - эти материалы разительно

отличаются от макаренковской статьи, раскрывающей целенаправленную педагогическую работу.

«Очерк» А. С. Макаренко – первое глубокое теоретическое объяснение и обоснование существа его педагогической системы, ее организационных основ в аспекте «параллельного действия». Коллективное хозяйство, его развитие составляет «основной фон педагогической работы», это главное во всем «укладе жизни колонии», включая работу воспитателей. «Логика хозяйствования», естественно определяющая нормы поведения, - педагогический фактор, необходимый для достижения новой цели: воспитание «хозяйственной позиции по отношению к окружающему миру». Хозяйственная (экономическая) забота – «элементарный объект воспитания».

Такая направленность педагогического творчества А. С. Макаренко значительно ослаблена в его коммуне им. Ф. Э. Дзержинского в 1932-1935 гг., когда производство стало приобретать самодовлеющее значение. В макаренковских статьях, выступлениях 2-й половины 30-х гг. проблема хозяйства не актуализируется: в стране утвердилась нетрудовая «школа учебы». Восприятие макаренковского наследия с игнорированием производственно-хозяйственной основы нового воспитания породило в освоении этого наследия дискредитирующие его формализм и насильственность.

Вполне сложившиеся в 1925 г. новаторские педагогические воззрения А. С. Макаренко, подтвержденные 5-летним опытом, побудили его к созданию «книги по педагогике». В 1928-1931 гг. она преобрела характер «Педагогической поэмы». См. даты работы над этим произведением в целом: 1925-1935 гг. (т. 3, с. 450).

1 Специальная разработка данной проблемы – см. «Длительность педагогического коллектива», т. 1, с. 102-111 (нач. 1929 г.).

2 Самостоятельность педагогического учреждения в общей системе образования – существенный элемент макаренковской организационной основы воспитания.

3 А. С. Макаренко избегает термин «перевоспитание» в своих работах, это видно и в последующем тексте «Очерка», где превалирует термин «воспитание». Он вполне соответствует макаренковскому принципиальному подходу к работе с несовершеннолетними правонарушителями.

4 Данная численность воспитанников представлена с учетом выпуска к этому времени их «нескольких десятков», как сказано далее в тексте.

5 Этот имеющий огромное значение в макаренковском творчестве тезис (см. в «Педагогической поэме», т. 3, с. 453-454 и др.) относится к характеристики труда лишь как трудового процесса, т. е. совокупности

трудовых умений, навыков и знаний (того, что является содержанием обучения, в данном случае трудового). Более точно А. С. Макаренко говорит: «рассматриваемый уединенно трудовой процесс» (т. 3, с. 454). Это «труд-работа» - педагогический фактор, «нейтральный» не вообще, а лишь в отношении воспитания. В воспитании действует «труд-забота», «хозяйственно-экономическая забота», «хозяйственный коллектив», т. е. социальные связи в трудовой деятельности, ее мотивация, общие цели и результаты.

Корень неприятия макаренковского положения о возможной «нейтральности» труда лежит в неясности фундаментального вопроса о специфике и взаимосвязи процессов обучения и воспитания. Причиной является и несовершенство методологии педагогики – ошибка педагогической логики типа «этического фетишизма», когда действует лишь «вера в этическую силу самого термина», простое признание огромной роли труда в воспитании (т. 4, с. 127). Но еще И. Г. Песталоцци утверждал: «Прядение или косьба, ткачество и пахота – сами по себе эти работы не делают не нравственным, ни безнравственным»; воспитательное значение имеет «ведение сельского хозяйства», «производственный дух» (Хрестоматия по истории педагогики, т. 1. М., 1935, с. 520).

6 Имеется в виду концепция «трудовой школы», с середины XIX в. внедряемая в западной Европе в «народную школу». Труд здесь должен в массовом масштабе обеспечивать рабочую выучку, активное приспособление работника к условиям своего существования. А. С. Макаренко, значительно расширяя функцию труда в новом воспитании, следуя «Декларации НКП УССР о социальном воспитании детей», - пошел в решении проблемы труда далее «Положение о единой трудовой школе РСФСР». Не просто труд, а «школа - хозяйство» - такова суть его концепции, сформировавшаяся уже в 1922 г.

7 Подразумевается, несомненно, воспитание в его ограниченном, устаревшем понимании, в духе па́рной педагогики» (лишь «влияние человека на человека»).

8 Далее раскрывается логика «параллельного действия» в контексте позиций воспитанника и педагога, их общей жизнедеятельности в воспитательно-трудовом коллективе.

9 Говорится о колонийском праздники Первого снопа.

10 Имеется в виду такой вид «параллельности» педагогических явлений, при котором отсутствует их единство, взаимодействие.

11 Педагогическая система А. С. Макаренко основывается на отношениях не только производства продуктов, но и их распределения.

12 И здесь имеет место двойственность, необходимость разумно сочетать две стороны педагогического явления, сделать их целесообразно «параллельными», согласованными.

13 Развернутый комментарий А. А. Фролова к этой схеме см. в кн.: А. С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт; - Н. Новгород, 1992, с. 68-82. Идущие на схеме сверху вниз стрелки обозначают (как сказано в § «Дисциплина») передачу полномочий «более широкими органами более узким». При этом происходит движение их действий, инициатив и снизу вверх: от воспитанника, отряд к главным органам самоуправления и управления колонией.

Письмо А. М. Горькому, 8 сентября 1925 г.

Полтава.

Колония им. М. Горького.

8 сентября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я опять пересылаю целую кучу писем. Они во всех отношениях неудачны, наши хлопцы не умеют в письме выразить то, что они чувствуют, да это ведь часто и наши взрослые не умеют. К тому же вся наша верхушка в числе 19 человек уехала на рабфаки.

А чувствуем мы много. Ваши письма делают у нас чудеса, во всяком случае, делают работу нескольких воспитателей. Простите за такой «рабочий» взгляд на Вас, но ведь Вы сами этого хотели. Нужно быть художником, чтобы изобразить наши настроения после Ваших писем. С внешней стороны как будто нечего протоколировать. Сидит за столом председатель и возглашает: «Слушается предложение Максима Горького!» А в это время зал никак не может настроиться на деловой лад. Глаза у всех прыгают, чувства тоже прыгают, и все это хочет допрыгнуть до Вашего портрета и что-нибудь сделать такое... Ночью в куренях[1] мечтают о том, как будут Вас встречать, когда Вы приедете, какую Вам дадут комнату, чем будут кормить. Наши хлопцы ведь всегда были одиноки: отцы, матери, дедушки, бабушки - все это растеряно давно, мало кто помнит о них. А любовь у них требует выхода, и вот теперь такое неожиданное и великое счастье - можно любить Вас. Раньше у нас был шеф великий писатель Максим Горький, ведь из хлопцев больше половины не могли Вас ощущать как писателя. А теперь у них шеф живой человек, великий тоже, но не писатель, а человек, большой и расточительно ласковый по отношению к

нам, на зло всем милиционерам, которые нас «тыряли» по участкам и угрозыскам.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» обещает сделаться чем-то в высшей степени интересным. Специальная комиссия заканчивает устав, который после принятия его общим собранием будет Вам прислан на утверждение. Вы подняли вопрос самый важный в нашем быту. Неверное будущее, полное неизвестности и новых страданий, основательно портит наши теперешние дни. Патронирование выпускников налаживается с трудом, в особенности в таком захолустье, как Полтава.

Хлопцы писали Вам под впечатлением юбилейного праздника, но едва ли из их писем Вы этот праздник представите себе. Нас чествовали как следует. Были гости из Харькова[2]. 8 сотрудников, работающих в колонии с самого начала, Полтавский горисполком наделил подарками. Наркомпрос мне дал звание «Красного героя труда», а Полтава командирует меня в «научную» командировку в Москву и Ленинград на два месяца, на какое дело ассигновали 200 рублей[3]. К сожалению, едва ли я этой командировкой воспользуюсь: не умею осторожно тратить деньги, а поэтому мне не хватит. Самое же главное, не сумею на такое долгое время бросить колонию - за пять лет я не оставлял ее больше, как на 2 - 3 дня.

Сейчас же у нас обычный осенний кризис. Старики колонисты ушли учиться, а на их место присылают новых. Переварить два десятка совершенно разболтавшихся, разленившихся, диких хлопцев трудно. По опыту я знаю, что нужно не меньше 4 месяцев, чтобы увидеть на мордах их первую открытую человеческую улыбку доверия и симпатии. В особенности трудно с новыми девочками. Пережившие всякие ужасы, вступившие на путь проституции, озлобленные, вульгарные, они очень нескоро начинают нас радовать. С ними не с чего начать, у них нет совсем уважения к себе[4] и нет никаких надежд.

По закону в колониях, подобных нашей, запрещено совместное воспитание. Я добился давно, чтобы прислали девочек в качестве опыта, и теперь именно совместное воспитание много мне помогает. В настоящее время я вожусь с 17-летней девочкой Крахмаловой. На ее глазах, когда ей было 11 лет, ее мать убили, облили керосином и сожгли. Крахмалова после

того перебывала во многих притонах, тюрьмах и колониях, отовсюду бежала, везде обкрадывала. У этой девочки прелестное лицо, невинное и серьезное, но взгляд жесткий и какой-то остановившийся. Она у нас живет с месяц, послушна и вежлива, но я не знаю, с какой стороны к ней подойти. На авось, просто по чутью, я просил воспитателей не обращать на нее никакого внимания, держать строго деловой и вежливый тон, чуждый лишних слов и сантиментов. Только к концу месяца я наконец поймал первый ее внимательный взгляд, в котором жажда тепла смешана с гордой осторожностью. В этот именно момент я дал ей ключ от своей комнаты и поручил принести портфель, но... она отказалась от ключа и убежала, а теперь смотрит еще более внимательно, но страшно угрюмо и дико... Жду чего угодно.

Простите, что я разболтался. Вы теперь страшно заняты, мы это знаем по Вашему письму акад. Ольденбургу[5], а мы надоедаем Вам своими письмами и своими буднями. Все мы очень хорошо знаем, что поступаем эгоистично, но ничего с собой поделать не можем. Мы эгоистичны, как дети, а Вы такой родной и наш «собственный». Один из наших пацанов так и говорит:

- Когда Горький приедет, так он уже у нас будет жить? А другой отвечает:

- Вот, если он приедет, так такое будет! Он никуда и не захочет ехать. Он тогда уже будет совсем нашим.

Посылаю Вам снимки нашего юбилея. Получили ли Вы посылку со снимками и книжкой[6]?

Не чересчур ли мы надоедаем Вам? Если будете нам писать, то одну - две строчки, не обращайте внимания на наши аппетиты.

Будьте здоровы и радостны.

А. Макаренко

Полтава,

почт. ящ. № 43

Пед. соч., т. 1, с. 223-224.

1 Курень укр. яз. – шалаш, жилище казаков-запорожцев и подразделение запорожского войска. В горьковской колонии практиковалась «игра в запорожцев», тогда отряды назывались куренями.

2 В празднование 5-летие колонии участвовали представители Наркомпроса и профсоюза работников просвещения УССР, Харьковского окрнаробраза, Полтавского института народного образования, военного гарнизона г. Полтавы, общественных организаций. Колонии вручено второе знамя, Почетное знамя ЦК профсоюза работников просвещения УССР, бархатное.

3 Решение об этом Полтавский окрисполком принял на заседании Малого президиума 24 августа 1925 г.

4 Отношение воспитанника к себе - начальный пункт в макаренковском морально - психологическом влиянии на личность; см. об этом также в письме А. М. Горькому 18 апреля 1928 г. Отношение к себе – первый параграф в характеристике развития личности колониста; см. статью А. А. Фролова в ж. «Воспитание школьников», 2003, № 3. Высший уровень воспитанности – активное ощущение «ценности человеческой личности» (т. 3, с. 398), человеческого достоинства.

5 Письмо А. М. Горького русскому академику-востоковеду С. Ф. Ольденбургу с ответом на приглашение участвовать в мероприятиях, посвященных 200-летию Академии наук СССР, - опубликовано в «Правде» 4 сентября 1925 г. и в других газетах.

6 Говорится, видимо, о сборнике «5 лет с детьми-правонарушителями», со статьей А. С. Макаренко «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького».

В Окрисполком, 20 сентября 1925г.

20/IX 1925 г. №520

Очень срочно.

Как видно из прилагаемой копии описи колонийского имущества, составленной председателем Ковалевского сельсовета, окрфинотдел серьезно решил взять с колонии им. Горького арендную плату.

Я уже неоднократно просил все учреждения Полтавы аннулировать тот договор между колонией им. Горького и Управлением гос. имущества, по которому за небольшой участок земли, предоставленный колонии, всего в 60 десятин почти исключительно песка, колония должна платить в год больше 100 рублей.

Я уже не раз обращал внимание на то, что почти во всей Украине только одна колония им. Горького не получила земли бесплатно. Несмотря на то, что колония получила имение б. Трепке в руинах, что все доходы своего хозяйства колония тратила на ремонт, все ж таки на нее наложена

арендная плата. Она чуть даже больше, чем единый налог, от которого колония по закону освобождается.

Небольшое хозяйство колонии позволяет ей вести культурную работу среди крестьянства. Шефство над избой-читальней, бесплатный театр отбирают у колонии за год до 500 рублей. Колония на средства от своего хозяйства содержит у себя 10 воспитанников, сверх тех 120, которые содержатся на средства НКП. Это стоит за год до 1.000 рублей. Сам факт, что колония по своей работе заслужила перевода на госбюджет, казалось бы, должен не отягощать положения колонии, а облегчать его, потому что благодаря этому факту облегчилось положение местного бюджета.

Все указанные обстоятельства не должны бы приводить к тому, что у небольшой и небогатой детской колонии вымогались прямо-таки последние деньги, а если их нет, то отбирался рабочий конь.

Колония тем более не может выплатить арендную плату, что в этом году на ее плечи прибавился новый десяток студентов-рабфаковцев.

Я обращаюсь в окрисполком с просьбой дать распоряжение, чтобы продажа коня была прекращена и чтобы вообще имущественное положение колонии было хоть несравнимо с состоянием других колоний, но не намного хуже поставлено.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах... Часть II, с. 90-91. На документе 2 пометы: Инспектура просвещения поддерживает просьбу. З. Фиалковский. 21/IX; 030, Ф10. На заключение. 5/X-25.

В прилагаемой копии описи колонийского имущества 19 сентября 1925 г. говорится: в счете недоимки за арендную плату из колонийского движимого имущества взят «конь гнедой масти под кличкой «малыш» - 1р. 50 коп.». Подписи: председатель Ковалевского совета, райфининспектор, 2 понятых. Расписка А. С. Макаренко: «Обозначенное в этой описи имущество взято мной, Макаренко, к охране, с предупреждением об ответственности за растрату».

Председателю Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних, 21 сентября 1925 г.

Прибыв сегодня в НКП, узнал о новых штатах для работников колонии, которые вводятся с 1 октября.

Оклады, указанные в штатах, особенно для административного и педагогического персонала, очень малы и абсолютно, и в отношении к окладам прошедшего года. Положение с этими окладами показывает мне, что при их составлении совсем не учитывались условия и рамки работы в колонии для правонарушителей, а именно:

1. Совсем не учитывалось то, что воспитатель такой колонии – не только воспитатель, что почти все свое время он отдает коммуне (ибо он участник не только педагогического труда, а и всей ее жизни), но он же и учитель, и сам его учебный труд должен оплачиваться так, как ему назначено за все.

2. Работа в колонии требует большой затраты нервной энергии. Она, кроме того, связана с полной изоляцией работника от всего общества, она несет большое напряжение и переутомление.

3. Работа заведующего в такой колонии – это не только трудная педагогическая работа, но это еще и управление достаточно значимым хозяйством, усложняемое тем, что оно ведется детскими руками.

4. Наконец, нужно как-то отметить высокую заслугу давних работников колонии. Работа с правонарушителями на протяжении 3-х или 5 лет – это рекордное явление во всем СССР.

5. Как может сельскохозяйственная колония работать без агронома? Ясно, что только очень механическим введением штатов можно объяснить то, что воспитателю колонии им. Горького после 5-летней работы плата уменьшается до 48 руб., а заведующему до 58.

Работники колонии трудились когда-то и даром. Дело не в плате, а в пренебрежении интересами людей на очень трудной работе.

Я считаю обязанностью своей предупредить НКП, что при таких или подобных окладах колония разбежится на протяжении двух месяцев, ибо за 48 р. в месяц наш сотрудник найдет везде работу в нормальной школе, где не придется ему отдавать все свое время трудным детям, физической работе, а сверх того, еще и такой же самой школе.

Я даже не позволю себе рассказывать коллегам о новых окладах, ибо надеюсь, что НКП исправит ошибку, наверно случайно кем-то совершенную.

Завколонией *А. Макаренко*

21/IX 25

Опускула макаренкиана, № 25, с. 97-98.

Документ 26 октября передан в НКП УССР. 9 декабря переадресован Коллегии НКП, А. Качанову.

В финансово-экономическом управлении НКП

22/X 1925 г. №620

По § 1 статьи 3 осталось неиспользованными 250 рублей. Позвольте выплатить за счет этого кредита плату:

1. Административному персоналу за дополнительную нагрузку – 130 р.
2. Воспитательному персоналу за дополнительную нагрузку – 12 р.
3. Второй прачке за 6 месяцев – 108 р.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

Опускула макаренкиана, № 25, с. 99. Регистрация документа в НКП: 24 и 26/X – 1925 г. Ответ нач. фин.-эконом. управления НКП 1/XII – 1925 г.: отказ «ввиду отсутствия формальных оснований и непредставления исчерпывающих материалов по поводу затронутого ходатайства».

Позднее, 23 февраля 1926 г. малый Президиум Полтавского окружного исполкома по поводу арендной платы трудколонии им. М. Горького за землю (по договору ОВК) в сумме 234 руб. за 1924/25 гг. постановил: «... Учитывая затруднительное положение колонии, рассрочить уплату этого долга на 6 месяцев, с условием обязательного погашения долга до 1/X 26 г. В будущем, с 1/X-26 г. колонию от арендной платы освободить» (Полтавская трудовая колония в документах и материалах, ч. II, с. 95).

Председателю Всеукраинской Комиссии по делам несовершеннолетних

22 октября 1925 г. № 621

Прошу Вашего разрешения на мой отпуск с I ноябре до I января и на передачу колонии моему заместителю В. А. Весичу.

Заведующий колонией *А.Макаренко*.

Опускула макаренкиана, № 18, с. 167. Пометы на документе: НКП – 27/X-1925; Не возражаю. Берлин. 31 октября об этом сообщено А. С.

Макаренко, с соглашением его замены В. А. Весичем. Р. Л. Берлин – председательница Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних в 1922-1928 гг. 2-месячный отпуск («научная командировка в Москву и Ленинград») представлен А. С. Макаренко Полтавским наробразом в 5-летие колонии им. М. Горького. Этим отпуском он видимо не воспользовался или воспользовался не полностью.

Письмо А. М. Горькому, 24 ноября 1925 г.

Полтавская колония им. М. Горького

24 ноября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я надеюсь, что Вы не будете на меня сердиться за то, что я на время прекратил поток наших писем к Вам. Мы чересчур злоупотребляли Вашим расположением к нам и, вне всякого сомнения, много отнимали у Вас дорогого времени. Хлопцы немного дулись на меня за то, что я решительно запротестовал против целых ворохов бумаги, которые они опять наладили в Сорренто. Я считаю, что только изредка мы имеем право беспокоить Вас, и то должны чувствовать угрызения совести.

В колонии сейчас хорошо. Наша злоба дня - переезд в Запорожье[1]. Уже давно мы хлопотали о переводе нашей колонии на какой-нибудь простор. В этом вопросе не только хозяйственное устремление.

По моему мнению, наше советское воспитание так, как оно определяется в нашей литературе, и в особенности, как оно сформировалось на практике, - не представляет ничего ни революционного, ни советского, ни просто даже разумного. Мы оказались без определенной системы, без строгой линии, а самое главное, без какого бы то ни было воспитания[2]. Наши педагоги просто не знают, что они должны делать, как держать себя, а наши воспитанники просто живут в наших детских домах, т. е. едят, спят, кое-как убирают после себя. Картина очень печальная. В управлениях люди зарылись в чисто материальные планы, в статистику и отчеты, а на [педагогическом] фронте кое-как волынят, чтобы благополучно провести день до вечера без скандалов. Нельзя никого винить в этом. Мы перекроили нашу жизнь по новым выкройкам, которые давно были заготовлены, а о воспитании и о его планах никто у нас серьезно не беспокоился.

Сейчас у нас вместо воспитательной системы только и есть, что несколько лозунгов, безобразно брошенных в начале революции. К этим лозунгам уже пристроились несколько десятков бесталанных людей, а то и просто спекулянтов, которые вот уже несколько лет размазывают словесную кашу в книгах, речах и брошюрах и непосвященному смертному представляются учеными. На деле из этой словесной каши нельзя воспользоваться ни одной строчкой (буквально, без преувеличения, ни одной). Гастев (из Института Труда в Москве) называет всю педагогику «собранием предрассудков»[3]. Он, наверное, даже не подозревает, насколько он прав.

Наш коллектив, разумеется, не скоро мог решиться заговорить о ревизии нашего соцвоса, но на деле уже с 20-го г. мы конструировали свою линию, конструировали исключительно в опытном плане, без предварительно принятых догматов. Результаты оказались более удовлетворительными, чем мы ожидали, и в то же время совершенно неожиданными. В Харьковском институте народного образования, где наш опыт особенно пристально рассматривался, есть группа наших противников, которая меня иначе не называет, как «атаманом шайки».

Тем не менее я решился настаивать на правильности нашего пути и представил в Наркомпрос проект; Главной его мыслью является утверждение, что воспитание должно быть организовано как массовое производство в огромных коллективах, хозяйственно ответственных и самостоятельных, в то же время конструированных без всякой романтики и предвзятых догматов, а прежде всего по теории здравого смысла. Мой проект был поддержан фактическим успехом нашей колонии и бросающейся в глаза спаянностью всей нашей общины[4].

Так или иначе, а к настоящему дню мы уже имеем постановление о преобразовании нашей колонии в центральную для Украины. Предлагают нам [бывшее] имение Попова в 30 верстах от Александровска. В имении 1200 десятин пахотной [земли], какой-то прекрасный дом - замок. Имение сейчас занято коммуной «Незаможник», но коммуна страшно задолжалась, дом развален, в итоге мы принимаем наследство чаеторговца. В субботу выезжает наша комиссия для осмотра имения. Вы не можете себе представить, какой у

нас подъем. Хлопцы на собраниях встречают меня аплодисментами. Интересно: нам было представлено на выбор имение либо Попова, либо князя Голицына под Харьковом (500 десят.), Голицынское вполне исправно. Голосование общего собрания дало за Запорожье 111 голосов, за Голицына 27. Мотивы такие: дальше от центра, больше земли, близко Днепр.

Дело поднимаем трудное. Я не сентиментальный человек, но меня до слез трогает моя шайка. Казалось, чего бы нужно. Четыре года мы восстанавливали руины здесь. Наполовину зимой ходили босые и раздетые. Теперь у нас все в порядке, чистота и уют, свое электричество и даже прибыль - 120 английских свиней и прочее. А вот все же бросают это и едут на новые места, в разваленный дворец, в опустошенную степь.

Но зато 1200 десятин. Какой там размах будет, дорогой Алексей Максимович! Хлопцы знают, что будет трудно. Для того чтобы обработать 1200 десятин с нашими 120 хлопцами, нужны тракторы, сноповязалки, паровые гарнитуры, много всего прочего. Дворец стоит без окон и дверей (незаможники жили в конюшне). Один посев будет стоить больше 10 000 рублей. Наркомпрос, конечно, нам денег не даст, какой ему смысл давать, да и нет их у него в таком количестве. Единственный выход - кредитная операция и труд. Значит, нам в первые годы предстоят солидные лишения, и хлопцы об этом хорошо знают. И все же они все как будто начинены ракетами и выстрелами и нас, «педагогов», увлекают за собой.

Простите, что пишу о таких вещах, которые, может быть, только для нас интересны, но так хочется, чтобы и Вы представили наши радости и поняли нас. Ведь для нас так важно, страшно важно, что на месте вольницы запорожской мы поставим флаг с Вашим именем. У нас уже и сейчас решено, что мы будем хлопотать о переименовании ст. Попово в станцию «Колония им. М. Горького».

Занимаемся [в школе] усиленно и довольно интересно. Рабфаковцы все идут хорошо. Спасибо, что Вы беспокоитесь о них. Мы им помогаем деньгами и вещами. Живут они хорошо. Писали нам о том, что писали Вам.
Желаю Вам здоровья и хорошего настроения.

А. Макаренко

Пед. соч., т. 1, с. 225-226.

1 Переезд в Запорожье предполагался по намеченному А. С. Макаренко 8 августа 1925 г. проекту «крупного воспитательного предприятия» и решению управления соцвоса НКП 23 сентября об организации украинской «центральной колонии для несовершеннолетних правонарушителей».

2 Имеется в виду «собственно воспитание», в узком смысле, в его отличии от обучения. Преодоление подмены воспитания обучением, решительный отход от построения воспитания по логике обучения - кардинальное направление творческой деятельности и борьбы А. С. Макаренко в педагогике.

3 А. С. Макаренко ссылается на изд.: Гастев А. Восстание культуры. – Харьков, 1923. Стр. 23: «Тот непроходимый склад литературы, который известен под именем педагогики, в том числе и трудовой, эти плотины предрассудков, связанные с воспитанием, где во имя человеческой свободы и личности мы выпускаем леваков и дикарей, - все это необходимо прорвать» (цит. Опускула макаренкиана, № 5, с. 127).

4 Переход воспитания с уровня «па́рной педагогики» (свойственной обучению, в системе «учитель-ученик») на уровень «массового педагогического производства» в «хозяйственно ответственных и самостоятельных коллективах», отказ от «кустарных» способов педагогической работы и овладение «технологической логикой воспитания» - таково основное содержание макаренковского прорыва в теории и практики воспитания. См. ниже т. 3, с. 390-392, 395-397.

***Дополнение.* 12 декабря 1925 г. Всеукраинская комиссия по делам несовершеннолетних при рассмотрении вопроса о проведении 25 января 1926г. съезда по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних постановила ввести в его программу дополнительный доклад А. С. Макаренко «Трудовая колония для несовершеннолетних». Упоминается доклад Е. И. Гиндзбург «О формах и содержании работы комиссии по делам несовершеннолетних» (Опускула макаренкиана, № 25, с. 147). Гиндзбург Е. И. – тогда председательница Киевской окружной комиссии по делам несовершеннолетних.**

Председателю Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних Р. Л. Берлин, телеграмма

11 января 1926 г.

Оставил службу агроном прошу сообщить ставку агронома новых штатов = Макаренко

Опускула макаренкиана, № 25, с. 100. Берлин Роза Липовна – предс. этой комиссии с янв. 1922 г. по ноябрь 1928 г. Ее ответная телеграмма 13 января: Штатные ставки рассматриваются вскоре решение сообщим.

Дополнение. **Макаренковский доклад на конференции работников учреждении соцвоса «закрытого типа» в Полтаве 15-16 января 1926 г. вызвал большой интерес и одобрение ее участников. Разрабатывая целостный подход к реализации идеи соцвоса о воспитании, А. С. Макаренко обосновал положения: труд определяет содержание деятельности и организационные основы коллектива, его самоуправление и дисциплину. В хозяйственно-трудовом коллективе происходит принципиальное изменение сущности дисциплины и содержание традиционных морально-психологических средств воспитания, включая наказание.**

Руководитель конференции Г. Г. Ващенко, исходя из того, что в системе украинского соцвоса «воспрещается применение наказания» (Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 2. – Н. Новгород, 2003, с. 238), расценил одобрение конференцией макаренковского доклада как возврат к старым методам воспитания, «симптом реакции», отметив при этом, что в колонии им. М. Горького наказание «фактически не играет большой роли» (его статья-отчет об этой конференции в ж. «Путь просвещения», Харьков, 1926, № 2, с. 139-140; автор обозначен «Г. В.»).

Это первое печатное выступление с критикой идей и опыта А. С. Макаренко. 1921-1926 гг. – время их многообразной поддержки, а 1923-1926 гг. – время их триумфа. Г. Г. Ващенко, огульно отрицая саму проблему дисциплины и наказания в новой педагогике, возбудил направление, по которому пошла дискредитация макаренковских трудов в дальнейшем, вплоть до нашего времени («Никакие наказания в школе не допускаются» - так установлено и в «Положении об единой трудовой школе РСФСР» - см. указ. выше Хрестоматию, с. 212. Этот тезис – один из ведущих в воззрениях Н. К. Крупской, что позволило ей резко выступить против А. С. Макаренко в мае 1928 г. – см. далее в этой книге).

Ващенко Г. Г. (1878-1967) в конце 1933 г. уволен из Полтавского пединститута за «буржуазный национализм». С осени 1936 г. проф. и зав. кафедрой педагогики Сталинградского института; с 1940 г. профессор педагогики в Полтавском пединституте. В 1942 г. по поручению спецотдела науки группы «Украина» оперативного штаба рейхсфюрера оккупационных областей А. Розенберга написал книгу о педагогике и школе в СССР (частично издана в 1965 г. в Англии, укр. яз). В конце 1945 г., в эмиграции, профессор педагогики в Украинском свободном университете; с 1950 г. еще и ректор украинской богословской академии (Мюнхен). В ж. «Визвольний шлях», 1955, №№ 6, 8, 9, 10 (Лондон) выступил со статьей «Педагогическая наука в СССР. Янычар А. С. Макаренко – великий советский педагог». (Дается по изд.: Хиллиг Г., Окса Н., Моргун В., «Г. Ващенко – педагог от Бога». – Мелитополь, Украина, с. 17-20, 38).

Письмо А. М. Горькому, 10 февраля 1926 г.

Колония им. М. Горького

10 февраля 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы меня так расхвалили в Вашем письме от 13 декабря, что я постеснялся даже показать письмо Ваше хлопцам, сказал им только, что Вы переехали в Неаполь, что Вы нездоровы и что Вы передаете им привет. От частых и обильных писем я продолжаю хлопцев удерживать. Сейчас у нас такой порядок, что письма Вам будут посылаться только по постановлению совета командиров. Иногда мне кажется, что когда Вы получаете наши листы, то должны хвататься за голову, а потом принимать валерьянку. У Вас такая большая напряженная работа, Вам так мешают всякие посетители, а тут вдруг почтальон приносит письмо Ваших провинциальных родственников.

Мы искренне сочувствуем Вам, дорогой Алексей Максимович, и удивляемся, что Вы так терпеливо и так ласково нам отвечаете, но в то же время мы ничего не можем сделать с собой. От природы, как и всякие провинциалы, мы эгоисты и должны писать Вам о поросятах и о бешеных собаках. Мы прекрасно знаем, насколько мы большие эгоисты, ибо мы сознательно пользуемся своим исключительным правом любить Вас. Вы нам раз навсегда простите нашу надоедливость и считайте в числе крестов, выпавших на Вашу долю, Полтавскую колонию. Вы же знаете, что мы уверены, что Вы когда-нибудь к нам приедете. Как видите, мы и до этого доходим.

Живем мы «средне». С Запорожьем заминка, кажется, просто волокита[1]. Коммуна незаможников, сидящая в имении Попова, просто не спешит ликвидироваться. До тепла досидит, а с теплом поцарапает буккерами десятин сорок. Ее не может особенно беспокоить, что сотни десятин останутся невозделанными. Мы не имеем никаких рук и связей и можем давить только нашим делом.

Но в России деловая аргументация всегда была самая слабая. Система интересов, которая нас окружает, очень мало заключает в себе элементов дела. Но об этом говорить нельзя в коротком письме.

Если нынешняя волокита окончится ничем, нам остается только два пути: или обратиться к Петровскому с деловой истерикой, или занять Запорожье явочным порядком. Последний план вовсе не шутка и, представьте, он, вероятно, принесет и наибольшую пользу. Просто достанем где-нибудь две тысячи, погрузимся в вагоны и выгрузимся в Запорожье. Замок Попова стоит пустой, значит, поселиться будет где, а за лето что-нибудь сделаем. Обращение к Петровскому может помочь только в том случае, если мы сумеем уверить его, что наш план достоин внимания. А у нас план огромный и с первого взгляда может показаться химерой.

Дело в том, что нужно признать общую неудачу коллективных хозяйств[2]. Сельскохозяйственные коммуны и артели, начинающие работу всегда шикарно, с полным инвентарем и всегда кредитом, очень скоро начинают трещать, а потом лопаться с большими или меньшими скандалами. Их губит, с одной стороны, несвязность коллективных и личных интересов, а с другой стороны – отсутствие новых организационных форм хозяйствования. Коллективное хозяйство, так легко решаемое экономически, совершенно не исследовано психологически. Слишком легкомысленно думать, что стоит в распоряжение 200 человек передать тысячу десятин, как дело сразу станет на рельсы и останется только радоваться.

Вот у нас в колонии десяток интеллигентов, поставивших целью создать крепкую коммуну колонистов, уже шестой год сидит на этом деле, и еще далеко от того, чтобы кричать ура.

Если бы нам время и свободный от заботы дух, мы могли бы написать целые тома о законах коллектива[3]. Нам вот просто видно, что коллективизация[4] прежде всего требует педагогического внимания, и при этом очень осторожного, пристального и настойчивого, требует большого отбора форм и средств[5].

Мы в нашей работе достигли бы большего, если бы нам не мешали. При этом нужно сказать, что помехи эти происходят с той стороны, откуда их меньше всего можно ожидать. Те формы, которые нам рекомендуются, прямо противоположны задаче. Способы организации, финансирования, учета, отчета, штатов решительным образом противоречат задачам нового воспитания[6]. Пожалуй, трудно в этом винить кого-нибудь: в последнем счете

оказывается, что условия создаются многочисленными усилиями разных секретарей, делопроизводителей, помощников бухгалтеров, всеми теми, кто никакого отношения ни к какой идеологии не имеет, но которые способны сбить с толку любую идеологию.

Все это приводит к тому, что на деле никакого нового воспитания у нас просто нет, а все строится по формуле Стоюнина[7]: «Все же в жизни больше хорошего, чем плохого, и из каждого человека что-нибудь да выйдет».

А между тем новое воспитание возможно. Это сразу видно, если подойти к делу с простым здоровым смыслом, не особенно полагаясь на «педагогику». Нужно создавать новую педагогику, совсем новую. Наш коллектив чувствует себя в силах принять участие в этом создании, и мы уже много сделали за $5^1/_2$ лет. Но первое, что нам нужно, это свобода от делопроизводителей, свобода от всякого хлама, которым мы завалены, а потом уже мы легко избавимся и от педагогических предрассудков. Вот почему мы и стремимся в Запорожье. Там экономическая мощь и общий размах помогут нам посадить бухгалтеров на их место.

То обстоятельство, что вместе с нами стремятся и все хлопцы, страшно нас поддерживает и внушает веру в успех.

Сейчас мы живем в большом нервном напряжении и тревоге. Каждое письмо, каждая телеграмма из Харькова возбуждают надежды и разочарование. Большая радость жить в таком движении[8].

Альбомы Сорренто и Неаполя мы получили. Вы нас балуете своим вниманием. В одном только хлопцы разочарованы - видно только крышу Вашего дома, а у нас огромный интерес к Вашей частной жизни, виноваты, каемся.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» еще не имеет устава. Не хочется его делать здесь. Все кажется, что Запорожье нам откроет невиданные просторы в этом деле. Фактически несколько пунктов проводятся в жизнь. Мы уже разыскали около четверти бывших воспитанников, некоторым оказывают помощь. Рабфаковцы все поддерживаются.

Простите большое письмо. Чисто провинциальная манера, ничего с собой поделать не можем.

Желаем Вам полного выздоровления и всякой радости.

А. Макаренко

Ваша похвала мне может меня заставить действительно взять Запорожье штурмом. Никогда в жизни мне никто таких слов не говорил. А все-таки хвалить человека особенно крепко не стоит. Он от этого начинает «воображать».

А. Макаренко

Пед. соч., т. 1, с. 227-228.

1 Мероприятия по переводу колонии на Запорожье: переписка Наркомпроса УССР, Запорожского окрисполкома и Управления делами Совнаркома УССР, 12 документов - Опускула макаренкиана, № 25, с. 180-210. Решение Административно-финансовой комиссии при СНК УССР 13 марта 1926 г.: отказать.

2 Активная связь творческих поисков А. С. Макаренко в педагогике с развитием экономики и культуры в стране, решительное усиление социально-опережающей функции воспитания – генеральная линия разработки им «вечных» проблем педагогики: школа и общество, воспитание и жизнь, педагогика и политика. Это «педагогика завтрашнего дня», «обгоняющая общество в его педагогическом творчестве» (т. 4, с. 120).

3 Это еще одно подтверждение сформированности основ макаренковской концепции воспитания и педагогики к концу 1925 г.

4 «Сплошная коллективизация» в сельском хозяйстве, в форме колхозов, сельхозартелей произошла позднее: лето 1929 г. – весна 1931 г.

5 А. С. Макаренко обращает внимание на «элементы педагогики» в социально-экономических процессах, подчеркивает необходимость усиления их воспитательной направленности.

6 А. С. Макаренко постоянно обращается к этой объективной основе воспитательного процесса, выходящей за пределы компетенции руководителя педагогического учреждения. Имеющая в воспитании первостепенное значение проблема взаимодействия объективного и субъективного факторов воспитания им представляется и как связь «мертвого» и «живого» явлений (см. об этом ранее).

7 Стоюнин В. Я. (1826-1888) – педагог-демократ, методист-словесник, публицист. Развивал идеи педагогического гуманизма, воспитания человека-гражданина, духовной связи школы с обществом и народом. Формирование воли детей, сознания необходимости трудовой деятельности основывал на воспитывающем обучении.

8 Факт, подтверждающий огромную роль будущего, практических «перспективных линий» в жизни и воспитании.

Дополнение. **Из письма колонистов А. М. Горькому. «Дорогому, далекому Алексею Максимовичу горячий привет!!.. Теперь совет командиров постановил: написать Вам одно общее письмо, описать нашу рабочую и культурную жизнь. Самый главный вопрос – это перевод колонии в Запорожье... Хотим скорее туда, на разволье, где можно бы вволю поработать...**

Сейчас нет тяжелой полевой работы, но зато и зимой чувствуем себя как летом. На этой неделе все наши 15 отрядов, кроме 12-го (т. е. самых маленьких колонистов) взялись таскать лед для наших погребов. Хотя руки немного и померзли, зато самому жарко... 2-й отряд – наши бравые конюхи, а 13 – й отряд из 4-х свиней вырастил 170! Много работы по вывозке навоза в поле.

Нет ни одной субботы и воскресенья, что бы мы не ставили спектакли или не проводили вечерники...

Крестьяне приходят к нам, мы ходим к ним на собрания. На днях в нашем клубе произошли перевыборы сельского совета. В него депутатами прошли наши 2 колониста.

Занятия в школе прошли по темам: Телефон, Коминтерн, Как люди просвещаются, Дроби, Сочинение, Пароход, Человек, Бельгия, Оружие...

Скоро наступит лето будет больше интересных дел...

Колонисты, носящие Ваше имя (87 подписей)»

В Наркомпрос, Берлин Р. Л. Телеграмма

12 марта 1926 г.

Запорожья ждать невозможно сопротивление большое просим прекратить дело точка здесь тесно просим поставить вопрос передачи нам Куряжа оставить помету сто полтараста мест надеюсь помдет согласится выгод много сторонам точка буду понедельник прошу подготовить Соботовича=Макаренко

Опускула макаренкиана, № 5, с. 35. Начавшаяся в это время «борьба за Куряж» продолжалась до начала мая 1926 г.

Письмо В. И. Поповиченко

22 марта 1926 г.

Дорогой Василий Иванович!

Простите, что так долго не писал Вам. Это случилось не только потому, что я свинья, но и по другим причинам. Как-то все со дня на день откладывалось дело с Запорожьем, и хотелось Вам написать что-нибудь

определенное. В Запорожье ездил Коваль, просидел там даром неделю и возвратился с неопределенным результатом. Дело дошло до Совнаркома, и последний, наконец, нам отказал. Бороться еще можно было бы, тем более что помощь предложил нам и Горький, но уже пропала охотами и добиваться, и к самому Запорожью. Если бы даже мы его получили, едва ли справились бы с денежными затруднениями. Достать деньги сейчас очень трудно. Как раз в этот момент начал трещать наш госбюджет. У нас страшно сократили ставки и штаты. Мне, например, назначено жалованье 58 рублей, воспитателям по 48 рублей. Ясно, что с такой сметой ехать в Запорожье было рискованно.

Вот почему я вопрос о Запорожье перечеркнул, а поставил новый: о передаче нам Куряжа, в котором Вы, кажется, бывали. Вчера я возвратился из Харькова с подписанным договором о передаче Куряжской колонии[1]. По договору с 20 апреля мы должны уже быть на месте. Перевозимся со всем имуществом. В Куряже в нашем распоряжении остается 150 хлопцев. Имущество все переходит к нам. Персонал куряжский весь распускается до одного человека. Для 150 хлопцев Окрпомдет[2] дает полное содержание и штаты, которые мне предоставляются использовать как путем приглашения дополнительных сотрудников, так и путем оплаты дополнительной нагрузки основных работников. Я думаю, что всего для 150+120 воспитанников потребуется персонал воспитателей не более 18[3]. Отсюда, кажется, едем не все. Чаплян с жинкой и Шило с жинкой, возможно, задержатся в Полтаве из-за стариков. Таким образом, мне нужно пригласить около 8 воспитателей.

Куряжская колония сейчас в ужасном состоянии. Нет и следа тех богатств, которые там были летом. Нет ни простынь, ни одеял, ни белья. Завкол и завхоз сидят в тюрьме.

Плохо очень в Куряже с квартирами. Около десятка флигелей наполнены множеством жильцов, которые еле помещаются в многочисленных кельях, пропитанных запахом борща и ладана. Кельи крохотные, перепутанные разными коридорчиками и каморками. Жить в них сейчас очень плохо.

Я все же согласился взять Куряж, потому что другого выхода нет. Выигрываем мы близость к Харькову. Но я выговорил 20.000 на ремонт. Это

очень много. За эти деньги я починю спальни и клуб (3 - 4 тысячи), построю свинарник (8 тысяч) и произведу генеральный ремонт всех квартир, т. е. повыкидаю все переборки и перепланирую все дома наново, покрашу, переброшу печки. Жить же пока придется в здании школы, которое, кстати сказать, отремонтировано.

Все это я описываю для того, чтобы Вы знали, куда я Вас приглашаю. Хочется верить, что Вы с Надеждой Тимофеевной возвратитесь к нам. ...Со стороны персонала нашего Вы, безусловно, встретите симпатии к себе, как к прекрасным работникам и интеллигентным людям[4]. И сейчас мы Вас часто вспоминаем.

Думаю, что согласиться Вам следует. В Куряже соединяются удобства большого города и дачной местности. От станции Рыжов $1^1/_2$ версты, от станции Куряж - 1 верста, электричество, водопровод. Жалованье, вероятно, будет рублей 80-90.

В четверг 25/III я ожидаю телеграммы об утверждении договора Совнаркомом. Там затруднений никаких не предвидится. По получении этого письма долго не думайте, а давайте мне телеграмму о Вашем согласии. Как только я получу телеграмму, немедленно вышлю Вам назначение. Осложнений каких-нибудь с переездом в Куряж не ожидаю. Если за Вашим согласием остановки не будет, думаю, что и Вы к 20-му будете там.

Итак, жду Вашей телеграммы.

Само собой, в случае какого осложнения немедленно Вас уведомлю, хотя это почти невозможно.

Привет всем Вашим.

Ваш *А. Макаренко.*

Пед. соч., т. 8, с. 26-27.

1 Имеется в виду проект договора состоящий из 18 пунктов, подписанный представителями Наркомпроса, харьковского Окрпомдета и Окрнаробраза: Берлин Р. Л., Тарапата С. Е., Махно Т. Д. Этот документ и обращение Наркомпроса в Совнарком УССР, постановление Совнаркома, решение объединенного заседания Президиума Харьковского окрисполкома и горсовета, др. документы – в Опускуле макаренкиана, № 5, с. 43-60. Там же – публикации газет «Харьковский пролетарий» 18 и 25 апреля 1926 г., полтавской газеты «Работник» 21 мая о предстоящем переезде горьковской колонии в Куряж (с. 52-54, 57-58, 63). С. Е. Тарапата –

в «Педагогической поэме» С. К. Халабуда (в данной книге смотри «Типы и прототипы»).

2 Куряжская колония им. 7 ноября содержалась на средства Окрпомдета.

3 120 чел. – воспитанники из Полтавской колонии им. М. Горького. В общем итоге: 15 воспитанников на одного воспитателя.

4 Начало предложения в тексте зачеркнуто.

Письмо А. М. Горькому, 25 марта 1926 г.

Полтава, колония им. М. Горького

25 марта 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам большое за заботу о нас. Возможно, что объективно мы не заслужили такого внимания. Ваше предложение написать письмо А. И. Рыкову[1] вызвало у нас целую дискуссию, которая заняла целую неделю. На первом общем собрании голоса поделились. 69 высказалось за то, что мы имеем право воспользоваться Вашей помощью, 66 за то, что так поступить мы не должны. Я отказался руководиться мнением такого незначительного большинства и предложил хорошенько продумать вопрос, прежде чем голосовать. После этого в течение 4-х дней мы вели горячие споры. Представители большинства доказывали, что наше стремление в Запорожье есть здоровое стремление, которое пойдет на пользу всего государства, а поэтому мы должны воспользоваться помощью Вашей. Представители противоположной точки зрения, по моему мнению, были все-таки правы.

- Хотите иметь помощь, так выбирайте шефом Госбанк или Совнархоз, а если вы имеете шефом Горького, то не воображайте, что вы можете надоедать ему своими делишками. Не хитрая штука, что Горький напишет письмо и вам поднесут Запорожье. Зачем нам тогда работать, было б с самого начала обратиться к Горькому и нам бы все дали. Мы добиваемся Запорожья потому, что мы его заслужили.

- В какое положение вы ставите Горького? Почему он будет просить за нас? Потому, что мы носим его имя? А если мы оскандалимся с Запорожьем? Что тогда Рыков скажет Горькому?

- А откуда Горький знает, какие мы? Из наших писем? Какое мы имеем право ставить Горького в такое положение?

Я любовался своими хлопцами. В наш зверский век люди отвыкают любить и отвыкают уважать себя. В колонии мне всегда приходилось доказывать, что мы не можем профанировать Ваше имя в нашем собственном представлении принятием от Вас материальной помощи. Это означало бы, что мы чересчур носимся с собой, это значит, что мы себя недостаточно уважаем.

В данном споре я и воспитатели держались совершенно таинственно, хотя мою точку зрения многие чувствовали. На втором собрании картина получилась иная. За Вашу помощь 27 против 101.

Двадцать семь пробовали продолжить войну.

- Ну, как теперь написать Горькому. Он нам предлагает помощь, а мы важничаем!

Вы нас должны понять, Алексей Максимович. Как раз Вы, один во всей мировой литературе, сумели сказать, что человек - это прекрасно. И другие пробовали говорить это, но у них человек получался или вроде петуха, или вроде сумасшедшего, только у Вас человек сумел свою гордость совместить с любовью к людям и с трепетным уважением к чему-то высшему. Может быть, в моих словах эта экскурсия в литературу звучит дико, но ведь Вы меня между строк поймете.

А для нас так хорошо ощущать Вашу близость к нам во всей ее чистоте. Ну в самом деле, разве можно Вам кого-то просить о каком-то Запорожье. Для таких дел есть другие люди. Вы нам могли оказать эту помощь потому, что Вы многим помогаете, мы это хорошо знаем, но нам, имеющим честь носить Ваше имя и честь быть с Вами в общении, нужно избавить Вас от всякой заботы.

Может быть, и впереди нам придется описывать Вам свои нужды, это так естественно, но никогда Вы не читайте в наших письмах необходимости нам помогать. С нашей стороны было бы просто гадко смотреть на Вас, как на человека, который может нам принести пользу[2].

От Запорожья мы отказались (даже телеграфно). Запорожский Окрисполком не желает нас пускать на свою территорию, боится, что

колонисты «терроризируют население». Поэтому он значительные куски уже роздал кое-кому. У нас была еще возможность надеяться - мы передали дело в Совнарком Украины, но и Совнарком отказал нам: слишком дорогой ремонт требуется. Совнарком (какая-то комиссия Совнаркома) уверен, что мы с ремонтом не справимся. Дальше идти уже некуда.

Теперь мы требуем себе место под Харьковом. Нам предлагают имение б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В имении этом сейчас детская колония, в педагогическом отношении яма, ужаснее которой я не видел в жизни. Мы соглашаемся переехать туда со всем имуществом с условием, чтобы нам оставили из тамошних колонистов не более 200 и убрали куда-нибудь весь персонал. Наш Наркомпрос приходит в ужас - боится, что мы не только ничего не сделаем с этими двумястами, но и сами потеряем свою стройность и дисциплину. Посмотрим. Дело, кажется, выгорит. Задача страшно трудная, но у нас есть еще пафос.

Сегодня[3] мы чистимся, моемся, штукатурим, красим. Сейчас 10 часов вечера, а все в колонии работает и поет. Зарезали целое стадо гусей. К сожалению, не можем поставить пьесу, так как окружены на своей горе со всех сторон водой[4]. Страшно досадно. У нас уже приготовлены «Враги»[5].

Завтра в 2 часа «обед со знаменем», речи, декламации, а вечером моя лекция о детских типах в Ваших произведениях. К сожалению, некогда написать даже хороший конспект, а подумать пришлось много. У меня есть способность разбираться в художественных данных, но в условиях моей жизни разобраться в целом море Ваших детских лиц страшно трудно. Поэтому я, вероятно, буду нести ересь. Но ведь меня будут слушать только наши хлопцы и воспитатели.

Простите за такое длинное письмо.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Мы получили прекрасные альбомы из Москвы от Е. П. Пешковой[6]. Как Вас благодарить за ласку. В марте в нашей школе были разработаны комплексы: для младших «Где живет Горький», для старших «Италия».

Альбомы эти мы изучили вдоль и поперек. Но... только крыша Вашего дома в Сорренто говорит прямо о Вас. В колонии все умирают: кто такая Е.

П. Пешкова? Написали письмо, в котором требовали откровенного признания.

А.М. Полтава, ящик 43.

Колония им. М.Горького.

Пед. соч. т. 1, с. 229-231.

1 Рыков А. И. (1881-1939) – председатель Совнаркома СССР и РСФСР в 1924-1930 гг.

2 А. С. Макаренко рассматривает шефство в противоположность благотворительности: она унижает человеческое достоинство не только подопечных (развращает их в духе потребительской морали), но и самого «благодетеля».

3 Накануне дня рождения А. М. Горького. На следующий день колонисты послали ему поздравительную телеграмму, на французском языке (Опускула макаренкиана, № 11, сост. Г. Хиллиг, С. Невская. – Марбург, 1990, с. 142).

4 Имеется в виду весеннее половодье; жители соседних селений, Ковалевки и Макуховки, на колонийский спектакль прийти не смогли.

5 Пьеса А. М. Горького, 1906 г.

6 Пешкова Е. П. (1876 - 1955) – жена А. М. Горького. Его письма и присланные материалы, а также книги, портреты и др. составили «Горьковский музей» колонии.

Письмо А. М. Горькому, 8 мая 1926 г.

Полтава, 8 мая 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Только вчера окончилась страстная борьба за Куряж. Я уже Вам писал, что, потерпев поражение в войне за Запорожье, мы поставили вопрос о передаче нам имения б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В первые же дни вопрос как будто был решен окончательно, но потом нашлись другие претенденты, и заварилась целая каша, потому что «Засватана дівка всім гарна». Харьковская комиссия помощи детям, которой принадлежит нынешняя весьма неудачная колония в Куряже, не хотела передавать колонию нам главным образом потому, что не хотела признать своей неудачи и надеялась в будущем поправить дело. Мы требовали от комиссии 20 000 рублей на ремонт домов, приведенных в негодность.

Комиссия соглашалась дать нам 50 000, но с тем условием, чтобы колония по-прежнему называлась «Куряжской колонией им. 7 Ноября» и

была ответственна перед Помдетом. На общем нашем собрании единогласно было заявлено категорическое требование, чтобы колония называлась «Харьковской колонией им. М. Горького» и подчинялась Наркомпросу. Помдет на это не согласился и, пользуясь тем, что ставки жалованья Наркомпроса очень малы (воспитатель у нас получает 48 рублей), гораздо ниже ставок Помдета, предложил перейти в Куряж нашему персоналу. Когда наши хлопцы узнали об этом, возмущению не было границ. Воспитателей стали подозревать в желании «продать Горького». Нужно сказать, что эти подозрения были неосновательны. Разумеется, каждому лучше жить под Харьковом и получать 90 рублей, но без меня и без наших хлопцев ехать в Куряж на растерзание 200 малыми хулиганами никто бы не решился. Независимо от этого каждому воспитателю имя Ваше дорого, как наше знамя.

В последнем счете мы одержали победу. Договор подписан[1]. Копию Вам посылаю. У нас страшный подъем.

В то же время мы переживаем очень большое напряжение. В Куряже все работники снимаются[2]. 200 детей, какие там имеются, представляют собой огромный клубок копошащихся в грязи распущенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани. Перебросить в Куряж наших 130 хлопцев немедленно, значит создать там сразу два враждебных лагеря. Наши будут задирать носы и задаваться, куряжане от стыда и старого озлобления будут смотреть на нас, как на завоевателей.

Поэтому я решил ехать один. Надеюсь, что мне удастся заразить куряжан хоть небольшим пафосом, увлечь моей верой в их человеческую ценность (Вашей верой). Тогда они смогут встретить наших хлопцев с некоторым достоинством, тем более что я постараюсь их организовать и поставить на работу.

Не скрою, я немного побаиваюсь. Мне еще не приходилось сразу нагружать свою волю и нервы такой массой человеческого несчастья, принявшего уже формы застаревших язв.

Завтра я с двумя воспитанниками выезжаю в Куряж принимать колонию. Вам будем сообщать о нашей работе.

Разрешите в этот критический и, может быть самый интересный момент в жизни нашей колонии приветствовать Вас от имени всей колонии и благодарить за ту энергию и бодрость, которую сообщает нам одно Ваше имя, не говоря уже о живом общении с Вами.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 231-232.

1 Договор в переработанном варианте («Соглашение») утвержден в мае 1926 г. представителем Харьковского окрплана С. И. Канторовичем.

2 Из персонала куряжской колонии А. С. Макаренко оставил несколько человек: воспитатели Збировский, Соболь и его жена, инструктор швейной мастерской Веселова, заведующий электростанцией. Збировский в «Типах и прототипах» Б. М. Ложкин.

Письмо А. М. Горькому, 23 мая 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишем из Куряжа. Сюда собрался первый наш эшелон - 4 воспитателя, 11 воспитанников и старший инструктор. Вот уже две недели спим на столах и кое-как организуем новую жизнь. Трудно представить себе большую степень запустения, хозяйственного, педагогического, просто человеческого. 200 детей живут не умываясь, не зная, что такое мыло и полотенце, загаживают все вокруг себя, потому что нет уборных, отвыкли от всякого подобия работы и дисциплины. Но дети, в общем, хорошие, мы надеемся, что за лето их удастся привести в некоторый порядок. Очень надеемся на организующее влияние горьковцев. Послезавтра они уже грузятся в вагоны и числа 27-го, вероятно, будут здесь. Как нашим хлопцам, так и работникам придется, вероятно, еще долго жить во временной обстановке, так как здания все крайне запущены, требуют большого ремонта.

Жизнь начинается интересная и страшно напряженная. Самая главная задача изжить потребительскую философию наших новых питомцев. Ко всему они подходят с единственным вопросом: нельзя ли потребить?[1] Очень любят лечиться: приблизительно 30% больных всякими болезнями. Мы надеемся, что огромная работа по ремонту и развитию хозяйства поможет нам перевести эту философию на рабочие рельсы.

Положение наше затрудняется тем, что борьба за Куряж еще и не окончена. Наши враги пустили в дело последнее средство - пытались опорочить Полтавскую колонию и добились даже посылки в Полтаву представителя РКИ[2] для обследования. Это очень понизило было наше настроение - просто стало обидно. Разве можно обследовать колонию, которая вся запакована в ящики, откуда уже уехал заведующий и большая половина персонала?

Теперь к этой обиде привыкли. Как-то хочется смотреть больше вперед.

Мешают очень церкви, колокольни бывшего монастыря в самом центре нашей усадьбы. В главном храме совершаются служения, и мы представляем соединение двух стихий несоединяемых. Нужно много положить энергии, чтобы добиться сноса церкви[3].

К нам вчера вечером приехали гости Софья Владимировна Короленко[4] и заведующий Полтавской колонией им. Короленко Ф. Д. Иванов. Они являются нашими наследниками — занимают нашу полтавскую усадьбу. Вчера они меня «накрыли». В Полтаве мы сторговались, что посевы мы уступаем им за 1600 рублей, а в Харькове они завлекли меня в кабинет к важному лицу, и я, по своей провинциальной скромности, принужден был уступить посевы за 1200 рублей. За это я их тут же в кабинете выругал «интеллигентами».

Но люди они страшно хорошие, и так приятно, что они навестили нас в нашей яме.

Дорогой Алексей Максимович, к Вам большая просьба: если Вам не трудно и если Вы находите удобным, напишите несколько слов благодарности президиуму Харьковского окрисполкома в лице его председателя т. Гаврилина[5]. Они оказали нам огромное доверие, защищая нашу колонию и выдержав большую борьбу из-за нашего перевода. Это обстоятельство в особенности понуждает нас все сделать, чтобы колония Вашего имени и под Харьковом справилась с задачей.

Будьте здоровы. Приветствуем Вас в самый критический момент нашей работы.

Преданные Вам горьковцы.

А. Макаренко

Автографы: *Л. Сагредо, Т. Татаринов, М. Николаенко, Д. Горгуль, С. Набоков, И. Серкин, Н. Шершнев, Лапотецкий, П. Архангельский, Весич*.

Пед. соч., т. 1, с. 232-233.

1 Преодоление «потребительской философии», формируемой в детских учреждениях интернатного типа, А. С. Макаренко определяет в это время как свою «самую главную задачу» предвидя необходимость ее решения в массовом масштабе, в условиях тогдашней учебно-трудовой школы. Осуществление в 30-х гг. всеобщего начального и затем 7-летнего общего образования на базе нетрудовой «школы учебы» постепенно стало подрывать перспективы экономического и социально-гуманитарного развития страны.

2 Рабоче-крестьянская инспекция.

3 Речь шла о переносе богослужений в другую церковь, за монастырской стеной. Колония предлагала помощь в ее ремонте (Опускула макаренкиана, № 5, с. 91).

4 Короленко С. Ф. – дочь русского писателя В. Г. Короленко, жившего с семьей с 1900 г. в Полтаве.

5 Письмо А. М. Горького И. Д. Гаврилину харьковские газеты «Пролетарий», «Харьковский пролетарий», «Вести», а так же московская газета «Известия» опубликовали 16 июня 1926 г. В «Харьковском пролетарии» с комментарием: «Переведенная в Куряж из Полтавы детская колония им. М. Горького является одной из образцовейших на Украине...»

***Дополнение.* В газ. «Коммунист» (орган ЦК КПбУ и Харьковского окрисполкома) 27 мая 1926 г. статья «Правонарушители» (Полтавская трудовая колония им. М. Горького)»: ее история (от «одной пары сапог и одного тулупа на троих» до большого хозяйства-поместья). Всюду кипит работа «у всех добрые и приветливые лица... Шутки, остроты, веселые возгласы... Антон Семенович ввел почти военную дисциплину, но редко можно видеть более дружеские, сердечные отношения между старшими и младшими, учащимися и педагогами... Воспитатели наравне с воспитанниками работают... После года пребывания в колонии – звание и значок колониста (если воспитанник при этом проявил себя «как хороший работник и верный товарищ» - А. Ф.); после 3-х лет - «старший колонист», значок колониста в красной розетке, равенство с воспитателями, право на выпуск. Выработана «своя, крайне любопытная обрядность». В колонии свято чтут знамя.**

В библиотеке 2 тыс. книг, «здесь представлена даже новейшая беллетристическая литература». В школе «осуществлен дальтон-план». Образцовое хозяйство, селяне покупают молодняк для развода; молодежь

посещает спектакли и концерты. Пожарная команда обслуживает нужды села.

28-29 мая колония им. М. Горького в составе 130 воспитанников, со всем хозяйством, имуществом и инвентарем, библиотекой специальным поездом прибывает в распоряжение бывшей колонии им. 7 ноября в Куряже, принимая часть ее воспитанников. Парадный строй горьковцев: по шесть в ряд, с большими интервалами между рядами (в стиле свободного движения), впереди трубачи и барабанщики, за ними знаменитая бригада (ассистенты с винтовками) и А. С. Макаренко с дежурным командиром. Летняя парадная форма: белая рубашка типа футболка, темно-синие трусы с карманами и ремешком (типа современных шортов), бархатная тюбетейка.

Приглашение на праздник первого снопа 11 июля, с 11 час. дня – послано наркому просвещения УССР А. Я. Шумскому; подписи: зав. колонией, секретарь педсовета, секретарь совета командиров (РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 132).

В 1926 г. колония имела в своем распоряжении 18 государственных стипендий и 8 стипендий Деткомиссии ВУЦИКа.

Письмо А. М. Горькому, 16 июня 1926 г.

Харьков, 16 июня 1926.

Думали ли Вы, дорогой Алексей Максимович, что Ваше письмо будет поворотным пунктом в истории нашей борьбы с Куряжской разрухой. С воскресенья 13 июня у нас совершенно новое настроение и новая работа. Ваше письмо получено в субботу. Как раз на воскресенье был назначен мой доклад о Вас. Мне посчастливилось быть в ударе. Ребята в течение $2^1/2$ часов были захвачены рассказом о Вашей жизни. Очень помогли выдержки из «Детства» и «В людях», которые были мною прочитаны. Страшно Вы понравились куряжанам. Много задавали вопросов, и каждый захотел подержать в собственных руках Ваше письмо. Потом целый день толпились возле Вашего портрета, который мы выставили только утром.

После доклада я прочитал Ваше письмо. Когда я читал его при получении, мне казалось, что запущенные, одичавшие ребята не поймут великой любви Вашей к Человеку и Вашей веры в человеческую культуру, и я думал, что мне придется много им объяснять, но, когда я прочитал письмо на общем собрании и увидел, как блестели глаза набежавшей слезой, я понял,

что эти оборванные худые дети тоже имеют отношение к человеческим идеалам и что это Вы силою своего слова заставили их это почувствовать.

Вечером все писали Вам письма. Интересны письма куряжских отрядов, если у Вас найдется время, может быть, Вы их прочитаете. (Это отряды 9, 16, 17, 18, 19, 20, 22.) Многие хотели писать отдельно от отряда, но им не позволили. Только письмо Котова я посылаю, ибо он ни за что не хотел помириться с запрещением и представил мне письмо в запечатанном конверте, спросил, сколько нужно марок, и ходил целый вечер по колонии, упрашивал всех воспитателей позаимствовать ему 28 копеек на марки.

В понедельник все мы поражались величиною радости и энергии, с которой ребята работали и жили. Впервые здесь мы вздохнули с облегчением. Нужно при этом отметить, что куряжане взялись за работу даже охотнее полтавцев, хотя, конечно, далеко уступают им по выдержке и умению работать. Благодаря «горьковскому» дню, как наши воспитатели назвали воскресенье, первый, самый тяжелый период овладения Куряжем окончился вдруг в один день нашей блестящей победой.

Сейчас мы живем уже хорошо. Начали бороться с грязью, красим, штукатурим, моем. К сожалению, куряжское голое состояние совершенно растворило наши запасы одежды, и вид мы имеем кромешный. Очень много страдаем от паразитов. Окончательно очиститься успеем, вероятно, только осенью, так как сейчас каждую лишнюю копейку ухлопываем на ремонт. Хочется кое-что сделать и в организации мастерских[1] а в особенности свинарни, молочной фермы и оранжереи. Зато цветники мы уже разбили везде, где успели убрать сор. Монастырские стены, которым 212 лет, развалили. От этого стало больше света и воздуха, расширился двор, открылись прекрасные виды на всю долину. По секрету Вам, как родному, признаемся, что думаем блеснуть на празднике Первого снопа и после этого выцыганить что-нибудь.

Настроение у всех прекрасное, жизнерадостное - хорошо строить - Вы ударили нас по самому человеческому месту.

По Вам прямо скучают. Как будто раньше видели Вас и давно уже пора повидаться. На Вашем портрете разглядывают морщинки и спрашивают, какого Вы роста и какой у Вас голос. Я говорю, что Вы высокий, худой,

говорите басом, очень сердитый и страшно добрый. А какого цвета Ваши усы, затруднился определить. Мечтают все о Вашем приезде. В тех шершавых письмах, которые хлопцы Вам шлют (плоды обучения на «родном» языке[2], они пишут правду. 15-й отряд (они гордятся тем, что ближе всего к Вам - работают в пекарне)[3] прекрасно, хоть и глупо, выражает общие чувства: «В эту минуту готовы обнять Вас в своих молодых, но крепких объятиях и крепко расцеловать». Если Вы к нам приедете, то Вам придется плохо, потому что некоторые обладатели молодых, но крепких объятий производят очень внушительное впечатление. Но что же делать, дорогой Алексей Максимович? Я сам, кажется, забыл свою давнюю любовь к Вам как к писателю, а люблю сейчас Вас, как мальчишка.

Мы все очень тронуты Вашим письмом к Гаврилину, у нас у всех тепло на душе, как будто нашли крепкую любящую руку отца, которая нам поможет, и защитит, и приласкает.

Только Вы напрасно, дорогой Алексей Максимович, хвалите меня (письмо напечатано в газетах). Я боюсь личной известности, страшно боюсь и, кроме того, совершенно не заслуживаю особенного внимания Вашего. Я потому и отдался колонии, что захотелось потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном и идущем вперед, а в то же время и русском, с размахом и страстью. Задача как раз по моим силам. Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае из детей. Раствориться в нем, погибнуть лично - лучший способ рассчитаться с собой. Мне удалось посвятить этот коллектив Вам - вот тот великий максимум, о котором я только мечтал. А я не педагог и терпеть не могу педагогов.

Простите, что я о себе. Мое желание, чтобы Вы меня поняли, конечно же, никуда не годится - мы не имеем права затруднять Вас такими пустяками. То, что наша жизнь так крепко связана с Вашим именем, - мы переживаем как совершенно незаслуженную милость к нам кого-то - судьбы? Но мы Вас крепко любим, так крепко, что стесняемся Вам об этом говорить, а вдруг Вы этих сантиментов не любите.

Простите, что так много мы все написали. Спасибо Вам, что живет Ваша душа у нас, живая, родная, мы так ее прекрасно чувствуем.

Преданный Вам *Макаренко*

Антон Семенович

Пед. соч., т. 1, с. 233-235.

1 Упоминается, вероятно, о будущей механизированной деревообделочной мастерской.

2 Говорится о проходящей в УССР с 1924-1925 учебного года «украинизации» образования, переходе к обучению на украинском языке. В акте проверки (октябрь 1927 г.) значится, что обучение в колонии им. М. Горького ведется на русском языке, что «абсолютно неверно» (Опускула макаренкиана, № 11, с. 147).

3 А. М. Горький в молодости некоторое время работал в пекарне.

Дополнение. **Обширные детализированные очерки о жизнедеятельности горьковской колонии: Харьковский пролетарий (орган Харьковского окружкома КПбУ), 4 и 7 июля; Коммунист, 6 июля, с иллюстрациями; Вести ВУЦИКа, 27 июля, с описанием праздника Первого снопа; Комсомолец Украины, 5 августа; Юный ленинец, 9 августа. Факсимильная перепечатка: Опускула макаренкиана, № 5, с. 83-117.**

30 сентября 1926 г. Президиум Руновщанского райисполкома рассмотрел вопрос о досрочной передаче мельницы новому арендатору. Колония им. М. Горького арендовала ее на срок с июля 1924 г. до 30 июня 1926 г.

Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства»

1. В докладе вопрос будет разбираться исключительно по данным опыта колонии им. Горького. Трудность ребенка будет рассматриваться без всякого отношения к биологическим дефектам. В колонии им. Горького прошло более 700 детей, трудность которых более или менее установлена.

2. Типология трудного детства неудовлетворительна. Последние предложения Залкинда[1] и Бельского[2] при частом их остроумии малопригодны для практической работы.

3. Вообще классификация возможна только после предварительного массового наблюдения и записи. В колонии мы наблюдали более 200 случаев действительно трудных.

4. Бельский сводит этически дефективных к учению Петражицкого. Вернее было бы взять за основание не этическую, а правовую эмоцию, ибо как раз в области правовых отношений проходит как содержание нашей

работы, так и наши цели воспитания. Оставляя в стороне эмоции Петражицкого, можно все же обратить особенное внимание на правовую сферу[3].

5. Под таким углом мы склонны отрицать самое понятие дефективности в среде личности, а остановиться на дефективном отношении между личностью и обществом. Дефективность отношения заключается в отношении отпора[4] борьбы за существование в сторону как повышения, так и понижения тона. В итоге конфликт заключается в нарушении общественной дисциплины.

6. Причины конфликтов всегда лежат в обществе, но причины представляются относящимися к личности, поскольку общество не склонно ревизовать свои требования. Поэтому обычно дефективность выражается в ***мотивации***[5], принимая под мотивацией общую картину побуждений (картину рефлексов).

7. Дефективные отношения проявляются в трех главных областях:

1. Мотивация присвоения	Непосредственное присвоение.
	Нужда.
	Попрошайничество.
	Посредственное присвоение.
2. Мотивация преобладания	Неорганизованное преобладание.
	Организованное преобладание.
3. Мотивация обособления	Мотивация первоначального эгоизма.
	Мотивация свободы личности.
	Мотивация эстетическая.

8. Задача воспитателя - восстановление нормального отношения между личностью и обществом. Возбуждение новой системы мотивации (рефлексов). Специальные условия детской коммуны позволяют [решать] положительные задачи уже не правового, а этического воспитания.

9. Признаки детского общества: нет образца, возможны многие варианты. Все они должны как можно дальше стоять как от нынешней практики воспитания потребителей, так и от предрассудков педагогической литературы.

10. Реальная логика колонии - это логика хозяйства. Труд определяется хозяйством, которое должно отличаться развитием[6], мощностью, прибыльностью[7], веселым тоном[8].

Труд определяется хозяйством - знание, точность, учет, умение, «ухватка», план, отчет, ответственность. Квалификация не имеет существенного значения. Логика материала и инструмента...

12. Логика хозяйства и логика труда вместе дают железную логику коммуны. Она требует быстрого экономного совещания, короткого приказа и короткого исполнения. Но она же требует и организации защиты личности[9].

13. Дисциплина опирается на волю и интерес коммуны. И отсюда право коммуны карать.

14. Проблема наказания: наказание должно разрешать конфликт. Отдельные формы: восстановление дисциплины, демонстрация силы коммуны, максимум обособления, выбрасывание из коллектива.

15. Наказание имеет в виду коллектив, а не личность, Демонстрация стихии коммунальной силы, создающая не только напряжение, но и покой.

16. Значение романтики. Огромное значение символов и игры. Пафос и гордость.

17. Необходимость здорового и красивого выхода из колонии.

18. Возможны большие достижения при изменении внешних условий: финансовых, материальных, юридических[10].

Пед. соч., т. 1, с. 53-54.

Доклад сделан на Первой Всеукраинской конференции детских городков и колоний, организована Главсоцвосом НКП, проходила 30 сентября – 3 октября 1926 г. на базе Первого одесского детского городка им. III Интернационала А. С. Макаренко прибыл на конференцию в сопровождении 2 воспитателей горьковской колонии и 15 воспитанников; им для проживания отведен отдельный флигель; они жили по установленному в колонии распорядку, свободно общались с участниками конференции.

В. М. Дюшен, инспектор НКП (в «Педагогической поэме» М. В. Брегель, см. в дан. книге «Типы и прототипы»), в статьях об этой конференции (Путь просвещения, 1926, № 11 и Друг детей, 1926, № 8-9) отметила, что выступление А. С. Макаренко было «лучшим докладом, наиболее оживившем конференцию и вызвавшим живейший обмен мнениями». Этот доклад о работе с «трудными» детьми содержит

приемлемые для всех интернатных учреждений установки: единый воспитательный процесс, воспитательное значение производственно–хозяйственной базы детского учреждения, точный план трудовой деятельности, ее коллективная организация, необходимость учета труда, отчетности и личной ответственности руководителя группы воспитанников, доверие к детям, честь учреждения.

Все остальное в докладе – «целый ряд весьма спорных вопросов». Некоторые из положений доклада легли в основу ряда резолюций конференции, относящихся к работе и беспризорными, и «нормальными» детьми.

Осень 1926 г. можно считать началом распространения макаренковских идей и опыта во всеукраинском масштабе.

1 Залкинд А. Б. (1889-1936) – врач-психоневролог, ведущий теоретик социогенетического направления в педологии. А. С. Макаренко имеет в виду, вероятно, его статью «Дети, социально выбитые из колеи (О разделении их на группы и способах педагогического воздействия, на них)» - в ж. «На путях к новой школе», М., 1924, № 10-12. В 1928 г. выступил с критикой взглядов А. С. Макаренко.

2 Бельский П. Г. (1879-1948) – педолог, дефектолог. Говорится, наверное, о его статье «Типология этически дефективных несовершеннолетних» в кн.: Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка. – М., 1924. В 1928 г. опубликовал критическую статью об А. С. Макаренко.

3 Работая с несовершеннолетними правонарушителями, А. С. Макаренко естественно обратился к вопросам правоведения. Это привело его к проблеме правовых отношений в системе воспитания «нормальных» детей, особенно в деле гражданско-правового воспитания.

4 Так в авторском тексте. Возможно, следует читать: «...отбора, борьбы за существование...».

5 Выдвижение здесь на первый план проблемы мотивации – еще одно свидетельство против того, что А. С. Макаренко якобы имел в виду лишь внешние педагогические факторы, не учитывал внутренние предпосылки поведения. Принцип взаимодействия внешних и внутренних начал в формировании личности блестяще реализован в его «системе перспективных линий».

6 Принцип неуклонного развития всех элементов педагогической системы и прежде всего ее хозяйственно-трудовой основы – один из ведущих в педагогических воззрениях А. С. Макаренко. Системный подход в его творчестве преобразуется в системно-процессуальный. «Свободный рабочий коллектив не способен стоять на месте... Форма бытия свободного человеческого коллектива – движение вперед, форма смерти - остановка» (т. 3, с. 267).

7 Экономическую эффективность производительного труда А. С. Макаренко считает необходимым условием целенаправленного воспитательного процесса. «Труд-забота», «экономическая забота» должны проявляться в повышении производительности труда.

8. Две основы жизнедеятельности воспитательного коллектива: материальную и духовную, - А. С. Макаренко разрабатывает в их взаимообусловленной «параллельности», выделяя при этом духовно-нравственное состояние коллектива и как специальную проблему. Он конкретизирует ее, обращаясь к эмоциональному состоянию, «настроению» коллектива и личности, к «тону отношений», их «эстетике»; см. ниже по тексту: романтика, символы, игра, «пафос и гордость», «красивый выход из колонии». Впоследствии он обозначил это словом «мажор» (т. 4, с. 196-203), написал пьесу «Мажор» (т. 2).

9 «Защиту личности» А. С. Макаренко поставил на одно из первых мест в разработке проблем коллектива и дисциплины. Он искал и находил организационные и морально-психологические решения, ведущие к тому, чтобы «отдельная личность была и наиболее дисциплинированна, и наиболее свободна» (т. 3, с. 457), могла полноценно проявлять свою индивидуальность и творческую волю.

10 Постоянное развитие жизнедеятельности коллектива в «параллели» с его стабильностью, «покоем» А. С. Макаренко затем представил в разработке проблемы традиций коллектива (т. 4, с. 134-139).

11 Недопустимость нового решения в трудовом воспитательном коллективе проблемы «внешних условий: финансовых материальных, юридических» - главное препятствие на пути социально-педагогического новаторства А. С. Макаренко. «Чиновник из финотдела», «сущий сказочный Кащей» - действительный «организатор и вдохновитель соцвосовской практики, истинный хозяин всех наших идеалов, принципов и идей» (т. 3, с. 473). Это с особой силой проявилось при неприятии макаренковского проекта «Положение об отпуске средств на содержание учреждений ТДК» (см. тексты ниже), что стало одним из решающих фактов прекращения макаренковской работы по созданию Трудового детского корпуса Харьковского округа.

Письмо Н. Ф. Остроменцкого, 9 октября 1926 г.

Многоуважаемая Надежда Феликсовна!

Очень рад был получить от Вас записку - так приятно, что в моей любимой Москве у меня такой приятный знакомый, как Вы...

Ничего, разумеется, не могу возразить против написания Вами книжки о колонии, хотя, по правде сказать, в мои планы не входит слишком

[рекламировать] колонию. Я думаю, что у нас еще очень много недоделанного, много форм, представляющих поиски, но не решение. Но не по этим только причинам мне придется Вам отказать в помощи. Вы не знаете, как я занят, едва ли я сумел бы собрать для Вас все нужные материалы.

У нас все по-прежнему и благополучно. Вчера я возвратился из Одессы, где был на съезде заведующих дет[скими] городками и колониями . Там меня здорово качали. Между прочим, представил проект организации Всеукраинской детской трудовой армии (7 корпусов, 21 дивизия, 63 полка по 1000 человек каждый). Надо мной посмеялись как над мечтателем, но всё же Наркомпрос УССР предложил мне в качестве опыта организовать 1-й детский корпус на всех детей Харьковского округа. Считая беспризорных, это даст 10 000 ребят. Я ставлю всяческие условия, главное - это согласие и поддержка колонии [им. М.] Горького.

Хлопцы к этому проекту относятся с энтузиазмом.

Я все же боюсь, что не сумею справиться с миллионом мельчайших сопротивлений отдельных лиц и интересов.

Начали [школьные] занятия, по этому поводу маленький подъем. Настроение прекрасное.

Кое-как одеваемся, но еще половина босых, одежды теплой нет - делаем долги.

Духом не падаем.

Несколько ударов: ушел Калюжный, забрали в солдаты Коваля и Семена[1]. Последнее в особенности страшно грустно.

Пишите, пожалуйста, буду Вам очень благодарен. Надеюсь в декабре - январе быть в Москве, очень было бы хорошо повидаться. Будьте веселы.

Уважающий Вас *А. Макаренко.*

Харьков, Песочин

Пед. соч., т. 8, с. 27-28. Н. Ф. Остроменцкая была в колонии им. М. Горького клубным работником с весны 1926 г.; с 31 мая – воспитательница; с начала июня принята учителем-воспитателем «на 3-месячный стаж». Затем посетила колонию в апреле-мае 1927 г. Свои впечатления о колонии она отразила в большом очерке «Навстречу жизни. Колония имени Горького» (Народный учитель, М., 1928, № 1-2, с. 12-77).

Рубрики очерка: Введение (история колонии), Организация труда, Организация коллектива, Взаимоотношения внутри колонии, Отношение с окрестным крестьянством, Рабфаковцы в колонии, Рабочий день колонии (выделены рубрики, характерные для педагогики того времени; см. для сравнения рубрики макаренковского «Очерка работы…»). К одной из рубрик дан эпиграф: «Мы редко вполне сознаем влияние бессознательных впечатлений среды, но ими обычно обуславливаются все наши поступки (Дж. Дьюи. Философия воспитания)».

В очерке использован материал макаренковского «Очерка работы Полтавской колонии им. М. Горького». Есть отрывки, точно соответствующие первым главам «Педагогической поэмы», со ссылкой на работу А. С. Макаренко «Из опыта Полтавской колонии им. М. Горького», с которой, возможно, Н. Ф. Остромецкая знакомились во время краткосрочного посещения колонии весной 1927 г.

1 Говорится о С. А. Калабалине, тогда он заведовал в колонии занятиями по физкультуре. Рабфаковцы в период летних каникул работали воспитателями, взамен ушедших в отпуск воспитателей.

О расширении колонии

Чтобы приять в колонию им. М.Горького [еще] 100 детей, необходимо:

Единовременно:

а) Ремонт нижнего этажа дома № 1 (спальни); - 13000

б) Уплата окр. Помдетом недоплаченных колонии денег по майскому договору для окончания свинарни и уплата задолженности; 7432

в) Организация производственных столярной и переплетной мастерских и мельницы, чтобы дать работу 100 детям (2000+7000+3000) 12000

г) Дооборудование спален, клубов, школы, кухни и расходы по первому обмундированию 100 детей 8500

Итого единовременно 40932

Сумма эта должна быть внесена сразу на текущий счет колонии - условие 1-е.

Смета на 1926 - 1927 год.

Смета должна быть установлена не по окрпомдету, а по окрисполкому, чтобы колония жила не на двух бюджетах, а на одном - условие 2-е.

При этом по всем статьям, кроме отопления и капитального ремонта, к сметам ассигнования должно быть прибавлено 100/350, т. е. 29%.

Особое примечание I-е. Ввиду того, что за отсутствием квартир персонал не может быть увеличен, причитающаяся в размере 29% дополнительная зарплата должна быть по постановлению окрисполкома выдана наличному персоналу как уплата за особую напряженность труда - условие 3-е.

Особое примечание II-е.

Как опытно-показательное учреждение НКП, колония не может удовлетвориться ассигнованием по учебной части по 3 руб. в год на человека, тем более при прибавке 100 детей должна быть удовлетворена смета по учебной части, представленная колонией в сумме 17000 руб. с прибавкой 29% - условие 4-е.

Об этом должно быть специальное постановление ОКРИКа. Только при наличии указанных 4-х условий может быть увеличено население колонии до 100 детей.

Зав. колонней М.Горького *Макаренко*

30/X-26 г.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед.хр. 52, лл. 130-131. Эти условия А. С. Макаренко ставит в связи с сделанным ему предложением о дополнительном приеме в его колонии100 детей. При этом он считал также необходимым восстановление статуса колонии как опытно-показательного учреждения НКП. С октября она переведена на окружной бюджет, средства Харьковского окрисполкома, с участием окружной комиссии помощи детям.

Дальнейшее развитие этого проекта: май 1927 г. – НКП УССР обращается во Всеукраинскую комиссию помощи детям с поддержкой ходатайства Харьковского окрпомдета и А. С. Макаренко о выделении 100 тыс. руб. горьковской колонии для дополнительного приема ею 100 детей; наконец июня – ЦКПД УССР сообщает в НКП о невозможности выделения указанных средств. Расширение колонии происходило без необходимого финансирования.

Письмо А. М. Горькому, 24 ноября 1926 г.

Колония им. Горького.

Харьков. Песочин. 2

24 ноября 1926 года

Дорогой Алексей Максимович!

Три месяца мы не затрудняли Вас своими письмами. В августе хлопцы написали целую кучу отрядных писем, но я рассердился на них, ругал, ругал, - пишут одно и то же, не умеют писать писем, прямо убивают меня. Они согласились со мной, были очень убиты, но решили написать, когда подучатся. Сегодня они спрашивали меня: когда? Сказал им, что после триместровых зачетов. Если Вы меня осудите за это, так тому и быть, но не могу я переносить ни безобразных почерков, ни трафаретного российского письма, бессодержательного и всегда глупого[1]. Хлопцы на меня дулись, но не осудили.

У нас множество всяких событий, как я Вам о них напишу? Ремонт закончили, но все же окрпомдет надул нас на $7^1/_2$ тыс. В один прекрасный день вдруг он заявил нам, что все 20 000 на ремонт выданы. Как выданы? А еще 7½ тыс.! Четыре тысячи стащили с нас за медь, которая в количестве 150 пудов для чего-то была в Куряже, которую мы получили по всем правилам и которую, конечно, продали.

А 3500 еще красивее. В июле приехал в колонию президиум окрпомдета в полном составе и подарил нам 300 одеял. Подарил в торжественной обстановке, при знамени, с речами, барабанным боем. Хлопцы играли туш, подбрасывали президиум в воздух и кричали ура! А в сентябре за эти самые одеяла удержали 3½ тыс. Теперь приходится судиться с помдетом.

Мы почти уверены, что высудим деньги, но пока сидим в долгах, а самое главное, не закончили постройку свинарни и наш завод гибнет. Приходится очень много работать хлопцам и в очень тяжелых условиях.

Тем не менее настроение у всех прекрасное. Нас обуревает множество всяких планов и проектов. В начале октября в Одессе был съезд всех детских городков и колоний. На нем выяснилось довольно бедственное состояние нашего соцвоса: нет людей, нет четкой работы, прекрасные принципы наши

остаются нереализованными. Зато наша колония стоит крепко и весело. На съезде нам много аплодировали и вообще качали, но практические предложения наши вызвали у всех страх: мы оказались слишком решительными. Я предлагал организацию всеукраинской детской трудовой армии, с широким активным самоуправлением, но с горячей дисциплиной. Разумеется, из этого ничего не вышло. Грустно, дорогой Алексей Максимович. У нас были широкие полеты, когда мы разрушали, а вот когда приходится строить, мы боимся тронуться с места.

В Харькове к нашим проектам относятся почти сочувственно, здесь разговор идет об объединении всех детских учреждений Харьковского округа - их около 30 с 10000 детей. Сочувствие, впрочем, помогает мало. Нужно разбить много мелких сопротивлений, страшную толщу формализма, нужно преодолеть апатию, вялость, а самое трудное - русскую веру в пустые словечки, русскую сектантскую глупость. Поэтому надежд у нас больших нет.

Я боюсь, что еще через год нам придется тоже положить оружие. Несмотря на то, что все признают большие достоинства нашей работы, даже исключительные достоинства, все же наша колония пока только черновой набросок. Закончить нашу систему нам не позволяет отсутствие совершенно необходимых условий.

Например, система финансирования, какая сейчас практикуется, в совершенстве обуславливается жадного потребителя, но ни в каком случае не коммунара. Деньги выдаются полумесячными долями да еще с разделением на полтора десятка всяких параграфов. Что можно с такими деньгами сделать? Только проесть. Хлопцы не имеют даже права распорядиться ими. Если нам дали на питание 1000 рублей, а мы истратили 900, то 100 рублей мы уже не можем истратить на одежду или на оборудование мастерской или на покупку сырья.

Говорить о том, что у нас при таких условиях возможно какое-то новое воспитание, конечно, нельзя. Вообще у нас очень мало нового, а если оно и зарождается, то исключительно благодаря отчаянным усилиям отдельных лиц, которым приходится при этом лезть не на один рожон.

У нас тут в колонии поэтому странное двойное настроение: с одной стороны, у нас огромное желание работать и большие запасы энергии, с другой - страшная усталость от вечного тыканья в каменные стены. И выхода как будто нет. Бросить колонию мы уже не в состоянии: за шесть с лишним лет в нее чересчур много положено и чересчур много сделано, наконец, образовались слишком крепкие живые связи, которые без боли не разорвешь. А продолжать работать - значит убивать силы и время. Неинтересно топтаться на месте.

Вы простите меня, что я затрудняю Вас нашими бедами. У нас есть и кое-что радужное. Давно уже работает школа, работает весело и с большим напряжением. Я никогда не видал еще такой охоты учиться. Много очень значит, что у нас под боком рабфаковцы (некоторые уже студенты). Сейчас в Харькове отряд в 20 человек, из их одна девушка. Правда, в этом году у них тоже настроение почему-то пониженное, но это замечаю только я, среди же хлопцев царит воодушевленное отношение к рабфаковцам.

Несмотря на тяжелое положение, в которое нас поставил помдет своей помощью, мы стараемся развиваться. Сейчас мы заняты устройством производственной столярной мастерской. Денег у нас, правда, нет, но мы взяли заказ на 10000 ульев и в счет платы получили оборудование мастерской. Заказ мы обязаны выполнить в 6 месяцев. Дело очень интересное. Уже установили строгальный станок, всякие пилы, сушилки. Харьковские табачники[2] подарили нам трактор, который и будет двигать нашу мастерскую.

С организацией труда произошел казус. Для того чтобы поднять производительность труда в столярной мастерской, я предложил отряду (их 60 человек)[3] установить премию за хорошую выработку с тем, чтобы эта премия не выдавалась на руки, а сберегалась до выхода воспитанника из колонии. К моему удивлению, хлопцы заявили, что они будут и так хорошо работать и никакой премии не нужно. Получается совершенно идеально, но непрактично - мы тоже не можем найти серединки между идеалом и жизнью.

У нас много новых людей - и воспитателей, и хлопцев. Последних за лето мы приняли около сотни - много очень запущенных, присланных к нам после трех-четырехмесячного тюремного сидения. Мы их получаем почти

всегда в совершенно развалившемся платье, завшивевшими и не мытыми давно. Колонисты отчаянно сопротивляются внедрению этих новичков, конечно, по соображениям гигиены.

И все же до сих пор я не имею возможности всех новичков одеть как следует.

Еще раз простите, что затрудняю Вас нашими мелочами.

Ваше предложение взять у Вас книги нельзя, дорогой Алексей Максимович, приводить в исполнение. Вероятно, с книгами этими у Вас связано много и с нашей стороны будет нехорошо, если мы лишим Вас библиотеки.

Желаем Вам здоровья

А. Макаренко

Пед. соч., т. 1, с. 236-238.

1 Говорится, вероятно, о шаблонных выражениях, принятых тогда в почтовой переписке.

2 Харьковская табачная фабрика – шеф колонии. В этой книге в «Типах и прототипах» см.: «Еврей таб. фабрики. Левинсон (Клямер)».

3. Эти 60 человек были распределены по участникам и сменам, как на производстве.

Письмо Н. Ф. Остромецкой, 2 февраля 1927 г.

2 февраля 1927, Харьков,

колония им. М. Горького

Дружеская переписка, так дружеская переписка, уважаемая Надежда Феликсовна, только какой же Вы друг, скажите пожалуйста? Правда, человек я не злобивый, на все 120%, но это ничего не значит. Я едва ли могу быть другом, потому что я только заведующий колонией. Такая, совершенно правильная точка зрения на мою особу установлена многими людьми, в свое время и Вы ее поддержали. Ну ничего.

Вам нужны мои советы? Очень сомневаюсь в действенности всяких советов, в особенности в таком щекотливом деле, как спасение Владикавказской колонии[1]. Я бы делал одно, [а] для Вашей натуры, для Вашей ухватки подойдет что-нибудь другое. Я потому и не хочу писать о

своей колонии, что далеко не разрешил многих вопросов, связанных со значением личности[2].

Я буду самым искренним образом рад повидаться с Вами и поговорить. Вы много ездили, много видели. Вы энергичный, живой человек, даже, может быть, чересчур живой, и я смогу кое-что взять у Вас после всех Ваших приключений. Но вот в чем дело: не вышло бы недоразумения с Вашим приездом.

Дело в том, что 14/II я уезжаю в отпуск в Москву на 10 дней. Когда Вы дадите Вашу телеграмму? Если после 14-го, то я Вам не сумею ответить. Хорошо, если это письмо поймает Вас где-нибудь на Кавказе!

Что Вы там за книгу пишете о нашей колонии? Вы себе представить не можете, насколько сильно я сомневаюсь в нужности такой книги. Я вот работаю в колонии 6 с половиной лет, а чем дальше, тем больше сомневаюсь во многих вещах, не только относящихся к горьковской колонии, но вообще ко всему соцвосу. Впрочем, я не знаю, в каком тоне будет написана Ваша книга. Если это будут просто картины жизни трудовой колонии, протестовать, разумеется, нельзя - тут с Вами ничего не поделаешь. Но если Вы будете говорить о принципах и о системе как о чем-то готовом и сложившемся, то я боюсь, как бы мне не пришлось потом протестовать в печати. Одним словом, будем надеяться на наше свидание. Буду очень рад увидеться и поговорить с Вами.

На нашу колонию сейчас ведется целая война со всех сторон. Бьют, конечно, по системе. Метод такой: все наши недостатки, недоделки, просто пропущенные места, случайные ошибки считают элементами системы и с остервенением доказывают, что у нас не система, а ужас. Мне выгоднее в таком случае отмалчиваться и делать свое дело.

Желаю Вам всего хорошего.

Спасибо за дружеское письмо.

Искренне уважающий Вас

А. Макаренко.

Пед. соч., т. 8, с. 28-29

1 О работе этой колонии Н. Ф. Остроменцкая позднее рассказала в «Повести о Рашиде и Мишке» (Грозный, в 3 частях, 1969-1970), с

использованием увиденного в колонии им. М. Горького. Зав. колонией Владимир Александрович похож на А. С. Макаренко.

2 А. С. Макаренко говорит здесь, как видно из предыдущего предложения, о значении личности руководителя педагогического учреждения.

Письмо А. М. Горькому, 14 марта 1927 г.

Колония им. М. Горького, Харьков

14 марта 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Опять посылаю Вам кучу наших безграмотных писаний. Стыдно мне, как учителю, за эту безграмотность, ведь с некоторыми я бьюсь не первый год, но трудно переучивать наших запущенных ребят, а кроме того, режет нас украинизация: хлопцы городские, по-украински никогда не говорили, сейчас вокруг них, даже в селе, все говорят по-русски, читают книги исключительно русские, а учатся исключительно «на родном языке». Я удивляюсь, откуда еще у них берется охота учиться. И смотрите, письма к Вам написаны почти все по-русски. Все это наводит на чрезвычайно печальные размышления, не столько об украинском языке, сколько о нашем, русском формализме, догматизме, головотяпстве.

В той мере, в какой нам не мешают жить, живем сносно.

Крупнейшее событие, нечаянное убийство Кондратова. Вам хлопцы уже описали. Оно поразило город не потому, что убили человека, а тому, что [мы] дали хороший отзыв об убийце и взяли его на поруки. В обществе представление о наших хлопцах до сих пор дикое. Оно поддерживается развалом многих наших детских коммун. В начале зимы в соседней с нами колонии ребята убили ножом заведующего: это результат кошмарных комбинаций – словесного слюнтяйства нашей пустой педагогики и человечно безразличного отношения к хлопцам на деле, безобразной, ленивой русской работы.

Убийц этого заведующего прислали к нам в колонию на исправление. Не знаю, что в них исправлять, хлопцы трудолюбивые, приветливые, искренно готовые быть людьми.

Сейчас в колонии довольно бедно. То обстоятельство, что осенью нам недодали 11 000 рублей, здорово нас подкосило, никак не можем оправиться. Сейчас судимся, как будто успешно, но времени потеряно много и у нас не будет новой свинарни и коровника. В то же время хочется не только жить, но и работать - без капитала это, собственно говоря, невозможно. Сейчас мучительно зарабатываем столярную мастерскую (с машинами)[1] начинаем организовывать производство английских кроватей, все это чрезвычайно тяжело, с протестованными векселями, с угрозами: «Попробуйте описать!», с бегством от телефонной трубки, с большими заминками в одежде и пище.

Ничего. Уверен, что выберемся к зиме из всех затруднений, и в том числе из самого большого - из обилия закончивших воспитание ребят, которых давно пора выпустить и... почти невозможно. Невероятно трудно разбить толщу общего безразличия, волокиты и нечестной работы, защищенную ворохами бумажных правил и переписки. Кажется, у нас командует жизнью бывший коллежский регистратор, где-то тайно организованный, везде имеющий своих незаметных агентов и везде убивающий всякое здоровое движение.

Настроение всех наших 350 ребят не только превосходное, а удивляющее даже меня, который видит их вот скоро 7 лет. Страшно любопытно видеть, как они обрабатывают каждого новенького. К нам теперь стараются присылать исключительно тяжелых, в конец расхулиганившихся подростков, вшивых матерщинников, лодырей, убежденных противников всякого авторитета и дисциплины. Но в течение двух дней их сопротивление коллективу рушится бессильно. На каждом шагу они натыкаются на острый, меткий, веселый взгляд, короткое энергичное слово, а в крайнем случае и на ряд кулаков, готовых разбить нос при первом антиобщественном движении.

За это меня регулярно едят наши педагогические мудрецы. Я, грешен, люблю мальчишеские драки[2], разбитые носы двух дуэлянтов меня просто радуют, в особенности потому, что владельцы их всегда с большой готовностью благородно подают друг другу руки, но все же и для меня сейчас вопрос о дисциплине скорее выражается в формуле торможения.

Мы выделили новеньких в особый отряд (22), две недели они не работают, мы ввели предварительное изучение конституции колонии. Через

месяц, смотришь, сам новенький представляется мне дежурством как слишком энергичный защитник интересов и тона колонии.

Все мечтают о Вашем приезде. В печати очень часто врут, что Ваш приезд ожидается в Москву, я не вижу необходимости разуверять их в этом, а они глубоко убеждены, что если Вы приедете в Москву, то приедете и к нам. Весь вопрос в том, сумеем ли мы Вас встретить?

Сейчас у нас хорошо пахнет весной, уже сделаны парники, возимся со всяким приплодом, летом нас ожидает до 40 десятин огорода, но общее настроение такое, чтобы ехать куда-нибудь на новое место. По-прежнему мечтают об острове, о море, о колонии в несколько тысяч человек, о «Первом детском корпусе им. Горького». Пусть мечтают. Если хлопцы не мечтают, то они ничего не стоят.

Теперь самое главное. Мы готовим сборник «Колония им. М. Горького». В рукописи он почти готов, издателей, жаждущих его издать, несколько. Мы придали ему боевой характер борьбы с педагогическими предрассудками, борьбы за живую личность[3].

Участвуют в нем воспитатели и хлопцы.

Разрешите, дорогой Алексей Максимович, открыть его несколькими Вашими письмами - они будут как декларация основного нашего принципа: «Нет ничего выше человека». Кроме того, нам нужен Ваш последний портрет. Если Вам не трудно, пришлите нам последний снимок, у Вас, наверное, есть свободный.

Простите за эти просьбы и за беспокойство, которое мы Вам причиняем.

Сборник обещает быть интересным - мы не посрамим Вашего имени.

Письмо это Вы, вероятно, получите к 26 марта. От лица всей колонии приношу Вам поздравление с праздником. Вспомните в этот день, что в старом монастыре 400 людей в этот день будут любовно думать о Вас и мечтать о том, что они Вас когда-нибудь увидят.

Мы желаем Вам надолго-надолго сохранить здоровье и силы.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Харьков, Песочин

Колония им. М. Горького

А. С. Макаренко

P.S. Прилагаю письма всех отрядов. № № 9, 14, 18. 21, 24 у нас совсем нет, были ликвидированы в последнюю реорганизацию[4].

Пед. соч., т. 1, с. 238-239.

«1927 г. на Украине был годом обострения политической борьбы, дифференциации сил и направлений в педагогической теории. Макаренко находился тогда в самой гуще полемических боев... Борьба шла по всему научному фронту, и Антон Семенович в этом отношении был не одинок...За спорами о «деталях» (педагогической работы – А. Ф.) стояли расхождения во взглядах на цели и методы воспитания. Поэтому Макаренко и не сдавал позиций...» - вспоминала Г. С. Макаренко (Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко. – Горький, 1976, с. 60).

В декабре 1927 г. приняты директивы ВКП(б) о составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны, взят курс на индустриализацию. Этому предшествовала начатая осенью 1926 г. и возглавляемая Л. Д. Троицким, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым дискуссия. В октябре 1927 г. прошла общепартийная дискуссия по тезисам, определяющим содержание XVсъезда ВКП(б). В 1929 г. Л. Д. Троицкий был выслан за границу. С апреля 1026 г. в стране действовал «строжайший режим экономии» в целях накопления средств для реконструкции народного хозяйства.

В конце 20-х гг. начинается бурное развитие педологии. Претендуя на роль единственной «марксистской науки о детях», она подавляет педагогику и психологию. В 1927 г. проведена педологическая конференция; в конце 1927 – начале 1928 гг. прошел I Всероссийский педологический съезд. Стал издаваться журнал «Педология», вышел сборник «Педология и воспитание». В учении о коллективе и личности ведущей становится идея «свободного проявления» личности, фактически без целенаправленного воспитания, под влиянием лишь индивидульно-природных факторов и окружающей среды (процесса социализации).

1 Начавшийся в колонии опыт производственной столярной мастерской в полную меру развернулся в трудовой колонии им. Ф. Э. Дзержинского в конце 1929 г., к июню 1930 г. в виде деревообделочного цеха, выпускающего массовую продукцию (т. 1, с. 159-160).

2 Рукоприкладство, драки в колонии запрещались, за это строго наказывали (см. последующие материалы).

3 Сборник не был напечатан. Некоторые сведения о нем см.: Шейкман С. Куряжская быль – Калинин, 1963, с. 52.

4 Периодическая реорганизация отрядов предусматривала изменение численности и состава отрядов, перевыборы их командиров и секретаря

совета командиров. Март 1927 г.: в отрядах от 11 до 27 человек. Есть отряд хозработ (комендантский), он используется для работ на кухне, по уборки помещений, для топки печей. Вновь принятые воспитанники образуют особый отряд («карантин»); в рабочие отряды они определяются через 2 недели. Есть «отряд резерва». Кроме командира отряда и его помощника, в отряде есть «хозяйка» из девочек (наблюдает за чистотой, помогает в ремонте одежды и др.). Произведена запись колонистов на летние занятия по подготовке к рабфаку.

После IV и V школьных групп (классов) младшие колонисты готовятся к поступлению на фабзауч, в школы фабрично-заводского ученичества (действовали при предприятиях). Старшие колонисты готовятся на рабфаки и к работе непосредственно на производстве. За зиму колония приняла 50 воспитанников; всего колонистов 350. В колонию присылают наиболее трудных правонарушителей и беспризорных. В колонийском духовом оркестре 16 воспитанников. Оркестр исполняет 16 маршей и вальсов.

Проект организации трудового детского корпуса Харьковского округа

1

Трудкорпус [ТК] составляют все детские учреждения интернатного типа, получающие средства как по бюджетам окрисполкома, так и окрпомдета.

2

Своей целью трудкорпус ставит воспитание здорового, трудоспособного, дисциплинированного и политически грамотного гражданина Советского Союза.

3

Каждое отдельное учреждение трудкорпуса организуется по системе колонии им. М. Горького, а именно (в главных чертах):

а) все воспитанники делятся на производственные отряды с общей нумерацией по всему корпусу;

б) во главе каждого отряда стоит командир, назначаемый советом командиров;

в) совет командиров является главным органом управления детучреждением;

г) педагогически ответственным руководителем совета командиров является заведующий учреждением, кроме того, ему принадлежит исполнительная власть и право наказания[1];

д) хозяйственная работа каждого детколлектива организуется на началах единоличной ответственности командиров или отдельных воспитанников, которым поручается та или иная хозяйственная отрасль;

е) педперсонал кроме школьной работы участвует во всех решительно функциях детколлектива, в том числе и в физическом труде[2].

4

Все детские учреждения округа переименовываются в колонии и нумеруются по корпусу.

5

Во главе трудкорпуса стоит начальник корпуса, назначаемый окружной инспекцией народного образования, и его помощник, также назначаемый окрІНО [окружная инспектура народного образования] по согласованию с начтрудкорпуса.

6

При начальнике корпуса может быть организовано управление трудкорпусом в таком составе:

начальник корпуса,

помощник начальника корпуса,

заведующий производственной частью,

заведующий школьной частью,

политруководитель,

педагог для поручений,

заведующий общей частью,

бухгалтер,

секретарь съезда секретарей советов командиров.

7

Один раз в месяц собирается корпусный совет [КС], в состав которого входят все секретари советов командиров. Собирается он под председательством начальника корпуса, и в него входят все должностные лица, перечисленные в п. 6[3].

8

Корпусный совет рассматривает и утверждает план работы на месяц и более длительные периоды, выслушивает отчеты начкорпуса, заведующих отдельными частями, завколов и ССК отдельных колоний, распределяет средства, перераспределяет помещения, личный состав и движимое имущество.

9

Секретарь корпусного совета (СКС) избирается корпусным советом на неопределенное время и принимает постоянное участие в работе КС.

10

Реализация постановлений КС и вообще управление ТК осуществляются приказами по трудкорпусу (обязательными на каждый месяц) и личными указаниями начкорпуса и отдельных членов управления.

11

Помощник начальника трудкорпуса принимает участие во всех случаях действия корпусного управления и, кроме того, является главным контролером работы по трудкорпусу.

12

Заведующий общей частью руководит всеми операциями по заготовкам предметов потребления и ведет общий учет всему инвентарю корпуса.

13

Педагог для поручений является главным инструктором организационно-отрядной части и внутреннего быта всех колоний.

14

Бухгалтерский учет ведется только по целому корпусу, а в отдельных колониях ведутся только кассовые книги.

15

Все средства, какие поступают в распоряжение КУ от окрИКа [окружной исполнительный комитет], или окрПД [окрпомдет], или других органов, выдаются под ответственность начальника корпуса без разделения по параграфам и статьям равными месячными долями, а при возможности и

квартальными долями и вносятся на текущий счет ТК в один из банков Харькова.

16

Общая сумма выдаваемых корпусу средств определяется без представления смет на 1927/28 год по контрольной цифре на одного воспитанника, определяемой окрисполкомом, а в последующие годы по представлении докладных записок о необходимости изменения контрольной цифры в ту или другую сторону.

17

Денежные суммы завколам выдаются или переводятся на каждый месяц в размерах, устанавливаемых корпусным советом под личную ответственность завколов в порядке авансов на один месяц.

18

Общая сумма ассигнований по контрольной цифре предполагает обслуживание всех решительно нужд ТК, в том числе и борьбу с беспризорностью, помощь выпускникам, стипендии и т. п.

19

В согласии с этим все операции окрПД и других учреждений могут иметь только один смысл: добывание средств для передачи их корпусу.

20

Организации ДД [общество «Друг детей»] в своей помощи не должны обращаться к отдельным колониям, а иметь дело только с корпусным управлением.

21

Из всех учреждений корпуса выделяются три колонии специального назначения:

а) первичная колония, принимающая детей с улицы или от Комиссии по делам несовершеннолетних и подготовляющая их для отправки в другие колонии;

б) выпускающая колония, из которой дети или подростки отправляются на производство или учебные заведения;

в) реформаториум, в который помещаются дети, нуждающиеся в принудительном воспитании. Из реформаториума дети вновь поступают в

первичную колонию и в исключительных только случаях - в обычную колонию[4].

22

Сверх того, ТК может организовать коммуну - жилком для бывших воспитанников, работающих на производстве.

23

Детское население ТК определяется точно до одного воспитанника, и только по мере выпуска закончивших воспитание КУ набирает новых воспитанников.

24

Подбор беспризорных с улицы, сопровождение несовершеннолетних и вообще обслуживание комиссии по делам несовершеннолетних поручается исключительно ТК, который может для этой цели организовать собственную детскую милицию, на обязанность которой возлагается и наблюдение за жизнью патронируемых подростков.

25

Хозяйственные права КУ определяются следующим образом: КУ имеет право открывать производственные и торговые предприятия, организовывать артели и коммуны, перебрасывать отдельные предприятия из колонии в колонию, подписывать векселя и кредитоваться в банках и торговых фирмах, арендовать имущество и продавать его.

26

Весь персонал ТК приглашается начкорпуса и назначается приказом по корпусу. Права сотрудников корпуса определяются существующими коллективными договорами, но жалованье каждому сотруднику устанавливается индивидуальным договором в каждом отдельном случае.

27

ТК не имеет твердых штатов. Штат каждой колонии и КУ корпуса определяется КУ на год вперед и изменяется в случае нужды.

28

Увольнение сотрудников и перевод их из одной колонии в другую совершается распоряжением начальника корпуса.

29

Надзор за работой ТК лежит на ІНО, которая во всех случаях проводит его через КУ. Переписка между окрІНО и отдельными колониями не должна иметь места. Доклады отдельных сотрудников ТК и завколов непосредственно перед окрІНО могут происходить только с разрешения начкорпуса.

30

Настоящее положение вступает в силу с 1 октября 1927 г.

Пед. соч., т. 1, с. 55-59. Документ без даты. По содержанию и смежным документам (см. ниже письмо Н. Ф. Остроменцкой) относится к периоду: весна 1927 г., до 18 марта. По смежным материалам видно, что документ был направлен в Харьковский окружной отдел народного образования.

Новое педагогическое учреждение представлялось как социально-педагогический комплекс. Основа его деятельности – педагогические принципы колонии им. М. Горького в их развитии особенно в административно-управленческом плане и в деле финансирования.

1 Правом наказания в макарнековской практики располагало также общее собрание воспитанников, с участием администрации, педагогов. Воспитатели-учителя, другие сотрудники, командиры отрядов такого права не имели. См.: § «Наказания и меры воздействия» - т. 1, с. 289-295.

2 Отмечены «главные черты» «системы колонии им. М. Горького», в их отличии от общепринятой практики организации интернатного детского учреждения и управления им.

3 Этот верховный орган, сочетающий самоуправление и администрацию, должен был руководить всеми направлениями деятельности учреждения: планирование, контроль и отчетность, распределение средств, использования материальной базы и имущества, штат сотрудников (см.§ 8).

4 А. С. Макаренко, следовательно, предполагал дифференциацию детских учреждений, по двум функциям: приема - выпуска воспитанников и для «нуждающихся в принудительном воспитании» (во втором случае – с временным пребыванием).

Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 18 марта 1927 г.

18 марта 1927.

Харьков, Песочин,

колония им. М. Горького

Многоуважаемая Надежда Феликсовна!

Только сегодня получил Ваше письмо от 10.III. Спасибо, что не забываете. Не знаю, как понимать Ваше письмо, приедете Вы или не приедете после 20-го - из Вашего письма это не ясно. К тому же, наверное, Вы так увлеклись новой колонией, что Вам трудно будет вырваться.

То, что колония Ваша находится близко от города, само по себе не так плохо, но это обстоятельство потребует вначале очень твердого нажима. Не знаю, как Вы принципиально относитесь к «нажиму». Я лично глубоко убежден, что в борьбе с беспризорностью, со всем тяжелым комплексом, его сопровождающим, нажим есть самое экономное и самое педагогическое средство, но требуется постоянная напряженная работа Вашей воли для того, чтобы «нажим» этот проводить. При этом самый аппарат Вашей воли должен работать очень точно, чтобы не переборщить, не вызвать к Вам же озлобления. Я вот не знаю, как в Вашем характере с этим!

Если Вы у себя сейчас не находите подходящей силы, то лучше Вам располагаться подальше от базара. Со временем эта сила у Вас должна выработаться - в этом и будет заключаться Ваша квалификация как заведующей. Я глубоко убежден, что умение действовать своей волей как регулятором не дается от природы, а вырабатывается опытом и постоянным пристальным вниманием к себе[1].

Кроме того, всё у Вас должно решаться созданием ядра[2]. Нужно только, чтобы оно было не закрытое, не строго определенное.

Вы, пожалуйста, не стесняйтесь с разными вопросами. Мне бы очень хотелось Вам помочь более реально, потому что я чувствую, Вы хотите делать дело без всяких предрассудков, значит, то же, что делаю и я. Но настоящую помощь я мог бы Вам оказать, только увидев Вашу колонию, ведь все зависит от сложной «ситуации» местной обстановки. Прежде всего расположение материальных элементов[3] имеет огромное значение. Мне иногда кажется, что летом я сумею заехать к Вам на денек, другой, если, разумеется, к лету Вы не бросите колонию.

Как мы живем? Кто его знает, мы ведь не со стороны смотрим. Сейчас весна, значит, больше нужды и больше работы. Плодов земных никаких, и денег требуется много.

Мои проекты о детском трудовом корпусе (Вы что-нибудь слышали об этом?) решил пока что оставить в бездействии. Правда, этот проект был замечен «в кругах» с большим интересом, но я сразу понял, что встречу бесконечное сопротивление как сверху, так и снизу...

Я в общем решил подождать, пока положение дел само приведет к мысли о моем проекте, а что это будет, я крепко верю.

В то же время уже сейчас кое-что практически намечается. Тут где-то под Харьковом есть Комаровка, нечто напоминающее старый Куряж. Сейчас предлагают мне взять ее. Кажется, пойдут на все условия. Получится две колонии, которые еще не составят корпуса, но составят нечто, что можно, например, назвать дивизией. 22 марта еду смотреть эту самую Комаровку.

Впрочем, если я всего этого добьюсь, то это все-таки будет страшной глупостью. У нас, собственно говоря, ничего делать не нужно. Чем больше работаешь, чем больше делаешь, тем больше на тебя «собак вешают», и при этом вешают с каким-то особенным наслаждением.

Я сейчас не могу без содрогания представить себе всю стадию «педагогических» разговоров и интересиков в Наркомпросе. Да ну их!

Так приезжайте.

Жму Вашу руку.

Ваш *А. Макаренко.*

Пед. соч., т. 8, с. 29-30.

1 Этот вывод, несомненно, - результат постоянной работы А. С. Макаренко над собой как педагогом и руководителем.

2 Дальнейшая разработка вопроса о «ядре», «структуре коллектива» - в т. 4, с. 169-170.

3 Подчеркивается «огромное» первостепенное значение «материальной основы» жизнедеятельности коллектива, объективных предпосылок, условий, которые должны быть в детском учреждении достаточно полно представлены и педагогически организованы. Дело воспитания не может ограничиваться «живым влиянием» педагога, системой отвлеченных «отношений», сферой простого общения.

См. так же: § «Материальная часть» - т. 1, с. 296-303, термин «материальная сфера». Это «едва ли не самый могущественный воспитательный фактор» - т. 1, с. 178. «Материальные отношения» - т. 1, с. 191.

Дополнение. **Весной 1927 г. прошел Всеукраинский съезд общества «Друг детей». Украинский профсоюз работников просвещения на нем представлял А. М. Мизерницкий. Он в кореспонденции о съезде, говоря о борьбе с детской беспризорностью, сообщил: «Практически эта работа проводится с помощью трудовых колоний, где они хорошо поставлены. Образцом такой колонии можно считать колонию им. М. Горького» (Друг детей, Харьков, 1927, № 3, с. 15. Цит.: Карпенчук С. Г., Окса Н. Н. На заре макаренковедения. – Мелитополь, 2001, с. 40).**

Письма Г. С. Салько, 4 и 20 мая, 1 июня

Глубокоуважаемая Галина Стахиевна!

В окончательном виде объединение наших колоний вокруг колонии Горького представляется мне возможным при наличии следующих условий:

1. За это дело берусь не один я, а Вы[1] вместе со мной, следовательно, Вы обязываетесь не оставлять комиссию самое меньшее в течение двух лет.

2. Все ассигнования для колоний с 1 октября 1927 г. назначаются в мое распоряжение, исходя из контрольной цифры на одного ребенка, без разделения на параграфы и статьи, и выдаются колониям месячными долями, а по отоплению и одежде - квартальными долями.

3. Мне дается право установить штаты и оклады каждой колонии и центрального управления на месте по индивидуальным договорам.

4. Мне предоставляется право приглашения и увольнения персонала.

5. Форма организации колоний и распределения материальных данных не подлежит инструктированию Наробраза в течение двух лет, за исключением случаев, когда можно говорить о нарушении закона.

6. До 1 октября 1927 г. каждая колония живет по своим планам и бюджету, но мне предоставляется право в решении вопросов ремонта, новых построек, организаций мастерских и вообще вопросов, связанных с капитальными затратами, принимать участие в качестве Вашего уполномоченного.

7. В случае ассигнования 100 000 рублей на расширение нашей колонии они могут быть израсходованы на другие колонии при условии принятия дополнительно 100 воспитанников.

Уважающий Вас

4/V-27 г.; *А. Макаренко*

Галина Стахиевна!

Сегодня я был у Кулика[2]. О 100.000 он первый раз слышит, сначала замахал руками: у него есть только 260.000, которые нужно распределить по округам. Я прикинулся чрезвычайно обрадованным его отказом: мне навалить себе на шею сотню шпаны не так уж приятно, и 100 тысяч меня не радуют. После этого он задумался, расспрашивал, записывал что-то, и хотя я больше не просил его о деньгах, все же можно думать, что он не так уж тверд.

Мне кажется, что Вам удобно будет [его] него нажать; мое, якобы, нежелание принять 100 детей Вам даже поможет. Я думаю, что многого требовать не нужно. Если отыщется моя смета, которая, кажется, приложена к ходатайству, Вы сами в ней увидите, что можно отбросить. Кулик человек приятный, помещается в том помещении, где «Бюро перепусток», на втором этаже.

Альбом наш я взял, так что Вы не беспокойтесь.

С типографией дело, кажется, будет[3]. Все ладится, Да здравствует Пушкин!

А. Макаренко

20/V-27

Галина Стахиевна!

К великому позору моему, не могу выслать за Вами «экипаж». Все в разгоне, как мы ни раскидывали мозгами, как ни размахивали руками, ни одной лошадиной ноги не прибавилось.

Простите меня грешного. Зато сам ССК[4] встречает Вас. Поверьте, что в душе у него гораздо больше добродетели, чем у самой шикарной лошади.

Готовый понести какое угодно возмездие.

А. Макаренко.

1/VII - 1927

Пед. соч., т. 1, с. 55; «Ты научила меня плакать...» Переписка А. С. Макаренко с женой (1927-1939). В 2-х томах. Том 1/ Сост. Г. Хиллиг, С. Невская. – М., 1994, с. 14. Во 2-й половине мая 1927 г. колония им. М. Горького праздновала годовщину переезда в Куряж: торжественное

собрание, сцены из спектакля, праздничное гуляние с оркестром и фейерверком.

Об этом Г. С. Макаренко говорит: «Тогда Антон Семенович сказал мне: «Я пишу книгу о колонии...». В первый приезд в Харьков обещал привезти ее «черновую рукопись». И через несколько дней привез. Там было 8 глав: Бесславное начало, Разговор с завгубнаробразом и др. Общего заглавия рукопись не имела. Написано было от руки, мелким почерком, на хорошей, линованной бумаге... Эти главы вошли в издание «Альманаха» почти без изменений». (Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко. Подг. А. А. Фроловым. – Горький, 1976, с. 64).

1 Г. С. Салько (впоследствии Макаренко) – председатель комиссии по делам несовершеннолетних Харьковского окрисполкома с янв. 1927 г. по янв. 1929 г.

2 Кулик М. И. – в это время ответственный секретарь Центральной комиссии помощи детям при ВУЦИКе (ЦКПД). Активный сторонник создания в колониях и детдомах крупных самоокупаемых мастерских. Способствовал созданию в горьковской колонии столярной механизированной производственной мастерской.

3 В июле 1927 г. А. С. Макаренко обратился в ЦКПД с ходатайством об организации в колонии типографии, имея в виду ее «огромное значение хозяйственное и воспитательное».

4. Секретарь совета командиров колонии.

Дополнения. **Секция наробраза Харьковского горсовета 13-14 июня 1927 г. обследовала колонию им. М. Горького.**

В июне А. С. Макаренко по приглашению сотрудников ГПУ УССР принимает участие в организации социально-культурного учреждения по борьбе с детской беспризорностью на 100 чел. (Решение о его создании как памятника Ф. Э. Дзержинскому Коллегия ГПУ Украины приняла 9 апреля 1927 г.; на строительство и оборудование здания получена долгосрочная ссуда).

6 июля 1927 г. А. С. Макаренко получил мандат Харьковской окринспектуры наробраза на обследование детучреждений интернатного типа округа (вместе с М. Л. Довгополюком, зав. Ахтырским детгородком; в «Типах и прототипах», в этой книге - Богатырчук М. Т.) Текст мандата – в т. 8, с. 122-123: дается право знакомится «с хозяйством и бухгалтерскими книгами», персоналом и детским коллективом, изучать «распределение работ и внутреннюю организацию учреждения», «жизнь детучреждений во всех ее областях». Ими обследованы детгородок в г. Богодухове, детдом им. Т. Г. Шевченко и др. учреждения.

7 июля 1927 г. Президиум Харьковского окрпомдета обсудил вопрос о реарганизации детских учреждений интернатного типа в 1927/28 учебном году. Б. М. Фиш (Председательница Харьковской окружной

комиссии охраны прав несовершеннолетних в 1927-1928 гг.) сообщила: «В настоящий момент поднят вопрос об объединении всех детучреждений округа, для чего поручено тов. Макаренко... сделать обследование всех детдомов...»

Штань: «Детская милиция... даст большие результаты в борьбе с беспризорностью. Система т. Макаренко «военная», и его метод работы с правонарушителями – хороший, но для нормальных детских домов не годится». Розгон: объединение детучреждений и создание детской милиции целесообразно, но «метод т. Макаренко есть метод организации труда, без которого дисциплины быть не может». Решено: считать целесообразным мероприятия по объединению детских учреждений Харьковщины в трудовой корпус. (Н. Н. Окса, Макаренко сегодня..., с. 60-61).

11июля 1927 г. Президиум Харьковского окрисполкома постановил: Заведующего колонией им. М. Горького т. Макаренко включить в штат окружной инспектуры наробраза и назначить на должность инспектора всех, без исключения, детских домов, городков и колоний. Предложить тов. Макаренко срочно подать через окрино и Президиум ОИКа свои предложения по реорганизации детских учреждений и тем мероприятиям, которые нужно провести для улучшения их положения. (Пед. соч., т. 8, с. 123).

Инициатор этого решения – С. И. Канторович, первый заместитель председателя Харьковского окрисполкома в 1925-1929 гг. Посещал колонию им. М. Горького в Куряже, видел перспективы ее развития, уважительно относился к А. С. Макаренко. В «Типах и прототипах» - Гинзбург Марк Михайлович (по оригиналу этого документа, см.: Карпенчук С. Г., Окса Н. Н. На заре макаренковедения. – Мелитополь, 2001, с. 42).

В 1927-1928 гг. А. С. Макаренко начал работу над списком персонажей «Педагогической поэмы» - «Типы и прототипы»; она продолжилась в начале 30-х гг. Основу списка составил перечень его «друзей» (14 чел.) и «врагов» (14 чел.). В списках «Свои» - 32 чел.; «Чужие» - 30 чел., фамилии сотрудников колонии и коммуны, лиц из их окружения; «Педагоги» - 76 чел., работники колонии и коммуны, других учреждений; «Колонисты» - 59 чел.; «Сферы» - 57 чел, руководящие работники и др. 2 списка без названия – 198 чел., педагоги, работники наробраза. Некоторые фамилии повторяются. (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1, лл. 6-20. См. в конце этой книги: «Из списка прототипов».

Опубликовано с указанием должностей: Фролов А.А. А.С. Макаренко и педагогика его времени. – Горький, 1988, с. 40-41. Биографические очерки о И. А. Соколянским и А. И. Попове – в «Опускула макаренкиана», № 19 (1997 г.). Отд. издания: Хиллиг Г. Поблекшие лица, забытые люди. 28 портретов

«друзей» и «врагов» А. С. Макаренко. – Бремен, 1999; Хиллиг Г., Окса Н., Моргун В. «Г. Ващенко – педагог от Бога». – Мелитополь, 2000.

Письма Г. С. Салько, 10-14 июля 1927 г.

10-VII - 1927

Сказали, что эта бумага годится для писем к ясному месяцу. Судите сами, разве она годится? Компромис, собственно говоря, нечто совершенно невероятное. Ну вот видите, все-таки пишу. Вот до чего может дойти человек!

Сейчас 11 часов. Я прогнал последнего охотника использовать мои педагогические таланты и одинокий вступаю в храм моей тайны. В храме жертвенник, на котором я хочу распластать весь мир. Да, именно весь мир. Если Вы читали ученые книги, Вы должны знать, что мир очень удобно вмещается в каждом отдельном сознании.

Будьте добры, не думайте, что такой мир - очень мало. Мой мир в несколько мириадов раз больше вселенной Фламмариона[1] и кроме того, в нем отсутствуют многие ненужные вещи фламарионовского мира, как то: африканский материк, звезда Сириус или альфа Большого пса, всякие горы и горообразования, камни и грунты, Ледовитый океан и многое другое. И зато в моем мире есть множество таких предметов, которые ни один астроном не поймает и не измерит при помощи самых лучших своих трубок и стеклышек.

И вот этот мир, нет, конечно, - МИР - мне нестерпимо нужно растянуть на жертвеннике и с любезной, даже немножко банальной улыбкой просить Вас принять «эту безделушку»,

Зачем она Вам? Чрезвычайно вероятно, что она Вам не нужна. Тем лучше.

Уже несколько раз я смотрел в Ваши глаза. Всегда я просил Вас принять от меня это жертвоприношение, но не мог же я при этом как-нибудь выражать свое волнение и особенно настаивать на Вашей милости. В самом деле, разве я могу допустить, чтобы Вы подчинились каким-то там «настойчивым просьбам».

Ах, какое шикарное дело - человек. Он может разложить на Вашем письменном столе окровавленный клубок собственного мозга, и если Вы откажетесь порадоваться такому подарку, человек может засмеяться, сказать:

- Пустяки, не беспокойтесь!

И закурить папиросу и вспомнить, что нужна пепельница. А потом завернуть собственный мозг в газету.

После этого он даже может прийти домой и подумать над тем, что ему дальше делать. И он может улыбнуться:

- Дело, видите ли, в том, что положить свой мозг перед нею на письменный стол можно только один раз в жизни.

После этого человек ничего уже «делать» не может.

Он способен еще жить, но у него один глаз смотрит вкось и старается куда-то прыгнуть, а левая нога просто не слушается.

Человек поэтому имеет право улыбнуться… и застрелиться.

Скоро полночь. Уже проходит час, как я невыразимо одиноко стою перед жертвенником. В моем мозгу одновременно живут и летят вперед тысячи мыслей. Я знаю, что это любовь.

И я один знаю, что это лучше всякого блага на свете. Это лучше богатства, лучше счастья и великолепнее славы. И это выше правды и чище подвига. И можно быть гордым и презирать вселенную и плевать на солнце.

Но я не хочу гордиться и не хочу презирать. Я хочу только смотреть в глаза и грустить. Потому что нет ничего, кроме тайны жизни и близкой живой тайны. Нашего взгляда, и нет ничего недоступнее. Можно расшибить свою голову, можно растерзать Вас, умереть и не узнать ничего, не раскрыть тайну.

Можно испепелить Вас в своем чувстве, утопить Вас в любви и вдруг узнать, что Вас уже нет, что в Ваших глазах исчезла тайна, что глаза Ваши просто плоть, орган зрения. И тогда ничего не узнаешь.

Я еще знаю, что мне не дано изобретать закон моей любви, что я во власти ее стихии и что я должен покориться.

И я знаю, что сумею благоговейно нести крест своего чувства, что я сумею торжественно истлеть и исчезнуть со всеми своими талантами и

принципами, что я сумею бережно похоронить в вечности свою личность и свою любовь.

Может быть, для этого нужно говорить и говорить, а может быть, забиться в угол и молчать, а может быть, разогнавшись, расшибиться о каменную стенку Соцвоса, а может быть, просто жить.

«Все благо».

Но что я непременно обязан делать - это благодарить Вас за то, что Вы живете на свете, и за то, что Вы не прошли мимо случайности - меня.

За то, что Вы украсили мою жизнь смятением и величием, покорностью и взлетом. За то, что позволили мне взойти на гору и посмотреть на мир.

Мир оказался прекрасным.

Ваш А. М.

11-VII-1927

Добрый вечер!

Опять вечер и опять я остаюсь в одиночестве перед жизнью и любовью, двумя страшными вещами, которых обыкновенно боятся люди.

Это прекрасно, что есть на свете чего бояться, но когда человек не просто боится, а раньше еще должен найти и определить свой страх, тогда хуже.

В моей каторжной жизни любовь, как городничий, вошла в переполненный храм, и в храме стало жарко и тесно, Я не знаю, кого жалеть, публику или городничего, и я не знаю, чего бояться. Оканчивается дело тем, что я просто боюсь Вас, для моей мужчинской души это легче и доступнее.

Я теперь испытываю страх особенно сильно тогда, когда вижу Вас. Я уже говорил, что боюсь разговаривать с Вами. Вот эти письма я едва ли отошлю Вам, я боюсь, что они не так написаны, как следует.

Чего я боюсь? Ведь не того же, что Вы перестанете интересоваться мною, любить? Ведь в таких случаях страх и молчание плохие помощники. Я и сам привык завоевывать симпатии наглостью и насилием.

Нет, я не этого боюсь. Да и в чувство Ваше я не сильно верю, терять мне едва ли что-нибудь придется.

Как раз, пожалуй, наоборот. Я очень гордый человек, и я боюсь быть клоуном в Ваших глазах. Я боюсь развлекать Вас, потому что для этого есть много довольно дешевых игрушек.

Серьезно, пристальный взгляд Ваших глаз я считаю самым важным и серьезным событием. Глупо? Пусть.

Надо творить великое дело любви. Полюбить вовсе не значит ощутить биение сердца и обалдеть.

Я хочу в любви сохранить все величие и чистоту мысли, все непередаваемое изящество точной машины ума, всю пышную силу волевого движения, всю красоту человеческой личности.

Я не хочу нигде барахтаться и стенать.

13-VII-27

Каждое слово, сказанное сейчас или написанное, кажется мне кощунством, но молчать и смотреть в черную глубину одиночества невыносимо. Каждое мгновение сегодня - одиночество, Я, как ребенок, чувствую себя обиженным, потому что Вас нет рядом, потому что не слышу Вас и не вижу Ваших глаз. Великая милость судьбы так неожиданна, так непривычна для моей мысли, что сейчас я не умею еще ощущать свое счастье. Я ощущаю только его неожиданность.

Я стою перед созданным мною в семилетием напряжении моим миром, как перед ненужной игрушкой. Здесь столько своего, что нет сил отбросить ее, но она вдруг сломана, и для меня не нужно уже ее поправлять.

Сегодня я не узнаю себя в колонии. У меня нет простоты и искренности рабочего движения - я хожу посреди ребят со своей тайной, и я понимаю, что она дороже для меня, чем они, чем все то, что я строил в течение семи лет. Я как гость в колонии.

Я всегда был реалистом. И сейчас я трезво сознаю, что мой колонийский период нужно окончить, потому что я выкован кем-то наново. Мне нужно перестроить свою жизнь так, чтобы я не чувствовал себя изменником самому себе.

Горький привкус разлада нарочно подчеркивает яркую славу моего счастья - Вашей милости.

Минутами мне мучительно хочется разобраться в себе - узнать и назвать то, что во мне происходит, но мне жаль нарушить очарование сегодняшнего дня - впечатления света, свалившегося на мою голову.

Все прекрасно, прекрасно жить сегодня, и прекрасна была вся моя жизнь, потому что она привела меня к сегодняшнему дню.

14-VII-27

4 часа дня

Мне так плохо без Вас, что мне кажется, будто у меня воспаление мозга. Я никогда еще не был таким злым, как вчера и сегодня. Мне хочется кричать по всякому пустяку, бить и придираться.

Если мы поедем в воскресенье, то это значит, что я еще двое суток Вас не увижу. Я совершенно бессилен бороться с этим. Если так будет продолжаться дальше, я наделаю глупостей. Сегодняшний дождь совершенно отрезал нас от Рыжова[2], и мне почти невозможно вырваться хоть на час, чтобы увидеть Вас. Здесь все равно я бесполезен - я ничего не могу делать. Вчера придумал причину - ходил осматривал поля, сегодня просто брожу без всякой причины и на всех набрасываюсь.

К тому же у Вас сегодня какое-нибудь партийное заседание.

В телефон мы так плохо говорили,- я готов был побить телефон или телефоном морды всех, кто прислушивался к нашему разговору.

Ой, как нехорошо! А чем окончится воскресенье?

В субботу у нас затеяли спектакль, и страшно неловко будет уехать. Честное слово, у меня будет что-нибудь с мозгом - я еще никогда не чувствовал такой злобы.

Небольшая надежда, даже не надежда, а так,- просвет, на завтра. Мы с Жоржем[3] решили поездом ехать в Лозовую[4], потому что на машину скоро надежды не будет. Поезд отходит в 11 часов. Я успею забежать к Вам, может быть, уговорю Вас ехать, во всяком случае увижу Вас. Но это все, кто его знает? А вдруг Вас не будет дома?

А тут еще с письмами! Как их посылать? Передавать в комиссию - боюсь Ваших коллег, подумают, что письмо официальное - распечатают,

посылать по почте страшно неудобно, поручить кому-нибудь бросить в городе - смешно, хоть плачь!

Я не понимаю, как может дальше так продолжаться. Хотя бы кто-нибудь выгнал меня отсюда или что-нибудь подобное устроил. Я не в силах чувствовать себя таким бессильным.

Вот, моя любимая, как страшная проблема - любовь - прежде всего деловая проблема.

А. М.

«Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 17-23.

1. Фламмарион К. – французский астроном. В пер. на рус. яз. его книги вышли: Звездное небо и его чудеса (СПБ, 1899), Атмосфера (СПБ, 1910).

2. Рыжов – железнодорожная станция вблизи колонии им. М. Горького.

3. Имеется в виду Георгий Новиков, политрук колонии им. М. Горького с 1926 г. (раннее колонист - горьковец).

4. А. С. Макаренко и Г. Новиков обследовали Лозовскую (и, возможно другие) колонии по поручению Харьковского окриполкома.

***Дополнение.* 5 августа 1927 г. по «категорическому предложению» Харьковского окрисполкома Харьковский окрино назначает А. С. Макаренко заведующим детскими учреждениями интернатного типа округа, а с 20 августа – и заведующим домами рабочих подростков. Это решение вызывается необходимостью вывести данные учреждения из критического состояния. Создается соответствующее Управление, в его состав входят Г. С. Салько (зав. политчастью) и Н. Э. Фере (зав. производством). А. С. Макаренко при этом остается заведующим колонии им. М. Горького; в его отсутствие всю текущую руководящую работу выполняет его помощник (некоторое время – Л. Т. Коваль).**

Выступление в Харьковском окрпомдете, 11 августа 1927 г. (протокольная запись)

Ржавецкая колония представляет собой наиболее крепкое место. Работу колонии можно рационализировать, переведя в различные места детей. Из производств здесь можно наладить только швейную мастерскую и сапожную, построить двор для птицы. Колония, имея 300 детей, будет большой и мощной.

У нас есть 6000 детей. В год мы должны выпускать 2000 детей. При детдомах дети образования получить не могут, несмотря на их большущее желание учиться. Дети почти 100% не удовлетворены, не считая 4-х подростков, которые посланы на рабфаки. Если мы будем давать квалификацию лишь 20 подросткам, как об этом говорил т. Сухарев[1], что скажут остальные дети?

Нам нужен подросток, приспособленный к логике работы машины, приспособленный ко всем отраслям производства[2], чтобы мог ориентироваться во всем, что его окружает[3].

А. С. Макаренко сегодня... – Н. Новгород, 1992, с. 61. В прениях выступил: Зайчик С. Б. – «Универсалов у нас нет и не будет»; Сухарев М. Я. – «Детей лучше передавать на производство, но при такой массе подростков полной передачи произвести невозможно. Тип мастерских – вопрос дискуссионный». А. С. Макаренко поручено подготовить необходимое число подростков для передачи их на патронат, в организации и лицам, которые подали заявки.

В связи с тем, что у А. С. Макаренко в этот день было выступление на секции Окрплана, его доклад о реорганизации детдомов и колоний и создании единого управления ими перенесен на следующее заседание Президиума окрпомдета.

1 Сухарев М. Я. – зам. председателя, председатель Харьковской окружной комиссии помощи детям в 1927-1928 гг.

Зайчик С. Б. – заместительница председателя Харьковской окружной комиссии помощи детям в 1926-1928 гг.

2 А. С.Макаренко в данном случае следует советской концепции политехнического образования: в общеобразовательной школе необходимо ознакомление учащихся в теории и на практике с основными принципами современного производства, лежащими в их основе законами развития природы и общества.

3 Имеется в виду, несомненно, «хозяйственная позиция по отношению к окружающему миру» (см. «Очерк работы Полтавской трудовой колонии им. М. Горького»).

***Дополнение.* Из 26 заседаний, проведенных Президиумом Харьковского окрпомдета, 10 прошло с участием А. С. Макаренко, все во 2-й половине года (данные Н. Н. Оксы).**

Доклад на Президиуме Харьковского окрпомдета, 18 августа 1927 г. (протокольная запись)

Весной была подана в Окрнаробраз мысль реорганизации системы существующих детучреждений[1]. При нынешней системе налицо перерасход значительных средств на их содержание. Кроме этого целевая установка существующих детучреждений не совсем осмыслена. Подбор педагогов по детучреждениям очень слабый, нет педагогов, способных к воспитанию нового человека.

Таким образом возникла мысль о создании Трудового корпуса, система организации которого помогла бы устранить отмеченные недостатки и выделить трудовое направление. До настоящего времени каждое детучреждение было обособленным.

На этом заседании я не могу развивать свою теорию создания и осуществления намеченной системы, однако полностью уверен в ее целесообразности.

По существу этой системы все детучреждения подотчетны лишь корпусному управлению, которое руководит отдельными отраслями деятельности: трудовой отраслью, организацией исполнения и др. Создание такого корпусного управления дает возможность укрепить дисциплину, наладить управление отдельными детскими учреждениями и т. п.

В исполнении плана главнейшую роль играет экономическая база. Однако, к сожалению, еще нельзя сказать, что мы такую экономическую базу имеем. Перевоспитать можно лишь через вовлечение в процессы трудового переживания, чтобы полностью вовлечь детей в трудовые перспективы детучреждения.

Система выдачи денег на содержание детучреждений с разделением их по отдельным статьям ограничивает самостоятельность управления. Поэтому т. Макаренко высказывается против отпуска денег по той или иной статье расходов. Лучше было бы выделенные средства передать управлению и предоставить ему право свободно распределять эти деньги в пределах общего финансового плана.

Организация Корпуса стремится к организации крепкого коллектива. Сознательное отношение воспитанников к дисциплине будет достигаться

через устранение постоянного мелкого надзирательства, шпионства и тому подобного. Нам нужна поддержка общественных организаций, и я уверен в том, что такая поддержка будет.

При организации Корпуса будет использована существующая база воспитания. Мастерские намечено территориально объединить и развить в небольшие фабрики или заводы. Шефство не следует распылять по отдельным детучреждениям. Помощь от колонии им. М. Горького будет оказана тем учреждениям, которые разложились.

Для подбора беспризорных намечается организация специальной детской милиции, для помощи ОК ПД[2]. Оперативная работа проводится по существующим планам и в соответствии с возможностями детучреждения.

Некоторые детучреждения намечается полностью реорганизовать. Например, в Комаровской ДТК организовать общежитие для выпускников. Змиевкий реформаториум остается, он будет использоваться для наказания правонарушителей на короткий срок. Особой разницы между беспризорными и правонарушителями нет, последние только активнее.

А. С. Макаренко сегодня..., с. 62-63. Принято решение: «Доклад т. Макаренко принять к сведению. Просить окрнаробраз прислать проект организации Трудкорпуса (макаренковский проект – А. Ф.), а рабочей тройке подробно ознакомиться с ним и сделать свой вывод по этому делу, подать в президиум ОК ПД».

Основное содержания макаренковского доклада опубликовано в газ. «Пролетарий», 1 сент. 1927 г., под заголовком: «Проект реорганизации детских домов. Единый трудовой корпус».

На этом же заседании обсужден акт обследования колонии им. М. Горького, проведенного секцией наробраза Харьковского горсовета 13-14 июня 1927 г. Заключение: «общее состояние колонии удовлетворительное». Недостатки: необходимо освободить от церкви (колония берется отремонтировать другую), «скученность в спальнях», недостаток пищи, «неправильный метод назначения самоуправления, он совершенно убивает инициативу ребят и их самостоятельность», «недостаточное партруководство», «нелады с деревней» (полн. текст - Опускула макаренкиана, № 14, с. 12-18).

В колонии 351 воспитанник (298 мальчиков, 53 девушки), преобладающий возраст 15-18 лет, несколько человек 9-13 лет. Педагогов - 19, инструкторов – 9, «хозяйственников» - 113. Среди мастерских – пекарня (6 чел. совершенно самостоятельно выпекают хлеб), несколько чел. учатся в ФЗУ, несколько работают на фабрике. Есть 2 трактора, 14 лошадей.

Состояние здоровья детей удовлетворительное, «ребята все загоревшие, правда худые»; столовая, спальни – чистые, проветриваемые; цветочные клумбы во дворе; «дисциплина хорошая», на военный манер; есть товарищеский суд, сторожевой отряд (дежурят по ночам). Взаимоотношения воспитанников друг с другом, с педагогами, среди педагогов – хорошие. Некоторые из вновь присланных детей убегают. В школе 6 групп, «большая тяга на рабфак, в ФЗУ», есть «ликбез».

1 А. С. Макаренко, несомненно, ссылается на свой «Проект организации Трудового детского корпуса Харьковского округа».

2 Окружная комиссия помощи детям.

Письмо Г. С. САлько, 22 августа 1927 г.

Глубокоуважаемая Галина Стахиевна!

Сегодня машины, конечно, не дали, так что я с Фере едем в Лозовую поездом и возвратимся только завтра. Если Вы не будете заняты, завтра вечером я надеюсь Вас увидеть.

С тов. приветом
А. Макаренко
22/VIII – 28

«Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 23.

Дополнение. **23 августа Харьковский окрпомдет принял решение: до 15 октября провести обследование детских учреждений интернатного типа округа; «всю работу по проведению обследования, а также инструктаж возложить на т. Зайчик, ей же поручить персонально подобрать кандидатуры и разработку плана и схемы обследования».**

25 августа М. Я. Сухарев обратился в Президиум Харьковского горсовета с письмом: «По поводу обследования детколонии им. М. Горького, сделанного от секции наробраза горсовета и переданного на рассмотрение ОК ПД. Окркомиссия Помдета считает необходимым работу и состояние детколонии рассмотреть на Президиуме горсовета, включив доклад зав. детколонией тов. Макаренко, с содокладом комиссии по обследованию, при участии представителей ОК ПД и Окрнаробраза, ибо круг отдельных моментов и вопросов имеет принципиальный характер».

25 августа на заседании Президиума Харьковского окрпомдета слушание «Проекта организации трудкорпуса детучреждений Харьковшины» не состоялось: «вопрос не готов». Решили: «Вторично просить окрнаробраз прислать проект в 3-дневный срок на рассмотрении Президиума окрпомдета».

8 сентября на заседании Президиума окрпомдета М. Я. Сухарев заявил: «Зав. окрино т. Миколюк на следующем заседании... сам сделает

доклад об организации Трудкорпуса». А. П. Миколюк в «Типах и прототипах» в этой книге – Люлюк.

Доклад на заседании Президиума Харьковского окрпомдета 15 сентября 1927 г. (протокольная запись)

Все детучреждения, как то: колонии, общежития (для рабочих подростков – А. Ф.), детдома – будут объединены в Трудовой корпус. Об укреплении домов можно будет сказать лишь тогда, когда будет возможность построить дом примерно на 1000 детей. Однако этого в настоящий момент сделать невозможно, а потому придется иметь дело с 22-мя отдельными учреждениями.

Кроме объединения руководства ими, будет проведено и хозяйственное объединение.

До настоящего времени были дома для правонарушителей. После реорганизации таких учреждений не будет[1]. Будет организована первичная колония, в которой аппарат будет чисто «исследовательский». В ней в течение месяца воспитатели будут изучать характер того или иного подростка, после чего их будут распределять по детучреждениям, в соответствии с характером того или иного учреждения и характером ребенка[2].

Аппарат центрального управления будет в составе заведующего, его помощника, заведующего производственной частью (на которого будут возлагаться коммерческие функции), заведующего школьной частью, будет выделен физкультурный центр, и, наконец, техперсонал.

В детучреждениях будут свои заведующие, а чтобы не было разного рода склок, остальной персонал будет назначаться с согласия заведующего. Заведующими будут назначаться педагоги, что даст возможность наладить лучше работу детучреждений. Намечено сократить штаты, с тем, чтобы увеличить зарплату работникам детучреждений. Весь существующий штат будет пересмотрен, обращено внимание на образование, стаж и др.

Ассигнования на учебную часть очень малы, а поэтому чтобы приобрести библиотеки, нужно ассигнование со стороны ОК ПД 2000 руб.

Заключительное слово. Материальная помощь обязательно должна концентрироваться в корпусе и ни в коем случае не распыляться. Цель корпуса - регулировать средства между колония и в случае экономии средств в конце года из этих средств создать оборотный капитал, который будет в распоряжении корпуса. Педагогами нужно считать лиц, которые знают педагогическую работу, а не тех, которые лишь имеют диплом. Совет шефов нужно создать, но ни в коем случае этот совет не должен быть при корпусе.

А. С. Макаренко сегодня..., с. 64-65. В обсуждении доклада участвовали Меламед, Розовский, Г. С. Салько, Розгон, М. Я. Сухарев, А. П. Миколюк.

Принято решение: Считать, что структура объединение детучреждений в отдельную единицу при оркнаробразе – целесообразна. Подчеркнуть, что объединение даст возможность целесообразней распределять средства на мастерские, управление и воспитания детей... Согласиться с порядком финансирования детучреждений через Трудкорпус, причем каждое учреждение должно иметь утвержденную Корпусом смету. Поддержать окрнаробраз и ходатайство перед ОИКом о разрешении маневрировать средствами, перебрасывать их не только из статьи на статью, но и с одного учреждения на другое, но с ведома окрфинотдела.

1 Это еще одно свидетельство первенства общепедагогических принципов в работе А. С. Макаренко с несовершеннолетними правонарушителями. См. ниже также их сравнение с беспризорными детьми.

2 Здесь со всей определенностью виден официальный подход А. С. Макаренко к изучению индивидуальности детей и дифференциации педагогических учреждений. Что необходимо знать о воспитаннике и как должно проводится его изучение (в отличие от педолого-психологических «обследований») см. в т. 1, с. 321-323.

***Дополнение.* 26 сентября 1927 г. на заседании комиссии ОИНО по упорядочению детучреждений интернатного типа (предс. Машинко, присут. от окрплана Зигнерман, от ОИНО А. С. Макаренко и Г. С. Салько) постановили признать необходимым: «создать объединенное окружное детское учреждение в виде Союза трудовых детских колоний во главе с Управлением, входящим в состав окружной инспектуры наробраза»; «утвердить принципы, положенные в основу проекта Устава Союза трудовых детских колоний, поручить окрплану в 5-дневный срок согласовать его с заинтересованными ведомствами и заключение представить на утверждение Президиума окрисполкома».**

Признаны целесообразными меры: назначение и увольнение заведующих детучреждений производить окринспектурой наробраза по представлению заведующего управлением детучреждениями; проведение специальной комиссией ИНО проверки педагогических и общих знаний работников-педагогов (в объеме низших педагогических курсов, за исключением имеющих диплом советских педучреждений); главным считать «оживление работы детского самоуправления» в детучреждениях, «повышение в них дисциплины», усиление связи детучреждений, обмен опытом работы, включая организацию быта (ХОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 1778, лл. 222-223).

Председателю Мерефянского райисполкома

Копия секретарю ОкрИК

17 сентября 1927 г.

По вопросу разборки строений б. Ржавецкой колонии мы имеем только одно распоряжение от Президиума ОкрИК за подписью тов. Канторовича, согласно которого РИКу предлагается не возражать против разборки и перевозки. Никем это распоряжение не отменено. Поэтому не вижу никаких оснований для вмешательства Ржавецкого С.С.[1]

Никакой другой договоренности с предРИК нет, потому что, когда я приехал две недели назад в Мерефу в день, назначенный РИК, он был очень занят и ко мне даже не вышел.

Поэтому я дал распоряжение завколу Детколонии им. Октябрьской революции продолжать разборку и перевозку недвижимого имущества из Ржавецкого филиала.

Завдетучреждениями *А. Макаренко*

Полтавский областной государственный архив, ПОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 1778, л. 38. Штамп машинописью: Управление детучреждениями Харьковского округа.

1 Имеется в виду, вероятно, Ржавецкий сельсовет.

Проект Устава Управления детскими школьно-трудовыми колониями

I. Общие положения

1. Управление детскими трудовыми школьными колониями является учреждением Харьковской окружной инспектуры народного образования,

осуществляющим задания окринспектуры в области воспитания интернированного[1] детства, борьбы с беспризорностью и патронирования подростков, выпущенных из детучреждений.

2. Управление включает в себя все детские городки, дома и колонии, находящиеся на территории Харьковского округа и содержащиеся на бюджете окрисполкома и окрпомдета[2].

3. Управление составляет самостоятельную хозяйственную организацию, пользуется правами юридического лица и отвечает по всем своим обязательствам, не перелагая этой ответственности на какие-либо другие государственные органы или государственную казну.

4. Как учреждение воспитательное, управление организует свою работу согласно общим принципам социального воспитания и общим указаниям окринспектуры народного образования, преподаваемым вперед на каждый академический год в виде положений, инструкций и планов, каковые в то же время могут проектироваться и представляться на утверждение окринспектуры управления.

5. Всякое изменение состава хозяйственных и воспитательных единиц, входящих в управление, если это изменение связывается с увеличением, уменьшением или заменой территориальных владений управления, допускается каждый раз с разрешения окринспектуры наробраза.

6. Все учреждения интернированного детства, входящие в управление, называются школьными трудовыми колониями и по своим типам и характеру подбора детей определяются соответствующими указаниями закона.

7. Взаимоотношения трудового корпуса с профессиональным союзом[3] регулируются соответствующими постановлениями по этому вопросу и коллективными договорами.

II. Средства управления

8. Средства управления составляются из ассигнований окружного исполнительного комитета на содержание детей и поступлений от хозяйства детских учреждений и предприятий, входящих в управление.

Примечание. Средства, поступающие от окрпомдета, предполагаются находящимися в распоряжении окрисполкома. Кроме того, они могут выдаваться окрпомдетом, как и другими общественными организациями, и

непосредственно в распоряжение управления, но исключительно в несметном порядке.

9. Ассигнования окружного исполнительного комитета исчисляются исходя из контрольной цифры на содержание одного ребенка, исчисляемой на основании представленных управлением операционных планов и ориентировочных смет на бюджетный год.

10. Ассигнуемая окрисполкомом на основании п. 9 сумма переводится окрфинотделом в распоряжение управления квартальными долями в Харьковское отделение государственного банка без разделения по целевым назначениям, каковое разделение устанавливается в порядке реализации сметы управления ДТК [детскими трудовыми колониями].

11. Суммы, даваемые трудовому корпусу от имени окрисполкома, могут быть израсходованы управлением на следующие цели:

а) содержание персонала, соцстрах и отчисления в профсоюз;

б) питание, обмундирование воспитанников;

в) капитальный и текущий ремонт зданий;

г) приобретение отопительных и осветительных материалов;

д) организацию школы, мастерских[4] и сельского хозяйства;

е) врачебные и санитарно-гигиенические нужды детколоний;

ж) оплату расходов по поездкам, перевозкам и переездам как служащих, так и детей;

з) приобретение и ремонт инвентаря;

и) подбор и транспортирование беспризорных;

к) помощь выпускаемым из колонии подросткам.

12. Средства, получаемые от хозяйственных учреждений ДШТК [детских школьно-трудовых колоний], находятся в распоряжении управления ДШТК и могут быть израсходованы на следующие нужды:

а) улучшение и рационализацию хозяйства ДШТК;

б) улучшение и украшение внутреннего быта детколоний;

в) устройство праздников;

г) культурно-просветительную работу как в учреждениях управления, так и среди окружающего населения;

д) выдачу карманных денег воспитанникам детколоний;

е) постройку новых зданий;

ж) содержание и обновление живого и мертвого инвентаря;

з) помощь выпускникам;

и) организацию оборотного капитала управления.

13. Из средств, отпускаемых окрисполкомом, управление ДШТК имеет право выделить определенные суммы на закупку материалов для своих производств с тем, чтобы после реализации продукции этих производств означенные суммы возвратились по первоначальному назначению.

14. Управление ДШТК в случае действительной экономии в конце бюджетного года может ходатайствовать перед окрисполкомом о зачислении остатков в состав оборотного капитала управления ДШТК для организации амортизационного капитала или для постройки новых зданий детучреждений.

15. Управление ДШТК ежемесячно сообщает окрФО [окружной финансовый отдел] о состоянии счетов по ДШТК и исполнительные сметы по всем производственным расходам.

16. Бухгалтерия ведется при управлении по всем учреждениям, и все денежные документы хранятся при управлении ДШТК, так же как и списки инвентаря и имущества.

17. Управление ДШТК содержится за счет общих сумм, ассигнуемых ДШТК.

III. Органы управления ДШТК и порядок их деятельности

18. Во главе каждой колонии стоит заведующий колонией, на ответственности которого лежит как педагогическая, так и хозяйственная работа детколонии.

19. Заведующие колониями назначаются зав. управлением ДШТК и утверждаются окринспектурой наробраза после месячного стажа по заведованию.

20. Внутреннее положение о жизни и работе детколонии регулируется особой инструкцией, одновременно с настоящим Уставом утверждаемой окринспектурой наробраза.

21. Во главе управления ДШТК стоит заведующий, назначаемый окринспектурой наробраза и утверждаемый окрисполкомом[5].

24. Правление ДШТК в лице его заведующего и под его ответственностью имеет право:

а) издавать инструкции по колониям в развитие существующих положений;

б) реорганизовывать и закрывать отдельные учреждения путем перераспределения состава воспитанников, служащих и материальных ценностей;

в) организовывать производственные мастерские, отрасли сельского хозяйства как в сельских, так и в иных местах;

г) организовывать производственные артели из воспитанников колоний;

д) совершать по указанию органов наробраза сбор беспризорных на улицах и помещать их в колонии корпуса;

е) по ордерам комиссии по делам несовершеннолетних совершать задержание подростков и препровождать их [в детские учреждения] по указанию комиссии;

ж) организовывать наружное наблюдение за поведением детей и подростков на улицах, рынках, в садах и других общественных местах;

з) из всех колоний ДШТК выделить одну для принудительного воспитания;

и) открывать в колонии трудовые и профессиональные школы и краткосрочные курсы;

к) открывать лечебные заведения для воспитанников;

л) определять воспитанников на работу в производственные и торговые предприятия;

м) открывать в Харькове и других местах торговые заведения для продажи продукции производства колоний;

н) заключать договоры, выдавать и принимать векселя и кредитоваться в финансовых и хозяйственных учреждениях;

о) представлять интересы управления в суде;

п) приглашать и увольнять служащих;

р) устанавливать штаты для каждой колонии;

с) заключать коллективные и трудовые договоры;

т) подписывать чеки и другие денежные документы.

25. Аппарат управления ДШТК состоит из 1) общей части и бухгалтерии, 2) производственно-хозяйственной части и 3) школьно-воспитательной.

26. По мере надобности управление ДШТК созывает производственные и педагогические совещания из состава работников ДШТК и соответствующих организаций.

27. Управление ДШТК находится в Харькове.

28. Управление имеет свою печать с Гербом УССР.

Пед. соч., т. 1, с. 60-62. Датировано 4 октября 1927 г. В тексте употребляется и другое наименование: «трудовой корпус». На первом листе кем-то позднее сделана надпись: «По заявлению т. Макаренко сам Устав отпадает».

4 октября 1927 г. финансовый отдел Харьковского окрисполкома уведомил Секретариат Харьковского окрисполкома (через окрплан): «Проект Устава Управления, по заявлению т. Макаренко, упразднен окринспектурой наробраза и не подлежит к рассмотрению» (ХОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 1778, л. 210, с об).

1. Говорится о детских учреждений интернатного типа.

2. Далее кем-то дописано: «г. Харькова, его районов».

3. Профсоюзом работников просвещения.

4. Далее одно слово не разборчиво.

5. Так в тексте: за п. 21, следует п. 24.

Положение об отпуске средств на содержание учреждений Трудового детского корпуса (ТДК)

1.

Все кредиты на содержание ТДК находятся в распоряжении Управления ТДК и открываются на его адрес ОкрФО.

2.

Управление ТДК при помощи своего аппарата с соблюдением обычных правил получает деньги из Окрфинотдела или уплачивает их прямым кредиторам в том случае, если им совершается закупка или заготовка предметов или материалов для всех учреждений ТДК.

3.

Управление ТДК часть кредитов, находящихся в его распоряжении может перевести в Окрфинотделе в распоряжение отдельных колоний, для чего Управление за неделю до платежных сроков присылает в Окрфинотдел соответствующие ведомости.

4.

Управлений ТДК предоставляется право в любой момент возвратить (закрыть) все кредиты или часть кредитов, открытых той или другой колонии, вновь в распоряжение Управления.

5.

Управлению ТДК предоставляется право своим приказом из кредитов, находящихся в его распоряжении, часть переносить из одной статьи в другую, уведомляя об этом Окрфинотдел.

6.

Управлению ТДК предоставляется право получать из открытых в его распоряжение кредитов (по всем учреждениям) до 50.000 руб. для употребления их в качестве оборотного капитала, с тем однако, чтобы к концу бюджетного года они были восстановлены в кассе Окрфинотдела или разрешены Окрфинотделом для дальнейшего состояния в оборотном капитале.

7.

Отчетность находится на том лице, за чьей подписью были документы, по которым получены были деньги из кассы Окрфинотдела.

Зав. управлением - *А. Макаренко*

Харьковский областной государственный архив, ф. Р-845, оп. 3, ед. хр. 1778, л. 210, с об. Без даты. Ориентировочно датируется началом октября 1927 г.

4 октября 1927 г. финасовый отдел Харьковского окрисполкома сообщил в Секретариат Харьковского окрисполкома о необходимости внесения в данный документ изменений: п. 1 – дать в новой редакции; п. 2 – упразднить, п. 3 – новая редакция; пп. 4 и 5 объединить в новой редакции; п. 6 – новая редакция; п. 7 – принять.

Неприятие макаренковских педагогически целесообразных установок в области административно-управленческой, производственно-хозяйственной и финансовой деятельности, непонимание ведущей роли труда и его организации в воспитании, острый недостаток материальных средств, сопротивление некоторых властных структур, основанное на

расхождениях в общей социально-политической ориентации, - создали непреодолимые препятствия в осуществлении макаренковского проекта, предусматривающего широкое и существенное развития опыта трудовой колонии им. М. Горького.

Дополнение. **2 октября 1927 г. в газ. «Пролетарий» (орган ВУСПС и ЦК КПбУ), в статье «Ни одного беспризорного на улицах Харькова» сказано: «За последнюю неделю с улиц подобрано 180 беспризорных детей. В октябре будет подобрано более 500… Все детские дома отремонтированы, получены деньги на обмундирование беспризорных, усиливается педагогический состав…**

К 10-летию Октябрьской революции помдет решил организовать детскую милицию, которая будет составляться из лучших воспитанников, в первую очередь из детей, находящихся в колонии имени Горького. Детская милиция будет следить за подбором беспризорных и за поведением безнадзорных детей». Все детучреждения Харьковщины «будут объединены в трудовой корпус», работающий «по системе, приятой в колонии имени Горького и давшей блестящие результаты».

Газета «Харьковский пролетарий» (орган Харьковского окружкома КПбУ, окрисполкома, окрсовпрофа и горсовета), 2 октября – статья «К 7 ноября на улицах Харькова не должно быть беспризорных. Трудовой корпус беспризорных»: «В настоящее время на улицах Харькова около 500 беспризорных детей 5-15 лет. Окружная комиссия помощи детям принимает срочные меры… Старше 15 лет будут устроены в специально организуемых артелях… Хулиганствующие – в Змиевский реформаториум…». Общее решение принято на специальном совещании при окрисполкоме.

Октябрь 1927 г. В составленном Харьковской окружной инспектурой наробраза обследовании колонии им. М. Горького выделены рубрики: Общая характеристика, Дисциплина, Самоуправление, Детский коллектив, Поощрения и наказания, Внешняя атрибутика, Украинизация. В Выводах: «Считать недопустимым перенесение системы воспитания в колонии Горького по др. колониям, о чем поставить вопрос перед фракцией Окрисполкома»;

«Принимая во внимание принципиальную установку тов. Макаренко на содержание и методы социального воспитания, идущую вразрез с общей линией Соцвоса, считать необходимым руководство детколонии (особенно в настоящий период реорганизации) возложить на партийных товарищей». Особо отмечается: комсомольская организация не может «проявить себя как руководитель всей общественно-политической жизни колонии»; А. С. Макаренко не допускает «существования двух систем воспитания – колонийской и пионерорганизации»; колонийская школа «переведена на русский язык».

«Дисциплина строжайшая», не основана «на сознании». У заведующего колонией «безграничный авторитет». Самоуправление необходимо «реорганизовать на принципе широкой выборности». Командиры «бьют ребят». «Излишняя атрибутика, не имеет никакого воспитательного значения». Клубная работа недостаточна. «Отношение к труду у большинства воспитанников хорошее». «Педагогический состав хороший» (ХОГА, ф. Р-858, оп. 2, ед. хр. 6, лл. 107-110; полн. текст: Опускула макаренкиана, № 14, с. 19-27).

А. С. Макаренко выступил против обособления пионерской организации в структуре его колонии, имея в виду прежде всего тягу младших колонистов к деятельности старших, более содержательной, чем это принято в пионерской организации.

В колонии 340 воспитанников, 278 мальчиков и 62 девочки. По возрасту: 9-12 лет – 27 чел., 13-15 лет – 151, 16-17 лет – 127, 18 лет – 27, 19 лет – 5, 20 лет – 3. Пребывание детей в колонии до 1 года – 71 чел.; от года и выше – 269. Школой охвачены все колонисты. В мастерских работают 38,5% колонистов; остальные заняты на хозяйственных работах. Отряды - по производственному принципу. Отряд электростанции, трактористы.

Новая веха в деятельности А. С. Макаренко. 20 октября 1927 г. А. С. Макаренко ставится заведующим педагогическим учреждением, которое по его настоянию летом 1928 г. утверждается как Детская трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, работающая на основе педагогических принципов трудовой колонии им. М. Горького. А. С. Макаренко получает право подбирать персонал этого учреждения. В него из горьковской колонии переведены воспитателем-учителем Т. Д. Татаринов, затем еще 3 педагога, среди них Е. Ф. Григорович и В. Н. Терский (в «Педагогической поэме» В. Н. Перский, в «Типах и прототипах» - Н. Н. Кубанов).

Примерно с середины октября А. С. Макаренко фактически отходит от заведования колонией им. М. Горького. Он не бывает в ней в течение 4-х месяцев.

Беседа с сотрудником газеты «Харьковский пролетарий»

Инспектор всех детских домов Харьковщины, руководитель и педагог колонии им. М. Горького, тов. Макаренко в беседе с нашим сотрудником сообщил о реорганизации детских учреждений на Харьковщине.

До последнего времени детские дома работали каждый отдельно, их работа в общем не была согласована. Они находились в распоряжении различных организаций. Но не это было основным мотивом организации так называемого трудового корпуса.

На днях 23 детских дома уже объединены в трудовой корпус, из них 4 - в Зеленом Гае, Дергачах, Волчьей и Лозовой - перешли на систему воспитания колонии им. Горького. В основном организация трудового корпуса заключается в том, что всех детей делят на небольшие отряды с командиром во главе каждого отряда. Каждым домом руководит совет командиров. Из них же выбирают управление трудовым корпусом, в которое входят 5 воспитателей. Воспитанники должны подчиняться всем распоряжениям командиров, так же как и воспитателей. В общем, с воспитателей снята обязанность надзора за детьми, а оставлена лишь воспитательная работа. В каждой колонии устанавливается строжайшая дисциплина. Лозунг организации корпуса – «как можно больше требований к воспитаннику, больше уважения к нему как к человеку». Во всех колониях организованы производительные мастерские и трудовые школы.

Газета «Вісти ВЦВК», 2 ноября 1927 г. Статья «23 детдома объединены в детский корпус», без подписи.

Дополнение. **11 ноября 1927 г. на заседании Президиума Харьковского окрисполкома постановили: «Предложить ОИНО так называемый «Трудовой детский корпус» именовать: «Управление детских домов», оно работает на правах подотдела ОИНО... По предложению окрплана установить такой порядок финансирования Управления детдомов» - 5 пунктов, вариант решения, предложенного финотделом окрисполкома 4 окт. 1927 г. (ХОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 1778, л.225).**

Письма Г. С. Салько, 13 и 17 ноября 1927 г.

Здравствуй, Солнышко!

Здравствуй, мое золотое счастье, ласковое, ясное, глазастое.

Т

Куряж 13/11 27

9 часов 17-XI-27. Москва

Вчера удрал с заседания к Мейерхольду. «Окно в Европу» Петра Великого подсказало ему идею «Окна в деревню»[1]. Пьеса ни пьеса, хроника ни хроника, что-то совершенно особенное, великолепное, насыщенное человеческим гением. Над сценой экран, на сцене чередуются все предметы крестьянского инвентаря, даже трактор. На сцене молотьба, ярмарка, свадьба,

коллектив, проводы в армию, возвращение из армии, пляска, убийство, комсомол, что хочешь, а на экране в одно и то же время еще больше: машины, машины, колеса, ремни, опять какие-то рычаги, все это в страшном движении, пересыпано лозунгами, призывами, цитатами из Ленина и портретами Ленина, парад Красной армии, работа трактора, Волховстрой, Днепрострой.

Я позавидовал своему собственному настроению. Так, как у Мейерхольда, с таким радостным подъемом, с такой бушующей верой в удачу должна бы проходить наша сегодняшняя жизнь. Правда, крестьяне у него чистенько одеты, добродетельны, доброжелательны и полны энергии. Черт его дери, разве это плохо? У Мейерхольда хорошо помечтать.

Сегодня, вероятно, на съезде будет боевой день. Мне хочется ребром поставить вопрос о ревизии соцвоса. Я еще не знаю, стоит ли? Стоит ли сказать «Доктрина соцвоса не пролетарская»?[2] Как жалко, как печально досадно, что нельзя посоветоваться с ТОБОЙ, моим прекрасным другом, таким изумительным глазастым дружком моим, Солнышком.

Пайшол! Будь весело. Я все боюсь, не хвораешь ли ты в этом Харькове?

Целую руки.

Твой А

«Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 26. А. С. Макаренко был в это время в Москве, командирован на Всероссийскую конференцию работников детских домов (проходила 15-20 ноября 1927 г.). На конференции выступил в прениях, при обсуждении вопроса о наказаниях «Московский съезд детских домов поставил этот вопрос прямо,...мне... пришлось возражать против слишком формального подхода в этом вопросе» (т. 1, с. 76; см. также т. 8, с. 143). Отчет о конференции опубликован: На путях к новой школе. – М., 1927, № 12 и др. журналы.

1 Имеется в виду постановленный В. Э. Мейерхольдом спектакль; его премьера прошла 9 ноября 1927 г.

2 Этот макаренковский вывод, несомненно, связан прежде всего с устаревшим представлением о воспитательной роли труда в концепции соцвоса. Она, как и вся советская педагогика того и последующего времени, ориентирована в основном на воспитание труженика-профессионала, его технологические знания и выучку, ограничивалась по существу процессом обучения.

А. С. Макаренко в полной мере воспринял качественно новую историческую задачу воспитания в труде – преодоления отчуждения работника от средств производства и результатов труда. Он в сферу труда ввел необходимость приобщения работника к социально-управленческим функциям, решал задачу освоения новых форм собственности, развития духовного и творческого потенциалов труда в условиях его механизации. Он вывел трудовое воспитание на уровень производственного воспитания. (См. т. 1, с. 136-144; т. 4, с. 180-192).

В Президиум Харьковского окрисполкома

24 декабря 1927

Колонию имени М. Горького в течение года посетили следующие иностранные делегации:

28/VIII-26 - американская,

31/VIII-26 - английская,

8/IX - 26 - американская,

8/IX-26 - голландская,

17/IX-26 - немецкая,

16/X- 26 - французская,

26/X-26 - английская,

27/X-26 - итальянская,

28/X-26 - немецкая,

22/V-27 - бельгийская,

25V-27 - профессор из Берлина,

27V-27 - делегация международного союза «Помощи детям»,

29/VI - 27 - данцигская,

7/VII-27 - пионерская немецкая,

9 /IX -27 - немецкая,

10/IX-27 - американский профессор[1],

13/IX-27 - американская,

5/X-27 - Анри Барбюс,

27/X-27 - немецкая,

3/X1-27 - французская,

„ - итальянская,

„ - английская,

„ - польская,

„ - немецкая,

19/XI-27 - красные фронтовики,

19/XI-27 - аргентинская, парагвайская,

20/XI-27 - итальянская,

20/XI-27 - скандинавская,

24/XI-27 - эстонская,

30/XI-27 - бельгийская,

7/XП—27 - палестинская,

11/XII-27 - немецкая

Всего 32 делегации.

Принимая эти делегации, колония всегда находится в чрезвычайном затруднении. Для одежды, для ремонта, на учебную часть колония получает по обычным соцвосовским нормам, и, как и всякое учреждение соцвоса, колония только при исключительном напряжении может кое-как сводить концы с концами и жить удовлетворительно. Все же в обыкновенный рабочий день наш внешний вид далеко не блестящ: часть воспитанников одета в старую одежду, иногда даже в рваную, для черных работ, связанных с порчей одежды, в колонии выдается такая «спецодежда», к которой не привык заграничный глаз. Точно так же мы имеем бедно обставленные классы, полное отсутствие учебных пособий, хотя и просторные, но также бедные клубы.

Колония формально считается опытно-показательным учреждением, но никаких дополнительных ассигнований она не получает...

Тем более в теперешнем положении колонию нельзя показывать иностранцам, которые могут неправильно истолковать нашу нужду.

Колония им. Горького обращается в Президиум окрисполкома с ходатайством ассигновать дополнительно:

на приведение в полный порядок всех зданий - 3000 руб.,

на организацию учебной части - 2000 руб.,

на улучшение одежды - 5000 руб.

Всего 10 000 руб.

Если такие дополнительные ассигнования невозможны, колония ходатайствует о распоряжении ОкрИК соответствующим учреждениям о том, чтобы иностранные делегации в колонию не привозились.

Зав. колонией *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 8, с. 134-135. Колонию посещало и немало отечественных делегаций, рабочих, партийных и профсозных, молодежных. Так, 18 марта 1927 г. в колонии была экскурсия студентов во главе с профессором А. И. Зильберштейном. А. С. Макаренко рассказал им об основах своей педагогической работы, ответил на вопросы. Посетители присутствовали на заседании совета командиров; удивлялись, что в колонии с несовершеннолетними правонарушителями нет замков (Карпенчук С. Г., Окса Н. Н. На заре макаренковедения. – Мелитополь, 2001, с 81-84).

В колонии не было книги посетителей; их отзывы включались в Дневник колонии; он не сохранился, как и вся документация колонии им. М. Горького. Книга отзывов посетителей коммуны им. Ф. Э. Дзержинского (дек. 1927 г. – май 1938 г.): РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 1. К августу 1934 г. в коммуне побывали 214 делегаций, «из которых две трети – делегации Германии, Франции, Америки, Китая, Австралии, многих других стран» (т. 1, с. 212).

1 Имеется в виду, видимо Л. Вильсон, руководительница высшей школы в Филадельфии, автор нескольких книг по вопросам образования в разных странах. В колонии ее сопровождал И. А. Соколянский, тогда глава Научно-педагогического совета Наркомпроса УССР.

В книге «Новая школа в новой России» (Нью-Йорк, 1928) Л. Вильсон высоко оценивает систему воспитания в колонии им. М. Горького, на 4-х страницах с восхищением говорит об А. С. Макаренко как педагоге-гуманисте и человеке. Считает, что успехи его колонии «основаны на принципах свободной ответственности, сотрудничества, гордости за свою работу и учебу». Сравнение с «Республикой молодежи» Джоржа показывает, что у горьковцев «больше реального самоуправления самих детей, осуществляемого в условиях гуманного, мудрого и умелого руководства» (с. 104-107).

А. С. Макаренко знал об этой книге; перевод на русский язык его страниц, посвященных колонии им. М. Горького, см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 59. Книга – в фондах Гос. научной педагогической библиотека им. К Д. Ушинского. Возможно, что посещение Л. Вильсон было не 10, а 13 сентября 1927 г.; другие американские делегации – 28 авг. и 8 сент. 1926 г. (см. текст этого макаренковского документа).

Л. Вильсон: колонисты в возрасте 12-18 лет, в основном городские дети, продолжительность пребывания в колонии 3-6 лет. Воспитателей-учителей – 16, инструкторов труда – 6, технических работников – 7.

Работает киноустановка, приобретенная на колонийские средства. Библиотекой заведуют колонисты; проводятся беседы о прочитанном, «карнавалы книг», «литературные суды». Есть «тихий клуб» - место для чтения и настольных игр. Колонисты имеют достаточно времени для свободных занятий.

Дополнение. **В колонии обилие цветов, есть оранжерея. Утром – общая физзарядка. Выход на работу и возвращение с нее – под духовой оркестр и песни. В субботние и воскресные дни – выходы в город за 8-10 км., в походном порядке. Выход в лес, с гуляньями, военными играми на местности. Есть спортивный городок. Популярны футбол, городки, лапта, крокет, спортивные соревнования и созданные в колонии игры – горлет, оригинальные игры – многоборья, игры – аттракционы. В колонийском театре – инсценировки по «Блохе» Лескова, «Сказка о попе и работнике его Балде», комедии Мольера и Гольдони, театрализованные представления на территории колонии.**

Ставятся «живгазеты», с песенными девизами на злобу дня, стихами и инсценировками на колонийские темы. Выходят «световая газета», фотогазеты, стенгазета «Горьковец», «Швайка», рукописный журнал «Луч». Клубные кружки: хор, литературно-творческий, литературно-театральный, фото, шахматы, стенографии, авиамодельный, резьбы по дереву, военно-физкультурный, немецкого языка, «кружок для тех, кто не участвует ни в каком кружке». Оригинальная массовая форма организации досуга – «конкурс смекалки».

<u>В Детской трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского</u>

25-28 декабря из колонии им. М. Горького в коммуну переводятся 50 мальчиков и 10 девочек 14-15 лет. 29 декабря, в связи с 10-летием деятельности ВЧК-ОГПУ, в присутствии генерального секретаря ЦК ВК(б)У Л. М. Кагановича, представителей правительства и общественности УССР произведено торжественное открытие этого учреждения. Председатель ГПУ Украины В. А. Балицкий вручил коммунарам знамя от Коллегии ГПУ УССР. В начале января 1928 г. коммуна приняла из коллектора 40 беспризорных, взятых с улицы.

Как говорил А. С. Макаренко впоследствии, история колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского – это история становления и развития одного коллектива, с изменяющимся составом детей и сотрудников, при одном руководителе.

(В данной книге далее относящиеся к коммуне Дзержинского события и работы А. С. Макаренко в период до окончания его деятельности в горьковской колонии, касающиеся коммуны дзержинцев, - опускаются. Они будут отражены в следующей книге, посвященной коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

Здесь лишь целесообразно отметить принятое в середине июня 1928 г. постановление СНК УССР, разрешающее ГПУ УССР иметь в качестве самостоятельного учреждения «Детскую трудовую коммуну им. Ф. Э. Дзержинского», находящуюся «на хозяйственном расчете и обладающую правами юридического лица». За ней закрепляется дом в поселке Новый Харьков (с дворовым местом, дворовыми строениями и оборудованием дома и мастерских). Ей передается «на правах бесплатного пользования» совхоз «Красные зори» (с относящимся к нему строениями, живым и мертвым инвентарем). Коллегии ГПУ предложено разработать и утвердить Устав этого учреждения, согласовав его с НКП УССР.

25 июля 1928 г. ВУЦИК и СНК УССР постановили: «освободить предприятия Детской трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского... от всех республиканских и местных налогов и сборов, а также от надбавок к общегосударственным налогам и сборам, идущих в местный бюджет».

Будучи общественно-государственным воспитательно-образовательным небюджетным учреждением, коммуна дзержинцев первые 2,5 года содержалась на ежемесячные полупроцентные отчисления от зарплаты сотрудников и комполитсостава органов и войск ГПУ. С 1 июня 1930 г. коммуна перешла на полную самоокупаемость (с привлечением квалифицированных специалистов, мастеров и организаторов производства).

Расширение производства и строительства жилья в коммуне в 30-х гг. производилось с использованием кредитов, государственных средств. Развивающиеся на производительной основе мастерские ряда трудовых детских и молодежных коммун и колоний в середине 30-х гг. превратились в крупные промышленные предприятия (в Харькове, Киеве, Днепропетровске, Болшове и др.).

Благоприятное разрешение в коммуне дзержинцев выдвигаемых А. С. Макаренко еще в колонии горьковцев вопросов педагогически целесообразного хозяйствования и управления в детском учреждении обогатило материальную основу его социально-педагогического опыта, позволило выйти на качественно новый уровень педагогического творчества.

В Президиум окрисполкома, 30 декабря 1927 г.

30 декабря 1927 №673

Управление детколониями Харьковского округа просит разрешить Управлению кредитоваться в сельбанке всего на 14.000 руб., из них 11.000 руб. долгосрочной ссуды и 3.000 руб. - краткосрочной.

Эти деньги необходимы для своевременного выполнения работ в сельском хозяйстве Богодуховского детского городка, хозяйство которого имеет до 415 дес. полевой земли, но работы выполняются наемным живым инвентарем, что связано с очень тяжелыми расходами для сельского хозяйства городка.

Деньги предполагается израсходовать так: на приобретение посевного материала и на своевременную оплату поденной рабочей силы 3.000 руб. и на приобретение живого и мертвого инвентаря 11.000 руб.

Справка: выписка из протокола заседания Президиума окрисполкома № 53, § 5.

Старший инспектор ОкрИНО (подпись неразборчива)

Завдетколониями *А. Макаренко*

Зав. производством *Н. Фере*

ХОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 1500, л. 209.

Выступление на Президиуме Харьковского окрисполкома, 6 января 1928 г. (протокольная запись)

Главная часть работы состоит в том, чтобы улучшить качество работы детучреждений, подобрать лучший педперсонал и создать крепкий детский коллектив. В настоящее время состояние детских колоний удовлетворительное, за исключением Богодуховской и Зеленогайской.

Богоуховская колония не может развернуться из-за материального состояния, а Зеленогойскую колонию довел до такого состояния бездарный бывший заведующий. Педагогический состав в нем очень склочный. Кроме того там много хулиганствующих подростков, которых некуда определить.

В других колониях работа налаживается, особенно в Будах, Дергачах, даже в Волчанском детгородке. Вскоре предвидится съезд заведующих детучреждениями[1]. На нем я считаю необходимым дать перечень тех достижений, к которым необходимо прийти в этом году. Например: достижения грамотности, санитарии, общего коллектива детей и педагогов, правильной организации первичного коллектива, правильной постановки политвоспитания и др.

Главное, чтобы добиться всего указанного, - это подбор хороших заведующих. Надо оставить на местах тех хороших заведующих, которые есть. Другое задание: подбор педперсонала, его очень трудно найти из-за низких окладов. Это можно сделать тогда, когда будет разрешено за счет уменьшения числа педагогов улучшать их качественный состав.

На педсовещании будет поставлен вопрос о реорганизации детучреждений. В дальнейшем педсовещания будут созываться периодически, на них будут прорабатываться различные вопросы воспитания детей.

Управление будут добиваться, чтобы общежития [для рабочих подростков – А. Ф.] остались, потому что потребность в них очень большая. Стабилизировать детдома необходимо.

Цифры выпуска, приема и количества мест в детдомах – реальные. Подбор 2000 беспризорных – реальный.

А. С. Макаренко сегодня..., с. 67-68. Выступившие при обсуждении доклада Козак, Розовский, С. Б. Зайчик, Меламед, М. Я. Сухарев, Б. М. Фиш, Мовшович поддержали макаренковский план работы Управления детучреждениями округа.

1 Письмо А. С. Макаренко заведующим интернатными учреждениями округа об их съезде отправлено 20 декабря.

В Президиум Окрисполкома, 19 января 1928 г.

19 января 1928

Являясь наробразовской колонией в Полтаве и потом в Куряже, по специальному разрешению финансово-бюджетного совета, в качестве опыта, колония им. М. Горького всегда имела сознательно сокращенный штат, за счет чего колония имела возможность приглашать лучших работников и больше им платить.

Благодаря этому, колония выгадывала большую жилплощадь, а также экономила на топливе.

В этом году контрольный п/о[1] прекратил выдачу зарплаты, требуя постановления пред. ОкрИК или записки двух членов Президиума о том, что за колонией сохраняется право перестраивать свою систему зарплаты по потребности.

Если бы это право у колонии было отнято, нам пришлось бы уменьшить зарплату всем служащим и пригласить 14 воспитателей, которые, безусловно, испортят нашу работу и которых колонии негде поселить, и пришлось бы уменьшить число воспитанников.

Колония просит соответствующей записки в контрольный п/о.

Заведующий колонией *А. Макаренко*

ХОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 1388, л.51.

1 Видимо - подотдел.

В Президиум окрплана

Особое мнение заведующего колонией им. Горького по вопросу о штатах и окладах колонии

В финансово-бюджетной секции [ФБ] окрплана принято решение оставить в колонии прошлогодние оклады. История этого вопроса такова: еще будучи в Полтаве наркомпросовской колонией, мы пользовались правом распределения зарплатных фондов, т. е. составлять штатное расписание применительно к рабочей системе колонии. Это же право было предоставлено колонии и в Харькове в прошлом году. Используя это право, колония уменьшила число воспитателей, но зато платила им не по 60 рублей, а по 80. Кроме того, колония увеличила зарплату всему техническому персоналу. Производственные выгоды этой меры таковы[1]:

1) Колония объединяет в руках одного и того же педагогического состава как школьную, так и воспитательную работу, т. е. организует единство педагогического процесса, что является основным принципом практического уклада колонии им. Горького.

2) Колония избегает толпы воспитателей, когда не только воспитанники не знают всех воспитателей, но и сами воспитатели не знают друг друга (я знаю такие колонии).

3) Колония лучше обеспечивает персонал, что позволяет ей иметь более квалифицированный состав.

4) Колония экономит на жилплощади, отоплении и освещении, так как требуется меньше квартир, чем при официальном штате.

С наступлением настоящего бюджетного года колония была расширена на 50 детей. По нормам коллективного договора колония имела право получить дополнительно пять воспитательских мест.

В то же время, как и всем педагогам, колонии дана была прибавка к нормальному «правонарушительскому» окладу по 5 рублей (всем остальным прибавлено 8-9 рублей).

Колония, считаясь с возможностями, не настаивала на добавлении пяти воспитательских мест и согласилась ограничиться двумя, экономия таким образом для окрФО 195 рублей в месяц.

Зарплатный фонд, образовавшийся таким образом, колония перераспределила между необходимым персоналом, поскольку пятирублевая прибавка есть прибавка педагогическому персоналу, она и была распределена между педагогами и только в небольшой части между остальным персоналом.

ФБ секция этих прибавок не утвердила. Я считаю это решение неправильным по следующим основаниям:

1. Нарушается законное право колонии воспользоваться той суммой, которая принадлежит ей как колонии правонарушителей на 400 человек.

2. Нарушается право воспитателей на прибавку, данную педагогическим работникам. Если за 24 часа в неделю выдается прибавка в 5 рублей, то она должна выдаваться и в том случае, если работник работает с нагрузкой. Нагрузка у наших воспитателей и до сих пор полностью не оплачивалась.

3. В состав колонии прибавлено 50 воспитанников. Несправедливо в таком случае лишать работников общей прибавки.

4. *Самое главное*. Нарушается логика опыта и инициативы. Право колонии самостоятельно распределять зарплату, использованное как опыт, привело к хорошим результатам и дало экономию по смете в 195 рублей в месяц. Нелогично как раз вследствие успешности опыта лишать колонию того права, которое привело к успеху.

Разумеется, не может ни у кого появиться охота искать лучшие формы организации, если эти поиски приводят к лишению работников законной прибавки.

5. Я, как заведующий, поставлен в чрезвычайно неловкое и смешное положение. Поскольку смета была утверждена окрНКомом и я уже семь лет пользовался правом инициативы, я имел основание объявить о новых окладах. Я не мог ожидать что вопрос наново может быть рассмотрен.

Я считаю, что вопрос может быть решен только таким образом:

1. Либо за мной сохраняется право перераспределения и утверждается представленный мною план.

2. Либо это право от меня отнимается и в колонию должно быть приглашено 40 воспитателей по 65 рублей в месяц, как полагается по закону.

Принятое среднее решение нарушает одинаково и интересы дела, и интересы работников и дает экономию только в 160 рублей в месяц.

Потому прошу президиум окрплана об утверждении представленного мною проекта.

Зав. колонией им. Горького *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 63-64. Без даты. По содержанию и смежным документам датируется концом 1927 – началом 1928 гг.

1 Рассматривая проблему организации и оплаты труда работников детского учреждения как важнейший в педагогической теории и практике, в опытной педагогической работе, - А. С. Макаренко связывает ее с реализацией основополагающих принципов: - «единство воспитательного процесса», хорошо организованный педагогический коллектив, экономное и педагогически целесообразное использование финансовых средств.

О патронировании

...Лучших ребят, оказывающих успехи в школе или в производстве, и сам завкол никогда не пошлет к сапожнику на довольно тяжелую и беспросветную жизнь, в этом случае и мальчик и завкол всегда будут чего-то ожидать лучшего. Следовательно, к кустарям отправляются или те, которых заведующему интересно скорее сплавить, или те ребята, которым вообще ничего особенного не хочется и которым просто интересно переменить обстановку. Все это определяет то, что при помощи кустарей мы разгружаемся от ребят, далеко не окончивших воспитание. Все остальные способы разгрузки не составляют сколько-нибудь заметной картины и не влияют почти на нашу проточность[1].

Среди этих остальных способов бывают и такие, которые сильно разваливают нашу работу. Так, например, в этом году Помдет обязал посылку нескольких десятков ребят в сельскохозяйственную коммуну «Снежное» за Киевом. Все были уверены, что «Снежное» есть действительно сельскохозяйственная коммуна и что таким образом для наших ребят открывается путь к коллективному хозяйствованию. Мы на эту посылку обратили особенное внимание и постарались отправить в «Снежное» хороших ребят. Оказалось, что «Снежное» - обыкновеннейшая детская колония железнодорожного ведомства, при этом очень бедная и небольшая, всего на 50 воспитанников. Нашим колонистам после наших достаточно мощных хозяйств она показалась просто оскорблением, и они почти все оттуда разбежались.

Выпуск к кустарям все же дает для нас некоторый отток. Этого совершенно нельзя сказать об отдаче крестьянам. Через управление не было направлено к крестьянам ни одного мальчика, и у нас не было ни одного требования.

Об этом «проклятом вопросе» нужно говорить серьезно. Я очень боюсь, что по вопросу о передаче детей крестьянам мы находимся в целой полосе недоразумений. Я не знаю наверное, откуда пошла первая мысль о возможности и полезности такой передачи. Может быть, в некоторых местных условиях она и могла составить серьезную меру для увеличения проточности и для действительной помощи крестьянам.

В наших условиях эта мера ни в педагогическом, ни в социальном отношении не представляется действенной. В нашем селе в настоящее время такое обилие предложений работы, что нужда крестьянина в работнике удовлетворяется на месте вполне достаточно. Если мы предложим крестьянину по 15 рублей в месяц за то, что он возьмет к себе нашего беспризорного, он, конечно, предпочтет его своему односельчанину, но тем самым мы вытолкнем из села на наши улицы нового беспризорного, которого со временем и возьмем в детский дом, но уже научившегося кое-чему на улице и получившего определенную степень отвращения к сельскохозяйственному труду, да, впрочем, и ко всякому иному труду.

Между тем тот же крестьянский мальчик, если бы он не заразился в городе различными претензиями, мог бы раньше поступить к крестьянину и с гораздо большим успехом заменить нашего воспитанника. Для крестьянина он был бы лучшей и более верной рабочей помощью и скорее мог бы войти в его хозяйство как равноправный член и даже в его семью. Таким образом, наше патронирование у крестьян только переставляет одного беспризорного на место другого, переставляет в страшно невыгодной комбинации и, кроме того, стоит нам довольно солидных денег, представляющих простой подарок крестьянину.

Какое влияние может оказать самый процесс патронирования на работу детского дома, какие настроения вносятся этим институтом патронирования в жизнь нашей трудовой колонии? Как бы ни плохо была поставлена работа в нашей колонии, все же наши дети растут под влиянием идеи рабочего класса. Они, может быть, не умеют вести себя, не умеют даже работать, если мы плохие воспитатели, но они уже умеют презирать эксплуатацию и эксплуататоров и сами совершенно искренне стремятся быть рабочими в городе, на производстве. Другое дело, насколько мы сможем удовлетворить их стремление и подготовить их на этот случай, если оно будет удовлетворено, но само стремление это должно быть признано здоровым и составить базу для воспитательной работы колонии.

К сожалению, мы не можем заметить это стремление к занятию сельским хозяйством, ибо наши дети от природы пролетарии и не видно для них почти никакой возможности обзавестись необходимым сельскохозяйственным имуществом. Рассчитывать на то, что они смогут устроиться в сельскохозяйственную коммуну, не приходится также, ибо в такие коммуны выбирают людей с большим осмотром, уже более взрослых, а мы, конечно, не в состоянии держать у себя воспитанника до 18 лет и все время внушать ему, что его доля быть членом такой коммуны. Конечно, к 18 годам он успеет научиться кое-чему, с его точки зрения более солидному, чем сельское хозяйство.

Поэтому к крестьянину мы с чистой совестью можем послать только новичка, при этом еще не забывшего черноземного запаха. А сколько же у нас таких? За мою восьмилетнюю практику я видел не более десятка. А

между тем такая отсылка в батраки к крестьянину страшно запутает наши соцвосовские карты. Если смотреть на соцвос не как на игру, то нужно такое назначение крестьянину проводить через органы самоуправления, нужно вместе с ребятами выбирать, кого отправить[2]. При наличии желающих добровольно идти в село это еще кое-как можно устроить, но, если желающих нет, вся наша соцвосовская работа делается чем-то в высшей степени сомнительным.

Пед. соч., т. 8, с. 132-134 Фрагмент неизвестной макаренковской работы, без наименования и даты. Наименование дается по первой публикации. По содержанию относится к 1928 г. Поручение «подготовить подростков для перевода их на патронат» дано А. С. Макаренко на заседании Харьковского окрпомдета 11 августа 1927 г.

Выпуск, жизненное устройство выпускников воспитательно-образовательного учреждения он рассматривает как неотъемлемую часть организации педагогического процесса. См. § «Выпуск» в т. 1, с. 328-329.

1 Говорится о «пропускной способности» детского учреждения, выпусках из него, обновлении его состава.

2 А. С. Макаренко значительно расширяет функции самоуправления, включая в его обязанности и вопрос о выпуске из детского учреждения.

О состоянии детских колоний Харьковского округа (интервью газете «Харьковский пролетарий»)

… Тов. Макаренко сказал:

Остапченко[1], бывший заведующий Лозовской колонией, в настоящее время заведует Будянской детколонией, куда он был направлен вместо прежнего заведующего, снятого с работы РКИ в сентябре 1927 г.[1]

По мнению Макаренко, Остапченко[1] является одним из лучших заведующих детскими колониями в Харьковском округе.

Мы считали, сказал тов. Макаренко, виновным Остапченко в том, что он применял физические меры воздействия по отношению к детям. Он виновен также в том, что допускал в своей колонии подобное отношение к детям со стороны педагогического персонала.

Наблюдающиеся подобные случаи объясняются тяжелым состоянием колоний и чрезвычайно трудной работой завколониями.

Агроном Крайний работает сейчас в Зеленом Гае. Остальные работники Лозовской колонии, истязавшие детей сняты с работы.

В настоящее время Лозовская колония находится в хорошем состоянии. Недостает только педагогического персонала. В остальных детских колониях работа наладилась. Удалось поднять настроение детских и педагогических коллективов.

Сейчас в Харькове существует две системы воспитания детей – обычная система соцвоса и система, применяющаяся в колонии им. М. Горького. Последняя при широкой работе детского коллектива, придает огромное значение дисциплине. Но, конечно, ни та, ни другая система воспитания не допускает применения физических методов воздействия по отношению к детям.

Интервью включено в статью «Все ли благополучно в детских колониях? Соцвос считает положение удовлетворительным. Горе воспитатели продолжают работать» - в газ. «Харьковский пролетарий», 19 янв. 1928 г., без подписи.

В статье до интервью с А. С. Макаренко публикуется интервью с Пляченко, пом. окринспектора, ст. инспектором по соцвосу Харьковского окрнаробраза (в «Типах и прототипах» Кляченко), который сказал: «... Положение детколоний в настоящее время удовлетворительное... Случай избиения детей в Лозовской колонии единичный...»

После этих 2-х интервью и подзаголовка: «Ответы работников наробраза не удовлетворяют» - в статье, в частности, говорится, что «месяц тому назад» в окружном суде слушалось дело о применении карцера в Волчанской детколонии; в прокуратуре есть «некоторые материалы о недопустимом отношении к детям педперсонала».

Почти одновременно А. М. Мизерницкий в статье «Детей бьют» (газ. Народный учитель, 18 янв.) обратил особое внимание на неразработанность основ воспитания беспризорных и детей-правонарушителей, на особые трудности работы с ними и необходимость поиска ее новых форм и средств.

1 Остапченко А. И. – зав. Лозовской колонии до декабря 1927 г. Упомянут в «Типах и прототипах», без характеристик.

В редакцию газеты «Коммунист», открытое письмо

Уважаемый тов. редактор!

Последние статья в «ХП» и других газетах[1] об истязаниях и избиениях детей в детских колониях и в частности в Лозовской колоний, а также отзыв «ХП» в том смысле, что объяснения работников наробраза он считает

неудовлетворительными, - вынуждают меня обратиться к Вам с просьбой напечатать это письмо, как бы оно ни было пространно.

Через посредство Вашей газеты я обращаюсь к обществу от имени тех несчастных людей, на которых оно возложило подвиг перевоспитания беспризорных, от имени заведующих колонии.

Я семь с половиной лет заведую колонией для правонарушителей и отлично знаком с жизнью и работой всех колоний харьковского округа и многих колоний в Союзе[2]. Это дает мне право говорить от имени своих коллег, хотя я не имею на это их формального уполномочия.

При этом, чтобы предотвратить возможные неправильные истолкования, я категорически заявляю, что никакого разговора не может быть о физическом наказании как методе, как о педагогическом приеме.

Суровее, запретительное слово закона должно остаться таким же суровым. Какое-либо официальное разрешение бить детей привело бы нашу работу в состояние ужасного хаоса, вконец исковеркало бы наш соцвос и положило бы непроходимую пропасть между нами и детством. Поэтому суд над Остаченко неизбежен и необходим. Вообще я не могу даже говорить о юридической стороне вопроса. Но есть другие стороны.

Я продолжаю утверждать, что Остапченко - один из лучших заведующих не только в Харьковском округе. Я знаю это по его работе в Будянской колонии в настоящее время, где он совершил буквально чудо, в течение двух месяцев из распущенной хулиганствующей колонии, в условиях тяжелого финансового кризиса, никого не тронув пальцем, создал дружный, радостный детский коллектив, которому может позавидовать любой коллектив взрослых. Остапченко - хороший педагог и любит детей, он не истязатель. И вот он на скамье подсудимых в ожидании сурового приговора, а Будянская колония лишится дельного руководителя, заместить которого она едва ли сумеет.

Я знаю много других подобных случаев.

В одном из последних номеров «Народного учителя» тов. А. М. Мизерницкий вскрыл причины вот этого наблюдающегося битья детей. Он их видит в чрезвычайной слабости материальных средств, в

невыработанностй системы воспитательных методов для трудного детства и в неспособности, в слабой подготовке педагогических работников.

С последним я бы не вполне согласился. Состояние воспитательной работы во многих детских учреждениях Союза, действительно, плохо. У нас дети тысячами растут и выходят из детских учреждений жадными потребителями, ленивыми хулиганами или бузотерами, часто с определенными антиобщественными, а то и антисоветскими настроениями.

Во главе таких детских колоний стоят действительно бездеятельные, неспособные люди, иногда сами лодыри, иногда шкурники, иногда просто люди без огонька, без любви к детям. Это действительно преступники по отношению к детям.

У них на глазах разлагается и гниет детский коллектив, в грязных спальнях пьянствуют и играют в карты вшивые, немытые беспризорные. Добро вплоть до последней рубашки, до вещей самих воспитателей, уходит на базар или к «Каину»[3], пустует школа, над детьми измываются «глоты», они истинные воспитатели и авторитеты в колонии. Такой ужас был в Куряже перед приходом туда колонии им. Горького. Такие колонии, с большей или меньшей степенью разложения, могут быть разысканы везде.

В чем можно обвинять заведующих такими помойными ямами? Они никогда не бьют детей, да они их часто по неделям и не видят, у них чистые руки и чистая совесть, и советское общество не предъявляет им никаких обвинений.

Но в других колониях, где действительно творится жизнь, где возвращается ребятам детство, где растет нужный нам человек, где любят детей без сантиментов и сладких слов, любят в общей работе и в общем отдыхе, - в этих колониях бывают случаи педагогического абсурда и педагогического падения, то, что возмущает наше общество и то, что заставляет печать требовать от суда суровой кары «истязателям».

Это чрезвычайно важное обстоятельство, о котором общество должно серьезно подумать. Слишком поспешное осуждение, слишком экспансивное привешивание клейма преступника, неосмотрительно нервная расправа с виновными повлечет за собой не только гибель преданных нашему делу

самоотверженных людей, но и разорение тех немногочисленных детских гнезд, в которых только вот недавно начала вырисовываться линия соцвоса.

Ведь нельзя же так просто объяснить злой волей или преступной наклонностью все эти пощечины и заушения[4], этот ремень Остапченко[5], эти преступления многих других людей.

Ведь для них всегда сохраняется явная опасность суда и возмездия в каждом незаконном их движении.

Что заставляет этих людей рисковать своей карьерой, благополучием своей семьи, а больше всего делом, которое они с таким трудом, с нечеловеческим напряжением строили?

Можно их карать, но нельзя не задуматься над их судьбой и над всей нашей соцвосовской историей. Не слишком ли много положено обществом на их плечи, и чего они, завколы, должны просить у общества: милосердия или справедливости?

Тов. А. М. Мизерницкий прав: на них возложена задача социального воспитания, но нам не дано метода. Ни мы, ни Европа, ни Америка не пришли еще к точной научной формуле педагогического движения. Мы должны не только работать, мы должны еще творить и искать. Именно мы, работники интернатных детских учреждений.

Что нам дало общество, чтобы мы могли в человеческих условиях работать, в таких условиях, в каких работают наши рабочие, наша интеллигенция, все вы, члены нашего общества, так сурово нас осуждающие?

Вы нам отдали ваших детей, этих ясноглазых круглоголовых ребят, радующих ваши отеческие сердца своим развитием, способностями, привязанностью и любовью к вам? Вы построили для них теплые уютные дома, хотя бы в десятой доле похожие на трудкоммуну имени Ф. Э. Дзержинского? Вы дали в достаточном числе одежду, пищу, книжку, игрушку? Вы позволили пригласить для воспитания этих детей дельных знающих педагогов? Вы обеспечили для этих ребят спокойный и здоровый выход их на работу, в жизнь?

Нет.

Зато вы сотнями отдали в наши руки бесчинствующих, распущенных беспризорных, с которыми в городе вам приходится иметь дело только в присутствии милиционера, вооруженного револьвером. Вы отдали нам сгнившие помещичьи гнезда или трехсотлетние монастыри, заслуживающие только разрушения, вы, предоставили нам полуголодную норму пищи и одежды, прислали к нам полуголодного воспитателя, который только потому сделался воспитателем, что ничего не умеет делать. Вы не оставили почти никакого выхода в жизни для этих ребят.

И на этом вы закончили?

Нет!

Вы еще в порядке какого-то забавного развлечения потребовали от нас, как хотите назовите это, чуда или фокуса: вы потребовали, чтобы мы перевоспитали этих ребят без принуждения, без наказания, одним только словом, при помощи их «самодисциплины» и «самоорганизации». Может быть вы на этом закончили?

Нет!!

Вы стали обследовать нас и ставить нам в вину все: недостатки пищи, недостаток одежды, плохие помещения, отсутствие дисциплины, наличие дисциплины, плохое оборудование мастерских, тесноту и грязь в спальных, малый выпуск на производство, слабый педагогический персонал. И вы заставили нас оправдываться в этих винах. И мы оправдывались.

Этого мало. Я могу назвать много мест, где действительно совершено чудо или фокус (где одеты и сыты ребята, где есть идущий вперед бодрый детский коллектив, воодушевленный и трудолюбивый, где жизнь протекает гораздо здоровее, чище, нормальнее, чем у вас в городе, чем даже в ваших семьях, это сделали мы, завколы).

Мы имеем право просить вас проверить, чего это нам стоит.

Но ни один человек из вас, из всего общества не дал себе труда опуститься в нашу яму, пожить с нами недельку и узнать нашу жизнь. Вы приезжаете к нам на три-четыре часа, в лучшем случае до вечера, поэтому вы только и можете видеть нашу бедность. Мы же эту бедность часто считаем богатством, потому что раньше мы были неизмеримо беднее.

Но вы совершенно не знаете нашей жизни, всей той сложнейшей сети отношений, которая составляет трудовую детскую колонию. Вы не можете увидеть, как основательно и глубоко здесь заложены семена дружбы и симпатии, товарищеской спайки, коллективного единства. С другой стороны, вы даже не можете представить себе, как нетерпимо болью бьют по нашему коллективу иногда антиобщественные привычки ваших же членов, а иногда и нечуткое слово и дело, идущее со стороны общества, не знающего нас.

И сколько бы не говорилось о самоуправлении и самодисциплине, о значений педколлектива, истинный определителем детской жизни колонии является заведующий.

Среди постоянных припадков бедности и хозяйственного бессилия, в центре трехсот-четырехсот более или менее поковерканных детских характеров, часто с чрезвычайно слабым составом сотрудников, он один несет на себе заботу и ответственность за благополучие всех. При этой он и педагог, и хозяин, техник, инженер, спекулянт, ветеринар и агроном, отец и судья, самый добрый и самый вредный человек в коммуне.

Он в заботе и в работе 24 часа в сутки. Даже в моменты отдыха он не может быть спокоен, потому что на его ответственности сотни детей, каждую минуту могущих потребовать его немедленного действия. Он отвечает за отсутствие дисциплины, но он же отвечает и за дисциплину, ибо у нас много людей, признавая дисциплину за благо, всякое дисциплинирование в детском доме считает превышением власти. Найти в себе змеиную мудрость он просто обязан по должности, иначе он в три дня окажется явно преступным типом. Такая же змеиная мудрость ему нужна еще и для того, чтобы за 35 рублей в год одеть и обуть воспитанника, купить ему постель и снабдить полным комплектом одежды при выпуске.

Без кредита и оборотного капитала он обязан развернуть деятельность мастерских. Без учебников и учебных пособий он должен реорганизовать школу. И все это он должен сделать как дополнение к его основной функции – постоянному, непрекращающемуся растрачиванию себя, безмерной трате нервов.

Те волны хулиганства и беспардонной распущенности, какие пребывают к нему с благдаза[6], он обязан встречать расслабленной улыбкой и

тепленьким словом, он должен при этом верить, что в этом как раз и заключается истинная совцосовская мудрость, хотя бы этому противоречила его соцвосовская практика.

Он должен прикасаться к беспризорному не со своей служебной и рабочей функцией, а обязательно своей обнаженной личностью, к тому самому беспризорному, с которыми члены общества разговаривают при помощи милиции. А когда в его колонии вдруг начинают растаскивать то несчастное добро, которое он накопил при помощи своей змеиной мудрости или честного попрошайничества, он свою тревогу и отчаяние должен заключить в какие-то такие хитроумные рамки, как будто и воровства никакого нет, а есть одна чистая педагогика.

Мы, завколы, конечно, прекрасно понимаем причины нашей материальной нужды и ни на одну минуту нам не приходит в голову кого-нибудь упрекнуть за нее. Но нельзя не видеть того, что несмотря на эту нужду мы делаем великое дело. Во всех Европах нечто, подобное нашим беспризорным, разрешалось бы только в тюрьмах. У нас же одинокие, заброшенные в деревню люди творят новое, действительно новое в педагогике. Мы еще очень далеки от идеала, но сделано очень много, и сейчас мы на дороге очевидных больших успехов.

Тов. Пляченко совершенно прав: из 18 харьковских колоний в 15 совершенно благополучно, благополучнее, чем думают, и в тысячи раз благополучней, чем это должно быть по всем естественным законам. «ХП» представляется странным мое утверждение, что в Лозовской колоний сейчас все хорошо, несмотря на недостаток педперсонала. Что же тут странного? Это как раз то чудо, которое от нас требуется, которое нам, так сказать, заказано. Это чудо совершил Филимонов[7], и оно удостоверено вполне достаточным документом.

Так как нас никто никогда не благодарил, то мы и не ждем благодарности. Но мы обращаем внимание общества на тяжелые условия и нашей задачей, и нашей работы. В этом внимании могут быть заложены гарантии дальнейшего нашего успеха.

До сих пор внимание общества обращалось к нам только тогда, когда один из нас, доведенный до отчаяния или попросту обезумевший от

каторжного напряжения, сваливался со своего педагогического каната и по человечеству своему закатывал пощечину какому-нибудь провинившемуся подростку (малолетнему хулигану).

Я не хочу даже говорить об истязанных, их не было, просто не было, а если бы и были, они, очевидно, шире моей темы, как совершенно отдельно стоящее индивидуальное преступление. Я говорю только о тех формах педагогической невыдержанности, которые иногда выражаются в подзатыльнике.

Сколько было таких случаев? Очевидно, это именно тяжелые случаи волевой растерянности. Иногда это результат совершенно исключительной обстановки, когда пощечина близко стоящему к случаю лицу представляется просто полезной и необходимой. В одной из колоний подросток избил до синяков воспитательницу, а через день кухарку. Его упрятали в допр[8]. Какая-либо авторитетная пощечина могла бы остановить развитие этого хулигана.

По самой идеалистической этике этот случай не так легко разрешается, ибо что особенно идеалистического заключается в допре? Заведующему, в безобразных условиях его работы, в момент, когда нужно немедленно действовать, иногда очень трудно найти точную линию с точки зрения этики или права и он выбирает ту, которая представляется ему целесообразней настолько, что совпадает с необходимостью.

Все эти отдельные случаи, являющиеся очень редким вкраплением в колоссальную массу организационных, воспитательных, хозяйственных усилий заведующего, возможны почти в каждой колонии в настоящее время. Я хочу сказать, что никакие достоинства лица не гарантируют заведующего от такого случая. Поэтому люди идеалистического типа, будучи очень часто прекрасными педагогами, обыкновенно не выдерживают работу завкола больше одного - двух лет. Они обыкновенно переходят в инспектуру, откуда детство представляется более приятным.

В детских же колониях остаются люди более строгой закалки, не падающие в обморок в моменты потери своей педагогической невинности. Постепенно они настолько совершенствуются в умении владеть собою и чужой волей, что уже способны избегать рукоприкладства. Я еще раз

повторяю, что достигнуть этого при настоящих условиях самый гениальный человек может только в опыте.

В печати очень часто преувеличивают размер и значение фактов. В одной из Харьковских газет недавно был изображен наш коллектор, как застенок, «в котором слышится только рыдание, пощечины и ругань». На поверку все это оказалось беззастенчивой выдумкой.

Заканчивая письмо, я еще раз говорю: ни против суда, ни против осуждения можно не возражать. Но на вопрос: все ли благополучно в наших колониях? - нужно ответить: «Далеко не все благополучно». Неблагополучно и безобразно положение заведующего, буквально задавленного наваленной на него тяжестью, неблагополучно в мире наших «педагогических предрассудков» (выражение Гастева), неблагополучно в травле заведующих, принявшей у вас вид легкого спорта. Неблагополучно, что в своей борьбе с беспризорностью у нас по-прежнему все держатся на этих «подвижниках соцвоса», что, впрочем, не мешает никому шельмовать их при всяком случае.

Можно посадить в допр всех этих людей, но перед обществом, печатью, наркомпросом по-прежнему будет стоять задача: дать тем, кто придет на их место, человеческую задачу и менее истязающие условия работы. Ибо сейчас трудно установить, где кончается «истязатель» И начинается истязуемый.

Зав. колонией им. Горького *А. Макаренко*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 296, лл. 1-10. Без даты, написано вскоре после 19 января 1928 г. Письмо не было напечатано. Ранее публиковалось: Народной образование, 1963, № 2; Опускула макаренкиана, № 14, с. 39-50.

1 Сокращенно – «Харьковский пролетарий»; критические материалы в конце 1927 г. – начале 1928 г. печатал и ж. «Дитячий рух» (Детское движение).

2 О «многих колониях в Союзе» А. С. Макаренко знал, очевидно, по педагогическим изданиям.

3 «Каины», «глоты» - криминальные авторитеты.

4 Удар по уху, шее, пощечина.

5 А. И. Остапченко ударил воспитанника ремнем за то, что тот улегся в грязной обуви на кровать, застланную новым одеялом.

6 Благовещенский базар в Харькове, «толкучка».

7 Новый зав. Лозовской колонией; в «Типах и прототипах» Платонов.

8 Дом предварительного заключения, тюрьма.

Дополнение. **Суд Харьковского округа приговорил А. И. Остапченко к 3 годам лишения свободы. Благодаря ходатайству Всеукраинского Союза работников просвещения и ВУЦИКа этот приговор обжалован, судимость с А. И. Остапченко снята (Нежинский Н. П. Жизнь и пед. деятельность А. С. Макаренко, 2-е изд. Киев, 1967, с. 118, укр. яз.). Затем он по настоянию А. С. Макаренко взял заведование весьма запущенной колонией в Зелном Гае и добился успеха в его работе.**

Отзыв о работе А. И. Остапченко

1/II-1928 г. №138

Работа т. Остапченко известна Управлению детских колоний главным образом по Будянской колонии, хотя и в Лозовской колонии работники УДК были несколько раз.

Из многих заведующих детскими учреждениями Остапченко выделяется своей энергией, способностями и преданностью делу. В Лозовской колонии, с большим хозяйством (150 десятин), он сумел организовать работу в чрезвычайно трудных хозяйственных и педагогических условиях. При посещении колонии отмечалось, что в своей работе он опирался на детский коллектив. Отношение детей к нему было очень хорошее, временами даже преданное.

Работа последователя Остапченко в Лозовской колонии очень осложнялась тем, что дети время от времени напоминали об Остапченко, и Лозовскому педагогическому совету приходилось обсуждать этот вопрос.

К тому же после перехода Остапченко в Буды начался отток детей вслед за ним, против чего УДК пришлось бороться.

Деятельность Остапченко в Будянской колонии мы можем назвать исключительной. Эта колония была ему передана в полностью разложенном виде: коллектив педагогов потерял влияние на детей, дети враждебно относились и к персоналу, и к самой колонии. Грубость, хулиганство, грязь и лень были обычным явлением.

В течение двух месяцев Остапченко создал в Будах вполне упорядоченную колонию, в которой сейчас поражает прекрасный дружный тон, дисциплинированность и прямо нежное отношение к Остапченко.

По состоянию и тону детского коллектива эта колония стоит в первом ряду детских колоний не только Харьковского округа. Дети теперь сознательно и охотно работают, поддерживают безупречную чистоту.

В отношениях с детьми Остапченко при этом не пользуется приемами агитации и пафоса. Его тон лаконичен, иногда суров в сочетании с элементами шутки или иронии, но в этом тоне всегда чувствуется внимание к детям и забота о них. Такой тон дети принимают всегда с радостью. Трудоспособность и настойчивость Остапченко совершенно исключительны и зажигают детский коллектив таким же стремлением работать.

На основании этих данных УДК признает Остапченко, совсем не касаясь вопроса его отдельных поступков в Лозовской колонии, очень ценным и редким работником для беспризорного детства.

Зав. детскими колониями округа *А. Макаренко*

Зав. политчастью *Г. Салько*

А. С. Макаренко. Теория и практика коммунистического воспитания..., с. 193; Опускула макаренкиана, № 14, с. 49-50. Эта характеристика написана, вероятно, для представления в материалы дела А. И. Остапченко.

Дополнения. **15 февраля 1928 г. Президиум Харьковского окрисполкома внес «изменения в личный состав ответственных работников окрисполкома»: 1. Заведующего Управлениями детских домов и колоний т. Макаренко уволить от исполнения этих обязанностей, оставив за ним заведование колонией им. М. Горького. 2. Тов. Сухарева уволить от исполнения обязанностей председателя Харьковской окружной комиссии помощи детям и назначить на должность заведующего Управлением детских домов и колоний. 21 февраля Харьковский окроно уволил А. С. Макаренко с должности заведующего детскими домами рабочих подростков.**

Объяснение А. С. Макаренко напряженных событий его 7-месячной деятельности по объединению детских интернатных учреждений Харьковского округа см. ниже: письма А. М. Горькому 25 февраля и 18 апреля 1928 г.; Рапорт в Правление трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, конец июня 1928 г. В начале февраля 1928 г. он говорил о своей работе: «полезность этой системы и правильность наших взглядов для нас доказаны внутреннем благополучием горьковского коллектива и удачными пересадками нашего опыта в Будах, Дергачах и Нежине» (т. 8, с. 137).

Положительная оценка работы А. С. Макаренко в Управлении детских домов и колоний видна по сделанному ему 28 сентября 1928 г. предложению «разработать проект организации на границе с Афганистаном сети колоний для беспризорных на 40000 человек, которых вывезти из Украины». «Эта мысль возникла в какой-то комиссии ВУЦИКа. Я пока принципиально отозвался об этом проекте как о самом гениальном. Разработка его может еще увеличить все возможности, какие в нем заключаются. Завтра утром еду в ВУЦИК вести переговоры по этому поводу» («Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 114).

В «Педагогической поэме» А. С. Макаренко намеривался показать роль колонии им. М. Горького в работе по объединению детских учреждений-интернатов Харьковского округа. Как это видно по «Типам и прототипам», к участию в этом деле привлекаются более 20 персонажей, в том числе 6 работников горьковской колонии и 10 ее выпускников. Несколько десятков колонистов-горьковцев были переведены в другие колонии для их укрепления.

Этот этап педагогического творчества А. С. Макаренко мог быть описан в его отдельной книге. В ней были бы видны важные аспекты «пересадки» и развития передового педагогического опыта, его распространения в массовом масштабе. Но и имеющиеся сведения об этом периоде его деятельности позволяют современным исследователям делать некоторые важные выводы.

«К концу 1927 г., - говорит А. С. Макаренко, - у меня собрался богатейший материал (записных книжек – А. Ф.), но я все не решался приступить к книге... Меня занимали довольно трагические переживания, связанные с моей педагогической борьбой» (т. 7, с. 178; сохранились дневниковые записи, записные книжки 1929-1939 гг., в объеме примерно 20 печ. л., - РГАЛИ, ф. 332, оп. 5). Тогда он начал писать «книгу по педагогике, в форме воспоминаний», «педагогический памфлет» (т. 7, с. 178-179).

Одновременно начали оформляться «Типы и прототипы» будущей «Педагогической поэмы» как произведения, в художественной форме представляющего его «педагогическую систему». В этом списке активными сторонниками горьковской колонии значатся более 20 лиц из различных организаций.

Одна из причин перехода к такому литературному жанру – «боязнь педологии». «... Прямо выступать против педологии как официальной «марксисткой» науки о детях тогда было страшно» (т. 7, с. 178). Поэтому «в своей книге я не разу не упомянул слово «педология», тогда как фактически моя борьба была с педологией и с педологическим укладом в педагогике» (т. 4, с. 38). «Эта борьба проходила не только в моей колонии, но в моей

работе наиболее ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологической точками зрения» (т. 4, с. 15).

В Президиум окрино

В мае этого года в СССР возвращается М.Горький и обязательно будет в колонии, как это он обещал в своих письмах.

Колония им. Горького, кажется, единственное учреждение в Союзе, носящее его имя, и поэтому представляется совершенно необходимым привести его в порядок к приезду Горького.

Между тем, чрезвычайно затруднительное финансовое положение в связи с урезанной сметой и почти полное обновление состава детей в прошедшую осень, как и в других колониях, определили большую внешнюю бедность.

Сметными средствами восстановить колонию невозможно. Поэтому обращаюсь с ходатайством об ассигновании следующих сумм:

I. Ремонт: а) внутренняя побелка и покраска	2000 руб.
б) перестилка полов	3000
в) новые крыльца и тамбуры	500
г) окончание строительства свинарни	1700
д) наружная побелка	1000
П. Учебная часть: а) школьная и клубная мебель	1000
б) пополнение библиотеки	1000
в) школьные пособия	1000
Ш. Одежда: пошивка праздничной и летней одежды и пополнение постелей	5000
IV. Покупка двух лошадей и экипажа	1800
V. Цветники	400
Всего	18.400

Сверх того необходимо для активной работы мастерских оборотный капитал в виде ссуды на 3 года - 6000 рублей.

Завкол Горького - *А. Макаренко*

ХОГА, Р-845, оп. 3, д. 1490, л. 210. Датируется: сер. февраля 1928 г. Резолюция на документе: «Т. Браковскому... Прошу «В» срочн. заключения. С. Канторович. 16/II-28».

Дополнение. **22 февраля Президиум Харьковского окрисполкома по докладу Крупко и Сухарева предложил финотделам своевременно и полно «срочно передавать ассигнования на содержание детдомов и колоний, без какой-либо задержки» (ХОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 1388, л. 51).**

Председателю комиссии по приему А. М. Горького Н. И. Бухарину

Харьковская трудовая колония
им. М. Горького
24 февраля 1928

Товарищу Бухарину

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Иванович!

Из газет мы узнали, что вы являетесь председателем комиссии по приему М. Горького.

Наша колония 9-й год носит имя великого писателя, детство которого так похоже на детство наших воспитанников. Несколько лет мы ведем переписку с М.Горьким, и он даже упоминает о нашей колонии в одной из последних своих книг[1].

Горький очень интересуется нашей жизнью и бытом, Последнее его письмо говорит о том, что по приезде в СССР Алексей Максимович обязательно будет у нас в колонии, этого все колонисты давно ждут и уже несколько лет об этом мечтают.

Немного о нашей колонии.

Она открыта в 1920 году в Полтаве, где имела 100 воспитанников. Колония с 1920 года работает при одном заведующем, и с тех пор сохранила ядро воспитателей и воспитанников, благодаря чему ей удалось сбить дружный рабочий коллектив.

В 1925 г., как образцовая колония, она была переведена под Харьков, где она была влита в разваливающуюся детскую коммуну в 300 человек.

Колония живет бодрой жизнью, хотя и собирает самый тяжелый детский состав - правонарушителей. В ее составе 107 комсомольцев, людей, которые вполне на пути. Из колонии выпущено на производство и в вузы до 200 человек.

Все иностранные делегаты, посещавшие колонию, а их было больше 30, признали наши заслуги в деле организации детства, но от них мы не могли скрыть нашей бедности.

Колония живет в старом монастыре, она очень бедно обставлена и одета, так как Харьков в своих детских домах содержит до 6.000 беспризорных и много дать на содержание их не может. В нашей нищете принять Горького нам неловко, тем более, что мы едва ли не единственное учреждение детства, носящее его имя.

Нам необходимо произвести ремонт, окончить некоторые постройки, улучшить школьную и клубную обстановку, немного лучше одеться, улучшить мастерские.

В местном бюджете мы не можем найти для этого средства, поэтому мы обращаемся к вам с просьбой помочь нам достойно принять Алексея Максимовича.

Нам никакая сумма не помещает, но самое меньшее, что нам необходимо, это 30.000 рублей.

Если такие деньги невозможны, просим вас не отказать в указании, как нам найти из затруднительного положения.

Об этом затруднительном положении мы сочли своим долгом поставить вас в известность, как председателя комиссии по приему Алексея Максимовича.

С коммунистическим и товарищеским приветом

Заведующий колонией им. Горького *Макаренко*

Секретарь фракции КП/б/у/ *Коваль*

Секретарь ячейки ЛКСМ *Зелендинов*

Председатель комиссии по приему Горького *.Яровой*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 144. Бухарин Н. И. (1888 – 1938) – гл. ред. газ. «Правда» в 1918-1929 гг., член Политбюро ВКП(б) до ноября 1929 г.

1 В шестой книге альманаха «Круг», 1927 г., - «Заметки читателя» А. М. Горького, где он положительно отзывается о колонии его имени и об А. С. Макаренко (Собр. соч. в 30 тт., т. 24. – М., 1953, с. 282-283).

Письмо А. М. Горькому, 25 февраля 1928 г.

Харьков 25 февраля 1928

Дорогой Алексей Максимович!

Мы страшно много пережили за последние полгода, много работы и много борьбы, и чуть-чуть не погибли. Еще и сейчас положение опасно. Хуже всего то, что я начинаю чувствовать усталость.

Разрешите рассказать Вам все по порядку.

В июле и в августе развал в детских колониях и городках достиг высшей точки. Почти не было колонии, которая не была бы отягчена актом прокуратуры или РКИ.

В это время мне предложили объединить работу всех 18 колоний Харьковского округа. Я не мог принять это предложение без определенных условий. Семь лет работы в горьковской колонии сделали-таки из меня специалиста по беспризорным и правонарушителям. Я поэтому мог представить органический план широкой реформы организации этих ребят с таким расчетом, чтобы они составили единое для округа общество, объединенное не только общим управлением, но и общим планом работы, общими внешними формами быта, общим хозяйствованием, взаимной помощью и пр.

Случилось то, чего я даже не мог предполагать раньше: со мной как будто не спорили, но даже ни разу и не выслушали, по частям растащили весь мой план, отказали по мелочам на самых формальнейших основаниях в очень важных организационных деталях, а, кроме того, в самом подборе персонала прямо задавили самыми дикими кандидатами.

Во всей этой борьбе я нажил кучи врагов, и началась самая обыкновенная история: обрушились на колонию им. М. Горького. Осенью мы выпустили на производство до 70 ребят, разослали по другим колониям десятка два. В ноябре ГПУ открыло в новом, специально отстроенном доме-дворце детскую коммуну им. Дзержинского. Организацию детского коллектива здесь поручили нашей колонии. Мы выделили в коммуну им. Дзержинского 62 воспитанника, разумеется, лучших, откомандировали туда же пятерых воспитателей. Еще раньше по другим колониям были назначены 6 воспитателей.

Таким образом, к декабрю горьковская колония так щедро раздала свои силы, что сама оказалась в очень тяжелом положении. Кроме того, наш штат увеличили на 50 мальчиков (довели до 400), и мы буквально завалены новенькими. Они принесли к нам чесотку, вшей, разгильдяйство и особенную потребительскую философию детских домов.

Горьковцы, рассыпавшись по округу, разнесли вокруг «горьковскую» систему. Это и послужило причиной всяких нападок. Ведь у нас обычно так: в десятках и сотнях случаев дело просто гниет и гибнет, растут самые дикие, деморализованные и слабенькие людишки. Все смотрят на это безобразие, опустивши руки. Но стоит образоваться одному серьезному дельному пункту, как все на него набрасываются: прежде всего требуют идеологии, да еще какой-то такой, о которой вообще никто толком ничего не знает. Во всяком случае, простая идеология работы и культуры объявляется каким-то страшным грехом. Во-вторых, стоит случиться одному случайному промаху, как немедленно подымается такой вой и такая истерика, что требуются чрезвычайно крепкие нервы, чтобы все это выдержать.

А как можно говорить об отдельных наших промахах? Законом у нас запрещено учреждать колонии для правонарушителей свыше 60 мальчиков (обязательно без совместного воспитания). Но вот мне все же дали 400. Ко мне их сплошь и рядом привозят в черной карете и сдают из-под револьвера. У меня нет карцера, и я ни одного за 8 лет не возвратил в тюрьму. Почему можно думать, что подросток только потому, что попал в колонию, сразу сделается паинькой?

У нас, правда, нашлись и друзья, но я, в сущности, не имел ни одной свободной минутки для борьбы. Я поэтому ушел из Управления колониями и теперь кое-как отбиваюсь от всяких кирпичей вдогонку. Горьковской колонии я не бросал, но на прямой работе в колонии работали мои помощники. Их переменилось четверо, и все они не выдержали больше месяца. В довершение всего наши сметы страшно порезали в этом году.

В результате мне приходится с горьковцами начинать чуть ли не новую жизнь. Правда, в колонии осталось ядро стариков около 100 человек и кадр воспитателей. Но отсутствие средств, ветхость монастырских построек, их неприспособленность, наконец, страшно суровая зима, все это страшно

усложнило ребячью жизнь, сделало ее настоящим подвигом. Все это далеко выходит за пределы какой угодно педагогики, этих 400 жизней «второстепенной необходимости», как выражается в письме к Вам 26-й отряд.

Рядом с горьковской колонией - коммуна им. Дзержинского. Дворец, паркет, дубовая мебель, 19 электромоторов, мастерские по последней технике, души, ванны, прекрасное платье, богатые спальни, обильная пища. И там тоже почти все горьковцы, воспитанные, выдержанные, бодрые, чистые. И воспитатели горьковцы и, наконец, я - заведующий. 3 дня в неделю я провожу там, три дня у себя. Бросить дзержинцев не могу, не на кого. Боюсь, что уйду, а мой преемник наделает глупостей и опять будут есть живьем горьковскую колонию и горьковскую систему.

Сейчас вокруг коммуны им. Дзержинского завязался интересный узел. ГПУ, учреждение замечательной четкости, представило мой воспитательный план[1], на утверждение Наркомпроса (УССР – А. Ф.) и потребовало ответа: «Так или не так?»

Одобрить мою «еретическую» укладку Наркомпросу страшно, это значит рекомендовать ее всем; не одобрить,- значит, нужно предложить иную, а это значит принять на себя ответственность прежде всего за целость дворца, душей, ванн и пр.

Сижу и жду. В коммуне благодушная педагогика, уют, тепло, нега, хорошее настроение и маленькая расслабленность. У горьковцев в спальнях обувь примерзает к полу, валится везде штукатурка, в каторгу обратилась топка печей «горячим» сводным отрядом, сотни новеньких, не могущих пройти по лестнице, чтобы не плюнуть, срывается «мат», светят иногда голые колени - отчаянная борьба за жизнь, за каждую латку, за огрызки ботинок, но зато веселый дружный тон, дисциплина, смех, гремит оркестр - играет «Веселого горьковца[2]», сыпятся язвительные словечки по адресу дзержинцев, ждут весны и с весной того, чего ждут семь лет, с чем уже ушли многие из колонии, - ждут Вашего приезда. Сомнений в том, что Вы к нам заедете, нет ни у одного, вопросы и проблемы только в одном: как Вас принять, как встретить, как пищать от восторга и радости, когда Вы приедете.

Я лучше их знаю, как Вы будете нужны в каждом уголке России, и я не уверен даже, имеем ли мы право просить Вас заехать к нам, но несколько строк в 18-м томе о нашей колонии[3] все-таки дают и мне некоторую надежду. Мы все сделаем, чтобы к Вашему приезду победить нашу бедность, чтобы не оскорбить Вас никаким неприятным впечатлением. Да нам и весна поможет. Дзержинцы также убеждены, что Вы навестите их.

Простите, что затруднили Вас нашими письмами.

Все наши педагоги и служащие просили меня передать Вам их любовный привет и гордость, что они горьковцы.

Навсегда преданный Вам

А. Макаренко

Пед. соч., т. 1, с. 240-242.

1 «Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» - т. 8, с. 136-145.

2 Марш колонии им. М. Горького.

3 Говориться об упоминаемых ранее «Заметках читателя».

***Дополнение.* Примерно с середины февраля 1928 г. А. С. Макаренко возвращается к непосредственному руководству колонией им. М. Горького, совмещая его с заведованием коммуной им. Ф. Э. Дзержинского, уделяя половину своего рабочего времени тому или иному учреждению, переезжая с одной окраины Харькова на другую.**

Старым горьковцам

10 марта 1928

С удивлением я узнал, что среди старых работников колонии упадок духа и обида, обида не против ревизионной комиссии, а лишь против меня за мое открытое выступление на педагогическом совете. Признавая за Вами всеми великие заслуги в истории колонии и лично чувствуя себя многим обязанным Вам, я в то же время вовсе не склонен делать из наших заслуг какой-то неприкосновенный капитал, позволяющий нам жить на проценты. Поэтому считаю своим дружеским долгом сказать Вам следующее.

1. ...Приезд комиссии - это генеральное сражение, в котором мне пришлось много употребить энергии, такта и смелости, чтобы отстоять колонию. В конце второго дня я уже знал, что к нам приехали культурные

люди, положительно относящиеся к нашей работе. Поэтому я позволил себе в качестве последнего удара собрать педагогический совет.

Собрание серьезных культурных людей, настолько обладающих достоинством, что они не позволили себе отнекиваться и унизиться до лжи, было действительным ударом, после которого комиссии стало просто стыдно.

То, что я сказал о работниках, было правдиво и имело тот прямой практический смысл, что заткнуло глотки всем другим, желающим [по-другому] говорить о тех же работниках. Это обыкновенный стратегический прием, приносящий всегда положительный эффект.

2. То, что я говорил обо всех работниках, было справедливо и ни для кого не обидно. Нельзя в самом деле так привыкнуть к собственному покою, что при малейшей необходимости реализовывать свою ответственность, заявлять протест и поднимать крик. Известная часть, самая, впрочем, маленькая, всех тяжелых неприятностей, пережитых мною за эту зиму, могла быть переложена, и на вас.

3. Что касается Л. П. и З. П.[1], то их отчужденность от активной работы в колонии, их замкнутость в своих прежних заслугах - факт, который не нужно отрицать.

Никаких обид и расстроенных выражений переносить не хочу - считаю все это грубейшей нечуткостью, неделикатностью и грубостью по отношению к себе и к нашему делу. Если мне приходится без конца бороться за [общее] дело и за всех, то это еще не значит, что на мои плечи можно нагрузить еще и разбор совершенно ненужных обид, представляющих уже какую-то излишнюю роскошь.

А. Макаренко.

Пед. соч., т. 8, с. 31.

1 Имеются в виду, по-видимому, Л. П. Сагредо и З. П. Архангельская.

Комиссия, обследовавшая колонию, сделала выводы: «Положение колонии удовлетворительное... Колония имеет твердую целевую установку: перевоспитать вчерашних малолетних преступников в совершенно здоровых и подготовленных к трудовой жизни людей, каждый выходит из колонии с определенной квалификацией... Работа в мастерских и по сельскому хозяйству поставлена на должную высоту, ведется по заранее

разработанным производственным планам, охватывает всех воспитанников».

Материальное положение удовлетворительное, хотя есть «небольшой % детей босых, плохо одетых», это в основном недавно пребывшие. Недостатки: в оборудовании кухни, в отоплении спален, в работе школы (недостаточный учет возраста, уровня знаний, «отсутствие полной выдержанности» в комплексной системе обучения). В прошлом имели место «непедагогические меры воздействия на воспитанников».

Необходимо установить форму самоуправления, приближенную к жизни, «по типу исполкомов». Не допускать «непедагогические воздействия» со стороны подростков, «занимающих какие-либо посты». «Взаимоотношения между девочками и мальчиками вообще здоровые», есть случаи грубого обращения. «Поручить РКИ» изучить вопрос о «создании нормального штата колонии», учитывая ее тяжелые жилищные условия.

О нетерпимом отношении А. С. Макаренко к фактам рукоприкладства колонистов-командиров см. ниже, его письмо Г. С. Салько, 10 мая 1928 г.

Письма Г. С. Салько, 10-12 марта 1928 г.

Колония им. Горького 10/3-28

Солнышко!

Вчера вечером Жорж бахнул мне по телефону из города:

«В колонии Горького бунт. Едьте немедленно туда». Он сам ничего толком не знал. Выехать вечером я при всем желании не мог, так как было нечем. Сегодня я с утра здесь. 9-го марта здесь действительно бузили человек около 60, дежурство поснимало красные шапки[1] и разошлось. Никакого, впрочем, бунта не было, просто не подчинялись дежурству, в школе не было 40%. Утром все знали, что я приеду с минуты на минуту, и поэтому все было благополучно.

Меня встретили приветливо, я ответил тем, что не отвечал на приветствие, объявил выговор на общем собрании дежурству за то, что оно не умерло на посту. В обед собрал общее собрание, на котором заявил, что в случае надобности морды буду бить по-прежнему[2] с тем, однако, что каждой побитой сявке буду давать по 25 копеек на дорогу в Харьков - жаловаться. Поставил на голосование вопрос о полном доверии мне и педсовету. Доверие было оказано единогласно. Я им сказал;

- «Ну теперь не пищите!»

Хуже всего то, что я не смог передать Вам то, что обещал. Теперь передам аж в понедельник, а до понедельника Вы будете, родная, считать меня обманщиком.

Получил еще одно письмо Ваше на вокзале. Я весь наполнен Вашими письмами. Из них ясно вижу, что Вы меня любите гораздо меньше, и вижу почему. Это видно из той определенной программы усовершенствования меня, на которой Вы так настаиваете, Солнышко. Мое однообразие, я это прекрасно понимаю, гибельно для Вашей любви. Я это думал и даже говорил Вам давно. Я крепко и глубоко Вас люблю и готов произвести какие угодно усовершенствования своей особы, чтобы быть в Ваших глазах более сложным и ценным человеком. Как бы искренно я ни сгорал в этой колонии, все же это не позволит мне стать интереснее простого полена дров. Все это совершенно справедливо, дорогое солнышко. Но это вовсе не значит, что всякий проект усовершенствования хорош.

Поездка за границу (бросить колонию на год!)[3] приблизит меня к тому типу педагогических деятелей, которых я всегда считал шарлатанами и которых Вы любить не можете. Вообще стать педагогическим писателем - это все-таки большая пошлость. Я всегда думаю так: лучше быть ярким завколом, чем серењким писателем. Да и какой я педагог!

Вообще: если писать книгу, то только такую, чтобы сразу стать в центре общественного внимания, завертеть вокруг себя человеческую мысль и самому сказать нужное сильное слово. Для этого и за границу ездить не нужно.

Сегодня я как раз прочитал 20 том Горького[4] - там есть дельные места о героях на час и героях на всю жизнь. Как-то неясно Горький по этому случаю говорит, что под Харьковом есть колония, и он мог бы много рассказать об удивительных людях в этой колонии, но ему это лично сделать неудобно. Как видите, и я могу считать себя кандидатом в герои навсегда. Но кажется, русские женщины имеют слабость как раз к героям на час. Вы представляете исключение? Нет, солнышко, я пока не решаюсь приступить к совершенствованию самого себя - боюсь повредить себе прежде всего в Ваших глазах. Кроме того, если уже случилось так, что Вы стали меньше любить, то этому никакими усовершенствованиями не поможешь.

Не подумайте, ради бога, голубка, что я Вас в чем-либо обвиняю. Вовсе нет. Вы же знаете, что я сам в моей любви человек свирепый. Я вот никак не могу настроить себя на сочувствие Вашему больному состоянию. Вам лучше, - я радуюсь, Вам хуже, - я печалюсь, все это совершенно эгоистическим образом, потому что мне страшно нужны Вы - здоровая, веселая, умная. И как раз, когда Вы начали поправляться, я почувствовал, что я немножко Вас раздражаю своим однообразием. Если бы Вы знали, как все это я хорошо понимаю и оправдываю, но что делать - я не хочу дешевого разнообразия, да оно и Вам никогда не понравится, а дорогое не так легко найти. Спокойной ночи, родная!

11 -го 8 ч. утра

Только что с утренней поверки. Вчера вечером снежная буря, сегодня ужасно холодный ветер. В колонии ни кусочка угля, кое-как топим дровами. Совершенно босых - человек 5. Нет, при таких условиях оставаться здесь еще на одну зиму - действительно геройство, да еще и дурацкое.

Между прочим, я всегда чувствую, что мы только часть какого-то общего несчастья, какого-то специально русского неуменья жить, неуменья организовать материальные ценности. Мне это начинает надоедать. Октябрь - просто частный случай нашего национального гармидера[5]. Если бы кто-нибудь сумел лишить нас хотя бы половины наших национальных достоинств и в особенности наших талантов - как это было бы прекрасно! Ленивый человек - гадость, ленивый талантливый человек - ужас!

10 утра 11-го

Вы обязательно прочитаете XX том Горького. Я пошел на Совет командиров. Сегодня наряды - скучное дело, и я буду иметь возможность хорошенько обсудить вопрос, какие мне нужно совершить подвиги, чтобы сохранить Вас «в целости»?

10ч. 10м. 1 1-го

Нет, все-таки до черта поэзии в этой колонии им. Горького, нужен поэт побольше Пушкина, чтобы увидеть эту поэзию и уложить в стихи. Сейчас в канцелярии и в кабинете греются сотни полторы и толкуют о том, что теперь можно без дров жить, потому что скоро весна. Я с ними согласен: вообще без

дров перед весной жить можно, но вот сегодня, 11-го марта, это довольно трудно.

3 ч. 50 м. 1 1-го

Не могу придумать никаких подвигов, чтобы Вам понравиться, солнышко. Самый больший подвиг, на который я способен, бросить колонию, едва ли достигнет цели. Кроме того, нужно ли вообще удивлять Вас подвигами? Огромный кабинет с коврами и картинами, со множеством изящных умных разговоров, книг и людей, с широким простором человеческой перспективы - вот что нужно иметь, чтобы Вам окончательно понравиться, мое дорогое солнышко.

5 ч.

Для этого нужно выиграть 100.000 или закружиться в каком-нибудь головокружительном успехе. Я уже не успею. Черт! Однако, интересно, чем все это окончится.

А пока нужно идти подсчитать штаны, требующие замены. Если хотите, тоже подвиг. Для кого? Для какого-то гомо-сапиенского зуда.

11 -го марта 7 часов веч.

Так мы и не вытопили сегодня ни одной печки. Зато у нас сейчас спектакль, и граки[6] уже послушно стоят в очереди у дверей. Хлопцы мечтают о весне, я о человеческой жизни, как будто возможной, принимая во внимание то, что Вы живете на свете.

А все-таки, как жаль, что я не умею по-настоящему мечтать - в моей мечте всегда куча парадоксов, и поэтому моя мечта не оплодотворяет совершенно ни одного кусочка моей жизни. Когда я думаю о том, что я Вас люблю, я не в состоянии пойти дальше представления о том, что меня судьба наградила за что-то Вами. Я с самым религиозным знамением принимаю Вас - награду, но я не умею быть умным и толковым человеком, я не умею подсчитать Вас как условие моего же счастья. Это всегда нужно уметь делать на земном шаре - это единственно, что умно. В таком случае и мечтать - значит собственно проектировать. А у меня мечтать - значит просто вылазить из собственной советской шкуры. Ну к чему мне думать об огромном кабинете с коврами.

Это меня серьезно убивает, Солнышко. Убивает не потому, что я остаюсь в дураках, а потому, что я путаю Вашу дорогу к радости. Вы, вероятно, тоже обратили внимание на такую безобразную конъюнктуру.

Мне бы, мерзавцу, давно следовало подумать о будущем. А я, как последний осел, всунул голову в горьковский котел, страшно рад, что Вы стоите рядом, что Вы кому-то мешаете мою эту голову оттяпать. А ведь Вам, конечно же, надоест смотреть на мою «Горькую» эквилибристику. «И хороший парень, но что с него толку, если и головы его из котла никогда не видно». Вы, конечно, плюнете и уйдете посмотреть на всяких там других чудаков. Мне будет до смерти безнадежно остаться без Вас, и толку вообще никакого из моей эквилибристики не будет, а вот переделать себя не умею. Заели меня многие «гордости», страшно заели.

Простите, Солнышко, всю эту мою химическую аналитику - я об этом (да и Вы) все время думаю и никак не найду, в какой точке лежит правильная идея?

12-го утро

Штаб колонии. Историческое заседание без всякого намека на тепло. Нечто вроде путешествия Гаттераса. Желаю Вам самой лучшей в мире температуры.

Ваш А. Макаренко 12/3-28

«Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 31-34.

1 Главное дежурство по колонии (воспитатель, воспитанник и сигналист) имели знак отличия – фуражка с красным верхом.

2 А. С. Макаренко когда-то «в гневе грешил подзатыльником», колонисты знали об этом. Затем угроза «бить морды» использовалась как психологический прием, который среди бывших беспризорных и малолетних правонарушителей производил особое впечатление.

3 В Наркомпрос УССР тогда, видимо, обсуждался вопрос о заграничных командировках, предлагалась кандидатура А. С. Макаренко. В его отношении к этому отразилась вера в приоритет отечественных социально-педагогических преобразований.

4 «Заметки читателя» А. М. Горького вошли в его собрание сочинений, т. 20 (М., 1928).

5 Гармидер – беспорядок (фр. яз).

6 Грак-грач (укр. яз), в переносном смысле - крестьянин.

7 Имеется в виду роман Жюля Верна «Путешествия и приключения капитана Гаттераса».

Дополнение. **17 марта А. М. Горький пишет А. С. Макаренко: «Сожалею, что Вы не сообщили о неприятностях, Вам переживаемых, в самом начале их... Вы, человек, делающий серьезное дело, церемонитесь. Напрасно... Я уже написал в «Известия» (газ., М. – А. Ф.), чтоб к Вам послали хорошего корреспондента, который толково осветил бы жизнь и работу колонии...» (т. 1 8-томника, с. 242-243).**

26 марта Президиум Харьковского окрисполкома, по докладу С. И. Конторовича приняв порядок ликвидации колонии «Здравница», постановил: «Предложить Окринспектуре Наробраза срочно составить и подать через Окрплан в Президиум ХОИКа смету на организацию и содержание Детской колонии им. тов. Петровского Г.И. на территории бывш. колонии «Здравница»... Назначить на должность заведующего Детской колонией им. Петровского Г. И. тов. Макаренко».

Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 4 апреля 1928 г.

4 апреля 1928

Харьков

колония им. М. Горького

Глубокоуважаемая Надежда Феликсовна!

Очень благодарен Вам за присланную книгу[1]. Мое мнение о статье Вашей Вы знаете - она отличается от всех остальных педагогических писаний тем, что она искренна. У нас либо шельмуют педагогический коллектив, либо восхваляют до небес, самыми шаблоннейшими словами воспевают кажущиеся официальные достижения. Ваша статья забирает каким-то душевным, глубоко человеческим тоном. Я лично очень признателен Вам за художественно-идейную поддержку.

Правда, от Вашей статьи мне, пожалуй, здесь не поздоровится[2]. Нужно Вам сказать, что меня сейчас едят все, кому не лень. Обследование за обследованием, объявляют мне выговоры, по округу запретили систему колонии им. Горького, и мне предложили в течение длительного срока перейти на обыкновенную «исполкомскую». В качестве обследователей приезжают мальчишки, с которыми даже говорить трудно.

В то же время не могут не признать, что колония действительно перевоспитывает, что она исполняет свою задачу, что у нее «наибольший комсомол».

Ваша статья, конечно, подольет масла в огонь, но я именно поэтому Вам благодарен. Вы сумели показать человеческое лицо моей работы, и, прочитав Вашу статью, я и для себя нахожу какое-то оправдание, а то я было сам себя начинал считать преступником.

Считаю, что было бы очень хорошо, если бы Вы послали Вашу книжку с коротким письмом Максиму Горькому (Italia, Sorrento, Napoli, Massimo Gorki). Я бы и сам послал, но ему удобнее будет получить от автора. Он очень интересуется и нашей жизнью, и беспризорными.

Значит, Вы живете основательно в Москве? Или случайно там оказались? Напишите подробнее, как Вы живете, буду Вам очень благодарен.

Что касается впечатления, произведенного на ребят, еще ничего не могу сказать - Вашу книжку захватили воспитатели.

Я страшно много работаю - сплю не больше 4 часов, хочется отдохнуть. Когда вырвусь, не имею понятия. Напишите, долго ли Вы еще будете в Москве. Где собираетесь быть летом?

Крепко жму Вашу руку

Искренне Вас уважающий *А. Макаренко*.

P.S. Если Горькому не пошлете, сообщите мне, я сам пошлю.

А. М.

Пед. соч., т. 8, с. 33-34.

1 Имеется в виду ж. «Народный учитель», 1928, № 1-2, со статьей – очерком Н. Ф. Остроменцкой «Навстречу жизни (колония имени Горького)».

2 А. С. Макаренко предчувствовал, что очерк Н. Ф. Остроменцкой усилит мнение о «битье детей» как «системе», принятой в колонии им. М. Горького. Объяснение этого – в письма А. М. Горькому 18 апреля 1928 г. и Н. Ф. Остроменцкой 7 июня (см. тексты ниже).

Дополнение. **В конце марта-начале апреля комиссия окрРКИ обследует колонии им. М. Горького, Гиевскую, Зеленогайскую, Ахтырский детгородок и др. В общих выводах комиссии (6 апреля 1928 г.) отмечается: в материально-хозяйственном и учебно-воспитательном отношениях «некоторые детучреждения находятся в неудовлетворительном состоянии»; «педперсонал в большинстве без специальной подготовки»; «в прошлом в**

некоторых колониях имели место непедагогические меры воздействия на воспитанников (в кол. им. Горького)» и др.

Руководству окрИНО предложено: организовать летние курсы для сотрудников детучреждений; установить формы самоуправления, «отвечающий духу современного воспитания и особенностям каждой колонии»; улучшить качество и сбыт продукции мастерских, произвести их реконструкцию; решить вопрос о детучреждениях, «не имеющих производственной базы и достаточной земельной площади».

Позднее в списке зав. детучреждениями-интернатами Харьковского округа (14 дек. 1928 г., с грифом «секретно»), представленном С. И. Конторовичу, - об А. С. Макаренко сказано: «Хороший, опытный работник-педагог, а хозяин плохой...». Из 20 заведующих: коммунистов – 10, беспартийных – 10; педагогов – 13, рабочих – 4; остальные – военный, врач. Хорошо работающих – 9 (среди них Филимонов, Довгополюк, Журавицкий, Панфилова, Макаренко). «Слабо работающих» - 2. Работающих лишь от недели до месяца – 5.

Письмо Г. С. Салько, 16 апреля 1928 г.

16 апреля 1928

Колония Горького

Утро

Я, собственно говоря, предчувствовал, что мне эти 6 недель дадутся очень тяжко, и поэтому я не удивляюсь, что мне так погано. Вот когда я хорошо понимаю, что время вещь относительная. Всякие другие шесть недель это просто чепуха, а вот без Вас шесть недель, это нечто похожее на каторгу при старом режиме, на двадцатилетнюю каторгу.

Я ни на одну секунду, с того момента, как увидел Вас в окне вагона, не могу упустить из виду двух вещей: во-первых, Вас нет, во-вторых, это должно продлиться бесконечно долго. Я в этом году ждал весны и помню то безнадежное ощущение, когда до весны оставалось 45 дней. Целая вечность. Так то ж до какой-то паршивой весны, а то до Вас. И вот что ехидно: когда Вы были в тубъе[1] я мог спокойно ждать два-три дня, пока Вас увижу, а вот сейчас прошли только сутки, и я сам не свой и такой был с самого момента Вашего отъезда.

Меня, впрочем, стараются развлекать. Вчера, возвратившись с вокзала, застал в колонии настоящий фронт. Наши возмутились тем, что на

колокольне целый день звонят[2], и потребовали прекращения этой музыки. Селяне отказались. Тогда звонарей повыкидали с колокольни и хорошо поколотили, а с колоколов сняли языки и спрятали. Верующие запрудили весь двор, а так как все они по случаю праздника были на взводе, то Вы можете представить, до какой степени экспансивности доходил общий тон переговоров.

После Вашего отъезда я тоже был в довольно воинственном настроении, а поэтому к общему восторгу хлопцев с первого момент пошел в атаку:

- Что? Звонить? Служба ваша окончилась? Ну и к чертевой матери со двора. Пьяные тут ходят, на ногах не стоят, звонить им нужно. Как маленькие! Дежурство! Чтоб через 5 минут никого во дворе не было.

Верующие покинули нашу территорию с матерной руганью и угрозами самим Петровским. Преследование разбитого противника совершалось под командой Жоржа с применением девиза:

- Иди, иди! Ничего губами шлепать!

Хотя победа была уже на нашей стороне, но моральное самочувствие у меня все же было неважное, выходило так, что мы обидели селян и, так сказать, сорвали политику рабоче-крестьянской власти.

Но к вечеру наше моральное положение восстановилось: в колонию уже не пришли, а были привезены на подводах 8 (восемь) верующих, основательно попорченых при помощи ножей, дрекольев и кулаков. Двое из них были при смерти. Их сопровождали другие верующие, хотя и обладающие целой кожей, но определенно сдавшие под тяжестью впечатлений дня: религии, водки, кулаков.

Колонисты встретили их довольно ехидно:

- Звонить уже не хотите?

Тем не менее занялись перевязкой и распределением граждан по больницам и покойницким.

К 9 вечера в колонии уже были: конный наряд милиции автомобиль Угрозыска и собака-ищейка - целое торжество.

Я во всех отношениях был доволен концом дня. Мы ремонтируемся, у нас нет спектакля, а тут тебе такие великолепные формы: а) смычки с

окружающим рабоче-крестьянским населением, б) клубной работы, в) общественной нагрузки, г) антирелигиозной пропаганды, д) борьбы с алкоголизмом, е) организационно-трудовых процессов, ж) первой помощи в несчастных случаях, з) упражнений в верховой езде, и) знакомства с автомобилем, к) ознакомления с деятельностью милиции, л) близкого знакомства с собакой-ищейкой и многое другое.

Благодаря судьбу за ниспосланные мне столь блестящие формы единого педагогического процесса, я уснул в завидных моральных условиях.

Но сегодня рано утром меня разбудила целая толпа опять верующих. Их было не меньше 50 человек. Настроение у граждан было настолько боевое, что я принужден был немедленно констатировать: моральная чистота колонии Горького находится опять под большим сомнением; нужно мой «Зауэр» поставить на боевой взвод. Колония не спала.

Оказалось: батюшка и верующие, придя в церковь, пришли к заключению, что в алтаре, очевидно, ночью, вокруг престола ужинала целая компания, во всяком случае весь престол был усыпан яичной скорлупой, кусками пасок[3] и окурками. Снедью служили приношения верующих, предназначавшиеся батюшке, которые он не успел перенести домой и оставил в церкви. Вокруг престола стояли лишние вещи - табуретки, лавки, но на престоле не оказалось... плащеницы, знаете, такой «плат» с изображением спасителя во гробе.

Верующие сначала хотели меня бить, в особенности, когда пообещал, что к обеду собака-ищейка понюхает престол и все сделает, но спасибо, прибежали из спальни хлопцы, и общее настроение улучшилось. Селяне требовали немногого возвратить плащеницу.

Я проявил способности Шерлока Холмса. Окурки 2-ой гостабакфабрики в Феодосии позволили мне к 10 часам найти виновных и возвратить а) плащеницу, б) 40 яиц, в) 11 пасок, г) диаконский орарь[4].

Только что селяне от меня ушли, дружески пожав мне руки. 40 яиц они предложили хлопцам, но я стукнул кулаком по столу и сказал:

- Мы не нищие! Отдайте бедным!

Но их отдали батюшке, интересы которого явно были нарушены во всей этой истории.

Ох, педагогический процесс!

Солнышко родное, пока. Сидят печники, и мне предстоит такая проза - договор.

Т.

«Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 41-43.

1 Имеется в виду трубдиспансер, где лечилась Г. С. Салько (болезнь горла). Только что уехала в санаторий (Крым, Симеиз).

2 Был праздник Пасхи, когда по обычаю каждый мог подняться на церковную колокольню звонить.

3 Говорится о пасхе, ритуальном пасхальном угощении.

4 Часть церковного облачения дьякона.

Письмо А. М. Горькому, 18 апреля 1928 г.

Колония им. М. Горького

18 апреля 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо, и карточки, и подарок принесли нам оправдание и поддержку в самый трудный момент нашей жизни. Я не могу найти слова, чтобы выразить Вам то чувство благодарности и благоговения, которое я сейчас испытываю. Но все же я перестал бы уважать себя, если бы позволил себе хоть бы стороной причинить Вам заботы по поводу наших неприятностей. Не нужно Вам ничем помогать нам, ибо это значит, что Вы войдете в целую систему очень несимпатичных и непривлекательных историй. Наконец, Ваша помощь - явление совершенно исключительное, и поэтому нельзя на ней строить нашу работу: если судьбы здоровой детской колонии зависят от вмешательства Максима Горького, то нужно бросить все наше дело и бежать куда глаза глядят.

Вы, дорогой Алексей Максимович, должны понять мое положение. Я веду колонию 8 лет. Я уже выпустил несколько сот рабочих и студентов. Посреди общего моря расхлябанности и дармоедства одна наша колония стоит, как крепость. В колонии сейчас очень благополучный ребячий коллектив, несмотря на то что в нем 75% новых.

И все же меня сейчас едят. Едят только потому, что я решительно отказываюсь подчиниться тем дурацким укладкам, той куче предрассудков,

которые почему-то слывут у нас под видом педагогики. А разве трудно меня есть? Когда организуется жизнь 400 ребят, да еще правонарушителей, да еще в условиях нищеты, так трудно быть просто должностным лицом, в таком случае необходимо стать живым человеком, следовательно, нужно и рисковать, и ошибаться. Где в работе есть увлечение и пафос, там всегда возможны отклонения от идеально мыслимых движений.

А меня едят даже не за ошибки, а за самое дорогое, что у меня есть - за мою систему. Ее вина только в том, что она моя, что она не составлена из шаблонов. К этому должно было прийти. В то время, как в разных книжонках рекомендуется определенная система педагогических средств, давно уже провалившихся на практике, наша колония живет, а с осени на нашу систему (наша основная формула: «Как можно больше требований к воспитаннику и как можно больше уважения к нему») стихийно стали переходить многие детские учреждения.

Вот тут-то и поднялась тревога. Нашу колонию стали «глубоко» обследовать чуть ли не ежемесячно. Я не хочу говорить, какие глупости писались после каждого обследования. Но в последнем счете договорились до того, что нашу систему запретили по всему округу, а мне предложили перейти на «исполкомскую»[1]. В то же время никто не решается утверждать, что в колонии им. Горького дело поставлено плохо.

Вообще никакой логики во всем этом нет. В декабре мне прибавили коммуну им. Дзержинского и сразу же подняли крик - «Почему и там горьковская система!» На днях вдруг мне прислали приказ о прибавлении к нам еще одной колонии - им. Петровского с явным расчетом, что я туда сразу переброшу два-три отряда горьковцев, и в полной уверенности, что они там наведут порядок, но и там будут кричать, что я еретик!

Иногда мне хочется смеяться, глядя на все это ребячество, а чаще все-таки приходится прямо впадать в тоску. У нас так легко могут сломать и растоптать большое нужное дело, и никто за это не отвечает. И вот теперь, для того чтобы отстоять колонию после 8 лет работы, успешность которой никто не отрицает, мне приходится говорить о таких сверхъестественных мерах, как Ваша помощь.

После этого стоит ли что-нибудь делать? Ведь в таком случае гораздо спокойнее просто служить и честно получать жалованье.

А то что же это:

- В колонии Горького хорошо?

- Хорошо, только идеология не выдержана.

- Как не выдержана? Ведь там 35% комсомольцев!

- Это ничего не значит, но там нет классовой установки.

- Позвольте, как нет классовой установки. Ведь все до одного работают и гордятся своей работой.

- Это ничего не значит. Работают потому, что там строгая дисциплина, а вот не будь этой дисциплины, то и не работали б.

- Так ведь дисциплина это хорошо!

- Хорошо, если она основана на классовом самосознании, а у Макаренко вместо этого «долг», «честь», «горьковец», гордость какая-то.

И т. д.

Как тут можно спорить? К вам приводят запущенного парня, который уже и ходить разучился, нужно из него сделать Человека. Я поднимаю в нем веру в себя, воспитываю у него чувство долга перед самим собой, перед рабочим классом, перед человечеством, я говорю ему о его человеческой и рабочей чести[2]. Оказывается, это все «ересь». Нужно воспитать классовое самосознание (между нами говоря, научить трепать языком по тексту учебника политграмоты).

Дело окончится тем, что мы разбежимся. Но это в будущем. Сейчас мы боремся и уступать не думаем. Если меня бьют педагогическими догматами, то я бью живым коллективом 400 горьковцев, бодрых, веселых, энергичных, знающих себе цену и с прекрасной рабочей «установкой». Если этот мой аргумент не действителен, то, значит, и бороться не за что.

Дорогой Алексей Максимович, очень прошу Вас, не беспокойтесь и не огорчайтесь нашей борьбой. Вам нельзя нам помогать - наша борьба слишком мелка для того, чтобы втягивать в нее Ваше имя.

Остроменцкая написала в «Народном учителе» статью о нашей колонии «Навстречу жизни». Она писала мне, что послала книгу Вам. В статье, в общем, хорошо нарисован общий тон нашей колонии, но есть

отдельные ошибки[3]. Я не Кузьма Прутков и не Хулио Хуренито[5] и решительно отказываюсь от тех афоризмов, которые мне там приписываются. Возможно, что я просто дразнил при помощи двух-трех парадоксов какого-нибудь туриста. Точно так же история с палками и дубинами - явный гротеск. Наши ребята любят сочинять обо мне легенды. Простите, что длинное письмо.

Ребята благодарят Вас за книжки и карточку и все толкуют об одном: «а когда же он приедет». Мы Вас ждем и готовимся: белим, красим, шьем.

За библиотечку большое спасибо. Если у Вас есть книги, которые Вам не нужны, конечно, пришлите их нам. Это для нас не только вещи, но и реликвия.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 243-245.

1 Система самоуправления в детских учреждениях по аналогии с исполкомами, местными и региональными органами государственной власти. А. С. Макаренко не соглашался с таким механическим перенесением форм государственного управления в педагогический процесс. Его подтвержденная практикой система самоуправления более совершенна: она органически включена в общую систему управления педагогическим учреждением; базируется она на эффективной хозяйственно-трудовой организации, обеспечивая полноценное воспитание личности, человека-созидателя.

2 Воспитание «долга перед самим собой» и «человеческой чести» во взглядах и опыте А. С. Макаренко неотделимо от выполнения долга перед рабочим классом, трудящимся человечеством.

3 Н. Ф. Остроменцкая, предварительно ознакомив А. С. Макаренко со своим очерком и получив в целом его одобрение, не учла его замечаний. Некоторые вольности в ее повествовании привели к превратному толкованию текста о применении в колонии наказаний. См. об этом ниже в письме ей 7 июня 1928 г.

4 Кузьма (Козьма) Прутков – литературный псевдоним группы поэтов 60-х гг. XIX в., в сатирико-пародийных стихах и афоризмах высмеивающих человеческие и социальные пороки.

5 Герой сатирического романа И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито...»

Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 18 апреля 1928 г.

18 апреля 1928

Куряж

Глубокоуважаемая Надежда Феликсовна!

Спасибо, что пишете. Меня совершенно не удивляет действительно дикая система Вашей колонии[1] - у нас дичи такой на каждом шагу горы. Между прочим, и у нас, даже у людей, имеющих ученые физиономии, появляются идейные нарывчики подвести под соцвос так называемую базу, т. е. попросту оплачивать согласие воспитанников воспитываться. В Ахтырке завели даже для этого какую-то марочную систему. Соколянский по этому случаю в восторге.

Я, впрочем, сдаваться не думаю. К сожалению, совершенно не в состоянии бороться за свою работу в литературе: во-первых, не умею писать так, чтобы меня согласились напечатать, во-вторых, просто некогда. У меня две колонии ведь. Кроме горьковской я еще заведую коммуной им. Дзержинского.

Эту коммуну ГПУ поместило в специально построенном доме, устроило очень богато. В особенности интересны и ценны мастерские. Туда переведены 64 горьковца и 30 человек из коллектора[2]. В коммуне большое благополучие, но чересчур много опеки. Из горьковских воспитателей в коммуне работают Татариновы, Ляля Говорецкая, Рива Коган. Был Крикун, но 26 марта повесился. Между прочим, на место этого Крикуна никак не могу найти клубника. Пригласил бы Вас, но это во многих отношениях осложнит мою жизнь, а я этого сейчас не хочу. Кроме того, Вам нужно бросить педагогическую деятельность и серьезно заняться литературой - у Вас положительный талант.

Страшно хочу увидеть Вас и поговорить. Когда Вы будете проезжать через Харьков? Я бы мог на несколько часов вырваться из колонии и встретиться с Вами в городе. У меня есть «знакомая» гостиница, в которой всегда можно оставить для Вас номер. Если Вы скоро из Москвы не уедете, я уверен, что увижу Вас в Москве, где обязательно буду в мае.

Спасибо, что послали Горькому книгу. Интересно, какое она произведет на него впечатление.

Желаю Вам всего хорошего. Я очень рад, что мы возобновили переписку, а то я уже считал, что Вы меня просто возненавидели. Серьезно, не за что: я просто угорелая кошка и часто делаю не то, что мне самому нужно.

Ваш *А. Макаренко.*

Пед. соч., т. 8, с. 34-35

1 Имеется в виду колония на Северном Кавказе, где намеревалась работать Н. Ф. Остроменцкая.

2 Место временного пребывания беспризорных, откуда их распределяли по различным детским учреждениям.

3 Клубный работник.

Письма Г. С. Салько, 22 и 23, 27 апреля 1928 г.

Колония им. М. Горького

22 апреля

4 часа дня.

$$\frac{Прошло}{Осталось}\ \frac{7сут.1час}{40сут.19час} = \frac{169ч.}{979ч.} = \frac{10.140м.}{58.740м.} = Отн.1:5{,}8$$

Если бы Вы знали, сколько жизни заключено в этих цифрах: они у меня стоят в голове целый день и ничто меня сейчас так не радует, как это изумительное чередование отношений 1:9, 1:8, сегодня 1:5,8. А все-таки 40 суток! Все дело в том, что я сейчас страшно глубоко чувствую какую-то серьезнейшую грань в моей жизни.

Вот вчера и сегодня: ей богу, ни один человек не знает, какой это исключительный трюк - один день «позаведывать» колонией Горького. А тут трюк продолжается 8 лет. Я так привык к тяжелым характерам и случаям, что, вероятно, без них мне уже будет трудно жить, и как раз потому, что я привык, я переживал весь этот трюк даже с каким-то удовольствием.

А вот сейчас я еще по привычке, как машина, проделываю все, что полагается проделывать на моем турнике, но зато как ясно я вижу и знаю всю бесценность и глупость всей этой гимнастики. Все глупейшие силы человеческой жизни, все эти законы, придающие человеческой деятельности характер чего-то разумного и осмысленного, все это шарлатанство мироздания сейчас стоит перед моими глазами в самом неприличном

обнажении. Я отдал 8 лет жизни самой бессмысленной гимнастике воли и мозга вообще.

Бессмысленной она оказалась только тогда, когда нашлись Вы. Но Вы могли и не найтись, и я еще десяток лет, как самое глупое дрессированное животное воображал бы, что это страшно важно, если какой-нибудь зевающий Канторович, глядя на меня, сделает физиономию одобрения. Я был бы готов из-за этой самой физиономии, как пес, вгрызаться в горло целых десятков глупых вонючих зверушек, которые по каким-то тайным физиологическим законам не хотят по отношению ко мне изображать одобрение. Ведь так же выходит, Солнышко?

Вы даже представить не можете, какие интересные человеческие просторы открывает мне наша любовь. Я еще толком даже не знаю, в чем тут дело. Но уже наверняка чувствую, что моя или Ваша человеческая ценность есть нечто страшно великое и абсолютно независимое от каких бы то ни было физиономий, от всякой толпы, от всякого пота миллионов и от всего моря человеческой глупости, жадности и нечистоты.

И вот я сегодня в колонии проделываю труднейшие номера, но я уже забыл, что есть какой-то зритель, на которого я должен потрафить. Я во время этих номеров думаю о Вас. О том, что впереди какое-то светлое небо, какая-то богатейшая степь коей свободы, творчества, глубокой, ценной нашей жизни.

Как Вы сумеете это сделать? Но Вы обязаны это сделать, Вы должны не обмануть меня. Ваша ни с чем не сравнимая нежность, нежность, вся пропитанная умом и лучшей человеческой культурой, - страшная сила. Это что-то такое огромное, невиданное мною ни в романах, ни в жизни, что мне становится стыдно быть нежным. У меня тогда такое ощущение, будто я, простой дикарь, стараюсь подражать великому художнику. Эта сила должна много сделать. Она не может быть бесплодной. А я только объект ее действия. И вот я сижу и жду, что Вы со мною сделаете, как Вы перемахнете меня, слабого и маленького, через ту границу, на которой я сейчас стою? И куда?

Прошел год с тех пор, когда мы так неожиданно и с такой бурной неоглядывающейся силой схватили друг друга за руки и побежали рядом[1],

светлые, как дети, за первой попавшейся вороной, в уверенности, что это синяя птица. И смотрите, как прекрасно: мы увидели, что это ворона, а не синяя птица, что кругом только такие вороны. Мы почувствовали на себе не один удар неуклюжих вороньих клювов и получили не одну царапину от всякой жалкой нечести, которую раздражал наш радостный детский бег.

И все же смотрите: мы еще крепче держим друг друга за руки и еще радостней смотрим друг другу в глаза. Разве это не прекрасно. И если этот год разочарований для нас оказался только годом любви и счастья, то значит, мы действительно сильны, и мы должны пройти какую-то сияющую дорогу - до конца, мы, я и Вы. Я уверен в этом. Если бы так не случилось, если бы вдруг оказалось, что Вы только шалили и я увижу Ваши руки в руках другого - это будет просто гибель всего мира, всего, всего до последнего конца, до последнего абсолютного уничтожения. Не так же, солнышко, нет?

И вот мне ждать 40 дней и 40 ночей; пока это дурацкое тысячеверстное расстояние между нами исчезнет. Это очень скверно.

Но знайте, что я жду не только встречи. Я жду новой жизни. А какой - это Вы должны знать, потому что только при помощи Ваших глаз можно видеть это.

Трубят сбор. Наши строятся.

Я пишу, как всегда, в толпе, это меня не злит, но давит.

23/IV-28

27/IV-11 часов ночи

Колония Горького

$$\frac{12с.8ч.}{35с.12ч.}=\frac{296ч.}{852ч.}=\frac{17.760м.}{51.120м.}1:2{,}8$$

Я теперь уже вижу: отношение очень медленно будет приближаться к виду 1:1, такой вид я буду иметь только через 12 дней. Сейчас положение на фронте продолжает оставаться напряженным: 35 суток больше месяца.

Я к моему страшному огорчению лишен даже возможности по-настоящему Вам написать. К полуночи уже ни к черту не годишься, а до полночи я себя чувствую каким-то маховиком, а не человеком.

Эти два дня еще и погода прямо идиотская. Небывалый восточный ветер. Мы совершенно засыпаны пылью: на столе, в черниле, на зубах. Все ходят черные, злые, с воспаленными глазами.

Получил письмо от Остроменцкой. Она говорит, что буря в Москве по поводу ее статьи страшная, со всех сторон редакция получает письма от шкрабов[2] в защиту несчастных детей. Редакция не знает, что делать. Остроменцкая просит посоветовать, что ей делать. А что я ей посоветую. Сегодня сам послал письмо в редакцию, написанное по Вашему старому плану. Оказывается, редакция тоже послала книжку Горькому. Воображаю. Я очень боюсь, что Горький тоже станет в защиту ребенка, и тогда будет алли!

Вы только, Солнышко, не думайте, что все это меня сколько-нибудь расстраивает.

Плохо не то, что кто-то кричит и плюется, а плохо, что я не могу защищать никаких позиций: у беспартийного человека позиций быть не может. Кроме того, где моя партия. Кругом такая шпана, что не стоит с нею и связываться. Дружба с Вами здорово меня испортила. Раньше я думал по-горьковски: ни одна блоха не плоха, а сегодня я готов всех блох уничтожить до одной. Это потому, что Вы меня разбалывали.

Ну и хорошо. Все хорошо, кроме одного. Вас нет. Я все-таки сильный человек и давно привык не пищать, и теперь не пищу, но меня мучит моя собственная серьезность. Я сейчас суровый, почти не смеюсь, и простите, солнышко, за откровенность, мне на каждом шагу хочется по чьему-либо адресу крепко выругаться. Я иногда даже позволяю себе это удовольствие. Если Вы долго побудете в Крыму, я со всеми перессорюсь и попаду под суд уже не за превышение власти, а за хулиганство. Это потому что я теперь уже не могу жить без Солнышка. Цена мне такая, какую Вы скажете, а какая мне цена, если Вас нет близко. Не цена мне оттого, что я заведую колонией Горького, цена может быть оттого, что я человек. Какой я человек. Я теперь просто зверь в клетке.

Хорошо еще, что много работы, все-таки забивает памороки[3], время бежит скорее. Работа для меня сейчас вроде хлороформа.

И как все странно. В то же время меня высоко поднимает Ваша любовь. Когда в какую-нибудь тяжелую минуту я обращаюсь к океану

нашего чувства, для меня не существует уже ничего тяжелого, ничего страшного, ничего горестного. Так прекрасно высоко тогда стоять на ветру, знаете, когда треплются полы, свистит в ушах и захватывает дыхание. И ничего не нужно кроме этой прекрасной чистой бури, и даже прекрасно, что кругом только небо и долы. Когда много ветра и неба, тогда просыпается какая-то верхняя философия, какая-то особенная ценность человеческой сущности. Это и есть любовь.

Колония Горького

29 апр. 10ч. утра

$$\frac{Прошло}{Осталось}\ \frac{13с.19ч.}{34с.1.} = \frac{331ч.}{817ч.} = \frac{19.860м.}{49.020м.} 1:2{,}5$$

Я страшно люблю этот момент. Посреди двора грузится обоз. Колонисты чистенькие, новенькие[4], благоухающие, и, кажется, что и на душе у них так же хорошо. С нетерпением ждем сигнала строиться. Ассистенты упражняются с винтовками. Сегодня винтовки у нас настоящие, со штыками. Собирается «Наказный совет командиров», власть которого будет продолжаться всего три дня. Только одно отравляет мне праздник: такой прекрасный момент проходить мимо Сумского 24-го и задирать голову на балкон. До чего это хорошо. На балконе любимая.

Вчера я целый вечер думал об одном. Нечаянно вспомнил об этой радости. Думал о том, как будет хорошо, когда 2-го июня мы, наконец, встретимся. Я думал о первом моменте встречи. Я даже не могу представить всю величину радости, об этом можно думать днями и ночами, и это помогает переносить разлуку.

Весич подходит к уху: «Яровой хотел жениться на Шуре Сторчак, но она получила двойку по географии, он передумал». (Яровой преподает географию). Весич заливается хохотом. В дверях стоит Коваль и хохочет. И я хохочу. Хохочу и думаю: «Как хорошо будет 2-го июня!»

Как прекрасно переплетается жизнь. Можно жить полтора месяца без Вас и каждую минуту с неожиданной волной радости вдруг вспоминать, что есть Вы, что еще 14 месяцев назад Вас не было, а я жил как-то в какой-то суровой скучной пустыне и думал, что живу, что жить можно.

Я теперь только, только теперь на 40 году жизни понимаю, что любить - значит чуять запах бессмертия. Я это очень хорошо, точно знаю. Когда смотришь любимой в глаза, тогда видишь прекрасную, высокую человеческую сущность. Мы не бессмертны, но в глубине Ваших глаз я вижу, что это случайность. Если любишь, нельзя быть материалистом. У меня это теперь так основательно утверждено. Великое уважение к себе - значит любишь. Я не могу сейчас потребовать за выходные дни, не могу не уступить место женщине, не могу совершить подлость. Это потому, что я люблю Вас. Но для этого, Солнышко, нужно любить Вас, нужно найти в свете Вас. Вы думаете, я привык к чувству незаслуженной неожиданности? Мне кажется, я никогда к этому не привыкну. И от этого мне так хорошо.

Меня только смущает Ваше прошлое. Если бы Вы меня просто, обыкновенно любили, как все люди любят, я бы не пищал. Но тот замечательный, ни с чем не сравнимый океан нежности, какой-то сверхгениальный, щедрый до конца и в то же время неисчерпаемый водопад ласки и красоты, который в Ваших письмах, - это не может быть дважды. Это совершенно невозможно. Если Вы кому-нибудь раньше писали или говорили хоть что-нибудь подобное, если Вы хоть на минутку были для кого-то таким же солнышком, как для меня, нет тогда оправдания Вашей любви, и я это ни за что не перенесу. Это не ревность, Солнышко! это боязнь за то, что Вы не так прекрасны, как я вижу глазами. Вы простите за эти слова. Боязнь, неуверенность - это страстное желание поклоняться Вам, как исключительному верхнему человеку. Себя же я искренне не считаю достойным такого чувства, как у Вас. Это не потому, что я плохой. Нет, мне нужно было бы быть моложе, красивее, больше, я хоть немножко должен был бы походить на бога.

Как же я мог послать спешное письмо? Ведь аэропланы в Симеиз не летают? А почему Вы мне не сообщили Ваш адрес спешной почтой? Послать Вам спешное письмо – это воображать в самом деле, что Вам мои письма нужны, правда же. Я рад, что Вы так ждете писем из Харькова и в том числе моих. Я ведь тоже ждал до 21 -го числа. Как Вы можете даже думать о том, что я Вам не писал хотя бы один день?

Вы правы - письмо это великолепно. Давайте условимся - будем писать друг другу письма, даже когда будем в одном городе. Никогда на словах не скажешь того, что напишешь - будешь стесняться.

Я очень беспокоюсь насчет Верненского землетрясения[5] - это ведь так близко от Вас. Когда я вчера глянул на Вашу открытку, я вспомнил Симеиз и испугался: в случае землетрясения Вас там завалит горами. Я злюсь на земной шар, такая глупая посудина, я очень жалею, что мы выбрали именно этот шарик для турне по вселенной.

Трубят обед, через час выступаем - все эти дни я буду майский праздник переживать как наш праздник.

А как хорошо было бы, если бы вдруг настал такой день, когда Вам нужно будет встречать меня в Симеизе. Я об этом думаю, не отрываясь. И еще я все время думаю о будущей жизни.

Целую Ваши руки, целую Ваши руки долго-долго, твои руки, ТВОИ РУКИ, ТВОИ РУКИ.

Ваш (буквально) Тоська

Это письмо бросаю с похода в городе. Поздравляю Вас с 1 мая.

«Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 44-55.

1 Значит, начало любви А. С. Макаренко и Г. С. Салько – весна 1927 г. – апрель.

2 Сокращенно – школьные работники (принятая тогда аббревиатура).

3 Укр. яз. – мгла, туман.

4 Праздничная, парадная одежда колониста: для мальчиков – темно-синяя рубашка с открытым воротом, широким белым воротником и грудным карманом, черные полугалифе с узким лакированным ремешком, ботинки с гамашами, кепка. Для девочек – синие блузы и черные юбки, беретка, туфли. Эта форма дается прежде всего имеющим звание колониста. Отпуск в город - в праздничной одежде. Повседневная одежда рабочая – разнообразная.

5 Говорится о сильном землетрясении в районе портового города Варна (Болгария).

***Дополнения.* 25 апреля комиссия по обследованию колонии удостоверяет ее удовлетворительное состояние.**

Шефы колонии активно помогают ей в выпуске и трудоустройстве воспитанников.

Письма Г. С. Салько, 2 и 3 мая 1928 г.

Колония им. М. Горького

2 мая 1928. 9 ч. вечера

$$\frac{17с.6ч.}{30с.14ч.} = \frac{409ч.}{734ч.} = \frac{24480м.}{44040м.} 1:1{,}8$$

Этот вихрь первомайских впечатлений, маршей, парадов, рукоплесканий замечательно удачно убил время. Смотрите, как хорошо - только 1:1,8. Хочется Вам написать целую книгу, столько у меня сейчас разных переживаний, мыслей, чувств. Самое главное переживание - отсутствие Ваших писем. 30-го я не мог вырваться от всякого представительства, 1-го и 2-го почта закрыта, так я и сижу, как дурак, без Вашего ласкового слова.

Написать книгу, конечно, мне не удастся. Каждую ночь, укладываюсь спать, я с особенной тишиной думаю о Вас и хочу писать (слагать) стихи. У меня даже что-то получается, но так в этой стихотворной работе я и засыпаю. Это счастье - засыпать, слагая стихи, посвященные Вам, но стихов все же не получается. А обыкновенным человеческим словом я о своей любви уже говорить не могу. Ну что мне делать, солнышко? Как мне написать книгу?

В каждый момент своей теперешней жизни я чувствую, как пишется огромная книга моего счастья. Нет, счастье, это такое нехорошее слово. Это слово ограничивает человека. Я боюсь счастья. Оно делает человека курицей, если в счастье удовлетворяются его стремления к наслаждению.

Сегодня вечером дует холодный северный ветер. Я прохожу по двору колонии. Ребята попрятались. Мимо моих ног шуршит какая-то бумажка, цепляется за выступы колонийской дорожки. Над входом в клуб качается фонарь. Темно, зябко, неуютно. Я прячусь за выступом церкви и гляжу на высокое темное небо, по которому размазан несимпатичный, враждебный рисунок облаков. Я представляю себе весь мир, хаос холодных враждебных, несимпатичных стихий, ветров, облаков, бумажек. Я думаю о Вас, любимой, моей награде, моей находке. Я стараюсь обнять Ваш образ чудовищным напряжением воображения: всю Вас, всю Вашу личную особенность, тайну Вашей ласки, тайну Вашей любви.

В моей душе я почти вижу страшную боль разрыва. Я не в состоянии связать эту глупую игру громоздких пустых стихий, называемую миром, с великолепием моего чувства, с каким-то сияющим храмом Вашего образа. И вот этот разрыв, вот эту боль я ощущаю как счастье.

Дальше я уже ничего не понимаю. Я иду дальше и думаю о том, что через 30 дней я Вас увижу, я не замечаю ветра, фонаря, бумажки.

3/V. Вокзал

9 ч. утра

Получил две открытки и огромное письмище заказное. Сейчас не хочу читать, только вскрыл и пробежал, вижу, что в общем «благополучно» и Вы меня еще любите. Ой, не знаю даже, что Вам сказать от радости. Сегодня обязательно вырву кусок времени и буду писать, писать, писать. Спасибо, голубчик - солнышко!

Сейчас еду в коммуну. За эти праздники я столько совершил разных операций с деньгами, что у меня полные карманы разных расписок и заметок, и нужно специально засесть за финансовую работу, в колонии Горького не дают.

Желаю Вам солнца и радости.

Целую все - все.

Ваш, Ваш, Ваш

Тося

«Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 56-57.

1 В дни государственных праздников колония в походном порядке выходила в город. После участия в демонстрации на центральной площади города колонисты посещали кино, театр, участвовали в гуляниях; проводились экскурсии, встречи с рабочими предприятиями. 1 мая 1928 г. колония и коммуна «участвовали в церемониальном марше на ипподроме» (по письму 1 мая), с оркестрами колонии и коммуны.

Дополнение. **Журнал Главнауки РСФСР «Вопросы изучения и воспитания личности. Педология и дефектология», № 2, вышел со статьей П. Г. Бельского: «Новейшая» система перевоспитания беспризорных. Это критический отклик на очерк Н. Ф. Остроменцкой о колонии им. М. Горького. В статье говорится: методы воспитания в этой колонии напоминают практику аракчеевских военно-воспитательных учреждений.**

В украинском журнале «Детское движение», № 4, А. Б. Залкинд делает вывод: система горьковской колонии противоречат принципам советской педагогики.

Статья М. Дымного «Молодые «соколы». Детколония им. М. Горького» (ж. Октябрьские всходы, 1928, № 8, апрель): бывшие беспризорные, 400 чел., «ведут культурное хозяйство,... живут коммуною...; громадная свинарня, ее продукция идет для своего стола и в город», 12 лошадей, 40 дес. пахотной земли и 20 дес. леса, оранжереи и парники. «Все учатся в школе»; «учиться надо, об этом много раз писал колонистам А. М. Горький». В колонии безупречная чистота. Колонисты спят с открытыми окнами.

В здании школы – комната А. М. Горького: его подарки: (собрание сочинений, альбомы с видам Италии и др.), литература о нем, портреты. Все «изучают творчество Горького, разучивают и ставят его пьесы, заучивают наизусть лучшие произведения», «искренне чтут своего товарища, близкого по духу друга, большого учителя».

Из писем А. М. Горького колонистам: в истории человечества «все создано трудом, стремлением облегчить труд, сделать жизнь приятной, свободной»; «вы очень обрадовали... Самое ценное – любовь к труду, гордость им. Это хорошая, здоровая гордость, вы имеете право гордиться... Самое чудесное и прекрасное на земле – человек, вот этот, каждый из вас, в каждом скрыта великая сила, которая и творит чудеса».

Письма Г. С. Салько, 10-13 мая 1928 г.

Колония им. М. Горького

10 мая 1928 г. 7 ч. вечера

Сейчас от нас только уехала Н. А. Панченко со своими споновскими[1] студентами. Водил их по колонии целый день и «наливал». Нужно быть действительно гениальным брехуном, чтобы в нашем сегодняшнем разорении суметь еще показывать колонию. Ну, черт с ними.

Вы мне сейчас нужны до зарезу, не говоря ни о чем, просто по делу. Я духовно разрываюсь на части, что делать - нужно Ваше распоряжение. В колонии Горького эпоха окончилась, это я удивительно ярко почувствовал в последние дни. Я это так и выражаю; «эпоха колонии Горького окончилась». Разумно, своевременно, мудро дать ей возможность умереть, как все умирает. Надо решительно закончить гомерическую глупость растрачивания себя на ветер.

В эти последние дни я понял еще одну вещь, нет никакой системы колонии Горького, нет вообще никакой педагогической системы. Долой

педагогику. Есть только живая жизнь. Настоящая жизнь. И если в ней участвует хоть какая-нибудь искренняя человеческая страсть, настоящее человеческое дело, тогда все хорошо. Все исключительно от этого зависит.

И мне совершенно не нужно ни проповедовать, ни защищать никаких систем. Я только сейчас понял, что делать это просто мелко и недостойно. Какой смысл, для каких человеческих добыч можно защищать какую-то бульбочку на педагогической воде. Нужно бросить все, люди как люди, они и без меня выберутся, куда им нужно.

Пока что можно засесть на самое короткое время в коммуне Дзержинского. Нужно и эту оранжерею бросить и идти туда, где люди живут прямой настоящей жизнью - идти туда, куда идете Вы.

Что чрезвычайно важно, мое солнышко. Я вот только в эти дни так ясно увидел, какой грохочущий категорический переворот Вы произвели в моей жизни. Это очень трудно описать. Не только потому переворот, что я полюбил, а потому переворот, что я весь мир и все идеи, и все ценности увидел в настоящем свете, в каком-то новом освещении.

Об этом очень трудно писать мне сейчас, потому что я после каждой строчки отрываюсь по какому-нибудь мерзкому делу, вроде кирпича или досок.

11 часов ночи

10 мая 1928

Колония Горького

Солнышко!

Деловое сообщение. Слушай спокойно!

По инициативе, кажется, Фиш, здесь опять подняли безобразный крик по поводу моей колонии. Кричали уже и в Наробразе, и в Помдете, грозили прокурором, междуведомственной комиссией, еще чем-то. Не имею понятия, из какой мухи все это сделано, ко мне доходят только отрывочные сведения.

Разговор, конечно, о побоях. Будто бы какие-то сбежавшие мальчики заявили, что они убежали от побоев, что вообще в колонии жить невозможно. Об этих мальчиках понятия не имею. Ручаюсь головой, что из воспитательского персонала никто никого пальцем не тронул. Из командиров двое попробовали было согрешить, но одного я немедленно снял с

командирства, а другого отправил даже к Сухареву и отказался его принять, несмотря на все просьбы.

Мне это надоело. Я не хочу уже быть постоянным объектом какой-то, ей богу, ненормальной клики. Всякие эти Фиши и другие истерички добьются-таки того, что меня посадят в допр, так, здорово живешь, только потому, что я не хочу кланяться разным сумасшедшим. Какая-то самоубийственная глупость, глупость выходящая даже не из головы, а из какого-то пупа прямо царит в нашем обществе.

И что это за общество такое: Зайчик, Сухарев, Фиш, Дюшен - какая-то свалка безответственных бузил. Я не хочу бросить им под ноги и свой мозг, и свои нервы. Вот просто считаю, что это лишнее. Я знаю, что они ни за что не будут отвечать, черт с ними. Значит, тем более нет моего долга служить им, этому несчастному слепому обществу дефективных людей.

Завтра я подаю Сухареву заявление, в котором пишу, что с 1/VI и по 6/VIII ухожу в тарифный отпуск и к заведованию колонией больше не вернусь – прошу к 1-ому июня указать, кому сдать колонию[2].

Колонию передаю в хорошем рабочем состоянии - это самое главное.

Дело, Солнышко, решено окончательно. Вы только, мой золотой дружок, не волнуйтесь ни на одну капельку. Я совершенно покоен, ибо я в этой позиции совершенно неуязвим. Это нужно сделать. Это уже нужно сделать потому, что нельзя вместить колонию Горького и Вас, колонией нужно все равно жертвовать. Сидеть же и задаром под общее шельмование сгорать в колонии до смерти было бы чрезвычайно глупо. Нельзя допустить, чтобы мне пришлось сдавать развалившуюся колонию. А теперь пусть в памяти этих болванов остается сказка о колонки Горького, они ее испортят в два месяца, я крепко убежден в этом.

Итак, благословите, Солнышко, на важное дело.

Тут, конечно, я рву по живому месту. Но что же делать. Рано или поздно это должно было наступить.

Я постараюсь 31-го мая выехать к Вам. Если будет можно, прилечу аэропланом до Севастополя.

Будьте здоровы, моя звездочка. Спите, поправляйтесь, как можно крепче. Ваше здоровье нужно надолго, надолго.

Ваш А

Спасибо, родненькая, за цветы.

Спасибо за приписку. Тут, впрочем, словами ничего не скажешь.

Интересно у Вас праздновали 1-ое мая. Мне страшно понравилось. Как прекрасно, что Вы веселы. Это прямо восхитительно.

Коммуна им. Дзержинского

12/V-2 ч. дня

Мое солнышко!

Только несколько слов привета могут тебе сказать сейчас. Здесь меня загоняли с разными сметами, отчетами, перепиской. Сейчас, как угорелый, лечу в Горьковскую. Там меня, наверное, ожидает целая куча ремонтных рабочих для расплаты - сегодня суббота.

Как прекрасно сейчас у дзержинцев, Вы себе представить не можете.

Прости, родное Солнышко, что так мало пишу. Имей в виду, что и завтра я, вероятно, тоже смогу послать только коротенькую записку.

Настроение у меня сейчас удивительное - глубокое, страшно глубокое, как никогда в жизни, так больно отрываться от колонии, так радостно идти навстречу боли, потому что идти рядом с Вами. Спасибо Вам, дорогая, за жизнь, за особый свет жизни.

Жму руку, целую руку и другую.

ТТ

Колония Горького

1 ч. ночи с 1 2 на 13 мая

$$\frac{Прошло}{Осталось}\ \frac{27с.10ч.}{20с.10ч.} = \frac{658ч.}{490ч.} = \frac{39480м.}{29400м.}\ Отн.1{,}3:1$$

Сейчас только закончился педсовет, на котором я объявил о моем уходе. Решили, что наш педсовет своего кандидата в заведующие не оставляет. Вообще большинство, вероятно, уйдет в ближайшие месяцы. Я, собственно, собрал педсовет для того, чтобы установить общую тактику по отношению к воспитанникам. Хочу, чтобы мой уход прошел безболезненно. Прежде всего нужно добиться, чтобы никаких ходатайств или депутаций о

моем возвращении не было. Эта пошлость повела бы только к новым оскорблениям меня и колонии.

Настроение у наших педагогов даже не подавленное, а просто шальное, тем не менее все единодушно одобряют мое решение. Всем очевидно, что другого решения быть не могло.

Хорошо.

Я больше думаю о поездке в Крым. Какой удобный все-таки у меня характер: я всегда думаю только о будущем. От этого будущее всегда вторгается в мой сегодняшний день. Это хорошо, вообще, а с таким Солнечным днем, как у меня теперь, это действительно похоже на серафимов. Ах, как хорошо Вы это придумали, Солнышко, Ваше СИЯНИЕ, можно Вас так называть?

У нас тревога.

2 ч. 35 мин. ночи.

Маленький пожар на деревне - какой-то сарайчик - пока добежали, от него остались только угли. А совершенно ясно, что поджог. Форменная средняя Африка. Зато ребята с удовольствием поволновались - это я люблю.

Хочу спать, утомился за сегодняшний день страшно. Только два слова: у меня страшный кризис; не нахожу слов, как с Вами говорить, каждое слово кажется мне грубым, затасканным и ничего не выражающим.

Вот Вы как-то в своих письмах умеете самыми обыкновенными человеческими словами выражать замечательно нежные, утонченные мысли. Мне хочется Вам показать какую-то суть моего счастья, глубины моей жизни, и не умею. Это потому, что я никак не опомнюсь от Вашего пришествия и оттого, что я себя не узнаю.

Я никогда с людьми не бывал так искренно взволнован, никогда не ощущал в себе какого-то дрожания, трепета души.

Моему ясному Солнышку хорошей ночи, с тихими ясными напевами снов. Как хорошо будет, если, наконец, пройдут эти 20 дней.

Целую твои глазищи. И брови.

И губы! И плечи! И все, все, все!

Твой, твой, твой, твой Тося.

13/V Утро

Вашему Сиянию утренний привет!

Здравствуй, ласковая, здравствуй, любимая, единственная.

P.S. Поехал в Дзержинскую.

Коммуна им. Дзержинского

13/ V, 11 часов вечера

$$\frac{Прошло}{Осталось}\ \frac{28с.8ч.}{19с.12ч.} = \frac{680ч.}{468ч.} = \frac{40800м.}{28080м.}\ отн.1{,}4:1$$

Сегодня на редкость прекрасный день, вероятно, первый в эту весну. В каких-то совершенно европейских линиях коммуны Дзержинского, между вычищенных плоскостей сада, игровых площадок и клумб как-то по особенному мечтается о Вас, о поездке в Крым, о каком-то новом таинственном будущем. В колонии Горького эти мечты, параллельно общему взрывному движению жизни, также принимают характер волевого требования: не хочу ничего, хочу Солнышка. Здесь я как будто вставлен в рамку, и мне предлагается хорошенько, основательно всласть помечтать, к тому же можно и улечься на траве на какой-нибудь абсолютно безгрешной полянке[3].

Только, Солнышко мое, все же никаких строгих линий в моей мечте не получается. Я перехожу от одной картины к другой и потом, опомнившись, начинаю понимать, что Вы всегда совершенно правы - жизнь лучше мечты и неожиданно дает такие глубокие, такие прекрасные взлеты человеческого духа, о которых мечтать никто никогда не сумеет.

Сейчас мой горьковский кризис еще больше настраивает меня на преклонение перед жизнью - я прислушиваюсь к своей боли, к чувству глубочайшего оскорбления, к целой стихии «гражданских мыслей», к национальному отчаянию, к начинающемуся складываться какому-то постоянному ощущению безнадежности.

Это очень какое-то сложное и тревожное состояние, но оно и все прочее покрывается любовью к Вам, как белоснежной широкой пеленой, и я

с большим трудом сквозь эту пелену разбираю подробности и детали моих собственных переживаний.

Сейчас иду в город. Ехать нечем, мой форд безнадежно болен. Хочу захватить в колонии раннее утро, чтобы наладить ремонт, а к утру опять сюда - завтра у меня денежная ревизия. ГПУ дает мне машину до колонии.

Вы, наверное, уже спите, родная. Спите спокойно, пусть Вам приснятся хорошие дни. Спасибо Вам за письма. В них так много, что я должен взять отпуск, чтобы разобраться во всем, о чем там сказано.

ТТ

«Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 63-69.

1 Студенты, будущие работники учреждения СПОНа, социально-правовой охраны несовершеннолетних.

2 А. С. Макаренко написал заявление об уходе из колонии 30 мая. В окрИНО ему предложили остаться на заведовании колонией до приезда А. М. Горького.

3 Коммуна построена, расположена на окраине Харькова, в лесопарковой зоне (Новый Харьков).

Письма Г. С. Макаренко, 16 и 18, 20 мая 1928 г.

16/V. Коммуна им. Дзерж.

Вчера имел беседу со Стрельбицким[1] – очень лаконичную: «Вы уходите через меня?» - «Да!» - «Вы очень ценный работник. Я бы не хотел, чтобы Вы уходили».- «Благодарю Вас, но я считаю дальнейшую работу невозможной». - «У нас нет кандидатов, Вы мне обещайте, что не оставите колонии, пока со мною не поговорите». - «Когда это может быть»? — «В первых числах июня». - «Я в первых числах июня по личным делам должен уехать на неделю». - «Тогда в конце мая». - «Числа 24-го?» - «Да!» - «Хорошо». Какой толк может быть из всех этих разговоров.

А

Сижу в Научно-исследовательском институте[2] и думаю только об одном: увижу ли Вас сегодня. Если не увижу, то задохнусь, такое у меня настроение. Меня ужасно сейчас испугала Ваша Ксения, — я видел ее в Наркомпросе, она рассказала, что у Вас позавчера t° была опять 37,5. Меня это пугает исключительно потому, что заставляет Вас сомневаться и нервничать. Мы с Ксенией обсудили положение, нашли, что все хорошо, но

что над Вами нужно взять опеку в вопросе о Вашей работе после лечения. Кажется, мы сошлись на том, что Вы должны сделаться чем-то вроде Бичер-Стоу - написать какой-нибудь такой романище, чтобы несколько поколений его читало, и чтобы столетие со дня Вашего рождения пользовалось особой помпой.

Я мотаюсь между Куряжом и Новым Харьковом, как угорелая кошка. Собственно, над дзержинцами я уже поставил крест[3] - его обязательно угробят - можно было бы мне побороться за их спасение, но я решительно не хочу больше дарить себя какому-то пустому месту. Ибо у нас вместо общественного разума или инстинкта истинное пустое место.

В «Народньому вчителі» какой-то Р. Короп написал длинную статью, в том смысле, что материальный недостаток в детских колониях приводит к созданию упрощенных «командирских» систем, основанных на том, что дисциплина поддерживается кучкой командиров. Я написал ответ, но боюсь посылать без совета с Вами - пожалуй чересчур резок. Для меня это ничего, но Вас может расстроить. Ах, господи, солнышко, как же мне Вас увидеть, - у Вас такие трудные часы свиданий...

Коммуна Дзержинского

18 мая 7 часов

…Наша прекрасная дружба – самое драгоценное, что было и есть в моей жизни, и какие бы случайности не происходили, я не могу никогда допустить никакой катастрофы.

Сейчас у меня момент наивысшего напряжения в борьбе. Мне нужно сейчас нечеловеческое напряжение и прямо гений, чтобы с честью донести свое дело до берега. Во всяком случае, мне нужно сохранить свое человеческое достоинство, для НАС, для нашего какого-то прекрасного будущего. Я Вас люблю.

А

Коммуна Дзержинского

20/V 28. 9 ч. вечера

Ну и качает же, Солнышко, на моем пароходе! Даже дух захватывает. Читали «Комсомольскую правду» от 17 мая, как меня Крупская разделала по статье Остроменцкой, как по, нотам?[4] Я начинаю приходить в восторг - шельмование во всесоюзном масштабе. На съезде заведующих в Ахтырке меня крыли - алла, как рассказывает Жорж. Особенно Дюшен и Довгополюк. Но братишки заведующие на моей стороне, даже прослезиться можно.

Впрочем, ей-богу, об этом не стоит говорить. Это все бульбочки на болоте, я так это прекрасно знаю. Я сейчас весел и жизнерадостен, как никогда. Я Вас люблю, думаю только о Вас, хочу быть с Вами, хочу лежать на Ваших коленях, хочу целовать Ваши глаза. Наплевать на всякую педагогику, и никто не знает, что к лучшему, что к худшему. Пока что к лучшему все то, что позволяет мне первого выехать.

1 ч. ночи

Закончился педагогический Совет. Вчера в колонии Горького Совет командиров закончился в 3 часа ночи. Сейчас страшно хочу спать, но еще больше хочу писать Вам. Ваших два последних письма такие родные, такие нужные, на каждую строчку нужно мне ответить, до зарезу нужно. Но вот самое главное: я никогда не уйду от ощущения моей вины в Вашей болезни, а теперь я еще и поправиться Вам не даю. Разве можно писать такие письма. Одно из них пришло в разодранном конверте, не выдержал, бедный, а почтовая марка его еще и перевешивала.

Спасибо, Солнышко, за статью Горького. Это прекрасно так, что Вы статью эту читали, думали, вырезывали и вкладывали в конверт. Я сейчас едва ли способен разобраться в строчках Горького, но Вы совершенно правы, он великолепно независим. Меня еще страшно трогает, что он говорит о России, что он не падает ниц перед народом, что он не только мудр, но и энергичен.

Мне приходит в голову, что те несимпатичные жалкие черты эмигрантской интеллигенции, которые бичует Горький, они есть в скрытом виде и у теперешней интеллигенции правящей. Иначе как можно объяснить все наше замечательное головотяпство, наше неумение орудовать точным инструментом разума, наше постоянное завирательство, склочность, лакейство. Все это общие черты наши, и я их одинаково ненавижу, за

границей ли они или у нас. Я поэтому ненавижу всю русскую интеллигенцию. И я читаю, что с нею нужно бороться на каждом шагу, каждый день. Я уверен, что в этом и только в этом спасение большевистской идеи.

Горький, вероятно, будет очень разочарован, когда увидит, сколько узости, глупости, дешевого эгоизма вносит сейчас наша интеллигенция в нашу жизнь. А сколько лени, болтовни. И ужаснее всего то, что по этой истеричной глупой бабе равняется и наша молодежь.

Солнышко мое!

Как хорошо звучит Ваше милое щебетание о таких прозаических вещах, как Алупка, квартира, цена…

Господи! Женат, конечно, женат. Никакой путаницы нет. Ай и чудачка ты, какая ты милая чудачка. Сколько проклятых вопросов ТЫ понаходила в Алупке. Прямо ужас!

Пошел спать. Солнышку моему, Солнышку ясному САЛЮТ!!!!!

21 /V Доброе утро, Солнышко!

«Ты научила меня плакать…», т. 1, с. 75-82.

1 Стрельбицкий М. Я. – тогда зав. окринспектурой наробраза Харьковского окрисполкома.

2 Научно-исследовательский институт педагогики УССР, создан в 1926 г. Там продолжалась дискуссия о педагогическом статусе коммуны им. Д. Э. Дзержинского, ее главной целевой установке и перспективах развития.

3 Руководство правления коммуны им. Д. Э. Дзержинского, вместе с представителями Главсоцвоса НКП, руководством НИИ педагогики и А. С. Макаренко тогда обсуждало план развития этого учреждения «на основе достижений педагогической науки». Предложение НИИ: это должна быть школа, где ведущее значение придается «образовательному процессу», включая и связь с производством (школа типа ФЗС, фабрично-заводской 7-летки). А. С. Макаренко отстаивал тип детской трудовой коммуны (со школой), имея в виду продолжение и развитие педагогических принципов трудовой колонии им. М. Горького, своей воспитательной, жизненно-ориентированной педагогики, «школы-хозяйства».

4 14 мая Н. К. Крупская в докладе на VIII съезде ВЛКСМ (Москва), основываясь на материале очерка Н. Ф. Остроменцкой, подтвергла острой критике «один Дом им. М. Горького на Украине» (по-своему пересказывая

при этом фрагмент очерка). Она говорила о воспитании в коллективе, без каких-либо поощрений и наказаний, без учебных отметок. Доклад опубликован в «Комосомольской правде» 17 мая. См. ее Пед. соч., с 11 тт., т. 5. – М., 1959, с. 269-270.

Критически по поводу очерка Н. Ф. Остроменцкой высказался А. В. Луначарский (О воспитании и образовании. – М., 1976, с. 271).

Дополнение. **23 мая 1928 г. секретариат ЦК ЛКСМУ определил: система А. С. Макаренко «не соответствует основам советской педагогики».**

23 мая с колонией знакомится корреспондент газеты «Брянский рабочий» И. Байков. В этой газете 26 мая – его корреспонденция: «В колонии им. М. Горького (к приезду М. Горького в Харьков и посещению им колонии)». Говорится о Дневнике колонии, с ежедневными записями дежурного воспитателя о проведенном дне. Там 10 строк на английском языке, запись делегации американских студентов: «Очень оригинально. Прекрасный метод дисциплины и отношений между воспитателями и воспитанниками...», Право называться колонистами относится и к воспитателям, «иначе им придется покинуть колонию».

Далее в статье: «В колонии чрезвычайно суровая дисциплина. Однако она настолько разумна и добра, что колонисты не чувствуют себя угнетенными. Наказания за уклонение от дисциплины всегда целесообразны, и их выполняют». Действует товарищеский суд; одно из его решений: лишить колониста права голоса на общем собрании – «это для колониста тяжелая кара». Для имеющих звание колониста наказание одно: «под ружье на час». Сдача рапортов командира ежедневно, иногда совмещается с общим собранием. Вместе с устным рапортом сдается его запись.

Гордость колонии – механизированные деревообделочные мастерские, «завод», около 100 работающих колонистов. 50 старших колонистов работают на предприятиях Харькова. В отношении их совет командиров решил: из их зарплаты вычитать стоимость питания, 10% выдавать на руки, остальное «класть на сберкнижку», личную. «Много, много интересного в колонии им. М. Горького...».

29 мая Центральное бюро детской коммунистической организации (пионеров) ЛКСМУ подготовил о проект решения: «Принять меры по реорганизации колонии им. М. Горького и прекращению ее влияния на другие организации и учреждения»; это решение не получило поддержки в ЦК ЛКСМУ (Нежинский Н. П. Педагогическая деятельность А. С. Макаренко. 2-е изд. – Киев, 1967, с. 140, укр. яз.).

Во всеукраинской еженедельной газете «На смену» (орган ЦБ детской коммунистической организации при ЦК ЛКСМУ), 31 мая 1928 г., № 23 – статья «Восьмой Всесоюзный», о съезде ВЛКСМ, с цитированием критических высказываний Н. К. Крупской о колонии им. М. Горького. До

этого, в № 22 – фото и рисунок: «Колония им. М. Горького. Горьковцы строят оранжерею (1927), высаживают цветочную рассаду на клумбы».

В двухнедельном журнале «Красные цветы» (орган ЦБ коммдетдвижения при ЦК ЛКСМУ и Упрсоцвосе НКП УССР), № 10, май, - статья И. Молодцова (секретарь ЦК ЛКСМУ) «Восьмой комсомольский»: информация о VIII съезде ВЛКСМ, с воспроизведением, пересказом критики Н. К. Крупской горьковской колонии. Цитируются речь Н. И. Бухарина, выступление И. В. Сталина.

В двухнедельном журнале «Октябрьские всходы» (орган упомянутых выше организаций), № 12, июнь, - статья И. Молодцова «Краснознаменный комсомол» (вариант статьи «Восьмой комсомольский»). Приводятся слова Н. К. Крупской: «Быть коммунистом – значит научиться коллективно трудится, не по заказу, а по собственной инициативе, дружно выполнять общие задачи, не механически, а осознавать, что и как делать».

Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 7 июня 1928 г.

7 июня 1928 г.

Дорогая Надежда Феликсовна!

Я не думаю на Вас сердиться. В Москву не поехал потому, что ожидаем Горького, и у меня хлопот видимо-невидимо – дышать некогда, - и сейчас пишу между двумя делами.

В письме в редакцию[1] я не думал отнекиваться от Вас, я только отказался быть вполне адекватным Вашему все-таки художественному изображению. Ваше право быть художником и даже сделать из меня, так сказать, героя.

Мое право быть более скромным и не претендовать ни на какие лавры. После Вашей статьи меня здесь стали доедать вконец. После речи Н. К. Крупской на комсомольском съезде, в которой она упомянула о Вашей статье, я ужу не видел другого выхода, как уйти из колонии. Сейчас сдаю колонию, жду только приезда Горького, он у нас будет во второй половине июня.

Горький в своем письме пишет, что, когда читал Вашу статью, чуть не заплакал, «от волнения и радости». Вот видите, что Вы наделали с такими великими людьми, как Макаренко и Горький.

Как только приму Горького, поеду в Москву, страшно хочу Вас видеть. Напишите, как и где Вас найти. Когда буду выезжать, пошлю Вам телеграмму, что бы Вы, если можно, меня встретили. Хорошо?

А сейчас простите за такое вихрастое письмо, ей-богу, умираю от работы.

Пишите мне:

Харьков, вокзал, до востребования.

Ваш *А. Макаренко*

P.S. Что касается моего «полного согласия» с Вашим текстом, то это не совсем так. Когда Вы читали мне Вашу статью, я просил Вас о «побоях» говорить осторожнее, и Вы обещали.

Пед. соч., т. 8, с. 36.

1 Говорится о письме А. С. Макаренко в редакцию ж. «Народный учитель» по поводу очерка Н. Ф. Остроменцкой о колонии. Оно не известно исследователям (возможно, сохранилось в архиве этого журнала).

Дополнение. **Летом (ориентировочно: май-июнь 1928 г.) с деятельностью горьковской и Дергачевской колоний, коммуны им. Ф. Э. Дзержинского знакомится Н. Корст, ответственный работник Наркопросса РСФСР. В своем заключении о детских интернатных учреждениях Украины он отмечает их мощную производственно-трудовую базу, достаточные ассигнования, чрезвычайно большую и интересную воспитательную работу, своеобразную и четкую систему детских организаций.**

Особо выделяя колонию им. М. Горького и коммуну им. Ф. Э. Дзержинского, Н. Корст с большим одобрением отзывается о принятых там «форме и быте детских учреждений», указывает на «оригинальную и, безусловно, тренирующую в смысле четкости и дисциплинированности систему деторганизаций».

Обследованные учреждения, ставя своей задачей выпуск квалифицированных мастеров индустриально-ремесленного типа, имеют недостатки в организации производственного обучения и связи труда с обучением. Это объясняется главным образом объективными причинами: трудностями в комплектовании детских коллективов и выпуске воспитанников, низкой оплатой труда персонала. (Отчет опубликован значительно позже, в ж. «Детский дом», М., 1929, № 1).

Письмо А. М. Горькому, 8-9 июня 1928 г.

Харьков 8 июня 1928

Дорогой Алексей Максимович!

Мы живем сейчас исключительно под знаком Вашего приезда, думаем только о Вас, говорим только о Вас; работаем только для того, чтобы увидели Вы нашу работу. И я вместе с ребятами могу сейчас думать, говорить и писать только о Вашем приезде.

Ваше последнее письмо для меня какое-то неожиданное, незаслуженное высшее достижение моей жизни, и я не пытаюсь даже искать слова, чтобы выразить Вам чувства благодарности и благоговения. Если Вы еще приедете к нам, мне уже ничего не останется хотеть.

Мы все крепко уверены, что Вы у нас будете во второй половине июня. Но так как в этой половине 15 дней, то мы и не можем считать дни до Вашего приезда, а нам это страшно нужно.

Чтобы реальнее для нас сделался Ваш приезд, посылаю к Вам двух ребят. Один из них Шершнев[1] - наш бывший воспитанник, теперь студент Харьковского медицинского института, очень славный душевный человек, умеющий искать правду жизни без лишних криков и истерик. Это одно из моих «достижений», которое далось мне довольно трудно. Другой Митька Чевелий[2] - один из самых первых горьковцев, мой друг, теперь дзержинец, человек, не обладающий большими способностями, но сумевший из чисто воровской «психологии» сделать искреннюю, горячую и благородную натуру.

Они оба Вам не надоедят, так как оба по-горьковски лаконичны, сделают дело и уедут. В области выражения чувств они также умеют быть сдержанными.

Дорогой Алексей Максимович, не откажите им сказать, когда Вы приедете, сколько времени думаете у нас пробыть, кто еще приедет с Вами? Наши желания по всем этим вопросам мы даже не смеем высказывать, но, конечно, они у нас максимальны.

Я в страшном затруднении: Вы хотите подарить нам два оркестра и еще что-то для всех колонистов. Конечно, Ваша воля, дорогой Алексей Максимович, но, поверьте, нам страшно будет неловко вводить в такие расходы, ведь духовой оркестр стоит несколько тысяч. Может быть, совершенно невозможно, чтобы благодаря нашему существованию Вы переживали материальную заботу, а для нас так трудно связать Ваше имя с

материальной ценностью. С другой стороны, всякая вещь, связанная с Вашим именем, дорога для нас, независимо от того, сколько она стоит. И если Вы хотите доставить ребятам радость сверх той радости, какая заключается в Вашем приезде, то подарите им какую-нибудь небольшую вещь вроде ножика, чтобы она всегда могла остаться на память о Вашем приезде.

У Вас так много забот сейчас и Вы так заняты в Москве, что я позволяю себе не послушать Вас и не посылаю списка книг.

В Москве так много Вам приходится видеть людей и говорить с ними, что мне страшно совестно затруднять Вас еще нашей депутацией. Вы простите.

Преданный Вам *А. Макаренко*

9. VI. 28.

Сейчас получили перевод 20 000 рублей по Вашему приказу. Я даже не способен понять, что случилось. И я не способен ничего сказать, кроме слов удивления и преклонения перед Вашей живой личностью. Но здесь есть недоразумение. Я просил у разных учреждений 20 000. Наконец, я получил 16 000 рублей в Харькове на ремонт. Вы, конечно, об этом не знали. Я очень виноват перед Вами, что не сообщил Вам об этом, и у Вас осталось преувеличенное знание о нашей нужде. Я очень боюсь, что сейчас дело непоправимо, но я буду ждать встречи с Вами, чтобы просить у Вас прощения и совета, как поступить.

Преданный Вам *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 246-247.

1 Шершнев Н. Ф., Чевелий Д. А. – прототипы Н. Вершнева и М. Жевелия в «Педагогической поэме». Ездили в Москву для приглашения А. М. Горького в колонию.

2 А. М. Горький писал А. С. Макаренко 9 мая из Италии: «Мне стало известно, что Вами заявлено требование субсидии в 20 т.» (Речь идет, видимо, о помещенном в данной книге макаренковском обращении в окрИНО 18 февраля 1928 г. об ассигновании 18400 руб. на ремонт колонии к приезду А. М. Горького. – А. Ф.) Я осведомлен, что деньги эти Вы получите. Книги Вам буду посылать, семь пакетов посылаю этим письмом, из Москвы вышлю все свои книжки. Было бы хорошо, если б Вы составили список нужных Вам и послали его в Москву, Чистые пруды, Машков переул. 1, кв. 16» (т. 1, с. 245).

Предисловие к альбому «Наши жизни - Горькому - горьковцы»

На общем собрании колонистов-горьковцев я спросил:

- Что мы подарим Алексею Максимовичу?

Было высказано много предложений, но все сразу остановились на предложении колониста Петра Дроздюка[1]:

- Напишем всю нашу жизнь и подарим Алексею Максимовичу альбом с нашими биографиями.

Я также поддержал эту мысль. В самом деле, великому Горькому как писателю и человеку, может быть, всего приятнее будет иметь у себя небольшой человеческий документ - собрание биографий трехсот беспризорных. Мне казалось, что такой сборник будет иметь значение почти исключительно статистическое, поэтому, когда ребята стали подавать мне свои листики для печатания, я требовал от них большей обстоятельности в изложении фактов их жизни.

Но по мере того, как продолжалась моя работа по собиранию материалов, я начал понимать, что значение записок моих колонистов несколько иное. Часто как раз их непосредственность, забывчивость казались мне наиболее характерными. В немудрых строках я находил отражение их мироощущения, части целой философии, той философии, какая может и должна появиться в такой определенной группе, как беспризорные. И я ясно почувствовал, как между лохматыми, напряженно грамотными строчками пробивается настоящий запах нашей эпохи, очень сложный запах, изобразить который и для великих талантов не всегда будет под силу.

Когда я печатал сотую биографию, я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне приходилось когда-нибудь читать. Это - концентрированное детское горе, рассказанное такими простыми, такими безжалостными словами. В каждой строчке я чувствую, что эти рассказы не претендуют на то, чтобы вызвать у кого-нибудь жалость, не претендуют ни на какой эффект, это простой искренний рассказ маленького, брошенного в одиночестве человека, который уже привык не рассчитывать ни на какое

сожаление, который привык только к враждебным стихиям и привык не смущаться в этом положении.

В этом, конечно, страшная трагедия нашего времени, но эта трагедия заметна только для нас, для горьковцев здесь нет трагедии - для них это привычное отношение между ними и миром.

Для меня в этой трагедии, пожалуй, больше содержания, чем для кого-либо другого. Я в течение восьми лет должен был видеть не только безобразное горе выброшенных в канаву детей, но и безобразные духовные изломы у этих детей. Ограничиться сочувствием и жалостью к ним я не имел права. Я понял давно, что для их спасения я обязан быть с ними непреклонно требовательным, суровым и твердым. Я должен быть по отношению к их горю таким же философом, как они сами по отношению к себе.

В этом моя трагедия, и я ее особенно почувствовал, читая эти записки. И это должно быть трагедией всех нас, от нее мы уклониться не имеем права.

А те, кто дает себе труд переживать только сладкую жалость и сахарное желание доставить этим детям приятное, те просто прикрывают свое ханжество этим обильным и поэтому дешевым для них детским горем.

Вот эту суровую тягостную мысль мне не стыдно сказать Вам, дорогой Алексей Максимович. Вы не из тех людей, которые в вату хотят спрятать человека, «чтобы он не кричал».

Пед. соч., т. 1, с. 91-92.

Альбом «Наши жизни - Горькому - горьковцы» преподнесен одним из колонистов А. М. Горькому при посещении им колонии, на торжественном вечере 9 июля; готовился заранее (вероятно, в июне).

Это книга-альбом, с тисненным золотом заготовком, акварельным портретом А. М. Горькому и изображением колониста с сигнальной трубой. Книгу составляет автобиографический материал 284-х воспитанников и некоторых выпускников колонии (перепечатанный А. С. Макаренко на машинке) и 32 фотографии (эпизоды из жизни колонии). Многие тексты сопровождаются стихами колонистов. С предисловием А. С. Макаренко и статьей воспитателя С. Ковпаненко «Правда в горьковцах» (Архив А. М. Горького ИМЛ: ДПГ, 20-75-1).

Фрагменты некоторых текстов

С. Ковпаненко. **Глубокие товарищеские отношения между воспитанником, воспитателем, завколом и служащими вполне уничтожает**

само понятие администрации. Каждый горьковец - хозяин своей колонии – вот главный стрежень горьковского самоуправления.

Дуденко. **Ребята тогда (в 1923 г. – А. Ф.) были веселые, но дикие какие-то. Один, Лапотецкий (сейчас он рабфак окончил), ни одного шага без чудачества не делал. Антон Семенович поставил его «под винтовку» (по стойке «смирно», для «разболтанных» – А. Ф.), так он, как был, в кожухе и валенках, да еще возле печки, - скривил такую жалкую физиономию, что Антон Семенович рассмеялся и выгнал его из комнаты… «Надо любить человека и уважать его» - эти слова Алексея Максимовича мы никогда не забудем.**

Кандыбов. **В колонии мне понравилось из-за обязательного труда всех колонистов. Мы хотя и бедно жили, но были все веселые и знали, чем заняться в свободное время.**

И. Сопин **(в начале 1939 г. он дал А. С. Макаренко рекомендацию – характеристику для его вступления кандидатом в чл. ВКПб): Сначала нам в Куряже трудно было слиться с трудовым, дисциплинированным коллективом [горьковцев]… Они пришли не как насильники, они уважительно отнеслись к нашей неорганизованности, хотя строго повели борьбу с пьянством и кражами.**

Манкевич. **После обеда мы идем в лес или на речку купаться, или играем в теннис и другие игры, в волейбол, крокет.**

Я. Суббота. **Как только мы узнали в Куряже, что горьковская колония к нам едет, наши ребята приготовились встретить ее ножами. Колония прибыла 28 мая, военным строем. Несмотря на то, что ребята устали в дороге, они сразу устроили в клубе танцы. Ребята видят, что колонисты веселые, - и стали обращаться с ними по хорошему… Через месяц уже нельзя было разобрать, где полтавские ребята, а где куряжские.**

В. Светецкий. **Общее собрание избрало меня начальником штаба колонии. Это все помзавколы, все командиры бригад и завкол, секретарь педсовета, завхоз и зав. одеждой. Заседание штаба раз в неделю, и в необходимых случаях. Разбираем все наши вопросы и нужды, распределяем работы на неделю. Каждый день секретарь штаба пишет приказ по колонии и (после подписи А. С. Макаренко – А. Ф.) зачитывает его в 9 час вечера.**

И. Савельев. **Полюбил я колонию за ее дисциплину… Колония научила как надо жить и бороться.**

А. Митин. **Не сразу пускают работать в мастерские… Но я добьюсь своего, поработаю в сводных [отрядах], а потом и достигну того, что мне хочется.**

Г. Соколова. **Мне теперь колония как родная семья, будет очень жаль уезжать, жить отдельно.**

П. Дашевский. **Сейчас я играю в крокет в 3-й команде, но хочу приложить силы, чтобы попасть во 2-ю, а потом в 1-ю. Я иногда очень устаю на работе, но все равно иду играть. «Охота пуще неволи».**

1 Дроздюк П. В колонии был библиотекарем, затем в коммуне дзержинцев. Стал членом союза журналистов СССР, писал на темы воспитания.

Дополнения. **Марш для духового оркестра в колонии – «Веселый горьковец» (в коммуне – «Дзержинец»). А. С. Макаренко говорил, что А. С. Пушкин хорошо показал главную черту детства: «Мальчишек радостный народ/ коньками звучно режет лед». Развитие радостного, оптимистического восприятия жизни – верный признак правильного, природосообразного воспитания. По свидетельству В. И. Стебловского, фанфарное вступление к «Веселому горьковцу» написал А. С. Макаренко. Мелодии некоторых трубных сигналов написал В. Т. Левшаков.**

Письмо А. М. Горькому, 27 июня 1928 г.

Харьков,

27 июня 1928

Дорогой Алексеи Максимович!

Наши хлопцы, бывшие у Вас, рассказывали, сколько Вы писем получаете, и теперь прямо стыдно писать Вам длинное письмо.

Но и коротко нам так легко рассказать о себе. Мы ждем Вас, в этих словах вся наша жизнь. Ждем между пятым и десятым. Если Вы приедете в Харьков, мы на вокзале Вас потихоньку встретим так, что никто не будет знать. Вы обещали нам написать о дне и часе Вашего прибытия. Я этот день и час скрою даже от колонистов, чтобы действительно Вас никто не беспокоил. У нас в колонии мы также не будем Вас затруднять никакими речами. Вы у нас даже сможете отдохнуть.

Никаких подарков не нужно больше, дорогой Алексей Максимович, и так мы Вам уже чересчур дорого стоим.

Ждем.

Искренне преданный Вам *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 247.

Дополнения. **27 июня в газете «Вести ВЦИК», 27 июня 1928 г. – статья «Детские дома требуют общественного внимания! Органы наробраза мало сделали для улучшения положения интернатов. «Оригинальные» методы**

воспитания гр. Макаренко». Констатируется, что «ассигнования на питание детей составляют лишь 40% от установленных норм».

Наркомат РКИ УССР в ходе обследования детских интернатных учреждений выявил «бесхозяйственность, неквалифицированный педсостав, систему воспитания путем битья детей, ругани и других «приютских» методов, отсутствие четкой производственной базы, плохую воспитательно-политическую работу, недостаточную разгруженность детдомов от переростков». По результатам обследования увеличины ассигнования на детское питание в 1928-1929 гг. Даны указания Наркомпросу, в том числе об усилении контроля за окрИНО.

На коллегии РКИ отдельно заслушены результаты обследования колонии им. М. Горького, по данным окружкома ЛКСМУ: «выявлена ужасная картина методов «воспитания» в этой колонии: зав. колонией Макаренко даже выдумал целую «научную» систему наказания, среди них были и битье, выкидывание детей на улицу раздетыми и т. д. Детей принуждали идти в лес за розгами, которыми их бьют. Представители НКП уведомили коллегию РКИ, что Макаренко снят с работы».

Позднее, в 1933 г., Н. А. Скрыпник (в 1922-1927 гг. нарком юстиции, генеральный прокурор УССР; в 1927-1933 гг. нарком просвящения; с 1933 г. зам. предс. СНК) сказал, что в отношении педагогической деятельности А. С. Макаренко в 1927 г. были две точки зрения: Наркомпрос Украины его поддерживал; против выступило руководство украинского комсомола. «... Я тогда высказался против теории тов. Макаренко и больше согласился с комсомолом, чем с Наркомпросом. Я целиком поддержал комсомол в его борьбе против отдельных направлений, которые были в колонии им. М. Горького, и стоял за поддержку того, что было там хорошего на практике...» (Политехническая школа, Харьков, 1933, № 3, с. 22, укр. яз).

Эта публикация - воспроизведение его доклада на заседании Коллегии НКП Украины 23 января 1933 г., посвященном работе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского (по итогам ее обследования). Н. А. Скрыпник назвал А. С. Макаренко «хорошим практиком», хорошей определена практика коммуны, хотя «необходимо пересмотреть ее организационную структуру» (с. 22, 32). Эта практика «идет в разрез с его теорией» (с. 23).

Макаренковскую статью «Педагоги пожимают плечами» (1932 г., т. 1, с. 136-144) он характеризовал так: это теория, которая противоречит постановлениям ЦК партии о школе, общей линии коммунистического воспитания и политической жизни»; положения о коллективе – «мелкобуржуазная болтовня»; теория – «в духе антипролетарской философии идеализма», «буржуазная теория» (с. 25, 29-30). Критике подвергся и документальный короткометражный фильм о коммуне, снятый к ее 5-летию, в 1932 г. (с. 23).

Рапорт в правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Зав. коммуной А. Макаренко

Рапорт

Прилагая при сем вырезку из «Вісти» от 27 июня с. г., и выводы ОкрРКИ по обследованию колонии от 3/IV-28 г., считаю необходимым сообщить правлению следующее:

Травля колонии и меня в различных организациях и учреждениях, а также в печати начата была еще в декабре. Травля эта была поднята после того, как окрисполком поручил мне реорганизацию всех колоний округа. Развал многих колоний и накопление в них элементов хулиганства и расхищения как раз в это время достигли уже пределов терпимого. Перевод детколоний на более четкую и подтянутую систему колонии Горького деловым кругам представлялся необходимым.

Но как только я приступил к работе, со всех сторон поднялись протесты. Они исходили от отдельных лиц и кругов, уверенных, с одной стороны, что детей нужно воспитывать в полной свободе, а с другой, совершенно не знающих работы колонии Горького.

Я принужден был оставить Управление детскими колониями, но травля колонии продолжалась. Организация коммуны им. Ф. Э. Дзержинского по той же системе еще более восстановила против меня моих противников.

10 мая я подал заявление об уходе из колонии. В окрино меня просили остаться до приезда Горького, но 27 июня в «Вістях» появилась заметка, в которой сообщалось, что по докладу НКПр. об ужасных методах в колонии я снят с работы. По докладу НКПр. выходило так, что было обследование колонии и это обследование установило якобы мои «ужасные методы».

Я сейчас отправил заявление в НКПр. тов. Затонскому[1]- и в печать с утверждением, что представитель НКПр. докладывал НКРКИ неправду. Никакой научной системы наказаний я не выдумывал, битье детей тем более не могло быть частью никакой системы, также выбрасывание детей на улицу, да еще раздетыми, а посылание детей в лес за палками - просто анекдот.

В истории моего заведования колонией были, правда, случаи, когда я в гневе грешил подзатыльником, но случаи эти были чрезвычайно редки.

Никто из воспитанников на меня никогда не жаловался, и никакие комиссии этих случаев не установили.

Комиссия окрРКИ, акт которой от 3/IV при сем прилагается, несмотря на то, что в течение трех дней расспрашивала всех воспитанников, не могла установить ни одного случая таких побоев или избиений, а узнала об отдельных случаях в прошлом от меня самого.

Только за время моего четырехмесячного отсутствия в колонии при заведующем Ковале было в последнее время несколько случаев, не составляющих, конечно, никакой системы.

Коллегией окрРКИ мне был объявлен выговор за допущение подобных мер, поскольку я считался официально ответственным за колонию.

Хотя сообщенное в докладе представителя НКПр. представляет неправду, дальнейшая моя педагогическая работа в Харькове становится невозможной. Бороться с травлей я уже не могу. Все комиссии были, и больше ничего предпринять нельзя. Колония и так бесконечно обследовалась, и это в достаточной мере растрепало работу. Правление коммуны знает, что в коммуне Дзержинского та же система, и она проводится мною почти без усилий.

В известной мере я уверен, что травля эта будет продолжаться и дальше. Поскольку и мои воспитанники читают газеты, поскольку и я сам не всегда могу спокойно к ней относиться, работа в Харькове делается для меня чрезвычайно трудной.

В то же время я, как педагог, в достаточной мере опорочен всей этой кампанией, и в правлении коммуны должен возбудиться вопрос о моем уходе.

Поэтому прошу правление в ближайшие дни разрешить вопрос о моей работе в коммуне. Я могу работать в ней только при полном доверии правления[2].

А. С. Макаренко. Теория и практика коммунистического воспитания. – Киев, 1985, с. 198-199.

1 Затонский В. П. (1888-1938) – в 1927-1933 гг. Предс. Центр. контрольной комиссии КПбУ; в 1922-1923 и 1933-1938 гг. нарком просвещения УССР. Указанное «заявление», письмо еще не выявлено исследователями.

2 Доверие А. С. Макаренко было оказано, он продолжал заведовать коммуной им. Ф. Э. Дзержинского.

Привет пионерам!

Трудно даже описать очарование вашего похода, пионеры! Мы, горьковцы, большие любители дисциплины и четкого шага, приятно были обрадованы вчера, когда ваши стройные ряды весело вливались в наши ворота. Как раз то, что мы любим: коллективный марш, точная рамка дисциплины и в то же время радостный тон, веселый взлет воодушевления. Это наша советская и наша горьковская дисциплина.

Мы уверены, что и в работе, и в борьбе это нужно для нашего будущего. Долой путаницу ходьбы и ротозейство! Да здравствует радостный и строгий пионерский поход!

Зав. колонией им. Горького *А. Макаренко*

Пед. соч., т. 1, с. 92 – публикация в журнале «Октябрьские всходы» (Харьков, 1928, № 12), в связи с помещенной там корреспонденцией о 1-м военизированном походе харьковской пионерии в колонию им. М. Горького 30 июня - 1 июля 1928 г. Это приветствие А. С. Макаренко – пример его лаконичного и яркого языка в живом общении с коллективом воспитанников.

В газ. «Вести», 3 июля 1928 г. – корреспонденция о военной игре: пионерский батальон г. Харькова против объединенного подразделения колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского (перевес сил в 5-6 раз). «По всем правилам войны»; военные штабы, разведка, пленение передовых групп, «взятие Куряжа». Харьковские пионеры – в военном обмундировании, с походным снаряжением, санитарной частью и др.

«Горьковцы радушно встречают гостей, отдают свои помещения для ночлега харьковчанам, сами ночуют во дворе, «на сене». Веселье, гомон, смех, вечером - ракеты». С утра «бой передовых сотен», спортивные тренировки, затем отдых и развлечения. Объединенной колонной – в Харьков, «церемониальный» марш перед домом ВУЦИКа», с балкона их приветствуют члены правительства, руководство партии и комсомола.

Выступление на торжественном вечере в колонии им. М. Горького, 8 июля 1928 г. (запись).

Вы знаете, Алексей Максимович, - говорит завед. колонией Макаренко, - что в основе нашей работы лежит: нежелание знать то проклятое прошлое, что окружало ребенка до поступления в колонию. Вот тогда, когда он

переступил порог колонии, мы делаем все возможное, чтобы он забыл это проклятое прошлое. Прошлого нет - есть настоящее.

Колонисты по своему собственному почину решили дважды вспомнить это тяжелое прошлое, передать его в своих биографиях, написанных коряво, передать тому, кто всю жизнь собирал правду. И если, Алексей Максимович, вы сможете хотя бы небольшую частицу использовать для своих произведений, колония будет бесконечно благодарна.

Один раз мы позволили себе вспомнить о наших тяжелых, безрадостных днях, наполненных страданием, один раз мы вспомнили это для того, чтобы окончательно забыть. Детям, живущим здесь без родных, с тяжелым прошлым, так хорошо почувствовать вашу теплоту и вашу ласку.

Помните, дети, этот день, 8 июля! Помните, что в этот день вы видели у себя человека с большой душой.

Фрагмент репортажа о пребывания А. М. Горького в колонии его имени: ж. «Октябрьские всходы», 1928, № 14. Почетный караул колонии со знаменем и оркестром встретил А. М. Горького 8 июля 1928 г. на перроне харьковского вокзала. На привокзальной площади его приветствовали тысячи харьковчан. После встречи с ними, митинга он отбыл на заседание Харьковского горсовета.

9 июля на пути А. М. Горького в колонию его встречает дозорный колонист на коне, с сигнальной трубой. Стоящие вдоль дороги колонисты - вестовые приветствуют едущего в автомобиле гостя рукой-салютом. На въездной арке колонии транспарант: «Нашему Горькому – привет!» По трубному сигналу «сбор» - колонисты в парадном строю, со знаменами колонии и оркестром. При выходе А. М. Горького из автомобиля его встречает А. С. Макаренко, они целуются. Гость с сопровождающими его лицами обходит строй. Затем – осмотр колонии и живая беседа писателя с его подшефными возле столовой, где он присел на лавку.

Вечернее торжество начинается на площади колонии. На эстраде играет оркестр, запущен фейерверк. В клубном зале – обычная вечерняя сдача рапортов, прием в колонию нового воспитанника на общем собрании. Один из колонистов приподнес А. М. Горькому подарок – альбом «Наши жизни – Горькому - горьковцы». После нескольких минут полной тишины гость сказал: «Благодарю, товарищи... Я очень взволнован, я завтра поговорю с вами». В ответ: «ура»!

В колонии был обычный трудовой день. На конной машине – жатке А. М. Горький подъехал к месту уборки ярового поля, побывал у трактора на заготовке сена, в столярной мастерской, везде принимался за работу. Присутствовал при очередной сдаче продукции столярного цеха, перед ним

под звуки марша и крики «ура!» проехали подводы с пчелиными ульями. Он подписал счет на продукцию; представитель дирекции химического завода – заказчика вручил ему вексель (на что А. М. Горький шутливо заметил: Нет, товарищи, вы нам деньги давайте, зачем вы нам вексель даете?). В общей столовой, где обедал гость, было тогда особенно весело и шумно. Затем - фотографирование с ним, разными группами. Вечером воспитатели и воспитанники в клубном зале показали один акт пьесы «На дне», познакомили с выставкой: 8-летняя история колонии в фактах и цифрах.

На другой день утром А. М. Горький отбыл в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского. Его сопровождал сотрудник газеты «Известия» В. С. Медведев.

В беседах с А. С. Макаренко в эти дни А. М. Горький одобрил социально-гуманитарные принципы деятельности колонии и ее «элементы военизации». Он с воодушевлением воспринял мысль о литературном описании этого педагогического опыта. Поддержка А. М. Горького идей и опыта А. С. Макаренко в эти дни не предотвратила его увольнение из колонии (т. 1, с. 251).

Публикации о пребывании А. М. Горького в колонии его имени: Октябрьские всходы, 1928, № 14 (с несколькими фото, одно из них - беседа писателя с предс. окрбюро комдетдвижения Фельшинской); Красные цветы, 1928, № 13 (репортаж О. Иваненко), Комсомолец Украины, 10 июля; Харьковский пролетарий, 11 июля (с сообщением о пребывании писателя в коммуне дзержинцев). Газета «Коммунист», 10 июля, представила стремление А. С. Макаренко обеспечить гостю отдых как грубое отношение его и колонистов к корреспондентам, напечатала карикатуру на него- «Чемпион хулиганства».

Встреча А. М. Горького запечатлена в кинохронике (описание ее, кинокадры – в публикации А. А. Фролова: Народное образование, 1968, № 3). В кинохронике, на фото колонисты в летней одежде, шортах, босиком. Провожают гостя «маршем двух колоний» (колонии горьковцев и коммуны дзержинцев).

После отъезда А. М. Горького А. С. Макаренко стал сдавать колонию новому заведующему. Официально он освобожден от работы в колонии 3 сентября (с четом очередного отпуска – т. 8, с. 124; колонистам его отсутствие было объяснено как уход в отпуск: т. 1, с. 248).

Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

Я очень благодарен Вам за внимание, которое Вы оказали мне, приехав в колонию 11 июля[1]. Наша беседа помогла и мне окончательно выяснить то,

что от меня требуется и как мне нужно поступить. Независимо от того, какие меры могут быть ко мне применены, я продолжаю быть уверенным в правильности моего варианта детской организации. Я считаю и теперь, что в колонии им. М. Горького настоящий советский соцвос, основными моментами которого являются:

1. Организация первичных коллективов по производственному принципу (отряды, а не школьные группы)[2],

2. Самоуправление, основанное не только на выборности, но и на назначении. К этому приводит наличие серьезно-делового трудового процесса, в котором должны принять участие не только выборные представители интересов детей, но и более опытные колонисты-организаторы.

3. Это сложное выборно-назначенное самоуправление (назначенное не заведующим, а органом самоуправления) должно быть не надстройкой над фактическим управлением взрослых (как в Ахтырке), а действительным руководителем колонии, действующим по двум линиям: по линии действия коллективного органа и по линии действия в качестве уполномоченных этого органа отдельных организаторов-колонистов в первичном коллективе (командир).

4. Воспитание не только трудовых, но и организационных навыков, для чего все работы, не требующие специальной инструментальной квалификации, исполняются временными отрядами с временными командирами, меняющимися как можно чаще (система сводных отрядов).

5. Открытое признание права коллектива, как общего, так и первичного, на принуждение, а как последствие этого - существование института наказаний. Считаю вообще, что осуществление какой бы то ни было дисциплины при настоящем моральном состоянии общества невозможно без наказания.

6. Дисциплина, основанная на принуждении от имени коллектива, в то же время должна быть связана с уважением к воспитаннику и к его работе. Это уважение должно быть проявляемо на каждом шагу и заключаться не только в явлениях личной вежливости, но и в создании специальных форм

внутриколлективных отношений (особые формы назначения на работу, отчета и контроля, специальные выражения доверия и полномочия).

7. Я считаю совершенно необходимыми организационные оформления эстетического порядка, подчеркивающие значение общеколлективных движений, то, что по отношению к колонии им. Горького почему-то называется военизацией (салют, знамена, оркестр).

8. В работе самоуправления и всего коллектива мы опираемся на комсомол, как это естественно вытекает из более взрослого среднего возраста. Политическое воспитание (именно воспитание, а не политическое образование) заключается в организации постоянных связей между колонией и окружающим миром. Эту связь можно представить в виде двух путей: связь с политическими организациями и деловая (коммерческо-производственная) связь с производственными, потребительными и распределительными организациями.

9. Воспитание классового чувства я представляю себе исключительно как результат приведенных выше начальных моментов. Жизнь детской коммуны, пропитанная действиями хозяина и рабочего и освещенная экономической связью с производственной жизнью республики, и является единственным путем к воспитанию сознательного члена рабочего общества.

10. Переходная ступень преданности своему коллективу не вредна, если коллектив не обособлен в своем успехе и в своей стройности. Выпяченная гордость «горьковцев» имеет нездоровый вид только потому, что по крепости своей организации колония не имела сколько-нибудь заметных конкурентов между другими колониями. Но уже появление коммуны им. Дзержинского, построенной по тому же плану и живущей с горьковцами в постоянном дружном общении, много внесло интересного и нового в жизнь колонии. За полгода одних общеколлективных визитов было около десяти, кроме того, чисто деловая связь между колониями проявляется почти ежедневно. Наблюдение многих деталей этой связи приводит меня к глубокому убеждению, что все детские колонии могут переживать гордость своей организацией на фоне общего развития. Я на это и рассчитывал в своем проекте «Трудового детского корпуса».

Все перечисленное составляет предмет моей педагогической веры. Я уверен, что в колонии им. Горького осуществлен настоящий советский соцвос. Не имею никаких оснований усомниться хотя бы в одной детали. И поэтому по совести не могу ничего изменить, не рискуя делом.

Все это заставляет меня просить Вас привести в исполнение Ваше решение снять меня с работы. Я понимаю, что в дальнейшем будет поставлен вопрос о снятии меня и в коммуне им. Дзержинского, находящейся в таком же цветущем состоянии, как и колония им. Горького. Все же я предпочитаю скорее остаться без работы, чем отказаться от организационных находок, имеющих, по моему мнению, важное значение для советского воспитания.

Пед. соч., т. 1, с. 92-94. Письмо адресовано В. А. Арнаутову, заведующему Главсоцвосом НКП Украины в 1927-1928 гг. (1881-1938). Без даты; ориентировочно: середина июля 1928 г.

В. А. Арнаутов во время пребывания А. М. Горького в колонии приезжал туда, беседовал с ним, предложил А. С. Макаренко пойти на «минимальные уступки», согласиться с некоторыми замечаниями, которые делались в отношении его взглядов и опыта, - чтобы таким образом предотвратить отстранение его от заведования колонией (т. 4, с. 16). Это выглядело и как «ультиматум» (т. 1, с. 248).

1 Правильно - 10 июля, когда в колонии был А. М. Горький. Но возможно, В. А. Арнаутов приезжал и на следующий день.

2 Имеются в виду школьные учебные классы; изменение наименования произошло в начале 30-х гг.

***Дополнение.* 13 июля на заседании ЦБ комдетдвижения (пионеров) УССР И. Молодцов выступил с информацией о встрече А. М. Горького в колонии его имени: А. С. Макаренко «нетактично, даже грубо отнесся к представителю ЦК ВЛКСМ и представителям прессы, стараясь через воспитанников первого изолировать от Горького, а остальных выгнал. Комсомольцы так же обращались с Молодцовым, как и остальные воспитанники. Когда он объяснил комсомольцам, что он представитель ЦК, - он получил ответ, что они ничего не хотят знать, на территории колонии существуют ее законы...**

Система воспитания в колонии идеологически вредная, нет общественного мнения. Все делается по распоряжению зава. Состояние колонии чрезвычайно напряженно в связи с передачей колонии новому заведующему. Нужно срочно принять решительные меры к снятию Макаренко с работы».

Постановили: «Довести до сведения НКРКИ, что его постановление о снятии зав. колонией, передача ее и реорганизация выполняется слабо и

без участия ЦК ЛКСМУ... «Систему» тов. Макаренко сразу не ломать, а постепенно. Поставить вопрос о кандидатуре заведующего – члена партии... Пручить т. Дюшен договорится, чтобы МК НКП экскурсии в колонию сейчас не организовывать... Просить НКП и ОНО о пересмотре и подборе воспитателей – членов партии и ЛКСМУ».

Решено провести «соответствующую работу» в комсомольской ячейке колонии, выделить комсомольцев для подготовки и сдачи дел колонии, принять участие в «комплектовании детей в колонии». Выписки из протокола заседания разосланы: НКП УССР, РКИ, окринспектуре наробраза, окрЛКСМУ, ЦК Всеукраинского профсоюза Робос, газ. «Комсомолец Украины», ж. «Детское движение» (Дитячий рух).

А. М. Горький писал А. С. Макаренко 9 декабря 1928 г.: «Ваш уход из колонии поразил и глубоко огорчил меня. Если бы я знал об ультиматуме Арнаутова, я, конечно, действовал бы более энергично. Но у меня было обещание т. Б. в Харькове «не мешать» Вам и работе Вашей. В Москве я тоже говорил о том, чтобы Вас не трогали и тоже был успокоен обещанием не делать этого... Очень боюсь, что в это дело замешаны тенденции «националистического» характера.

Пишу в Москву, настаивая на необходимости Вашего возвращения в колонию. В январе будет напечатана моя статья о «беспризорных» и колонии, созданной Вашей энергией. Разрушать такие дела - преступление против государства...» (т. 1, с. 249).

Кое-что о самоуправлении..

Есть такая книжка Шульгина[1] под заглавием: «Основные вопросы социального воспитания». К сожалению, вопросы, разбираемые Шульгиным в его книжке, так и остались вопросами. Он довольно нечленораздельно сравнивает наше самоуправление с самоуправлением в западных передовых школах. По мнению Шульгина, на западе самоуправление построено по монархическому принципу, и это очень плохо, а у нас по советскому, и это очень хорошо. Хорошо или плохо у нас, судить, пожалуй, не нам. Уж будто так хорошо.

Вот если бы действительно было хорошо, и об этом не могло быть двух мнений, было бы о чем говорить. В самом деле, тогда не нужно было бы Шульгину бросаться в разные стороны, в поисках логики, доказывающей то, что у нас так хорошо. А то посудите сами: с одной стороны, у нас во всяком случае хорошо, даже лучше, чем в западной Европе, и лучше, чем у

Шацкого[3], который подражает-де Западной Европе, с другой, - эту нашу «хорошеть» приходится доказывать довольно сомнительными путями.

Например, Шульгин утверждает, что на Западе (и у Шацкого) плохо потому, что там самоуправление не выросло из условий детской жизни, конституция[4] не получена в результате борьбы, она дана взрослыми сверху, и ребята это чувствуют.

Было бы понятно, если бы Шульгин писал книгу на французском языке или скажем, немецком, со специальной похвальной целью обдурить немецкую братию. Ведь пишется по-русски, для русских педагогов. Спрашивается, для чего тогда нужно Шульгину вставлять очки российским педагогам?

А вставляются очки по двум линиям: во первых, у нас с самоуправлением совсем не хорошо, а отвратительно и мерзко, об этом все хорошо знают. Во вторых, когда же это у нас конституция вытекала из условии детской жизни, не была дана сверху? При помощи какого чуда так получилось, что у нас по всему Союзу все те же рекомендуемые Шульгиным учкомы, деткомы, детисполкомы? Какая обязательная борьба нужна Шульгину для организации конституции, кто должен принять участие в этой борьбе, какие факты борьбы привели к созданию того, что Шульгин воображает существующим?

В особенности интересует меня этот вопрос о «борьбе». Стоит на нем остановиться подробнее. Лучшего примера невежества, ханжества и преступления перед всем нашим делом я, пожалуй, не найду. А пример не только хороший, но и замечательно характерный.

Как представляет себе Шульгин в наших условиях после Октябрьской революции борьбу в детском доме для завоевания самоуправления?

Если эта борьба, по мнению Шульгина, необходима для того, чтобы самоуправление было правильное, то как должен отнестись к этой борьбе воспитатель? Вероятно, он должен организовать эту борьбу и сам принять в ней участие в качестве противной стороны. Как он это должен делать - искренне бороться со стремлением детей к самоуправлению или «с понтом»[5], как говорят наши воспитанники.

Очевидно, что искренне он не может это делать, ибо в таком случае его в шею нужно гнать из детского дома, даже не ожидая окончательной победы детского самоуправления. А если «с понтом» то, очевидно, т. Шульгину придется написать еще одну книгу примерно под таким заглавием: «Как нужно педагогу валять дурака в детском доме, так, однако, чтобы из сего была польза, а не вред».

В этой книге Шульгину нужно будет обязательно хорошенько обмозговать одну важную главу, в которой должна быть преподана маленькая методика, поучающая нашего педагога, как в процессе этой борьбы довести детей до такого состояния и совершенства, чтобы они не только завоевали самоуправление, но чтобы это самоуправление обязательно состояло из учкомов и деткомов и вообще было таким, каким положено по книжке т. Шульгина, иначе нечем ему будет «покрыть» монархически буржуазную европейскую педагогику.

Оговариваюсь: отнюдь не имею намерения защищать от нападения т. Шульгина нашего уважаемого Шацкого. Напротив, остановлюсь на его опыте, чтобы доказать, что он и не нуждается в защите, так как т. Шацкий почти слепо следует советам Шульгина и проводит у себя вот эту самую борьбу, «с понтом»[6].

Вы помните, в его книге «Годы исканий»[7] с приятностью рассказывается, как в колонии распространилась страсть к индивидуальным огородам, как вследствие этого ребята неохотно стали ходить на общие работы, как они стали требовать свободы в распределении дня и трудового усилия, как сам Шацкий решил пойти им навстречу и на общем собрании сам предложил отменить все наряды и обязательные назначения на работу, а пусть все работают свободно, где кто хочет. И как только один голос крикнул на этом собрании: «Шацкий все загадки загадывает».

Тем не менее Шацкий утверждает, что все ребята с восторгом приняли его предложение, и только на опыте убедились, что из такой свободы получилось одно безобразие.

Нам нужно приходить в восторг от такой изобретательности Шацкого? Вероятно, Шульгин будет утверждать, что здесь никакого западного

монархизма или конституционализма нет, а есть настоящая советская педагогика?

При всем моем уважении к потугам т. Шульгина отстоять нашу советскую педагогику от тлетворного влияния европейской белогвардейщины, я решительно отказываюсь от восторгов. По моему самому искреннему убеждению, т. Шульгин и в приведенном случае т. Шацкий прямо-таки дискредитируют не только советскую педагогику, но и простую советскую логику, советский здравый смысл. А если уж на то пошло, то и проповедь т. Шульгина недалеко ушла от европейской педагогической болтовни, определившей то обстоятельство, что европейская педагогика стоит на месте не лучше нашей.

Прежде всего спрашивается, почему с таким остервенением Шацкому нужно было бороться с индивидуальными огородами? Не потому ли, что

Уж у нас, коли лень -
День и ночь спим кряду,
Коли труд - наповал,
Пить, так до упаду.

У нас коли станут на путь коллективного воспитания, так решают обязательно следить, чтобы от всякой индивидуальности остались рожки да ножки. Удивляюсь, как это мы до сих пор не обсуждаем вопроса о запрещении разных там дискантов, теноров, басов. Подумайте, такое индивидуалистическое разнообразие. А носы, а цвет волос, а выражение глаз! Господи, настоящий буржуазный хаос.

В горьковской колонии были индивидуальные огороды[8]. Никакой, конечно, особенной пользы от них в воспитательном отношении не было, но и вреда уж такого страшного не наблюдалось. Просто это была полоса, которую нужно было пережить. С одной стороны, они давали более сильные стимулы к труду, чем общие огороды, с другой - они показывали мне, как развитие коллектива вело к тому, что эти огороды постепенно отмерли и сейчас о них никто даже не вспоминает. Индивидуальные огороды было более здоровое явление, чем отвращение к труду, и поэтому по диалектической логике они должны были составить некоторую часть общей

истории. Для того чтобы с ними бороться, не нужно было никаких особенных хитростей.

По мере того как укреплялся и развивался детский коллектив, развивались внутриколонийские хозяйственные, бытовые, производственные и иные скрепы, должны были отмирать и отмирали излишние индивидуалистические тенденции, отмирали как раз в такой степени, в какой реальные силы коллектива становились значительней. Я только так представляю себе процесс коллективного воспитания.

В таком случае те индивидуальные устремления, которые сами по себе не противоречат принципу коллектива, оставались и даже развивались, что необходимо именно в социалистическом воспитании. И, может быть, в опыте с огородами, в котором, конечно, присутствовала не одна какая-нибудь личная выгода, а целый пучок отдельных индивидуальных устремлений, может быть, как раз в этом опыте заключались совершенно полезные, хотя и индивидуальные, тенденции.

Кроме того, может быть, в этом опыте, заключались весьма важные элементы будущей коллективной логики[9]. В этом вопросе без очень пристального и, пожалуй, очень скучного анализа разобраться невозможно, и поэтому я от такого анализа отказываюсь. Но только такой анализ может дать нам точное представление о содержании этого весьма сложного явления: индивидуальный огород в детском доме.

Вообще я считаю, что пора нам решительно отказаться от спекуляций с одним-другим термином, из которого мы привыкли так победоносно выводить и педагогическое средство, и педагогическую критику[10]. Хотя бы и в этом случае: так просто упереться в термин «индивидуальный», потому что он присутствует в контексте: индивидуальный огород (т. е. такой огород, который обрабатывается отдельным мальчиком на отдельном небольшом участке, в противоположность коллективному, который обрабатывается отрядом на участке).

На самом деле, что такое индивидуальный огород в детском доме? Это ведь не уединенный участок земли, на котором хозяин своими собственными орудиями производит обработку для собственного потребления. Это часть общей коллективной собственности, на которой мальчик рядом с таким же

другим мальчиком взятым из общей кладовой орудием [труда], может быть даже [невольно] переживая определенный цикл коллективно-трудовых проблем, может быть становясь в самые разнообразные отношения и к коллективу, и к отдельным группам, и к отдельным лицам, - производит некоторую работу, продукты которой так или иначе влияют на коллективную экономику «узкой» коммуны.

Смотрите, какой сложный букет и сколько здесь элементов коллектива! А педагог как раз элементами, никакими элементами пренебрегать не может. Ибо может оказаться, что, исходя и начиная именно с таких элементарных случаев, наше воспитание сделает больше, чем нарочито и придирчиво организованное коллективное воспитание.

Я, впрочем, говорю еще раз, что без специального и очень детального анализа, и при этом еще раз скажу: небывалой в педагогике скуки (в какой-то мере каждая точная наука скучна), - точное разрешение этого вопроса совершенно невозможно. Тем более необходимой до некоторого времени становится проверка надобности или, по крайней мере, правильности того или другого суждения при помощи доверия к общей спасительности самого процесса развития коллектива.

Но для этого как раз и нужно, чтобы это развитие коллектива имело место, а не замедлялось сомнительной акробатикой даже не на канате, а на паутине, сотканной из самой дешевой спекуляции с терминами «монархический», «советский» и т.п.

На педагогической практике эта спекуляция принимает вид дешевых развлечений, на которые способны только педагоги. Скажите пожалуйста, на что похоже подобное развлечение т. Шацкого? Для серьезного дела очень нужно ему валять такого примитивного дурака, какого он валяет, по своим собственным словам, в разрешении вопроса об индивидуальных огородах? Действительно, «загадки загадывает». Этот его опыт не столько раздражает меня, впрочем, сколько вызывает сожаление к самому т. Шацкому. Тот мальчик, который крикнул, что Шацкий «загадки загадывает», был, конечно, не один. Ясно, что многие колонисты понимали, что опыт Шацкого - провокация и заводится специально для собственного посрамления. Педагогически здесь как будто выигрыш, а по-человечески посрамление.

Все это доказывает только, что коллектив у Шацкого развивался нездорово, если Шацкому необходимо было пускаться на такие хитрости и заменять ими простую и нормальную, здоровую атмосферу настоящей серьезной дисциплины.

Я остановился подольше на всей этой истории исключительно для того, чтобы показать, в каких дебрях очень неценных рассуждений путаются наши педагогические писания хотя бы в вопросе о самоуправлении. Спекуляции Шульгина представляют не только пустую окрошку из одних похвальных терминов (монархический и советский), но и определенно мошенническую затею. Я не могу подыскать более приличное слово: проповедь какой-то борьбы для получения детского самоуправления - это нечестная проповедь, рассчитанная на то, что хорошо грамотный человек быстренько пробежит строчки Шульгина, с удовлетворением на мгновение зацепится на приятном слове «борьба» и у него останется очень революционное воспоминание об авторе.

Если бы книга Шульгина была назначена для приятного чтения, например, для внедрения в педагогов революционных настроений, было бы даже похвально со стороны Шульгина употребление таких приятных слов, как «советский», «борьба» и т.п. Но представьте себе, что вы взяли эту книгу для руководства в настоящем серьезном деле. Открываете главу о самоуправлении и вдруг наталкиваетесь на такое определение самоуправления, при котором вам нужно обязательно заводить какую то борьбу с вашими воспитанниками.

А между тем, тон, подобный тону Шульгина, - это самый обыкновенный тон в нашей педагогической литературе. Мы, педагоги, именно такой пищей кормимся и после такой пищи работаем с детьми. Хорошо еще (это же совершенно серьезно), что советами нашей педагогической литературы ни один уважающий себя воспитатель не пользуется. Много мы читаем и много ищем в книгах откровений, но никогда их не находим[11].

Что такое самоуправление.

На вопросе о самоуправлении когда-нибудь похоронят колонию им М. Горького, и вероятно, до этого времени остается уже не так много. А между

тем как раз с вопросами самоуправления связаны все причины, определившие несомненный успех колонии и несомненную неудачу многих наших колоний.

То, что Шульгин почему-то называет[12]

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, лл. 49-52, с об. Фрагмент текста: т. 1, с. 38-40. Без даты. По содержанию относится к 1926-1928 гг.

Этот материал, как и публикуемые здесь далее теоретико-методические разработки А. С. Макаренко – это преддверие или частичное воспроизведение его «книги по педагогике» в стиле «педагогического памфлета», «монографии», которую он начал писать летом 1928 г. Она была «почти закончена» им в ноябре 1929 г., в объеме 20 печ. листов. Как 1-я часть «Педагогической поэмы» этот материал полностью оформился в октябре 1933 г., в объеме 9-10 печ. листов. Другая половина написанного не сохранилась, остались лишь некоторые фрагменты.

Вопрос о самоуправлении, выдвигаемый все время на первый план оппонентами А. С. Макаренко, действительно, является основой практической реализации его ведущих педагогических принципов и целей.

В этом или ином решении вопроса о самоуправлении воплощается принципиально разная реализация комплексного подходе к разработке базовых педагогических проблем: организация воспитательного процесса и управление им; объективная (трудовая или нетрудовая) основа этого процесса; содержание деятельности коллектива и его структура; сочетание детской самостоятельности, инициативы, «свободного проявления» личности - и педагогического руководства; связь общих и индивидуальных интересов в воспитательном коллективе; характер дисциплины.

Постановка и решение этих проблем базируется на различной трактовке философско-этического и общественно-политического фундамента педагогики и ее методологии, особенно в аспекте соотношения педагогической теории и практики. Результатом является то или иное представление о существе педагогики как науки, ее предмете методе и задачах.

1 Шульгин В. Н. (1894-1965) – деятель народного образования, социальный педагог, историк. В 20-х гг. возглавлял Институт методов школьной работы, Институт марксистко-ленинской педагогики. В 1927-1928 гг. возбудил дискуссию по фундаментальным проблемам педагогики.

В «Педагогической поэме» первоначально упоминается как теоретик, «сидящий на самой верхушке педагогического Олимпа». В подготовительных материалах к этому произведению значится, что образ Ф. К. Панова (отрицательный, его прототип – А. И. Попов, директор НИИ педагогики УССР в 1928 г.) содержит «черты Шульгина».

2 Книга В. Н. Шульгина «Основные вопросы социального воспитания» вышла во 2-м издании в Москве в 1924 г., переиздавалась в 1925-1926 гг. Макаренковские выписки из этой книги: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 189.

3 Шацкий С. Т. (1878-1934) – социальный педагог, руководитель Первой опытной станции по народному образованию НКП РСФСР (1919-1932), член учебно-педагогической секции ГУСа с 1921 г.

5 Жаргон: напоказ, для виду, с обманом.

6 То же А. С. Макаренко отмечает и в своем анализе воспитательной практики В. Н. Сороки-Росинского, как она отразилась в «Республике ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева (т. 7, с. 33-34).

7 В книге говорится о летней детской трудовой колонии для детей рабочих окраин Москвы в Щелкове в начале XX в. Организованный С. Т. Шацким опыт с коллективным огородом был неудачным. Книга «Годы исканий» в 1-м издании (1924-1925 гг.) содержала часть II – «Новая школа». В дальнейших изданиях она опущена, т. к. ряд ее положений автором был пересмотрен и уточнен. См. «Дети-работники будущего» - Пед. соч. в 4 тт., т. 1, М., с. 212-218, 491.

8 В известных исследователям материалах колонии им. М. Горького сведения об этом нет.

9 Говорится об основах логики целесообразности в построении, организации и развитии воспитательного коллектива, его значении в педагогической методологии.

10 А. С. Макаренко здесь выступает против умозрительно-декларативной педагогики, в методологии в которой преобладает «дедуктивная логика», опора на абсолютную ценность некоторых педагогических принципов и средств, якобы не нуждающихся в опытно-практической проверке.

«Индукция цельного педагогического опыта», в масштабах педагогического учреждения в целом, - это «основание для определение педагогического закона», - утверждает А. С. Макаренко. Этот тезис обусловлен его пониманием педагогики как опытно-экспериментальной науки. См. т. 1, с. 180-181; т. 4, с. 126-128. В данном случае имеется в виду ошибка педагогической логики типа «дедуктивного предсказания».

11 Есть немало свидетельств того, что А. С. Макаренко внимательно следил за педагогической литературой, отдельными изданиями и периодикой. Но ссылок на них в его авторских материалах немного. К. И. Сердюк: «На его рабочем столе всегда лежали новые книги, педагогические журналы» (Балабанович Е. А. С. Макаренко – человек и писатель. – М., 1963, с. 106, 87; он регулярно читал ж. «Военное дело»).

Г. С. Макаренко: «Перед переездом в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского у А. С. Макаренко была большая библиотека по философии. Он интересовался тогда вопросами морали, этики... Он имел обыкновение

составлять личную библиотеку по интересующей его проблематике и отдавать ее затем в общее пользование... В дальнейшем стал собирать библиотеку по истории...» (РГАЛИ, оф. 332, оп. 4, ед. хр. 491, л. 2).

12. На этом рукопись (машинопись) обрывается, фраза не дописана.

О некоторых проблемах теории и практики воспитания

1. Наши скромные желания

В огромном большинстве случаев инспектор, привыкший танцевать от школы, и в детском доме ничего не способен видеть, кроме школьных установок, а все то, что выходит за границы класса, все то, что составляет самую сущность детского дома, просто им не замечается[1].

Применение школьных критериев к работе детского дома в настоящее время сделалось обычным [делом] и, так сказать, определенной модой. В этом сказывается потеря веры в детский дом как в основное дело советского воспитания. Мечтания и планы 1920 г.[2]сейчас трезво забыты, и детский дом мыслится необходимым до тех пор, пока будут существовать беспризорные. Насколько я помню, в харьковской пятилетке прямо проектируется уменьшение числа детских домов и их воспитанников. Детский дом в таком аспекте есть нечто вымирающее, и, конечно, никакой особенной педагогики для него не нужно. Через пять лет останется два-три детских дома в больших городах специально для воспитания сирот. Их существование будет определяться только нуждой в призрении, но отнюдь не системой советского воспитания.

Если это действительно так, то вопрос о педагогике детского дома отпадает. Как будто все идет к этому. Уж одно то обстоятельство, что почти принципиально не допускается существование детского дома для детей из семьи, что в сотнях наших колоний и деткоммунах прямо изгоняются семейные дети, что детский дом у нас есть дом обязательно для беспризорных, уж одно это способно поставить крест над нашими педагогическими вожделениями[3].

Имеем ли мы право, рассчитывая на то, что этот процесс умирания детского дома приведет его к благополучной кончине, забросить вопрос о его педагогике? В 1920 г. мы начинали с утверждения, что соцвос может быть только в детском доме, что школа временная форма, мы отвоевали детский

дом у собеса, который по прямой житейской логике считал, что сироты и беспризорные его клиенты. В настоящее время наш детский дом по невыясненности своей педагогики, по заброшенности и своей практики, и своего благосостояния, собственно говоря, в значительной мере состоит в собесе.

Можем ли со спокойной совестью утверждать, что этот путь «от соцвоса к собесу» нормальный и правильный? Или, может быть, у нас есть еще возможность надеяться, что мы пойдем по другому пути: «от собеса к соцвосу»? Не рискуем ли мы, забросив педагогику детского дома слишком рано, лет через пять или даже раньше обнаружить, что мы слишком поторопились?

На эти вопросы не может быть двух ответов. Ответ может быть только один: именно детскому дому принадлежит советское педагогическое будущее. Вот несколько, вероятно, совершенно очевидных аксиом:

1. Не может быть социалистического общества без общественного воспитания. Совершенно невозможно представить себе, чтобы в государстве, основанном на плане, стихия воспитания не была в руках государства.

2. Школа не воспитывает и не может воспитывать. Разговоры о воспитывающей школе нужно расценивать как разговоры контрреволюционные[4].

Современное советское общество в вопросе о воспитании находится, в более сложном положении, чем общество дореволюционное. Царская Россия имела все основания считать своим надежным помощником в деле воспитания семью, поскольку семья была основным, признанным и закрепленным первичным коллективом в обществе. Семья, в особенности семья буржуазная, идеологически всегда должна была стоять в одной плоскости с государственной властью. В этом участии семьи в государственном плане воспитания лежали отчасти и причины ее крепости. Супруги необходимо должны были быть связаны религиозными и юридическими цепями, обязательно на всю жизнь, если они несут ответственность за воспитание детей. Женщина по возможности должна быть нянькой и хозяйкой и необходимо должна «бояться мужа»; крепость семьи приводила к принципу единоначалия, к власти одного над другим.

Дисциплина в семье была так же необходима старому обществу, как и гарантия того, что каждый ребенок обеспечен надолго отцом и матерью. Таким образом, вся архитектоника семьи была приспособлена к тем воспитательным задачам, которые на эту семью возлагались.

В нашем обществе мы тоже видим семью, но мы принципиально стоим на совершенно иной позиции по отношению к семье. Для нашего общества не нужен этот первичный коллектив[5]. Для его сохранения мы не пожертвуем интересами ни личности, ни женщины.

Наша семья уже в настоящее время не является таким солидным учреждением, с такими гарантиями крепости и долголетия, как старая семья. Женщина в нашей семье уже не нянька и хозяйка, а прежде всего активный и производящий член общества. И как раз воспитание детей мы все-таки оставляем в руках этой семьи. Ни в одном случае для нас здесь не может быть выигрыша, потому что в семье новой, где оба компонента совершенно равны и свободны, где они оба участвуют в производстве, где они могут свободно уйти один от другого, - в этой новой семье воспитательную тягу возложить не на кого. Ребенок в такой семье фактически остается без воспитания или воспитывается в хаосе случайных, ни кем не регулируемых влияний улицы, соседей, знакомых, товарищей[6].

Старая крепкая семья с матерью-хозяйкой, с властью отца и отеческим ремнем, может быть, и воспитывает, но наверняка воспитывает не то, что нам нужно.

3. В таких обстоятельствах можем ли мы хотя бы приблизительно сказать, что у нас вырастает и что у нас вырастет из наших детей? Где у нас гарантия, что из нашего теперешнего детства не вырастут самое наглое шкурное мещанство или растяпы и лежебоки «без царя в голове» и без уважения к себе и другим? И если сейчас в ответ на эти вопросы мы можем только развести руками и повертеть головой, дескать, не знаем, что через пять лет, когда наша промышленность потребует не одну тысячу женщин на производстве, когда в семью войдет матерью нынешняя свободная девушка, воспитанная нами в неведении пеленочной и печной квалификаций, мы обязательно скажем, что именно воспитание наших детей осталось без необходимых для этого институтов. Тот первичный коллектив, который

раньше выражался в семье, мы ничем не заменили, ибо нельзя же таким первичным воспитательным коллективом считать школьную группу[7].

4. Детский дом, и только детский дом, есть будущая форма советского воспитания[8]. Он, конечно, не может быть даже подобием нынешнего детского дома, наполненного искусственно изолированной беспризорщиной. Нынешняя колония, составленная из брошенных одиноких детей, переживших гораздо больше того, что под силу ребенку, - это, вне всяких сомнений, не вполне здоровое общество, и вполне здоровым даже при геройстве наших педагогов оно уже и не может быть.

Только детский дом, наполненный здоровым детством, знающим, что где-то на фабрике работают отец и мать, имеющим с ними связь и не лишенным ласки матери и заботы отца, только такой детский дом будет настоящим советским соцвосом, потому что в нем объединятся как воспитательные деятели и государство, и новая семья, и совершенно уже новый деятель - ребячий производственный, и образовательный, и коммунистический первичный коллектив[9].

И такой детский дом не только необходим, но и неизбежен, и, самое главное, вполне возможен. Правильно организованный и оборудованный детский дом, дающий ребенку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья, в то же время представляет собой производственную организацию.

Будущее наше детство будет давать обществу громадную продукцию, занимающую очень важное место в общегосударственном доходе. В самых круглых цифрах можно предвидеть, что, если все детство СССР будет организовано в детских домах, оно будет давать в год продукции на сумму один миллиард рублей. Это обстоятельство должно определить дешевизну содержания ребенка в детском доме, следовательно, выгодность для семьи помещения ребенка в детский дом.

Кроме того, нужно предполагать, что общественное воспитание будет признано настолько серьезным делом, что оно будет строиться, подобно нынешнему соцстраху, на принципах обязательного участия в расходах всех. Ибо если в социальном страховании должны участвовать все, то тем более все должны участвовать в расходах по подготовке будущего поколения.

Будущее поколение - дело всего общества, а не только тех, кто физически позволил себе роскошь иметь детей.

Во всяком случае, если вопрос о развитии и расширении сети детских домов есть вопрос только о средствах, принципиальная позиция педагогической мысли по отношению к детскому дому не может быть отрицательной. В последнем счете даже вопрос о средствах представляется трудным только в смысле единовременных затрат на постройку новых детских домов, самое же содержание ребенка в детском доме в среднем должно обходиться гораздо дешевле, чем в семье, при гораздо лучшем обеспечении всех его потребностей[10]. Кстати, нужно сказать, что это содержание должно обходиться тем дешевле, чем лучше построен и оборудован детский дом. Правильное вложение капитала и здесь, как и в иных случаях, приносит и больше экономии, и больше прибыли.

Впрочем, вопрос о финансовой стороне детского дома не входит в настоящую тему, об этом можно все же сказать очень много простых и совершенно очевидных истин когда-нибудь в другой раз.

Главное, на что необходимо обратить общее внимание, и в особенности внимание педагогической науки,- это совершенно несомненное положение, что советскому детскому дому, а отнюдь не [обычной] школе, принадлежит будущее. Замалчивание методики детского дома поэтому должно быть оставлено.

В настоящее время в области разработки педагогических вопросов по отношению к детскому дому, да и вообще по отношению к воспитанию происходит много неладного, если не сказать больше. Схоластическая удаленность нашей науки от педагогической практики, отсутствие определенного научного метода, гипотетичность большинства теоретических положений, преобладание формы проповеди, крайняя дедуктивность самой логики научной работы[11] и, наконец, целое море удивительно живучих предрассудков - все это приводит к тому, что в настоящее время у нас в практике нет ни одного совершенно бесспорного положения.

По любому вопросу, даже самому древнему, у нас возможны два мнения, самое меньшее, и очень часто борьба этих мнений решается вовсе не при помощи аргументов, а исключительно благодаря давлению идей и

принципов, стоящих вне логики и даже открыто отрицающих право логики на вмешательство. Ни в какой другой науке и ни в какой другой практической работе такую заметную роль не играет чистое «убеждение», т. е. совершенно свободная уверенность в какой-то непогрешимой истине, как в педагогике.

Можно привести очень много примеров этой преобладающей априорности, но я остановлюсь на одном, первом попавшемся. Мы, например, все глубоко убеждены, что сознательная дисциплина - благо и что нужно воспитывать именно сознательную дисциплину, а между тем это, безусловно, одно из самых спорных положений, если подходить к нему не с точки зрения непогрешимости педагогической науки.

Дисциплина - это производное очень многих влияний и очень многих образований в сфере человеческой личности. Дисциплина поэтому может быть только конечным эффектом всего процесса воспитания. И как раз поэтому чрезмерное преобладание «сознательности» в дисциплине говорит прежде всего о ее слабости, о ее «сознательной» нарочитости.

Такой термин, как «сознательная дисциплина», можно употреблять в разговорной речи или в агитационной статье, но ни в коем случае он не может быть точным научным термином, благодаря полному противоречию между понятием сознательности и понятием дисциплины. Ведь по этому типу можно, пожалуй, сказать и «сознательная воспитанность» или «сознательная ловкость»[12].

Но было бы еще не такой большой бедой, если бы наши недостатки ограничивались только обилием вопросов спорных, даже больше, если бы все вопросы были спорными. В некоторых отделах нашей педагогической мысли очень немного спорят, не потому, что нельзя спорить, а потому, что нет охотников на это занятие. Даже напротив: находится очень много любителей гораздо более легкого дела - разводить водой и разливать по многим страницам уже однажды высказанные положения. В практической работе тоже споров мало. Так что, повторяю, беда не в спорах.

Беда в том, что наша практическая воспитательная работа вся состоит из проблем, над которыми вот уже десяток лет работают многие тысячи людей: воспитателей, инспекторов, инструкторов. Для нас это все

действительные проблемы, и пока что проблемы проклятые и, несмотря на это проклятие, все же проблемы педагогические. Они таковы как раз потому, что мы прекрасно видим, что в их разрешении весь залог успеха.

Но этими как раз проблемами наша теория и наша литература совсем не занимаются или занимаются очень мало.

Отчего это происходит? Отчего то, что для практиков составляет главный вопрос, не составляет никакого вопроса в теории? Ведь если в практической медицине вопрос о лечении рака один из главных, то таков же он и в медицинской теории. В педагогике же наш главный вопрос не является ни главным, ни второстепенным, вообще никаким в педагогической «теории».

Вот почему для нас, практических работников, даже трудно решить, что же это такое - педагогическая «теория». К нам приходят новые товарищи, только что окончившие вуз, только что освоившие педагогическую теорию, и они нам не приносят ничего нужного, никакой новой струи не вливают в наши застоявшиеся реки. В течение двух-трех лет они на наших глазах забывают эту самую теорию и постепенно приучаются полагаться больше на эрудицию, здравый смысл и житейский опыт, и в то же время они вместе с нами возятся с нашими проклятыми проблемами, которые где-то там повыше не считаются ни проклятыми, ни педагогическими, ни даже проблемами.

Значит ли это, что мы отрицаем педагогическую теорию, а пожалуй, даже и науку?

Нет, это только значит, что мы заявляем несколько самых скромных желаний.

Несколько самых тихоньких воззваний к педагогической науке и к педагогической литературе.

1. Мы просим те вопросы, которые крайне важны и которые давно торчат перед нашими практическими глазами, без решения которых мы не можем шагу ступить в педагогической работе, - считать педагогическими и присвоить им звание проблем, почетных педагогических проблем.

2. Мы просим вообще считать педагогику наукой, которая нужна прежде всего нам, практическим работникам, и которая для нас специально существует, и просим не считать, что мы и наши воспитанники существуем

для педагогической науки. В наших школах, например, сплошь и рядом можно наблюдать, что не комплекс существует для учеников, а ученики для комплекса[13].

3. Мы просим, наконец, чтобы то, что называется педагогической наукой, стояло в прямом отношении и к нашей революции, и к тому, что называется реализмом, и к пятилетке, и к индустриализации, чтобы и вся наша работа не сидела на берегу, глядя, как мимо нас проносится широкая река жизни, а мы в это время сидим на берегу, колотим себя кулаками в грудь и кричим:

- Мы тоже с вами, честное сознательное слово, с вами, ей богу, с вами!

Вот наши скромные пожелания.

В ответ на них мы готовы выслушать возражения. Такие:

1. Ничего подобного и даже наоборот.

2. Наша наука самая революционная, самая индустриализационная.

3. Мы существуем только для нужд практической педагогики, и кто в этом сомневается, тот, значит, с нашей наукой не знаком и вообще человек подозрительный.

4. Вообще ничего подобного.

5. Все эти скромные желания - это отрицание соцвоса, это ревизия соцвоса, это недопустимо и это кустарничество.

(К слову сказать, кустарничество - есть самое ругательное слово в педагогике, по своему ругательному значению равное приблизительно словам «мове тон».)

Вот какие возражения. Я их не выдумываю, потому что я их уже слышал много, много раз. Но ведь это не возражения... Это заклинания. Я не отрицаю, что, как член педагогического общества, тоже боюсь заклинаний, не потому, что верю в их реальный смысл, а потому, что бывает на свете и панический страх.

Но соцвоса мы не отрицаем. Напротив, как раз мы являемся теми людьми, которых Гринько называет подвижниками соцвоса. Как раз наш советский соцвос мы считаем одной из самых прекрасных мыслей человечества, но мы требуем и желаем, чтобы был соцвос, а не разговоры о соцвосе, не спекуляция на соцвосе. О соцвосе, между прочим, можно очень

много говорить, и у нас бы нашлось много доказательств, что соцвос извращается не по вине практических работников. Но сейчас не нужно этого специально говорить, потому что все, что написано выше и ниже, и есть как раз защита идей соцвоса.

В доказательство же того, что мы говорим правду, мы перечислим несколько наших практических проблем (не знаю, дано ли мне разрешение называть их еще и педагогическими?).

Итак, я пересиливаю панический страх и приступаю к этому перечислению. Но предупреждаю, что все то, что говорится ниже, ни в какой мере не выдумка, что эти проблемы действительно существуют не у одного меня. Я их извлекаю из тысячи моих встреч с работниками детских домов и из сотен наблюдений над детскими домами[14].

При этом в моем перечислении не будет никакой системы и никакой обстоятельности. Я только назову и кратко охарактеризую некоторые вопросы, разрешение которых должно принадлежать педагогике, для того чтобы воспитание могло выполнить свою огромную задачу, еще более огромную и ответственную задачу в будущем, и приведу только вопросы примерные; все проблемы нашей работы не могут вместиться на территории одного печатного листа.

Воспитатель

Действительно, проблема почти не педагогическая. Даже странно, что же это - в педагогике завести особый отдел о воспитателе? Да, наконец, и о воспитателе пишется немало.

Наудачу достаю с полки одну из книг по педагогике. Я могу это сделать наудачу потому, что во всех книгах по педагогике о воспитателе говорится приблизительно одно и то же. У меня в руках «Основы и практика социального воспитания» Н. Н. Иорданского[15]. На тех немногих страницах, которые посвящены воспитателю, повторяются о нем обычные мысли. Среди них выделяются две идеи, определяющие и направляющие, с точки зрения педагогики, работу воспитателя.

Прежде всего воспитательская проблема разрешается в границах отношения воспитателя к воспитаннику[16]. «Живое отношение» является фундаментальным камнем воспитания, без которого никакого здания нельзя

построить. Воспитатель в каждый момент своей работы должен стоять перед воспитанником или перед коллективом детей с обнаженной собственной личностью, и его работа не представляется иначе, как растрачивание его личности. Кратко эта позиция воспитателя характеризуется: «Воспитатель должен быть просто человеком».

Впрочем, за этой формулой меньше всего простоты. Это именно не просто человек, в простоте своей совершающий определенную работу, это человек, главным инструментом которого является его собственная человечность. Только орудуя своими живыми нервами, вскрытыми окончаниями нервов, непосредственно направленными на ребенка, «воспитатель преобразует что-то» в душе ребенка или в душах нескольких детей. Здесь вообще функционируют души («... душу воспитателя нельзя поделить», с. 175), а не реальности. В соответствии с этим и как это обычно было принято в педагогической литературе слово «воспитатель» ставится только в единственном числе. Иначе и быть не может при условии работы обнаженной воспитательской личности. «У педагога объект его работы - живая личность человека»,- говорит Иорданский (с. 177). Как это далеко стоит от самой стихии коллективного воспитания! И все-таки это оказывается «основами социального воспитания».

Вторая идея, впрочем, необходимо вытекающая из первой,- это идея подвига воспитателя.

Иорданский говорит: «Педагогическая работа - подвиг, так представляли мы ее на школьной скамье. И в это старое, глубоко ценное и дорогое нам, людям прошлого, понятие хотелось бы, впрочем, внести кое-какие поправки».

Как видим, только поправки. В результате после этих поправок всё же остается подвиг в тех или иных формах. Иорданский говорит о нем на каждой странице, иногда прямо от себя, иногда сочувственно цитируя того или другого автора. Вот:

С. 176. «Воспитатель. Сколько жизненного опыта, силы воли, любви и веры связано с этим словом».

С. 179. «Сурово взглянул любимый учитель, и это часто заставляет ребенка задуматься».

С. 180. «Нужен энтузиазм, глубокая вера в свои способы воспитания».

С. 182. «Живое влияние любви в коллективе делает чудо. Нужно уметь это чудо вызвать и сделать».

«Своим добрым сердцем он заставит каждого мальчика почувствовать, что ни одного мальчика он не уважает так, как его».

С. 186. «Сердце у воспитателя должно быть полно глубокой любви к тому конкретному ребенку, с каким ему приходится иметь дело, хотя бы ребенок этот был испорчен чрезвычайно, хотя бы он причинил ему очень много неприятностей».

Как далеки все эти мысли о воспитателе от серьезной деловой постановки вопроса! Сердце воспитателя объявляется единственным регулятором его работы. До какой степени это подвижническое служение сердца делается основанием воспитательского труда, можно судить по таким словам Н. Н. Иорданского:

«Важно для педагога, я скажу даже обязательно, направить свою деятельность в области социального воспитания так, чтобы, увлекшись улучшениями и изменениями детской обстановки, он организационное внимание обратил бы на то, что сильнее всего его самого интересует, ближе для его души, духовному его складу и настроению. Если сердце его не лежит, например, к узко экономическим интересам детей (детская касса, кооперация, счетоводство) просто потому, что он сам не привык придавать значение этой именно области жизни, то навряд ли следует ему браться за них. Ребенок быстро поймет фальшь и неискренность его тона».

Спросим теперь, что же у нас останется от социального воспитания в условиях такой диктатуры сердца? На каждом шагу мы встречаем личность педагога-энтузиаста, «доброе сердце» которого полно любви к самому испорченному ребенку и который поэтому сам всегда именуется не иначе, как «любимым учителем». Атмосфера влюбленности и любви, разве это не та атмосфера, которую хотели завести в институтах благородных девиц и которую, конечно, не завели? И мы в наш век социальных революций идем даже дальше благородных девиц, доброму сердцу педагога предоставляем право даже выбрать «по симпатии» ту область, которая сделается основным фоном опыта и развития ребенка. Спрашивается, между прочим, какой букет

можно спроектировать, если, предположим, в детском доме десять воспитателей. Их добрые сердца, их личные подвиги в какие десять сторон растащат несчастный детский коллектив?

Что думает Иорданский и другие о коллективе воспитателей, мы не можем даже представить, потому что они видят перед собой только изможденное лицо подвижника-педагога. Тем не менее Иорданский полагает, что работа всех этих припадочных добрых сердец приведет к чему-то толковому. Достижения выражаются тоже в таких терминах, что читать все это невозможно без слез:

«Эта работа даст нужный рассеянный без теней свет, ровно разливая его среди многих, пока еще обездоленных детей, тех детей, которые уже имеют право на счастье, на солнце, на радости жизни. Ровными волнами лучистое это тепло, расширяясь все дальше, действительно сделает их детьми солнца».

Товарищи, ну зачем же такие слова! Ну разве же можно такие вещи говорить десяткам тысяч наших воспитателей и учителей? Что они должны сделать под влиянием этой проповеди? Если они честные люди, им остается только одно: подать заявление об увольнении и искать места в кооперации. Между прочим, как бездоказательна подобная литература, так же могу быть бездоказателен и я и утверждать, что результаты будут иные. Рецептура доброго сердца только в некоторых случаях приведет к действительному подвигу, в большинстве же случаев она приведет к излюбленному нашему интеллигентскому ханжеству.

Она, эта система, обязательно скоро осложнится конкуренцией добрых сердец, гнусной борьбой за симпатии детей, за титул «наиболее любимого учителя». Физиономия сердца, на одной своей стороне добрая и любящая, вторую щеку свою сведет в судорогу злобы и зависти по отношению к коллеге, перещеголявшему всех в хитроумном своем педагогическом подвиге. А ведь у каждого педагога найдутся грешки и слабости, удобный фон для развенчивающей агитации.

И не будет никакого ровного рассеянного света у «детей солнца». Выйдут из них молодые старички с постоянной маской любви и добродетели на физиономии, лживые и хитрые эгоистики, привыкшие подрабатывать на

выражении своих чувств и похвальных мыслей. Впрочем, это все к слову. Нет никакой надобности спорить с Н. Н. Иорданским.

Мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей. В этой огромной задаче нам нельзя строить свои планы в расчете на добрые сердца, энтузиазм и пр. В нашем распоряжении имеется, и будет иметься только средний воспитатель, член профессионального союза и кооператива, обладающий обычными человеческими чертами. Я тоже возглашаю: воспитатель - тоже человек.

Между прочими его чертами я отличу такие: он обладает средними способностями, но интересуется наукой и литературой, политической работой. Впрочем, не прочь сразиться и в футбол или шахматы, пойти в театр, поесть мороженого, а если он мужчина, то выпить бутылку пива с приятелем. Вступивши воспитателем в детский дом, он хочет честно работать, но получить большее вознаграждение и обязательно двухмесячный отпуск. К тому же он или она обязательно в кого-нибудь влюбится. Им захочется вечер провести вдвоем в парке или зимой в теплой комнате. Потом он женится, во всяком случае обзаведется женой или мужем, комодом, книжной полкой и буфетом и, наконец, собственным ребенком, который обязательно представляется ему несколько лучшим по сравнению со всеми прочими ребятами на земном шаре. Можно с некоторой долей вероятности допустить, что имеется не один такой хороший ребенок, а два или три, и каждому необходимо по установленной норме белье, капоры и ботинки. Все это перемежается с фактами работы, приносящей то удовлетворение, то разочарование, но одновременно и с фактами служебных неприятностей, внутриколлективных антипатий, товарищеских ужинов, лечения аппендицита, пломбированием зубов и переводами на лучшую службу.

Из всей массы работников: 0,01% действительных творцов и действительных энтузиастов; 0,5% людей с добрым сердцем, отдающих себя чужим ребятам до отказа; 40% людей мало способных и неактивных; 20% определенных лодырей; 5% морально дефективных[17]. При других цифрах – все равно неуместна ставка на энтузиаста, подвижника и доброе сердце.

Не ясно ли, наконец, что мы имеем право подойти к нашему делу, как к производству[18], и посмотреть на воспитателя как на рабочего, которому

вверяется серьезная деловая функция, ставится точная, пусть и трудная, но все же посильная задача, не требующая от него гипертрофии сердца или другого какого-нибудь не менее важного органа, не лишающая его возможности быть человеком, иметь свою личную жизнь и спокойную старость.

Мы имеем право так поставить вопрос, но мы и обязаны его так поставить. Если нам докажут, что воспитание возможно только в меру наших упований на реагирование личности педагога и на его преждевременную героическую кончину (потому что какова же может быть длительность жизни воспитателя, по Иорданскому, кроме как максимум 35 лет), то нам останется махнуть рукой на воспитание, мы его не сможем организовать просто за недостатком личностей, желающих «влектися на заклание». Это во-первых. Во-вторых, мы деловым образом обязаны поставить вопрос еще и потому, что вокруг нас на каждом шагу видим детские дома и колонии, не только не наполненные сгорающими личностями и любимыми учителями, но, напротив, обслуживающиеся самыми средними людьми...

И в порядке естественного приспособления к процессу производства, к его реальным условиям, среди этих обыкновенных людей зарождаются организационные идеи, идут чисто производственные поиски, находятся стремления осмыслить и понять деловую сущность своей работы, найти ту рабочую установку, которая одновременно и позволит им делать порученное им дело, и не потребует от них самих нечеловеческого напряжения.

Нужно подчеркнуть, что эти поиски еще очень несовершенны, еще очень далеки от науки. Не находится ученый ум, который бы синтезировал опыт, дал ему систему и толчок для развития. Тем более велика трудность этих большей частью бессознательных начинаний, что рядом с ними стоит признанная педагогическая наука с горящими глазами и растрепанной шевелюрой, призывающая к чудесам. Так, как разрешается педагогическая проблема у Иорданского, мы не только не можем разрешать, но нам это, очевидно, и в голову не может прийти.

У нас проблема воспитателя выражается, конечно, в других формах. Привезли в колонию револьверный станок, в машинное отделение

деревообделочной мастерской. Квалифицированная воспитательница спрашивает:

- Привезли револьверный станок? А что, разве мы будем револьверы делать?

Да что револьверный? Наши воспитатели не знают, что такое торговый дюйм, калькуляция, метчик, шкив, какая разница между болтом и гайкой. Воспитатели совершенно не разбираются в вопросах организации труда, они не знакомы с условиями стандартной работы, они не имеют вообще никаких мыслей и знаний, касающихся производства, им не знаком чертеж и рисунок, на готовальню они смотрят, как на набор зубоврачебных инструментов, они могут серьезно напасть на мальчика за то, что он неохотно работает в машинном отделении деревообделочной мастерской, но они совершенно неспособны себе представить, сколько требуется силы и напряжения, допустим, на долбежном станке. Они не видят никакой существенной воспитательной разницы между сапожной мастерской и слесарной, они не могут решить вопроса, нужно ли мальчику дуть меха в кузнице или для него это лишнее.

А между тем они все-таки воспитатели в детском рабочем коллективе. Пока ребята работают в мастерских, воспитателям нечего делать, в мастерские они и заходить боятся. А когда уставшие ребята к вечеру должны, казалось бы, отдохнуть, педагоги нападут на них в полном вооружении своей науки, и тут уже ребятам пощады нет. Кого уговорят, кого устыдят, кого придавят при помощи дисциплины, во всяком случае обязательно усадят на какое-нибудь заседание, а потом еще и обижаются:

- Наши ребята ничем не интересуются. Я им читаю о феодализме, а они спят, а когда кончила, так и сон прошел, все моментально в саду.

Воспитатели кое-что понимают в организации кружков, но специальных знаний о клубной работе среди детей у них нет при самой высокой квалификации[19]. Наш иновец[20] если и может организовать кружок, то обязательно или литературный, или драматический, да и в литературном кружке не знает толком, какую литературу нужно предложить ребятам.

Ребята хватаются за приключенческую, а воспитатель, воспитанный на лучших традициях, сует им Тургенева.

Правильно это или неправильно, проблема это или не проблема? А если не проблема, то что?

Вечером собирается оркестр. Кое-кто из ребят танцует вальс. И опять педагогическая проблема: можно вальс танцевать или нельзя? А если нельзя, то запретить будет педагогично или непедагогично?

Так и вертится воспитатель среди множества различных проблем. Неудивительно, что очень скоро огромное большинство воспитателей опускаются на обыкновенное и не очень храброе надзирательство. Скучно ходить по коридорам и мешать ребятам заниматься своими делами, а при возможности [воспитатель] постарается удрать с дежурства, вот до какого падения сплошь и рядом опускается педагогическая деятельность. Неужели и это не педагогическая проблема?

Но вот проблема - не отдельный воспитатель, а воспитательский коллектив[21]. Соцвос может быть делом только коллектива воспитателей. Отдельный воспитатель не имеет права ни на какую политику и ни на какую методику в детском доме. Между прочим, он не имеет права ни на какую любовь к себе лично со стороны воспитанников, если это не входит в план всего педагогического коллектива.

Но что мы знаем о педагогическом коллективе? Сказано ли о нем хоть одно слово? Если нужно составить педагогический коллектив, то должен ли он составляться по формуле А, Б, С, В или по формуле А, А, В, К и почему по той или другой? Чем, наконец, определяются свойства педагогического коллектива? Военные очень хорошо знают, каков должен быть состав роты или какого-нибудь штаба, инженеры тоже прекрасно знают, из кого составить ту или иную бригаду. У нас этого ничего не знают. Кто-то, где-то, почему-то решил, что на каждые десять воспитанников должен быть один воспитатель и что он должен якобы работать 30 часов в неделю...

По этим правилам в старой Куряжской коммуне на 400 детей было 40 воспитателей. Не только дети, но и они сами не знали, как друг друга зовут. И заведующий, и дети не знали, что делать с этой толпой. Дети, впрочем, нашлись: они стали их просто обкрадывать. Некоторых обокрали по два-три раза. Воспитатели перебрались в город и стали приезжать только на дежурства с небольшим саквояжем, в котором подушка и мыло.

Чем были наполнены 30 часов работы этой толпы? Главная работа - заседание педсовета, месткома, общее собрание. Главные вопросы: склока, отпуск, жалованье, перегрузка, компенсация, жалоба и опять склока.

А чем должны быть наполнены эти 30 часов?

И при всей трудности жизни этих несчастных людей нужно признать, что ни 30, ни 130, ни 3, ни сколько угодно часов их работы никому не были нужны - ни детям, ни обществу. И может быть, три настоящих живых человека, может быть, даже без педагогической подготовки, хорошо оплаченных и охраненных от издевательств тех же самых детей, дали бы и детям, и обществу гораздо больше и при гораздо меньших затратах. Это проблема или не проблема?

Это не педагогическая проблема только в том случае, если сознательно закрыть глаза и не видеть, что такой коллектив 40 воспитателей вовсе не случайность, что он не единственный, что в лучшем случае наши воспитательские толпы надзирательствуют и кое-как занимаются в плохонькой школе, что ни подготовка, ни организация педагогических коллективов, ни трудовые расчеты, ни рекомендуемая им методика, ни педагогическая литература, которую они читают, в самом существе и в своей логике не назначены для советского воспитания.

Проблема воспитателя у нас находится сейчас в таком положении, что ее можно характеризовать очень кратко: советского воспитательского коллектива у нас нет, мы не знаем, каким он должен быть, и мы не имеем никакого понятия, откуда он у нас возьмется и на чьей обязанности лежит его спроектировать.

Труд, хозяйство, производство

Это вторая из многих проблем.

Она, я надеюсь, станет ясной из следующего краткого рассказа о моем опыте[22].

Пед. соч., т. 1, с. 80-90. Без заголовка и даты. Дается заголовок, представленный в т. 1 8-томного собр. Пед. соч. По содержанию датируется: середина 1928-1929 г. Судя по тексту, этот материал готовился как статья в объеме 1 печ. листа.

А. С. Макаренко здесь поднимает важнейшую методологическую проблему - соотношения теории и практики в педагогической науке. В его

системе педагогики ее 4 «этажа»: методологический, теоретический, организационно-методический и технологический – не разрозненны, а системно–взаимообусловлены, «проникают» друг в друга. Вопросы педагогической теории он доводит до уровня практики, а практические поднимает до их теоретического осмысления.

Такой подход соответствует его взгляду на педагогику как на «активную, целеустремленную» науку, «прежде всего науку практически целесообразную» (т. 4, с. 51, 126). Это не означает ее превращения в прикладное знание. Педагогика имеет свою область исследования, нуждается в разработке соответствующей методологии и теории.

«... Вопрос решается не в отношении теории к практике, а в самом качестве как теории, так и практики» (Фере Н. Е., Макаренко А. С. На гигантском фронте// А. С. Макаренко. Кн. 8. – Львов, 1930, с. 50).

1 А. С. Макаренко отмечает важный факт: отход от «единой трудовой школы» («школы жизни», школы воспитания), возврат к «школе учебы», академическому знанию, ориентированному на вуз. В 1922-1925 гг. зародилось 2 направления в общем образовании: «вузоцентрическая» 9-10-летняя школа, действующая в традиции привилегированной школы-гимназии, - и начальная и 7-летняя школы, дающие низшее профессиональное образование, по рабочим профессиям (профшкола, фабзауч, ФЗС, ШКМ - школа крестьянской, затем колхозной молодежи).

2 Имеется в виду, несомненно, «Декларация НКП УССР о социальном воспитании детей» (1920 г.).

3 вопрос о детском доме как учреждении, рассчитанном и на детей из семьи, в это время отстаивала также Н. К. Крупская. См. ее статью «О социальном воспитании» (1930 г.): Пед. соч., в 6 тт., т. 4, с. 254.

4 Говорится о «школе учебы», где воспитание сводится к «воспитывающему обучению» и «воспитательной работе» культурно-просветительного характера, проводимой также в логике обучения, разностороннего знания.

5 Понятие «первичный коллектив» А. С. Макаренко употребляет следовательно, не только в рамках воспитательного коллектива педагогического учреждения, но и по отношению к структуре общества. В этом смысле школа также определяется как первичный коллектив, применительно к учащейся молодежи.

Макаренковская полемически заостренная констатация недостатков семьи как воспитательного института в определенной мере оправдана: к середине 30-х гг. большинство беспризорных стали составлять «семейные дети», имеющие родителей. В 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) вынуждены были принять постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Возникло новое социальное явление – «детская

безнадзорность». В середине 1936 г. А. С. Макаренко начал работу над «Книгой для родителей» (фактически это книга о родителях, о семье).

6 Это со всей очевидностью проявляется в России в настоящее время, когда сотни тысячи детей из семьи (до 1 миллиона) оказываются вне школы, становятся беспризорными и безнадзорными, несовершеннолетними правонарушителями, растет число разводов, «социальных сирот», «отказных детей».

7. Данное утверждение, несомненно, основано на том, что «школьная группа» (учебный класса, а также «малая группа» во внеклассной работе) не имеет своей материально-трудовой базы, социально признанного статуса.

8 Характерным, но весьма ограниченным проявлением этой тенденции стало широкое распространение с 70-х гг. в советской школе «групп продленного дня». В современной зарубежной практике развивается опыт «школ полного дня».

9 А. С. Макаренко дважды (в 1928 и 1936 гг.) обращался к созданию такого типа воспитательно-образовательного учреждения, в виде «лесной школы»: т. 8, с. 40-41 и т. 4, с. 24-25.

10 А. С. Макаренко делал такого рода расчеты (1928 г.): «Сокращение расходов» - т. 1, с. 95-97.

11 Речь опять же идет о методологии педагогики, «педагогической логике», основанной на умозрительной дедукции, догматических положениях, слепо принятых на веру и обязательных к всеобщему исполнению на практике.

12 В дальнейшем А. С. Макаренко обстоятельно рассматривает связь «сознания» и опыта поведения в формировании дисциплины, опровергая установку на возможность достижения реальной дисциплины лишь на уровне знания, т. е. с помощью обучения. См.: т. 1, с. 284-287; т. 4, с. 121-122, 139-153; т. 3, с. 390. Необходимо знание «теории дисциплины».

13 Говорится о «комплексной системе обучения» в школах: это первое макаренковское критическое высказывание о ней.

14 Эти наблюдения во многом основаны на деятельности А. С. Макаренко по объединению детских интернатных учреждений Харьковского округа в кон. 1927-нач. 1928 гг.

15 Иорданский Н. Н. (1863-1941) – педагог, деятель народного образования, в 1921-1922 гг. зав. Главсоцвосом НКП РСФСР. Его книга «Основы и практика социального воспитания» вышла в Москве 2-м изданием в 1923, переиздавалась в 1924-1925 гг. Выписки А. С. Макаренко из этой книги, изд. на укр. яз.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 189, лл. 1-2.

16 А. С. Макаренко называл эту педагогическую концепцию, основанную лишь на персональных взаимоотношениях в системе «учитель-ученик» (притом без опоры их общения на социально значимую деятельность) – «парной педагогикой». Она сводит к минимуму «поле»

педагогического действия, поэтому не может быть эффективной, игнорируя другие, более мощные воспитательные влияния.

Система «учитель-ученик» характерная для процесса обучения. В «школе учебы» ею пользуются и в воспитании, подменяя воспитание обучением.

17 Эти данные опираются, вероятно, в основном на опыт его работы по объединению детских интернатных учреждений Харьковского округа.

18 А. С. Макаренко разрабатывает «технологический подход» к воспитанию, исходя, прежде всего из принципов всеобщности и равенства в врспитании. Важнейшей проблемой такого подхода является индивидуализация воспитания. В творчестве А. С. Макаренко решается задача органической связи общего и индивидуального в становлении социально полноценной личности (т. 3, с. 391-398).

19 В январе 1928 г. А. С. Макаренко составляет методическую разработку «Вроде методического плана клубной работы», применительно к коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. См. т. 1, с. 64-67.

20 Так называли учителей-воспитателей, окончивших институт народного образования (впоследствии пединституты).

21 В начале 1929 г. А. С. Макаренко пишет теоретико-методическую работу о педагогическом коллективе, §1, используя данные и по колонии горьковцев, и по коммуне дзержинцев. Посмертно это публикуется под названием «Длительность педагогического коллектива»: т. 1, с. 102-111.

22 Макарековскую работу «Из опыта Полтавской колонии им. М. Горького» Н. Ф. Остроменцкая упоминает в своем очерке «Навстречу жизни...» Цитируемый ею на с. 61 очерка отрывок полностью соответствует «Педагогической поэме» (т. 3, с. 17).

О педагогической теории и практике (фрагмент)

Мы как-то черезчур высоко летаем, не в обиду будь сказано нашим ученым педагогам. Область научной педагогики – это что-то такое далекое и от общества, и даже от практических работников. Вероятно, ни в одной области знания высококвалифицированные ученые так основательно не оторваны от практики, как у нас. Это, впрочем, не мешает любому практическому работнику-педагогу при желании вдруг сделаться высококвалифицированным ученым-педагогом.

Что во всем этом есть что-то в высшей степени странное и что-то в высшей степени передовое, не может подлежать никакому сомнению. Очень возможно, что это происходит от невероятных потуг нашей педагогики сделаться как можно скорее настоящей наукой, поэтому именно так хочется

«заиметь», как говорят наши колонисты, «всамделешнюю» теорию, пусть даже и совершенно оторванную от нашей практики.

Очень возможно, что вся теперешняя наша возня с этой бедной молоденькой рефлексологией[1] когда-нибудь и поможет нашей педагогике выбраться на научную дорогу, но в настоящее время наши молодые педагоги, окончившие специальный педагогический вуз и очень гордящиеся своей рефлексологической подготовкой и серьезными соображениями насчет равных «увязок», глубоко убежденные, что в комплексе действительно заключена квинт-эссенция педагогической премудрости[2], - на практической работе нисколько не лучше всех обыкновенных смертных, а по сравнению с людьми бывалыми, много видевшими и много мыслившими, они уже ни как не идут в сравнение…

Пед. соч., т. 1, с. 152. Материал без заголовка и даты. Заголовок дан при первой публикации. По содержанию относится к 1-й половине 1928 г. и далее.

1 С начала 1928 г. в полную меру развернулась критика «рефлексологии» В. М. Бехтерева, начатая в середине 20-х гг. Г. И. Челпановым и Л. С. Выготским по проблеме соотношения сознания и поведения человека. Преодолевался дуализм внутреннего и внешнего в человеческой психике: «поведение без психики» и «психика без поведения».

А. С. Макаренко, выдвигая в воспитании на первый план поведение, преодолевает интеллектуалистическую трактовку сознания, его отождествление со знанием. Он отвергает просветительский подход к воспитанию, который формирует «словесное», «рассудочное» миросозерцание. Опора в воспитании на трудовой коллектив, социально - нравственный опыт личности воспринимается его критиками как «муштра», «обезличенность», недооценка роли сознания в воспитании. См.: т. 2, с. 128; т. 4, с. 287; т. 5, с. 249-250.

2 Говоря о разных «увязках» в педагогической теории и практике, А. С. Макаренко здесь, несомненно, не только имеет в виду «комплексную систему обучения», но и выступает против механического подхода к связи школы с жизнью, воспитания с производительным трудом и т.д.

***Дополнение.* Статья «В колониях для беспризорных» - газ. Вести ВЦИКа, 5 сентября 1928 г.: «На Харьковщине 19 колоний для беспризорных, около 5 тыс. детей». В домах подростков (учатся на рабфаке, в вузах, работают на предприятиях) – 800 чел. В 1928 г. направлены в школы – 900, ФЗУ-280, профшколы – 130, на рабфаки – 55. Перешли из рабфаков в вузы – 30.**

Колонийские мастерские преобразуются по типу ремесленных школ: 3 года учебы, подготовка квалифицированных мастеров. Мастерскими охвачено ¼ часть колонистов. 50 подготовленных в колонии трактористов работают там же.

В колониях с 250 детьми организуются 7-летки; с меньшим составом – 4-летки. Хорошо проводится украинизация школ, «за исключением Горьковской колонии».

Вскоре после ухода А. С. Макаренко из колонии
Из письма А. С. Макаренко Н. Ф. Остроменцкой, 16 ноября 1928 г.

… Колония М. Горького в результате объединенных усилий многих более или менее умных и талантливых людей, в том числе и из Наркомпроса, и из Комсомола, и из литературы, сейчас очень быстро идет к гибели. Так, конечно, закрыли командиров и отряды, бросили лозунг: «Довольно вам быть батраками, вам надо учиться»[1] – и все пошло как по маслу.

Теперь все сидят и разводят руками и, кажется, собираются запеть на такую выигрышную тему: все Макаренко виноват, все держалось на его личности, он ушел – и все пошло под гору. Все это замечательно симпатично получается. Ведь там «ушли» старших ребят, прикрыли систему рабочего коллектива, сделали ставку на школу и на лодырей, а теперь вспомнили о личности Макаренко…

Приезжайте сейчас в колонию и дайте очерк о ее гибели… К тому же тут у нас есть такое интересное зрелище, как продолжение колонии Горького в коммуне Дзержинского, в которой 90 горьковцев и горьковская система.

Я бы, конечно, потребовал, чтобы Вы статью писали здесь, чтобы она была подвергнута самой строгой редакции, и я даже мог бы быть для Вашей статьи небольшое введение[2]…

Пед. соч., т. 8, с. 38.

1 Данный факт убедительно показывает, что главное в противостоянии творчества А. С. Макаренко и официальной педагогики - это противостояние «школы учебы» (дидактической педагогики) и «школы жизни, труда, воспитания» (воспитательной педагогики). Сущность идеи и практики его оппонентов – фактический отказ от воспитания вообще, сведение воспитания к обучению, в том числе к трудовому и профессиональному обучению.

Эта тенденция стала всеобщей и узаконенной с принятием в 1931-1933 гг. ЦК ВКП(б) специальных постановлений о школе. Несмотря на это, в макаренковской трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского воспитание и далее совершалось на основах, заложенных в 20-х гг. в трудовой колонии им. М. Горького, - что, естественно, приводило к обвинениям в отступлении от партийно-государственной линии развития общеобразовательной школы.

2 Это макаренковское высказывание со всей очевидностью свидетельствует о том, что Н. Ф. Остроменцкая в своем очерке о колонии горьковцев допустила значительные, не соответствующие действительности соображения. Это серьезно повлияло на критику колонии, идей и опыта А. С. Макаренко.

Из письма А. С. Макаренко А. М. Горькому, 22 ноября 1928 г.

«… Нашлось много охотников приложить руку к колонии… Большинство из старых работников не могли выдержать постоянных обвинений в «макаренковщине» и ушли, кто куда мог. На место завкола долго искали педагога, неграмотного столяра, человека хорошего, но, разумеется, неспособного справится с 400 характерами наших горьковцев. Он скоро сделался предметом насмешек со стороны ребят и, вероятно, должен будет скоро уйти. Колония пока держится благодаря нечеловеческим усилиям Весича… Много зла приносит в колонии Гойдарь, бывший заведующий одной из колонии в Полтаве, уволенный за побои…

….Откровенно брошен лозунг: «Вас эксплуатировали, теперь вас будут учить». Но учить некому, да и какая учеба без рабочего настроения, без рабочего пафоса без рабочих традиций. Разрушение этих традиций главное зло… В колонии им. Горького они складывались в течение 8 лет…

… А система все-таки держится. Именно то, против чего особенно возражали – отряды и командиры, салюты и рапорта – остались неприкосновенными…[1]

Отдельные лица, особенно старавшиеся в травле колонии, уже успели бросить свою полезную педагогическую деятельность и даже уехали из Харькова, остальные продолжают жевать свою жвачку за письменными столами…

Работаю я сейчас в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Здесь 80% горьковцев и горьковская педагогика. мы все-таки не умерли…»

Пед. соч., т. 1, с. 248-249.

1 Говорится о формальном использовании этих организационных средств, при утрате «системы рабочего коллектива» (см. выше в письме Н. Ф, Остроменцкой). Такой формализм, ведущий к насильственности в воспитании, - характерен для последующего «творческого использования» макаренковского наследия в официальной советской педагогической теории практике.

Из очерков А. М. Горького «По Союзу Советов»

…Заведующий Бакинской трудовой колонией и А. С. Макаренко, организатор колонии под Харьковым, в Куряже, все эти «ликвидаторы беспризорности» - не мечтатели, не фантазеры, это, должно быть, новый тип педагогов, это люди, сгорающий в огне действительной любви к детям, а прежде всего – это люди, которые, мне кажется, хорошо сознают и чувствуют свою ответственность перед лицом детей». Они «работают со страстью и пафосом художников».

О колонистах: «каждый из них – индивидуальность, уже очерченная более или менее резко, каждый из них человек «со своим лицом».

А. С. Макаренко «знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто он делает моментальный фотографический снимок с его характера». Он «умеет говорить детям о труде с той спокойной скрытой силой, которая и понятней, и красноречивее всех красивых слов».

А. М. Горький описывает помещение, быт и труд колонии, традиции (одна из них – «не заводить романов со своими девчатами»). Новенькому говорят: «хозяева колонии – это мы… Не понравится - уйдешь, это не тюрьма. Здесь такие же, как ты». Колонисты производят «странное впечатление «благовоспитанных».

Приводится отрывок из письма колониста Н. Денисенко: после ухода А. С. Макаренко дисциплина упала, старшие колонисты ушли, мастерские стали учебными. Всех - в 7-летнюю школу, но «тяга к учебе не слишком велика».

Горький А. М. Собр. соч., в 30 тт., т. 17, М., 1952, с. 159-167. Первая публикация: ж. Наши достижения, 1929, № 2 (март-апрель, 2-я серия циклов в его очерков), с. 14-38.

Приложение

Незабываемая встреча. Воспоминания

…В начале июля, в самый разгар жатвы, почетный караул горьковцев с оркестром и знаменем выстроился на перроне харьковского вокзала. Алексея Максимовича встречали тысячи людей. Выглянув из окна вагона, он сразу узнал нас и приветливо протянул к нам руки.

На другой день он приехал в колонию. Ребята встретились с ним как родственники, с глубочайшей теплотой дружбы, и как читатели, и как граждане Советской страны. Алексей Максимович прожил у нас три дня. В здании школы ребята приготовили для него большую комнату, любовно украсив ее зеленью и цветами.

Алексей Максимович вставал вместе с нами — в шесть часов утра. Ему не пришлось тратить время на ознакомление с нашими делами: все было ему известно; многочисленные письма наших двадцати восьми отрядов, все до одного, были им прочитаны, и он ничего не забыл из того, что было там написано.

Он знал не только фамилии, но имена всех командиров, а также и других ребят, о которых ему писали.

Он знал, как ведется наше хозяйство.

Ему хорошо были известны дела свинарни - главного нашего богатства. В колонии была замечательная свинарня, устроенная по последнему слову техники. В ней воспитывалось триста чистокровных английских свиней.

Даже расположение наших построек было ему знакомо. В первое же утро, зайдя в его комнату, я уже не застал в ней нашего дорогого гостя. Я увидел его только за завтраком в общей столовой. Он сидел, тесно окруженный ребятами одиннадцатого отряда, и деревянной ложкой ел гречневую кашу. За его спиной стояла в белоснежном халате дежурная хозяйка - одна из девушек-воспитанниц - и чуть не плакала:

- Алексей Максимович, как же это так: для вас завтрак готовили, а вы взяли и пришли сюда, в отряд. А мы там хороший завтрак...

Он лукаво поглядывал на ребят, пригласивших его завтракать, и оправдывался:

- Послушай... чего ты пристала? Это же каша... такая замечательная...

Ребята были в большом затруднении: с одной стороны, им хотелось, чтобы Алексей Максимович завтракал за их столом, с другой стороны, выходило как-то неловко - они лишили Алексея Максимовича какого-то лучшего завтрака, приготовленного для него дежурной хозяйкой. Петька Романченко нашел выход из положения:

- Алексей Максимович сначала у нас позавтракает, а потом съест твой завтрак, Варя, хорошо?

Горькому этот выход очень понравился. Он оглянулся на хозяйку и добродушно развел руками:

- Ну, вот, видишь. Чего же ты волнуешься? А твоего завтрака на нас хватит?

- На кого - на вас?

- На меня и на них... Вот... на одиннадцатый отряд.

- Так они... Вот еще новости! Их же пятнадцать человек!

- Не хватит, значит?

Дежурная хозяйка в панике бросилась на кухню. По дороге налетела на меня и с возмущением забормотала:

- Эти... одиннадцатый... все напутали... все испортили.

Я ей посоветовал подать «горьковский» завтрак на стол одиннадцатого отряда. Там началось пиршество, и Горький смеялся больше всех, глядя на кусок зажаренной свинины, одиноко лежавший на тарелке. Одиннадцатый отряд, конечно, краснел и отказывался от встречного угощения. Так ничего и не вышло из отдельной кухни, организованной для гостя заботами наших юных хозяек.

После завтрака Алексей Максимович ходил между командирами и договаривался, куда ему отправляться на работу. На самых далеких полях убиралось яровое, но туда нужно было ехать, а Горький ни за что не хотел ехать на линейке, так как откуда-то узнал, что для этого нужно снять с работы лошадь. Но и в этом случае выход был найден. Алексея Максимовича усадили на жатвенную машину. Держаться на железном сиденье жатки было довольно трудно, но жатку окружил целый отряд, и упасть Алексею Максимовичу было некуда.

Он шутил:

- На чем только я не ездил, а на таком экипаже еще ни разу не доводилось. В поле он отказался от косы:

- Какой я косарь? Ну вас, смеяться будете!

- Нет, не будем смеяться, Алексей Максимович! Вот острая коса, это для вас приготовили.

- Я лучше вот эту штуку возьму.

Он взял вилы и помогал ребятам подгребать колосья. Ребята окружили его и, рассуждая о разных хитростях работы вилами, успевали подбирать за него все колосья, Алексей Максимович обиделся:

- Что же ты... Слушай, оставь же и мне что-нибудь... Прибежал дежурный командир:

- Это для чего Алексею Максимовичу вилы дали? Он гость, а вы его... работать! Алексей Максимович, там вас столяры ожидают. У них сейчас сдача ульев.

Алексей Максимович понимал, что нельзя никого обижать. Поэтому в течение рабочего дня он успевал побывать на всех работах.

В бывшей зимней церкви он рассказал колонистам, как много лет тому назад он пришел в этот самый монастырь, чтобы поспорить со знаменитым святошей.

В свинарне он обеспокоенными глазами наблюдал, как поросится Венера, и принял на руки первого великолепного английского поросенка.

После работы и ужина все колонисты собирались вокруг Горького. Один вечер был посвящен постановке «На дне» силами ребят. Горького посадили посредине зала и во время действия на сцене рассказывали ему разные подробности об актерах. Больше всего понравилась Алексею Максимовичу игра колониста Шершнева, изображавшего Сатина. На другой вечер был концерт.

А потом пришел третий день, и Алексей Максимович должен был уезжать. Глаза колонистов с утра сделались удивленными: как это так - уезжает Горький!

Казалось, что он не три дня был среди нас, а с самого основания колонии жил с нами. И это было вполне естественно: колония имени

Горького не только носила это имя - горьковцы любили и чтили Алексея Максимовича, как отца.

Ребята выстроились на дворе. Развернули знамя, подали команду. Но не было уже в этом строю никакой торжественности, было только одно стремление: как-нибудь удержать прощальные слезы. Алексей Максимович проходил по рядам, пожимал всем ребятам руки и ласково-грустно улыбался.

Большой, нарядный автомобиль был прислан за ним из Харькова, и шофер заботливо распахнул блестевшую лаком дверцу.

Пед. соч., т. 8, с. 254-256.

Мой первый учитель

В моей жизни, в моей первой работе значение Алексея Максимовича Горького исключительно велико.

Старый учитель, я принадлежал к тем кругам, которые назывались рабочей интеллигенцией. Когда я перелистываю страницы моей жизни, в памяти возникают ужасающие годы беспросветной реакции, наступившей после 1905 г. Для нас имя Горького было маяком. В его произведениях нас особенно покоряла исключительная жажда жизни, неисчерпаемый оптимизм, вера в человека, непреклонная убежденность в прекрасном будущем.

После Октябрьской революции я начинал искать пути для создания новой, советской педагогики, и первым моим учителем, к которому обращались мысли и чувства, снова был Горький.

Утверждение человека, освобождение его от грязи, оставленной капиталистическим строем, выпрямление человека - всему этому учило горьковское творчество с его неисчерпаемым запасом мудрых наблюдений, доскональным знанием жизни, глубоким пониманием Человека, творчество, проникнутое любовью к Человеку и ненавистью ко всему, что препятствует свободному развитию Человека. Передо мной всегда был образ того, кто сам вышел из недр народных.

Так, когда я должен был указать моим «босякам» образец человека, который, пройдя через «дно», поднялся до высот культуры, я всегда говорил:

- Горький! Вот образец, вот у кого учиться!

Великий мастер мировой культуры! Огромные знания Алексея Максимовича не имели ничего общего с тем, что обозначалось понятием «западноевропейская цивилизация». Горький впитал квинтэссенцию того наилучшего, что создали самые светлые головы человечества. И не только в литературе.

Алексей Максимович заинтересовался работой моей и моих друзей. Мы были поражены его умением проникать в сущность дела, выделять важнейшее, а потом в такой простой, доступной форме делать глубокие философские обобщения.

Алексей Максимович пробыл в колонии им. Горького три дня. Должен признаться, что за это время он успел заметить много такого нового, характерного, очень важного, чего я не замечал на протяжении года. Он сблизился с многими из 400 воспитанников, и большинство новых друзей уже не порывало с ним связи. Горький переписывался с ними, помогал советами.

Алексей Максимович освятил мою писательскую жизнь. Вряд ли я написал бы «Педагогическую поэму» или какое-нибудь другое произведение без чуткой, но неуклонной настойчивости Алексея Максимовича. Четыре года я сопротивлялся, отказывался писать, четыре года длилась эта «борьба» между нами[1]. Я всегда считал, что у меня иная дорога - педагогическая работа; к тому же и времени для серьезного литературного труда у меня не было. Собственно, последнее обстоятельство и было тем поводом, на который я ссылался, отказываясь писать. Тогда Алексей Максимович прислал мне перевод на пять тысяч рублей[2] с требованием немедленно идти в отпуск и засесть за книгу. В отпуск я не пошел (оставить работу я не мог), однако настойчивость Горького взяла наконец свое: педагог стал писателем.

С великим моим учителем я встречался много раз. Горький очень мало говорил со мной о литературных делах; он расспрашивал, как живут хлопцы. Очень интересовали Алексея Максимовича вопросы семьи, отношение семьи к детям, что, по-моему, нужно сделать, чтобы укрепить семью[3]. Во время этих бесед Алексей Максимович как будто мимоходом бросал по поводу той или иной области моей работы одно - два слова. Они значили больше, чем пространные советы.

Последнее время Алексея Максимовича волновал вопрос о школе. Как-то мы ехали вместе из Москвы. По дороге он все время говорил о том, какой должна быть наша школа, говорил, что школьная дисциплина не должна стеснять молодую инициативу, что в школе нужно создать такие условия, чтобы можно было объединить одно и другое[4].

Безграничная любовь к жизни, огромный философский ум и полный мудрости взгляд, который проникает во все мелочи жизни, отыскивает в них основное зерно и умеет поднять их до философских обобщений, - это характерно для Горького.

В примере со мной как в фокусе отражается значение Горького и некоторые стороны великой души этого еще не до конца оцененного человека.

Мы обязаны глубже и ответственнее относиться к великим проблемам воспитания человека, поставленным творчеством великого писателя.

Пед. соч., т. 4, с. 18-19. В этом же томе: Максим Горький в моей жизни; Большое горе (с. 8-18, 21-22).

1 А. С. Макаренко говорит здесь о своих колебаниях в творчестве как писателя, в литературно-художественной деятельности. Обобщающий труд по педагогике, «книгу о педагогике», «монографию» он написал в период: лето 1928 г. – осень 1929 г. – с названием «Педагогическая поэма», с намерением опубликовать ее в педагогическом издательстве (см. т. 1, с. 249-250). Затем появилось название «Горьковская колония». Начало работой над книгой – 1925 г.

В художественно-поэтическое произведение (его 1-ю часть), с названием «Педагогическая поэма», книгу А. С. Макаренко оформил в Москве 8-19 сентября 1933 г. и передал А. М. Горькому («шесть глав начисто, остальные в черновом виде»; журнальная публикация этой части – 24 главы). См.: Пед. соч., т. 1, с. 249-250; «Ты научила меня плакать...», т. 2, с. 200-209, 218-220. 26 сентября он стал работать над «окончанием первой части и планированием второй» (с. 220). Альманах «Год XVII», где напечатана 1-я часть «Педагогической поэмы», подписан к печати в конце декабря 1933 г.: вышел в свет в начале 1934 г.

2 Денежный перевод от А. М. Горького А. С. Макаренко получил в январе 1933 г.

3 Интерес А. М. Горького к семье стал, следовательно, одной из причин, побудивших А. С. Макаренко к созданию «Книге для родителей».

4 Макаренковская работа «Некоторые соображения о школе и наших детях» (окт. 1935 г., т. 1, с. 213-216) также связана с интересом А. М.

Горького к этой проблеме. Рукопись, автограф – в Архиве А. М. Горького ИМЛ.

План романа, в 3-х частях

1-я часть

Темы: Выяснение главного действующего лица.

1. Личные озлобления сильной личности.
   Рабочее презрение к погибающему миру.
   Последние отзвуки потерь, брат[1], мать[2].
2. Глубокая ненависть к старой России, такое же презрение к русскому и всякому вообще человеку, его глупости, дидактизму[3], развивающему бюрократизму.
3. Страшно глубокое чувство долга и злость на себя за это, особая чуткость к шкурничеству.
   Дело доходит до аскетизма.
4. Цинизм, растрачивание себя. Веселые иронические встречи с женщинами, презрение к семье и родовому инстинкту[4].

2-я часть

5. Дети[5].
6. Встреча с Б[6].
7. Попытки увлечь людей. Мальчик Алеша[7].
8. Нужно к людям относится терпимее.

3-я часть

9. Новая уверенность в ценности человека и совершенно неожиданное проектирование в области положения человека в обществе.
10. Люди остаются с прежними недостатками, но они могут бороться за будущее.
11. Уверенность в длительность перестройки. Всякая проделанная работа создает ценности.
12. Большие броски в будущее человечества.

Пед. соч., т. 3, с. 491. Без даты, по содержанию и в связи с другими материалами датируется концом 1928 г. – началом 1929 г.; работа над этим произведением продолжалась до лета 1930 г., вкл. Роман задуман в параллели с «книгой по педагогике» и представляет собой как бы

социально-гуманитарный «фон» «Педагогической поэмы», будучи вместе с тем глубоко автобиографическим произведением.

Это роман о «человеке, о любви, о великих революционных событиях», о судьбе представителей интеллигенции в революции, об активной «сильной личности» (т. 3, с. 491). Жизнь и деятельность макаренковской трудовой колонии, ее развитие должны были предстать в широком контексте происходящих в стране революционных событий, обстановки НЭПа и начинающегося в конце 20-х гг. промышленного и социального подъема.

Замысел, пафос, масштаб этого произведения явно чувствуется в общем строе «Педагогической поэмы». Содержание, стиль и «тон» воспитания в колонии им. М. Горького неразрывно связанны с судьбой страны и личными устремлениями, драматическими переживаниями педагога-новатора. Это художественное воплощение макаренковской трактовки педагогического процесса как социального явления, призванного опережать общество в его «человеческом творчестве».

1 Макаренко Виталий Семенович (1895-1983) – младший брат А. С. Макаренко. Прапорщик во время Первой мировой войны. После ранения, в 1915-1919 гг. – учитель Крюковского железнодорожного высшего начального училища (которым руководил А. С. Макаренко). С августа 1919 г. – поручик контрразведки в армии Деникина; затем командир пулеметной роты в армии Врангеля. Эмигрировал в ноябре 1920 г.

Братья находились в официальной почтовой переписке с конца 1922 г. до осени 1929 г. Дочь В. С. Макаренко Олимпиада Витальевна (род. 1920 г.) с 1928 г. воспитывались в семье А. С. Макаренко; переписывалась с отцом в 1962-1975 г. См.: На разных берегах... Судьба братьев Макаренко/Сост. Г. Хиллиг. – М., 1997.

2 Мать А. С. Макаренко Татьяна Михайловна (скончалась 11 сент. 1931 г.). В «Педагогической поэме» - «бабушка».

3 Поучительность, наставительность.

4 Отмеченное выше в §§ 1-4 глубоко автобиографично. В. С. Макаренко говорит о состоянии своего старшего брата в предреволюционный период: «Антон, действительно, был человеком непонятных для меня парадоксов». Иногда выражался цинично. Говорил о самоубийстве, в связи с возражением отца против его ранней женитьбы. «Он был всегда сосредоточен, замкнут, серьезен, порой даже грустен и молчалив», был разочарованным в жизни, в отношении семьи. Отец говорил: «Неужели я вырастил анархиста?» (там же, с. 32, 34, 36; о его внешности, чтении, уходе из дома, влюбленностях, времяпрепровождении, суде с заведующим училищем и др. см. там же, с. 37-38, 42-49).

5 Имеются в виду, несомненно, прежде всего воспитанники колонии им. М. Горького.

6 Прототип - Галина Стахиевна Салько. Она приняла деятельное участие в судьбе А. С. Макаренко и его колонии в конце 1927-лето 1928 гг., стала его духовной опорой и любовью, во многом изменившими его взгляды и характер.

7 Прототип – сын Г. С. Макаренко (от первого брака) Лев Михайлович Салько.

План романа, в 4-х частях

Общий план

Общий план представляет развитие четырех тем в четырех частях. Тема: 1. Развитие коллектива колонии.

2. Развитие болтающей интеллигенции.

3. Развитие лица А[1].

4. Развитие лица Б.

Фоном для всех четырех частей является развитие русской революции.

Часть первая

Фон: Последние громы гражданской войны. Бандитизм, махновщина, догорающие остатки старого мещанства и старой интеллигенции, пафос победы и разрушения. Спазмы кризиса, голод, отчаяние побежденных, захват победителей, мелочей и деталей нет, есть хаос общего движения, растерянное озлобленное самогонное крестьянство, зажигалки у рабочих, учреждения, трудовая повинность, глупейшие воскресники и трудовые школы.

№ 1. В таком же хаотическом и несколько глупом порядке образуется колония правонарушителей, антиобщественный анархизм, грабежи на большой дороге, нищета и наглость, деревенские девки, оголтелые комнезаможные столкновения, борьба за жизнь и первичный достаток. Волевые столкновения и драки. Финки и кухонные ножи. Но образуются первые скрепы коллектива, главным образом под давлением воли и призыва, под давлением насилия. Первый пафос восстановления, противопологаемый крестьянскому стремлению к захвату. Проглядывают первые движения нового коллектива. Первая человеческая гордость.

№ 2. Параллельно с этим живет и развивается интеллигентская стихия. Захлебывающаяся вера в ребенка, в силу слова, в благотворное влияние

свободного развития. Безответственные советы безответственный сентиментализм. Она - эта интеллигентщина - тащится на фланге социальных сдвигов и социального пафоса, и она не замечает, что это посторонний спутник. Интеллигентщина произносит марксистские слова и закатывает глаза. Но именно потому, что она только болтает и пишет, под ее руками проходит незаметно всякий элемент дела; она, эта болтающая стихия, не способна заметить деловое движение. Она сгрудилась в прокуренных комнатах наробразов и наркомпросов, она завалена планами и организаторскими бессильными мечтами, она не способна видеть, что где-то живут живые люди и проходят под ее рукой живые человеческие столкновения. По отношению к колонии она поэтому не представляет никакой опасности, и колония может отделываться от нее свободными и смелыми шутками и буффонадой.

№ 3. Личное и индивидуальное озлобление сильной личности. Борьба рабочего презрения к погибшему миру и бунт гордой личности, не желающей быть подхваченной никакими вихрями. Последние отзвуки потерь, в том числе потери брата - белогвардейца. Почти контрреволюционное настроение, но ненависть к глупому бунту крестьянства и к его дикости. Отчаянное презрение к городским болтунам и к бессильному стремлению что-то организовать, к воскресникам и трудовой повинности. Презрение к глупому бессильному сентиментализму интеллигентщины. Но в то же время все эти переживания не уменьшают силы и энергии личности. Руки хотят работы, и сохраняется целостный взгляд на все, не трусливый и не теряющий. Образуется крепкий и устойчивый одинокий цинизм. Озлобление развивается в сторону спокойного смеха, и все закипает в энергии борьбы воли с десятками разрозненных блатных воль. Это не педагогическая работа, это выход здоровой энергии. По отношению к женщине, к ее трусости, глупости, пищанию, — совершенно космический взгляд. Весело, иронические эпизоды встреч с женщинами, они не забываются после свиданий, но никаких эмоций после них не остается, кроме веселой расположенной улыбки, какой-то последней мудрости.

№ 4. Последние вспышки семейной скуки, муж - яркий представитель серых революционных будней. Неуют военных скитаний, беды, болезни и

страх, болезни и страх за сына – удачный сын. Бесконечный хлам интеллигентской болтовни. Б. работает в Наркомпросе. У нее еще нет представления о том, что в Нпркомпросе просто болтают. Поэтому ей представляется соблазнительной, и даже увлекательной, псевдонаучная и так называемая работа какого-нибудь педагогического шарлатана-жреца. Она только чувствует общую тщету наркомпросовской болтовни и ничтожество расположенных вокруг нее болтающихся сил. Ее личная жизнь начинает приобретать черты внутреннего безразличия и бесперспективности.

Связь: 1 и 3 темы связываются в общем, непосредственном действии, вторая тема привносится двумя пунктами: реальной работой в Наробразе и редким посещением Наркомпроса. Через это посещение связывается и 4 тема. Первое столкновение А. и Б. проходит просто в виде разговора, очень короткого и очень острого. Б. замечает цинично веселую установку А. по отношению к женщине, но замечает и кипучую, злую энергию этого человека. Но первое впечатление оставляет след чего-то непонятного и опасного. Это окончательно отпугивает ее от пристающих мужчин, она почти со скукой порывает с мужем еще раньше и сходится с одним из «зверушек» Наркомпроса. Но пример этой буйной борьбы с беспризорщиной и свежий воздух, который она чувствует в А., влечет ее из Наркомпроса и она уходит на работу в деревню.

Часть вторая

Фон: Период первого нэпа. Открытые магазины и витрины. Водка. Заработки рабочих и оздоровление крестьянства. Крестьяне строятся. Крестьянские свадьбы. Пахнет чем-то дореволюционным. Нарастают настроения покоя и постепенного обогащения. Высовывают рожи мелкособственнические инстинкты. Упадок боевого духа. Мелкие дела и мелкие чувства. Урожаи цветут, на полях тракторы и работают у кулаков батраки. Подрастают в селах новые холеные жеребчики и начинает пахнуть социальным миром.

№ 1. Крепнет и богатеет, обрастает культурой коллектив колонии, восстановление кончено, мир с селянством, театр. Образование комсомола. Накапливается энергия у ребят. Слава гремит о колонии. Тесно в провинциальном захолустье, подрастают старики, выделяются рабочие,

свадьбы, появились рабфаковцы. В колонии не раскол, а живое разделение на омещанившихся, стремившихся к собственному заработку и сохранивших коллективный пафос общего стремления. Поиск выхода. Мечты, остров, Запорожье, Куряж. Мечты эти не могут быть поняты болтающей интеллигенции.

№ 2. Болтовня продолжается в том же направлении, как будто ничего не случилось. Нэп все же требует стабилизации, но стабилизируется вся прежняя болтовни и полная оторванность от жизни. Стабилизируется не проверенная педагогическая догма, все приводится к мертвой форме, родится и замирает в такой же мертвой форме, надежды на пионеров.

К миру болтающей интеллигенции присоединяется комсомол. Среди него две струи. Часть сохраняет живую энергию свободной стройки, часть заражается мертвой схемой интеллигентской болтовни. Как на пробном камне эти противоречия выделяются на отношении к колонии.

Отмечаются в лагере болтающих спекулянты на человеческом слове, на псевдонауке, гоняющиеся уже за заработком и пишущие по десятку статей. Довлеет и здесь заработок, модные платья, спор о квартирах и покупка обстановки. Начинает громоздиться и таиться по углам поганенький разврат, прикрытый болтовней о свободе личности в половой сфере.

№ 3. Личное оздоравление в замечательном детском обществе. А. сам заразился пафосом устремления коллектива. Он сознательно отдает себя в его власть и с мудрой осторожностью сдерживает фонтаны чудесной энергии. Он становится исполнителем этой новой замечательной стихии растущего молодого общества. Он переживает общую юношескую мечту и начинает верить в новую богатую жизнь.

Именно поэтому он не может иметь личной жизни. Он уже теряет цинично презрительное отношение к людям, но тем более он не может пережить личные наслаждения. Даже в каждой гримасе живых людей он хочет видеть залоги будущей коллективной энергии. Поэтому и по отношению к болтающей интеллигенции у него появляются попытки заразить, убедить, увлечь. Эти попытки часто производят неожиданные впечатления. Женщины покоряются его пафосом и переносят это на тон влюбленности и поисков его симпатии. Он встречает это весело, но уже не с

веселым цинизмом, а с веселой уверенностью, что на свете все прекрасно и что всякое живое движение прекрасно, потому что живое, но он решительно отрицает какое бы то ни было абсолютное значение в вопросах любви, он не может понять и пафоса постройки семейного гнезда, но уже не презирает этот пафос, а считает, что он должен переродиться в пафос стройки. Женщины даже не сердятся на него, а с грустной радостью смотрят на его убежденную рожу.

№4. Незадачливая личная жизнь, мещанская повторяемость и скука движений мелкого интеллигентика, считающего себя солью неопределенной земли. Усталость, тяжесть одинокой работы в деревне, падок всех волн революции и сонное царство медленного ожирения и мелких провинциальных и столичных взаимных поеданий. В этих поеданиях участвует и новый муж, и он кого-то за углом потихоньку давит, остерегаясь испачкать руки в какое-либо подобие крови.

Пробуждается здоровый протест против обмещанивания жизни, но еще неизвестно, куда его направить. Кажется, что в РКИ должны знать люди все болезни жизни и должны деятельно исцелять их. Но и в РКИ начало бюрократизма, и не знают, кого сильнее бить, кого слабее. Но именно благодаря РКИ Б. попадает на ревизию колонии, возникающую благодаря расхождениям в болтающем обществе. Б. едет в колонию как ревизор, но старается сохранить всю деликатность женщины и быть душевной.

Посещение колонии - вторая встреча с А. Б. поражена новым пафосом в этой бедной колонии, она поражена и кипящей злой верой самого А., но ее еще отпугивает слава о нем, как о поработителе женщины. Все же он оставляет в ней сильный след. А. в свою очередь поражен невиданной для него глубиной, изяществом и красотой натуры Б. Она ему настолько нравится, что он начинает задумываться о возможной ценности отдельной личности. Силою воли он отгоняет от себя симпатию к Б., он удерживается на пути верности своему коллективу, но уже в два-три вечера, проведенных с Б., у него появляются грустные думы сожаления о возможном проходящем мимо него счастье. Ему помогает отделаться от этого общая осторожность и презрение к болтающим по всему наркомпросовскому миру.

У Б. нет еще любви, но образуется постоянное внимание к тому, что делается в колонии и постоянный интерес к разговорам о нем.

Самое же главное, у нее появляется интерес к работе среди таких детей и вера в то, что не все пропитано мещанством. Именно благодаря этому и ее защите колония продолжает греметь в своей славе.

У Б. подъем энергии и более явная улыбка. Появляется значительное отчуждение и презрение к мужу, которого она всегда сравнивает с А.

Связь: В этой части все естественно связывается борьбой мнений и лиц вокруг вопроса о колонии.

Часть третья

Фон: Время правых и левых уклонов и оппозиций. Время новых кризисов и испытаний, время постепенной, медленной гибели от задушья всяких нэпманов и частников, время многоразличной растерянности и непонимания, куда нужно клонить голову и за кого голосовать. Время проявления всякого лакейства и разложения. Время, когда с недоумением и растерянностью люди должны отказываться от приобретенного покоя и отправляться на хлебозаготовки, время, когда от всех требуются новые напряжения и когда квартиры и платья должны отойти на задний план. Время новых мыслей и новых призывов, новых обвинений и новой борьбы. Время великих планов и великих сомнений.

№ 1. Внутреннее кипение энергии колонии выливается в ее широком наступлении на море разгильдяйства и грязи, то, что называется Трудовым корпусом. Все силы коммуны брошены вокруг. Здесь картины многогниений и многого шкурничества. Удачные и неудачные столкновения с внешними силами. Внутренний пафос колонии растворяется в мелкой борьбе. Внутри себя обессиленная колония встречает удары менее стойко, чем можно было ожидать. Обилие нового анархического народа делает усилия старой части малосостоятельными, но борьба продолжается с упорством. Много всяких посещений, ревизий, сплетен, заседаний. Хозяйственная жизнь колонии идет все же своим порядком и колония даже пускается на очень рискованные дела. Расширяются мастерские, колония готовится к приему шефа, но в это как раз время ей и наносится последний удар. Начинается отступление основной части и кадров в коммуну ГПУ.

№2. Личная тема А. проходит под знаком борьбы и поражения. Но это не приводит к подавленному настроению, энергия остается прежней, и в конце она замыкается в особого вида молчаливом презрении и отсиживании.

Все частности этой эпохи определяются вдруг налетевшей любовью, новыми откровениями в жизни личности, новыми горизонтами в трактовке значения человека и величины его ценности. Благодаря замечательной стихии Б. все человеческие ценности, все проблемы общества и личности, героизма и работы, гордости и достоинства преломляются в новых надеждах на какой-то лучший будущий коллектив, состоящий из каких-то новых людей. Доказательства всего этого находятся пока что в вере Б., в явлениях сохраняющегося коллектива колонистов, в наблюдении новых встреч из рабочей среды, из числа сотрудников ГПУ. Все это пока не оформлено, все это находится в хаосе черновых предчувствий и только по тому уверенно держится, что есть любовь к Б. и ее вера в какие-то идеальные возможности.

№ 3. Болтающая интеллигенция ни чему не научилась и не способна научиться. В своем деле она самоубийственно последовательна: и в деле безразличной безответственности к гибели дела, и в области бесконечных завирательных идей и псевдонаучной болтовни. В то же время она разлагается, так сказать, и морально. Она своекорыстна, завистлива, мелкоразвратна и не способна вообще ни к какому серьезному делу. Это проявляется и в отношении ее к колонии, и в ее спорах об увязках, рефлексах, «взаимоотношении организмов» и т.д. Как иллюстрации – здесь Яковлев[2], история со сказками Андерсена, порадником и[3] многое другое. Взаимное подсиживание и поедание один другого только и позволяет А. и Б. вести смело свою линию.

№ 4. Это тема тесно переплетается с темой № 3, отдельных движений здесь почти не должно быть. Это яркая любовь совершенного культурного и совершенно живого человека, это самый разумный, самый полный достоинства новый быт и это начало самой нужной и самой действенной работы. Личная жизнь Б. - это полная любовь, но это в то же время и полная и, самое главное, радостная эпопея перестройки представления о мире, основанная на неожиданно новой теме ценности личности в ценном коллективе.

Часть четвертая

Фон: Идет лихорадочная перестройка общественных рядов на новый пафос коллективной работы. В расширенном темпе новой стройки вносятся как раз те мотивы, на которых настаивала все время колония. Сюда относятся: коллективное соревнование, большая осведомленность коллектива о своем собственном движении, большой интерес к органическому строению коллектива, большой интерес к роли личности в коллективе и, самое главное, большой подъем и большое требование от личности. Пятилетка и индустриализация отнюдь не должны быть показаны как бессомненные величины. Как раз наоборот, многие персонажи романа могут и должны сомневаться в правильности отдельных деталей. В этой части должно быть больше новых людей, новых строителей, новых энергий и обязательно больше рабочих – все они представляют одну сторону общества, но живой остается и другая сторона – сторона безответственных вредителей-болтунов и слепых человечишек. И совершенно еще не ясно, на чьей стороне окажется победа, но совершенно ясно, что победа будет решена только качеством человеческого состава, и вся последняя часть идет под знаком пересмотра или, по крайней мере, попыток к пересмотру этого состава. Сюда входит и всякая чистка, и новые способы подбора, и новые идеи в экономике человеческого рабочего коллектива. В частности, это отражается на спорах о бирже труда, о знании профсоюза и прочее. Болтающие, разумеется, сопротивляются и в самом человеческом пересмотре они тоже принимают участие.

№ 1. Так называемый изумрудик продолжает жить здоровой и радостной жизнью, но этот отдых для боевого коллектива уже нужно закончить. Появляются старые члены коллектива, одни из них рабочие, другие заканчивают ВУЗ. У многих из них чешутся руки для новой большой работы. Работа коммуны освещается широкими производственными планами. Новыми «производственными» идеями в воспитании и старыми привычными симпатиями к веселой дисциплине коллектива. Коммуна должна умереть как временное мобилизационное пристанище коллектива. Роман заканчивается сборами старых и новых членов коллектива, выросшего и оздоровленного (причем собираются и старые, распыленные во времени

поражения члены), на новую большую и трудную работу. Изумрудик остается на руках младшего коллектива и новых верующих, остается как прекрасное на память.

№ 2. Болтающие все прежние. Они уже чувствуют, что их скоро расшифруют, но они не способны ни измениться, ни бороться. Они по инерции продолжают свою болтовню, пишут пустые безответственные проекты, бесконечно расформировывают и переводят детские дома и не замечают их последней гибели. Они не замечают даже того, что у них под руками такие органы, как Наркомтруд или ГПУ, делают вместо них серьезное большое дело, все эти болтуны совершенно не способны замечать что бы то ни было, кроме собственной особы и собственного дешевого гонора. Так бывает, когда расплодятся паразиты и бешено поедают все вокруг себя и, конечно, не замечают, что в их еду уже подсыпана отрава. И в то время, когда коллектив колонии вместе с другими соседними живыми силами приступает к новой огромной работе, к какому-нибудь чрезвычайно трудному делу, требующему нового геройства и опыта, и ответственности, и знания, и когда этот коллектив уже не обращает внимание на мелкую злобу болтающих, они все же продолжают вякать по углам и подымать разговоры о политической дисквалификации, как они выражаются на своем ученом языке. Но и над ними уже гремят первые уничтожающие громы, хотя они решительно не способны что-нибудь из них вывести. Часть из них летит по чистке, часть в процессе внутреннего поедания, часть просто выкидывается. Лучшая часть переходит на другую работу, где уже болтовней не возьмешь, наиболее слабые хнычут и разводят руками. Но не надо забывать, что в общей массе они страшно многочисленны и что они уже многих заразили и совершенно не известно, чем вся эта борьба окончиться.

№ 3. Личная история А. освещается новыми порывами и любовью, новой уверенностью в ценности человека и в великом значении культуры. Путь к культуре – это и есть путь к новому обществу. Многообразные круги человеческие, расходящиеся от созданного ранее старым коллективом, конечно, - [это] еще не будущие социалистические люди и не особенные гении, но это реальные люди, могущие и хотящие делать настоящую живую работу. Готовность А. к новой работе лишена и болтливого пафоса и детской

самоуверенности, но она зато есть реальная готовность, связанная с опытом, верой в человека. Любовь, совершенно неожиданная находка в жизни А., рассматривается им как неожиданная награда за всю его жизнь и как вечное доказательство справедливости жизни. Все это заканчивается весело и бодро, надежно, но без ура – революционных словечек и без «шапками закидаем». Это происходит из глубокого сознания длительности постройки человеческой культуры и уверенности в том, что всякая проделанная работа создает ценности, вопрос только в человеческом разуме и количестве и в качестве работающих коллективов.

№ 4. У Б. полная гармония с развитием темы № 3. Развитие этой жизни точно так же характеризуется преобладанием и силой мажорных тонов, призрением к пустомелям и верой в будущего человека и его жизнь. У Б. такая же склонность к новому героизму, свободному от аскетических причитаний и идиотских жертв. Ее любовь к А. – это не только любовь к мужчине, но и целая система гармонического мироощущения. Вот почему в последней части нет двух жизней, а есть одна сверкающая гармония двух людей, представляющих целое, единственное живое целое, ценное на Земле.

Эта мысль о великом значении пары людей, есть мысль о новой семье, о новом человеке, о новом элементе человеческого коллектива. Эта мысль должна оттеняться рисунком еще двух-трех человеческих культурных пар, способных понять в каждом своем движении, что счастье людей не должно исключать счастья и благополучия человечества.

Роман должен заканчиваться картиной какого-нибудь развалленного фона новой работы, на котором быстрым рисунком встает крепкий, мудрый веселый коллектив с точным движением, точным словом и постоянной готовностью дать отпор всякой болтовне.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма/ Сост. С. Невская. – М., 2003, с. 686-690. Конкретизация плана романа в 3-х частях; та же датировка.

Материал созвучен письмам Г. С. Салько 22 апреля-20 мая 1928 г. (см. выше), а также письмами ей 12 октября - 9 декабря 1929 г. («Ты научила меня плакать...», т. 1, с. 145-203; т. 2, с. 12-108).

В центре повествования: «новая уверенность в ценности человека и великом значении культуры»; сознание «длительность ее перестройки»; становление «гармонического мироощущения»; деятельное стремление человека к счастью, которое «не должно исключать счастье и благополучия

человечества»; тема «ценности личности в ценном коллективе». Главный герой романа «становится исполнителем новой замечательной стихии растущего молодого общества».

А. С. Макаренко отказывался от замысла этого романа летом 1930 г. В письме Г. С. Салько сказано: он «похоронил» большой труд, «расстался с коллизиями «сильной личности, - у меня свой путь и свои задачи» (Балабанович Е. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с. 208-209).

Он сосредоточился на том, что сказал А. М. Горький в начале июля 1928 г.: «Нельзя молчать, нельзя скрывать то, к чему Вы пришли в вашей трудной работе». А. М. Горький «моей колонией интересовался исключительно с точки зрения педагогической революции. Его интересовали новые позиции человека на земле, новые пути доверия к человеку и новые принципы общественной, творческой дисциплины» (т. 7, с. 178). Он говорил: «Вот главный вопрос: соединить стремление человека к свободе с дисциплиной – вот такая нужна педагогика» (т. 4, с. 22).

К теме социального романа А. С. Макаренко возвращался в 1935, 1937 гг., с учетом новых общественных условий, на основе своего более богатого жизненного опыта и новых художественно-педагогических задач (работа над «романом без названия», романами «Человек», «Пути поколения», «Ньютоновы кольца»).

1 Персонаж автобиографического романа.

2 Яковлев В. И. – в 1926-1930 гг. научный сотрудник украинского НИИ педагогики; в 1926-1928 гг. член Научно-педагогического комитета управления социального воспитания НКП УССР.

3 Порадник (укр. яз) – пособия для изучения чего-то, руководство.

Типы и прототипы «Педагогической поэмы», первой ее части

1) 1. Персонаж. **Калина Иванович.**

2. *Главы*. 1-10, 19.

3. *Положение в фабуле*. Он по-старчески радостно переживает успех колонии, явно затевает борьбу против кулаков, принимает участие в театральной деятельности, особенное участие в свадьбе, но осилить Куряж не берется.

4. *Развитие и конец роли*. В главе 10 он грустно уходит в отставку, окончательно покоренный новой жизнью, не отказываясь, однако, от шутливых сентенций по поводу новых порядков. Посещает колонию в главе 19. Нужно показать особенно прелестный букет сентенций. Его коммуна провожает почетным караулом.

2) 1. *Персонаж*. **Екатерина Григорьевна.**

2. *Главы*. 1, 3-6, 9, 10,12-19, 21, 24, 25.

3. *Положение в фабуле*. Она остается одним из лидеров, никогда не сдающих новых позиций, положительный спокойный тип. Во всяких спорах она должна представлять некоторое раздумье, маленький полезный тормоз, возбуждающий мысль, но тем прекраснее ее спокойный переход на мою сторону.

4. *Развитие и конец роли*. Переходит в коммуну. Последняя позиция должна сопровождаться небольшим ощущением усталости, более грустным взглядом, но тем ярче должно быть подчеркнуто ее радостно уверенное движение вперед. Она должна ощущаться как хорошая жертва новому коллективу.

3) 1. *Персонаж*. **Лидия Петровна.**

2. *Главы*. 2-4, 6, 7, 9, 11-15, 18, 19.

3. *Положение в фабуле*. Лидочка представляет линию измены. Просто устала, потом неудачный роман со Снарским, небольшой перепуг перед Куряжом, потеря энергии, переход в лагерь болтающих. Сторонница свободного воспитания. Шушуканье, сплетня, выходит замуж за Чудинского.

4. *Развитие и конец роли*. Конец последней в главе 19, одновременно с полным поражением Чудинского. Ее нужно открыто уволить за переход в лагерь врагов, маленькая борьба с профсоюзом, и все. Лидочка уступила потому, что ей слишком хотелось личной жизни.

4) 1. *Персонаж*. **Задоров Александр.**

2. *Главы.* 1-12, 14, 15, 18, 19, 21-25.

3. *Положение в фабуле*. Не меняя своей уверенной бодрости, спокойно связавший свое лицо с коммуной, активный комсомолец, Задоров первый уходит в рабфак. Является сторонником всех начинаний коммуны, но крепко ведет свою линию на партию. Он поступает на социально-экономический факультет.

4. *Развитие и конец роли*. В последних главах Задоров то и дело показывается в рядах коллектива, поддерживая его своей уверенной силой, особенно в Змиевской истории. Он должен участвовать в последней главе и должен быть ясным его будущий путь.

5) 1. *Персонаж*. **Таранец Федор.**

2. *Главы*. 2, 5, 8-12, 15, 16, 18, 19, 21, 23, 17.

3. *Положение в фабуле*. Один из главных деятелей дисциплинирования куряжан, главный пиротехник театра, участник борьбы с хулиганами и деятельный сыщик после убийства Марка. Он сохраняет прежний не смущающийся характер. Хорош он и в сражении с попами. Мастер в клубной работе.

4. *Развитие и конец роли*. Во время ОТК[1] он командируется в какую-либо колонию и остается инструктором, будучи хорошим столяром. Его рассказами и шутками должны быть наполнены главы последние.

6) 1. *Персонаж*. **Волохов.**

2. *Главы*. 1, 2, 4, 6, 8-12, 15, 18-21, 24.

3. *Положение в фабуле*. Делается деятельным членом ЛКСМ. Самое активное участие в крестьянских делах. Во время переезда в Куряж – в первой десятке. Его хулиганские замашки просыпаются только в борьбе с сельским хулиганством; здесь он берется за финку. Переключаю его на адм. работу в кузницу, а потом на электростанцию.

4. *Развитие и конец роли*. Перед корпусом[2], совершил несколько лихих наездов над. д. д.[3]; он получает работу на харьковской электростанции.

7) 1. *Персонаж*. **Бурун.**

2. *Главы*. 1-6, 9, 11, 19-23.

3. *Положение в фабуле*. Прямой путь к рабфаку. К учению относится с серьезной страстью. Увлекается только театром, но неудачно - мало поворотлив. Из учебы вылазит с молчаливым упорством, только в моменты больших авралов командует 4-м сводным.

4. *Развитием конец роли*. Уходит на рабфак мединститута, в последней главе уже в Военной медицинской академии.

8) 1. *Персонаж*. **Осипов Иван Иванович.**

2. *Главы*. 1-6, 9-12, 15, 17, 19-22.

3. *Положение в фабуле*. Постепенно из осторожного, трусливого и неинициативного человека становится очень хорошим техником-педагогом, спокойным и уверенным. Именно на нем показать, как нужно использовать и воспитывать кадры.

4. *Развитие и конец роли*. Остается до конца в колонии; сохраняя преданность ей. Во время трудового корпуса принимает на себя самую трудную дергачевскую колонию и делает ее образцовой.

9) 1. *Персонаж*. **Осипова Наталия Марковна.**

2. *Главы*. 1-4, 7, 10, 11, 13, 15, 19, 22.

3. *Положение в фабуле*. Это был человек почти безразличный к коллективу, с несколько странными нежными ужимками. Она перевоспиталась. У нее кое-что осталось: брезгливость к грязи, несколько наивное мышление, но подчеркнутое страстной преданностью коллективу и несколько манерной любовью к нему. Все это дает интересный букет. Переходит с мужем в Дергачи.

10) 1. *Персонаж*. **Гуд**

2. *Главы.* 2, 6, 10-12, 15, 16, 20.

3. *Положение в фабуле*. Остается сапожником. При переезде в Куряж поддается влиянию сельских хулиганов, пристрастился к девчатам, начал выпивать. В главе 16 над ним товарищеский суд. Он подчиняется, но в 20 главе снова выпивает, его выгоняют.

4. *Развитие и конец роли*. Он живет в селе, открыл сапожную, выпивает, приходит в колонию, над ним посмеиваются.

11) 1. *Персонаж*. **Братченко Антон.**

2. *Главы*. 1, 2, 5, 6, 10-12, 17, 20, 22.

3. *Положение в фабуле*. Его страсть к лошадям продолжает возрастать и достигает апогея во время переезда в Куряж. Из-за нее он отстал от других товарищей. Но хорошо понимает, что конюхом он остаться не может. Под нажимом Шере он в 15-й главе поступает на рабфак ветеринарного института, но через три месяца уже оказывается в Кубанском кавалерийском училище. Приезжает в колонию в 22-й главе и поражает своей формой.

12) 1. *Персонаж*. **Ветковский Костя.**

2. *Главы.* 2, 3, 5,16-20, 22, 24.

3. *Положение в фабуле*. В первых главах в нем просыпаются фантастические наклонности, он уезжает из колонии (гл. 5).

Неожиданно возвращается в главе 16, его очень ласково принимают, но он уже отстал от коллектива, и ему все время не по себе. Оставшись человеком с хорошей натурой, он просто обленился, потерял пружинную технику колониста. Ребята ему говорят: «Ты заржавел». Он изо всех сил старается и преодолевает это только во время работы по корпусу исполняя роль главного распорядителям по коллектору.

13) 1. *Персонаж*. **Шелапутин.**

2 *Главы*. 2-7, 10-12, 15, 17, 18, 20, 22, 23, 25.

3. *Положение в фабуле*. Шелапутин вырастает в совершенно нормального жизнерадостного мальчика, которого все любят как какое-то особенное достижение коллектива. Он очень способен, в особенности по математике, все уверены, что из него выйдет ученый, и он сам, кажется, уверен. Тем не менее он принимает спокойное и почти «ученое» участие во всех видах борьбы колонии. Его участие должно отличаться замечательной спокойной уверенностью, что так нужно, и поэтому все хорошо. Переходит в коммуну.

14) 1. *Персонаж*. **Мусий Карпович.**

2. *Главы*. 1, 3-5, 8, 10.

3. *Положение в фабуле*. Генеральных сражений два: проданный дом и мельница. Здесь М. К. высказывается совершенно откровенно и выдает себя с головой. У него отбирают лишнюю землю и инвентарь после нашей победы на перевыборах сельсовета. Он радуется переезду колонии, но страшно недоволен, что на место колонии переходит коллектив[4]. Провожает колонию со злобой.

15) 1. *Персонаж*. **Васька Полещук.**

2. *Главы.* 9-12, 15,17, 18, 20.

3. *Положение в фабуле*. Васька Полещук обнаруживается в Куряже в печальном состоянии, запуганный глотами и совершенно сбитый с толку. Он молчальник, страшно грустен. Приезд колонии производит на него впечатление взрыва, совершенно его переворачивающего. Он страстно отдается колонии, и хотя ничего не умеет делать и, собственно говоря, болен, но все время со слезами гоняется за коллективом. Выздоравливает он только

в коммуне Дзержинского, остановленный в своей страсти только у интересного станка. Он мечтает только о заводе.

16) 1. *Персонаж*. **Головань Софрон.**

2. *Главы*. 4, 10.

3. *Положение в фабуле*. Во 2-й главе главный герой покупки дома. Здесь он и терпит поражение. Является инициатором аренды мельницы и окончательно сходит со сцены.

17) 1. *Персонаж*. **Елисов.**

2. *Главы*. 1, 3, 5, 6, 11, 16, 18, 20, 22.

3. *Положение в фабуле*. Остается скромным мастером до тех пор, пока не появляется на горизонте Попов. В этом случае он вступает с ним в борьбу – он член партии, благодаря Ковалю. В работе столярной коммуны им. Ф. Э. Дзержинского он принимает самое горячее участие, но не может понять всей техники воспитательной работы и остается узким цеховым.

18) 1. *Персонаж*. **Козырь.**

2. *Главы*. 1-4, 8, 10-12, 15, 16, 22.

3. *Положение в фабуле*. Одна из центральных фигур повести. Два противоречия: кулацкое и религиозное, примитивен, но в этом примитиве нужно показать гибель старой психики. В Куряже он становится в тяжелое противоречие благодаря своей религиозности. Повторяя Христа на каждом шагу, он все-таки безоглядно повторяет реакции коллектива даже в церковных вопросах.

19) 1. *Персонаж*. **Чобот.**

2. *Главы.* 2, 4, 5, 6.

5. *Положение в фабуле*. Он погружаете в селянское море и влюбляется тупо и безнадежно. Его женят.

20) 1. *Персонаж*. **Осадчий.**

2. *Главы.* 2-5, 10- 12, 15, 20, 21.

3. *Положение в фабуле*. В Полтаве подражает Карабанову в его страсти и в пляске, в увлечении сельским хозяйством. По его примеру он начинает готовиться на рабфак, но это дается очень трудно. Остатки его характера проявляются в резких перегибах, в театральной политике и в несерьезной страсти к девчатам. Во время завоевания Куряжа он иногда

дерется. Конец части украшается его дружбой с Марком и лютым гневом во время расследования убийства. В последних главах поступает на рабфак с.-х. института. Это он ломает отхожие места.

21) 1. *Персонаж*. **Гречаный Андрей Карпович.**

2. *Главы.* 2, 4.

3. *Положение в фабуле*. Злобный старикашка, остается таким же. Он упражняется в сплетнях о колонии и лазит больше всех по канцеляриям, добиваясь мельницы.

22) 1. *Персонаж*. Председатель **Гречаный Сергей.**

2. *Главы*. 2, 3, 4.

3. *Положение в фабуле*. Встречается изредка.

23) 1. *Персонаж*. **Нечипоренко Степан** – батрак.

24) 1. *Персонаж*. **Верхола Лука Семенович.**

2. *Главы.* 1-5, 7, 10.

3. *Положение в фабуле*. Главный деятель 2, 4 глав. Он пытается склонить колонию на совместную аренду мельницы. После поражения он делается врагом настоящим, но снаружи сохраняет лояльность. Когда его начинают бить по запасам, реквизируют с.-х. инвентарь, он пускается на самые обильные разговоры, имеющие целью доказать, что в крестьянстве вся сила. Провожает колонию в Куряж с деланным расположением.

25) 1. *Персонаж*. **Овчаренко.**

2. *Главы*. 2,3, 16,21,

3. *Положение в фабуле*. Его фамилия встречается как положительный пассив в главах. В театральной работе он перетаскивает мебель, на поле аккуратно работает, в Куряже он лучший кузнец. Уходит на завод в Харькове, в кузницу.

26) 1. *Персонаж*. **Воронова Оля.**

2. *Главы.* 1, 2, 4, 5, 10, 14.

3. *Положение в фабуле*. Она остается любительницей сельского хозяйства. Первые главы должны содержать описание ее уверенного романа с Николаенко, радостная свадьба, и того нового, что она внесла в крестьянскую семью - отвращения к домашнему хозяйству, стремление к коллективу. Вокруг нее, как комсомолки, начинает располагаться селянская

молодежь, стремящаяся в коллектив. Она провожает колонию, радостная за ее будущее. Приезжает потом в колонию, и колония помогает ей в колхозных делах.

27) 1. *Персонаж*. **Соколова Раиса.**

28) 1. *Персонаж*. **Левченко Маруся.**

2.*Главы*. 1,2,4, 5,8, 10,11, 15, 16, 18,21.

3. *Положение в фабуле*. Проклятый характер остается в некоторых чертах вспыльчивости и вздорности. Она неудачница. У нее развивается стремление на рабфак, но ей очень трудно учиться. Она поступает на рабфак и делается предметом заботы всего сводного, ее вытягивают с большим напряжением, и она идет на педагогический рабфак. Во всех делах коммуны она принимает участие только в свободное время. Характер ее теряет черты вздорности и отличается особенным характером тяжелой успокоенности.

29) 1. *Персонаж*. **Карабанов.**

2. *Главы*. 2-7,9-12, 15-21.

3. *Положение в фабуле*. Он остается самым ярким лицом повести, всегда бурлящим и сдерживающим себя только военной выправкой. Он готов пожертвовать любым из своих интересов, но он не монах. Роман с Бакич, влюбленность Гали. Он готов бросить рабфак и действительно бросает его для корпуса, но его силой возвращают на рабфак. Он должен участвовать в большинстве глав. Из него выходит убежденный сторонник дела переделки человека на новый фасон. Об этом новом фасоне он всегда страстно мечтает. Такой же страстный физкультурник. Он произносит сентенции против всех врагов колонии.

30) 1. *Персонаж*. **Митягин.**

2. *Глав*ы. 7, 9, 13, 17, 22, 25.

3. *Положение в фабуле*. Митягин встречается дважды: на вокзале во время завоевания Куряжа и во время марша двух колоний, провожающих Горького. О нем иногда вспоминают хлопцы и на нем точат свои педагогические зубы. Он должен быть подготовлен к третьей части как участник постройки Беломорского канала.

31) 1. *Персонаж*. **Спиридон.**

2. *Главы*. 1-6, 8.

3. *Положение в фабуле*. Глава деревенских комсомольцев, друг Оли Вороновой, вместе с ней ведущий борьбу за коллектив. Он начинает сильно подражать колонистам, вместе с ним подражают и другие комсомольцы. Подражают во внешних выражениях терпения и настойчивости.

32) 1. *Персонаж*. **Стомуха Серега.**

2.*Главы*.2,4.

3. *Положение в фабуле*. Может быть указан в одной из глав о селянском море.

33) 1. *Персонаж*. **Стомуха.**

34) 1. *Персонаж*. **Сорока.**

2. *Главы*. 2-4, 6, 12, 1б; 20, 21.

3. *Положение в фабуле*. Неудачник и немного дурачок, но силен. Селянин. Уходит в колхоз, но и там его преследуют неудачи. Возвращается снова в колонию, встречаемый общим хохотом. Находит себя на электростанции в Куряже и остается в ней работать надолго.

35) 1. *Персонаж*. **Приходько.**

2. *Главы*. 2-5, 10, 11, 15, 16, 21.

3. *Положение в фабуле*. Остается его дурацкий бурный характер и наклонность к проломлению головы. В одной из драк в Куряже он доводит колонию до скандала. Он очень тяжело переживает это и по-настоящему берет себя в руки, переходит в кузнечный цех харьковского завода. Иногда посещает колонию.

36) 1. *Персонаж.* **Гречаный Оноприй.**

2. *Главы*. 2-4.

3. *Положение в фабуле*. Встречается случайно.

37) 1. *Персонаж*. **Федоренко.**

2. *Главы*. 3,5, 11, 16,21.

3. *Положение в фабуле*. Неповоротливый, беззащитный, он еще доставляет колонии несколько веселых минут. Линию свою находит только во время переезда в Куряж, увлекшись свинарней и английским стадом. В конце повести уходит в совхоз кладовщиком.

38) 1. *Персонаж*. **Опришко.**

2. *Главы*. 2, 4, 5, 10, 14.

3. *Положение в фабуле*. Небогатая его натура и подражание Братченко немного приносят пользы. Он влюбляется с настоящей страстью. Его женят, но он скоро начинает бить жену. Его привлекают к ответственности в товарищеский суд. Он подчиняется суду и активно начинает работать в колхозе. В конце повести приезжает вместе с Вороновой

39) 1. *Персонаж*. **Остромухов.**

2. *Главы*. 6, 10, 15, 16, 18,20.

3. *Положение в фабуле*. Он приходит в Куряж стройным колонистом. Дружит с Марком и сближается с Волоховым. Мечтает быть инженером. Поступает на рабфак.

40) 1. *Персонаж*. **Шнайдер.**

2. *Главы*. 6-8, 11, 16, 18,21.

3. *Положение в фабуле*. Проводит все время линию на квалифицированного рабочего и добивается своего.

41) 1. *Персонаж*. **Глейзер.**

2. *Главы*. 1, 4, 6, 10-12, 15-17.

3. *Положение в фабуле*. Уже с первой главы в нем проявляются наклонности юриста, сначала в области сутяжничества. Он подает свои советы в какой-нибудь строго официальной форме во всех конфликтах.

Поступает в социально-экономический институт.

42) 1. *Персонаж*. **Крайник.**

2. *Главы*. 2 -4, 6, 11, 16, 17, 21.

3. *Положение в фабуле*. Он успокаивается, в нем открывается спокойное остроумие типа Векслера. Он обнаруживает музыкальные способности, попадает в оркестр и всегда носится то со скрипкой, то еще с чем. На все события отзывается спокойным юмором, его любят. Поступает в музыкальный техникум.

43) 1. *Персонаж*. **Соловьев Тоська.**

2. *Главы*. 2, 5, 7, 8, 10, 11, 16 - 18, 20, 22, 23.

3. *Положение в фабуле*. Тоська командует уже сводными отрядами. В момент переезда в Куряж он настоящий командир, ведущий прямую уверенную линию. Он хороший организатор. Ему поручаются отдельные

задания. К концу повести он в комсомоле. Физкультурник, музыкант. Наиболее ярко он проявляется в момент открытия коммуны - он влюбляется в какую-то будущую культуру. Переходит в коммуну (приблизительно Вася Клюшник).

44) 1. *Персонаж*. **Вершнев (Шершнев).**

2. *Главы.* 1-3, 5, 7, 9-12, 15, 18, 19, 21-23, 25.

3. *Положение в фабуле*. Активно участвует во всей жизни колонии. Постепенно усиливаются в нем черты искателя правды. На узком участке это должно сделаться главным развитием его линии. Из рабфака он уходит из-за неудовлетворенности этим узким участком, но беспрекословно подчиняется требованиям комсомола и возвращается. К концу повести он уже в медицинском институте. Он застенчиво ищет правду и думает. Должен быть приготовлен к третьей части. Из комсомола он выходит и остается нерешенным.

45) 1. *Персонаж*. **Белухин.**

2. *Главы*. 2-5, 15,22.

3. *Положение в фабуле*. Главная тема - он ничего не боится. Таков он и во время переезда в Куряж и во время Куряжской борьбы. Он хочет быть только военным, потому что там нужно ничего не бояться. Он поступает в военное училище и сманивает туда Братченко, вместе с ним и приезжает.

46) 1. *Персонаж*. **Черненко.**

2. *Главы*. 2, 4, 10, 20.

3. *Положение в фабуле*. Помогает колонии в борьбе за дом и мельницу, в переезде в Куряж.

Во время борьбы за корпус встречается и активно сочувствует.

47) 1. *Персонаж*. **Галатенко.**

2. *Главы*. 2-6, 8, 10-12, 15, 16, 21.

3. *Положение в фабуле*. Единственный человек, который не едет в Куряж, а которого везут и даже, устраивают для него станок в вагоне. Но в Куряже он ошеломлен развалом коллектива и со злостью набрасывается на куряжан, доходя до мордобоев. Насилу его отталкивают, но и то он

продолжает чертыхаться. Когда уже победа есть, он все время задается. Кузнец.

48) 1. *Персонаж*. **Петр Иванович Горович.**

2. *Главы*. 1-4, 6, 8-11, 13, 14.

3. *Положение в фабуле*. Таков, как он и есть. Но в Куряже не может выносить педагогических схваток и открыто говорит, что с этой ерундой оканчивает, переходя на физкультурную. В театре и борьбе с хулиганами главный деятель.

49) 1. *Персонаж*. **Коваль Тихон Нестерович.**

2 *Главы*. 1, 2, 4, 6, 7, 9-15, 18-22, 24, 25.

3. *Положение в фабуле*. Зам. и преданный делу человек, создающий из комсомола действительно боевую организацию. Совершенно не выносит лишних разговоров и страдает от них.

Очень ясный взгляд на ценность работы в зависимости от партийных установок. Такой ошибиться не может.

Ведет отчаянную борьбу в колонии во время корпуса. В характере несколько хохлацкая неповоротливость, простота, способность выругаться, нелюбовь и отрицание художественной литературы.

50) 1. *Персонаж*. **Настя Ночевная.**

2. *Главы*. 1-6, 10, 11, 14, 16, 22, 24.

3. *Положение в фабуле*. Тип Нины Ледак. Боевая деятельность за все время. От Нины отличается совершенно спокойным характером. В Куряже поступает на рабфак или уходит на завод.

51) 1. *Персонаж*. **Георгиевский.**

2. *Главы*. 1,5,9, 10, 14, 19.

3. *Положение в фабуле*. Постоянно сопровождаемый обвинением в губернаторстве, он не сдает в линии. Он человек, очень любящий ребят, и ему трудно от них уйти, но все же он идет учиться. Очень часто бывает в колонии, а во время Куряжа ведет совершенно несдержанную борьбу, ненавидит Брегель именно из любви к ребятам. В безжалостности к этим ребятам он больше всего обвиняет Брегель. А жалеть ребят, по нему, это и значит привить им дисциплину. В Куряже к нему приезжает отец, которого

он потерял во время голода, и, к удивлению всей колонии, он оказывается учителем с Поволжья.

52) 1. *Персонаж*. **Волков Жорка.**

2. *Главы*. 4-6, 10 - 12, 15, 17, 18, 20-23, 25.

3. *Положение в фабуле*. Он ударяется в политическую линию и скоро становится секретарем комсомольской ячейки. Не любит физического труда, но заставляет себя работать. Страстен, груб и никогда не формалист. Инициатор взятия штаба во время маневров[5]. Ему в комсомоле из-за этого трудно. Ненавидит всех врагов, и они его ненавидят.

53) 1. *Персонаж*. **Волков Алешка.**

2. *Главы.* 1, 3, 4, 8, 10, 11, 16, 17, 19 - 25.

3. *Положение в фабуле*. Уже в начале он выделяется как изобретатель и сторонник организационных форм дисциплины и быта. Скоро он делается ходячим хрипуном, вечно журящим кого-нибудь за нарушение стройности системы и за лень. Он не способен был ничего не делать и в Куряже поражал всех своею бессонною воркотнею.

С началом корпуса он уже член сельрады и самый серьезный колонист. По колониям он с брезгливой физиономией проделывает чудеса. Много он поработал перед приездом Горького.

54) 1. *Персонаж*. **Кудлатый Денис.**

2. *Главы*. 3-5, 7-15, 18, 20-25.

3. *Положение в фабуле*. В точности сохраняя характеристику Кудлатого из 1-й части, все время расширять его деятельность, главным образом в хозяйстве, деятельность накопителя и расширения хозяйства. В этой деятельности он квалифицируется и приобретает много навыков. Много он помогает хозяйственной работой и в селе. С уходом К. И.[6] он становится главным деятелем хозяйства, уступая общее руководство только Дубовику, который в то же время отрывается по корпусу и по коммуне. Остается заведующим хозяйством колонии, уже будучи кандидатом партии.

55) 1. *Персонаж*. **Ступицин.**

2. *Главы.* 2, 4, 8, 10, 11, 15,21.

3. *Положение в фабуле*. В начале и в Куряже ведет свинарей. При переезде - начальник эшелона и общих вещей. Поступает на рабфак

машиностроительного института. Является всегда, когда требуется серьезный подход к работе, сторонником научной книги и врагом кустарничества. Это главный критерий его в определений будущего колонии.

56) 1. *Персонаж*. **Лапоть Ваня.**

2. *Главы*. 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12, 14, 17, 19, 21-23.

3. *Положение в фабуле*. Выделяется своим темпераментом и зубоскальной бодростью во время постановок. Оказывается очень способным и уже подготовленным – едет со второй партией рабфака. В Куряже и в корпусе берет исключительно едким зубоскальством, умеющим довольно солидно уничтожать противника. Заедается с наробразовцами.

57) 1. *Персонаж*. **Шаровский Костя.**

2. *Главы*. 2, 4, 5, 7, 12-14, 17, 18, 22.

3. *Положение в фабуле*. Нормальный, серьезный мальчик - переходит в коммуну.

58) 1. *Персонаж*. **Богоявленский Витька.**

2. *Главы*. 1-3,6-11, 15, 18, 19, 21, 24.

3. *Положение в фабуле*. Один из главных деятелей второй части. Искренний, прямой, горячий, несколько обидчивый и все же до конца преданный человек. После завоевания Куряжа и большой работы по обследованию, большую работу проводит в коммуне. Он главный следователь и видит все насквозь.

59) 1. *Персонаж*. **Жевелий Митька.**

2. *Главы*. 1-3, 6-11, 15, 17-19, 21, 24.

3. *Положение в фабуле*. Друг Витьки и соратник. Отличается от него небольшой хитрецой, благодаря чему очень укладист, но в минуту тревоги замечательно волевой тип и хладнокровный. Красив. Работает все время вместе с Витькой. Мечтает быть моряком.

60) 1. *Персонаж*. **Леший Кузьма.**

2. *Главы*. 2, 4, 6, 7, 12.

3. *Положение в фабуле*. Благодаря дружбе с заводом выпускается кузнецом на паровозные мастерские. Приезжает в колонию в Куряж в гости. На свадьбах главный деятель.

61) 1. *Персонаж*. **Шере.**

2. *Главы*. 1-3, 5-12, 15, 18, 20-22.

3. *Положение в фабуле*. Тип прежний. Проводит везде большую работу. Организует все хозяйство корпуса.

62) 1. *Персонаж*. **Корыто.**

2. *Главы.* 2, 4, 11, 12, 15, 16, 20, 21.

3. *Положение в фабуле*. Упоминается несколько раз как старый колонист. Как и все предан колонии. В Куряже работает на электростанции и скоро делается ее главным воротилой. Много борется с хулиганством. Неистощим в изобретении борьбы с церковью.

63) 1. *Персонаж*. **Романченк**о. Упоминается.

64) 1. *Персонаж*. **Назаренко.**

2. *Главы.* 6, 9, 11, 15.

3. *Положение в фабуле*. Вырастает несколько эгоистом. Моральный рецидив. Из эгоизма учится, из эгоизма подчиняется колонии, но не любит ее и тяготится ею. Уходит учиться, в конфликте с коллективом и не помогает ему. Но ему приходится обратиться за помощью в колонию, и в этой помощи ему отказывают. Скандал и жалобы его позволяют еще больше нападать на колонию, но колония не сдается.

65) 1. *Персонаж*. **Векслер.**

2. *Главы*. 6, 11, 14, 19.

3. *Положение в фабуле*. Тип Шведа - оратор и душевный человек. Колония гордится его ораторскими способностей и всегда его выставляет. Умеет действовать на душу слушателя. Это используется во время конференций и съездов.

66) 1. *Персонаж*. **Перепелятченко**

2. *Главы*. 1, 5, 6, 8, 21.

3. *Положение в фабуле*. Его преследуют даже девочки. Тип Тетерятченко. Он не идет в коммуне, а бесконечно тянется, и его с трудом перестают ненавидеть. В конце концов он где-то устраивается конторщиком, но все время объединения корпуса предлагает свою помощь, которую принимают даже с энтузиазмом.

67) 1. *Персонаж*. **Евгеньев.**

2. *Главы*. 6, 8, 16.

3. *Положение в фабуле*. Припадочная дрянь, которая гордится своим кокаином, с первого же дня его воспитывают, делая из этого почти спорт. Бросают в речку. Он сначала врет и прикидывается, но потом покоряется. Учиться он не хочет и устраивается на электрической станции, будучи совершенно упорядочен.

68) 1. *Персонаж*. **Густоиван.**

2. *Главы.* 2, 4, 6, 11, 12, 14, 15, 20.

3. *Положение в фабуле*. Густоивана освобождает от религии церковь, но он остается дураком, и дальше самой свинарни не идет. Его религиозность служит основанием для обвинений.

69) 1. *Персонаж*. **Пыхова (Капылова).**

2. *Главы*. 14.

3. *Положение в фабуле*. Одна из партиек - сорвавшаяся на дочери еще в Полтаве. История с туфлями. Вообще тварь.

70) 1. *Персонаж*. **Пыхова Лена (Пихоцкая[7]).**

3. *Положение в фабуле*. Упоминается - спасение в колонии.

71) 1. *Персонаж*. **Марк Шейнгауз.**

2. *Главы*. 8-11,14, 15.

3. *Положение в фабуле*. Недолго в колонии, яркий, политически развитой человек, укравший сознательно, как в последнем выходе.

Страстно верит в лучшую жизнь и органически не переносит ничего грязного, отсталого. Возглавляет борьбу с хулиганством идейно, хотя драться вообще не способен. Убит скоро.

72) 1. *Персонаж*. **Клямер (Чудинский).**

2. *Главы*. 9-11, 14, 17, 21.

73) 1. *Персонаж*. **Пивень Андрей Павлович (Крикун).**

2. *Главы*. 12, 13, 15, 17, 19.

74) 1. *Персонаж*. **Киргизов Максим Денисович (Татаринов).**

2. *Главы*. 3, 5, 9, 10, 13, 18, 20.

75) 1.*Персонаж*. **Ужиков Аркадий (Фейгельсон).**

2. *Главы.* 10, 11,14.

76) 1. *Персонаж*. **Брегель Мария Викторовна.**

2. *Главы*. 5-8, 10, 12, 14-22, 25.

3. *Положение в фабуле*. Неожиданно появляется в колонии, поражает своим тоном (прибл. в гл. 5). Потом начинает мелькать чаще, является противником переезда в Куряж и трудового корпуса, фыркает на коммуну им. Ф. Э. Дзержинского и на все порядки. Злобная, вульгарная, сплетница, развращенная баба, у которой ненависть к колонии происходит на почве неудач в личной жизни и беспорядочности этой жизни, какой-то подозрительный роман с Яковлевым, бьет свою дочь. Она добивается пересмотра вопроса о корпусе. Поражение ее приходит вместе с поражением троцкизма, педагогическим выразителем которого она является. Злобно встречает и Горького. Между прочем, это она рекомендует отдавать детей кулакам.

77) 1. *Персонаж*. **Халабуда Сидор Иванович.**

2. *Главы*. 1-10, 12, 14, 16, 18, 21, 24.

3. *Положение в фабуле*. Очень ограниченный человек, представитель утилитарно-хозяйственной педагогики, почти не идущей дальше кулацкого типа с.-х. Человек технически невежественный (жито) Впрочем, он не злой и ему хочется, чтобы все было хорошо. Но он всегда под влиянием какого-нибудь субчика[8], и его добродушное сердце размахнуться не может.

Он добродушно встречает колонию и вообще не враг ей, ему нравится работа, он дорогой гость на баштане, хотя и судится за одеяла. Но он становится на каждом шагу в комическую позу. Даже в разрыве с колонией он ненавидит Брегель и сражается с ней, отстаивая, впрочем, не какие-либо идеи.

78) 1. *Персонаж*. **Тов. Геннадий (Виктор).**

2. *Главы*. 9, 11, 12, 14-19, 21

3. *Положение в фабуле*. Облезший интеллигент. Чистый представитель того интеллигентства, не имеющего никакого отношения к живым людям. Он знаком только с идеями и сумрачно млеет под их лучами. Неряшлив и непрактичен до глупости. В колонии он ищет только придирок для рассуждений.

Встречается с колонией в Куряже. Больше по ней ходит и мечтает о будущих «отношениях». Он инспектор методист, но дает свою методику

только в форме общих идеалистических сентенций. От всякой борьбы страдает, страдает от дисциплины, от красоты. Где-то растворяется в воздухе. Говорит много о коллективе.

79) 1. *Персонаж*. **Булкин Иван Сергеевич.**

2. *Главы*. 7, 8, 10-12, 14, 16-22, 24.

3. *Положение в фабуле*. Делец, беспринципен, дипломатичен, первобытно скуп. По идеологии - кустарь. В колониях видит только кустарные мастерские, могущие увеличить оборотный капитал. Он за корпус[8], но представляет как кустарь – спилку[8]. Хитер, заискивает, действовать любит за кулисами, сторонник сильной своей власти.

Сначала друг колонии. Сторонник переезда, хвастается своими мастерскими, боится меня, ненавидит острой ненавистью коллектив колонистов, на беспризорных смотрит как на быдло, пригодное только для оборотного капитала. За корпус хватается, но хочет сам командовать и поэтому переходит в стан врагов.

80) 1. *Персонаж*. **Отченаш Силантий Семенович (Грищенко).**

2. *Главы*. 1-7, 10-12, 14-16, 19, 21, 22, 24.

3. *Положение в фабуле*. Он появляется в самом начале второй части и встречает своеобразный прием благодаря своей оригинальности. Он не люмпен, а этакий земляной философ, какой-то сгусток классовых противоречий. Но он замечательно здоров и поэтому должен быть выведен как представитель чистого, без претензий, и спокойного, посильного здравого смысла. Он добродушно умно отзывается на все события жизни и вызывает смех формой выражения, но он замечательный работник, и его все ценят и даже призывают на помощь. Он остается до конца в колонии и даже читает книги Горького перед приездом его.

81) 1. *Персонаж*. **Гуляева Анна Васильевна (Веселова).**

2. *Главы.* 8-13, 15, 17,19, 21, 23.

3. *Положение в фабуле*. Партийка в колонии. Она спокойна, хороша собой и всегда добродушно кокетлива. Она помогает Ковалю, потому что умнее и культурнее его. Вокруг себя она видит много «зверушек», но уверена, что они скоро выведутся. Прекрасно разбирается в троцкистских загибах Брегель и уверена, что вся эта нечисть разлетится. Работает больше

в комсомольской ячейке и сообщает ей много культурных навыков. Она не начетчик и большое значение придает культурной работе. Над Брегель и всеми остальными посмеивается.

82) 1. *Персонаж*. **Гинзбург Марк Михайлович.**

2. *Главы*. 12, 14, 17 - 23.

3. *Положение в фабуле*. Это сложный и большой тип. Умен и видит далеко вперед и видит сложность явлений. Но он очень хорошо понимает силу толпы и иногда воздерживается, презрительно помалкивая и выжидая случая.

Самое главное его достоинство - он практический человек и не верит пустым словам. Он деятельно и с азартом принимается за корпус, но когда начинается борьба, он не хочет вступать в прения и говорит: «Дело само выживет, пускай кричат, не нужно никаких операций».

83) 1. *Персонаж*. **Джуринская Любовь Савельевна**[9].

2.*Главы*. 5-8, 11, 12, 14, 15, 17-19, 21.22.

3. *Положение в фабуле*. Тоже интеллигент, но с очень светлым взглядом на будущее и умеет ощущать тон жизни и тон коллектива. Она верит в колонию безраздельно и увлечена желанием помочь ей, но она - человек безтемпераментный, и это немножко вредит. Она боится сильной борьбы и поэтому отходит в сторону и старается действовать на боковых линиях. Но никогда не теряет уверенности в успехе и веры в силу и удачу партии.

84) 1. *Персонаж*. **Воробьев Михаил Михайлович**[10]**.**

2. *Главы.* 5, 9, 12, 14, 17-19, 21.

3. *Положение в фабуле*. Человек одной ученой идеи, преданный своим слепым и условным рефлексам. Как ученый, он хорошо понимает сложность и глубину опыта колонии, но считает, что она хороша, главным образом, тем, что подтверждает его мнение и значение рефлексов. Он представитель биологизма в науке и не может видеть живого лица коллектива. В борьбе участие принимает только как влиятельный член партии и может своим словом кое-кого защитить.

Его конек - обусловленное поведение.

85) 1. *Персонаж*. **Лосева Ирина Алексеевна (Галя)**[11]**.**

2. *Главы*. 12, 14-25.

3. *Положение в фабуле*. Подавленная затхлостью педагогического мира, она широко и страстно открывает глаза на новое дело, отдается ему до конца и не оглядывается назад. В борьбе принимает самое активное участие. Но по натуре она не точный человек и начинает учится точности и техническому подходу к педагогической работе. В последних главах она уже совершает просто самую работу по корпусу и совершает очень удачно. Она много нового вносит в мысль о коммуне имени Дзержинского, соединяет некоторые черты Балицкой.

86) 1. *Персонаж*. **Бранд Александр Михайлович.**

2. *Главы*. 17-21, 23.

3. *Положение в фабуле*. Остроглазая и суровая умница, человек большой воли и умеющий иметь свое суждение. Он приносит в педагогику большой размах нового производственного дела, требующего дельцов и организаторов широкого пошиба. О педагогах он презрительно даже не упоминает и фактически о педагогике как средстве не думает, полагаясь больше на само дело в его производственном и хозяйственном выражении. Он хорош тем, что в беспризорном не видит ничего «беспризорного» и ничего трудного. Это прежде всего люди, которые могут производить.

87) 1. *Персонаж*. **Антонов Семен Климович (Юрьев).**

2. *Главы*. 9-12, 14, 15, 17-21, 23.

3. *Положение в фабуле*. Вообще он желторотый, но он с восторгом принимает эстетику жизни колонии потому что он немного художник. Он всегда готов восторгаться и всегда верит, что есть чем восторгаться. Хорошее у него то, что он предан идее нового быта и хочет новых традиций, новых форм живой жизни. Это его отличает от остальных персонажей. В борьбе он принимает участие с таким же настроением, и с таким же восторгом ожидает победных реляций. Он в восторге от «чемпиона хулиганства».

88) 1. *Персонаж*. **Бокова Мария Кондратьевна**[12].

2. *Главы*. 1,2.

3. *Положение в фабуле*. Блондинка с ямочками. Завсоцвосом. Женщина, ищущая любви, прекрасными губками лепечет о соцвосе. У нее маленькая попытка завести роман с зав. колонией, но кончается дело

романом с Семеном. Мило прощается с колонией, отнюдь в соцвосе не разочарованная.

89) 1. *Персонаж*. **Духов (Духно).**

2. *Главы*. 11,14, 16,21,24.

3. *Положение в фабуле*. Дипломат, делающий карьеру, которого вычищают при всякой чистке и при всякой чистке восстанавливающийся. Делом он никаким не интересуется и дружит с теми, кто почему-либо в силе или в моде. Дружит он и с колонией, пока она в почете, и делается ее врагом, когда на нее нападают. С приездом Горького он от колонии снова в восторге. Вокруг него много всяких странных родственников.

90) 1. *Персонаж*. **Теляченко (Козлова).**

3. *Положение в фабуле*. Инспектор. Злая, напряженно подозрительная, совершенно неподвижная личность, самые старые предрассудки, возводящиеся в чин новых положений. Со злости и из зависти она ненавидит все сильное и живое. Друг Брегель. Смывается вместе с нею. В колонии выполняет больше роль обследователя. К заведующему относится с подчеркнутым презрением.

91)7. *Персонаж*. **Павлюченко Надежда Поликарповна (Панченко).**

2. *Главы*. 12, 14, 15, 17, 19, 22.

3. *Положение в фабуле*. Это почему-то научный работник, но она - центр всяких сплетен и передач, которые вызывает с неизменной улыбкой и с ямочками, наполненными сахаром. В романе она всегда присутствует во всех опасных местах, всем сочувствует и обо всех добродушно сплетничает. Она совершенно беспринципна, ей всегда раньше всего мерещатся романы и разврат, хотя она сама далеко не целомудренна.

92) 1. *Персонаж*. **Чайкин Сергей Васильевич (Яковлев).**

2. *Главы.* 10, 14,16-19, 22

3. *Положение в фабуле*. Профессор педагогики, мошенник, шарлатан и пьяница. Человек совершенно дикий и некультурный, но злобненький и активный в защите своего положения. Пьяница. Он производит самые безобразные эксперименты над своим сыном и наконец отдает его в колонию. К колонии он сначала относится как к такому месту, на котором

можно отыграться, но, отдавши сына, начинает перед нею заискивать. Вокруг сына завязывается небольшой узел борьбы.

93) 1. *Персонаж*. **Костина Наталья Андреевна (Нат[алья] Аполлон [овна]).**

2. *Главы*. 12-15, 18,20.

3. *Положение в фабуле*. Председатель шефского комитета. Интеллигентка, вдруг открывшая колонию и поверившая в нее сразу. В ней преобладает эмоциональное отношение к живым колонистам, она от всего приходит в восторг и готова во всем видеть только хорошее. Она совершенно непрактична и понимает только одно, когда кого-нибудь обижают. Тогда она что угодно готова сделать для защиты и страдает, совершенно не понимая, отчего это страдание происходит и почему так много на свете «несправедливостей». Ненавидеть она совершенно не умеет. Своим отношением к колонистам она очень улучшает человеческую обстановку в колонии.

94) 1. *Персонаж*. **Буцай Зиновий Иванович (Чаплян).**

2. *Главы*. 1-3, 8, 10, 12, 13, 15, 17, 20.

3. *Положение в фабуле*. Воспитатель. Он худ и болен, но полон воли к жизни. Комическая история с его закаливанием. Очень добросовестен, культурен и вежлив, неизмеримо доверчив, в революцию верит только потому, что она совершившийся факт. Он далеко не талант, но у него много всяких способностей: художник, артист, это очень здоровая, хотя и небогатая натура. В колонии он сам проходит хороший путь воспитания и предан ей без конца и без критики.

95) 1. *Персонаж*. **Мизяк Степан Борисович.**

2. *Главы*. 4, 8, 12.

3. *Положение в фабуле*. Садовник, угрюмый, рыжий, работящий и наивный.

96) 1. *Персонаж*. **Мизяк Валя (Мира).**

3. *Положение в фабуле*. Дочь мельника, хорошенькая женщина, за которой все ухаживают и которая выходит за садовника. В колонии она делается кастеляншей и оказывается очень чистоплотной и порядочной хозяйкой.

97) 1. *Персонаж*. **Кравчук (Полищук).**

2. *Главы*. 16.

3. *Положение в фабуле*. Столяр, партиец, человек простого здравого смысла и простого действия. По своей психологии он почти колонист и даже носит колонийскую форму. Рекомендует самые простые и несложные средства борьбы: «дать по морде» выгнать. Мечтает о машинной столярной.

98) 1. *Персонаж*. **Клямер Борис Самойлович (Соломон Борисович).**

2. *Главы*. 16, 18, 20-22.

3. *Положение в фабуле*. Такой, как он есть. В коммуне имени Дзержинского он начинает сразу со стандарта[13] и приводит ее к деньгам.

99) 1. *Персонаж*. **Болгаров (Сербиков).**

2. *Главы*. 11, 13, 15, 18, 21, 23.

3. *Положение в фабуле*. Человек, догнивающий под сенью коммуны и хорошо это понимающий. Это циник, видящий, что для цинизма нет места, но по привычке употребляющий циничные формы. В своем закоулке он ведет бухгалтерские счета и видит, что кругом делается.

100) 1. *Персонаж*. **Милинская Елена Федоровна (Лена Федорова).**

2. *Главы*. 20, 21,25.

3. *Положение в фабуле*. Тоже с вуза, но ничего, кроме глупой важности, оттуда не принесла. Тем не менее для этой самой важности говорит о рефлексологии. Из гордости и чистоплотности работает, но больше увлекается защитой своих интересов.

101) 1. *Персонаж*. **Котов Валентин Петрович (Дисциплинка).**

2. *Главы*. 8, 19-21.

3. *Положение в фабуле*. Педагогическая пошлятина. Толст, разговорчив, пуст, пролаза и в этом деле энергичен, вульгарен прежде другого всего. Он всегда врет и всех обманывает. Его просовывают везде как хорошего педагога и назначают с одного места на другое. Больше всего он думает о своей квартирке. Его словечко «дисциплина».

102) 1. *Персонаж*. **Юрский Самуил Ильич (Юрченко).**

2. *Главы*. 18, 20.

3. *Положение в фабуле*. Политвоспитатель в коммуне имени Дзержинского, организатор комсомола. Фактически молод и сам идет за комсомолом.

103) 1. *Персонаж*. **Фонаренко Илья (Оноприенко).**

2. *Главы*. 9, 11, 15, 18, 21.

3. *Положение в фабуле*. Из молодых куряжан вырастает такой, как есть. Он в составе дзержинского комсомола представляет самую культурную и искреннюю часть. В Куряже быстро переходит на сторону колонии и убеждает других. Его метод - убеждение.

104) 1. *Персонаж*. **Фоменко Васька (Фомичев).**

2. *Главы*. 8, 9, 11, 14, 15, 20, 22.

3. *Положение в фабуле*. Неряха, лентяй, грубиян в Куряже. С ним возятся долго и только к концу повести он вдруг показывает себя как энергичный и бурно преданный делу человек.

105) 1. *Персонаж*. **Варская Оксана Петровна (Оксана)**[14]**.**

2. *Главы*. 3, 5-7, 9, 11-13,15, 17, 20, 23,25.

3. *Положение в фабуле*. Студентка. Живой и интересный человек. Веселый, внимательный. Приезжает в качестве практикантки, набитая верой в педологию и рефлексологию, но, увлеченная коллективом, забывает об этих глупостях, принимает участие во всех видах жизни колонии и входит в сводный отряд как колонист.

Во время завоевания Куряжа несет самую черную работу с меньшими коммунарами.

106) 1. *Персонаж*. **Журбин Павел Иванович (Иван Иванович)**[15]**.**

2. *Главы*. 1 - 3, 5, 6, 8, 9, 13, 15, 19, 21.

3. *Положение в фабуле*. Бывший штабс-капитан, спокойно поверивший в новую жизнь. Он дисциплинирован, рассудителен, похож на Весича, готов в каждом человеке видеть новое и хорошее. Во время корпуса он совершает чудеса, выполняет большую работу, но его преследуют за то, что он бывший штабс-капитан.

107) 1. *Персонаж*. **Водогон Игнат Сергеевич (Одарюк).**

2. *Главы*. 13, 14, 16, 18, 19, 21.

3. *Положение в фабуле*. Молодой партиец, только что окончивший педвуз и специально приехавший учиться в колонию. Он хорошо видит отсутствие и начало новой техники. Педагогическая техника - его конек, он о ней только и думает и говорит, и всякое явление в колонии рассматривает со стороны техники, не забывая ни на минуту о коммунизме. Он участвует в борьбе и понимает, что ее вести трудно потому, что нет техники. Доказывает это на каждом шагу. Мечтает учиться.

108) 1. *Персонаж*. Дубовик Иван Акимович (Дидоренко).

2. *Главы*. 10-12, 18, 20,72.

3. *Положение в фабуле*. Завхоз в коммуне имени Дзержинского. Такой какой есть. Он педагог в душе, но малокультурен. Зато он прекрасный и преданный работник.

109) 1. *Персонаж*. **Чарский (Снарский).**

2. *Главы*. 3,17.

3. *Положение в фабуле*. Таков, как он есть. Прежде всего паршивый, разложившийся интеллигент, истекающий гадкой слюной всякой расслабленности и говорящий о поэзии и о красоте, и о социализме только в припадке прогрессивного паралича. Он сильно портит Лидочку, и его колонисты ненавидят.

110) 1. *Персонаж*. **Журавлев (Журавицкий).**

2. *Главы*. 9, 18.

3. *Положение в фабуле*. Строитель коммуны имени Дзержинского. Он должен иметь отношение только к светлым человеческим взглядам на жилье для нового человека. Жизнерадостен.

111) 1. *Персонаж*. **Кляченко (Пляченко).**

2. *Главы*. 18, 22.

3. *Положение в фабуле*. Инспектор. Добродушный наблюдатель, но умница и веселый человек. Он ничему никогда не верит, но умеет видеть настоящее дело. Кроме того, он сторонник опытной логики.

112) 1. *Персонаж*. **Наумов (Арнаутов).**

2. *Главы.* 14, 17, 19, 22.

3. *Положение в фабуле*. Большой чин в Наркомпросе. Он умен и понимает все. Его участие в деле сказывается только в том, что он требует

свободы опыту колонии и останавливает ретивых профессоров, но он не может решительно повернуть руль и вырвать его из рук всякой сволочи. Только перед приездом Горького он становится решительно на сторону колонии и защищает коммуну имени Дзержинского.

113) 1. *Персонаж*. **Люлюк (Миколюк).**

2. *Главы*. 17, 19, 21.

3. *Положение в фабуле*. Шляпа на месте завокрнаробразом, не имеющая никакого мнения, волокитчик и человек неуверенный.

114) 1. *Персонаж*. **Комарова (Мухина).**

2. *Главы*. 14, 17,20.

3. *Положение в фабуле*. Так себе начинающая ученая, подпевала всяких профессоров и страшно добродетельная и нежная. Она совершенно не выносит вида дисциплины. Но в борьбе участия не принимает - слишком слаба.

115) 1. *Персонаж*. **Зайченко (Зайчик), (Волченко).**

2. *Главы.* 10, 14, 17, 19, 21.

3. *Положение в фабуле*. Таков, как он есть. Представитель простого жизнерадостного детства. Он уже научился красть в Куряже и вот-вот готов скатиться на блатную дорогу. Он не столько увлекается дисциплиной, сколько оживает под впечатлением красоты и чистоты жизни и стройности колонии. Скоро он увлекается оркестром и становится его бессменным командиром, мечтая о том, что будет капельмейстером. Поступает на рабфак музыкального института, в конце повести.

116) 1. *Персонаж*. **Джуринская Роза (Р. Красная).**

2. *Главы*, 10, 12, 15.

3. *Положение в фабуле*. Хорошая умная девушка, которая мечтает быть доктором и которой так далеко до мечты.

Только с приездом колонии она начинает верить, что дорога к доктору для нее не закрыта. В последней части она уже на пути к доктору.

117) 1. *Персонаж*. **Дольченко Нина (Н. Ледак).**

2. *Главы*. 8, 9, 12, 18, 20,21.

3. *Положение в фабуле*. Это тип активной комсомолки. Она принимает колонию как неожиданную комсомольскую находку. В колонии

входит в самые первые ряды и во время переезда в коммуну имени Дзержинского остается ССК в колонии. Крепко держит в руках содрогающийся от напряжения коллектив. В конце переходит в коммуну.

118) 1. *Персонаж*. **Дыбинская (Фиш).**

2. *Главы*. 8, 14, 19.

3. *Положение в фабуле*. Инспектор, который все хочет сделать как лучше, но делает все как хуже. Ужасно верит в пользу всяких реорганизаций, пересадок и переназначений.

119) 1. *Персонаж*. **Кубанов Николай Николаевич (Терский).**

2. *Главы*. 8, 9, 12, 13, 15-18, 20, 25.

3. *Положение в фабуле*. Таков, каков он есть. Человек прямого искреннего действия. Не лезьте к ребенку с вашей педагогикой, он сам лучше знает, что ему нужно. Он чудак, и его еще нужно воспитывать, несмотря на все его таланты.

120) 7. *Персонаж*. **Левченко Виктор Иванович (Левшаков).**

2. *Главы*. 14, 17, 20, 22, 25.

3. *Положение в фабуле*. Такой, как он есть. Живое серебро. Он, несмотря на свою моральную инертность, очень благороден, практически приспособлен и остроумен. В нем доказательство того, что в коллективе должны быть прежде всего живые люди.

121) 1. *Персонаж*. **Панов Федор Карпович (Попов).**

2. *Главы*. 12, 14, 17-19, 21, 24.

3. *Положение в фабуле*. Сволочь, петлюровец, подмазывавшийся во все тяжкие, обманувший все на свете, профессор педагогики, первосортный шарлатан, несмотря на свою внешнюю благопристойность.

Представитель «чистого» педагогического жречества, книжный выдумщик, протаскивающий под видом советской педагогики форменную контрреволюцию. У него много от Шульгина.

122) 1. *Персонаж*. **Кошкин Дементий Петрович (Соболь).**

2. *Главы*. 9, 10, 12, 13, 17, 19, 22, 25.

3. *Положение в фабуле*. Ничтожество с юридическим образованием, неудачник, не знающий, собственно говоря, что ему нужно.

Неудачник по принципу и шкурник, сквалыжник. Его нужно выгнать к концу повести, и он должен возиться с профсоюзом и восстанавливаться.

123) 1. *Персонаж*. **Ложкин Борис Мартынович (Збировский).**

2. *Главы*. 9, 10, 12, 13, 15, 17, 20, 25.

3. *Положение в фабуле*. Тоже ничтожество, и такое же злобное, но более бессильное. Тихоня и нытик, боится даже сплетничать, а потихоньку стонет в кулачок. Ленив и туп. Тоже нужно выгнать.

124) 1. *Персонаж*. **Богатырчук Марк Тимофеевич (Довгополюк).**

2. *Главы*. 14, 18, 20, 21.

3. *Положение в фабуле*. Представитель кулацкой педагогики. Умен, хороший хозяин. В колонистах он видит прежде всего батрака. Впрочем, он возится с идеями большого хозяйства и приобретает тракторы, но это выколачивание прибылей и приготовление сильного хозяина, а не коллективиста. Он появляется на горизонте как нечто выставляемое против колонии троцкистами.

125) 1. *Персонаж*. **Ромашкин Петька (Романов).**

2. *Главы*. 12, 15, 17-19, 21.

3. *Положение в фабуле*. Таков, как он есть. Беспризорный с наклонностью к серьезной сатире. Но он еще мал и сильней проявляет себя в коммуне имени Дзержинского.

126) 1. *Персонаж*. **Маликов Ваня (Таликов).**

2. *Главы*. 10, 11, 16, 17, 19, 22, 23.

3. *Положение в фабуле*. Одним из первых переходит на сторону колонии в Куряже и один из первых командиров. Серьезен и незлобив, умен и способен. Потом в нем открывается большая страсть к учебе и дисциплине. Его нужно показать в каком-нибудь особенно подавленном настроении глотами. Нужно показать, как он освежается, освобожденный дисциплиной.

127) 1. *Персонаж*. **Ховрах Спирька (Хрущ).**

2. *Главы*. 8-12, 15, 20, 22, 23.

3. *Положение в фа*буле. Глот во всех отношениях, который пытается глотствовать и по переезде колонии. С ним некоторая борьба, но он скоро уступает силе и начинает болеть. Борьба с его болезнями должна

составить комический элемент романа. В конце концов он работает в корпусе, но коллектив не дает ему постоянных поручений.

128) 1. *Персонаж*. **Перец Павло (Перцовский).**

2. *Главы*. 9-12, 15, 16, 18, 22.

3. *Положение в фабуле*. Тоже глот, но умный и способный, который стал глотом потому, что это было всем можно и потому, что он силен. Он пытается сохранить свою глотскую позицию, только до приезда горьковцев. Увидев колонистов, он сразу принимается за работу и по чести отдается колонии, почти не возвращаясь к протестам. К концу романа он идет уже во главе дзержинцев.

129) 1. *Персонаж*. **Одарюк Тимофей (Боярчук).**

2. *Главы*. 9-11, 16-18, 20, 22, 25.

3. *Положение в фабуле*. Зануженный, залпущенный гений. Рыжий, которого все эксплуатировали и который проявляет себя почти молниеносно. К концу повести он уже шофёр, со всеми видами отличий Боярчука.

130) 1. *Персонаж*. **Ланова Оля (Харламова).**

2. *Главы*. 9, 11, 16, 18, 21, 23.

3. *Положение в фабуле*. Из куряжанок. Такая, как есть. Умная, спокойная, преданная коллективу, мечтает о партии. Высказывается мало, но умно, и ее всегда слушают. Переходит в коммуну.

131) *Персонаж*. **Дубовик (Дидоренко).**

2. *Главы*. 11, 12, 16, 18,21.

3. *Положение в фабуле*. Брат завхоза Дубовика. Настоящий и почти неисправимый вор, которого брат готов расстрелять. Колонисты его спасают и прячут. Оказывается милым человеком и прекрасным организатором. Особенно отличается при организации корпуса, разъезжая по колониям и открывая везде советы командиров. Примиряется с братом.

132) 1. *Персонаж*. **Нарский (Чарский).**

2. *Главы*. 15, 16, 18, 20, 22;

3. *Положение в фабуле*. Такой, какой есть. Первый шофер в коммуне Дзержинского. В колонии постоянный командир сторожевого отряда.

133) 1. *Персонаж*. **Волончук Петр (Дроздюк).**

2 *Главы*. 11 ,19–21.

3. *Положение в фабуле*. Больной и смущенный человек, мечтатель и романтик, хочет быть писателем и уезжает через коммуну на литературный факультет.

134) 1. *Персонаж*. **Оршанов Ваня (Гершанович).**

2. *Главы*. 20.

3. *Положение в фабуле*. Таков, какой есть - история с часами из «ФД—1».

135) 1. *Персонаж*. **Воленко (Ермоленко).**

2. *Главы*. 18-20.

3. *Положение в фабуле*. Таков, каков он есть в «ФД— 1 ».

136) 1. *Персонаж*. **Серафима Иванова (Серафима).**

2. *Главы*. 9, 11, 15, 21.

3. *Положение в фабуле*. Хорошенькая девушка, которой суждена семейная драма и к которой она идет, остановить ее нельзя. Она - большая забота для колонии.

137) 1. *Персонаж*. **Марфа Павловна (М. Пащенко).**

3. *Положение в фабуле*. Рыжая, некрасивая и обозленная в Куряже девушка. Она вдруг успокаивается и мечтает быть доктором. Очень активна, хорошая хозяйка, из коммуны уезжает на рабфак.

138) 1. *Персонаж*. **Нисинов Митька (Анисимов).**

2. *Главы*. 11, 16, 18.

3. *Положение в фабуле*. В Куряже освобожденный от насилия пацан, который один злобно отбивался от насилия Крыса. Потом в коммуне.

139) 1. *Персонаж*. **Строгова Надя (Сторчакова).**

2. *Главы*. 11, 12, 15, 18, 19.

3. *Положение в фабуле*. Находится в Куряже. Грустна, умна, быстро оживает, а сначала недоверчива. Делается большой и серьезной поклонницей коммуны и переходит в коммуну имени Дзержинского как один из первых ее работников - секретарь ЛКСМ.

140) 1. *Персонаж*. **Бирюкова Зина (Белинина).**

2. *Главы*. 11,13, 15.

3. *Положение в фабуле*. Такова, как она есть: запущена в семье, глупо оживлена и легкомысленна. Борьба с нею на протяжении нескольких актов.

Она дочь революционера. Она и крадет, и наряжается, и врет, и совершенно не верит в свою жизнь.

141) 1. *Персонаж*. **Гагулина Катя (Куприянко).**

2. *Главы*. 12, 14, 17, 21.

3. *Положение в фабуле*. Повторяет историю Невечери, попадает в коммуну как проститутка, много приносит коммуне хлопот, и с нею повторяется история с материнством и замужеством. Партнер ее - Приходько.

142) 1. Персонаж. **Дорошенко Лена (Лазарева).**

2. Главы. 13, 14, 17.

3. Положение в фабуле. Характер точный. Балерина. Хорошая добрая душа, капризна совершенно невыносимо. Присылают ее из детского дома за дезорганизацию. Операция ее с уходом из коммуны описана должна быть полностью текстом ее письма, она должна выставляться как замученная девушка. С тем же результатом. Переходит в коммуну имени Дзержинского.

143) 1. *Персонаж*. **Левицкий Алеша (Лева)**[16]**.**

2. *Главы*. 14, 18, 19,23.

3. *Положение в фабуле*. Мальчик из хорошей семьи, который пристал к колонне и которому очень трудно пришлось в колонии. Его родители - партийцы. Он делается настоящим колонистом, не подделываясь под беспризорного. И у родителей, и у него небольшая мнительность, которая вылечивается трудным походом, несмотря на протесты матери.

144) 1. *Персонаж*. **Васька Алексеев (Агеев).**

3. *Положение в фабуле*. Интеллигент, писатель и литератор. Единственный человек в очках.

145) 1. *Персонаж*. **Огнев Олег (Агнивцев).**

3. *Положение в фабуле*. «Длинный Джимми» - прибыл как шаромыжник и авантюрист, но сразу понял, в чем дело, и выплыл.

146) 1. *Персонаж*. **Щербатый Колька (Н. Пащенко).**

2. *Главы*. 14, 17.

3. *Положение в фабуле*. Тяжелый, потому что всем не верит, из куряжан, потом находит свою долю в эсном корнете. Левшаков от него в восторге.

147) 1. *Персонаж*. **Нечаев Федя (Борисов Федя).**

2. *Главы*. 18.

3. *Положение в фабуле*. Способный, милый мальчик, общий любимец. Математик. После приезда горьковцев начинает быстро расти, и, несмотря на свою молодость и рост, делается гордостью коммуны, переходит в коммуну имени Дзержинского.

148) 1. *Персонаж*. **Яблочко Василек (Грушев).**

2. *Главы*. 11, 15, 18.

3. *Положение в фабуле*. Такой же. Приходит уже в Куряж. Дик, вороват, угрюмо добродушен. Ломает мебель. Начинает учиться.

149) 1. *Персонаж*. **Андрюшка Шевцов (Дашевский).**

2. *Главы*. 20.

3. *Положение в фабуле*. Интересен по истории с ограблением сада и исключением из колонии. Я его нахожу и отправляю в коммуну.

150) 1. *Персонаж*. **Томенко Клава (Зайко).**

3. *Положение в фабуле*. Одна из забитых в Куряже. Горбатая, тихая хорошая девушка. Уезжает на рабфак из коммуны имени Дзержинского.

151) 1. *Персонаж*. **Зорин (Зотов).**

3. *Положение в фабуле*. Один из дзержинцев, стремящийся к образованию.

152) 1. *Персонаж*. **Гардинов Севка (Камардинов).**

2. *Главы*. 18, 20.

3. *Положение в фабуле*. Один из куряжских нормальных малышей, - переходит в коммуну, где он составляет пацаний актив.

153) 1. *Персонаж*. **Харченко Онуфрий (Кравченко).**

3. *Положение в фабуле*. Таков, какого есть, человек с хозяйственными наклонностями, но соображает не сразу.

154) 1. *Персонаж*. **Кустов Ванька (Куксов).**

2 *Главы*. 10 - 12, 15, 19, 22.

3. *Положение в фа*буле. Один из куряжских глотов, тип политического хулигана, который и потом причиняет немало забот и по которому хотят судить о политическом настроении колонии. К концу повести он комсомолец, горяч, сознательный, умный человек, не умеющий только быть дипломатом, поэтому срывающий несколько дипломатических позиций колонии (история, подобная Оноприенковской в Гиевке).

155) 1. *Персонаж*. **Ридкий Трофим (Швыцкой).**

2. *Главы*. 17.

3. *Положение в фабуле*. Ленивый, злобненький и дрянной типик, старающийся гадить понемножку и без всякой цели, вырастает в художника с большим трудом.

156) 1. *Персонаж*. **Субботина Наталья Васильевна (Ольга Петровна)**[17]**.**

2. *Главы*. 13, 15,20.

3. *Положение в фабуле*. Такая, как есть, начинает действовать в Куряже. Живая, хорошенькая, но совершенный ребенок: «Не морочьте мне головы».

157) 1. *Персонаж*. **Баранова (Кабанец).**

3. *Положение в фабуле*. Случайный тип, символ безобразия канцелярского отношения к детям.

158) 1. *Персонаж*. **Галя** из шефкома **(Роза)**[18]**.**

2. *Главы*. 13, 15, 18, 21.

3. *Положение в фабуле*. Из шефкома. Черноглазая студентка, неутомимая и голодная. Выходит замуж за Карабанова.

159 1. *Персонаж*. **(Николаенко).**

2 *Главы*. 5.

3. *Положение в фабуле*. Муж Оли Вороновой, умный, культурный, спокойный селянин, хозяйские наклонности которого Оля поворачивает к колхозу.

160) 1. *Персонаж*. **Архипов (Мельник).**

2. *Главы*. 4.

3. *Положение в фабуле*. Мельник.

161) 1. *Персонаж*. **Войтенко** (Машинист).

2. *Главы.* 4.

3. *Положение в фабуле*. Машинист, который все знает, но уголь крадет.

162) 1. *Персонаж*. **Наденька (Тапуце).**

163) 1. *Персонаж*. **Доктор.**

2. *Главы*. 13.

3. *Положение в фабуле*. Доктор неважный, но ему все страшно нравится.

164) 1. *Персонаж*. Еврей таб. фабрики **Левинсон (Клямер).**

2. *Главы*. 14.

3. *Положение в фабуле*. Старик с табачной фабрики. Он видит в колонии здоровое коммунистическое дело. Достает всякие билеты, помогает завхозу, комсомолу и прочее.

165) 1. *Персонаж*. **Остапченко.**

166) 1. *Персонаж*. **Рива (Сара).**

3. *Положение в фабуле*. Подруга Оксаны, упоминается вместе с нею, но серьезнее и более слушается.

167) 1. *Персонаж*. **Платонов (Филимонов).**

2. *Главы*. 21.

3. *Положение в фабуле*. Один из завколониями, который понимает, что нужно организовать работу как-то по-другому, но неохотно бросает свою интеллигентскую позицию.

168) 1. *Персонаж*. **Жена [Довгополюка].**

169) 1. *Персонаж.* **Федоров.**

3. *Положение в фабуле*. Партиец, выдвиженец, завкол, идущий прямо навстречу.

170) 1. *Персонаж*. **Беленкова.**

171) 1. *Персонаж*. **Гайнудинов.**

172) 1. *Персонаж*. **Луценко Вера (Куценко).**

3. *Положение в фабуле*. Одно из самых запущенных существ, которое неспособно к культуре, с трудом приводится в порядок и отправляется на работу в столовую.

173) 1. *Персонаж*. **Галицкий.**

174) 1. *Персонаж*. **Крымский.**

175) 1. *Персонаж*. **Никитенко Семен (Никитин Семен).**

2. *Главы*. 14, 18.

3. *Положение в фабуле*. Упоминается в оркестре и в коммуне.

176) 1. *Персонаж*. **Николай** (Поп в Гончаровке).

3. *Положение в фабуле*. Тип о. Кирилла, дипломат, готовый помочь в общественной работе.

177) 1. *Персонаж.* **Кузьма Иванович** (Староста в Куряже).

2. *Главы.* 9, 10, 12, 15, 22, 24.

3. *Положение в фабуле*. Дед, староста в Куряже. Монастырская сволочь. Зол.

178) 1. *Персонаж*. **Кривенко Петька** (Хулиган в Куряже).

2. *Главы*. 9, 11, 12, 15.

3. *Положение в фабуле*. Открытый хулиган, пьяница, поножовщик, сын кулака, возчик - убийца Марка. Колонию ненавидит за потерю власти.

179) 1. *Персонаж.* **Сватко Кирило** — муж, бьющий жену.

2. *Главы*. 15, 17.

180) 1. *Персонаж*. **Клавдия** (Монастырская проститутка).

2. *Главы.* 11, 12, 15.

3. *Положение в фабуле*. Бывшая монастырская проститутка, член церковного совета.

181) 1. *Персонаж*. **Великий Васька** (Куряжанин).

2. *Главы*. 11, 12, 15;

3. *Положение в фабуле*. Хулиган, прикидывается все время тихим, хитрая, пронырливая бестия, законник и юрист.

182) 1. *Персонаж*. **Сосненко Игнат** (Куряжанин).

2. *Глав*ы. 9, 11, 12, 14-16.

3. *Положение в фабуле*. Парень на селе, переходящий на сторону колонии, его избивают, работает на железной дороге.

183) 1. *Персонаж*. **Заболотный Павло** (Куряжанин).

2. *Главы*. 9, 12,15.

3. *Положение в фабуле*. Молодой хозяин, эксплуатирующий все село, главным образом, на клубнике. В пиджаке, солиден, религиозен, мечтает о возвращении старого.

184) 1. *Персонаж*. **Бабушка**[18].

185) 1. *Персонаж*. **Ш. Чевелий.**

3. *Положений фабуле*. Брат Митьки, новые отпрыски колонии.

186) 1. *Персонаж*. **Фролов Сережка (Ермолович).**

3. *Положение в фабуле*. Тип безнадежно заброшенного ребенка.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма/ Сост. С. С. Невская. – М., 2003, с. 691-712. Работу над этим произведением А. С. Макаренко обозначил годами: 1925-1935 гг. Как своеобразный труд по педагогике оно оформилось в 1928-1929 гг. Завершение работы, в виде художественного произведения, по частям: первая часть – октябрь 1933 г.; вторая – осень 1934 г.; третья – осень 1935 г. Крайняя дата работы над «Типами и прототипами» - лето-осень 1932 г., после написания «ФД-1» (см. упоминание об этом произведении - №№ 134, 135).

1 Объединение трудовых колоний Харьковского округа.

2 Трудовой детский корпус Харьковского округа.

3 Детдома.

4 Сельхозартель.

5 Говорится о военизированной игре.

6 К. И. Сердюк.

7 Дочь Пыховой.

8 Субъект (принебрежительно).

9 Р. Л. Берлин.

10 И. А. Соколянский.

11 Г. С. Салько.

12 Е. А. Бакич.

13 Говорится о стандартизации, пооперационном производственном разделении труда.

14 О. Д. Иваненко.

15 В. А. Весич.

16 Вероятно, Л. М. Салько

17. О. П. Ракович.

18. «Черниговка» в «Педагогической поэме».

19. Т. М. Макаренко, мать А. С. Макаренко.

Записи к второй и третьей частям «Педагогической поэмы», фрагмент к третьей части

Главы:

...Об интеллигентской привычке к великим разговорам и об отвращении к великим делам. Разговоры на диванах и в накуренных

комнатах. Малые дела представляются детскому коллективу. Очень часто они обращаются в употребление «по маленькой». На фоне этих великих разговоров начинаются малые и великие склоки. Крикун и его неудовлетворенность. Великие дела делаются и в Наркомпросах и в особенности в ИНО. В особенности там разбивают на великих полях сражений таких чудовищ, как наказание и вообще дисциплина. А между тем на практике нам чаще приходится иметь дело с уборкой в уборных и с потерянными ключами. Великое разгильдяйство нашей интеллигенции сочетается с обильным разгильдяйством наших воспитанников именно в малых делах.

Это же стремление к великим делам так назойливо заставляло нас выпускать художников, писателей и артистов вместо обыкновенных здоровых людей.

…Детские дома почему только для беспризорных? Почему до сих пор мы делаем ставку на семью? Семья не может воспитывать. Школа не может воспитывать Беспризорное детство искусственно изолируется и поэтому всегда сохраняет свой анархизм. Возможно и совершенно необходимо организовать настоящее коллективное воспитание именно для нормального семейного детства, причем это будет и материально выгодно, и для государства полезно.

..Диктатура сердца. Цитирование Иорданского. Нужно более трезво подходить к вопросу. Нужно считаться с реальным составом нашего воспитательского корпуса. Кроме того, нужно напирать не на отдельную личность педагога, а на работу коллектива педагогов. Нужно рассматривать работу педагога как работу обыкновенного рабочего, главная задача которого подобна задаче рабочего на химическом заводе - передвигать и приближать к ребенку наиболее полезные влияния.

…В трудовом воспитании необходимо дифференцирование самих понятий о труде. Труд сам по себе должен быть признан нейтральным явлением в воспитательном отношении, даже коллективный труд, тем более труд узко ремесленный. Уже коллективная полевая работа более имеет значение. Важен не столько сам труд, сколько хозяйственное усилие в труде, сколько участие коммунаров в хозяйственной стороне производства. Здесь

важнее отношение к заказам, к заказчику, к финансовой и коммерческой стороне труда. Воспитание хозяйствования именно для нас интересно.

…Какой великий разрыв между величием педагогики и теми мизерными практическими формами, в которых эта педагогика выливается в наших детских домах. С одной стороны, воспитание гармонических и прочих личностей, великая педагогика комплекса, великие соображения о свободе человеческой самоорганизации, об общественной работе в школе, с другой, вшивые, напиханные немытыми хулиганчиками детские дома и выталкивание ребят куда попало, в том числе даже и в батраки. Было бы гораздо здоровее иметь более укороченные, но более реальные задания.

…Коммунистическая мораль. До сих пор нет этой коммунистической морали. Разбор разговоров Шульгина[1]. Как раз его ошибка в том, что он не считает частью морали состояние знания и уменья. Именно знание и уменье в наших условиях должно сделаться основным стержнем морали в такой мере, в какой это знание и умение должно сделаться главным основанием для положения человека в производственном процессе. Необходимо только это знание и уменье поставить в такое положение, чтобы все усилия личности были частью общих человеческих усилий в борьбе с природой и с врагами человеческого общества.

Личное должно быть поглощено коллективным только в той мере, поскольку выгодно для коллектива и вследствие этого и для самой личности. Здесь не должно быть никакого утилитаризма, а исключительно коллективное движение. Этим основным принципом должны быть освещены все детали морали.

Это собственно должно иметь отношение к морали в узком значении в отличии от правового воспитания, которое по-прежнему основывается на принуждении со стороны коллектива.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма/ Сост. С. С. Невская. – М., 2003, с. 712-715.

1 Говорится, вероятно, о книге В. Н. Шульгина «О воспитании коммунистической морали» (М., 1928).

Из списков прототипов

Друзья: Канторович, Берлин, Соколянский, Фиш, Галя, Ястржемский, Блат, Письменный, Журавицкий, Пляченко, Арнаутов, Степанов, Миколюк, Зякун.

Враги: Дюшен, Мухина, Тарапата, Попов, Бакич, Духно, Кабанец, Козлова, Виктор[1], Сухарев, Пащенко, Яковлев, Копытин, Мира.

Свои: Наталья Аполлоновна, Ольга Петровна, Галя из шефкома, Чаплян, Николаенко, Грищенко, Оришка, Тапуць, Наденька, Мельник, Машинист, Колесса, Веселова, помещица, Соломон Борисович, доктор, Татаринов, Говоренко, Оксана, Владимир Иванович, Терский, Иван Иванович, еврей с табачной фабрики, Остапченко, Одарюк, Ковпаненко, Рива, Левшаков, Дидоренко.

Чужие: Снарский, попы, Сербиков, Леша Федоров, Збировский, Филимонов, Довгополюк, его жена, Федоров, Дисциплинка, Грицюк, Якушин, Юрченко, поп, поповна, председатель сельсовета, Серафима, Старченко, Романи, Синенько, Оноприенко, Фомичев, Сторчаков, Борискина, Беленин, Куприенко, Лазарева, Синий...

Педагоги: Зайкин, Туткевич, Боровская, Гнариоза, Никифорова, Александр Калиныч, Василий Иванович, Надежда Тимофеевна, Шило, Говорецкая, Куриловская, Гайдамакина, Вера, Катя, Зина Костецкая, Победоносцев, Музыченко, Владимир Иванович, Остапченко, Гаврильченко, Илляшевич, Сугак, Бова, Радивончик, Карапиш, Комарецкий, Комарецкая, Весич, Коваль, Ракович, Елизавета Федоровна, Лина Федоровна, Оксана, Коган, Яровой, Юрченко, Терский, Ольшанский, Пояупаев-Рудич, Полупаева-Рудич, Ковпаненко, Збировский, Соболь, Найда, Компанцев, Депутатова, Орлов, Юлица, Зайка, Кемов, Зимбалевский, Крылов, Дуденко, Данилин, Пугач, Головченко, Шестаков, Кислова, Настя, Любовь Петровна, Зинаида Петровна, Карбаненко, Сосновская, Тарасов, Фитилев, Багрий, Филимонов, Федоров, Дисциплинка, Довгополюк, его жена, Грицюк, Татаринов...

Сферы: **Канторович**, Берлин, **Соколянский, Пащенко, Мухина,** Фиш, Козлова, Бакич, Марков, Зякун, Сухарев. Наталья Атпполоновна, **Дюшен**. Попов, Ястрежемский, Виктор, Костюков, **Фридман**, Невзглядова,

Пружинин, Щепотьев, Голобородько, Немец, Каздобин, Быкоец, Маро, Залужный, Соботович, Зайчик, Тарапата, Ястрежемская, **Блат**, Письменный, кий, Журавицкий, Погребинский, Горький, Пляченко, Фиалковский, Бударин, Мизерницкий, **Астерман**, Горбунов-Посадов, **Бардаков**, Арнаутов, Слабченко, Степанов, Миколюк, Духно, Стрельбицкий, Пивень, Ганенко, Окрплан, Зильберман, Зильберштам, Кабанец, Розовский, Штена, шефком.

А. С. Макаренко Пед. соч., т. 3, с. 490. Источник: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1, лл. 6-20. Ориентировочно датируется: до конца 1931 г. Здесь же наброски частей «Педагогической поэмы», разработка «Узловые события», детализация отдельных глав произведения.

1 См. № 78 «Типов и прототипов: «Тов. Геннадий (Виктор)».

Именной указатель лиц, причастных к педагогической деятельности А. С. Макаренко в 1920-1928 гг.

Учебно-методический материал

Общие положения

Этот учебно-методический материал рассчитан на работу с текстами данной книги. Дополнительные источники указываются в комментариях к авторским материалам А. С. Макаренко, а так же в прилагаемом ниже списке литературы. Обращение к макаренковедческим публикациям 1940 – сер. 70-х гг. не рекомендуется (за редким исключением). Эта литература устарела, может мешать современному пониманию макаренковского наследия.

Изучение работ самого А. С. Макаренко, осмысление его идей и практики в их единстве и развитии, на основе совокупности известных ранее, малоизвестных и выявленных в последние десятилетия его авторских материалов, в свете многих новых, выдвинутых им проблем (не свойственных традиционной и современной педагогике), - таково общее направление работы над этим изданием.

Поэтому на первый план в учебно-методическом материале выдвигается основанная на современных макаренковедческих отечественных и зарубежных исследованиях тематика учебных и исследовательских работ. Они могут выполняться на разных уровнях: реферат, доклад, статья, курсовая работа, дипломная, магистерская и кандидатская диссертации, монографическое исследование. Указанные темы могут объединяться в некоторые новые, более широкие, и подразделяться на более конкретные и детальные.

Очень важно при этом не ограничиваться принятой в современной педагогике проблематикой, смело выходить за пределы используемых ею понятий, идей и решений. Нужно вводить в научный и практический оборот выдвинутые и обоснованные А. С. Макаренко новые проблемы, положения и термины, выявлять и показывать их огромный потенциал в творческом развитии педагогики, школы, общественных явлений и процессов.

Комментарии, помещенные в книге необычно, сразу после каждого из авторских материалов А. С. Макаренко, - это органическая часть данного учебно-методического материала. Комментарии не только вносят необходимые разъяснения и дополнения, но и указывают на работу А. С. Макаренко в том или ином направлении в дальнейшем, в 1929-1939 гг.

1921-1928 годы – деятельность А. С. Макаренко в трудовой колонии им. М. Горького. Его творчество этого периода художественно - поэтически воспроизводится в «Педагогической поэме». Она хорошо отражает глубинную сущность макаренковской трактовки педагогики и воспитания. Поэтому ее прочтение должно стать началом разработки любой из предлагаемых тем.

Для этого могут использоваться ее отельные издания. Но лучше всего - ее публикация в т. 3 Педагогических сочинений А. С. Макаренко (1984 г.). В нем на с. 471-477, в Приложении даются главы и фрагменты, не вошедшие в предшествующие «канонические» издания. С введением их непосредственно в текст произведения «Педагогическая поэма» вышла в 2003 г. (сост. С. С. Невская).

Пользоваться 7-томным изданием макаренковских произведений (1951-1952 и 1957-1958 гг.) и сборниками, составленными на его основе – не рекомендуется.

Разработку предлагаемых тем целесообразно производить по литературе, вышедшей в последние десятилетия, с середины 70-х гг., когда определился качественно новый этап развития макаренковедения (см. данный ниже список литературы).

Ведущее направление практического применения макаренковской концепции педагогики в современных условиях отражено в публикациях, посвященных I-IV Конкурсам им. А. С. Макаренко школ разного типа, широко использующих в педагогических целях хозяйственно-трудовую, производственную деятельность («школ хозяйств», 2003-2006 гг., см. список).

Перспективным в этом отношении является также утверждение в современной педагогической теории и практике идеи «уклада жизни школы» как главного фактора воспитания, в его отличии от обучения (см. список).

Тематика учебных и исследовательских работ

По истории воспитания в трудовой колонии им. М. Горького

Развитие контингента воспитанников, педагогов и обслуживающего персонала (количественные и качественные характеристики), выпуски

Личность А. С. Макаренко как человека, педагога-организатора и руководителя воспитательно-образовательного учреждения

Направления и формы участия органов власти и общественности в деятельности колонии

Портреты сторонников и противников А. С. Макаренко (по его списку «друзей и врагов», «своих и чужих»)

Содержание и результаты дискуссий вокруг деятельности колонии, их проблематика

Становление и развитие хозяйственно-трудовой и учебной деятельности колонии в единстве с управлением ею

Колония и окружающая среда: содержание и характер их связи

Тенденции и факторы развития педагогической системы колонии, препятствия на этом пути

История расширения и углубления опыта колонии в организации трудового детского корпуса Харьковского округа

По теории воспитания

А. С. Макаренко как социальный педагог-реформатор, его участие в преобразовании мира и возвышении человека.

Принципы работы А. С. Макаренко с несовершеннолетними правонарушителями и беспризорными детьми: единство с «нормальными» детьми и специфика

Соотношение теории и практики в педагогической концепции А. С. Макаренко, основные черты его жизненно-ориентированной, воспитательной педагогики

Специфика воспитания, его связь с процессами обучения, развития личности и социализации

Воспитание как педагогически целесообразная организация воспитательно-образовательного учреждения в целом: «параллельное действие»

«Параллельность» деятельности педагогического учреждения и общественно-педагогического развития

Система «перспективных линий» развития общих и индивидуальных черт личности, в сочетании потребностей сегодняшнего и завтрашнего дня

Творчество А. С. Макаренко в столкновении социально-педагогического и педологического, рефлексологического направлений, его критика официальной педагогики

Сущность и средства осуществления макаренковского этико-педагогического принципа «уважения-требования»

«Технологический подход» в воспитании: обоснование и способы реализации, проблема индивидуального развития и творчества

Единство управления педагогическим учреждением и самоуправления в «воспитательном коллективе» воспитательно-образовательного учреждения, проблема дисциплины

Хозяйственно-трудовая деятельность педагогического учреждения – материальная и духовно-нравственная основа воспитания

Сущность, содержание и средства эмоционально-эстетического аспекта жизнедеятельности педагогического учреждения

Воспитатель-учитель в системе деятельности педагогического учреждения как «трудовой общины»

По практики воспитания в трудовой колонии им. М. Горького

А. М. Горький – шеф колонии: характерные особенности шефства, нравственные принципы

Хозяйственная и финансово-экономическая деятельность колонии, ее основные показатели, развитие

Сочетание бюджетного финансирования, общественной помощи и трудового самообеспечения

Комплексная система обучения, подготовка к поступлению на рабфак, начально-профессиональная подготовка

Быт, внутренний распорядок, досуг и отдых, оздоровительная работа

Символы, ритуалы, традиции, «игра-военизация», праздники, походы

Работа воспитателя-учителя по всему педагогическому учреждению и его подразделениям, учет и оплата труда

Инструкторский и технический персонал, его деятельность в связи с обучением и развитием самоуправления

Детские типы, личностные характеристики воспитанников, пути и средства индивидуализации воспитания и обучения

Принципы и способы реализации совместного воспитания мальчиков и девочек, подростков

Возрастная дифференциация и ее развитие в единой и динамичной педагогической системе

Основное направление современного использования наследия А. С. Макаренко в педагогической практике

Макаренковская концепция «школы-хозяйства» в практике сельских школ разного типа

Макаренковская концепция «школы-хозяйства» в городских школах разного типа

«Уклад жизни школы» как главный фактор воспитания

Литература

А. С. Макаренко Педагогические сочинения. В 8-ми тт. – М., Педагогика, 1983-1986. Заключительная статья, Сводный предметно-тематический указатель – в т. 8.

Фролов А. А. Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко (колония им. М. Горького). – Горький, 1976

Кинодокумент о колонии им. М. Горького // Народное образование, 1968, № 2

Становление педагогических взглядов А. С. Макаренко в 20-х годах// Советская педагогика, 1976, № 9

Что такое «параллельное педагогическое действие» // Воспитание школьников, 1984, № 5

А. С. Макаренко и педагогика его времени. – Горький, 1988

А. С. Макаренко: основы педагогической системы. – Горький, 1990

А. С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт/ Отв. ред. А. А. Фролов. – Н. Новгород, 1992

А. С. Макаренко за границей и дома // Свободная мысль, 1993, № 16

Международные макаренковедческие исследования. Макаренко на Востоке и Западе – III/ Под. ред. З. Вайтца и А. А. Фролова. – Н. Новгород, 1995

Воспитательно-трудовая община А. С. Макаренко: основные черты и ценности // Живые педагогические идеи. – Владимир, 1996

Основные понятия педагогической системы А. С. Макаренко // Понятий аппарат педагогики и образования. Вып. 3. – Екатеринбург, 1998

Педагогическая концепция А. С. Макаренко // Открытая школа, 1998, № 4

Освоение наследия А. С. Макаренко: от «школы учебы» к «школе жизни» // Магистр, 1999, № 5

Воспитание в школе: два пути // Образования в современной школе, 2000, № 4

Выбор стратегии воспитания: школа учебы или «школа жизни»? // Альтернативы, 2001, № 1

Педагогика и жизнь: творческий метод А. С. Макаренко // Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. – Екатеринбург, 2001, № 4

Социальное воспитание и наследие А. С. Макаренко // Педагогика, 2002, № 6

Прежде всего – «активное отношение к собственной личности» // Воспитание школьников, 2003, № 5

Пространство и время в воспитании и педагогике // Народное образование, 2003, № 5

А. С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг.). – Н. Новгород, 2006

Козлова Г. Н. Проблема специфики воспитания в отечественном образовании и педагогике XX в. // Философско-исторические основы общего образования в России. Матер. науч. конф. – М., 2002 (в соавт. с А. А. Фроловым)

Наследие А. С. Макаренко в контексте основ отечественной педагогики (учеб.-методич. пособие) / Предисл. А. А. Фролова – С. Петербург, 2004

А. С. Макаренко и корневые проблемы отечественной педагогики XX в. // Школа жизни – школа воспитания / Под. ред. И. П. Башкатова. – Матер. конф. – М., Коломна, 2005

Илалтдинова Е. Ю. Взаимосвязь профессионального обучения и производственной деятельности в педагогических учреждениях А. С. Макаренко // Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной

социально-педагогической деятельности. Матер. 2-х Макаренковских чтений. – Екатеринбург, 2005

Богуславский М. В. Антон Семенович Макаренко // Подвижники и реформаторы российского образования. – М., 2005

Гмурман В. Е. Научное наследие А. С. Макаренко и задачи педагогического образования // Советская педагогика, 1981, № 3

Голованова Н. Ф. Социализация и воспитание // Народное образование, 2005, № 6

Гордин Л. Ю. Диалектика общечеловеческих и социалистических ценностей // А. С. Макаренко сегодня… - Н. Новгород, 1992.

Гриценко Л. И. Личностно-социальная концепция А. С. Макаренко в современной педагогики (сравнительный анализ отечественного и зарубежного макаренковедения). – Волгоград, 1997

Ермолин А. Педагогика развитого тоталитаризма. Триумф и трагедия А. С. Макаренко // Народное образование, 2005, № 2

Зюнкель В (ФРГ) В Эрлангене изучают А. С. Макаренко // Советская педагогика, 1990, № 1

Иванов И. П. Методика коммунарского воспитания. – М., 1990

Кораблева Т. Ф. Знания – сильным, труд – бедным, благоденствие – избранным?.. // Народное образование, 2006, № 6

Красовицкий М. Ю. Непреходящее в педагогическом наследии А. С. Макаренко: взгляд из США // Педагогика, 2001, № 1

Кумарин В. В. Технология А. С. Макаренко и перестройка школы // Взаимодействие педагогического и ученического коллективов. – М., 1990

Кушнир А. М. Пора исправить трагическую ошибку КПСС в воспитании // Народное образование, 2005, № 6

Лихачев Б. Т. Воспитание: необходимость и свобода // Педагогика, 1994, № 2

Малинин В. И. К дискуссии о наследии А. С. Макаренко // Педагогика, 1994, № 2

Морозов В. В. Живая практика жизни. Материалы к биографии С. А. Калабалина // Мир образования, 1987, № 6

Мосолов В. А. Приоритеты воспитания: прошлое и настоящее. – С.Петербург, 1996

Невская С. С. Взаимодействие гражданского и трудового воспитания в педагогике А. С. Макаренко // Народное образование, 2006, № 6

Новиков А. М. Школа и новый класс эксплуататоров // Народное образование, 2004, № 6

Равкин З. И. Творцы и новаторы новой школы, рожденной Октябрем. – М., 1990

Санникова Н. Г. Идеи социального менеджмента в теории и практике А. С. Макаренко // Народное образование, 2006, № 6

Сидельниковский А. П. Проблема отношений в советской педагогике и наследие А. С. Макаренко // Труды кафедры педагогики и психологии Карачаево-Черкесского педагогического института. – Ставрополь, 1971

Слободчиков В. И. Педагогика А. С. Макаренко – социально-педагогическое открытие XX века // Народное образование, 2006, № 6

Слуцкий В. И. «Наша маленькая община…» // Народное образование, 2003, № 7

Соколов Р. В. Участие населения в воспитании детей и подростков по месту жительства. 2-е изд. – М., 1993

Сухомлинский В. А. Идти вперед! // Народное образование, 1989, № 8

Турбовской Я. С. Как слово наше отзовется, или Метод «параллельного действия» // Семья и школа, 1975, № 3

Филонов Г. Н. А. С. Макаренко // Перспективы, Вопросы образования. – ЮНЕСКО, 1984, № 1

Фрезе Л. (ФРГ) Достояние советской и мировой науки // Советская педагогика, 1989, № 4

Хиллиг Г. (ФРГ) Лаборатория и сцена воспитания А. С. Макаренко // Народное образование, 2003, №№ 2, 6

Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 1 / Сост. А. А. Фролов, Ю. Х. Трушина. – Н. Новгород, 2001. Часть 2 / Сост. А. А. Фролов, Ю. Х. Трушина, Г. Н. Козлова (с разделом «А. С. Макаренко»). – Н. Новгород, 2003

Литература о современной практике «школ-хозяйств»

Народное образование, 1998, № 2: статьи Н. Бутенко, С. Рогачевой, С. Морозова

Педагогический вестник, 1998, № 6 (Как школа миллионы заработала)

Народное образование, 1999, № 7-8: авторы М. Алтухова, А. Пустохайлова

Семья, 1999, № 39 (Школьный капиталист)

Народное образование, 2001, № 7: автор Б. Куган

Народное образование, 2002, №№ 4, 5, 7: Положение о ежегодном международном конкурсе им. А. С. Макаренко школ, использующих производительный труд

Селевко Г. К., Селевко А. Г. Социально-воспитательные технологии. – М., 2002 (глава: Трудовое и профессиональное воспитание и образование, с. 72-73, 78-86)

Классный руководитель, 2002, № 1 (о Лесниковской школе Владимирской обл. и школе-интернате с лицейскими классами № 1)

Народное образование, 2002, № 5 (о Городищенской школе Белгородской обл.); № 10 (о Верховской школе № 2 Орловской обл., об ученических производственных бригадах Белогородской обл., школе в с. Серебрянка Новосибирской обл., Шелаевской школе Белгородской обл., Кудиновской школе Калужской обл.)

Педагогика, 2002, № 5 (авторы Е. В. Бондаревская, П. П. Пивненко)

Народное образование, 2003, № 5: материалы I Конкурса им. А. С. Макаренко «школ-хозяйств». Доклады В. И. Слободчикова, В. А. Сластенина, А. А. Фролова, Я. С. Турбовского, А. М. Кушнира, В. Ф. Моргуна, Нгуен Ван Тиня, Э. Меттини и др. Материалы Н. Целищевой (о Городищенской школе), Н. Никопольской (спецшкола-интернат в г. Ногинске)

Народное образование, 2003, № 6: материалы Н. Целищевой (о Почаевской школе Белгородской обл.), И. Бурова и И. Петраковой (Камышинская колония), С. Николаевой (коррекционное ПТУ № 32, г. Хабаровск).

Народное образование, 2003, № 10: А. Черногоров о начавшемся в конце 90-х гг. возрождении ученических сельскохозяйственных бригад

Народное образование, 2004, № 6 – материалы II конкурса им. А. С. Макаренко и Макаренковских чтений: редакц. статья, статьи А. М. Кушнира, А. Б. Вифлеемского, (о проблемах финансово-хозяйственной деятельности школ), репортаж Н. Целищевой, материалы Н. Никольской, (об ученических бригадах Приморского края, Сержантовской школе), Н. Целищевой (Казинская школа Ставропольского края), О. Николаевой (Ивановская агрошкола Белгородской обл.), Т. Абрамцевой (Исаковская школа. Чувашия), С. Морозова (Новосибирская школа, Оренбурье), Г. Фроловой (Назранское профучилище)

Продолжение в № 7: статья Н. Целищевой (о Шалаевской школе Белгородской обл.), С. Морозова (Саринская школа Оренбургской обл.), Н. Ивашкиной (торгово-техническое училище № 12, г. Советск), Т. Жуковой (Бутурлинская школа Владимирской обл.)

Народное образование, 2004, № 8: Ученическим производственным бригадами Ставрополья 50 лет, статья Н. Н. Сотниковой, А. Е. Шабалдаса

Народное образование, 2005, № 3 – Сообщение о III Конкурсе им. А. С. Макаренко и Макаренковских чтениях, их участниках и лауреатах. Корреспонции – в № 6: обзор Н. Целищевой, материалы В. Мирослав (о Кош-Елгинской школе, Башкортостан), С. Морозова (Исаковская школа, Чувашия), Н. Целищевой (спецПТУ «Уральское подворье», г. Пермь), О. Николаевой (Масленниковский образовательный центр Самарской обл.), И. Лашугиной (школа с профильным трудовым обучением, г. Абай, Казахстан), О. Николаевой (детдом «Радуга», г. Миас). Там же – материалы заочного «круглого стола» о содержании и организации производственного труда школьников в современных условиях, публикации руководителей субъектов РФ – В. Бочкарева (Пензенской обл.) и В. Торопова (Республика Коми)

Учительская газета, 18 октября 2005 г. – публикация В. Боченкова, об осуществлении идеи «школы-хозяйства» в Читинской области.

Школа и производство, 2005: № 3 – о средней школе № 22, г. Абакан (продуктивная деятельность школьных мастерских); № 4-6 (УПК-лицей в г. Сибае, Башкортостан)

Народное образование, 2006, № 2 – Положение о V конкурсе им. А. С. Макаренко и Макаренковских чтениях

Народное образование, 2006, № 4: Вифлеемский А. Б. Правовые основы финансово-хозяйственной деятельности школы. Устав муниципального образовательного учреждения – средняя общеобразовательная школа «школа-хозяйство»

Народное образование, 2006, № 6: Шахлисмаилов Р. В школы Татарстана возвращается производственный труд; корреспонденция о IV Конкурсе им А. С. Макаренко и Макаренковских чтениях; материалы А. Зверева (о Ижевской школе № 59), С. Морозова (Переяславская спецшкола закрытого типа), Т. Абрабомовой (Верхоторская школа, Башкортостан), О. Николаевой (Роднодолинская школа, Омской обл.), Н. Ивановой (Бутурлинска школа, Владимирской обл.); И. Зотовой и Н. Целищевой («круглый стол» с руководителями «школ-хозяйств»).

Научно-методическое издание

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания.
Учебная книга по истории, теории и практике воспитания.
Часть 1. Деловые и личные письма, статьи 1921 - 1928 гг.

Составители:
Фролов Анатолий Аркадьевич
Илалтдинова Елена Юрьевна

Редактор
Техн. редактор
Ком. верстка

Сдано в набор Подписано в печать
Формат Печать Бумага
Уч.-изд.л. Усл.печ.л. Тираж Зак.